

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ

И

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО

ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ СОРОК ПЕРВЫЙ
ЧАСТЬ 1

МОСКВА

ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ
с 1765 г.

К 250-летию ВЭО России
Вольное экономическое общество России
Международный Союз экономистов

Научные труды ВЭО России

Ю. Якутин

**ВЕЛИКАЯ РОССИЯ:
ПОТЕНЦИАЛ
И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ**

Раздел 1.

Ревнители России.

Портретная галерея мыслителей ВЭО,
ученых, государственных и общественных
деятелей, предпринимателей

МОСКВА
2015

УДК 330.8
ББК 63.3(2)6-8
Я49

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ
в совместном издании с Международным Союзом экономистов
Том сорок первый. Часть 1
Ю.В. Якутин. Великая Россия: потенциал и стратегия развития.

Якутин Ю.В.

Я49 Великая Россия: потенциал и стратегия развития. Ю.В. Якутин. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2015. — Т. 41. Ч. 1. 792 с.

ISBN 978-5-4319-0061-7 (ч. 1)

ISSN 2072-2060

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Proceedings of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

УДК 330.8

ББК63.3(2)6-8

ISBN 978-5-4319-0061-7 (ч. 1) © Ю.В. Якутин, 2015

ISSN 2072-2060

© Вольное экономическое общество России, 2015

© The Free economic society of Russia, 2015

© Международный Союз экономистов, 2015

© The International Union of economists, 2015

Редакционный совет

- Г.Х. ПОПОВ** Главный редактор, президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- А.Н. АСАУЛ** Директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
- С.Б. БАЙЗАКОВ** Научный руководитель АО «Институт экономических исследований» Министерства экономического развития и торговли Республики Казахстан, д. э. н., профессор (г. Астана, Республика Казахстан)
- С.Д. БОДРУНОВ** Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, директор Института нового индустриального развития, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Л. ВАСА** Заместитель руководителя аппарата Министерства высшего образования Венгрии, д. э. н. (г. Гёдёллё, Венгрия)
- Р.М. ГЕОРГИЕВ** Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д. э. н., профессор (г. София, Болгария)
- С.Ю. ГЛАЗЬЕВ** Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

- Р.С. ГРИНБЕРГ** Вице-президент ВЭО России, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- В.М. ДАВЫДОВ** Член Правления ВЭО России, директор Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- В.В. ИВАНТЕР** Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ** Руководитель издания, первый вице-президент ВЭО России, академик РАН, доктор экономики и менеджмента, к.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- В. В. ОСКОЛЬСКИЙ** Президент Союза экономистов Украины, президент Ассоциации товарной нумерации Украины, академик АЭН Украины, заслуженный экономист Украины, д. э. н., профессор (г. Киев, Украина)
- В.А. РАЕВСКИЙ** Член Президиума ВЭО России, главный ученый секретарь Международной Академии менеджмента, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- М.А. РАТНИКОВА** Координатор-составитель, вице-президент ВЭО России, директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)
- З.А. САМЕДЗАДЕ** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, главный редактор газеты «Экономика», академик Национальной Академии наук Азербайджана, д. э. н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

- Д. СОЛЬДА** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Ассоциации экспортеров и импортеров Аргентины, д. э. н., профессор (г. Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика)
- Д.Е. СОРОКИН** Член Президиума ВЭО России, проректор по научной работе ФГОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- Г.А. ТОСУНЯН** Вице-президент ВЭО России, Президент Ассоциации российских банков, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, д. ю. н., профессор (г. Москва, Россия)
- М.А. ЭСКИНДАРОВ** Вице-президент ВЭО России, ректор ФГОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)
- Ю.В. ЯКУТИН** Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО «Издательский дом «Экономическая газета», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

EDITIONAL BOARD

- G.Kh. POPOV** Editor-in-Chief, President of VEO of Russia, president of the International Union of Economists, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- A.N. ASAUL** Director of the «Institute of economic revival problems», honored Scientist of the Russian Federation, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ, Professor (Saint Petersburg, Russia)
- S.B. BAIZAKOV** Research Advisor at JSC «Institute of Economic Research» at the Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sc. Econ., Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)
- S.D. BODRUNOV** Vice-president of VEO of Russia, president of the Regional St. Petersburg and Leningrad region public organization VEO of Russia, Director of the Institute of the new industrial development, first vice-president of the Union Industrialists and entrepreneurs of St. Petersburg, Dr. Sc. Econ., Professor (Saint Petersburg, Russia)
- Laszlo VASA** Deputy Head of the Cabinet of the Ministry of Higher Education of Hungary (Gödöllő, Hungary)
- R.M. GEORGIEV** Vice-president of the International Union of Economists, Deputy Dean of the Faculty of the Economics and Business Administration of the Sv. Kliment Ohridski University of Sofia, Dr. Sc. Econ., Professor (Sofia, Bulgaria)

- S.Yu. GLAZ'EV** Vice-president of VEO of Russia, advisor to the President of the Russian Federation, academician of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- R.S. GRINBERG** Vice-president of VEO of Russia, director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- V.M. DAVYDOV** Member of the Board of the VEO of Russia, director of the Institute of Latin American of the Russian Academy of Sciences; president of the Association of Researchers of Ibero-American World, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- V.V. IVANTER** Member of the Presidium of VEO of Russia, director of Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- V.N. KRASILNIKOV** Head of edition, First vice-president of VEO of Russia, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics and Management, Cand. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- V.V. OSKOLSKY** President of the Ukraine Union of Economists, president of the Ukraine Association of Commodity Numeration, academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, honored Economist of Ukraine, Dr. Sc. Econ., Professor (Kiev, Ukraine)

- V.A. RAEVSKIY** Member of the Presidium of VEO of Russia, chief Scientific Secretary of the International Academy of Management, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- M.A. RATNIKOVA** Coordinating Compiler, vice-president of VEO of Russia, director of the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)
- Z.A. SAMADZADE** Vice-president of the International Union of Economists, Committee Chairman on Economic Policy of the Milli Mejlis (the Parliament of Azerbaijan), chief editor of the newspaper «Economics», academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Dr. Sc. Econ., Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)
- Daniel SOLDA** Vice-president of the International Union of Economists, president of the Association of Exporters and Importers of Argentina, Dr. Sc. Econ., Professor (Buenos Aires, Republic of Argentina)
- D.E. SOROKIN** Member of the Presidium of VEO of Russia, vice-rector for research of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)
- G.A. TOSUNYAN** Vice-president of VEO of Russia, President of Russian Banks Association, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, honored scientist of the Russian Federation, Dr. Sc. Law, Professor (Moscow, Russia)

M.A. ESKINDAROV Vice-president of VEO of Russia, rector of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», honored scholar of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)

YU.V. YAKUTIN Vice-President of VEO of Russia, chairman of the Board of Directors, scientific director of «Publishing House «Economic Newspaper», honored scientist of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia)

Содержание

Раздел 1.

Ревнители России. Портретная галерея мыслителей ВЭО, ученых, государственных и общественных деятелей, предпринимателей

Протопоп Сильвестр и вечные истины «Домостроя»	14
Кредо «Политики» Ю. Крижанича: во благо тем, кем правят!	42
Иван Посошков: для России и на все времена.....	68
Андрей Шторх: первый русский академик-политэконом	79
Первая полная публикация на русском языке работы А. Шторха «Курс политической экономии...»	120
А.К. Шторх о деньгах и их роли в экономическом обороте	129
Николай Мордвинов: вечная служба Отечеству.....	141
Н.С. Мордвинов: живые традиции беззаветного служения Отчизне.....	163
Принц Ольденбургский: жизнь во благо России	188
Василий Кокорев: пора домой!	242
Константин Кавелин: учитель права и правды	255
Обновление хозяйственного строя по К. Кавелину	306
Дмитрий Менделеев: заветные мысли об экономическом процветании страны	318
Идеи Вольного экономического общества в преобразовательной деятельности Петра Столыпина.....	328
Игорь Сикорский: высокий полет души и мысли	348
Изломанный аршин и неразменный рубль. Коллективный портрет российских предпринимателей	393
Николай Вознесенский: государственный, ученый, гуманист.....	426
Алексей Косыгин: реформаторские начинания	450

Николай Цаголов: созидательный потенциал научного наследия	460
Академик Станислав Шаталин: страсть научного поиска на стыке эпох.....	468
Премьер Валентин Павлов: семь месяцев и вся жизнь	491
Юрий Андропов: методологические подходы к анализу назревших перемен в экономике	532
Степан Ситарян: в начале рыночных преобразований.....	546
Академик Сергей Глазьев: штрихи к портрету ученого и политика	569
Академик Леонид Абалкин: академический взгляд на российскую школу социально-экономической мысли	597
Гавриил Попов: мировоззренческие ориентиры в жизни и научном поиске	647
К 75-летию Г.Х. Попова.....	703
Дмитрий Сорокин: исследователь проблем общенациональных интересов	709
Академик Александр Анчишкин: современное звучание идей ученого	716
Николай Рыжков: ревнитель России	727
Дмитрий Валовой: «После ликвидации политекономии экономика заблудилась в океане спекуляций и афер».....	784

Протопоп Сильвестр и вечные истины «Домостроя»*

*Одна идея «Домостроя», Домо-Строя,
есть уже великая, священная.*

В. Розанов

Российская империя... Великая держава... Не просто получены эти имена. Нужны были страстное желание и неослабевающая воля русских людей, чтобы объединиться из разрозненных княжеств в единое государство. Нужны были беспримерная стойкость и легендарное мужество, чтобы защитить родное Отечество от множества нападавших на него врагов и противников. Нужны были небывалые отвага и удаль, чтобы решиться на освоение трудных северных и сибирских земель. Нужны были удивительные открытость и добросердечие, чтобы бережно, по-братски взять под свою опеку и покровительство уничтожаемые недругами окрестные племена и народы. И нужны были великий труд и завидная твердость духа, чтобы утвердить свою самобытность.

Грандиозен, торжественен, украшен высокого достоинства победами, отмечен героическими свершениями исторический путь великодержавной России. Каждый прожитый ею на этом пути этап, мирная или военная веха, тот или иной социально-экономический период знаменовались и неожиданными вызовами времени и особыми, часто удивительными способностями страны найти на них верные ответы. Несмотря на

* Вступительная статья к книге: Домострой. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2000, 2007, 2008, 2011.

Вопросы влияния «Домостроя», выдающегося произведения второй половины XVI века, на формирование российской школы социально-экономической мысли неизменно становятся предметом обсуждения участников проводимых ВЭО России научно-практических конференций и круглых столов, посвященных истории ее становления и развития.

Речь об этом шла и на крупном столе в ноябре 2002 года по теме «К 350-летию со дня рождения русского экономиста Посошкова И.Т.». Поэтому редакция данной книги сочла необходимым включить в нее историко-аналитическую вступительную статью к этому произведению, неоднократно издававшемуся Издательским домом «Экономическая газета».

случавшиеся порой провалы, ужасные трагедии, Россия продолжала свое поступательное движение, сохраняя и приумножая свое достоинство и мировое значение.

Далеко не все государства могут похвастать тем же. Какие-то из них ослабли и покорились захватчикам. Какие-то распались из-за внутренних неурядиц. Какие-то сохранились, но уже без бывшего авторитета, без бывшего блеска, без бывшей силы и мощи. Россия же, несмотря на выпавшие ей тяжелейшие испытания, все преодолев и все перетерпев, выстояла, выжила и, сохранив свою самобытность, сохранив свою веру, упорно, необгонимо продолжает двигаться вперед к какой-то еще непонятой, неизведанной цели, к какой-то неявной, скрытой еще за контурами будущего вершине, не покорить которую ей нельзя. Куда ж несешься ты, Русь, так, что, косясь, постораниваются и дают тебе дорогу другие народы и государства? — хотел выведать скрытую Богом тайну наш великий русский писатель, но так и не получил ответа...

В бесценной сокровищнице русской литературы есть немало замечательных произведений, и «Домострой», без сомнения, принадлежит к их числу. Но это не только литературное произведение, не только блестящий образец средневековой русской словесности. За ним огромный вклад, внесенный в формирование национальной идеологии, самобытности, русскости, в процесс вызревания русской цивилизации, в процесс ее самовыражения и самопознания. За ним — мощный пласт истории русского православия, духовно питавшего русскую государственность с самых первых ее шагов. Без «Домостроя» все здание русской мировоззренческой мысли будет не полно, не цельно, не гармонично.

Наставления и поучения «Домостроя» вот уже более четырех столетий (!) остаются востребованными, необходимыми для всех слоев российского общества. Красноречивое свидетельство тому — и дошедшие до нас его многочисленные спи-

ски (известно более сорока (!) списков только XVI–XVII вв.), и укоренившиеся в русской речи, взятые из него образные выражения, сравнения, и сохранившиеся житейские правила, проросшие и развившиеся во многих других литературных произведениях.

«Домострой» нельзя понять вне контекста основных задач, стоявших перед страной в годы его создания. И хотя в этой книге нет привычной для того времени летописной хроники, описания происходящих событий, в ней с удивительной точностью отражены настроения, идеи и идеалы новой для Руси эпохи. Эпохи становления единого, общенационального Русского государства. Чтобы стать мощным и независимым, ему нужно было окончательно покончить с удельной раздробленностью, закрепив достигнутые уже успехи в деле объединения разрозненных княжеств.

Устраняя накопившиеся региональные и сословные различия в обычаях и традициях православного вероисповедания, он выравнивал и поднимал по всей Руси планку повседневного бытия русских людей до высоких идеалов христианской праведности, закладывал прочную основу духовного единения нации, понимания ею своей целостности и неразрывности, своей предназначенности к какой-то высокой миссии.

Как христианам верить в святую Троицу и Пречистую Богородицу; как причащаться таинствам Божиим и верить в воскресение из мертвых; как всею душою возлюбить Господа и ближнего своего; как почитать отцов своих духовных и повиноваться им во всем; как мужу с женою и с домочадцами дома у себя молиться Богу... — вычитав в «Домострое» ясные и понятные каждому ответы на все эти вопросы, русские люди по всей стране, во всех ее пределах, в каждом ее большом и малом доме могли жить и работать по единому нравственному кодексу, по единым канонам православного благочестия.

Высокие нравственные основы «Домостроя», его ценностные ориентиры помогают подобрать ключи к раскрытию одной исторической тайны, к верному прочтению одной из загадочных страниц средневековой русской истории, к разгадке смысла одной старой формулы: «Москва — третий Рим», приравнивающей Москву (Русь) к третьему царству, пришедшему на смену Римской империи и Византии. Рожденная в кельях русских монастырей (ее приписывают монаху Филофею), формула эта была навеяна толкованиями пророком Даниилом сына царя Навуходоносора о четырех сменяющих друг друга царствах, последнее из которых будет царством Антихриста. Судьба человечества по ней представлялась историей трех мировых царств. Когда третье царство погибнет, тогда и конец мира наступит. Два царства уже пали. Пал Рим ветхий за утерю веры и пал Рим новый — Константинополь, согласившийся в 1439 г. на позорное подчинение Православной Церкви Римско-католической — за утерю благочестия. Осталась Москва — третий Рим, третье царство. Одна она теперь была защитой и оплотом Православию. Но у Москвы уже не могло быть наследников, ибо четвертого царства не могло быть. Не уберегла бы Москва праведности — и погибнул бы мир!

«Москва — третий Рим» — идея, безусловно, очень красивая и привлекательная. Соблазняя некоей мистической исключительностью, она тешит национальное самолюбие. Но вот что удивительно! Русские цари так и не взяли ее на вооружение, как ни поощрял их на это Запад, в интересах которого было втравить Россию в борьбу с Турцией за византийское наследство. Она, эта формула, так и осталась достоянием лишь церковной истории.

Но что смутило здесь государей московских? Разве сомневались они в мировом предназначении Православия? И не от Византии ли крестилась Русь? Не ее ли она прямая духовная наследница? Все так! Все правильно! За исключением одно-

го — мирового царства. Мирового — не в смысле духовного центра мира, а в смысле владычества земного.

Его не могли принять и не приняли на Руси. И не потому, что сил не хватало. Сила — вещь наживная. Не приняли потому, что никак «мировое владычество» не укладывалось ни в душу, ни в разум государей московских. Они хорошо помнили, чем закончились потуги на мировую империю Рима первого и Рима второго. И не желали такой судьбы «Риму третьему». Уверены были, что не мировой гегемонией будет сильна Русь, а верой Православной, которую надлежало хранить и беречь. Ибо ею одной утверждается величие и святость России. Не за Рим, не за «третье царство» ратовали московские государи, но за матушку Русь, за Русь Святую. И здесь более значимой им представлялась работа внутренняя, нежели военные походы, пусть и крестовые.

Необходимую крепость и устойчивость Московского государства могли обеспечить лишь духовное единство нации, симфония государства, Церкви и общества. Падение Византии русские люди как раз и связывали с тем, что ее величие, ее сила были подорваны духовной смутой, вызванной предательскими действиями властей.

Итак, возвращаясь к тайне. Не выстраивала Русь третьего мирового царства, не собиралась становиться империей, насаждающей Православие. Все это от недоброжелателей, завистников и лукавого. Соответственно и упреки в адрес России о ее скрытых имперских амбициях в лучшем случае — недоразумение, в худшем — злобная клевета, прикрывающая очевидную политическую корысть. К действительной истории России, к духу формулы «Москва — третий Рим» все это не имеет никакого отношения. Из концепции «третьего Рима» Русь взяла для себя не какие-то наполеоновские планы, но нечто более важное — идею сбережения веры, идею внутреннего единения, идею служения Господу, а не плоти, идею устроения

жизни на земле по законам правды и справедливости. Но вот что тоже кажется необъяснимым. Не собиралась Россия становиться империей, не было у нее глобальных замыслов, но ведь стала и самой большой страной в мире, и мировой державой. Может, по той самой причине и стала, что не собиралась, что только внутренне сосредотачивалась? Неисповедимы пути Господни...

Вернемся вновь к «Домострою» — самой мирной, самой антиимперской книге, могущей послужить и доказательством, и прекрасной иллюстрацией ко многим из прозвучавших мыслей. Кто его автор? Кому оказался под силу столь значительный труд? Кто отважился взяться за современников, чтобы по-отечески поучить их уму-разуму? Все эти вопросы возникли уже в середине XIX в., сразу после того, как была опубликована одна из сохранившихся рукописей «Домостроя». Ответить на них было несложно. В ряде списков «Домостроя» содержится наставление священника Сильвестра к сыну своему Анфиму, называемое иногда «малым Домостроем», из чего вполне логично выводится, что Сильвестр и есть автор разбираемой книги, хотя с этой точкой зрения и не все согласны.

Что же известно о нем? Многие полагают его выходцем из зажиточной торгово-промышленной среды Великого Новгорода. Умный, образованный, смекалистый и энергичный Сильвестр был близок к новгородскому архиепископу Макарию. Неудивительно, что после избрания в 1542 году Макария Московским митрополитом Сильвестр также оказывается в Москве. В 1545 году он становится протопопом Благовещенского собора в Кремле — второго на Руси по значению после Успенского собора.

Две деятельные, активные натуры — царь и протопоп — не могли не встретиться. Вспоминают в связи с этим 1547 год, когда в Москве в очередной раз случился сильный пожар. Семнадцатилетний Иоанн со страхом и растерянностью смо-

трел с Воробьевых гор на охваченный зловещим огнем город. В этот момент и обратился к нему Сильвестр с гневными словами. Указуя на бушующий огонь, он назвал его карой небесной, тяжкой расплатой за многие грехи, призвал молодого государя к покаянию и исправлению, к твердому исполнению царского долга.

Его речь и сам облик — излучающие негодование глаза, развивающиеся на ветру волосы, озаренное языками пламени аскетичное лицо — произвели на царя неизгладимое впечатление. Он не только не прогневался, но и приблизил Сильвестра к себе, доверился ему как своему духовнику и советнику, ввел в состав Избранной рады — тогдашнего негласного правительства. В течение 12 лет она фактически управляла страной, и этот период царствования Ивана IV — с 1549 по 1560 год — считается самым благодатным для Руси временем его правления.

Сильвестр в течение довольно долгого времени входил в ближайшее окружение государя, и удивления и уважения заслуживает уже сам этот факт. Удержаться рядом со вспыльчивым, порою мстительно подозрительным царем было трудно. Но и отдалиться от власти, уйти от интриг, зависти и оговоров Сильвестр не мог. Слишком важными и значимыми для страны казались ему дела, которыми он теперь занимался.

В проводившемся в то время государственном переустройстве Сильвестр оказался крайне полезен и нужен. Даже заклятые недруги признавали его прозорливость и несомненный талант. Но нужно отметить и вещь удивительную. Выходец из Великого Новгорода — этой колыбели русской демократии с ее буйной вольницей, призывным вечевым колоколом, шумными городскими собраниями, выборами и изгнанием не оправдавших доверия князей — Сильвестр почему-то почти всегда брал сторону Москвы, поддерживая царя-самодерж-

ца, лишившего русские княжества многих привычных прав и свобод.

Почему? Не потому ли, что одним из первых он сумел понять историческую значимость самодержавия для судьбы страны. В том числе и для родного ему Великого Новгорода, от которого, может быть, и камня на камне не осталось бы, окажись он вне пределов единого русского государства. В этом, кстати, заключается и один из уроков: нельзя говорить о свободе вообще и формах правления безотносительно к уровню развития страны, к стоящим перед ней задачам. Форма власти, обеспечивающая выживаемость государства зависит от многих условий, и внешних, и внутренних, ее нельзя абсолютизировать.

Что же заставило Сильвестра, уже добившегося высокого властного положения, крайне обремененного государственными и церковными обязанностями, взяться за подготовку «Домостроя»? Что хотел сказать этой книгой, в чем видел ее нужность, какие задачи ставил, какие мысли хотел внушить своим читателям Благовещенский протопоп? На эти вопросы сегодня можно ответить только предположительно. Но несомненно одно: содержание задуманной книги представлялось Сильвестру настолько важным, что донести его он захотел до как можно большего числа русских людей.

Несомненно, он хорошо понимал, что невозможно переустроить государство без переустройства жизни в каждом из русских подворий. Жизнь русских людей, по Сильвестру, должна была строиться не по расчету, не на холодном рассудке и не на материальном достатке. Все это временно, преходяще. Во всем этом нет души, заповеданного, Божеского. Только в вере и чистоте духовной, полагал он, открывается человеку дорога к праведности, только в любви к Господу, ближним обретается им смысл жизни.

В этом, по всей видимости, и заключается главный смысл «Домостроя». «Русь Святая, храни веру православную, в ней

же тебе утверждение!» — провозглашают в российских храмах. Вот он — лейтмотив «Домостроя».

До появления «Домостроя» на Руси уже имелись различные сочинения подобного рода. Вспомним о Поучениях великих князей, знатных бояр своим сыновьям и близким. Существовали и широко использовались в быту всякого рода Хозяйственные наставления, особенно любимые в Великом Новгороде. Еще были в ходу разные Чины — правила поведения для особо торжественных событий, при отправлении тех или иных обрядов. Стоит, видимо, согласиться с существующим мнением, что весь этот уже имевшийся накопленный материал был Сильвестром собран, переработан, отредактирован и сведен в новый труд с продуманной в деталях структурой, с образным, красивым, живым языком, доступным не имеющему достаточного образования читателю, с добавлениями, нужными для целостности произведения, с великолепным названием. Как ловко оно составилось! Как серьезно звучит! И как удачно передает содержание книги! Не сам ли Сильвестр придумал его? Если сам, то уже по одной этой причине нельзя сводить его работу только к редакторской. По замыслу, по строю книги, по языку, по названию «Домострой», без сомнений, — авторский труд, хотя и покоится на многовековом опыте русской цивилизации.

Загадочна, непостижима, непредсказуема русская душа. И язык русский такой же. Многие в нем вопреки правилам, законам и логике. Ну как, например, объяснить, что слова «сам» и «лёт» (от глагола «летать»), имеющие много-премного самостоятельных значений, объединившись, чтобы «родить дитя», полное богатых родительских черт, дают всего лишь «самолет», в котором, как ни крути, всего один-единственный смысл — сам летит. Это хотя бы и ковер, хотя бы и детская игрушка, а все равно — самолет. И точка. И со многими другими сложными русскими словами, с тем же, к примеру, пузатым

«самоваром», или строгим «законоположением», или изящной «дарохранительницей», — та же картина... Гасятся что ли в новом слове все остальные исходные, родовые значения образующих его слов, или взаимоуничтожаются, стираются при их слиянии?

А что же «домострой»? Здесь все иначе, хотя порядок соединения слов тот же и слова те же незатейливо простые, понятные в любом разговоре. Если речь пойдет о «строе», сразу ведь ясно, когда это ровный как струна строй отважных солдат, когда это та или иная система общественного бытия (первобытно-общинный строй, феодальный или советский), или когда это красивое, ладное сочетание чего-либо, согласное соотношение, скажем, нот и тонов в музыке. Про «дом» и говорить не приходится. Все и всегда поймут, где тут уютное семейное гнездышко, а где — коммунальная квартира или отдельно стоящее здание; где поколения одной какой-то фамилии (дом Рюриковичей, дом Романовых), а где дом культуры или дом быта; где какое-то предприятие (торговый дом, издательский дом), а где спасительные дома из памятных игр детства, из «пятнашек», «колдунчиков», «догонялок» — нарисованные на земле круги, куда прибежал и уже не боишься, что поймают, «засалят», «запятнают»...

А что же у «домо-строя»? Здесь объединение «дома» и «строя» образует такое слово, в котором все оттенки, все нюансы составных его частей в противовес общему правилу не отброшены в сторону, не проигнорированы, а бережно и в полном объеме унаследованы. Более того, все взятое от «родителей» в образованном от них слове неожиданно расцвечивается новыми красками, существенно обогащается, приумножается. Домо-строй! Какой многогранный, многослойный тут смысл! Как все тут добротно, ладно, емко и содержательно! Как по-русски многозначительно и многозначимо!..

Иные «правильные» в классово-идеологическом смысле «интерпретаторы» истории, толкуя «Домострой» как руководство по домоуправлению, домохозяйствованию, вполне осознанно низводили его до рядового пособия по русскому домоводству. Чуть ли не до «поваренной книги», несколько расширенной, правда (врать, мол, не будем), статьями о традициях и обычаях не шибко любимого ими народного быта. Загнав «Домострой» в тесные, уродующие его рамки примитивного набора практических советов, разных хозяйственных хитростей, они тем самым пытались скрыть, исказить его дух, его главную идею, которая настолько важна, что философ Розанов называет ее не только великой, но и священной.

«Дом вести — не лапти плести», утверждает народная мудрость. И действительно так. Домом управлять не просто. Особенно домом русским. Здесь под одной крышей часто жили сразу несколько поколений. Здесь заботы и тяготы нужно было распределять между многочисленными членами семьи. Здесь их взаимоотношения нужно было строить не столько по кодексу семейной иерархии, сколько по столетиями выверенным и понятным домочадцам законам православного общежития. Здесь благоденствия нужно было добиваться не столько диктатом старшего, сколько любовью и уважением, всеобщим согласием, миром, душевным ладом.

Согласие в доме зависит, конечно, от полноты закровов. Но зависимость эта далеко не прямая. Это хорошо понимали наши предки, завещавшие, что для благополучия дома нужно прежде всего хранить в душе каждого его обитателя храм веры православной, тот самый личный храм, который выстраивается постом и ежедневной молитвой, деятельным покаянием и очищающей исповедью, милостивым прощением и неиссякаемым милосердием.

Храм в Православии — будь то сельская церквушка или златоглавый столичный собор, будь то величественный мо-

настырь на взгорье или затерявшаяся в лесу скромная часовенка — это зримый, земной дом Господа. Так и храм в душе человека — дом Божий. Как святость церковей хранится крепостью веры священнослужителей и прихожан, так и святость храма душевного крепится праведной жизнью.

Построй в душе свой дом Божий! Храм веры истинной! Зажги в нем свечу любви к Спасителю, к созданному им миру, к родным, близким и ближним. И с этой верой, с этим огнем верши все дела земные. Вот о чем «Домострой»! Вот чему он учит с первых же глав! Вот чем он и отличается от похожих вроде бы зарубежных книг с близким названием.

Наш духовный храм, как и жилой наш дом, нуждается в поддержке, заботе, обережении. Лучшее обережение духовного храма — жить и трудиться по совести. Когда сам живешь честно, тогда имеешь право требовать этого и от других. Но требовать вовсе не так, как приписывают «Домострою» его хулители — не побоями, не плетьюми, а побуждая близких следовать собственному примеру.

Человек живет на Земле не в одиночестве. Есть семья, есть соседи, друзья. Есть власть, государство, Отечество. Невозможно жить в согласии с собой, с Богом, когда у соседей несчастье, когда Отечество твое в нужде и опасности. Есть твой малый дом, а есть и большой — Отчизна! И для нее есть правила домостроения. Стремись к благоукрашению окружающего тебя мира, строй на Земле подобие Царства Небесного — земное предцарствие, помогай твоему государю, власти, соседям, которые, случись что, помогут и тебе, и все вместе вы сохраните Отечество и веру Православную. В «Домострое» эта мысль проводится очень ясно.

На интеллектуальном горизонте Руси XVI века «Домострой» увидишь издали. Но верно оценить грандиозность его литературных и духовно-нравственных вершин позво-

ляют лишь соседствующие с ним другие памятники русской исторической и мировоззренческой мысли.

«Домострой» возник отнюдь не случайно, по чьей-то, пусть даже и не мимолетной прихоти. Он разрабатывался «в комплекте» с другими, весьма важными для молодого Московского царства литературными документами, появившимися почти одновременно, — «Великими Минеями Четьями», «Стоглавом», «Степенной книгой царского родословия», «Летописным лицевым сводом»... «Домострой» никак нельзя «вырвать» из их целостного ряда, изучать и рассматривать изолированно от них, от их общей направленности, от их общей целевой установки — обосновать с исторической, религиозной и нравственной точек зрения бесспорную необходимость единения русских земель вокруг Москвы, самодержавия Московского государя и укрепления Православия как духовной опоры русского государства.

Столь важные для Руси идеи создатели всех этих произведений, объединившиеся вокруг митрополита Макария, старались сделать доступными, понятными и привлекательными не только для знати, правящей элиты, церковных иерархов, но и для рядовых жителей городов и сельских поселений. Отсюда их разная адресность, разный стиль изложения — то сугубо официальный, то, как в «Домострое», максимально приближенный к обиходной речи.

Первым среди названных произведений, заглавным, следует, видимо, признать «Великие Минеи Четьи». Это своего рода многотомный свод в 27 тыс. страниц практически всех видов книг, «чтомых на Руси». Сюда вошли и Священное Писание с толкованиями, и жития святых, многие из которых были написаны специально для «Миней», и приуроченные к дням их памяти поучения, и церковные уставы, и сочинения «отцов церкви», и полемическая литература, и даже популярные светские сборники, такие как «Пчела» и «Золотая цепь». Весь

этот огромный материал был разбит по месяцам (отсюда название — Минеи, от греческого мине — месяц) и внутри каждого месяца — по дням.

«Минеи» были одной из любимых книг русского народа. Связывая в единый круг ежедневное храмовое служение со Священным Писанием и подходящими для индивидуального чтения материалами на каждый день года, знакомя русских людей с образцами духовной жизни, они поднимали Православие до уровня общегосударственной идеологии. Жизнь государства, жизнь русской Церкви, духовная жизнь каждой семьи стала выстраиваться по общим для страны нравственным ориентирам. Существенно и то, что идеалами христианской добродетели теперь становились общие для всех русских земель святые. В их круг из местночтимых святых отобрали лишь тех, кто имел наибольшие заслуги, кто с полным правом мог быть почитаем повсюду в стране. Сегодня покажется невероятным, но до «Миней» даже великий молитвенник и чудотворец Сергей Радонежский не входил в сонм общерусских святых.

К «Великим Минеям Четьям» примыкает в чем-то «Стоглав» — действительно стоглавый сборник постановлений церковного собора 1551 года. Содержание его хорошо передают слова, выделенные в качестве заглавия к первой главе: «Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах». Проблемы, рассмотренные на соборе, касались внутреннего устройства Церкви, ее отношений с властью, церковного управления и суда, борьбы с языческими традициями и обрядами, поведения духовных лиц и монахов, регулирования семейных отношений.

«Стоглав» устанавливал единые нормы и правила не только для церковной жизни, церковного землевладения и церковного суда, но и для жизни мирян, и для отношений Церкви и государственной власти, т. е. в целом был направлен на достижение

того, что «Домострой» называет правдой и справедливостью на земле.

Идея союза Церкви и царской власти отчетливо прослеживается и в «Степенной книге» («Книга степенная царского родословия») — родословной хронике великих князей — от Владимира Святославовича до царя Ивана IV. Повествование в ней ведется не по годам, как принято в летописях, а делится на 17 «степеней», по числу поколений великих князей. Центральное место в каждой «степени» отводится биографии князей, но в них же содержится и описание жизни митрополитов и русских святых, подвизавшихся в соответствующее время.

В «Степенную книгу» вошли фрагменты «Миней», те, в которых говорится о князьях, причисленных к лику святых, но прежние тексты здесь не повторяются. В них что-то изымается, что-то расширяется и добавляется в соответствии с общей направленностью книги. Если в «Минеях» главное — показать силу и чистоту Православия, то в «Степенной книге» — обосновать божественное предназначение власти великих князей, их богоугодное стремление к единению Руси, доказать необходимость и важность согласной деятельности великого князя и главы Церкви.

С созданием «Степенной книги» общие формулы «Домостроя» о том, «как царя или князя чтить и во всем им повиноваться и всякой власти покоряться, и правдой служить им во всем», «как почитать архиереев», наполнились вполне конкретным, реальным содержанием. Московские цари и московские митрополиты — вот адреса «власти от Бога», которой православному христианину служить положено верно и по правде, с почтением и повиновением.

И наконец, вспомним о составленном в царствование Ивана IV обширнейшем общерусском «Лицевом летописном своде», состоящем из 10 томов и украшенном 16 тыс. миниатюр! Работа над ним продолжалась более двадцати лет. Все старые

русские летописи не только были объединены составителями в одну, но и существенно отредактированы. Новая летопись охватывала период от сотворения мира до 1567 года и представляла историю русского государства как историю державы, судьба которой тесно связана с судьбой всего человечества. О Царе Иоанне Васильевиче в ней говорилось не только как о преемнике великих русских князей, но и как о прямом потомке римских и византийских императоров.

Даже такое краткое представление появившихся в середине XVI века произведений характеризует их как неразрывный ряд стоящих на общей идейной платформе литературных и государственных документов, призванных духовно цементировать государство, сплавляющих его население едиными политическими, религиозными, нравственными принципами. Те же цели преследовал и «Домострой», только идеи поддержки самодержавного царя, единства государства и величия Православия были доведены в нем до уровня семьи и домашнего хозяйства. В формулу русской государственности, в которой доминировали Православие и Самодержавие, он добавил еще одно важное звено — Народность!

Не случайно в содержании «Домостроя» можно выделить три взаимоувязанных блока: о служении царю и Отечеству, о важности соблюдения церковных правил и заповедей и об устройении повседневной жизни русского народа с ее традициями и обычаями, с ее нравственными ориентирами. Если взглянуть на «Домострой» чуть более внимательно, чем это обычно делается, то можно увидеть в нем и некую шкалу ценностей. Оказывается, что после почитания Господа на первое место он ставит попечение об общих делах и заботах — общегосударственных, общецерковных, общенациональных.

Вроде бы начинать надо с личного, с сокровенного. Но первенство общих дел — это и есть коренная особенность русского человека, особая его черта, выработанная веками.

Противостоять суровой природе, разбойным набегам, строить крепости, города, храмы можно было лишь сообща, всем миром. От того, насколько ты включался в общую работу, в общую борьбу с жестоким врагом, зависела не только жизнь твоя и детей, но и жизнь всей нации. Естественно, что чем сильнее было государство, тем достойнее оно выполняло свою главную функцию: охрану жизни русских людей.

В целом в общественных взаимоотношениях «Домострой» выстраивает строгую иерархию: Господь Бог — в душе и на небесах, самодержавный царь — в государстве и отец семейства, поддерживающий порядок в доме. Все в этой иерархии пронизано единым духом Православия, духом любви и заботы о ближнем. Каждый заботится о зависимых от него людях и отчитывается о своих делах: царь — перед Богом, человек — перед царем и Господом Богом. Покривить душой, обмануть кого-то, слукавить, не помочь, не выручить, нарушить закон или заповедь — значило бы нарушить общий строй жизни, и избежать всего этого старались не из страха наказания, а из страха Господня, из страха потерять душу...

По «Домострою» не может человек жить один. Он может жить только в обществе и служа обществу. В этом смысле «Домострой», возможно, более общественная книга, чем «Капитал», а его автора, пожалуй, стоило бы признать гораздо большим социалистом, чем всех основоположников марксизма. Вот только в отличие от них вместо трудовой теории стоимости он развивает теорию трудовой основы богатства как единственно допустимой. На нее почти совсем не обращают внимания исследователи, а в «Домострое» она занимает весьма важное место. «А если что сотворил несправедно, или приврал и выклянчил, или выторговал обманом, — учит его автор, — не благословенны подобные доходы, и для себя ненадежны, и милостыня с них неугодна Богу. От праведных же трудов и от честных доходов и себе надежно, и Богу достойно

в дар принести». Как видим, «Домострой» нацеливает людей жить только «благословенными доходами и праведными трудами», чтобы ничего не входило бы в их дом «ни насилием, ни грабежом, ни воровством, ни судом неправедным», — не лишнее предупреждение и современным нуворишам.

Нередко можно слышать, что «Домострой» адресован к зажиточному горожанину, вовлеченному в торгово-денежные отношения, к богатому боярину. Это не так. «Домострой» обращен не к богачу, не к торговцу, а ко «всякому человеку: богатому и бедному, большому и малому», независимо от того, послал ли ему Бог подворье свое, или деревеньку, или лавочку, или амбар, или простой огородик. Об этом прямо говорится во многих его главах: «Каждому христианину следует знать, как по-божески жить в православной вере», «Как всякому человеку рукодельничать»...

Так уж получилось, но мимо «Домостроя» не прошла ни одна из российских общественно-политических бурь. Каждая из них оставляла на нем свои зарубки и заметы. В XIX веке «прогрессивные» критики из демократического западнического лагеря увидели в нем чуть ли не истоки «темного царства», так талантливо изображенного в пьесах А. Островского. Слово «домострой» превратилось у них по сути в синоним крайне консервативного жизненного уклада, домашнего деспотизма и даже религиозного фанатизма, о которых можно было лишь сожалеть: глухая, ветхая старина все никак, мол, постыдная, не выветрится...

«Западники» искренне и справедливо во многом ненавидели окружающий мир с его крепостническими порядками. «Кричащих» негативных примеров в XIX веке хватало в избытке. Но крайне несправедливо было переносить эту ненависть на произведение, написанное три века назад в совершенно других исторических условиях, обвинять его в тысяче всяких грехов: в отсталости, в ограниченности, в насаждении

строжайше регламентированной религиозной обрядности, в беззастенчивом воспевании христианских (о ужас!) догм, в раболепстве перед государством, Церковью, вековыми традициями и обычаями... Вообще, справедливо ли обвинять даже самую вредную книгу в том, что мир плох? Что же касается обычаев и традиций, то и с ними никак не следовало начинать борьбу. Тут нельзя не согласиться с В. Ключевским: «Отними у современного человека... скарб обрядов, обычаев, всяких условностей — и он растеряется, утратит все свое житейское умение...»

Негативные клише и штампы, весьма распространенные в дореволюционной России, были подхвачены отдельными исследователями и в советское время, когда русская история, многие ее сложные перипетии подводились под простенькую схему борьбы классов. Здесь к уже прозвучавшим обвинениям добавилось и нечто новое: и к спайке-то общественной разрозненные хозяйства «Домострой» не ведет, и к борьбе с устоями не призывает, хитро скрывая эксплуататорскую сущность «свирепой системы» крепостничества за «елейной внешностью православия»... Естественно, и фигура рачительного хозяина не могла не обратиться у таких исследователей в фигуру кулака-миroeда, эксплуататора, которую якобы и воспевают «Домострой». Прогрессивное значение этой книги они увидели лишь в том, что в ней отражены процессы проникновения торговых отношений в натуральное хозяйство средневековой Руси.

К сожалению, устоявшиеся негативные стереотипы и шаблоны искаженного восприятия «Домостроя» до сих пор распространены как среди специалистов, так и среди тех, кто даже и не читал этой книги. Попытки по-новому взглянуть на «Домострой» хотя и встречаются, но надо признать, что они все еще робки, половинчаты, все еще с какой-то оглядкой назад, на в другое время и при других обстоятельствах сказанное...

Анализ огромного числа исследовательских работ и высказываний о «Домострое» позволяет выделить два совершенно разных представления о его значении. Во-первых, есть при многих расхождениях все же общее понимание «Домостроя» как выдающегося литературного явления XVI века. И, во-вторых, есть широко распространенная «домостроевщина», абсолютно искажающая его смысл. Кстати, такое нередко встречается в общественных оценках. То же самое можно наблюдать, например, в оценках образа Чапаева. Есть красный командир Чапаев и есть «чапаевщина», основанная не на реальных событиях, а на анекдотах и осмеянии всего героического в годы гражданской войны.

«Домострой» из-за непонимания реалий прошлого все еще не освободился от надуманных ярлыков. До сих пор можно услышать, к примеру, что «Домострой» восхваляет семейную тиранию. Но полистайте страницы этой книги и увидите в ней лишь стремление к правде и справедливости. Да, наказание упоминается в нем, но только как инструмент воспитания, к которому следовало прибегать лишь тогда, когда все прочие способы были исчерпаны! Но даже и в этом случае вначале требовалось поувещевать виновного, и если уж подобные увещевания бы не помогли, тогда и наказывать, но так, чтобы другие не видели, чтобы это не было унижительно. А наказав, следовало и успокоить, и пожалеть, и приласкать! Можно ли назвать все это тиранией? Да еще и вспомнив, что речь-то идет не о сегодняшнем времени, а о допетровской Руси?

Утверждают, что «Домострой» проповедует мелочное скопидомство. Но такое утверждение говорит не просто о неуважении к этому историческому документу, но и о полнейшей невежественности. Даже и сегодня в России во многих ее заброшенных деревушках, неперспективных поселках и небольших городах, чтобы не замерзнуть зимой, чтобы быть сытым, одетым, нужно загодя все приготовить и впрок... А что уж

говорить про XVI век, когда сразу за околицей — глушь, леса и болота. Куда тут в этакое-то бездорожье поедешь за ниткой, иглкой, другой безделицей? А ведь не обойдешься без них! Вот и будешь беречь всякую мелочь, каждый лоскуток. Но, заметьте, автор «Домостроя» не Плюшкин, он не делает из этого фетиша! Учит помогать соседу, работнику своему, когда у них случилась беда или нужда приключилась какая. Помогать обязательно. Сам погибай, а ближнего выручай, ссужай, чем нужно: «Как только у соседа приключилась беда или у своего крестьянина не хватило зерна на семена или лошади или коровы нет, или налога государева в казну уплатить нечем — так нужно ему помочь и ссудить, а если мало будет у самого, так следует самому же и занять, но другому по просьбе дать обязательно и заботиться о них от всей души, от всяких обидчиков оберегая по правде».

Идея добрососедства, добропорядочности — общая для «Домостроя». Весь он пронизан мыслью о том, что как ты к другим относишься, так и к тебе отнесутся. По сути это все не только нравственные, но и экономические понятия. Доверие, к примеру, только сегодня признано фундаментальной экономической категорией. А в «Домострое» мысль о доверии — одна из главных. Получается, что и для сегодняшнего времени «Домострой» — весьма прогрессивная книга.

Во всех взаимоотношениях он призывает своих читателей быть честными, справедливыми и милосердными. Его поучения пронизаны и чувством долга, ответственности: и с государством-то по налогам нужно рассчитаться своевременно, и работника-то своего надо беречь, заботиться о нем, платить ему за работу сполна... Какое уж тут скопидомство? И как можно было обвинить в его прославлении автора «Домостроя», протопопа Сильвестра, который в своем домохозяйстве всех зависимых от него людей не то что не притеснял, но и отпустил на свободу. Иные критики XIX века, ратовав-

шие на словах за свободу и равенство, от своих прав владения крепостными тем не менее не отказывались. Сильвестр же отказался и даже наделил имуществом отпущенных на волю холопов, и не только наделил, но и помог им начать свое дело...

Тучи критических стрел выпущены в сердце «Домостроя», но это все от тенденциозного подхода к его содержанию. Многие критики «Домостроя» необъективны. Они не разбирают его текстов, используют их либо как инструмент, либо как иллюстрацию для подтверждения правильности собственных, яркоокрашенных злободневной конъюнктурой политических взглядов. Поразительно, простая, казалось бы, мысль, что «Домострой» создавался как документ определенной эпохи, служащий своим вполне определенным целям, для них почему-то уходит в сторону.

Обвиняют, например, «Домострой» в пропаганде индивидуализма, выводят из него, непонятно на чем основываясь, какие-то особые теории о «замкнутости» и «эгоистичности» русских подворий, общающихся между собой «с опаской» и только через «займы по необходимости и через торговлю», о «безрадостном», «социально разобщенном строе», зараженном «кулацким цинизмом»... И за всеми этими навороченными завалами надуманных «ученых» утверждений не видят ведь главного! Того, например, что это, по сути, одно из первых на Руси социально-экономических произведений светского характера. Произведение очень демократичное не только по своей адресности, но и по жанру, по тематике, по языку, образному, сочному, народному, свободному от устоявшихся книжных оборотов и словоблудий, особенно когда речь идет об устройении домового хозяйства. Это по-настоящему увлекательная книга для домашнего чтения, и не с каким-то фантастическим сюжетом, а «имеющая в себе вещи зело полезные», необходимые в обыденной жизни.

Что же это за вещи «зело полезные»? Это рачительность, трудолюбие, несущие в семье достаток. Это гостеприимство, помощь нищим, малоимущим, страдающим, милосердие к бедным, убогим. Это почтительность к старшим. Это справедливость и заботливость по отношению к зависимым людям. Это честность в повседневных человеческих отношениях и в отношениях с государством. В чем же здесь «низкий уровень морали», «неосознанная грубость нравов», «отсутствие общественной спайки»? Разве не правильнее сделать обратный вывод: «Домострой» объединял отдельные хозяйства крепкими нравственными узами, положительными установками, едиными поведенческими нормами в одно общее народное хозяйство, устойчивое ко всяким невзгодам, противостоял «грубости нравов» и «низкому уровню морали». Объединял, скреплял утверждением в жизни христианских добродетелей и призывами к жизни праведной.

Упрекают «Домострой» в том, что он якобы учит жену беспрекословной покорности мужу. Но в нем речь идет лишь о том, что жить им надо в ладу и согласии. Если и осуждаются женщины в «Домострое», то лишь ленивые и нерадивые, домовитым же и рукодельным в нем щедро расточаются похвалы. Одна из глав, едва ли не самая поэтическая, даже и названа так — «Похвала женам!» «Если подарит кому-то Бог жену хорошую, — говорится в ней, — дороже это камня драгоценного... ибо жена делает мужа своего добродетельней».

Совершенно неверным представляется и утверждение о том, что «Домострой» находится вне основного русла русской социально-экономической мысли. Напротив, он находится в самом ее исходном пункте, это один из ее краеугольных камней. Из него потом вырастут другие экономические произведения: те же «Политика» Ю. Крижанича в XVII веке, «Книга о скудости и богатстве» И. Посошкова в начале XVIII века.

В «Домострое» необыкновенно удачно выделена как раз та ячейка экономической жизни, с которой и начиналась тогда экономика государства — домовое хозяйство. Со временем из него вычленились ремесленные производства, промысловые артели. Но это все — дело будущего, а в тот период основной экономической благоденствия страны, если оставить в стороне торговлю, были подворья. «Домострой» и был обращен к их хозяевам, указывая, какими нравственными и хозяйственными законами нужно им руководствоваться в жизни, в общественных и семейных делах.

И какой же путь тут был выбран? Простой и ясный! Трудиться! Богатеть! Развиваться! Взгляд с этих позиций на содержание «Домостроя» позволяет понять его значение как одного из рубежных произведений в истории русской экономической мысли. Будьте трудолюбивы, рачительны, воздвигайте дома, мельницы, амбары, распахивайте земли, разводите скот, сады, огороды, развивайте ремесла, торгуйте — вот она центральная экономическая идея «Домостроя» — богатеите, становитесь сильнее, укрепляйте свое хозяйство, укрепляя тем самым и российское государство.

Здесь можно провести некую аналогию с новой экономической политикой, к которой в 20-х годах XX века вынуждены были прибегнуть большевики, спасая страну от разрухи. Тогда им пришлось выдвинуть лозунг: «Обогащайтесь!». Разница только в том, что у большевиков укрепление частных хозяйств было лишь временной мерой, чтобы не дать стране умереть, а в «Домострое» — это своего рода политическая стратегия.

«Домострой», следовательно, утверждал экономический закон свободного обогащения, свободного развития частных подворий. Совсем, не правда ли, в духе реформ Столыпина? Эта концептуальная установка будет почему-то восприниматься некоторыми исследователями как консервативная. Но для середины XVI века она была абсолютно новой. Так еще на Руси

никогда социально-экономическая задача не ставилась. И ведь речь идет не о княжеском или боярском хозяйстве, не о личном подворье знати, а о хозяйствах обыкновенных жителей. Именно они и должны были крепнуть и развиваться!

Из этой главной экономической идеи «Домостроя» вытекают и все остальные его положения, относящиеся к правилам ведения хозяйства, в том числе и требования рачительности, бережливости, строжайшей экономии, трудовой основы богатства и достатка. Домысливать что-то другое — значит лукавить, исказить «Домострой».

В его многочисленных наставлениях: как вести собственное хозяйство, как выстраивать отношения с семьей, домочадцами, работниками, торговыми партнерами, государством, церковью, отчетливо прослеживаются многие черты русского социально-экономического менталитета, русского отношения к хозяйствованию. Ты богатей, зарабатывай, укрепляй собственное дело, но помни: душа важнее, чем разум, правда и справедливость важнее барыша. Нажитое неправдой богатство — это грех, долг богатого — помогать бедным и обездоленным. Главное в жизни — не вещественное богатство. Не ради него ты живешь, а ради Правды, Истины, ради Любви к Господу, Отечеству, ради Любви к ближнему. Не этим ли всем руководствовались многие русские предприниматели, названные И. Шмелевым «светлым царством русским», когда строили на свои деньги многочисленные храмы, сиротские дома, богадельни, приюты, театры? «Честь превыше прибыли!» — говорили они. Разве это не прямая связь с поучениями «Домостроя»? Их общая направленность — жить по правде, жить по справедливости, жить честно, с любовью к Господу, ближним, подчиненным — несомненно, повлияла на формирование лучших черт российского предпринимательства. Вспомните, что ни имя, что ни фамилия — то необыкновенная гордость: Прохоровы, Щукины, Бахрушины, Мамонтовы,

Третьяковы, Нечаевы-Мальцовы, Морозовы, Рябушинские, Кузнецовы, Солдатенков, Кокорев...

Вспомним тут и гордо похвалявшегося купца Абрикосова, и чем! Тем, что отдал государству налогов на 11 миллионов рублей золотом, тем, что «укрепил родное государство»! Не в этой ли, несомненно, домостроевской установке укрепления родного Отечества увидели критики «низкий уровень морали»? В таком случае «порадуемся» за них, за их «продвинутость». Ведь сегодня с появлением разных серых схем «оптимизации налогообложения», «черного нала» уровень морали необыкновенно «подрос», сравнялся с уровнем отдельных «передовых» стран, где слукавить в отношениях с государством, а проще говоря, обмануть его, издавна было своего рода доблестью. И в России, разумеется, подобные случаи имели место, но никогда не были они предметом гордости. Наоборот, большинство русских предпринимателей считали своим первым долгом выполнение обязательств перед государством и церковью. А потом еще несли деньги в больницы и дома призрения, чтобы помочь убогим и сирым.

Сравним теперь их «низкую домостроевскую мораль» с так сильно «подросшей» сегодняшней моралью, с ее «широтой» взглядов, с ее эгоцентричностью, с ее пронизанностью жаждой наживы и удивимся замечанию одного из интернет-критиков «о странном впечатлении», которое производит «Домострой» своей отсталостью «на позднейшего читателя». Согласитесь, «странное впечатление» производит «на позднейшего читателя» не «Домострой», а удивительно легковесные изыски его критиков.

Обратим тут внимание и на то, что «Домострой» с его житейскими нормами возник не внезапно, не на голом месте. Можно сказать, что история появления «Домостроя» ведется с времен крещения Руси, с появления у нас первых письменных памятников. В «Домострое» ясно видны отголоски, пере-

певы, а то и прямые заимствования из древних летописей, из поучений русских князей, из житий святых отцов... Все, что Русь накопила в церковных и светских произведениях к середине XVI века о правилах жизни православного человека, — все вошло в «Домострой».

С учетом такой преемственности упреки в «косности», «реакционности», «странности», выдвигаемые в отношении «Домостроя», с легкостью необыкновенной распространяются и на всю русскую литературу и даже шире — на всю древнюю русскую традицию, опирающуюся на тексты Священного Писания, европейские и византийские церковные источники. «Домострой» ничего принципиально нового в идейное содержание этих источников не добавляет, он только вобрал из них в себя все ценное, сконцентрировав собранное в виде сжатого изложения христианской морали. И называть ее «низкой» могут только отъявленные атеисты и, пожалуй, еще те из русских «интеллигентов», кто «питает» любовь особого рода к истории своего Отечества...

Как-то в Америке служащий гостиницы обратил внимание на кольцо на моей руке с надписью: «Спаси и сохрани!». Я объяснил, что это обыкновенное серебряное колечко с молитвой, носимое как духовная защита. Такие продаются в любом храме Русской Православной Церкви... «Russian Orthodox Church», — повторил за мной переводчик. Я много раз до этого слышал подобный перевод, но почему-то именно здесь, в далекой от России земле, он прозвучал как-то уж очень резко. Меня тогда несколько покоробили эти слова: «Русская Ортодоксальная Церковь». И неудивительно: в словах «ортодокс», «ортодоксальная» присутствует негативный оттенок, как и в словах «догма», «догматизм». Вспоминаю это потому, что как раз за приверженность ортодоксальным догмам чаще всего и упрекают «Домострой». Но что плохого в той же догме, если взять ее первоначальное значение как обычай, порядок,

норму, как не требующую каких-либо доказательств истину. И чем же плох «Домострой» — необыкновенно удачно выстроенный свод православных правил, помогающих человеку вести достойную жизнь?

По ним строилась жизнь наших предков не один десяток лет и не одно столетие. Без сомнения, не потеряли они своего значения и теперь, поскольку утверждаемые «Домостроем» нормы людского общежития и хозяйствования нисколько не устарели. Мы и любим этот литературный памятник потому, что каждый духовно жаждущий припадает к нему как к источнику нравственной чистоты и духовной силы, необходимой, чтобы жить на Земле и трудиться, не забывая о Боге, «с чистой совестью и в правде»! По-русски!

И вот что еще важно. Возможно, во многом благодаря именно непреложным правилам-догмам «Домостроя» и не исчезла с карты мира русская цивилизация, хотя не раз и не два она подвергалась серьезнейшим испытаниям.

Кредо «Политики» Ю. Крижанича: во благо тем, кем правят!*

К началу XVI века Европа, издавна присматривающая за своими восточными соседями, вдруг обнаружила, что из поверженных вроде бы русских княжеств, отдавших все силы в борьбе с золотоордынскими ханами, вдруг возникло сильное самостоятельное государство — Московия. И сразу же тысячи европейцев — путешественников, купцов, наемников, миссионеров, авантюристов — устремились сюда неудержимым потоком. Многие из них не поленились оставить после себя записки о поразившем их воображение удивительном русском царстве.

Из таких сочинений при желании можно было бы составить целую библиотеку, с массой полезных, часто неожиданных наблюдений. Между тем фундаментальных исследований взглядов иностранцев на средневековую Россию почти нет. Не будет ошибкой сказать, что у многих исследователей к подобным источникам сложилось в какой-то мере пренебрежительное отношение. Есть упоминания, есть ссылки, есть критические замечания, но серьезный разбор подобных сочинений крайне редок. Частично вина в этом самих европейцев. Из-за незнания языка и обычаев русских людей их описания полны ошибок и несуразностей, даже если зна-

* Вступительная статья к книге: Ю. Крижанич. Политика. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2003.

Члены ВЭО России, принимавшие участие в работе II Международной научно-практической конференции «Великие экономисты и великие реформаторы» по теме «На заре российской экономической мысли» (к 290-летию «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова), отмечали необходимость дальнейшего изучения творчества Ю. Крижанича в связи с исследованием вопросов особенностей раннего этапа развития российской экономической мысли, ее соотношения с ранним этапом развития западной экономической мысли, что и побудило редакцию к включению в данную работу вступительной статьи к вышедшей в Издательском доме «Экономическая газета» книге Ю. Крижанича «Политика». (Конференция «На заре российской экономической мысли» была организована Финансовым университетом при Правительстве РФ, Международной ассоциацией институциональных исследований, Институтом экономики РАН, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом и прошла в конце февраля 2014 года.)

чально они были свободны от высокомерия и предвзятости. По этой причине содержащиеся в них сведения воспринимались часто просто как любопытные и не очень-то ценились.

Такое отношение к иностранным источникам невольно сохраняется и до сих пор. И еще. Почему-то всех иностранцев, оставивших какие-либо записки о России, нередко объединяют в одну группу, не делая между ними и их сочинениями особенных различий. В то же время нельзя не заметить, что среди таких произведений есть выдающиеся по своему характеру и значению. Такова, к примеру, «Политика», труд хорвата Юрия Крижанича (ок. 1618–1683).

Этому автору в смысле внимания все же повезло более многих. Статьи о нем (правда, довольно скудные) можно найти во многих словарях и энциклопедиях. Известные русские и советские историки уделяли ему место в своих трудах и даже посвящали Крижаничу специальные сочинения. Вместе с тем в большинстве таких работ нельзя не заметить одной общей черты. Практически все они в значительной части представляют собой лишь пересказ политических взглядов средневекового автора. Иногда негативный, излишне критический, но чаще индифферентный. От этих недостатков не свободны разборы творчества Крижанича и самых именитых наших историков.

Вот Соловьев. Он сдержан, холоден к Крижаничу. Не позволяет себе в отношении к нему никаких эмоциональных оценок. Лишь констатирует тот факт, что вот был, мол, такой «ученый серб», удрученный участью славян, верящий в целительное могущество русского царя, приехавший с этой верой в Россию и правдиво описавший ее проблемы. Цитирует его высказывания в качестве иллюстрации к разным историческим событиям, говорит о важности «Политики» как источнике сведений о России перед эпохой преобразований,

пересказывает некоторые из содержащихся там суждений. И все.

Вот Костомаров. Он отмечает основательность образования, благоразумность, славянизм Крижанича, соглашается с его главной мыслью о великом значении России как центра славянской самобытности, но все его рассуждения идут не в глубину, а как бы поверху разбираемых текстов.

Вот Ключевский. Он справедливо выделяет Крижаничу особое место в ряду наших исторических источников; отмечает, при всех ее противоречивостях, грандиозность его реформаторской программы; подчеркивает благородность ее целей («в защиту народа») и при всем том сильно заужает значение взглядов Крижанича, сводя их к «показателям тогдашнего настроения русского общества».

Центральная, осевая идея творчества Крижанича почти никем из историков четко не выделяется, и при таком подходе она невольно рассыпается на фрагменты. Дело еще осложняется и тем, что Крижанич действительно внутренне противоречив, у него нередко можно встретить взаимоисключающую аргументацию. И по этой причине обыкновенное перечисление высказываний Крижанича без их анализа, сопоставлений, обоснований их появления в том или ином фрагменте текста не дает цельного представления о его взглядах.

Противоречивость и какая-то двойственность явно ощущаются и в творчестве, и даже в самой биографии Крижанича. Он вроде сторонник (искренний ли?) сохранения православия в России, но при всем том не может скрыть враждебности к грекам. Откуда она взялась, почему? Следует ли ее относить лишь к современным Крижаничу не-симпатичным проповедникам византийского христианства, держащихся за «свои глупости, под важным именем древности», или она распространяется у него и на устои восточной

церкви, многие из которых были приняты за основу русской духовной жизни. Если это так, тогда становятся непонятными ни цель, ни само желание Крижанича приехать в Россию, где об изменении греческих религиозных традиций не могло быть и речи.

Далее. Неясна позиция Крижанича по причинам раскола христианства. Он читал, анализировал и византийские труды, и работы католических ученых, но четкого анализа причин разделения церквей не дал. Действительно, одно дело — говорить об алчности и гордыне греческих церковников, противников реформ, противников науки, об их желании почестей, не меньших, чем у римского папы, об их стремлении подчинить себе и монархическую власть. Другое дело — говорить о существовании вопроса, называть истинные, глубинные причины раздела. Здесь в рассуждениях Крижанича обнаруживаются многие пробелы.

Если обратиться теперь к биографии Крижанича (биографический очерк см. в Комментариях к книге), то тут вопросов возникнет еще больше. Главный из них: почему Крижанич так стремился в Россию? Еще в значительной мере отсталую, еще недостаточно сильную, еще довольно необразованную, непричесанную, у которой даже дипломаты выглядели крайне неопытными внешне людьми?

При ясном осознании всего этого склониться к решению связать свою будущность с Москвой, отказавшись от очевидной блестящей карьеры в Европе, — это ли не загадка? В попытках ее разгадать будет уместно вспомнить о событиях того времени. О великой смуте, об избрании на царство Романовых, о многочисленных городских бунтах, о войнах с поляками, о восстании Степана Разина, о присоединении Украины, о расколе в русской церкви... Очевидно, что Россия тогда стояла на перепутье. Она как бы пыталась осознать себя и свое значение в мире, раздумывала, куда двинуться,

в каком направлении и как быстро. Она готовилась к приходу Петра! (Известно, что в подобные моменты истории и рождаются великие люди.) И в этом смысле приход Крижанича в Россию нетрудно обосновать: он угадал, почувствовал, что здесь и сам он, и многие из его идей могут оказаться нужными, востребованными, привлекательными. Ставил ли он перед собой какие-то определенные цели, готовил ли он себя к какому-то особому служению и какому, здесь можно спорить, но сам приход Крижанича в Россию конечно же не случаен.

Многие исследователи видят в нем идеолога славянского братства, хотя в чистом виде этой идеи у Крижанича нет. Да, он приглашает славян к единению, пишет о том, насколько это важно, но при всем том не предлагает никаких практических мер по преодолению разделяющих наши страны религиозных и других разногласий, кроме разве что языковых, где его идея создания всеславянского языка при всей ее значимости все же утопична.

Некоторые из сегодняшних исследователей, если и разбирают труды Крижанича (многие предпочитают обходиться и без этого), то смотрят на его творчество с тех позиций, которые им удобны для подкрепления собственных мнений. Нужен он, к примеру, кому-то как критик дурных свойств русского народа — отыскиваются одни его высказывания; нужны, напротив, похвалы россиянам — находят другие. Каждый находит то, что хочет найти, благо это нетрудно сделать. Построения Крижанича многомерны и неоднозначны. Ничего у него нет в чистом виде. Он и не славянофил, и не западник. Не православный, конечно, но в чем-то и не католик. При значительном числе выдвигаемых, захлестывающих его идей, часто противоречивых, он не успевает их додумывать до логического конца, преодолевать их двойственность,

оставляя на каждой странице текста множество нераскрытых вопросов.

Предоставим возможность разбирать их историкам, философам и богословам. Нам как составителям серии книг, выходящих под определенной рубрикой, интересно взглянуть на Крижанича своим, особенным образом, так, чтобы нечетко обозначенная, но очевидно признаваемая им взаимосвязь между экономикой и духовностью выступила бы на первый план. До сих пор никто не ставил перед собой подобной задачи, и такой подход может показаться в чем-то неожиданным. Между тем стремление Крижанича наполнить экономические категории духовным смыслом просто бросается в глаза. Его нельзя не заметить.

Прежде чем обратиться к соответствующим высказываниям Крижанича, сделаем ряд замечаний. Первое. Взаимосвязь экономики и духовности нельзя понимать упрощенно, как связь между чем-то, что просто соседствует друг с другом. Нет, здесь связь сложнее. Эти сферы дополняют, взаимопроникают друг в друга. Духовность гармонизирует экономику, придает ей необходимый смысл, очеловечивает ее. Экономика не может быть не духовной, ибо и главной целью, и главной движущей силой любого производства, любого хозяйственного процесса является человек со своими знаниями, умениями, навыками, мировоззрением, мироощущением. И все это человек обязательно привносит в свою экономическую деятельность.

Экономика, следовательно, духовна не только в отношении заданных ей целей, но и по своему характеру, который не может не складываться под влиянием существующих в обществе норм морали, религиозных, культурных, общественных и национальных особенностей.

Второе. Точно так же и духовность нельзя понимать упрощенно, сводя ее к сумме религиозных и культурно-эстетиче-

ских взглядов. Это, конечно, более широкое и емкое понятие. Здесь нужно будет говорить и о народных традициях, и о системе жизненных ценностей и приоритетов, и о просвещении, и о культуре вообще, и об экономической культуре, и даже о взаимодействии различных культур... И, говоря обо всем этом, мы опять вынуждены будем вернуться к человеку, ибо носителем духовности являются люди, ибо где еще находится духовным ценностям, как не в душах людей.

Третье. Таким образом, человек выступает центральным, объединяющим звеном в разбираемой нами системе понятий: экономика и духовность. Следует, значит, более внимательно присмотреться к тому, какое место выделяет Крижанич в своих экономических построениях человеку как наиважнейшей общественной категории. Для нас как авторов серии это особенно важно. Работая над отдельными книгами, мы стараемся подчеркнуть роль и значение каждой из них в процессе развития русского общества и русского человека, сумевшего своей культурой, своей духовной мощью и в XIX, и в XX веках так необыкновенно сильно проявить себя в мировой истории. Откуда взялся этот необыкновенный прорыв, где его истоки? Нам эти вопросы представляются не праздными.

Важно разобраться еще и в том, что необходимо понимать под предназначением человека и его гармоничным развитием? Нам кажется, что ключевыми понятиями здесь могут выступить добротолубие, добротворение, способность все большей массы людей проявлять в этом направлении свои творческие качества, то есть реализовать себя как личность, как подобие Божие. Но одно дело, когда такую возможность имеет лишь узкая часть общества. И другое дело, когда равными правами наделяют всех людей независимо от их социального положения, когда обществом ценится труд и уважается достоинство каждого человека: и обыкновенно-

го крестьянина, и ремесленника, и воина, и правительственного чиновника.

И если теперь уже с этих позиций (экономики, духовности, человека) мы посмотрим на творчество Крижанича, то он откроется нам с новой, совершенно неожиданной стороны. Мы вдруг ясно увидим одно из главных противоречий его теоретических построений. Они у него излишне рано для России политические, мирские. Вслед за мыслителями итальянского Возрождения он слишком высоко поставил в них не божественное, а человеческое. Русское общество этого принять не могло. Оно всегда противилось этому. И в прежние века с особенной резкостью. И все же искреннего, героического даже, порыва Крижанича осознать мировое предназначение России нельзя не оценить. Тем более что многие его мысли, преждевременные в царствование Алексея Михайловича, теперь могут оказаться кстати. Остановимся на некоторых из них. И начнем с духовности.

Главной своей целью в России Крижанич считал просвещение. Вообще просвещение, по Крижаничу, — одна из ключевых задач для русского государства. «Пришло время, — говорит он, — нашему народу учиться», дабы «завести более похвальные отношения между людьми и достичь более счастливого состояния».

Подобных обращений к народу в «Политике» довольно много. В одном из мест Крижанич определяет даже и всю книгу как «советы народу», и все же главные ее адресаты — богатые и влиятельные русские люди, «те, что правят народом». И первая мысль, которую хочет внушить им Крижанич, в общем-то несложна: «Власть над народом подобна опеке над сиротами. Она должна идти на благо тем, кем правят, а не тем, кто властвует». Но что делать, если мысль эта так трудно усваивается правителями. И приходится Крижаничу повторять и повторять:

«Слышите вы, государи и судьи земные! Мните вы, что ваше дело — лишь властвовать, приказывать и наслаждаться роскошью, а не заботиться денно и ночью о народном благе. Мните вы себя беспредельными владыками, а не временными управителями, обязанными дать Богу подробный отчет о своем управлении. Но Бог даровал вам людей не для того, чтобы вы их притесняли и мучили, а Бог дал вас им в пастыри, чтобы вы правили ими во благо. И власть вам дана для созидания, а не для разорения. Чтобы вы были не волками и разбойниками, а отцами и дали бы своим народам правосудие, защиту и дешевизну. И страшнее для вас должна быть слеза подданных, нежели величайшее вражеское войско».

Разбросав всюду по тексту книги эти и подобные им суждения, Крижанич находит нужным и развить их. Долг правителей, повторяет он, обеспечить людям мирную и счастливую жизнь, но этого невозможно добиться без соответствующих законов, и большую славу, по его мнению, стяжал бы тот правитель, который мог бы сказать: «Получил я государство, зараженное дурными порядками, а оставляю его наделенным хорошими законами».

Завоевать можно и силой, говорит Крижанич, но, чтобы сохранить приобретенное, нужны благие законы, нужна справедливость. Между тем сохранение народа, державы — это и есть одна из высших обязанностей правителей. Сохранять, конечно, труднее, чем завоевывать, ибо «приобретение во многом зависит от случая», а сохранение — «это дело природного таланта и высокого ума». Задача еще усложняется и тем, что хороший правитель не довольствуется тем, что сохраняет государство. Он должен стремиться сделать его богаче, сильнее, достойнее («и непременно счастливее»). Так что в этом деле потребуются от него и великий труд, и многие знания.

Но учиться им следует не на собственном опыте (ибо «королевские ошибки вредны, разорительны и гибельны для целых народов»), а беря примеры из книг и «с разных иных государств». На ряд иностранных «благих законов» Крижанич находит нужным сослаться. Ему по душе древний закон Солона, не позволявший никому жить в праздности и заставляющий людей ежегодно сообщать властям, чем они добывают свой хлеб. Он предлагает, по примеру Китая, ужесточить в России порубежный контроль (то есть устроить что-то вроде железного занавеса); считает полезным введенное Ликургом гостогонство — избавление от чужеземцев (одна из ключевых идей Крижанича!)

В самом общем виде формулу успешной российской государственной власти, предлагаемую Крижаничем, можно представить в следующем виде: Самодержавие (Самовла́дство), Православие, Сословность.

«Совершенное самовла́дство» Крижанич считает самым важным и самым главным из всего остального. Король у него — наместник Божий и живой закон, не подверженный иным законам, кроме Божьего. И такое жесткое самодержавие, по его представлению, будет для государства не чем иным, как «жезлом Моисея, которым царь-государь сможет творить все необходимые чудеса».

От других способов организации власти Крижанич безразлично отворачивается, поскольку олигархия или «маловла́дство», по его мнению, всегда сводится к тому, что несколько человек незаконно захватывают господство и властвуют несправедливо, а «общевла́дство» обязательно превращается в анархию, при которой «весь народ буйствует, и каждый наипоследний человек хочет быть государем». К тому же и так называемые выборы при «общевла́дстве» — «лишь обман и пустые слова». Наилучшего, говорит Крижанич, могут

избрать, это верно. Но избирают ли таких? — Нет. Нигде такого не увидишь.

Крижанич сознает, что безграничное самодержавие может обратиться в деспотизм, а правитель — в тирана, палача, в «черта в зримом обличьи»... И все же, по Крижаничу, тиранство — исправимое зло. Только бы этот злодей и «людодерец» «не подорвал благих народных законов». Если же он установит грабительские законы и введет несправедливые подати и гнусные поборы, то это уже будет настоящая беда: «подданным будет не вздохнуть, и даже сама жизнь им опротивеет». И еще. Из-за крутого правления появится в народе испорченность нравов. «А отчего это идет? — спрашивает Крижанич, и сам же отвечает: — А оттого, что всякое место полно кабаков и монополий, и запретов, и откупщиков, и ценовальников, и выемщиков, и таможенников, и тайных доносчиков, так что люди повсюду и везде связаны... и не могут свободно пользоваться тем, что добыто их трудом и потом».

И при всем том тиранство, считает Крижанич, исправить легче, нежели какое-либо иное правление, ибо для этого «не надо ничего, кроме желания одного человека».

Крижанич считает допустимым и посмертный разбор деяний правителя, чтобы исправить допущенные им ошибки. Не должны пренебрегать советами подданных (в том числе о сборе и характере налогов) правители и при жизни. Принятые совместно подданными и государем решения, по Крижаничу, могли бы оформляться в виде «договора, принятого сообща всем народом», которым правитель и должен руководствоваться в делах для «оправдания своей совести»...

Еще одной твердыней русского народа и государства, «истинной и высшей» Крижанич считает православную веру. Он называет ее счастьем народным, а посещение литургий, при которых приходится «мало спать, рано вставать, поздно есть, смирать тело множеством поклонов и постов», — бла-

гим обычаем, нуждающимся в сохранении и укреплении. Строгий запрет проповедования в России «всяких ересей» Крижанич предлагает закрепить «навечно» с беспощадным наказанием ослушных.

Необходимо отметить, что, говоря в «Политике» о православии, Крижанич как-то менее красноречив, нежели в других случаях, когда он обсуждает мирские вопросы. Он, к примеру, ничего не говорит в этой книге об униатстве, о взаимоотношении православной и римской церковью. Понятно, что трудно было ожидать от католика Крижанича какого-либо осуждения католической веры, но и от утверждения о том, что «Господь соизволил сделать так, что Его духовное царство имеет столицу в том городе, который наиболее известен, славен и знаменит на всем свете» (то есть в Риме), пусть в определенном контексте, он бы в книге для русских мог удержаться. А так есть основания, пусть достаточно шаткие, обвинить Крижанича в неискренности (по поводу православия) и в том, что у него, возможно, была и тайная папская миссия. И все же это маловероятно, ибо тогда придется признать неискренним еще одно место в «Политике» — о нежелательности отдавать на суд римским папам дело венчания правителей на царство (ибо, во-первых, они не властны ставить королей; и во-вторых, «такие судьбы не упустят при этом своей корысти»).

Чтобы закончить с этой темой, скажем еще и о том, какое значение придавал Крижанич благонравию государей. Наилучшим из «дивосильников», по его мнению, будет тот, который «все свои деяния и свою славу посвятит Богу», который не будет хвалиться ни мудростью своею, ни силой и ни богатством, но лишь тем, что «разумеет и знает Господа». Всяческих же волхвов, астрологов и сектантов, приносящих к нам «проклятые бесовские искусства: астрологию, алхимию, магию и каббалистику», Крижанич предлагает государям бить

кнутом, клеймить и изгонять, даже и сжигать (магов и чародеев), поскольку никак не может окончиться добром то дело, что «делают по совету с чертом»...

Перейдем теперь к экономическим построениям Крижанича. По словам В. Ключевского, он был только «немного политэкономом», а больше филологом и патриотом славянства. Согласившись в чем-то с подобным определением, мы все же отметим ряд довольно любопытных экономических мыслей автора «Политики». Прежде всего необходимо сказать, что он без должного уважения смотрит на все прочие виды деятельности, помимо, как бы мы это сегодня сказали, реального сектора. Вообще, по его мнению, «ненадежен всякий доход, добытый без труда и пота, либо без затраты достаточного времени, либо несправедно, либо жестоким и постыдным способом».

Общим критерием разумности всяких экономических перемен у Крижанича выступает богатство подданных. И он не раз повторяет, что, если король хочет стать богатым, он должен позаботиться, чтобы и подданные его были богаты.

Корнем и основой богатства подданных у Крижанича выступают земледелие, ремесла, торговля и... народное хозяйство или общее устройство (этот четвертый доходный промысел, по Крижаничу, является «душой всех остальных»). Но все они требуют к себе постоянного внимания властей, «не должных пренебрегать заботой» об этих наипотребнейших промыслах.

Правители, казенные приказы и дума должны знать, сколько есть в их королевстве ремесел, какова их суть и к чему они предназначены.

И нужно им при этом задуматься, почему всякие ремесла более всего процветают у немцев. А причина здесь в том, говорит Крижанич, что у них имеются привилегии и законы, поощряющие развитие ремесел.

Надобно и нам, по мнению Крижанича, поощрять развитие нужных государству ремесел. Какому-то из городов, к примеру, поручить делать бумагу, обещав привилегию — запрещение ввоза иностранной бумаги, даже если своя, домашняя будет получаться у них хуже и дороже. Так же и во всяком другом новозаведенном ремесле.

Хорошей мерой для развития собственного производства, говорит Крижанич, был бы запрет вывоза за рубеж сырого материала («а ослушников наказывать»), чтобы наши люди сами делали из него всякие изделия и уже готовые вещи продавали бы за рубеж. А какого сырья у нас нет, то нужно позаботиться, чтобы его везли к нам из других стран. И уж совсем следует запретить привозить к нам те товары, равноценные которым есть у нас дома.

И если делать так, производить дома все те товары, которые можно было бы сделать на Руси, но которые мы покупаем за границей, то в нашей стране «жило бы на много тысяч людей больше, чем живет их ныне, и казна имела бы большую прибыль, и города стали бы многолюднее, и все царство было бы сильнее».

Ясно, что не все бы у нас получалось. И тут у Крижанича еще один совет властям — нужно покупать за границей не готовые изделия, но средства производства и технологии: «Надо поручить и приказать, чтобы принесли из всех земель всякие орудия для образца». И при всем своем подозрении к чужестранцам Крижанич считает нужным «всяких ремесленников» принимать в России, «сколько будет надобно». С тем, правда, условием, чтобы «все они обучали наших юношей»...

В отношении ремесел Крижанич предполагает необходимым учиться. В отношении торговли, где русские извечно показывают совершенную неумелость, Крижанич ни о какой учебе не говорит. На всю иностранную торговлю он пред-

лагает ввести государственную монополию. Но пристойно будет государю вести торговлю только в том случае, если он «возьмется за нее ради пользы и нужды всего королевства и если от этого будут не обиды, а облегчение и умаление бремени народа».

Во внутренней торговле Крижанич предлагает ввести жесткую регламентацию. Так чтобы здесь действовали государевы люди и простые торговцы. Государевы люди должны вести главным образом оптовую торговлю, но в каждом городе и с условием, что их прибыль была бы не выше 3%. Обыкновенные же торговцы, в которые Крижанич предлагает принимать людей всех сословий, а лучше воинов, должны торговать в розницу...

Разных перекупщиков Крижанич предлагает наказывать без всякой пощады. А более всего он против всяких откупов и монополий, как вредных и тяжелых для народа. И первым делом он хочет уничтожить корчемную монополию (с «проклятыми кабаками», где не столько вина продано, сколько из-за них крови пролито), с тем, правда, условием, чтобы царской казне не было ущерба. За корчемной уничтожаются и все другие монополии. Только с рудниками у Крижанича не получается. Их, по его мнению, нельзя устроить иначе, чем с помощью монополий. Но, говорит он, их надо давать не кому-нибудь одному, а «попеременно, либо двум или трем заодно, и то не чужеземцам, а местным жителям, даже если чужеземец и пообещает больше заплатить».

Что касается финансовой политики, то тут у Крижанича часто лишь общие замечания. В денежном деле, по его мнению, должен быть наведен порядок. Чтобы было узаконено, какие монеты должны ходить на Руси, каковы их вес и цена и из какого материала они сделаны. Он принципиально против чеканки негодных денег, называя ее смертельной мерой

отчаяния. И против хождения легковесных, негодных и всяких других «дурных» монет.

В суть государственной кредитной политики Крижанич тоже не углубляется. Он лишь ссылается на пример царя Августа, дававшего займы деньги своим подданным без всякого роста и лихоимства и развившего тем на диво торговлю, и обуздавшего тем бывшее до того лихоимство и грабеж. И говорит, что это было бы очень удобно сделать и на Руси...

Интересны суждения Крижанича о собственности. Заявляя, к примеру, о том, что никто не может отбирать у людей имущество без суда, он в то же время отнимает у владельцев право безрассудно им распоряжаться («сжечь свой дом или бросить свои деньги в реку»), поскольку хозяева вещей являются таковыми лишь по сравнению с другими людьми, а по сравнению с Богом они не хозяева, а лишь управители и должны будут потом предстать перед Всевышним с отчетом.

Крижанич считает возможным (даже обязательным) возврат новыми владельцами незаконно обретенного ими имущества. И как же не вернуть, рассуждает Крижанич, ведь если в вечный огонь пойдут те, кто не раздавал добро нищим, то как не пойти в него тем, кто неправдой отнимал чужое?

Чтобы существующие в государстве тяготы не были людодерскими, Крижанич считает необходимым согласие правителей с подданными о сборе и характере налогов, но такое, при котором царская казна получила бы «подобающие ей доходы». Подобающие и только. Без накопления в ней таких богатств, которые «лежали бы недвижимо и не приносили никакой пользы». Нельзя собирать казну без меры, жадно и несправедливо. Ибо казна, добытая силой и жестокостью, означает не богатство, а бедность, потому что является причиной грядущих бед. Ведь такое государство не может быть крепким, поскольку все будут жаждать перемен. Поэтому

в чрезмерной заботе о казне нет никакой ни мудрости, ни чести, а лишь крайнее невежество и позор.

Некоторые правители считают себя невиновными, если их приказные чинят людям обиды при сборе казны. Приказные же во всех своих действиях прикрываются заботой о приумножении царской казны. Но не на нее нужно надеяться, а скорее на Бога. И благими, похвальными способами приобретения являются лишь те, посредством коих казна пополняется справедливо, по-божески. И было бы полезно в этом отношении принимать от приказных следующую присягу: «Не буду несправедливо обижать подданных»...

Значительное место в «Политике» занимают предложения, связанные с определением положения в обществе отдельного человека. Первым правилом здесь он устанавливает недопущение праздности, при котором «кто-либо в королевстве жил бы в безделье и без пользы для общего блага». Ибо было бы несправедливо, полагает он, если бы те, кто ничем не помогает народному благу, «поедали бы сладости и плоды земли и владели большей частью доходов всего народа».

Затем Крижанич говорит о необходимости наделяния каждого из сословий определенными привилегиями в той лишь мере, правда, «в какой они полезны всему обществу». Он считает правильным (и предлагает это за сто лет до знаменитого указа императрицы Екатерины II) дарование «подобающих вольностей» дворянству, дабы возвысить честь верных слуг государей.

«Черные» же люди, по мнению Крижанича, должны знать, что они «обязаны дворянство кормить». Он объясняет это, во-первых, тем, что дворяне вершат суд и вкупе с воинами охраняют державу. Во-вторых, тем, что работать головой и руками гораздо важнее и достойнее, «чем ногами». И труднее: бояре проводят целые ночи в думках, а «черные» люди «храпят возле своих жен». И, в-третьих, тем, что более почет-

но проливать кровь за народ, нежели проливать пот. Ко всему прочему русские «черные» люди устроены гораздо лучше, чем в некоторых соседних странах, где земледельцев безнаказанно обижают. А у нас, говорит Крижанич, такого обычая не водится. И по этой причине наши «крестьяне и убогие горожане, кормящиеся рукоделием», живут намного лучше и удобнее, нежели в тех пребогатых странах (хлеб едят намного лучший и больше, и рыб у нас добывается в изобилии). Наши «наигоршие черные люди» носят шелковые платья, а их жен не отличить от первейших боярынь. Они даже в состоянии прошивать себе сапоги медными нитками, подбивать «соболями целые шапки и целые шубы» и носить рубахи, «шитые золотом и жемчугом». И все это роскошество, по мнению Крижанича, нисколько не хорошо.

И все же обычай царской заботы о простых людях Крижанич предлагает узаконить, так чтобы никто не смел их «никоим образом притеснять, и обижать, и обременять их работами и тяготами без особого на то указа».

Всех церковных и духовного чина людей Крижанич полагает нужным освободить «от всякого бремени и общенародных тягот и от поборов всяких». И изъять их из ведения приказов и мирских судов, дабы судились они «сами между собою». Крижанич хотя и не ставит священства выше мирской власти, но полагает, что не следует и царям завладеть духовной властью.

В чести пребывают у Крижанича и воины, только бы это были свои люди, а не чужестранные наемники. А менее всех жалуется Крижанич торговцев, которые, по его мнению, мало полезны... Поэтому, де, если царь-государь захочет, то он по справедливости и по праву может взять в свои руки все торговые доходы и этим совершит великое, несказанное благодеяние, поскольку общее благо важнее, нежели корысть нескольких отдельных людей...

Вот таким образом, добиваясь того, чтобы все сословия (помимо торговцев) были довольны и не поддавались на соблазны перемен, и сможет вершить король благое правление. И при этом главная его мудрость должна, по Крижаничу, основываться на двух правилах: «Познай самого себя» и «Не верь чужестранцам».

Познать себя это прежде всего «познать природные качества своего народа», то есть его нрав, достоинства и недостатки, и все, к чему наши люди способны или неспособны. И если исходить из этого, то легко можно понять, что некоторые советы, полезные другим, «для нас были бы вредны».

Мнение самого Крижанича о русском народе нелестное. И ленив-то наш народ, и нерасторопен, и умом он не остер, и ничего сам не выдумает, если ему этого не покажут, и добра не сделает, если его к этому не принудить, и обличье его нехорошо... Если бы все это было осознано, говорит Крижанич, мы бы «отродясь не стали вступать в такое множество дел, переговоров, торгов и всяких разговоров с другими, более хитрыми народами». И никогда бы не были столь многократно ими обмануты.

Лишь того не обманут, кто недоверчив. И оттого всегда нужно помнить, что никто и никогда не творит добра ради ближнего своего, а всегда ради себя. И поэтому тот, кто верит людям, лишается того, на что надеялся. Особенно — наш народ, ибо причина всех наших тяжких общих бед в том, что мы сами себя не знаем, а чужестранцам верим. Рассчитывать на их добрые чувства, по мнению Крижанича, было бы крайне неосмотрительно, поскольку западные народы, относящие нас к варварам, сами в то же время далеко превосходят нас в жестокости, лживости, ересях и во всяких пороках и сквернах.

И вот что в связи с этим Крижаничу кажется удивительным: свой собственный образ жизни мы презираем, а всяким

чужеземцам, считающих нас скорее скотами, нежели людьми, даем «такую власть в наших странах, что они поедают все наше богатство и в конце концов ездят на нас самих, как хотят». Такое положение Крижанич считает ненормальным, болезнью, ксеноманией или чужебесием.

И указывает причину этому — мы сами себя не познали. Не разбираем, что для нас полезно и что вредно; не знаем, в чем счастье и благо нашей земли; не понимаем, что есть хорошего в наших законах, порядках и обычаях; путаемся в том, что надо нам сохранить, а что следует исправить. И по этой своей неумелости не можем противиться западным обманам.

Они там у себя, когда пишут историю русского или любого другого славянского народа, пишут не историю, а «язвительную и шутейную песнь», возводя наши несовершенства в десятые степени, а где и нет у нас греха, там они «его придумывают и лгут». И при этом учат нас своим грехам и порокам («таким, как содомия»). Учат нас своим ересям, заражая неверием и лишая всякого благочестия.

Но не все у Крижанича за упокой. Есть и за здравие. Ум наш, по его мнению, хотя и слабоват, но «не из последних, а из средних и достаточно подходит для изучения наук», особенно если мы приложим к этому большое усердие и настойчивость. К тому же средний ум, считает Крижанич, «при большой заботливости и средняя сила при большой осторожности намного лучше, чем искуснейший ум и сила при меньшей заботливости и при распущенной и неосмотрительной жизни». Присущее же нашему народу простодушие тоже может обратиться во благо. От отсутствия честолюбия в русском народе меньше заносчивости, он не рвется к власти, более податлив, менее противится преобразованиям и его легче принудить и к тяжелой работе, и к смертельной опасности, нежели иные европейские народы.

В общем, у России, ее народа, по Крижаничу, есть потенциал для развития. Если бы вот только не болезни, идущие к нам с Запада: ересь, расточительство, разрушение самовладства... Спасение видится Крижаничу в соблюдении еще одной заповеди: «Не верь чужестранцам». Она требует разъяснений, ибо в «Политике» по поводу чужеземцев обнаруживается видимый перебор. Объяснить это обыкновением раздражением нельзя. Крижанич не просто предостерегает русских от сношений с чужеземцами. За всеми этими построениями у него кроется определенный смысл. Ему кажется, что открытие границ приведет к утере русскими собственной силы, достоинства, власти. И много раз он повторяет, что залог сохранности России — не в копировании чужих обычаев, не в смешении с чужими народами, которое губительно, а в поиске собственного пути развития. Россия у Крижанича самодостаточна! И ничто не может быть для нее губительнее, чем пренебрежение собственными обычаями и присвоение чужих порядков с возжеланием стать другим народом. Тем более что Западу, по убеждению Крижанича, в конечном итоге суждено уверовать в ложь. Он не сомневается, что антихристова сила будет собираться именно там. И «случится это с ними потому, что все мучители Божьих святых и все гонители имени Христова жили в пределах этого Римского царства». И по этой причине он категорически против намерений присвоить Москве сомнительную славу «Третьего Рима». Даже слово «царь», даже наш герб с орлом («зверем уродливым и ложным») он хотел бы выбросить из употребления, ибо и то и другое происходит от Рима.

Совсем другое дело русский и весь славянский народ. По Божьей милости, говорит Крижанич, у нас не случилось так, чтобы какой-то правитель был гонителем Христова имени. И верит, что Господь убережет нас. Надо вот только нам, славянам, покончить с суетной гордостью, надо не позволять

себя обманывать, не впутываться в чужие войны, не воевать за других, не враждовать между собой без всякой причины...

Продолжая говорить о чужестранцах, Крижанич замечает, что нам лучше всего было бы «ничего о них не знать». Но это невозможно, жалеет он и предлагает подумать, как привыкнуть жить с ними в мире и вести торговлю и, однако же, суметь уберечься от их обид. Одной из первых мер, что здесь приходит на ум, — закрытие рубежей. Ведь так мы обережем себя от многих грехов и пороков! — восклицает он. Мы, по его мнению, должны брать от чужеземцев подлинное добро, а не мнимое, поддельное, которое они нам предлагают.

Кто бы похвалил немцев, замечает Крижанич, если бы к ним понаехало столько же русских, как и их к нам, и если бы эти русские сидели бы у них без дела, получая непомерную плату, как они у нас? Что за слава была бы немцам, если бы русские повсюду у них торговали и заводили откупа и монополии? Никто, конечно, не похвалил бы немцев за это. И сами они не стерпели бы такого положения. Нет ведь ни одного нашего человека, который, живя среди чужеземцев, «достиг бы богатства или какой-либо почетной власти», подобно тому, чего без труда достигают чужеземцы в России, придумавшие уже и поговорку: «Кто хочет есть хлеб даром, пусть идет в Москву».

Пока мы дивимся их красоте, горько признается Крижанич, они успевают свести нас с ума, так что уже делают с нами все, что хотят. Даже царю-государю на нашем же Архангельском торжище так связали руки, что он «не вправе торговать, как ему угодно». Как же тогда быть нашим обыкновенным торговцам, когда их чужеземные собратья становятся здесь полновластными хозяевами?

Как быть и на что надеяться нашим воинам, когда все «почетные и главные места отведены чужеземцам»? Как им не утратить всякую охоту и мужество, когда они все это видят?

На эти «как быть» у Крижанича довольно простой ответ. Чужеземцы, по его представлению, это «заразные и смертоносные язвы», и нужно позаботиться, говорит он, чтобы они не застревали у нас в стране, чтобы приходило их поменьше, а уходили они поскорее. Ибо похвальнее не притеснять собственный народ, нежели с сомнительной пользой тратить огромные деньги на чужеземцев, в конечном итоге обманывающих нас, легко переходящих в услужение к нашим врагам, открывающих им наши тайны (тут Крижанич ссылается на Олеария, хвастающего в своей книге, что с помощью денег в Москве из приказов можно добыть копии самых секретных дел).

* * *

Рассказывая о многих присущих России недостатках, Крижанич считает нужным оговориться, что чужеземцам он бы во всем этом не признавался. Но сами мы между собой, продолжает он, не должны скрывать зла, так же как и от врача не следует замалчивать рану, «если хочешь, чтобы он ее исцелил». Собственно, в этом последнем — в необходимости исцеления — и заключается суть предложений Крижанича. Все перечисленные им печальные «обстоятельства», по его представлению, нам следует как можно скорее исправлять и излечивать, а где-то и отбрасывать в сторону как отжившие.

На возможные возражения о том, что не гоже-де нарушать старые обычаи, у Крижанича заранее готов ответ: да, разумеется, это так, но негоже сохранять и старые заблуждения. Нельзя, говорит он, любить себя и свои обычаи больше, чем истину.

Понимая, что от старых заблуждений избавляться не просто, Крижанич предлагает действовать здесь не только добром, но и силой. Там, где зло наносит удар, неплохо вроде бы подставить и вторую щеку, но, развивая он далее свою

мысль, так было бы лучше поступать лишь избранным, удостоенным Божьей благодати, для смертных же людей «полезно и необходимо» и то и другое, и добро и сила, ибо мир, справедливость и законность сохраняются и тем и другим.

Как скажете, к примеру, обращаться с преступниками? Разве только с любовью? Нет! На деле это всегда окажется «не милосердием, а лютым мучительством», так как там, где дана воля разбойникам, остальные будут жить в беспокойстве за свою жизнь.

При всем этом Крижанич не сторонник крайностей. По его мнению, нужна во всем середина. А неумеренность в правлении он почитает великой славянской бедой. Между тем только при среднем пути «сохраняется и укрепляется истинное самовладство». И вообще только те правительственные деяния хороши, которые «полезны и спасительны наибольшему числу людей и в течение наибольшего времени».

Эта средняя линия довольно последовательно выдерживается Крижаничем во всех его предложениях. Скажем, рассуждая о необходимости централизации власти, он считает нужным остановиться и на отдельных привилегиях городам; говоря об отмене монополий, в то же время заявляет, что при этом не должны пострадать интересы казны; даже жесткое требование о прекращении выпуска негодных денег Крижанич оговаривает тем, что при крайней нужде от него можно отказаться...

Выдерживание средней линии можно трактовать и как соблюдение меры. Соблюдение же меры можно понимать как желание оставаться в согласии с некоей гармонией (красотой) общего мироустройства. По всей видимости, для Крижанича это было не последним требованием ко всякого рода преобразованиям. Тут для него все важно. Вплоть до цвета одежды. Впрочем, чувство прекрасного Крижанича порою подводит. Он, к примеру, забраковал наш язык, назвав его

несовершенным, пригодным «менее всех прочих» для песен, стихов и музыки. Между тем этот же язык позволяет самому Крижаничу выстраивать фразы достаточно высоких литературных достоинств.

Вместе с тем выдвинутое Крижаничем предложение об отказе от использования заимствованных иностранных слов кажется разумным, и с ним можно было бы согласиться, если бы не конкретная реализация этой идеи в «Политике», вызывающая неосознанное сопротивление. Кто бы из русских согласился, вслед за Крижаничем, звать воевод «жупанами», а гетманов — «банами»? Видимо, мало кто. К тому же в сфере русского языка запретами мало чего можно добиться.

Будет, наверное, правильным оценить и все другие запретительные предложения Крижанича как менее убедительные, нежели те, что наполнены положительным содержанием. Запреты к тому же всегда вызывают сильное сопротивление, и по этой причине план переустройства России, предложенный Крижаничем, в общем-то был трудноисполним.

Так что из многих рассуждений Крижанича наиболее ценными для нас будут не те, что наполнены конкретикой, а те, в которых обосновываются цели общественных преобразований и намечаются подходы к их реализации на практике. Тут в советах Крижанича много есть такого, без чего не обойтись и нашим современным политикам, которым было бы весьма полезно:

— познать природные качества своего народа, его нрав, достоинства и недостатки, разобрать, что ему полезно, а что во вред, и править так, чтобы не наносить несправедливых обид подданным, чтобы это было во благо не правящим, а тем, кем правят;

— осуществлять всякие преобразования таким образом, чтобы исправлялось лишь то, что нужно исправить, и сохра-

нялось то, что нужно сохранить, чтобы жизнь становилась счастливее, а народ богаче;

— не поддаваться на всякие соблазны иностранцев, перенимать у них только то, что действительно нужно и полезно России;

— искать свой собственный путь и верить в счастливую звезду России, которую Господь конечно же не оставит без милостей.

Без ясного осознания всего этого, подкрепленного совестью, любовью к России и к людям, ее населяющим, всякие их государственные заботы будут выглядеть пустыми и безосновательными.

Иван Посошков: для России и на все времена*

Вызванная к жизни преобразовательной деятельностью Петра I, необыкновенно яркая и смелая книга Ивана Тихоновича Посошкова «О скудости и богатстве» — выдающееся произведение. Вместе с тем ни масштаб, ни глубина мысли его автора, рядового купца-предпринимателя, выходца из ремесленных крестьян, до сих пор не получили должной оценки.

Крестьянское происхождение и купеческие занятия всегда вредили исследованию трудов Посошкова. Они довели над многими учеными, формируя у них односторонний подход к творчеству Посошкова. Ограниченный во многом взгляд на Посошкова формировался с середины XIX века — со времени прихода его к массовому читателю. Вспомним общие тогда представления о купечестве: темное царство! И вдруг появляется купеческая книга. С разбором важнейших государственных проблем! Со здоровыми, талантливыми даже, рассуждениями! Самородок!

Но «самородок» — не очень удачное слово применительно к такому таланту. Скажут «самородок» — и на первый план выступит причудливая игра природы.

В сторону отойдут и напряженный труд, и нелегкая жизнь. Скажут «самородок» — и вместе с удивлением ясно услышится и снисходительность. Скажут «самородок» — и за этим словом потеряются, поблекнут тысячи драгоценных крупинок, высвечивающих золотом историю русского предпринимательства.

* Вступительная статья к книге: *И.Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве.* — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001. См. также: Научные труды Международного Союза экономистов (МСЭ) и Вольного экономического общества (ВЭО) России. Т. 12 (40). М., 2003 (выступление в ВЭО России 20 ноября 2002 года на заседании «круглого стола» по теме «К 350-летию со дня рождения русского экономиста И.Т. Посошкова»).

Десятки русских купцов-предпринимателей еще и до Посошкова оставили заметный след в русской истории. Сколько их было и в его время! Людей незнатных, не получивших образования, но сумевших подняться до осознания общероссийских задач. Сколько талантливых сочинений, сколько важных государственных «прожектов» составлено ими! На их наследии вырос талант Посошкова, в общении с ними он креп. Вообще, без русского купца невозможно представить себе и весь ход русской жизни, и развитие русской экономической школы.

Схематизм и идеологическая зашоренность в оценках взглядов Посошкова не преодолены до сих пор. Нередко вместо серьезного разбора творчества публициста из книги в книгу кочуют устаревшие ярлыки и штампы: «идеолог купечества», «противник привилегий дворянства», «выразитель интересов крестьянства».

Кто-то и сегодня видит в его работах основы меркантилизма. Кто-то считает его провозвестником идей физиократов. Кто-то начинает искать в его трудах основания для современного понимания неимущественного богатства. Для кого-то он институционалист, и к тому же более продвинутый, чем все институционалисты XX века. Кто-то даже выстраивает из его высказываний ориентиры будущего социально-рыночного хозяйства. И так далее и так далее...

Конечно, каждый ученый волен трактовать воззрения Посошкова по-своему. Но за всеми выдвигаемыми исследованиями, схемами, дефинициями, оценками забывается основное, определяющее, исходное для понимания творчества русского экономиста. И в связи с этим хотелось бы указать на три важных момента.

Первое. Следует иметь в виду, что Посошков и по воспитанию, и по образу мысли прежде всего православный христианин. Могут сказать, что христианское понимание

жизнеустройства может сочетаться и укладываться во многие экономические учения. Но для Посошкова православие, христианские нормы представляют собой не нечто такое, что существует извне и с чем нужно поверять житейские установки. Они для него — основа миропонимания и мироустройства. Многие современные ему экономические реалии Посошков трактует именно с точки зрения христианской этики. И многие постулируемые им категории нельзя понять вне евангелистического миропонимания. К примеру, невещественное богатство для него — это отнюдь не свободное время, не характеристика уровня развития быта и культуры общества, не характеристика всесторонности развития личности, как это понимается многими сегодня. Для Посошкова невещественное богатство — это богатство святого духа, усвоенное человеком и проявляемое им. Посошков исходит из того, что жизненный путь христианина — это стяжание святого духа, обогащение души. Богатство человеческих душ — вот что выступает невещественным богатством у Посошкова. Конечно, богатство культуры, исторических традиций сюда тоже входит, но только дополняющим, но не определяющим фактором.

Такое понимание ценности действий человека касается и всех других выдвигаемых Посошковым положений, чего бы они ни касались.

Второе. Нужно помнить, что Посошков не только христианин, но еще и горячий, искренний патриот. Но патриот не в нашем, современном понимании. Не в смысле патриотизма «красных», «зеленых» или каких-то других общественных сил. Нет. Для него Отечество — это Предцарствие Небесное, место, где Господь судил родиться и жить человеку. Этот мир был создан Богом в совершенстве, в неизбывной красоте, и только грех оступившегося человека нарушил первозданную гармонию. Отсюда перед Посошковым, как

и перед всяким истинно верующим христианином, выступает задача воссоздания нарушенной красоты, чтобы через нее можно было выправить и спасти испорченный мир. Нужно заботиться о своем Отечестве, нужно, чтобы оно все больше и больше приобретало черт Царства Небесного, ибо Отечество — это то место, где приготавливается человек для жизни вечной на небесах.

Украшение Отечества — вот что полагает Посошков главной задачей по отношению к Родине. Украшение праведностью, добролюбием, благочестием, милосердием... Посмотрите. Вот главная книга Посошкова: «О скудости и богатстве». О скудости и богатстве! А начинается он ее с раздела о духовности... И все у него так. Даже грамматику Посошков понимает не как изучение правил сочетания слов, но как умение отделять добро от зла, как знание о том, что можно, а что нельзя, непозволительно делать на Земле человеку... Из такого понимания Отечества вытекают многие положения Посошкова, важные для определения мировоззренческой направленности его политико-экономических взглядов.

Третье. Не надо забывать, что Посошков — это не только искренне любящий Родину христианин. Он еще и предприниматель. Сохранились свидетельства о том, что Посошков и начинал, и заканчивал свою деятельность именно как предприниматель. И руководствовался он в этой деятельности не мертвыми теоретическими схемами, но здравым смыслом и практической сметкой. Исходя всякий раз из необходимости и выгоду для себя извлечь, и людей, через которых достигается эта выгода, не обидеть, и выполнить работу так, чтобы не было стыдно людям в глаза смотреть.

Из всего этого мы и должны исходить в попытках осмыслить творчество Посошкова. Если же, в противоположность этому, будем стремиться только согласовывать выдвинутые им положения с институциональной теорией,

монетаристскими взглядами, учением физиократов, то недалеко уйдем... Может даже создаться впечатление о противоречивости отдельных высказываний Посошкова. Но эта противоречивость — лишь следствие тех схем, которые примеряют к нему некоторые исследователи, тех концепций, которые наслоились на восприятие его суждений.

Личность Посошкова как экономиста, как ученого, старающегося понять закономерности хозяйственной жизни, не может быть раскрыта без учета того, что он выступает одновременно и как православный христианин, и как патриот, и как предприниматель. Это исходные позиции для понимания всех его трудов, представляющих собой целостное, стройное мировоззрение, горячо любящего Россию человека, желающего добра своему государству, верящего в его светлое будущее.

И вот об этом, о главном — о Посошкове как выразителе интересов Российского государства — теперь почти ничего не говорят. И почти не анализируется он как проповедник государственного переустройства, как глубочайший идеолог реформ. Но в этом суть его книг! И тут следует вспомнить о преобразовательной деятельности Петра I, которому и предназначалось сочинение Посошкова.

У императора Петра была страсть ко всяким нововведениям. Он осуществил I их так много, что его по праву считают величайшим реформатором. И кажется удивительным желание Посошкова направить и даже невольно поучить уму-разуму государя, набравшегося ко времени написания «Книги о скудости...» и многих знаний, и неопценимого практического опыта.

Но далеко не все удавалось Петру, и не так споро продвигалось дело его, поскольку к энергии монаршей власти не подключалась энергия масс. «Он на гору хотя и вдесятеро тянет, а под гору миллионы тянут», — удивительно метко

подмечает это Посошков. По этому поводу С. Соловьев приводит характерные примеры со школами в петровское время: царские указы о их починке не выполнялись, учителям вдруг прекращали выдачу и жалованья, и дров..

Посошков восхищается энергией Петра, он угадывает за ней положительную направленность, но общая картина петровских преобразований его беспокоит и удручает: «Видим мы все, как великий наш монарх о сем трудится, да ничего не успевает».

Посошков — искренний сторонник императора. Так же, как и Петр, он видит в окружающем настоящем множество следов негодного прошлого, должно отойти, отслоиться, умереть, и почему-то не отходящего, и почему-то не умирающего. Так же, как и Петр, он не раболепствует перед прошлым. Так же, как и Петр, предлагает «самые крутые меры для истребления застарелого зла» (С. Соловьев), но, в отличие от властного государя, он ищет глубинные причины современной ему неустроенности и успевает, находит время и возможность, подумать об очень и очень многом, «о чем не умели думать высшие классы» (В. Ключевский). И не только думает, но и отыскивает «уйму способов» по исправлению «происходящей неправды». Системно выстроенные предложения Посошкова свидетельствуют о недюжинном уме автора и являют собой великолепный образец редкого у нас многого подхода к переустройству России...

Удивительно, но многие из предложений Посошкова не потеряли значимости и до сих пор. И рассматриваемые им «неисправности» поразительно схожи с нашими, теперешними.

И бедственное положение армии, когда «иным солдатам и по десяти алтын на месяц денежного содержания не приходится», так что «от такова порядка и от бескормицы служба вельми не успешна, потому что голодный, идучи, за соломинку зацепляется, а не то что ему неприятеля гнать».

И неправосудие, когда «судная расправа, никуда не годная», когда «много и безвинно сидят», когда очи и мудрых судей «заслепляет мзда», когда они нисколько не стараются людей «поберечь и до убытка какова не допустить».

И казнокрадство, когда многие кормятся «государевыми сборными деньгами», когда «деньги сборные крадут».

И засилье чиновников. Когда у миллионов людей произволом чиновничества, которое хуже воров и разбойников, отбита всякая охота приложить к чему-либо руку. Когда все они помышляют только о ежедневном скудном пропитании.

И недостатки налоговой системы. Когда многими налогами «смущают дух народа». Когда государственные «прибыльщики устроили генеральную облаву, особенно на мелкого промышленника и мастерового». Когда существует масса мелочных сборов (от которых «только людям турбация великая: мелочный сбор мелок он и есть!»). Когда «покушаются с одного вола по две и по три кожи сдирать, а по истинной правде не могут и единой кожи целой содрать и как не стараются, только лоскутья сдирают». И когда все это — настоящая беда, ибо «худой тот сбор, когда кто царю казну собирает, а людей разоряет». Не так следует поступать тем, «кто прямо государю своему тщится служить»: более собрания казны им надлежит «людей от разорения» охранять.

И неразвитость, и незащищенность отечественной промышленности. Когда из страны вывозится сырье, но не готовые изделия. Когда русские правители «русского человека ни во что ставят». Когда и наше купечество не ставят «ни в яичную скорлупу; бывало, на грош все купечество променяют». Когда иноземцы, приехав, «засунут сильным персонам подарок рублей в сотню, другую, то за сто рублей сделают они, иноземцы, прибыли себе по миллиону».

И неразрешенность земельного вопроса. И скудость бюджета... Все, буквально все поставленные Посошковым вопро-

сы волнуют нас и сегодня. И так же, как и он, мы отыскиваем способы реформирования государственного управления, армии, судопроизводства, образования, экономических и земельных отношений. Они могут оказаться отличными от предложенных Посошковым. Но и не в них даже дело. Дело в заявленных Посошковым целях переустройства страны и выстроенных им главных направлениях такого переустройства.

Первая, существеннейшая (и очень русская) черта во всех предложениях Посошкова — «снискание правды». «Правде отец — Бог, и правда весьма богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправде отец — дьявол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство расточает и в нищету приводит и смерть наводит».

Об отыскании правды — более всего следует заботиться. Отыщем ее — все остальное приложится, ибо «правдою утверждается престол» (Притчи, 16,12). Но искать ее надо у себя и самим, не испрашивая советов на стороне, ибо Западу не нужно наше благополучие, им нужно, чтобы «они одни славились и богателись, а мы бы от них из рук глядели».

Когда найдем правду, когда она «в нас утвердится и твердо вкоренится, то не можно царству нашему российскому не обогатиться и славно не возвыситься». Но что значит по Посошкову государству возвыситься? Тут еще одна его замечательная мысль, совсем забытая сегодня. Мысль, в корне предвосхищающая главный социалистический, а лучше сказать — главный социальный закон: не то великое дело, чтобы царскую сокровищницу наполнить богатством, «но то великое и многотрудное есть дело, чтобы народ весь обогатить!» И почти повсюду в книге разбросаны его предупреждения власти: берегите народ. Он дан вам Господом только во временное управление, и ответите за него пред Господом! Не истощайте его силы, не доводите его до оскудения, по-

сколько это главная причина оскудения государства. Но и не оставляйте его в праздности. Но и не поощряйте его лениности.

И когда иные историки выводят Посошкова защитником интересов купечества, одевая его в мундир меркантилиста, они не видят, как тесен ему этот мундир! И не догадываются, что ему нужна одежда много просторнее. Это оттого, что читали Посошкова равнодушно, только глазами. Не пропуская прочитанное через сердце. Иначе нельзя было не заметить страстной устремленности Посошкова к процветанию всей России. К процветанию каждого ее сословия, каждой семьи, каждого двора. Иначе нельзя было проглядеть этой главной его мысли: «Чтобы народ весь обогатить!»

Разительно отличаются не только цели, разительно отличаются и предложения Посошкова от навязанных нам в прошедшее десятилетие. Не со сладкого (отнять и поделить) предлагает он начинать серьезные преобразования (ибо на этом и кончим), но с подъема национальной духовности, с патриотизма, с образования, с формирования профессионализма во всем, с культурной революции, если хотите. Чтобы не были наши лидеры слепыми вождями слепых. Чтобы и мы не рассчитывали на властную энергию одних только правителей, часто рабов обстоятельств, рабов собственной гордости, рабов собственного окружения, рабов собственной алчности. Бог весть куда они могут нас завести. Царей с рабским существом — и «земля не может носить» (Притчи, 30, 21–22).

И государство Посошков не уводит на задний план. Роль его у Посошкова решающая. Уважающее себя, сильное, основанное на законе, на правде государство и неленивый, богатый, просвещенный народ — вот куда простираются мечты Посошкова. И он не видит возможности реформировать страну, экономику без участия государства. Нужны переустройство, решительная ломка старых законов («у нас в Руси неправда вельми застарела»). Нужно совершенствование образования.

Нужны справедливые налоги, не разоряющие народ. Нужны разумные пошлины. Отечественной промышленности нужна защита от импортной интервенции... Кто же всем этим будет заниматься в стране, где почти все, так уж сложилось, казенное? Или кому этим заниматься, как не государству?

Ключевский справедливо пишет о том, что почитатель государя Посошков вынужден «был признать и красиво изобразил, как плохо спорилось дело в руках у Петра», как все судьи у него «криво ехали», как мало было у него пособников и радетелей.

Все верно, но тут следует и добавить, тут следует и уточнить, что заслуги Посошкова совсем не исчерпываются только этим. В «Книге о скудости...» нельзя не заметить и глубокой, на века, позитивной программы. В 1842 году, когда известный историк М. Погодин задумал издать ее, он встретил цензурные затруднения. Почему? Не потому ли, что и сто лет спустя после написания мысли ее автора страшили вороватых чиновников, брали их за живое.

Не могло их разделять и аристократическое дворянство, упреки которому разбросаны по всей книге Посошкова. Теперь некоторые из этих упреков могут показаться неактуальными. Но это только на первый взгляд. Может, к примеру, показаться анахронизмом предложение Посошкова о запрете дворянам заниматься предпринимательством. Но давайте вспомним, чем было дворянское сословие в петровское время. Чем занимались тогда его представители? Служением государству! Управлением государством! Но что может случиться с государством, если люди, им управляющие, начнут совмещать государственные дела с собственным бизнесом, мы слишком хорошо теперь знаем.

Книга «О скудости...» написана Посошковым в «доношение» Петру I, чтобы, ознакомившись с содержащимися в ней предложениями по искоренению «неисправностей», государь бы их

«в дело произвел». И теперь исследователи задаются вопросами: дошла ли книга до государя, успел ли он ее прочитать? Нам эти вопросы не кажутся достаточно важными. Разве из многих исторических обстоятельств не ясен на них ответ?

Для всех нас важнее не то, что состоялась историческая встреча Посошкова с читателем. И еще. Для всех нас не важнее ли получить ответы на другие вопросы: не прошла ли эта книга мимо нашей сегодняшней власти, прочитали ли ее наши сегодняшние правители? Настолько много в ней мыслей, не потерявших актуальности, настолько далеко заглянул он вперед. За удивительность, за несвоевременность некоторых предложений Посошкова Ключевский называет его проекты «самым ранним сновидением», а его самого — чудачком. Но об их удивительности можно думать только в связи с окружающей Посошкова действительностью. С точки же зрения общего хода истории — никакой удивительности. Прозорливость таланта, трудившегося «не себя ради», но из любви к России! Таланта, сумевшего заглянуть очень далеко! Таланта, сумевшего разгадать извечную тайну успешной жизни любого государства. Тайну, состоящую из четырех всего слов: Свободный Труд, Закон и Правда.

И вот что сделали любовь и талант: писал для Петра, применительно к определенному времени, получилось же — для России и на все времена.

Андрей Шторх: первый русский академик-политэконом*

Прозвучавшие здесь положения о реабилитации политической экономии как вузовской учебной дисциплины, восстановлении ее в полных правах в студенческой аудитории очень важны в настоящее время для продвижения вперед всего комплекса экономических наук. Хотел бы также обратить внимание всех присутствующих на то, что политэкономия отнюдь не чуждый предмет для российской школы социально-экономической мысли и не чуждое явление для экономической мысли России. Российские ученые внесли значительный вклад в развитие этой науки уже в начале XIX века, завоевали заслуженное признание как лучшие ее представители. Здесь стоит напомнить прежде всего имя Андрея (Генриха) Карловича Шторха (1766–1835), книга которого «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие» в виде шеститомника вышла в Санкт-Петербурге на французском языке в 1815 году. Этот труд сразу привлек внимание зарубежных экономистов, был вскоре переиздан в Германии и во Франции, вызвав оживленную дискуссию западных ученых по вопросам производительного и непроизводительного труда, более полного определения природы национального богатства и дохода, а также существенно способствовал углубленному пониманию закономерностей прогрессивного развития как экономики, так и всех сфер жизни человеческого общества на основе впервые обоснованной Шторхом теории цивилизации. Чтобы лучше оценить всю ценность

* Вступительная статья к книге: А.К. Шторх «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода». — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008 (текст статьи переработан для публикации материалов проведенного 10 июня 2015 года в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 250-летию ВЭО России, и по итогам Всероссийского конкурса кафедр и образовательных программ «Экономика и управление — 2014» Всероссийского экономического форума на тему «Политэкономия формулирует предмет исследования»).

высказанных им идей, следует вспомнить, что в то время еще не полностью сложился понятийный аппарат молодой политической экономики, что только в 1817 году вышла книга Д. Рикардо «Начала политической экономики и налогового обложения», а Карл Маркс еще не родился.

К сожалению, ныне даже известные наши ученые-экономисты знают больше об исследованиях Д. Рикардо, чем о содержании и значении труда Шторха «Курс политической экономики...». И это, согласитесь, нельзя признать правомерным, а ведь на 2015 год приходится 200-летний юбилей публикации это основного труда ученого. К тому же Шторх был первым российским академиком по специализации «политэкономия и статистика», занимал пост вице-президента Российской академии наук. Надо подчеркнуть и следующий момент, связанный с темой нашего обсуждения. Шторх в начале своего «Курса...» говорит, что политэкономия дает ключи к государственному управлению и важна поэтому не только для первых лиц государства, но и для тех, кем они управляют, о чем идет речь и на нашем форуме. Заканчивает свой труд Шторх тем, что включает в него раздел, посвященный теории цивилизации, подчеркивая, что политэкономия — это наука, которая ведет нас вперед, позволяет видеть завтрашний день, выстраивать его по критериям цивилизационного развития.

А теперь мне хотелось бы обратиться к личности Андрея Шторха, к его деятельности на ниве российской науки, вкладу в нашу социально-экономическую мысль. Надеюсь, что беспристрастное время никогда не обесценит его наследие в школе русской социально-экономической мысли, что светлое и доброе имя его всегда будет украшать величественное здание русской цивилизации.

* * *

У каждой цивилизации своя статья, свой размер, свое миропонимание и мироощущение. И жизненный путь Шторха, его российская судьба — одно из ярких тому подтверждений. Выходец из прибалтийских немцев, родившийся на далеких западных окраинах Российской империи, но живший и творивший на Русской земле, познавший и полюбивший ее историю, культуру, сроднившийся с ее душой, чистой и созерцательной, он сам стал настоящим русским. Стал русским в истинном значении, не по крови, не по паспорту, не по титульной национальности, а по своему согласию с биением сердца России, по своему созвучию с ее внутренними голосами, по единому сопереживанию с ней таких разных ее дней и событий. Стал русским по своей сопричастности к Русской земле, по своей наполненности ее исконно духовно-нравственными основами. Стал русским, впитав в себя ее коренные цивилизационные черты и характеристики. Даже краткое знакомство с биографией ученого дает нам возможность не только лучше понять масштаб его личности, его путь к политэкономии, но и узнать малоизвестные страницы истории распространения и развития политэкономии в России, ее роли в воспитании и образовании первых лиц Российского государства в начале XIX века.

* * *

Андрей Карлович Шторх [Heinrich Storch] родился 18 февраля 1766 года в городе Риге — столице Остзейского края Российской империи. Окончив учебу в школе при рижской Соборной церкви, 17 лет от роду, отправился он в Йенский университет слушать курс философии и права. Йенский университет, основанный аж в 1558 году, стал к тому времени настоящим центром классической немецкой философии и немецкого романтизма, воплощавшим

революционные идеи юной буржуазии. Не случайно с этим университетом связана деятельность И. Гете, И. Фихте, Ф. Шиллинга, Ф. Шиллера. Здесь, кстати, в 1801–1807 годах читал свой знаменитый курс философии Г. Гегель. Здесь позднее, в 1841 году, защитил докторскую диссертацию К. Маркс.

В начале 1786 года Шторх уехал из Йены в путешествие по югу Германии и северу Франции, а осенью 1787 года поселился в Гейдельберге, чтобы продолжить изучение политических наук в стенах Гейдельбергского университета, который во время учебы А. Шторха выдвинулся в ряды первых университетов не только Германии, но, пожалуй, и всей Европы, соединил в себе лучшие черты и традиции европейских университетов и как высшей школы, и как крупного научно-исследовательского центра. Юношеское стремление к общественной гармонии, социальному равенству, благородный романтизм университетских лет навсегда оставили глубокий след в жизни и деятельности Шторха.

Фундаментальная научная подготовка, глубокая эрудиция, природный талант зоркого наблюдателя и захватывающего рассказчика вместе с педантичной усидчивостью и высокой работоспособностью позволяют Шторху подготовить и выпустить в свет всего через год после путешествия по Франции свою первую книгу. «Сцены, очерки и замечания, собранные в путешествии по Франции» были благосклонно приняты читающей публикой, представили несомненные доказательства наблюдательности молодого автора, его блестящего и часто поэтического воображения, естественного и исполненного пылкого жара юношеского слога. Книга, практически сразу переизданная повторно, побуждает Гейдельбергский университет предложить Шторху должность экстраординарного профессора. Но он по совету Николая Румянцева, русского посланника в Рейнских округах, отказывается от заманчивого предложения. А сама встреча с графом,

блестящим дипломатом, щедрым меценатом, опытным знатоком царского двора, будущим министром торговли в первом правительстве Александра I, становится для молодого ученого судьбоносной. Он возвращается в Россию. Андрея Шторха по протекции Н. Румянцева принимают в лучших домах Санкт-Петербурга, помогают получить в 1788 году место преподавателя истории и словесности в элитном Дворянском сухопутном кадетском корпусе.

Должность эта предоставляла Шторху свободное время и серьезные материальные возможности для самостоятельного продолжения научных трудов. Изящное и непринужденное чтение Шторхом своих лекций на великолепном французском языке привлекало в студенческую аудиторию не только воспитанников кадетского корпуса, но и многих образованных людей того времени, что позволяло молодому преподавателю поддерживать широкий круг великосветских знакомств, быть в курсе волновавших столичное общество новомодных идей и злободневных дискуссий. И наконец, следовавшие непосредственно за лекциями обсуждения заявленных на них тем, теплый обмен мнениями оттачивали преподавательское мастерство Шторха, помогали ему искать и находить новые аргументы в защиту своих взглядов, возвращали и формировали интеллектуальный потенциал пытливого исследователя.

За год с небольшим А. Шторх публикует «Начальные основания литературы для кадетского корпуса» (1789), а затем практически одновременно приступает к подготовке объемного альбома красочных видов Санкт-Петербурга и статистического обзора наместничеств Российской империи по их достопримечательностям и культурному состоянию.

Работа А. Шторха в Департаменте иностранных дел, куда он перешел в 1789 году, оставив место преподавателя в кадетском корпусе, и исполнение им с 1790 года обязанностей

секретаря канцлера графа Безбородко открыли ему новые возможности для успешного завершения в 1793–1795 годах начатых работ. Книги с интересом были восприняты в России, а после их перевода на французский, шведский, немецкий, голландский языки и в Европе. Активная научно-публицистическая деятельность А. Шторха, высокий авторитет его работ, их европейская известность обратили на него внимание Екатерины II и позднее наверняка помогли ему получить в 1796 году звание корреспондента Петербургской Императорской академии наук. Императрица сама милостиво ободряла Шторха в его трудах и даже намеревалась сделать своим секретарем. Но кончина государыни не позволила осуществиться этим намерениям.

* * *

Приобщение к высокому академическому собранию окрыляет А. Шторха, умножает силу, натиск и диапазон его творческого научного поиска. Всего за три года — с 1796 по 1799 год — он не только переиздает в ряде европейских стран свои прежние, существенно переработанные, дополненные и лично отредактированные книги, но и приступает к подготовке новых, методично и целеустремленно ведет захватившее его своей масштабностью многогранное исследование путей, форм, методов, условий и результатов социально-экономического развития России. В 1796–1798 годах Шторх в г. Риге выпускает в свет на немецком языке свои «Материалы к познанию Российской империи», где на основе изученных и обработанных им различных источников представляет обобщенную историко-статистическую картину состояния Российской империи, приводит данные об уровне ее промышленно-культурного развития, знакомит читателя через многочисленные авторские выписки и выдержки из архив-

ных документов с русской библиографией познания и описания истории государства Российского.

К «Материалам...» близко примыкают изданные в 1798 году на немецком языке в г. Лейпциге «Летописи царствования императрицы Российской Екатерины II». Задуманные как многотомное хронологическое повествование «Летописи...» призваны были отразить в последовательном и систематически расположенном порядке законодательные меры, предпринятые всемогущей самодержицей для обустройства России, ее триумфального утверждения в мировом сообществе как великой и просвещенной державы. Этому плану, к сожалению, не суждено было исполниться. «Издание, — как с горечью отмечал потом сын автора Н. А. Шторх, — сразу... остановилось на первой части...» И дело было совсем не в трудностях исполнения столь грандиозного плана — ведь предстояло поднять и описать огромный пласт исторических событий. Жесткое, непримиримое неприятие всего сделанного венценосной матерью было возведено в ранг государственной политики ее сыном и наследником Павлом I, вступившим на престол осенью 1796 года. Шторх был вынужден вернуться к начатому еще до «Летописей...» многотомному «Историческому и статистическому обзору Российской империи в конце 18-го века», первый том которого и был издан на немецком языке в 1797 году. Работа над «Обзором...», близким по своему содержанию к «Летописям...» и соединявшим историю, этнографию, статистику общей темой динамичного развития России накануне нового века, дала новые импульсы к углубленному изучению и тщательному описанию А. Шторхом русского хозяйственного строя того времени, упрочила авторитет ученого в глазах и представителей европейской науки, и что, наверное, еще более важно для его дальнейшей судьбы, в глазах высшего столичного общества.

Острый ум, истинная образованность, широкий междисциплинарный научный кругозор, высочайший уровень культуры, строгие нравственные качества, деликатная вежливость и благородная учтивость, внутреннее достоинство и такт А. Шторха преодолели предвзятую подозрительность вспыльчивого монарха, заставили супругу Павла I императрицу Марию Федоровну «вверить» ему экономическое и политико-правовое воспитание своих дочерей — Екатерины, Марии и Анны, а позднее и лично обратиться к нему в 1799 году с предложением прочесть своим старшим дочерям особый цикл лекций. Великие княжны Александра и Елена, помолвленные за палатина Венгерского и наследного принца Мекленбургского, нуждались в дополнительных знаниях по истории, культуре, политико-государственному устройству и современному социально-экономическому состоянию государств своих будущих супругов-монархов.

Материнская оценка сделанного Шторхом была в высшей степени благосклонна. И через десять лет после первоначального знакомства, в 1809 году, вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая проводила тогда зиму в Гатчине, вновь поручает Андрею Карловичу продолжить политико-экономическое образование своих детей — теперь уже младших сыновей Николая и Михаила, а сама просит его познакомить и ее саму с модной тогда у российской знати новой наукой — политической экономией. Именно для нее Шторх начинает разрабатывать цикл лекций, который впоследствии читает великим князьям Михаилу и Николаю.

Удостоенный престижного назначения в преподаватели императорских дочерей и сыновей, А. Шторх так искусно и тщательно выстроил весь ход учебного процесса, что безостановочно с 1799 года на долгие двадцать лет стал для юного поколения царской семьи бессменным учителем и наставником. Эта его деятельность завершилась с достижением Ми-

хаилом Павловичем в 1819 году своего совершеннолетия. У Шторха, после обучения великих княжон Александры и Елены, постигали основы и тонкости зарубежного государственного права, национальной статистики и народного хозяйства европейских стран, их истории и этнографии великие княжны Мария Павловна — будущая великая герцогиня Саксен-Веймарская, Екатерина Павловна — супруга принца Гольштейн-Ольденбургского, а впоследствии королева Вюртемберга, Анна Павловна — будущая королева Нидерландов.

По поручению Марии Федоровны с 1813 года Шторх стал читать выделенный в самостоятельную учебную дисциплину курс политической экономии великим князьям Николаю Павловичу — будущему российскому императору Николаю I и Михаилу Павловичу — его брату, будущему члену Государственного совета и российскому сенатору. Эти-то лекции по политической экономии в доработанном виде Шторх и издает по высочайшему разрешению и за государственный счет в 1815 году как свой ставший впоследствии знаменитым «Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие».

* * *

Несомненный успех научных и литературных трудов, благоприятные отзывы о них российских и зарубежных читателей, деятельное участие Шторха в жизни общества и прежде всего его активная работа в Российском Вольном экономическом обществе, Императорской академии наук принесли ему заслуженное уважение в российских и европейских научных кругах. Неудивительно поэтому, что когда в 1803 году с принятием нового Устава Российской академии наук в ее «штатном расписании» появилась вакансия ординарного члена в области политэкономии и статистики, то из трех претендентов на нее был избран Шторх. 7 декабря 1803 года было

одобрено предложение академиков Л. Крафта, Ф. Шуберта и Н. Фуса пригласить согласно Регламенту Академии наук на вакантное место корреспондента Андрея Карловича Шторха. 1 февраля 1804 года он был избран ординарным академиком по политической экономии и статистике. Шторх, ставший первым российским академиком-экономистом, сразу же деятельно взялся за разработку, как сказали бы сегодня, актуальных для народного хозяйства страны политэкономических проблем, готовит для чтения и обсуждения в стенах Академии концептуальные научные доклады и сообщения, которые незамедлительно печатаются в трудах Академии.

Тематика их свидетельствует, что Шторх последовательно разрабатывает системообразующие положения политэкономии, выбирая тесно связанные между собой ее узловые, сердцевидные категории. Воздавая должное зарубежным ученым, прежде всего А. Смиуту, и критически оценивая достигнутое, он излагает свои соображения, отстаивает свой независимый взгляд на фундаментальные основы молодой науки. Как раз эти-то научные доклады и сообщения позволили Шторху при подготовке в 1809 и 1813 годах курсов лекций своим августейшим слушателям дать собственное систематическое изложение начал политэкономии, развернуть и обосновать свою трактовку ее предмета, многих ее принципов и понятий, свою, отличную от А. Смиута, концепцию производительного труда, внутренних благ, национального богатства, народного благоденствия, свою теорию цивилизации.

Впечатляет и сам перечень основных докладов Шторха, сведения о которых сохраняет «Летопись Российской Академии наук». Так, в августе 1805 года Шторх представил сочинение «О содействии правительства развитию просвещения вообще и промышленности в частности». В марте 1806 года он передает сочинение «Об основном принципе различных политических систем», а в мае — сочинение «О доктрине

А. Смита», в июне секретарем Академии Н. Фусом прочитано его сочинение «О конституционных принципах различных политических систем», а уже в сентябре Шторхом представлено сочинение «Развитие принципов естественной свободы». Этот доклад был прочитан в Академии им самим в январе 1807 года, и в том же году Шторх передает академическому собранию продолжение работы о развитии принципа естественной свободы.

Доклад «Анализ понятий блага, стоимости и богатства» зачитан Шторхом в июне 1808 года, а в феврале 1809 года — доклад об источниках стоимости. Н. Фус в октябре 1809 года зачитал подготовленную Шторхом лекцию о возникновении цены. В мае 1810 года Шторх сам докладывает в Академии о соотношении личного и национального богатства. Письменный доклад Шторха о природе капитала был зачитан Н. Фусом в феврале 1811 года. Доклад о методах исчисления затрат на монетное производство Шторх читает в апреле 1812 года, а доклад о сущности системы найма — в декабре 1812 года. В январе 1814 года Шторх выступает с докладом об использовании медных денег. Эту тему он продолжил и в докладе, сделанном в августе, в котором речь шла об использовании медных денег в России.

Таким образом, по данным академической летописи, за период с 1805 года Шторхом самим или секретарем Академии Н. Фусом прочитаны следующие его сочинения: «О содействии правительства развитию просвещения вообще и промышленности в частности», «Об основном принципе различных политических систем», «Развитие принципов естественной свободы», доклады «Анализ понятий блага, стоимости и богатства», «Об источниках стоимости», лекция «О возникновении цены», доклады «О соотношении личного и национального богатства», «О природе капитала», «О мето-

дах исчисления затрат на монетное производство», «О сущности системы найма», «Об использовании медных денег».

В трудах же Академии («Memoires de L'Académie des Sciences de St.Petersbourg») были опубликованы следующие работы Шторха, написанные им до выхода в свет его «Курса политической экономии...»: «Конституционные принципы науки об управлении государством»; «Развитие принципа естественной свободы при изложении учения Смита об управлении государством»; «О современных теориях ценности»; «О природе ценности и ее различных видах»; «Источники ценности»; «Различные формы меновой стоимости»; «О предметах, обладающих ценностью. Анализ различных видов благ»; «Анализ частного и национального богатства»; «Анализ индивидуального капитала и капитала нации»; «Различные методы взимания издержек чеканки монет и их влияние на цену товаров»; «Теория платы за наем»; «О медной монете и особенно об одной в России»; «Сдерживание импорта иностранных товаров как средство поощрения национального производства»; «Использование кредита для удовлетворения потребностей правительства в современных государствах и особенно в России»; «Изменение цен товаров».

«Курс политической экономии...» практически сразу после своего выхода публикуется в Германии в переводе на немецкий язык (1816–1819), а в 1823 году его переиздает во Франции с собственными критическими замечаниями Ж. Сэй. Защищая свои взгляды в развернувшейся полемике, Шторх пишет в дополнение к названным выше восемь новых докладов, прочитанных в Академии, — о внутренних благах, их участии в создании дохода и богатства и издает их резюме в самостоятельной работе «Размышления о природе национального дохода», которая на французском языке выходит в 1824 году в Париже, а на немецком языке в переводе самого автора в Германии в 1825 году. Именно это немецкое издание

впервые переведено на русский язык и впервые для России опубликовано в изданной в 2008 году Издательским домом «Экономическая газета» книге А. Шторха «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода». Свою теорию производительного труда, внутренних благ и богатства Шторх развивает также в работе «К критике идеи о народном богатстве», вышедшей в 1827 году в Петербурге. Последние научные работы Шторха, опубликованные в трудах Академии, посвящены проблемам последствий обесценения бумажных денег, опровержению доктрины Сисмонди о значении возрастания капитала нации для ее благосостояния.

* * *

А. Шторх — это не только известный русский экономист, но и видный историк и статистик. Он сыграл также большую роль в становлении библиографии в России. Совместно с Ф.П. Аделунгом он издал в 1810 году «Систематическое обозрение литературы в России с 1801 по 1806 г.», которое с исчерпывающей полнотой охватывало русскую печатную продукцию указанного периода и положило начало русской книжной статистике.

Академик Шторх и в стенах Академии не ограничивается сугубо научной деятельностью, охотно принимает на себя большой массив возложенных на Академию организационно-педагогических и экспертно-консультационных обязанностей — индивидуально занимается с воспитанниками Академии, рецензирует поступающие в ее адрес научные труды и конкурсные работы, готовит заключения на правительственные запросы, организует работу научных советов и общественных комиссий. И это не считая его участия в организации первого русского кругосветного плавания

И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806), экспедиций Ф.И. Шуберта в Китай (1805–1806), духовной миссии в Китай в 1819 году и экспедиции академика Г.И. Лангсдорфа во внутренние районы Бразилии (1821–1829), помощи П.М. Строеву в подготовке археографической экспедиции по северо-западу России (1828–1834), да и собственного путешествия в Сибирь, предпринятого для пополнения минералогических сведений, а также обширной переписки с научными учреждениями, общественными деятелями России и зарубежных стран.

В апреле 1830 года Андрей Карлович заменяет, как бывало и ранее, президента Академии, 8 ноября приступает к исполнению обязанностей ее вице-президента. Признанием научных заслуг и огромной плодотворной деятельности Андрея Карловича Шторха стало назначение его Указом Николая I Правительствующему сенату от 1 декабря 1830 года на должность вице-президента Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

* * *

В напряженном рабочем графике в течение многих лет занимало весомое место расписание его трудов по развитию российской системы народного образования. Все началось также с супруги Павла I — императрицы Марии Федоровны. Успехи Шторха в образовании юных Романовых, ответственность, пунктуальная организованность, независимость и умение ладить с непростой придворной средой лучше всяких рекомендаций позволяют мудрой Марии Федоровне привлечь Андрея Карловича к ее императорским заботам по покровительству и руководству делом воспитания и просвещения в России.

С 1813 года вдовствующая императрица стала регулярно приглашать Шторха к наблюдению за институтами, состояв-

шими в ее ведении и под ее покровительством. В 1817 году она поручила Шторху поехать в Москву для осмотра тамошних институтов, которые намеревалась преобразовать по образцу петербургских. А во время зарубежных поездок Мария Федоровна не раз подтверждала Шторху его полномочия по возможности чаще посещать опекаемые ею институты и сообщать ей об их положении.

О признании его заслуг в этой области можно судить и по участию Андрея Шторха в работе соответствующих государственных структур. Так, в 1820 году он был избран в члены созданного тогда Комитета для лучшего устройства институтов. И его ученик, император Николай I, хотя он и сохранил на всю жизнь воспоминания об уроках Шторха как о чем-то скучно-заумном и крайне далеком от столь притягательных молодцевато-бравых военных дисциплин, хотя он и помнил свой насмешливо-ученический взгляд, выскивавший у доброго и сердечного наставника забавные, а порой ехидно и язвительно нарочно приписываемые ему внешние черты, которые, кстати, будущий император весьма профессионально отражал в своих шаржах-кариатурах, рисованных на лекциях по политической экономии; даже он, признавая заслуги и авторитет А. Шторха, с полной уверенностью считал необходимым привлекать его к совершенствованию работы учреждений воспитания и просвещения. Уверенность эту у императора, во многих личностных характеристиках слишком похожего на своего отца, не смогло поколебать ни участие старшего сына Шторха — Александра, 21-летнего поручика лейб-гвардии Гренадерского полка, — в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, ни его арест, заключение в Петропавловскую, а затем и в Выборгскую крепость, ни последующая высылка из обеих столиц с установлением секретного надзора. В мае 1826 года Андрей Карлович назначен в члены комитета для улучшения воспитания в заведе-

ниях Министерства народного просвещения, а в 1827 году по прямому поручению Николая I академик Шторх принимает участие в работе комитета, занимавшегося разработкой нового устава для финляндского университета...

Немалых трудов Шторха стоили рецензирование учебников и учебных пособий, подготовка образовательных программ и «стандартов», участие в аттестационных комиссиях и кадровых отборах, инспекционные проверки и... многое, многое другое. Имя А. Шторха, между прочим, значится среди членов комиссии, 22 мая 1817 года присутствовавшей на выпускном экзамене по всеобщей истории группы воспитанников Царскосельского лицея, в составе которой был гений российской словесности — А.С. Пушкин.

* * *

Хотелось бы остановиться и на актуальных ныне мыслях Шторха о нравственной позиции ученого, которому приходится работать в непростой обстановке придворного общества, делать выбор между служением научной истине и сохранением своего положения.

Всю свою жизнь, всю, без остатка, посвятил академик Шторх трудам во благо России, во имя ее процветания. И во всех своих работах, скорее всего сам не замечая этого, оставлял он «пропущенные» через ум и сердце размышления о пережитом, думы о грядущем. Каждый раз, подводя итог сделанному, обобщая сказанное, старался он кратко и доходчиво выразить то девизом, то емким и сильным афоризмом свою главную мысль, свое главное пожелание каждому, будь то читатель, будь то слушатель. Одно из них, может быть, самое-самое первое, таится в траурной речи 28-летнего (!) Андрея Шторха. Поминая 7 июня 1794 года своего благодетеля и доброжелательного покровителя — графа Федора Евстафьевича Ангалъта, внимательного слушателя тех самых его

первых, столичных лекций, президента Вольного экономического общества России, бывшего одно время генерал-директором Сухопутного дворянского кадетского корпуса, в котором и начинал свой трудовой путь будущий академик, — Шторх особо выделяет как безусловно заслуживающие подражания его отношение к работе и личные качества. Отмечая обширные знания Ф.Е. Ангальта, его бесконечную любовь к наукам, постоянное усердие к общей пользе, общительность, человеколюбие, усилия по приумножению славы в деятельности первого общественного института России — Вольного экономического общества, Шторх особо останавливается на волновавшем его, видимо, вопросе о том, как нужно вести себя в придворной среде, чтобы сохранить свои честь и достоинство, не потерять уважения в глазах других людей. Граф, говорит Шторх, «...имел многотрудное искусство быть придворным человеком без лести и угождать всякому, себя не унижая...», «обладал духом, жаждущим истины».

Жаждать истины и оставаться Человеком. Мудрый урок. Великая заповедь.

* * *

Энциклопедист Шторх стоял у колыбели многих российских научных школ. И каждая из них вправе видеть в нем своего поклонника, подарившего исключительно ей драгоценные россыпи новых знаний. Однако в этом споре все науки, не сговариваясь, все же единогласно отдают пальму первенства политической экономии. Она и только она в конце концов целиком подчинила себе всю творческую жизнь А. Шторха. Она и только она беспрекословно диктовала ему ориентиры и логику научно-исследовательского поиска. Политической экономии и принадлежит основной массив теоретических результатов, достигнутых А. Шторхом.

Сегодня, когда политическая экономия позорно изгнана из большинства студенческих аудиторий как «главнейшая приспешница марксистско-ленинской идеологии», когда политическая экономия по сути «лишена» статуса науки и когда она то под злорадное улюлюканье безграмотного чиновничества от образования, то под ехидное хихиканье иных бывших партийных и комсомольских агитаторов отправлена на жалкое прозябание в отдаленные области истории экономической мысли, именно сегодня с особым чувством читаются слова А. Шторха о политической экономии. Да это по большому счету и не слова вовсе, а гимн, полноценная торжественная ода науке, открывающей объективные законы бытия человеческого общества, объясняющей этапы, стадии, фазы его цивилизационного развития и просвещенной зрелости, утверждающей, что без знания политико-экономических законов никакое полноценное управление государством в принципе невозможно, что всякий, кто берется за рычаги государственного управления, прежде всего обязан освоить азы политической экономии как науки эффективного и результативного государствоведения, с которой к тому же должны быть знакомы все. «Изучение политической экономии, — пишет академик Шторх, — не только необходимо для государей и правителей, но и полезно для всех» (с. 54)*. Государствоведение, напоминая из своего 200-летнего далека А. Шторх, — и теоретическая, и практическая функция политической экономии, на ее основе покоится весь комплекс остальных обществоведческих дисциплин. Без политико-экономических знаний, ни целостного храма наук об обществе и о государстве не возведешь, ни со свободной игрой вольных по своей натуре экономических законов не совладаешь.

* Здесь и далее страницы указаны по выпущенному Издательским домом «Экономическая газета» в 2008 году труду А. Шторха «Курс политической экономии...».

* * *

Крайне бережное и уважительное отношение Шторха к молодой для его времени науке совсем не стесняло ни его исследовательского порыва, ни критического отношения к сделанному его предшественниками. Во всем своем творчестве Шторх самостоятелен и ответственен. Даже излагая суть политико-экономических категорий, открытых и обоснованных до него, он использует аргументацию не только первооткрывателей, но и обогащает ее, приводит собственные, дополнительные доказательства, наблюдения, статистические выкладки в их защиту, уточняет их и развивает с учетом новых экономических и научно-технических условий, согласовывает их и сопрягает в единую, построенную по его «проекту» систему политико-экономических определений, принципов, закономерностей.

Многочасочна палитра тем и проблем, затронутых в шеститомнике «Курса...». И даже сегодня каждый специалист любой из отраслей экономических знаний найдет в нем для себя что-то интересное и неожиданное, заставляющее по-новому взглянуть на, казалось бы, давно понятное и освоенное. Не перечисляя темы, затронутые в книге, хотелось бы обратить внимание на несколько существенных моментов.

Решившись опубликовать и представить российской и мировой общественности свои лекции, прочитанные императорскому семейству, Шторх оказался перед весьма непростой задачей. Западные корифеи политэкономии — Смит, Сэй, Мальтус и другие, труды которых были уже изданы и стали известны в России, развивали идеи рыночной экономики, свободного труда, личного интереса, а в политической сфере — республиканского строя и парламентаризма. А ведь в России того времени приближенный ко двору ученый должен был «защищать» необходимость самодержавия, феодального хозяйства, крепостного и рабского труда.

Проповедовать будущим монархам иное было весьма рискованно. Но Шторх пошел на это. Он спокойно говорит о тех выгодах, которые принесла европейским странам отмена крепостного права, критически оценивает российскую экономическую политику, выражает уверенность в неизбежности устранения крепостного права в будущем.

Шторх не скрывает свои научные убеждения. В предисловии к своему труду прямо пишет, что, придавая гласности свои лекции, он хорошо понимал необходимость осторожности. Однако неизбежная осмотрительность не заставила его отказаться от независимости своих мнений (с. 37).

Мнения в политэкономии, отмечает Шторх, затрагивают денежные интересы, зачастую вызывают «едкую и резкую нетерпимость» несогласных с ними людей, ту «нетерпимость», «которая устрашает истину», когда же она — истина — «вооружена мужеством, то подвергается опале, а иногда и преследованию». Так, продолжает он, «ученый-экономист, осмеливающийся утверждать, что рабство служит величайшим препятствием для народного благосостояния», «всегда должен быть готов отражать неисчислимые нападки разных лиц». Твердость его взглядов основана на глубокой уверенности в непререкаемости политэкономических принципов, в том, что «они вытекают из природы вещей так же непреложно, как и законы мира физического», что они «никогда не нарушаются безнаказанно» (с. 54).

Чтобы избежать упреков и подозрений в вольнодумстве, Шторх, конечно, мог в своих лекциях ограничиться лишь изложением взглядов известных экономистов, оградив себя ссылками на их труды. Но он отнюдь не стремится к повторению устоявшихся уже положений науки, а развивает ее положения, закладывает основы новой, более объемной экономической теории.

До настоящего времени, говорит в предисловии к «Курсу...» о значении своего труда А. Шторх, политическая экономия рассматриваема была как наука о материальном богатстве государств, он же старался показать, что она охватывает их благосостояние вообще, охватывает и нематериальные блага, а потому теория цивилизации составляет также значительную ее часть (с. 35). Другая особенность подхода Шторха к предмету политэкономии заключается в том, что он сократил обычные в его время пределы этой науки, включавшей экономическую политику. Нововведение его состоит в том, что он отделил «для внутренней политики начала администрации, вытекающие из политической экономии» (с. 35), определив тем самым для обеих наук точные границы каждой.

* * *

Форма изложения этой теории как учебного курса лекций иногда мешает исследователям правильно оценить новаторский, намного определивший свое время взгляд на предмет политической экономии как науки. Основная научная заслуга Шторха в истории мировой экономической мысли состоит в том, что он впервые выделил в политэкономии две теоретические части, показав, что в нее входят теория народного богатства и теория цивилизации.

Первая часть «Курса...» — «Теория народного богатства» представлена восемью книгами: I — О производстве богатств; II — О накоплении богатств, или об имуществвах; III — О первоначальном распределении годового произведения, или о доходах; IV — О вторичном распределении годового продукта, или об обращении; V — О деньгах; VI — О кредите; VII — О потреблении; VIII — Об естественном росте национального богатства.

Часть вторая — «Теория цивилизации» включает две книги: «Элементы цивилизации, или Внутренние блага» и «О естественном развитии цивилизации».

Книга первая содержит следующие главы: Классификация внутренних благ; О природе внутренних благ в сравнении с природой богатств; О природе внутренних благ; Классификация услуг; Об обращении услуг; О заработке в сфере услуг, или О преимущественно денежном вознаграждении; О вознаграждениях, представленных преимущественно внутренними благами. Вторую книгу представляют главы: Здоровье — Население; Умение; Просвещение — Вкусы; Нравы; Культ; Внутренняя безопасность; Внешняя безопасность; Внешняя безопасность. Продолжение; Влияние рабства на цивилизацию; Как рабство незаметно упраздняется в Западной Европе; Влияние окружающей среды на благосостояние нации.

У Шторха в его теории цивилизации присутствуют все основные идеи, развиваемые современной наукой о человеке, важности удовлетворения его потребностей, его духовного роста. Шторх говорит о гармонии экономических интересов, о возможности ее достижения в условиях рыночного хозяйства, о том, что государство должно работать над этим: «Сила власти государственной всегда измеряется народным благосостоянием» (с. 43).

Народное благоденствие, рост богатства нации достигается лишь тогда, учит Шторх, когда взаимодействие отраслей, производящих материальные продукты и внутренние блага, ведет к их равновесию. К такому пониманию роли труда людей, занятых в непроизводственной сфере и обеспечивающих развитие образования, здравоохранения, профессиональных знаний, нравственных качеств населения, экономическая наука пришла лишь в конце XX века, почти 200 лет после Шторха.

Как видим, политическая экономия не сводится у Шторха к изучению законов создания, обмена, распределения и потребления вещественного, материального богатства, но содержит и учение о благах нематериальных, внутренних, к которым он относит здоровье, умение, образование, вкус, нравы и обычаи, религиозность, безопасность, досуг, считая их основными элементами цивилизации. По сравнению с учением А. Смита это поистине громадный шаг вперед.

Все нации в соответствии с уровнем своей цивилизованности, считает Шторх, могут быть разделены на три класса: 1) цивилизованные нации; 2) варварские нации; 3) нации, находящиеся на границе между цивилизацией и варварством. Варварским нациям недостает собственного нематериального труда, капитала для оживления и подпитки всех отраслей нематериального труда, которые могут быть задействованы у этих наций; поэтому они частично привлекают недостающий капитал этого рода из-за границы и становятся нациями-заемщиками. Нации цивилизованные настолько изобилуют внутренними благами, что нематериальные капиталы, т.е. просвещенные люди, книги, идеи, полезные установления, оказываются не в состоянии находить себе выгодное применение внутри страны, и поэтому такие нации отсылают часть указанных благ вовне, распространяя их в чужих краях, и в результате этого становятся нациями-заимодавцами. Разграничительная линия между двумя крайними положениями занята независимыми нациями, которые, некогда беря ссуды для развития собственного нематериального труда, в настоящее время в состоянии обойтись без подобной поддержки, пусть еще и недостаточно продвинувшись вперед по пути становления своей цивилизации для того, чтобы питать ее благами другие народы.

Так как материальное богатство не в состоянии возрастать без цивилизации и поскольку цивилизация в той же

мере зависит от богатства, отсюда следует, что для успешного развития как богатства, так и цивилизации, полагает Шторх, ни одно из этих двух благ не должно увеличиваться за счет другого. Как следствие, производство ежегодно будет требовать долю чистого дохода для увеличения материального капитала, который был употреблен про-изводством в предыдущем году; остаток совокупного продукта преимущественно будет употреблен на развитие нематериального труда, а фонд потребления получит из него лишь наименьшую из всех возможных частей. Со своей стороны нематериальный труд ежегодно равным образом будет оставлять за собой дополнительное количество нематериального капитала, и из общей массы остающихся внутренних благ производство воспользуется максимально возможной частью, чтобы оставить непроемительному потреблению лишь наименьшую из всех возможных частей данной массы. Отсюда Шторх делает вывод: не что иное, как равновесие двух разновидностей продукта приводит к развитию народного благосостояния. Как только одна разновидность одерживает верх над другой, гармония развития нации нарушается, прогресс благосостояния становится сомнительным, и народ, ведущий себя столь необдуманно, рано или поздно останавливается в своем поступательном движении.

* * *

Шторх неоднократно отмечает, что считает А. Смита большим научным авторитетом, относится к нему с огромным уважением, но и видит его упущения и ошибки. Показав ограниченность учения Смита о производительном труде, он доказал, что производительным является и труд, создающий ценность нематериальных, внутренних благ, которые во многом определяют благосостояние нации.

Критика учения Смита о производительном труде и стала для Шторха исходным пунктом его теории о внутренних благах, т.е. ценностях, создаваемых нематериальным трудом. Шторх в своем «Курсе...» приступил к разработке теории цивилизации, к познанию законов, в соответствии с которыми производятся, накапливаются и потребляются эти внутренние блага как составные части цивилизации. Он с полным основанием пишет, что создает новое учение, хотя и не сведенное пока еще в систему, но которое предстоит углублять в дальнейшем.

Но не только этим привлекает книга Шторха. Буквально в каждом ее разделе он дает свой оригинальный взгляд на, казалось бы, достаточно объясненные его предшественниками экономические категории. Это относится к трактовке Шторхом ценности и цены товаров, природы и функций денег, характера различных денежных инструментов, их обесценивания, кредита, банков. Шторх оригинален в объяснении природы основного и оборотного капитала, факторов, влияющих на величину ренты. Маркс даже считает его заслугой обоснование закона ренты, согласно которому ее величину определяют наиболее плодородные участки.

* * *

В «Курсе...» Шторх не ставил, однако, задачу создания законченной системы законов и категорий политической экономии. У него иная задача — изложить курс политической экономии, понимая ее как основную часть государственного управления — комплекса научных дисциплин, помогающих высшим должностным лицам государства обоснованно, взвешенно решать вопросы обеспечения народного благосостояния. Но это никак не умаляет значимости содержания «Курса...». Любой автор вправе строить изложение ее предмета так, как это полезно слушателям для его усвоения. И такой взгляд

очень важен для современных дискуссий о роли политэкономии как науки. Хотя в «Курсе...» Шторха нет системы категорий, выстроенной, говоря современным языком, путем восхождения от абстрактного к конкретному, от простейших форм к превращенным, внешним формам экономического процесса, от первой клетки к целостному экономическому организму, этот «Курс...» дает достаточное представление о политэкономии. Шторх сумел убедительно показать взаимосвязь экономических процессов, а также их развитие и изменение под воздействием прогресса, тех или иных решений на высшем уровне управления. Он детально рассматривает, как даже одно решение такого рода может различно влиять на экономическую жизнь, останавливается на частных к этому факторах и круге действующих экономических агентов. В этом ракурсе в книге анализируются рост цен, динамика ссудного процента, движение конкурентных капиталов, взаимозависимости внутренней и внешней торговли, влияние на нее таможенных тарифов, транспортных систем.

Анализ многообразных экономических взаимосвязей у Шторха весьма удачен, в нем умело сочетаются исторические наблюдения, относящиеся к разным странам, теоретические положения и выводы практического характера. Это систематизированный, комплексный, всесторонний взгляд на хозяйственные отношения. К тому же к одной и той же проблеме в разных книгах «Курса...» автор возвращается неоднократно, но рассматривает ее каждый раз под новым углом зрения, что дает возможность читателю получить целостное представление, к примеру, о законах динамики валютных курсов, природе ренты, процента с капитала, о конкуренции.

Разъясняя происходящие в государстве экономические процессы и влияние на них управленческих решений, непредвиденных обстоятельств и противоборствующих фак-

торов, он все эти вопросы рассматривает с практических позиций здравого смысла. Вместе с тем вся книга пронизана глубокой полемикой с предшествующими экономистами. Их положения он как бы примеряет к потребностям управления, как бы говорит: «Да, вот это ценно для нас», «На это надо обратить внимание», «А вот это, хотя и хорошо в других странах, но у нас не пойдет, у нас это не годится». Рассуждения Шторха, однако, не приземлены житейскими нуждами. Здесь логика здравого смысла ученого, озабоченного потребностями народнохозяйственного управления.

* * *

В каждой главе так или иначе Шторх выходит на социально-экономические проблемы России. Он стремится показать, где первопричина того, что Россия отстает в какой-то отрасли, понять, почему она не берет примера с передовых стран, размышляет о том, как Россия должна приспособиться к меняющимся экономическим условиям, выстраивая собственную экономическую политику народного благосостояния. Многие его суждения не утратили своей значимости и сегодня, особенно мысли о таможенных тарифах, их влиянии на экономический рост, о либерализации внешней торговли, о степени участия государства в экономике.

В упрек Шторху нередко ставилось то, что он писал свою работу, как бы не замечая в России крепостничества и не выступая против него. Отсюда делался тот вывод, что он-де консерватор, защитник крепостного права. Но ведь у Шторха нет нигде анализа крепостнических отношений в сельском хозяйстве, так как он исходит из того, что там свободное предпринимательство, свободная игра рыночных сил. Шторх исходит из идеального состояния рыночной экономики, в котором крепостничество исключено. Это разве не указание его высокопоставленным слушателям о том,

в каком направлении должна развиваться Россия? К тому же Шторх неоднократно прямо заявляет, что крепостное право замедляет прогресс, что прогресс у земледельческого народа, владеющего рабами или крепостными, может быть лишь очень медленным. Шторх резко осуждает рабство и крепостничество именно потому, что они лишают людей возможности быть счастливыми, жить в достатке, действовать по своей воле, быть хорошими работниками, а также отрицательно влияют и на их владельцев. «Хозяева рабов, — замечает Шторх, — плохие предприниматели, а рабы — плохие работники», «если рабы — промышленные работники, то промышленность не может обрести существенный размах» (с. 580).

По Шторху, свобода и собственность, права людей должны быть обеспечены: «Без защищенности, без уверенности людей и собственников свобода — это всего лишь пустое слово; потому, когда крепостные и свободные крестьяне несколько не пользуются этой уверенностью, их положение не лучше, чем положение рабов» (с. 582). Его вывод о рабстве: «Нет большего препятствия к богатству, которое могут встретить народы, чем это» (с. 591).

Но Шторх не был бы Шторхом, если бы он все сводил лишь к отмене крепостного права. Принципиальный во всем, выясняя преграды социально-экономическому развитию, он анализировал все стороны общественной жизни того времени. Так, в «Курсе...» идет разговор о том, какое именно государственное устройство мешает социально-экономическому развитию страны. Шторх довольно смело говорит о преимуществах республиканской формы правления: «...Имеющийся опыт доказывает, что в монархиях экономится меньше средств, чем в республиках» (с. 522). По всему его труду разбросаны замечания, что рыночная система будет работать тогда, когда правовая система станет стоять

на страже собственности, когда перестанет делать различия между властями предрержащими и свободным предпринимателем, что все должны быть равны перед законом и судом. Свободную игру рыночных сил Шторх отождествляет с прогрессом, свободой, демократией, с суверенным правом каждого быть свободным и распоряжаться своей собственностью и судьбой. Шторх осуждает проявление в экономике несправедливости и угнетения: «...Когда правительству за счет несправедливости и насилия удастся свернуть производство с его естественного пути, единственно полезного для интересов общества, это приводит лишь к замедлению прогресса народного богатства вместо его ускорения» (с. 756). А в тех государствах, где «сама власть, вместо того чтобы быть порукой собственности, становится ее безраздельным хозяином и распоряжается частными состояниями по своей прихоти и капризу», «не стоит надеяться на обнаружение в таких странах предприимчивости и богатства» (с. 756). Дурное законодательство, порочное управление, нетерпимая религия, отталкивающая людей, или отупляющее их мелочное суеверие способны привести к тому, что производство окажется парализованным.

* * *

Шторх вывел российскую науку на передовые рубежи мировой экономической мысли. Она стала широко известна в Англии, во Франции, в Германии, Голландии, США. Положения Шторха о производительном труде, нематериальных благах, критика А. Смита по этим вопросам, полемика с Ж.Б. Сэем вызвали оживленную дискуссию в зарубежной экономической литературе, хотя его выводы разделялись далеко не всеми. В своей статье «Андрей Шторх и современность» академик Л.И. Абалкин так пишет об итогах этой дискуссии, ссылаясь на слова И. Вернадского:

«Андрей Шторх придерживался расширительной трактовки производительного труда, включая в него не только материальное производство, но также образование, культуру и услуги как важнейшие факторы повышения благосостояния. В итоге споров победителем оказался Андрей Шторх. При этом важно подчеркнуть, что применяемые сегодня во всем мире методы измерения объема валового внутреннего продукта для оценки экономического роста и благосостояния населения включают и те элементы, о которых он писал. Для иллюстрации сошлемся на Ивана Вернадского, который в своих примечаниях (к труду Шторха. — Ю.В. Якутин) образно показывает ошибочность взглядов Сэя: «Если Вы бросаете навоз на землю — Вы трудитесь производительно, если Вы учите сельскому хозяйству — Ваш труд непроизводителен. Тот, кто стрижет барана, — трудится производительно, кто стрижет человека — непроизводительно; кто подковывает лошадь на кузнице — производительный работник, но кто ее лечит — непроизводительный; кто собирает тряпье для бумажной фабрики — производит, кто пишет ноты или строки гениального содержания — ничего не производит» (с. 1003).

Академик Абалкин отмечает также значение (в терминологии того времени) выводов А. Шторха о предпринимательском доходе, на которые обратил внимание К. Маркс при своем анализе капитала-функции и капитала-собственности. А. Шторх выделяет предпринимательский доход в качестве одной из форм первичных доходов. Он писал, что «промысел работника дает заработок рабочего. Капиталы составляют источник ренты капитальной. Земельные имущества производят земельную ренту. Промысел подрядчика доставляет прибыль предпринимателя» (с. 158–159). Шторх говорил также о том, как могут соединяться в одних руках разные виды доходов, и подчеркивал, что классы, наиболее

способствующие умножению народного богатства посредством экономии, — это промышленные предприниматели, в особенности из среднего сословия. Последние слова звучат весьма актуально и для современной России.

Как Карл Маркс реагировал, продолжает Л.И. Абалкин, на эти высказывания? При рассмотрении предпринимательского дохода, в том числе труда по надзору, он анализирует взгляды Д. Рамсея и отмечает, что они представляют собой наиболее разумное из того, что было сказано по этому поводу, хотя часть его доказательств заимствована у Шторха. А ведь свою работу «Очерк о распределении богатства» Рамсей написал через 20 лет после выхода «Курса...» Андрея Шторха.

Анализ предпринимательского дохода и его роли как двигателя экономики, считал Л.И. Абалкин, исключительно актуален в наши дни. В средствах массовой информации, а также и среди научного сообщества накопилась огромная путаница понятий, когда в одну кучу сваливаются понятия собственника и олигарха, менеджера и банкира, предпринимателя и оптового посредника. Это вносит сумятицу в знания, подталкивает к обострению социальных конфликтов, рождает путаницу в разделении добра и зла. Внесение политико-экономической ясности в эти вопросы сегодня, более чем когда-либо ранее, служит неперенным условием возрождения уважения к предпринимательству в России.

Впервые среди русских экономистов Шторх выявил в экономической науке взаимосвязь экономических законов и категорий, представил политэкономия как науку, имеющую свой особый предмет исследования и особый метод его познания. Отечественные предшественники Шторха даже не ставили перед собой такой задачи. В их работах нет комплексного научного взгляда на хозяйственный строй страны,

а скорее присутствует яркий, живой, правдивый, но всего лишь личный калейдоскоп наблюдений и размышлений.

* * *

В творчестве Шторха нашла яркое выражение такая характерная для русской школы социально-экономической мысли черта, как ориентация на защиту интересов не одной какой-то социальной группировки, класса, а всех слоев населения. Социально-экономическая политика государства должна выстраиваться так, считает Шторх, чтобы выигрывали бы все слои населения. Если какой-то слой населения выигрывает, а другой проигрывает, то в конечном счете проигрывает все общество. Актуально звучат его слова о гармонизации развития всех слоев населения, сближении уровня их благосостояния, о том, что нельзя допускать в государстве больших разрывов между богатыми и бедными. И дело не только в том, что это грозит социальными потрясениями, это ведь и сильный сдерживающий фактор экономического роста. Спрос бедный человек не предъявляет. Наличие бедных и нищих ограничивает спрос, снижает стимулы к экономическому развитию.

«Прогрессивное состояние для всех слоев общества есть состояние силы и здоровья» (с. 178). Он резко осуждает кричащую роскошь немногих, особенно вызывающую на мрачном фоне бедности большинства, опровергает жалкие попытки ее оправдания «научными» доводами: «Неверно утверждать и тысячу раз повторять, что роскошество богатых кормит бедных. Оно хорошо разве что для того, чтобы опустошить источник производства» (с. 514–515). Шторх показывает всю необоснованность утверждения о том, что без роскоши богатых бедные умерли бы с голоду. Он пишет о нравственном вреде резкого имущественного неравенства: «Роскошь всегда соседствует с оскудением нравов, которому

она служит как причиной, так и результатом; и то и другое всегда провоцирует нарушение счастья семей и гибель государства» (с. 515). И как актуально звучат его слова о хвастливой роскоши русских богачей: «Непроизводительное потребление богатых людей в России по большей части самого худшего толка» (с. 518).

По Шторху, гармония экономических отношений должна охватывать и внешнеторговые связи с соседями. Если вспомнить, что его труд был опубликован в 1815 году, когда Россия в рамках Священного союза была в числе стран — победительниц Наполеона и могла диктовать свои условия всей Европе, имела силы и возможности навязать свою волю другим странам, слова Шторха о необходимости уважать соседей звучат по-особому. Это тоже одно из приращений российского экономического знания, авторство которого, безусловно, принадлежит Шторху. И когда сегодня анализируются плюсы и минусы глобализации экономических связей, когда определяются приоритеты взаимоотношений с близким и дальним зарубежьем, мысли Шторха — хорошая подсказка принимающим решения.

В работах Шторха немало скрытых упреков государственной политике того времени. Он в своем «Курсе...» исходит из приоритета вопросов внутренней жизни страны, говорит о том, что страна сильна и богата, когда богаты ее граждане, когда сопряженно развиваются различные отрасли ее хозяйства, когда есть что вывозить, чем торговать с другими государствами. Задача государства в том, чтобы создать благоприятные условия для российского предпринимательства, в том числе и средствами внешней политики.

О стремлении Шторха к достижению общей выгоды красноречиво свидетельствует его критика тех экономистов, которые считали, что повышение зарплаток работников уменьшает прибыль предпринимателей и приводит к все-

общему росту цен. Он выступает за щедрое вознаграждение труда и показывает, что оно является и следствием, и причиной общественного благосостояния (с. 182). Шторх обосновывает это тем, что получающий высокую заработную плату работник больше заинтересован в результатах своего труда, лучше трудится, более производителен. В итоге растет производство, цены снижаются, а сбыт продукции увеличивается, выигрывают и предприниматели, и все общество (с. 183). Более того, Шторх прямо взывает к социальной справедливости в отношении работников, живущих только на одну заработную плату. Ведь они составляют «подавляющее большинство любого гражданского общества. И можно ли признать ущербом для всех улучшение жизненных условий этого большинства?». «Общество не может считаться процветающим, когда подавляющая часть его членов бедна и несчастна» (с. 233).

Современному читателю работы Шторха особенно интересны тем, что в них представлен большой исторический, статистический и фактический материал, приведены выдержки из практически недоступных ныне трудов многих экономистов того времени. Такого рода сведения есть во всех разделах «Курса...», а шестой его том представляет собой развернутые приложения к ним. Приведем тематику лишь части из таких 24 приложений: мнение Аристотеля о меркантильной системе; было ли понятие о разделении труда открытием Смита; о состоянии земледелия в Англии; о сравнительном богатстве серебряных рудников в Старом Свете и в Америке; о древнерусских деньгах до нашествия монголов; о стоимости древней гривны; об изменении внутренней стоимости рубля и о современной денежной системе России; о добыче и потреблении драгоценных металлов со времен открытия Америки; о количестве денег в обращении в различных странах Европы; о главных депозитных банках, краткое обозрение

истории бумажных денег и основных эмиссионных банков; о средствах, которыми пользуются в Англии, чтобы сохранить изобретателям монополию на их открытия; о нынешнем состоянии российских мануфактур; о расширении личной свободы в Европе и в европейских колониях с середины XVIII века. Приведены также обширные таблицы обменных курсов, мер и весов России. Соображения Шторха, их критический анализ важны и актуальны также с точки зрения более точной оценки соотношения различных современных вариаций цивилизационного и классического формационного подхода в экономической теории. В трудах Шторха есть и интересные соображения о роли собственности, правовых отношений в экономическом развитии, позволяющие полнее представить позитивные моменты в интерпретации этой роли в продолжающихся и ныне оживленных дискуссиях о феномене собственности и экономических отношений, а также о цивилизационном подходе. Только в самом конце XX века многие поднятые Шторхом проблемы стали разрабатываться в теории человеческого и социального капитала, в учении об экономике знаний, а теперь и в новейшем учении об экономике счастья.

* * *

Полагаясь всегда на естественный порядок вещей, естественные законы развития, Шторх является последовательным сторонником эволюционного пути движения к прогрессу. Когда правительство страны, отмечал он, сможет отказаться от амбициозных и завоевательных проектов, оно обратит свой взор на экономику, чтобы заставить процветать для мирного благополучия промышленные ремесла и особенно торговлю. Сторонник эволюционного пути развития Шторх предупреждает о нежелательности чрезмерно поощрять развитие мануфактур и внешней торговли в стра-

нах, где земледелие не использовало еще все возможности для своего совершенствования. «Желать обогнать здесь время означало бы приостановку нашего развития». Поскольку есть те виды производства, продукты которых выгоднее купить в других странах, то «развивать их значило бы обеднять нашу страну» (с. 543).

Взгляд Шторха, взгляд истинного ученого, неподвзятый, не зашоренный, всегда свободен от экстремизма, радикализма, революционной борьбы. Спокойный, систематизированный, последовательный и подробный разговор идет в его «Курсе...» о том, какой должна быть успешная экономика страны, как надо добиваться экономического роста, сбалансированности хозяйства, как сделать, чтобы плодами экономического процветания пользовались все, чтобы эти плоды были обильными, а процветание страны не губило наши взаимоотношения с соседями, шло бы и им и нам на пользу. У Шторха идет разговор о том, как экономические блага превращаются в блага цивилизации, как служат свободе творчества, культуре, ведут к благоденствию общества образованных свободных людей.

В своих работах К. Маркс резко местами критиковал позицию Шторха. Резкие суждения вообще характерны для стиля полемической дискуссии, принятого Марксом. Но Маркс постоянно цитирует Шторха в «Теориях прибавочной стоимости», в «Капитале», детально разбирает его положения. Имя Шторха упоминается в названиях нескольких параграфов этих трудов. Это говорит о том, что Маркс часто отталкивается в своих выводах от суждений Шторха, которые позволяли Марксу лучше оттенить свою мысль, сделать ее доходчивее и более четкой. Нельзя забывать и того, что «Капитал» Маркс писал почти полвека спустя — за это время появились новые экономисты, ушла вперед экономическая история, были выдвинуты новые идеи, а Маркс все же об-

ращается к Шторху. Проблемы потребительной стоимости, цены, производительного труда, основного капитала, ренты, деления общественного продукта на два подразделения, прибавочной стоимости и другие Маркс разрабатывал, отталкиваясь от положений Шторха.

Очень жаль, что обусловленное классово-политической позицией Марксово «прочтение» работ Шторха не позволило советской экономической науке оценить его истинные заслуги. И хотелось бы надеяться, что нынешнее обсуждение послужит более пристальному изучению его работ, утверждению более обоснованного взгляда на его роль в развитии политэкономии.

И все же нередко возникает вопрос: почему же до 2008 года, до выхода в свет нашего издания, так и не появился на русском языке полный перевод «Курса...» Шторха? Самая распространенная до сих пор точка зрения заключается в том, что Шторх подверг в своей книге резкой критике состояние российской экономики, существовавшее тогда положение дел в России, что было неудобно для власти. Представляется, однако, что такое мнение хотя и не далеко от истины, но все же не вся истина. Шторх критиковал российскую действительность не больше и не меньше, чем остальные экономисты, работы которых с трудом, но все же издавались. В работах специалистов в области истории экономической мысли имя его упоминается, но широкой известности его труды во второй половине XIX века в России не получили. Несомненно то, что занятые своими идеями отечественные трибуны все больше и больше переходили на классовые антагонистические, непримиримые позиции, исповедовали идеологические подходы к оценке экономических явлений, их социальной природы. В ожесточенной классовой борьбе они забыли про Шторха. Шторх им был неудобен, неинтересен, потому что не укладывался в схемы, проповедуемые декабристами, народниками и разночинцами, марксистами

и социал-либералами, призывавшими к борьбе с государством, царской властью и устоявшимися общественными институтами. Принципы Шторха не укладывались в их концепции политической борьбы и революционных пожарищ.

Но и после революции 1917 года Шторх остается таким же неудобным и ненужным. В учебниках политэкономии советского периода почти нет его имени. В монографии Н.А. Цаголова об экономической мысли России после реформы 1861 года и о разработке проблем отмены крепостничества имя Шторха хотя и упоминается неоднократно, однако лишь в связи с идеями И. Вернадского, выраженными в его замечаниях к «Курсу...» Шторха.

Этот пробел в истории русской экономической мысли продолжает существовать и сегодня. Сохраняется какое-то пренебрежение к трудам отечественных экономистов. А ведь Шторх дал нам ценный урок внимательного отношения к работам предшественников, достижениям ученых других стран, мировой экономической науки.

* * *

В последние годы возрос интерес научной общественности к творческому наследию А. Шторха. Большой вклад в исследования, отражающие подлинное место А. Шторха в истории социально-экономической мысли России, внесли работы Института экономики РАН и академика Л.И. Абалкина, замечательного публициста и знатока истории экономической мысли, доктора экономических наук А.В. Аникина, В.С. Павлова — доктора экономических наук, профессора Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова.

Среди появившихся ныне публикаций о Шторхе особо стоит отметить интересный и глубокий анализ его научных взглядов в вышедшем в 2004–2005 годах капитальном труде «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков»,

подготовленном заведующими кафедрами экономического факультета МГУ докторами экономических наук Г.Г. Фетисовым и А.Г. Худокормовым, докторами экономических наук Ю.Я. Ольсевичом, М.Г. Покидченко и другими известными учеными.

Из последних работ, посвященных творчеству Шторха, следует назвать монографию Й. Цвайнерта «История экономической мысли в России. 1805–1905», вышедшую в 2008 году в Издательском доме ГУ ВЭШ (перевод с немецкого под научной редакцией В.С. Автономова). В этом обстоятельном исследовании подробно говорится о содержании и значении трудов Шторха, об оценке его положений и вклада в достижения экономической мысли. Автор называет Шторха одной из центральных фигур в истории российской экономической мысли, а теорию внутренних благ считает отличительным признаком русской версии классического учения политэкономии. В силу своей значимости, пишет автор, для развития экономической науки теория внутренних благ Шторха является главной при анализе «Курса...». В книге Цвайнерта отмечается, что в 80–90-х годах прошлого века в западной литературе вновь возродился большой интерес к трудам Шторха, появилось много новых исследований, в том числе работы П. Бернхольца, Й. Шумана, диссертационное исследование К. Рентрупа о теории Шторха внутренних благ, работы Б. Шефольда, который в 1997 году даже воспроизвел первое издание «Курса...», снабдив его подробным собственным предисловием.

В последнее время интересные статьи о творчестве Шторха опубликованы и российскими учеными. Так, в статье доцента Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов А.Л. Дмитриева «Идеи и труды А.К. Шторха в России» («Финансы и бизнес» № 2 за 2012 год) дается подробный обзор отражения идей Шторха в работах

российских экономистов первой половины XIX столетия, однако отмечается, что вопрос о влиянии взглядов Шторха на российскую экономическую мысль остается все же малоисследованным, почти не рассматриваются его сочинения по статистике России, а потому представляется весьма полезным дальнейшее изучение творческого наследия Шторха.

* * *

Наше обсуждение показало своевременность многих положений, обоснованных в «Курсе...» Шторха. Политэкономия, как отмечали выступавшие, является фундаментом изучения закономерности развития хозяйственных отношений, национального хозяйства, экономической политики государства. Об этом хорошо сказано в докладе В.М. Юрьева, члена Президиума ВЭО России, председателя Тамбовского регионального отделения Общества, ректора Тамбовского государственного университета. Он подчеркивает, что политэкономия, — это базис бухгалтерского учета, банковского дела, менеджмента, финансов и других сфер общественных наук. Докладчик справедливо сделал вывод о том, что совершенно нетерпимо нынешнее положение, когда под разгромными ударами апологетов американского «экономикса» политэкономия становится выброшенной из состава экономической теории. В результате общество и власть всех уровней дезориентируются при определении критериев содержания экономической и социальной политики государства, его стратегических целей, путей и средств их достижения. Здесь стоит еще раз вспомнить, что уже в первом абзаце вступительной лекции к своему «Курсу...» Шторх заявляет о своем понимании политэкономии как науки, принадлежащей к разряду тех, предметом которых служит государствоведение (с. 41), а далее делает важнейший вывод о том, что сила власти государственной всегда изме-

ряется народным благосостоянием, то есть богатством и цивилизованностью населения страны (с. 43).

Хотелось бы также поддержать тех выступавших на нашем обсуждении, кто не сомневается, что и ныне политэкономия продолжает оставаться сердцевиной социально-экономических наук, кто считает необходимым помнить о большом вкладе в историю мировой социально-экономической мысли российских ученых и прежде всего первого российского академика-политэконома А.К. Шторха, о важности изучения творческого наследия российской экономической науки.

Первая полная публикация на русском языке работы А. Шторха «Курс политической экономии...»*

Издательский дом «Экономическая газета» впервые полностью на русском языке издал основные произведения первого российского академика-политэконома Андрея Карловича Шторха — «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие» и «Размышления о природе национального дохода» (М., 2008, 1120 с.). В книгу вошел также биографический очерк ученого, написанный его сыном Н.А. Шторхом, заметки известного ученого-экономиста И. Вернадского о «Курсе политической экономии...», статья академика Л.И. Абалкина «Андрей Шторх и современность». По сложившейся традиции данную книгу этой серии открывает большая историко-аналитическая статья научного редактора «Русской классической библиотеки».

Выход в свет этой книги открывает новый цикл «Российская школа социально-экономической мысли» в издаваемой Издательским домом «Экономическая газета» серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность». Дополняя опубликованные в этой серии работы «Домострой», «Книга о скудости и богатстве» И. Посошкова, «Экономические провалы» В. Кокорева, «Политика» Ю. Крижанича, «Жизнь, не похожая ни на чью» С. Шаталина, «Верю в Россию» В. Павлова, «Особое мнение адмирала Мордвинова», книга А. Шторха существенно расширяет возможности исследователей и всех, кому интересна и дорога история русской экономической мысли, в изучении истоков ее становления, особенностей и вклада в мировую сокровищницу научного знания.

* Труды ВЭО России. Т. 95 (№ 3/2008). М., 2008 (выступление в ВЭО России 9 апреля 2008 года на заседании «круглого стола», посвященного презентации книги А.К. Шторха «Курс политической экономии...»).

Работы А. Шторха выходили в России в основном на французском и немецком языках. И наиболее знаменитое его произведение «Курс политической экономии...» было издано в Санкт-Петербурге в шести томах на французском языке в 1815 году. В 1881 г. известный экономист И. Вернадский перевел на русский язык и издал лишь первые полтора тома этой работы. К сожалению, не издано и собрание сочинений А. Шторха, который много и плодотворно трудился над изучением проблем истории торговли, денежного обращения, правовых отношений, хозяйственного строя России.

Неудивительно, что представители научной общественности в последнее время неоднократно высказывались о необходимости издания трудов А. Шторха на русском языке. Мое внимание к этой задаче привлекло выступление академика Л.И. Абалкина на праздновании 240-летия ВЭО России в 2005 г., когда он очень интересно рассказал о сотрудничестве Шторха с Вольным экономическим обществом, а наш Издательский дом уже приступил к изданию книг о президентах ВЭО. Затем весной 2006 г., когда в здании Президиума РАН проходила презентация книги Л. И. Абалкина «Самоопределение России», представляя ее, он опять упомянул о Шторхе как об ученом, роль которого в становлении российской школы социально-экономической мысли выяснена совершенно недостаточно. Вот тогда-то у меня и родилось предложение перевести на русский язык работу Шторха «Курс политической экономии...», без основательного знакомства с которой нельзя заполнить пробелы в истории российской школы социально-экономической мысли. Эту идею я высказал Л. И. Абалкину, и он горячо поддержал ее, обещав всяческое содействие. В переданной нам для публикации статье о Шторхе Л. И. Абалкин выразил свое мнение о его научных заслугах, месте в истории экономической нау-

ки этого ученого, который разрабатывал многие политэкономические вопросы за 40 лет до Рикардо и за 50 лет до Маркса.

Важность нашего проекта также подтвердило издание пятитомника «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков» под редакцией Г. Фетисова и А. Худокормова, в первой книге которого рассказывается о А. Шторхе. Становилось очевидным, что положения этого ученого заслуживают более глубокого и всестороннего исследования, особенно его теория цивилизации, упомянутая там лишь очень кратко.

Всю масштабность, трудность и ответственность перед научным миром предпринятого нами труда мы в полной мере осознали при редактировании перевода. Языковые, терминологические, стилистические особенности требовали особой тщательности, внимания и шлифовки буквально каждого предложения. Почти 200 лет прошло после выхода книги, за это время и французский, и русский язык претерпели большие изменения, как и понятийный аппарат политэкономической науки. Мы намеревались выпустить книгу через год, но на подготовку ее издания ушло около трех лет. Квалификация, компетентность и самоотверженность наших сотрудников помогли преодолеть все трудности. Многие места «Курса...» приходилось редактировать, обсуждать, уточнять по нескольку раз, добиваясь точности, ясности и понятности перевода для современного читателя. Упомяну и то, что даже в Российской государственной библиотеке в шеститомном «Курсе политэкономии...» сохранились не все страницы. Пришлось обращаться в библиотеки Санкт-Петербурга, что также в известной мере вызвало определенные задержки в работе.

Раскрывая «технологию» перевода, отмечу три важных обстоятельства, которые облегчили нашу работу. Во-первых, как я уже говорил, И. Вернадский издал в 1881 г. переведенные под его редакцией первый и несколько разделов второго

тома «Курса...». Мы оставили его термины при переиздании этой части, но в дальнейшем тексте внесли необходимые изменения. А вот лексику, структуру предложений, стилистику языка той эпохи постарались по возможности сохранить для целостности восприятия всего произведения.

В работе над переводом нам, во-вторых, помогло и то, что в трудах К. Маркса, изданных у нас на русском языке, имеется более ста ссылок на Шторха, которые содержат обширные цитаты и выдержки из «Курса политической экономии...» и произведения «Размышления о природе национального дохода». Мы тщательно изучили все эти ссылки, чтобы правильно акцентировать основные идеи и самого Шторха, и упоминаемых им экономистов.

Написанный Шторхом «Курс политической экономии...» весьма своеобразен тем, что сочетает в себе черты учебника и научного исследования. Поэтому автор приводит много цитат из хорошо известных его современникам работ ученых, в том числе прежде всего Смита, Сэя, Гарнье. А это, в-третьих, также позволяло сверять и уточнять наш перевод с их трудами, особенно с работой А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Таким образом, опираясь на книги И. Вернадского, А. Смита и К. Маркса, мы уточняли термины, положения работ Шторха, неоднократно возвращались к отдельным местам текста, стремясь к тому, чтобы наш перевод был сделан профессионально и качественно. Надеюсь, нам это удалось.

Теперь несколько слов о содержании книги. Мы еще работали над переводом, а положения, высказанные А. Шторхом в его «Курсе политэкономии...», оказались очень востребованными в современных дискуссиях. В декабре 2005 г. на круглом столе в Издательском доме «Экономическая газета» обсуждался вопрос о роли и статусе политической экономии в числе вузовских дисциплин. Собравшиеся известные

экономисты, среди которых были заведующие кафедрами ведущих московских вузов, высказались за то, чтобы восстановить статус политической экономии как обязательной вузовской дисциплины. Выступая на этом круглом столе, я рассказал о том, какое значение придавал А. Шторх изучению политэкономии. Дело в том, что свой «Курс...» он написал на основе лекций, прочитанных им для младших сыновей императора Павла I. В этой августейшей семье Шторх с 1799 г. почти двадцать лет был наставником императорских детей, преподавал царским дочерям литературу, историю, политические науки. Супруга Павла I, Мария Федоровна, очень высоко ценила энциклопедические знания, талант преподавателя, человеческие качества Шторха и в 1809 г. обратилась к нему с просьбой познакомить с молодой, но модной тогда наукой политической экономией и ее саму и великих князей Михаила и Николая, будущего императора Николая I. С высочайшего разрешения и за государственный счет эти лекции и были опубликованы Шторхом в 1815 году.

Во вступительной части книги Шторхом написана настоящая ода политической экономии, которую он рассматривает как основную науку в комплексе наук государственного управления. Политическая экономия, по Шторху, имеет не только теоретическое, но и практическое, а также нравственное значение. Политическая экономия, подчеркивается им, необходима государю, высшим должностным лицам страны, чтобы принимать справедливые, взвешенные и верные решения. Шторх обосновывает, что без знания политико-экономических законов никакое полноценное управление государством в принципе невозможно. Всякий, кто берется за рычаги государственного управления, прежде всего обязан освоить азы политической экономии, с которой к тому же должны быть знакомы все граждане страны. «Изучение политической эконо-

номии, — считает академик Шторх, — не только необходимо для государей и правителей, но и полезно для всех».

В самодержавной, феодальной России, в которой царил крепостной труд, Шторх не боится говорить будущим императорам о преимуществах рыночной экономики, свободного труда, республиканского правления, уверен в неизбежности устранения в будущем крепостного права. Твердость его взглядов основана на глубокой убежденности в непререкаемости принципов и законов политической экономии. «Они, — пишет Шторх, — вытекают из природы вещей так же непреложно, как и законы мира физического», и эти законы «никогда не нарушаются безнаказанно» (с. 54).

В работах ряда историков экономической мысли можно встретить утверждение, что Шторх был лишь последователем учения А. Смита, применив его к условиям России. Но знакомство с «Курсом политической экономии...» показывает, что это самостоятельный, глубокий ученый, который занимает свое особое заслуженное и достойное место в истории экономической мысли. Шторх выступает с критикой положений Смита, считает ошибочным его учение о производительном и непроизводительном труде, недостаточным понимание Смитом природы богатства. «До настоящего времени, — говорит в предисловии к «Курсу...» о значении своего труда А. Шторх, — политическая экономия рассматривается была лишь как наука о богатстве государств, я же старался показать, что она объемлет их благосостояние вообще» (с. 35). Именно критика учения Смита о производительном труде позволила Шторху показать, что богатство нельзя, как это делает Смит, понимать лишь как совокупность материальных, вещественных благ.

Богатство, доказывает Шторх, охватывает и нематериальные, внутренние блага. К ним он относит здоровье, образование, умения, вкусы, нравы, обычаи, религиозность,

безопасность, досуг, считая их основными элементами цивилизации. Труд, создающий эти нематериальные блага, также является производительным, также производит стоимость, ценность, а отрасли и люди, занятые таким трудом, играют важную роль в экономическом развитии страны. Благодеяние народов и государств зависит, доказывает Шторх, не только от создания материального богатства, но и нематериальных благ, требует гармонии, равновесия в развитии этих двух видов производства. Только намного позднее западная и российская экономическая наука признала за отраслями так называемой непродуцственной сферы, или сферы обслуживания, способность создавать стоимость, играть решающую роль в развитии человека, прогрессе цивилизации.

Основная научная заслуга Шторха в истории мировой экономической мысли и состоит в том, что он впервые выделил в политической экономии две теоретические части: теорию народного богатства и теорию цивилизации. В своем «Курсе...» он пишет не только о законах создания, обмена, распределения и потребления материального богатства, но и благ нематериальных. По сравнению с учением А. Смита — это поистине громадный шаг вперед. Шторх вообще намного опередил современную ему экономическую науку, поскольку о значении непродуцственной сферы, человеческого, социального капитала ученые-экономисты в полный голос заговорили лишь во второй половине XX века.

Шторх оригинален и в объяснении многих категорий политической экономии. Так, Маркс считает его заслугой обоснование закона ренты. Здесь стоит упомянуть и о большом статистическом и фактическом материале, привлеченном Шторхом, особенно для характеристики вопросов денежного обращения, развития кредита, банковского дела, внешней торговли в России и в европейских странах. Для историков

народного хозяйства и экономической мысли это весьма ценные и интересные страницы.

В каждой главе так или иначе Шторх выходит на социально-экономические проблемы России, размышляет о том, как Россия должна выстраивать собственную экономическую политику народного благоденствия. Многие его суждения не утратили своей актуальности и сегодня, хотя прошло почти двести лет после написания книги. Это относится к рассуждениям Шторха о либерализации внешней торговли, недопустимости резкого имущественного неравенства для благополучия государства, о степени участия государства в экономике. «Сила власти государственной, — пишет Шторх, — всегда измеряется народным благосостоянием» (с. 43). Он осуждает проявление в экономике произвола и несправедливости. В тех государствах, считает он, где «сама власть вместо того, чтобы быть порукой собственности, становится ее безраздельным хозяином и распоряжается частными состояниями по своей прихоти и капризу», там «не стоит надеяться на обнаружение предприимчивости и богатства» (с. 756).

В творчестве Шторха нашли яркое выражение характерные для русской школы социально-экономической мысли такие черты, как ориентация на защиту интересов не одной какой-то социальной группировки, а всех слоев населения, стремление к социальной справедливости, мирным, равноправным, взаимовыгодным отношениям с соседними государствами. «Прогрессивное состояние для всех слоев общества есть состояние силы и здоровья» (с. 178), — утверждает Шторх, а потому «общество не может считаться процветающим, когда подавляющая часть его членов бедна и несчастна» (с. 233). «Совершенно ошибочной и губительной для соответствующих стран является политика, которая

направлена на увеличение богатства своего народа посредством разорения других» (с. 237).

Можно и дальше цитировать интересные и современно звучащие суждения Шторха. Несомненно, что впервые осуществленное полное издание на русском языке его «Курса политической экономии...» даст возможность нашим исследователям значительно обогатить и дополнить картину становления и развития российской школы социально-экономической мысли, утвердить ее приоритеты в постановке и разработке важных политэкономических проблем, расширить поле поисков обоснованных ответов на многие современные дискуссионные вопросы экономической теории и практики.

А.К. Шторх о деньгах и их роли в экономическом обороте*

Наша научная конференция «Мир денег и деньги мира (философия, теория, практика)» проходит в стенах Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. И я невольно вспоминаю замечательные лекции по политической экономии, которые на экономическом факультете читал нам, первокурсникам, известный ученый и великолепный лектор Николай Александрович Цаголов. Рассказывая о сущности и функциях денег, он достал из кармана пиджака 10 рублей и задал аудитории такой вопрос: «Представьте, что я даю своему сыну эти 10 рублей на карманные расходы. Можно ли считать, что здесь имеют место экономические отношения?» Мнения разошлись, но большинство слушателей высказалось за то, что экономические отношения при этом возникают, поскольку, получив 10 рублей, сын преподавателя мог пойти в магазин и что-то купить на них для себя. Выслушав наши доводы, А.Н. Цаголов подвел итог этой дискуссии таким образом: «Никаких экономических отношений в данном случае нет и быть не может. Здесь мы имеем дело только с семейными, родственными отношениями. Мною эти 10 рублей передаются моему сыну безвозмездно. Да и деньгами-то средства, которые он получил от меня, не являются... А что собственно следует понимать под экономическими отноше-

* Россия как цивилизация денег. — М.: Волгоград, 2008 (выступление 5–7 декабря 2007 года на международной научной конференции «Мир денег и деньги мира (философия, теория, практика)». См. также следующие статьи Ю.В. Якутина о жизни и деятельности академика А.К. Шторха: Академик Андрей Шторх // Экономика и жизнь. 2008. № 13; Политэкономика народного благосостояния. // Журналист. 2008. № 5; А.К. Шторх — первый российский академик-политэконом в области политэкономии и статистики // Вопросы экономики. 2008. № 6; Наставник императорских детей. // Тематическое приложение «Образование без границ» к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2008. № 50; Андрей Шторх — первый российский академик-экономист // Конкуренция и рынок. 2010. № 4; Принципы государственного управления по А. Шторху. — В книге: Российская школа социально-экономической мысли: история, принципы, перспективы. Материалы сессии первого Российского экономического конгресса. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010.

ниями и что представляют из себя деньги, мы с вами будем изучать все пять лет вашей учебы».

Да, так и было. Нас этому учили все время пребывания на факультете. Но и, прослушав все лекции и посетив все семинарские занятия и спецкурсы, мы, выпускники факультета, вряд ли можем сказать что учебной программой была полностью исчерпана тематика денег и связанных с ними отношений. Эта тематика не только намного обширнее по своему содержанию, но и постоянно обогащается новыми проблемами. Исчерпывающе говорить о современных тенденциях в мире денег также весьма сложно, но говорить о них необходимо, чтобы хорошо понимать происходящие в хозяйственной жизни процессы и явления и разбираться с объясняющими их «новыми» концепциями, которые часто при проверке оказываются не такими уж и новыми.

Так, недавно французские ученые Мишель Аглиетт и Андре Орман в книге «Деньги между насилием и доверием» решительно выступили против преобладающего среди экономистов взгляда на феномен денег, утверждая, что нельзя сводить учение о деньгах к чистой экономике. Обычно, продолжают они, считают, что деньги — это очень удобный инструмент, облегчающий обмен в экономике, подчиняющийся только ее законам и нейтральный к законам социального устройства. Такой подход прямо вытекает из принятой в *economic* модели поведения человека, в которой люди воспринимаются вне социального контекста, в качестве производящих и потребляющих, сугубо рациональных существ.

Вывод этот авторов книги справедлив. Однако не они первые пришли к пониманию социальной обусловленности денежных инструментов, и будет совершенно неправильным, представлять их работу как последнее достижение экономической мысли. Российские ученые задолго до них, уже 200 лет назад говорили о том, что в формировании цены,

в устройстве товарно-денежных отношений многое зависит от культуры, истории страны, ее социального строя, вектора социально-экономического развития. Мы, однако, забыли наших отечественных ученых.

В своей книге М. Аглиетт и А. Орман утверждают также, что деньги появились в результате сложного общественного процесса, что члены социума, ориентируясь друг на друга, подражая друг другу, ищут на рынке товар, который в конечном счете будет признан всеми в качестве символа богатства. И это положение французских авторов также оценивается ими же как их большая заслуга. Но давайте ответим на такой вопрос: А что разве деньги не могут быть символом успеха? Могут, конечно. В американском обществе их именно так и рассматривают. Сумел человек получить прибыль в 1 млн долларов, значит, он добился в своем бизнесе успеха. А могут ли деньги быть символом благополучия, удачливости? Да, могут. И вообще, когда общество нацелено на получение всеми способами денег и их умножение, то они воспринимаются как могущественный Бог, которому поклоняются и на помощь которого только и надеются.

Цель поисков членов социума, продолжают свои рассуждения французские ученые, сугубо прагматична: обладание благом, иметь которое стремятся все, которое гарантирует человеку его уровень потребления, его благоденствие. Мысль, скажем, и не такая уж новаторская. Относительно этого положения опять-таки повторю: об этом намного раньше писали российские экономисты. Еще до такого «открытия» французами социальной обусловленности денег и надеваемой ими на себя социальной маски, об этом писал в начале XIX века замечательный российский ученый, первый российский академик в области политэкономии и статистики Андрей Карлович Шторх (1766–1835) в своем шеститомном труде «Курс политэкономии, или Изложение начал, обусловлива-

ющих народное благоденствие», опубликованном в 1815 г. на французском языке в Санкт-Петербурге.

Впервые полностью на русском языке «Курс политической экономии...» А. Шторха выходит в свет в начале 2008 г. в Издательском доме «Экономическая газета». Этот курс был написан Шторхом на основе лекций, прочитанных великим князьям Михаилу Павловичу и Николаю Павловичу — будущему российскому императору Николаю I. Трактровка Шторхом сущности и функций денег, его оценки исторических уроков практического использования тех или иных денежных инструментов в различных странах и в различные эпохи не утратили за истекшее время своего значения. Положения Шторха по этим вопросам не только интересны, но и весьма поучительны. Отталкиваясь от положений А. Смита, подробно излагая их, но не соглашаясь с ним по многим моментам, А. Шторх развивает свои оригинальные взгляды на политэкономия, в том числе и на теорию денег.

Теории денег Шторх уделяет большое внимание. Из восьми книг первой части курса, излагающей учение о материальном богатстве, пятая книга так и называется «О деньгах». Она включает 13 глав и даже перечень их названий дает достаточное полное представление о широте взглядов автора и его интересах. Вот круг рассмотренных в этих главах вопросов: 1) о природе денег вообще; 2) какой материал в наибольшей степени подходит на роль денег; 3) происхождение и использование металлических денег; 4) о последствиях введения денег для национального богатства; 5) о том, что деньги — это отнюдь не знаки стоимости, или об отличии металлических денег от бумажных; 6) о том, что металлические деньги вообще не являются точной мерой стоимости; 7) об эталоне для оценки стоимости драгоценных металлов; 8) о соотношении стоимости золота и серебра; 9) о стоимости драгоценных металлов при чеканке монеты; 10) о влиянии

на торговлю даровых монет и монет, производство которых обременено издержками; 11) о том, сколько денег требуется стране для ведения торговли; 12) а также о том, каким образом не имеющая рудников страна обеспечивает себя металлическими деньгами; 13) о медной монете и биллоне.

В пятой книге своего «Курса» Шторх рассмотрел все вопросы, связанные с появлением и обращением металлических денег, которые он считает истинными деньгами, поскольку они обладают собственной стоимостью, являются всеобщим товаром. А в шестой книге «О кредите» им рассмотрены прочие денежные средства, являющиеся, как он пишет, знаками стоимости. Здесь речь идет о векселях, долговых расписках, облигациях, бумажных деньгах, ассигнациях, банкнотах. Анализируются вопросы, связанные с их развитием и развитием банковской системы, определением количества таких денежных инструментов, соотношения их с обращением металлических денег, влияния количества обращающихся денежных инструментов на динамику цен, развитие промыслов, внешней торговли, внешнеторговый баланс, межгосударственные кредиты, национальное богатство. Кредитные бумаги, банковские билеты, пишет Шторх, имеют более или менее ценности в зависимости от того, как они выполняют условия их выпуска, а потому их ценность изменчива, она может падать до нуля. Они «служат очень удобным орудием обращения по легкости, с какой могут быть перемещаемы и пересылаемы». И в других книгах «Курса...» Шторх неоднократно обращается к вопросам формирования цен, внешне-торгового баланса, межгосударственных займов.

В шестом томе «Курса...», где даны приложения к пятой и шестой книгам, приведен интересный материал о различных видах товаров, игравших роль денег у древних народов (шкуры, меха, дорогие ткани), древнерусских деньгах до нашествия монголов, стоимости древней гривны, изменении

внутренней стоимости рубля и о современной Шторху денежной системе России. Обширные статистические данные характеризуют влияние на денежное обращение, на цены и торговлю объемов добычи и потребления драгоценных металлов после открытия Америки (1492–1803). Приведены издержки на изготовление монет и количество денег в обращении в различных странах Европы.

Богатейшие сведения читатель почерпнет у Шторха по истории бумажных денег, основных депозитных и эмиссионных банков. И наконец, в шестом томе даются таблицы денег и обменных курсов России. Здесь имеются данные о действительной стоимости и количестве обращающихся золотых, серебряных и медных монет, их соотношении с обращением ассигнаций. Таблицы содержат сравнительную оценку российских денег и денег основных иностранных государств (по 22 странам), а также курс российских денег в период 1674–1814 гг., средние цены на основные предметы российского экспорта в начале XIX в.

В шестом томе «Курса...» имеются и другие статистические и исторические материалы, раскрывающие природу денег и денежных инструментов. Так, приводятся высказывания Аристотеля о деньгах, Ксенофонта и Сократа о разделении труда и необходимости инструментов обмена его результатами. Собран также очень ценный материал о влиянии притока серебра из Нового Света на цены и денежное обращение в Европе. Анализ цен на сельскохозяйственные продукты, экспортируемые Россией, и цен на покупаемые ею изготовленные на иностранных мануфактурах товары за период 1674–1803 гг., а также цен во внешней торговле Англии и Ирландии за период 1796–1808 гг. подтверждает вывод Шторха о том, что такая торговля выгодна земледельческим народам, а потому не стоит, желая обогнать время, искусственными методами ускорять развитие мануфактурного производства.

Но и этими вопросами отнюдь не ограничивается вклад Шторха в разработку теории цены, теории денег и теории товарно-денежных отношений. Ведь и в первых книгах «Курса...» Шторх говорит о том, что такое цена, о происхождении и условиях обмена продуктами. Деньги, показывает Шторх, появляются как закономерный результат человеческого общения. Появляются они на вполне определенной стадии развития общества, когда происходит разделение труда и людям приходится обмениваться производимыми ими продуктами. Для нас существенно отметить, что от Шторха не ускользнуло изменение с развитием общества функций денег, т.е. качественного состояния тех отношений, которые они выражают и обслуживают.

Качественные характеристики денег и отношения, которые они выражают, меняются с развитием и экономики, и самого общества. Исторические картины, которые Шторх включает в свой текст, очень наглядно выражают эту его мысль. Он говорит о деньгах как о развивающемся явлении, которое меняется в зависимости от состояния общества, модифицируется вместе с ним. Это развитие денег находится не только под влиянием экономики, но и под воздействием многих процессов, происходящих в обществе, в том числе культуры, менталитета людей.

В своей работе Шторх, раскрывая сущность цены, денег, обмена, всегда подчеркивает то, что придает им определенную социальную окраску — обычаи, нравы, культуру, исторический опыт той или иной страны, взаимоотношения с соседними государствами. Все это сказывается на структуре товарно-денежных отношений, на их характере, на соподчиненности их частей, взаимодействии с другими экономическими инструментами. Шторх не только дает теоретическое освещение этих вопросов, но и подкрепляет свои выводы приложениями с обширными историческими и ста-

тистическими материалами, рассказывающими о происхождении денежных инструментов в различных странах.

Шторх признает, что «деньги — главная движущая сила обращения». «Своим существованием наше богатство и цивилизация во многом обязаны именно этому чудесному инструменту, достойному как можно более глубокого изучения». Для Шторха — это крайне важный, но все же всего лишь экономический инструмент, а отнюдь не сверхфеномен. У денег, отмечает он, есть «чрезвычайно примечательные функции: 1) они служат всеобщей мерой обмениваемых стоимостей и 2) самым ходовым товаром». «Употребление денег, — пишет Шторх, — удивительным образом ускоряет общественный прогресс», они облегчают обмен, чем способствуют развитию производства. «Инструмент, поощряющий максимальный рост обменных операций, также является и одной из самых важных причин... совершенствования производства и, следовательно, пополнения богатства нации». Шторх подробно анализирует различные функции денег. «Как только появляются деньги, — пишет он, — стремление к бережливости и накопительству обретает доселе невиданную силу». Это «двигатель торговли», выражение всех остальных богатств, «самое удобное средство для накопления». Это и «наиболее подходящее средство для превращения самых мелких сбережений в величайшие капиталы». Далее Шторх отмечает, что деньги обеспечили кредит, операции по займам, а также авансовые выплаты в промыслах.

В отличие от основных положений, заявленных для обсуждения на данной конференции, А. Шторх, подчеркну это еще раз, отнюдь не абсолютизирует возможности и не превозносит роль денег. Для Шторха деньги — это всего лишь экономический инструмент, имеющий исторически переходящий характер и помогающий выстраивать экономические отношения субъектов экономического действия. Когда

деньгами являются золото и серебро, имеющие собственную стоимость, у них в полной мере проявляются свойства товара и функции денег. А бумажные деньги — это лишь знаки стоимости.

Из природы денег вытекает их мимолетность, необязательность, т.е. они могут в хозяйственной жизни играть роль идеальной счетной единицы, которая используется для измерения величины стоимости.

Эту возможность хорошо подметил Шторх. Он, например, пишет, что негры мандинги, торгующие золотым песком с аравийскими купцами, изобрели свой способ для оценки обмениваемых товаров, когда цены всех товаров приводятся к идеальному масштабу, части которого называют макутами. Они говорят: тот товар стоит 3 макуты, а этот — 10. «Это слово, — замечает Шторх, — совершенно отвлеченное и не означает никакого видимого предмета... Это общий термин сравнения для всех цен, но термин идеальный». Но все образованные народы, говорит далее Шторх, предлагают использовать в этих целях какой-то действительный товар, у которого есть то преимущество, что он сам имеет ценность. Лучше всего на эту роль подходят золото и серебро. Золото и серебро — это не только «вообще мерило ценностей», но и «обыкновенный товар». Именно поэтому только золотые и серебряные монеты являются, по Шторху, на данном этапе развития цивилизации истинными деньгами.

А раз деньги могут служить идеальной счетной единицей, инструментом, лишь обслуживающим товарооборот, то они легко могут быть превращены в ничто, произвольно заменены другим денежным инструментом, с другим значением счетной единицы, что мы нередко и видим при современных денежных реформах.

Денежные средства могут проявлять себя в самых разных ипостасях, ими называют банкноты, казначейские билеты,

долговые расписки, кредитные билеты, бумажные деньги, векселя, другие денежные суррогаты. Все эти инструменты хотя и выполняют те или иные функции денег, но в полной мере деньгами они не являются. Это их знаки, заменители, представители с различной степенью надежности, стабильности. Признавая истинную для его времени роль денег лишь за золотом и серебром в качестве денежного материала, Шторх очень отрицательно относился к бумажным деньгам.

Шторх показывает, что многие людские заблуждения и ошибочные решения в экономической политике вытекают как раз из того, что обычно забывают эту роль денег в качестве счетных единиц. И сегодня деньги — это лишь знаки стоимости, идеальные счетные средства. В качестве таких сегодня можно было бы признать нефть, другое углеводородное сырье. Бумажные билеты мы считаем деньгами, поскольку их наделили силой государственной власти свойствами денег, и общество согласилось с тем, что они поэтому имеют все особенности, присущие деньгам.

Многие явления современного мира убедительно подтверждают двойкую — и экономическую, и социальную — природу денег. Приведу такой пример. В стране, где весьма ощутима инфляция, все стремятся как можно скорее избавиться от денег, покупательная способность которых резко падает. Избавляться от обесценивающихся постоянно денег нас учит наш собственный и исторический опыт, современная культура экономического поведения, современные представления и знания о характере денежных инструментов.

Убедительно иллюстрируют глубокую взаимосвязь экономической и социальной сущности денежных инструментов инфляционные явления. Эта взаимосвязь приводит к тому, что в условиях инфляции деньги из инструмента, призванного выражать равенство стоимостей и равное положение лиц, участвующих в обмене товаров, превращаются в инструмент,

отражающий и закрепляющий возрастающее социальное неравенство. Ведь те, кто может купить на свои ограниченные деньги не исчезающие в сфере потребления товары, а постоянно дорожающие средства производства, становятся богаче, социальное неравенство углубляется.

Несколько участников нашей конференции, по сути развивая положения Шторха, говорили в своих выступлениях, что деньги — это, скорее всего, категория идеальная. Как определить цену — это денежное выражение стоимости? Здесь мы имеем усредненное общее восприятие того, сколько общественно необходимого труда требуется для производства того или иного товара. При определении цены или тогда, когда человек выносит свое суждение об ее уровне, называя ее высокой или низкой, он всегда в уме выстраивает цепочки цен на разные товары, сопоставляет их и выносит свое собственное заключение. Такие сопоставления дают некоторую возможность объективно отразить в цене величину «затрат общественно необходимого труда» для производства того или иного товара. Но только возможность.

Рассматривая на нынешней конференции современные теории денег, нельзя, конечно, забывать теоретические выводы и достижения наших предшественников, особенно русских экономистов, в трактовке сущности и функции денег, их оценки исторических уроков практического использования тех или иных денежных инструментов в различных странах и в различные эпохи. Положения Шторха по этим вопросам не только интересны, но и весьма поучительны для нас, хотя этот экономист написал свой труд почти 200 лет назад, за полвека до выхода в свет в 1867 г. первого тома «Капитала» Маркса.

Деньги, денежные системы, обращение денег образуют в действительности сложнейшую многофункциональную систему в экономике и обществе, которые сами по себе и есть

особый мир. Сфера действия этой системы — все общество во всех его разрезах, пластах, аспектах и ипостасях. Но так же как все общество, так и экономика в целом не сводятся к денежной системе и не исчерпываются ею. Поэтому вряд ли можно обоснованно говорить, что весь мир построен на деньгах. Шторх как раз и предупреждает нас об этом. Он показывает, что деньги обслуживают лишь часть социально-экономического оборота внутри страны. Скажем, хозяйственный оборот внутри предприятия может обходиться без денег. Они нужны лишь в отношениях товаропроизводителей и государств. Нельзя полагать, что весь социально-экономический мир — это мир денег, хотя многие вещи, не имеющие стоимости, имеют цену. Сейчас, к примеру, продаются даже участки Луны, однако ведь она не является товаром в полном смысле этого слова.

Обращение к истории экономической мысли помогает лучше понимать современные экономические процессы, более строго выстраивать логику рассуждений. Деньги — это явление, исторически и социально обусловленное. Каждая эпоха по-новому раскрывает их содержание, задает им свой вектор движения, свой характер обслуживания взаимоотношений не только участников экономического оборота, но и вообще социально-экономическое взаимодействие различных групп населения и социальных слоев в обществе. При исследовании этих вопросов современным ученым стоит обратиться к труду Шторха, что поможет лучше понять экономическую природу денег, их значение в прежние времена и, главное, лучше увидеть политико-экономическое содержание денежных отношений в наши дни.

Николай Мордвинов: вечная служба Отечеству *

*Кто сей украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?
К. Рылеев. Ода Мордвинову*

Адмирал и сын адмирала, «офицер отличнейших познаний», человек удивительно сложной и богатой судьбы, успешный послужить своему Отечеству и в качестве военного человека, и в качестве государственного деятеля, побывать под арестом и получить самые высшие награды, стать первым в России морским министром и первым председателем Департамента экономии Государственного совета... Он нигде по-настоящему не учился, был самоучкой, но знания его были и обширны и глубоки. Экономика, финансы, военная наука, законодательство, просвещение, медицина, земледелие... Ему до всего было дело, и у него на все была своя точка зрения. Он пережил нескольких государей, но ни у кого из них не пользовался полным доверием. Мнения его были настолько смелы, настолько опережали время, что многим чиновникам он казался мятежником. Оппозиция перевозила его, власти же редко прислушивались к его мыслям, называли мечтателем, держали под подозрением и норовили при каждом удобном случае отправить в отставку. Он давал основания и для подобного к себе отношения. И все же... Все же очень часто он смотрел и в корень вещей...

* Вступительная статья к книге серии «Президенты ВЭО России»: Н.С. Мордвинов. Особое мнение адмирала Мордвинова. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008. См. также: еженедельник «Экономика и жизнь», № 21, 2008.

Ничто не говорило о том, что он станет заметной фигурой в политической и экономической истории России. Отец его был заслуженным адмиралом. Военное поприще им готовилось и для сына. По всем признакам оно должно было быть блестящим. Уже в раннем возрасте Николай Мордвинов был взят ко двору для совместного воспитания с наследником императрицы Екатерины — будущим самодержцем Павлом I, которому он вскоре стал любимым товарищем, а в чем-то и образцом. Наставник Павла Панин, склоняя воспитанника к послушанию, часто указывал ему на Мордвинова как пример. С 12 лет Мордвинов — на флоте. Гардемарин, мичман, в 16 лет — адъютант, затем — генерал-адъютант. Три года он служит на английских судах, в том числе и торговых, проникается любовью к Англии, получает там отличные аттестаты, потом много путешествует, узнает мир, возвращается в Россию.

В 1783 г. капитаном II ранга, командиром корабля он участвует в секретной экспедиции в Ливорно. Там, в Италии, знакомится с будущей женой — англичанкой. В 1785 г., когда в Херсоне открывают Черноморское адмиралтейство, Мордвинов, как «офицер отличнейших познаний», приглашается туда Потемкиным на службу. С тех пор на долгие годы судьба его была связана с Черноморским флотом. С его именем связывают многие работы по укреплению флота, по обустройству южного края, города Николаева и даже некоторые морские победы. Но военная карьера Мордвинова оказалась очень неровной.

Виноват ли тут был характер, неуступчивость, но на него все время писали доносы, вынуждая оправдываться. Упрекали в неразборчивости при заключении военных контрактов. В нем разочаровался Потемкин. Его невысоко ценил Суворов. Как-то Николай Семенович пытался доложить Суворову свои соображения по одной военной операции, показывая

что-то на карте, но Александр Васильевич лишь прыгал вокруг стола да кукарекал. Говорят, что он всегда так делал, когда не хотел слушать... Устав от непонимания, Мордвинов бросает службу, но мудрая Екатерина вновь возвращает его к делам. При Павле, когда, казалось, ему уже не могли грозить неприятности, он вновь попадает в опалу. Его арестовывают и требуют оправданий. Дочь Мордвинова, чтобы как-то объяснить такой поворот в судьбе отца, к тому времени уже адмирала, приводит рассказ, в который трудно поверить. Павел, мол, допытывался тогда у своего секретаря, может ли его давний товарищ оправдаться: «Если нет, то запрещаю его судить!» — «Я уверен, что он ни в чем не виноват», — отвечал ему секретарь.

Мордвинов оправдался, но был государем отставлен. При вступлении на престол Александра I, при организации министерств, Мордвинова приглашают на должность морского министра. Последовавшая тут же новая отставка оказалась последней в военной карьере адмирала. Разочарование его было очень большим, он даже собирался покинуть Россию. Его влекла к себе Англия. Родина двух кумиров Мордвинова, оказавших сильное влияние на формирование его взглядов: выдающегося экономиста Адама Смита и Иеремии Бентама, не менее выдающегося философа и юриста. Все уже было готово к отъезду, проданы картины, ценные вещи, но случайная встреча с Кутузовым, разговор с ним заставляют адмирала отказаться от намеченных планов...

В 1806 г. московские дворяне избирают Мордвинова начальником ополчения, готовившегося по случаю войны с Наполеоном. С заключением Тильзитского мира в 1807 г. оно было распущено, но Николаю Семеновичу всегда было лестно вспоминать потом о том доверии, которое оказали ему москвичи.

Когда в 1810 г. в России учредили Государственный совет, Мордвинов начинает играть в нем заметные роли. Долгое время, с перерывами, отставками, он занимает пост председателя Департамента экономии, затем, с 1821 г. до конца 1838-го, Мордвинов — председатель Департамента гражданских и духовных дел. Одновременно с 1823 по 1840 г. исполняет многотрудные обязанности президента Вольного Экономического Общества, члена Комитета министров, члена Финансового комитета. Все эти должности давали адмиралу возможность во всей силе проявить присущий ему ученый талант. На каждой из них он успел сделать многое, точнее, предложить многое.

Почти всегда его мнения по самым разным государственным вопросам оказывались вызывающе яркими, почти всегда его доводы в защиту этих мнений были убедительны. И пусть они редко поддерживались властями, пусть они часто оказывались «особыми», все же влияние их на общественное настроение России того времени было очень значительным. Не случайно его называли «русским Вашингтоном». Не случайно прочили в декабристские революционные правительства. И не случайно поэты слагали о нем восторженные оды. «Золотыми голосами» называли его «мнения» современники.

* * *

Первый значительный успех Мордвинова в обществе, сделавший его известным, — разбор дела графа Кутайсова в Непременном совете (органе, предшествовавшем Государственному совету). Граф Кутайсов был турком, ребенком захваченным в плен. Императрица подарила его сыну — цесаревичу Павлу, который стал мальчику крестным отцом. По-восточному ловкий, не брезговавший никакими средствами, Кутайсов сделался в царствование Павла влиятельнейшей фигурой. Как «выскочка» он вызывал в обще-

стве брезгливую неприязнь, как фаворит государя — страх и ненависть.

Император одарил его не только графским достоинством и высокими чинами, но и многими именьями, в том числе и рыбными ловлями на Каспийском море, приносившими до полумиллиона годового дохода. По смерти Павла их прежний хозяин — фельдмаршал Салтыков просил нового государя вернуть ему отобранную у него собственность. Непременный совет, заседавший под председательством Александра I, склонялся удовлетворить это требование. Мордвинов же высказался против подобного решения.

Если, рассуждает он, говорить о деле по отношению к самодержавной воле как таковой, то оно решается чрезвычайно просто. Неограниченной волей одного монарха земли отданы Кутайсову, неограниченной волей другого монарха можно их у него отнять. С вознаграждением или даже без него. И тут не будет несправедливости, как не будет и справедливости: власть самодержца выходит за рамки этих понятий. Но в понятиях власти благоустроенной, развивает далее свою мысль Мордвинов, нужно согласиться, что:

— закон собственности неколебим;

— никто не имеет права на него покушаться, даже если этого требует общее благо, ибо никогда общее благо не может основываться на частном разорении;

— взять собственность у владельца без его согласия— значит нарушить первый закон благоустроенных государств;

— невозможна и замена правительством владения собственника на другое, ибо нельзя быть судьей в собственном деле;

— твердость закона о собственности никакими миллионами оценить невозможно, ибо он основание государственного здания. Тронь его — все разрушится!

Нельзя, настаивает Мордвинов, делать отступлений ни для кого и ни для чего! Чтобы не спорить о несправедливости, надо начать с того, чтобы самому ее не делать, иначе вечно будет торжествовать сила и никогда — закон! Скажут, что указ по Кутайсову был подложен, что ловли ему передали подложно. Пусть. Но тогда и судить необходимо того, кто совершил подлог!

Понимая, что к мнению его могут и не прислушаться, Мордвинов и в этом случае предлагает поступить особенным образом. Если, говорит он, почему-то все же решат отобрать ловли у Кутайсова, то нельзя оставлять их в общем пользовании. Общее — это дикое! Только труд и капитал превращают пустыни в плодоносные поля. Берега следует раздать хозяевам с правом собственности на них. Скажут, что возьмем у одного и отдадим другому. Не одному — многим! Это первый закон государственной экономии. Избавимся от монополии и достигнем справедливости цены. Выскажут опасение, что все это вновь скупит один. Но для этого и существует государственный закон, ограничивающий владения одного лица! Все превосходящее его нормы просто отбирается в казну...

Несмотря на разумность высказанных доводов, принесших Мордвинову определенную славу, дело все же решили не так, как он предлагал. Ловли у Кутайсова отобрали и передали в свободное пользование. Салтыкова вознаградили другими землями...

В позиции, отстаиваемой Мордвиновым, могут увидеть предпочтение, которое он отдает частной собственности, богатым «выскачкам» (олигархам). Но тут его мысль глубже, интереснее. Частную пользу он видит основой пользы общественной, другими словами, не от все прибирающего к своим рукам государства к частному народному богатству он предлагает идти, а наоборот — заботой о развитии частного интереса достигать крепости государственной казны. Мысль эта

кажется никакой не «особенной», но примеров несправедливости по отношению к частной собственности со стороны государственных чиновников было и в то время столько, что обойти их своим вниманием Мордвинов не мог. Вот еще только три случая, которые пришлось разбирать адмиралу. Отобрали у одного купца в казну понравившуюся мельницу. У другого отобрали землю, выплатив ему 5000 рублей. И хотя тот слезно молил о возвращении ее обратно, хотя бы и за 20 тысяч, ему ее не возвращали. Всерьез намеревались отнять земли и у русских дворян в Крыму, чтобы передать их татарам, заявившим свои претензии... Все это не могло не возмущать адмирала, относившегося к праву собственности как священному. Узнав, что в верхах решили сочинить какие-то правила по отобранию частной собственности в казну, Мордвинов предлагает предоставить «сочинение таких правил будущим временам». «Теперь же, — говорит он, — просто исключите всякое притязание казны на частную собственность, даже кажущееся справедливым, так как невозможно положить точный предел такому вмешательству. Забота о частной собственности — вот коренное теперь правило, иначе можно очень просто скатиться в первобытное состояние».

* * *

«У нас, — печалился адмирал, — решительно ничего нет святого. Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей. Но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда знает, что не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят. Можно принять меры противу голода, наводнения, противу огня, моровой язвы, противу всяких бичей земных и небесных, но противу благодетельных распоряжений правительства — решительно нельзя принять никаких мер».

Да, ни убавить тут, ни прибавить! Разве только вот за-кавычить слово «благодетельные». Предлагая возобновить «святость частных договоров с казною», обеспечивающей равноправие обеих сторон перед законом, признание подрядчиков за полезных слугителей государства, Мордвинов тоже ищет общественной пользы. Она, по его мнению, была бы даже и в том, чтобы дать частнику право выхода из договорных (в рублях) отношений с государством при падении курса рубля. В противном случае получалось бы, что государство, отыскивая выгоды в разорении подрядчиков, приносило бы вред и самой казне. Стремясь обезопасить себя, поставщики стали бы завышать цены.

Чтобы разрешать постоянно возникающие споры по договорам с казной, Мордвинов предлагал учредить третейские независимые суды. Он даже написал правила их создания. По его предложению на юге России с 1802 г. стали вводиться независимые коммерческие суды, которые могли бы защищать частных предпринимателей и от насилия властей. К сожалению, они не получили таких широких прав, как предлагал Мордвинов.

Ограждая от произвола властей частные интересы, Мордвинов думал и над тем, как правильно организовать торги на поставки в казну, чтобы избежать сговора подрядчиков и лихоимства чиновников. Общая мысль у него здесь — обеспечить, насколько возможно, широкую осведомленность о предстоящих торгах, условиях поставок и соблюдение тайности о подаваемых подрядчиками предложениях.

* * *

Думая над тем, отчего в России, столь богатой возможностями и ни в чем не нуждающейся в помощи, повсюду царствует скудость, Мордвинов приходит к выводу, что земледельческая страна и не может быть развитой, что слу-

чающиеся неурожаи неминуемо будут ставить ее на грань выживания. Не намного лучше будет обстоять дело и в благоприятные годы: перепроизводство сельхозпродуктов приводит к их разорительному обесцениванию.

Предлагая перейти в России от земледельческого быта к городскому, промышленному, Мордвинов намечает ряд мер к этому: освободить город от излишних налогов; дать возможность казенным крестьянам переходить в ремесленный класс, в торговлю, в мещанское состояние только по одному объявлению в казенной палате; предоставить право помещичьим крестьянам откупаться и переезжать в города. По мнению Мордвина, в сельском хозяйстве достаточно было держать не более трети населения.

Развитию городов, промышленности мешало крепостное право, которое Мордвинов полагал рабством, сдерживающим народную деятельность. В конечном уничтожении его он безусловно верил и, чтобы приблизить «счастливую перемену», готовил собственные проекты о постепенном освобождении крестьян. На поэтапности он настаивает: в природе жизнь постепенна. Крутые же события связаны с потрясениями. Даровать свободу можно, но нельзя сразу научить ею пользоваться. Освобождение должно служить наградой трудолюбию и приобретаемому умом достатку. В предложенной адмиралом схеме плата, вносимая за освобождение, привязывается к возрасту крестьян. Самую высокую должны были платить крестьяне в возрасте от 30 до 40 лет — 2000 рублей. Тогда это были очень большие деньги. Мордвинов почему-то считал, что у некоторых семейств капиталы достигают подобных сумм, но весь вопрос в том, сколько было таких семейств...

Мордвинов не был особенно против и обезземеливания крестьян, освобождения их без наделов, так как это способствовало бы, по его мнению, появлению в России рынка

вольнонаемного труда и увеличению числа городского населения, о чем он в особенности ратовал.

Проект Мордвинова, относящийся к марту 1818 г., вошел в историю как один из первых вариантов постепенной отмены крепостного права, но не все современники оценили его по достоинству. «Помещик и защищает права помещика», — скажет о позиции адмирала видный русский экономист Н. Тургенев, автор «Опыта теории налогов». «В ваших глазах, — ответит ему Мордвинов, — все рабы святые, а все их владельцы — тираны».

Да, Мордвинов был крупнейшим помещиком. Да, число крепостных душ у него исчислялось тысячами, но согласиться с категоричностью Тургенева мы бы не торопились. Скорее всего уступка адмирала землевладельцам объясняется другим: мягкостью предлагаемых мер он надеялся добиться более верного успеха. Но как бы там ни было, к разочарованию Мордвинова, дело при его жизни так и не пошло далее разговоров. «Со времен Петра скорбим о судьбе рабов наших, крестьян, — сетует он на тех, кому даже его проект показался неприемлемым, — и за всем тем оставляем в полной силе своей рабство. Суета забот!»

* * *

Одним из главных стержней многочисленных программ Мордвинова было устройство в России банков. Еще в 1801 г. он предложил удивительный по грандиозности проект Трудопоощрительного банка, средства на деятельность которого выделялись бы государством. Целью этого необычного заведения было «поощрять и возбуждать охоту к трудолюбию как к источнику, из которого проистекает богатство, изобилие и благоденствие народное».

Затея эта была вполне в духе Мордвинова, так как более всего он не мог терпеть бездельников и желал, чтобы все за-

нимались полезным трудом. Дворяне и те, по его мнению, тоже должны были работать все поголовно («пусть занимаются хотя бы торговлей»).

Задуманный Мордвиновым банк включал в себя 5 отделений: земледелия, скотоводства, рукоделия, рудокопства и рыболовства. Каждый желавший получить из него ссуду должен был указать «место и характер предприятия, смету расходов и размер ожидаемой прибыли». Были предусмотрены и значительные льготы, в зависимости от важности того или иного предприятия. Банк, к примеру, несколько лет вообще мог не брать процентов.

Ссуды предполагалось выдавать под залог недвижимого имущества. Но при этом допускалось, что «и без имений знающим и способным людям можно предоставлять ссуду». Заемщикам, получавшим ссуду без залога, вменялось в обязанность обучение нескольких учеников из русских людей. Были предусмотрены и награды за улучшение всех отраслей сельского хозяйства.

На правление Банка накладывались широкие требования. Оно обязано было готовить хороших хозяев, выписывать из-за границы скот, инструменты, семена, книги, предоставлять заемщикам помимо финансовых средств квалифицированных специалистов.

Удивительна идея Мордвинова создать при Банке службу, которая вела бы «переписку с местными администрациями», посылала на места своих инспекторов собирать «сведения о новых изобретениях, дабы оные повсюду сделались известными». Для этих же целей при Банке предусматривалось устройство библиотеки и типографии. Шесть человек должны были бы постоянно проживать в Англии «для научения лучшим способам хозяйствования».

Трудопоощрительный банк должен был находиться в ведении государя. Средства на его деятельность выделялись бы

государством из ассигнационного банка. Средства на награды — из казначейства.

Государь согласился с уставом Банка, подписал его и передал его на рассмотрение Непременным советом, где проект и был благополучно похоронен. Мордвинов долгое время еще верил в его осуществимость. Подготовил даже проект Высочайшего манифеста о его открытии: «Деньги не имеют никакой цены, кроме относительной к народному труду... единое трудолюбие народное — прямое богатство и величие держав...» Но дальше этого дело не пошло. К 1825 г., кажется, и самого адмирала больше интересовал другой вопрос: куда же подевались оригиналы документов о задуманном им Банке?..

Не были при жизни Мордвина реализованы и другие, более приземленные его идеи: «Об учреждении частных по губерниям банков» и о преобразовании Государственного ассигнационного банка в банк, основывающий свои операции на серебре.

Борьба с выпуском быстро обесценивающихся бумажных денег — постоянный мотив записок Мордвина. Рубль — достояние каждого, говорит Мордвин, и при упадке рубля ропщет воин, негодует гражданин, лихоимствует судья и добродетель уступает место разврату. Бюджетные дефициты Мордвин предлагал покрывать не эмиссией и даже не займами, а дополнительными косвенными налогами. Ущерб для народа, полагал он, всегда окажется в этом случае меньшим.

* * *

«Одни те подати есть хозяйственные и незарочительные для народа, которые уделаются от барыша» — таково было мнение не только Мордвина, но и вообще большинства знаменитых экономистов того времени, но Николай Семенович этим не ограничивается. Он предлагает отделять от при-

были в виде налога только такую часть, которая «не отнимала бы поощрения к дальнейшему преуспеянию». Считая такое разумное обложение «лучшим видом налога», Мордвинов не только выступает за уничтожение существовавшей в то время подушной подати, но и прочих прямых налогов. Когда в 1821 г. тогдашний министр финансов Гурьев предложил ввести ряд налогов на собственность, он немедленно встретил в лице Мордвина самого непримиримого противника, потребовавшего «все вообще налоги, на торговых и промышленных капиталах лежащие, снять и на будущее время иметь осторожность в прикосновении ко всему, что может ущерблять сии капиталы».

Вместо прямых адмирал предлагал шире использовать косвенные налоги (питейные, таможенные и другие сборы).

Незадолго до войны 1812 г. Россия открыла свои северные порты, и 200 английских судов под нейтральными флагами вошли в них. Наполеон увидел в этом нарушение существовавших договоров и ущемление торговых прав Франции. Чтобы не портить с ней отношений, предлагалось конфисковать десятка два английских судов. Мордвинов резко возражает против этого: со стороны России это было бы признаком слабости.

Действовавшая в то время континентальная блокада, ограничивающая для присоединившихся к ней стран торговые отношения с Англией, имела своей целью усмирение ее владычества на морях. На деле же оказалось, говорит Мордвинов, что вред понесла не Англия, а Россия. Одного этого факта, по мнению адмирала, было уже достаточно, чтобы отказаться от обязательств России по отношению к Франции. Более того, факт этот заставлял думать, что сама континентальная система была придумана не для того, чтобы ослабить Англию, а для того, чтобы ослабить Россию. Нужно ли в этих условиях, задается вопросом Мордвинов,

поддерживать мирные отношения с одной только Францией? Уровень могущества нашей страны таков, что она в состоянии дружить и с Францией, и с Англией одновременно...

В разгар войны с Турцией Мордвинов вдруг начинает выступать за мир и с нею, чтобы возобновить вывоз зерна из черноморских портов, ограничение которого ослабляет не столько Турцию, сколько нас же. Нельзя, говорит он, чтобы внешние обстоятельства подавляли внутренние нужды. Расширение России на юге далее тех пределов, которых она уже достигла, было бы, по мнению адмирала, вредным занятием, ибо ослабляло Россию. Нужно, говорит он, заботиться не о завоевании новых земель, а о сохранении и улучшении существующих. Надо заметить, что и вообще всех завоевателей Мордвинов считал не великими людьми, а разбойниками. Законной войной, великим делом полагал он только защиту Отечества.

Всегдашние предложения Мордвинова о мире диктовались, конечно, экономическими нуждами России, но как только наступал мир, адмирал был вновь недоволен. Называл Россию беспримерным событием в истории, поскольку та и в мирное время, продолжая пользоваться всеми военными налогами, изобретает новые и делает займы. Он предлагает отнять у армии то 40, то 50 миллионов рублей, снизив ее расходы с 50 до 20% бюджета. Придумывает и разные способы такого сокращения: уменьшение численности войск, уменьшение срока службы, введение конкурсов для военных подрядчиков, обработку военными земельными наделов...

* * *

В первой четверти XIX столетия многих, как и теперь, волновала проблема привлечения иностранных капиталов. У идеи этой были как сторонники, так и противники. К числу последних, хотя и умеренных, принадлежал Мордвинов. Полагая необходимым вливание валюты в российскую экономику,

он считал, что этот шаг, во многом вынужденный, происходит от недостатка нужного количества отечественных вкладов. «Россия, — любил повторять он, — государство пространное и требует великих капиталов». Отыскивать их, по мнению адмирала, следовало в родном Отечестве. Не капиталы, полагал он, нужно было привлекать из-за границы, а самих иностранцев, приглашая их на постоянное жительство, предоставляя им всевозможные льготы с отменой присяги на подданство, с необязательностью приписки к гильдиям, с устранением для них таможенных стеснений. С иностранцами, полагал Мордвинов, прибыли бы к нам и машины, и передовые технологии... Как бы, однако, смутился Мордвинов, не отпугнуло их «привычное русскому человеку повсеместное нарушение законов и отсутствие строгого порядка».

Ратуя за приезд иностранцев, Мордвинов выступал и за то, чтобы и русским людям разрешили жить за границей. Если кто-то из них и окажется при этом изменником — не страшно. Пусть уж лучше такой человек живет вне Отечества. Мазепа с его мыслями об измене, приводит пример адмирал, был бы менее опасен у Карла XII, чем в русском стане. Хороший урок сегодня и для нас, и для наших ближайших соседей!

* * *

Таможенному тарифу Мордвинов отдавал в своих построениях одно из решающих мест. Протекционизм — вот его кредо. Можно, говорит он, согласиться на свободу торговли, но под условием действительно всеобщей свободы, а не для одной только России. Начать подобный эксперимент с нее, без уступок со стороны других государств, Мордвинов считал крайней неосторожностью. Уменьшение дороговизны он предлагает достигать не либерализацией тарифа, неминуемо ведущей к падению курса рубля, но усилением собственной

промышленности с присвоением собственной продукции всех тех выгод, которые уступлены чужеземным товарам.

«Но при запретительном тарифе исчезнет соревновательность, стремление к достижению совершенства, усилится контрабанда, снизится приобретение наших товаров...» — возражали Мордвинову и ничего этим не достигали. Ни один из приведенных доводов не казался ему убедительным. Соревноваться, говорил он, можно лишь с находящимися при одинаковых с вами «выгодах, правах и обстоятельствах» (иначе какое же это соревнование?), что в принципе не может быть между целыми государствами, ибо «они не могут уравниваться между собой». Тут, во всяком случае, требуется постепенность, пусть и сопровождаемая некоторой неудобностью от употребления собственных изделий, поскольку заплаченные за них деньги остаются внутри государства. «А где государство теряет, — приводит адмирал в особенности важный для него аргумент, — там теряет и каждый частный человек».

По поводу контрабанды адмирал вспоминает один из употребляемых при либеральном тарифе способов обмана, использование которого приносит нечестным людям такие барыши, которые ни одному контрабандисту и не снились. Суть его — в изготовлении поддельного таможенного клейма. При свободном хождении иностранных товаров вред государству наносился бы неисчислимым.

Уменьшение российского экспорта тоже представляется адмиралу вопросом сомнительным. Умозаключение «кто не покупает, тот и не продает» он считает ошибочным. «Не имеет ли Англия, — ссылается Мордвинов на близкий ему пример, — несмотря на запрещение ввоза чужестранных рукоделий, пространнейший внешний торг?»

Разумеется, Мордвинов не настаивает на запретительном тарифе применительно ко всем ввозимым товарам. На товары, не производившиеся в России, он допускает су-

ществование незначительных пошлин. На то, что вывозится за границу, Мордвинов предлагает не вводить никаких пошлин. Вообще же неограниченная свобода, считал Мордвинов, полезна только для собственной внутренней торговли. В противном случае и промышленность наша, и сама торговля, полагал он, будут подавлены и окажутся во власти чуждых народов.

«А вот в Америке, — пытались переубедить адмирала, — там протекционизм считают вредной затеей...» — «Опыт, — отвечал на это Мордвинов, — доказал в России противное принятому в Америке правилу».

* * *

Если бы во времена Мордвинова существовало общество трезвости, он, без сомнений, вступил бы в него. Адмирал терпеть не мог кабаков, не понимая, как можно прибавать к их дверям царские гербы. Он считал их скопищем разбойников, хулителей дел Божеских и полагал, что число кабаков в Петербурге не должно превышать семи (по числу смертных грехов). Само слово «кабак» Мордвинов предлагал переименовать в «лавку по продаже вина». Купить его там можно было бы только в определенные часы и только навынос. Внутри лавок адмирал советовал подавать... чай. Тут ему, смеясь, возражали, но он обижался: «Да как же так можно думать о русском народе?!»

В разврате пьянства, сопровождаемого нищетой, болезнями, гибелью способностей, погрязли не тысячи, полагал Мордвинов, сотни тысяч русских людей, в трезвом состоянии трудолюбивых и деятельных. Определяя доходы от продажи вина противоречащими нравственным принципам, он предлагал искать другие источники пополнения бюджета, считая, что трезвость сама по себе принесет доход государству.

К тому времени государством было испробованы две системы реализации алкоголя: винные откупа и государственная монополия. Обе эти системы не устраивали Мордвинова и по нравственным принципам, и по экономическим результатам. У прежних откупов, говорил он, много недостатков, но там хотя бы деньги обращались среди народа. При монополии же государственные чиновники деньги из оборота уводят, прячут их из опасения разоблачения.

Когда в 1827 г. вновь вернулись к откупам, Мордвинов стал упрекать министра финансов Канкрин за то, что тот не пожелал испробовать третью систему — акцизную. Адмирал полагал, что такие опыты нужны; что если и случится здесь неудача, то что ж из того — и казенная копейка тоже должна гореть, так же как и все другие.

Нужно, предлагает Мордвинов, сделать продажу вина свободной, взимая налог от его продажи. Нужно отдать казенные винокурни частникам и отпустить на вино цену. Нужно не стеснять производства вина уставами. Они — еще один повод к злоупотреблениям. И нужно разрешить вывозить вино за границу. Из-за отсутствия такой свободы сдерживается его сбыт.

Когда сделают все это, говорит Мордвинов, казна будет иметь постоянный доход. Уменьшится пьянство из-за ограничения способов продажи вина (без распития, навынос), улучшится его качество. Злоупотребления будут, но их всегда тем меньше, чем проще дело.

Император Николай Павлович изъявил одобрение направлению мыслей Мордвинова, но предположил, что действовать в таком деле следует с осторожностью. И, кажется, он здесь был более прав. Впрочем, адмирал предлагал все это больше как опыт. Проверили бы все это тогда, не наделали бы столько ошибок впоследствии. Впрочем, это сомнительно. Настолько верны и теперь слова Н. Тургенева: «До чего

у нас хамство усилилось! Мы даже ничего не знаем о прежнем устройстве государства!»

* * *

Кавказские народы, считал адмирал, нельзя покорить оружием. Нельзя уберечься и от их нападений на соседние селения. Чтобы предотвращать этот вред, потребуется держать здесь значительное войско, расходуя на него огромные деньги. Но Россия должна иметь на Кавказе иные виды, а не одну только временную безопасность. Европа устарела и берет у нас мало. России нужны торговые дороги в Персию, Индию... Азия должна теснее соединиться с Россией! Чтобы открыть путь нашим товарам, нужно приучить кавказские народы к тому, что производит Россия. Нужно породить у них новые желания, новые привычки. Нужно умягчить их роскошью, сблизить их вкусы с нашими. Тогда только достигнем их сокровенных ущелий, соединимся взаимными обменами и торговлей.

Нужно выделить на эти цели и деньги, чтобы привязать к себе родоначальников кавказских народов. Нужно завести школы в наших городах с традиционными для горцев видами обучения для воспитания их молодых князей. Сформировать из них в Петербурге гвардейский отряд... Нужно сделать все это, и небольшие деньги сэкономят миллионы.

* * *

Сократить удручающие казну расходы, открыть источники новых в нее поступлений, сберечь небольшими деньгами миллионы государственных средств — вокруг этого строится большинство предложений Мордвинова. Это неудивительно. На каждой из возложенных на него должностей он прежде всего был государственным, думающим о благе Отечества. Собрать все его мнения воедино, и получился

бы грандиозный план обустройства России, охватывающий все стороны ее жизни, — величественный план Мордвинова. Не все, разумеется, было в нем совершенно, но как увлекательно, согласитесь, выглядело бы предлагаемое им здание: Россия с совершенной промышленностью, с развитой банковской системой (занятой не спекулятивными операциями, но прямым своим делом), с твердой валютой, имеющей основанием своим труд миллионов ее людей; Россия, освобожденная от рабства, просвещенная, непьющая, мирная; Россия, за которую не было бы стыдно, которую бы не боялись, но уважали за неизбывную силу и вечное стремление к правде и справедливости...

Право, на это стоило положить жизнь, даже если бы речь шла о только лишь плане, о видении, о формировании далекого идеала. Разве не важно было предложить его обществу для осмысления, для того, чтобы положить начало будущему успеху. «Начать должно, — вот что казалось важным Мордвинову, — ибо без начала нет и конца».

Начать, попробовать, двинуться вперед, не резко, не штурмом, не дожидаясь успеха вдруг, но постепенно, с оглядкой, небольшими шагами — только и просил у властей Мордвинов, но даже и этого редко удавалось ему добиться. Трудно ему было бороться с чиновниками, этой непобедимой армией, руководимой не стремлением к благу, но уставом и буквой параграфа, для которой интересы России всегда были почему-то менее важными, чем интересы начальства и собственные интересы. Чаще всего он выходил из борьбы побежденным, но значит ли это, что труд его пропал даром? Не проросло ли сказанное им слово и не принесло ли плоды в эпоху преобразований Александра II, во время реформаторства Витте? Даже и в великой Столыпинской реформе не увидим ли многое из идей адмирала?

* * *

Многочисленные шкафы с книгами, различные инструменты, карты, пухлые папки с надписями «Государственный совет», «Вольное Экономическое Общество», «Банки», «Благотворительные учреждения», «Проекты»... — таким рисует кабинет Мордвинова один из его современников. Адмирал к тому времени был уже стар и дряхл.

Цвет лица его казался восковым, а волосы, когда-то чудесно белого цвета, кое-где уже отдавали желтизной. Когда-то он был всеобщим властителем дум, но теперь... Что было ожидать от этого почтенного старца теперь, когда он одной ногой уже стоял в могиле? Однако как только начинали говорить с ним, так тут же и вставали в тупик. Бодрость слов, неожиданные, очень уместные вопросы вызывали у посетителей просто растерянность. Что же тогда говорить о том времени, когда он был в расцвете сил?.. Когда он буквально поражал современников своей неутомимой энергией, зримо воплощавшейся во множестве всяких дел и начинаний. Мы рассказали здесь далеко не обо всех из них. Нужно было бы вспомнить еще и о той роли, которую сыграл Мордвинов в развитии русского образования и просвещения, русского здравоохранения. Читатель найдет в нашей книге некоторые из его работ, касающихся этих областей знания, но нельзя сводить всю неутомимую деятельность адмирала только к написанию каких-то статей.

Мордвинов не чурался и никакой практической работы, даже черновой. Его по праву считают одним из главных организаторов первого частного Страхового общества в России. Он много лет состоял в правлении Русско-Американской компании, смело осваивавшей все западное побережье Северной Америки (от Аляски до Калифорнии), получившее и благодаря ему, его стараниям название Русской Америки. Работая президентом Вольного Экономического Общества,

Николай Семенович поставил себе в заботу обеспечение школ и училищ необходимой учебной литературой, образцами техники и инструментов, создавая тем самым из них прообразы современных учебных заведений. Гомеопатия, оспопрививание, виноделие — не перечислишь всего, чем занимался и где оставил свой след адмирал Мордвинов...

На далеко-далнем Дальнем Востоке нашей Родины, там, где она, просыпаясь, уже встречает утро нового дня, а ее столица все еще продолжает жить хлопотами дня вчерашнего и только-только неспешно начинает готовиться к ночному отдыху, там, на легендарном острове Сахалин, в самой южной части его восточного берега, между гордыми мысами Свободный и Сенявина, плещут уверенные в своей силе размеренно-стальные волны залива Мордвинова. Много повидавшие на своем веку, покрытые благородной сединой, чуть отдающей желтизной, прибрежные скалы, пристально вглядываясь в далекий тихоокеанский горизонт, кажется, безмолвно, как-то по-стариковски скорбят, тоскуют о скрытой за ним навсегда утраченной Русской Америке. И, помня уроки прошлого, зорко берегут покой и неприкосновенность нынешних границ государства! Вечная, непрекращающаяся служба Отечеству!

Н.С. Мордвинов: живые традиции беззаветного служения Отчизне*

Среди замечательных афоризмов, нередко упоминаемых, есть суждение о том, что «большое видится на расстоянии». Удивительно образное и верное по существу, во всех смыслах суждение. С полным правом можно напомнить его и отмечая выход в свет 100-го тома научных трудов возрожденно-го Вольного экономического общества России как славного продолжения традиций, заложенных императорским Вольным экономическим обществом еще в XVIII веке, с первых лет его основания.

Сколько дел во славу России за прошедшее время сделано Обществом, участники которого всегда были истинными патриотами России, увлеченными поисками нового в науке, более совершенного в хозяйственной практике, всегда горели желанием до современников полезные знания и опыт, сделать их общеизвестными, общедоступными и применимыми. В трудах Общества (которых в совокупности вышло почти 400 томов) — и хроника его деятельности, и летопись хозяйственной истории и экономической мысли России.

Сочетание теоретического и прикладного характера публикаций в трудах Общества было различным на разных этапах его истории и определялось потребностями самой экономики. Так, в XIX веке были насущны сведения о достижениях семеноводства в растениеводстве и племенного дела в животноводстве, о новых орудиях и механизмах, как и всякого рода рекомендации, советы, рассказы об образцовых хозяйствах и производствах, лучшем хозяйственном опыте. Сейчас же публикации в трудах Общества характеризуются сугубо научным содержанием, поскольку просветительские

* Научные труды ВЭО России. Т. 100. М., 2008.

и прикладные задачи решаются другими средствами, с помощью других организационных форм. Однако традиция тесной связи исследований, научных разработок и публикаций с актуальными потребностями хозяйствования сохранилась, осталась незыблемой. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют тематика и материалы «круглых столов», конференций, семинаров, совещаний, конкурсных работ, исследований, аналитических и прогнозных разработок во всей сотне томов научных трудов Общества постсоветского периода. Вчитываясь в эти материалы, со всей наглядностью представляешь, чем жила и живет страна, что ее волнует, какая социально-экономическая мысль бурлит, вызревает в научных кругах, какими конкретными предложениями разрешается, как отражается в программах общественных движений, политических партий, экономической стратегии государства.

Публикации в научных трудах привлекают тем, что они аргументированы, выдержаны и весьма компетентны. Их отличают спокойный тон, взвешенность аргументов, отсутствие крикливого популизма, огульного очернительства действительности. Критика здесь присутствует, но она всегда обоснованная, доказательная и конструктивная. Авторы не стремятся поразить красотой научных высказываний и побольнее уколоть своего оппонента в дискуссиях по социально-экономическим вопросам. Разговор всегда сопровождается обоснованными доводами и предложениями по исправлению имеющихся недостатков в хозяйственной жизни. В этом несомненно растущий авторитет и востребованность трудов ВЭО России в кругах ученых, политиков, хозяйственников, общественных деятелей, учащейся молодежи.

Труды Вольного экономического общества России не являются вещью в себе, они помогают находить ответы на на-

сущные вопросы современности, лучше понимать прошлое. Не случайно, что именно материалы научных дискуссий, публикации. Общества привлекли внимание нашего Издательского дома «Экономическая газета» к истории русской экономической мысли, фигурам президентов Вольного экономического общества, которые традиционно выбирались из числа выдающихся представителей науки известных политических и общественных деятелей. Участники научных обсуждений неоднократно убедительно доказывали, насколько плодотворным может быть обращение к накопленным российской наукой знаниям и опыту. И когда наш Издательский дом стал выпускать книги серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность», мы поняли, что не можем обойтись без работ президентов Вольного экономического общества России. В этих работах присутствует столь важное и плодотворное сочетание глубокого научного знания и активной гражданской позиции с деятельным участием в политической и духовной жизни страны. Нами изданы труды Валентина Сергеевича Павлова, бывшего президентом Общества в конце прошлого века, в постсоветский период становления рыночной экономики и новой демократической России, а также Николая Семеновича Мордвинова — президента ВЭО в 1823–1840 гг. Эти книги доносят до читателя мысли оригинальных ученых, подлинных патриотов России, живших ее интересами, веривших в ее великое предназначение и светлое будущее, рассказывают также и о том, что именно они сделали для развития экономики и культуры страны, несмотря на все мешавшие ей трудности. Потому-то эти книги не только раздвигают горизонт научного значения, но и несут в себе большой заряд социального оптимизма, дают уверенность в завтрашнем дне, способствуют активизации творческого поиска научных и практических кадров.

Публикации трудов Вольного экономического общества надо, конечно, рассматривать в общем русле всей осуществляемой им обширной издательской деятельности. Отдавая должное большому труду, знаниям, ответственному отношению к делу всего коллектива сотрудников Общества, непосредственно участвующих в этой деятельности, нельзя не отметить исключительную роль в ее организации президентов Общества. И прежде всего их пониманием целей и задач Общества, его возможностей, выбором приоритетных направлений работы и тематики публикаций определялись, укреплялись и развивались традиции издательской деятельности ВЭО, плоды которой столь полезны и современникам, и потомкам.

Хотелось бы особо отметить сделанное на этой ниве Николаем Семеновичем Мордвиновым, который бесценно занимал пост президента семнадцать лет. В выпущенной нашим Издательским домом в 2008 г. книге «Особое мнение адмирала Мордвинова» достаточно полно отражена роль этого выдающегося политического и общественного деятеля первой половины XIX века.

История дает нам немало печальных примеров того, что деятельность общественных организаций сводится к решению каких-то частных, узких задач, важных лишь для участников этих добровольных объединений. И Вольное экономическое общество, хотя оно и носило название «императорское», а потому в какой-то мере всегда согласовывало свою деятельность с государственными интересами, все же часто уходило в сторону местных тем, локальных решений. Мордвинов же с первых своих шагов на посту президента стал культивировать государственный подход к любому делу Общества. С широких государственных позиций определял он задачи ВЭО в подъеме и совершенствовании сельского хозяйства, промышленного производства, в развитии просвещения

и улучшении здоровья народа. И это не удивительно. Будучи крупным государственным деятелем, Мордвинов к 1823 г. уже выработал четкие представления о неотложных нуждах страны, об имеющихся недостатках и о тех мерах, которые должны привести к улучшению хозяйственной и общественной жизни. Его программа действий была им неоднократно заявлена и в письмах к императору, и в мнениях при решении различных вопросов в возглавляемых Мордвиновым департаментах Государственного совета. Поэтому-то и деятельность Вольного экономического общества он рассматривал именно с государственных позиций, видел в Обществе первопроходца многих нужных стране начинаний, способного своим примером показать их доступность, полезность, завоевав тем самым новых последователей.

«Просвещение, — считал Мордвинов, — есть начало народного богатства. Не руки человека дают плодородие земле; не ими процветают художества, торговля, промышленность; не ими умножаются и возрастают денежные капиталы; ум и науки суть орудия богатства». Причинами, препятствующими распространению просвещения в России, Мордвинов называет скудость средств у министерства народного просвещения; невнимание к распространению положительных наук, их плохое преподавание, недостаток открытых для народа кафедр; исключение из круга наук дисциплин сельскохозяйственного профиля, недостаток книг и библиотек, типографий, сельских и деревенских школ; пренебрежение к системе взаимного обучения; раннее поступление молодых людей на службу; принадлежность чинам особенных льгот и уважения и обратное отношение к безчиновным лицам; дороговизну книг; недостаток учителей учебных заведений и публичных лекций; численное преобладание крестьянского сословия. «Ум и руки рабов, — полагает Мордвинов, — неспособны к порождению богатства. Свобода, собственность,

просвещение и правосудие суть существенные и единственные источники оного».

Меры по подъему земледелия, развитию просвещения и здравоохранения должны, как считал Мордвинов, стать частью государственной политики, получать поддержку со стороны государства, в том числе и материальную, найдя отражение в росписи государственных расходов и доходов. Эта его точка зрения, глубокая убежденность в своей правоте и объясняют ту настойчивость, с которой Мордвинов добивался пособий Вольному экономическому обществу из государственного казначейства. Пособия, с его точки зрения, — не какая-то милость государя, а по праву, на законном основании должны предоставляться Обществу как одному из влиятельных проводников государственной политики.

Оценить новые идеи, новые подходы, новые направления работы, которые Н.С. Мордвинов развивал и осуществлял как президент Вольного экономического общества, нельзя, конечно, вне контекста всей его государственной деятельности как члена Государственного совета, председателя департамента экономии, а затем председателя департамента гражданских и духовных дел. Именно благодаря этой его постоянной включенности в обсуждение важнейших государственных и общественных задач, хозяйственных и имущественных споров и конфликтов, постоянному общению по служебным делам с представителями всех сословий, участию в обсуждении предлагаемых ими проектов реформ и законов, изменений в экономической политике Мордвинов, рассматривая свою деятельность в ВЭО как высокое и ответственное служение Отечеству, увидел новые возможности приложения для его пользы сил Общества.

Мордвинов постоянно настаивал на необходимости государственной поддержки земледелия, указывая меры по улучшению положения дворянского сословия и крестьян. Так,

в сентябре 1829 г. он писал, что «правительство наше с самых древних времен не щадило жертвований на устройство в России заводов и фабрик... Но земледельцам нашим для усовершенствования сельских их производств правительство никогда еще не оказывало никаких пособий, ни поощрений, хотя они составляют как в частном быту, так и для государственного казначейства самый главный и изобильнейший доход». Мордвинов указывает на пример Англии, которая, заботясь о пользе своих земледельцев, всячески стесняет привоз иностранного хлеба, хотя таможенные пошлины являются ее важнейшим государственным доходом.

В несомненную заслугу Н.С. Мордвинова следует поставить деятельность Общества по пропаганде научных знаний о сельском хозяйстве. Изобилие и количество сельскохозяйственных плодов, отмечал он, «зависят от степени просвещения в науке сельского хозяйства; сия же наука, полезнейшая в составе всех других мало еще изучена в России, ибо не в одном из учебных заведений не преподается». Имеющиеся в девятом томе архива Мордвинова его записки, расширенные предложения по вопросам улучшения сельского хозяйства свидетельствуют, что он постоянно размышлял над этими вопросами, изыскивая различные способы скорейшего распространения научных знаний, обучения земледельцев, устройства образцовых хозяйств.

В этом отношении весьма показательны его семилетняя переписка в 30-е гг. с императором и министерством финансов, его выступления в Госсовете об открытии в стране земледельческих институтов и школ, изучении агрономии в высших учебных заведениях, организации опытных хозяйств, производств по изготовлению сельскохозяйственных орудий, посылке за границу лиц для обучения сельскохозяйственной науке. С 1833 г. Н. Мордвинов об этом неоднократно писал, убеждал, выступал и сдвинул-таки дело с мертвой

точки. Результатом его усилий стало учреждение в 1833 г. особого комитета по делам земледелия, открытие в 1840 г. первого в стране сельскохозяйственного Горы-Горецкого института, государственная поддержка сельскохозяйственных школ, издание газеты по сельскому хозяйству. Все эти вопросы стали благодаря Мордвинову областью государственной политики, а также важнейшим направлениями деятельности Вольного экономического общества. Правда, масштабы сделанного были намного меньше того, что предлагал Мордвинов, но начало было положено, и это главное.

Решение этих вопросов Мордвинов в 1833 г. предлагал в своем обращении к императору Николаю I, в котором он хлопотал о выписке из чужих краев двух профессоров усовершенствованного сельского хозяйства и учреждении института земледелия, просил направить в лучшие в Европе практические земледельческие школы четырех российских студентов, выдавать пособия помещикам, желающим учить своих крестьян в сельскохозяйственных школах, по самым низким ценам издавать книги с полезными сведениями, организовать производство сельских усовершенствованных орудий, устроить около Санкт-Петербурга образцовую усадьбу, на что просил разрешить Обществу купить землю. На все эти начинания, по расчетам Мордвинова, требовалось 78 тыс. рублей, которые он испрашивал из государственного казначейства. «Экономическое общество, — писал он, — получая предназначенную сумму, нет сомнения, ввело бы сельское хозяйство в число наук, размножило бы число просвещенных в оной, яко первой и полезнейшей для России, составило бы новое сословие людей, способных, необходимо нужных для управления в селах и деревнях, облегчило бы труд земледельца».

Предложение Мордвинова о предоставлении ВЭО средств в размере 78 тыс. рублей было благосклонно встречено импе-

ратором. Записка была передана на рассмотрение министру финансов Канкрину, который в докладе государю в октябре 1833 г. предложил выдавать Обществу ежегодно 20 тыс. рублей на новые его нужды, а записку Мордвина отравили на рассмотрение в Комитет министров. Результатом ее обсуждения стало одобренное государем решение создать Комитет по усовершенствованию земледелия в России из семи членов, в состав которых был включен Мордвин, ставший его председателем.

Комитет для усовершенствования земледелия в России был учрежден в октябре 1833 г. Мордвин не только инициативно содействовал учреждению Комитета, но и активно участвовал в его работе, привлекая по необходимости и силы Вольного экономического общества. В марте 1834 г. он выступил в этом Комитете с сообщением о важности усовершенствования земледелия, о пользе от внедрения плод-переменных посевов вместо трехпольного разделения пахотной земли. Он особо указал, что увеличение доходов казначейства от усовершенствования земледелия позволило бы отказаться в росписи государственных доходов от статей, связанных с продажей водки. «Желать, — говорил он, — чтобы из опьянения народа извлекаем был значительный доход, не служит ли явным побуждением к искажению нравственности народной и не противно ли сие закону божескому и закону гражданскому».

Комитет после более чем двухмесячного обсуждения вопроса вынес заключение о необходимости издания недорогой земледельческой газеты, учреждения нескольких земледельческих заведений с опытными хуторами, доступных для крестьян и разного звания людей, открытия механического заведения для изготовления и продажи сельскохозяйственных орудий (при школах, а также в Киеве, Москве, Нижнем Новгороде и Тамбове). Обсуждение этих предложений пере-

шло в Государственный совет, где их сочли хотя и важными, но дорогими и преждевременными. Мордвинов опять обращается в Совет, обосновывая необходимость средств на открытие кафедр по агрономии в учебных заведениях, публичные лекции, земледельческие школы и экономические общества, а также опять пишет письмо Николаю I, вновь выступает в Государственном совете в защиту своих предложений. Наконец, в 1835 г. было найдено место для казенной земледельческой школы в Оршанском уезде Могилевской губернии, в 1836 г. приступили к ее устройству, а открыли в 1840 г. как Горы-Горецкий институт земледелия.

Следствием настойчивых хлопот Мордвинова явилось и то, что в 1836 г. при технологическом институте в Петербурге было создано небольшое заведение по изготовлению моделей земледельческих орудий и рассылки их по губерниям для устройства образцовых коллекций при казенных палатах. Были выделены средства Московскому обществу сельского хозяйства для устройства земледельческой школы и хутора. А Вольному экономическому обществу с 1837 г. в течение четырех лет стали отпускать по 10 тыс. рублей ассигнациями на содержание учеников Общества в земледельческой школе графини Строгановой (в дополнение к тем 20 тыс. рублям пособия, которое было назначено еще в 1833 г.). В 1836 г. была выдана из государственного казначейства ссуда в 70 тыс. рублей без процентов предприятию московских фабрикантов земледельческих орудий.

Кроме того, земледельческий комитет распорядился учредить при Дерптском университете казенные стипендии по агрономии, о посылке молодых ученых за границу. Комитет принял также распоряжение об основании кафедр и публичных курсов по сельскому хозяйству, издании и безденежной рассылке земледельческой газеты губернаторам, предводителям дворянства, духовному ведомству и волостным правле-

ниям, об издании книжек и статей по сельскому хозяйству. Но Мордвинов в 1835 г. вновь обращался к Канкрину, испрашивал из казначейства уже 10 млн рублей для развития сельскохозяйственных знаний, указывая, что это позволило бы значительно повысить государственные доходы.

Без сомнения, мордвиновские идеи повлияли на то, что в министерстве государственных имуществ с 1837 г. отведено было место и к заведованию дел по развитию и поощрению земледельческой промышленности. Здесь также поднимаются вопросы развития агрономического образования, проведения сельскохозяйственных выставок, конкурсов, учреждения премий, наград. Как видим, Мордвинову удалось повернуть колесо бюрократической машины. Не все было успешно, не все стало системой. Формализм и бюрократические проволочки мешали и основательно, но начало было положено.

Идеи Мордвина о мерах по содействию развития агрономического образования были реализованы им в работе поддерживаемой ВЭО школы графини Строгановой. С 1834 г. Общество решило содержать в ней своих воспитанников, и в 1837 г. имело в этой школе на своем иждивении 65 человек. В 1836 г. двое из учеников Общества на два года были отправлены за границу. По предложению Мордвина с целью распространения сельскохозяйственных знаний ВЭО в 1838 г. обращалось за содействием к сельским лицам духовного звания. Их участие в этой деятельности ВЭО оказалось весьма успешным.

Общественность высоко оценила усилия Мордвина по поддержке сельского хозяйства, он был избран почетным членом Московского общества сельского хозяйства, Московского общества улучшенного овцеводства и Комитета сахароваров в Москве.

Для управления переданными в 1836 г. Обществу на 50 лет оброчными статьями Казанской губернии было учреждено VI отделение, которое возглавил сам председатель. Но ВЭО было вынуждено от них раньше срока отказаться из-за трудностей сбора средств, постоянной задержки с их поступлениями, большой перепиской.

Пожертвование Мордвинова в 1838 г. 3 тыс. рублей на издание «Сельской библиотеки» послужило основанием так называемого мордвиновского капитала, который долгие годы затем с другими жертвованиями использовался ВЭО на эти цели.

Общество помогало развитию российского земледелия через издание книг, рассылку элитных семян и улучшенных орудий, через доставку средств для практического изучения физики, химии, рассматривало многие проекты, поступавшие от министерств и частных лиц по улучшению сельского хозяйства, изготовляло и испытывало новые орудия и машины. Кроме того, помощь была оказана изданию газеты «Северный Муравей, или Газета промышленности», а также «Журнала Общепольных Сведений». Только в 1823–1825 гг. Общество издало 9 сочинений по сельскому хозяйству, в числе которых книги по применяемым в этой отрасли машинам, об овцеводстве, о способах борьбы с саранчой, по хозяйственной ботанике, о приготовлении фосфора. Особое внимание Мордвинов уделял внедрению плодопеременного севооборота, он даже предлагает уменьшить проценты за кредиты тем помещикам, которые будут вводить плодопеременные посевы вместо трехпольного севооборота. О преимуществах нового севооборота Вольное экономическое общество издало и специальную книгу и разослало ее по губерниям.

Замена трехпольной системы обработки почвы, когда третья ее часть отдыхала под паром, на многопольную (пло-

допеременную) систему севооборота увеличивала урожайность в несколько раз. Общество способствовало внедрению новых методов выращивания сельскохозяйственных культур, использованию достижений агрономии, расширению посевов картофеля, сахарной свеклы, подсолнечника, а также льна и конопли.

Вольное экономическое общество совместно с Обществом сельскохозяйственных опытов собирало и испытывало семена различных сортов ржи, овса, пшеницы, капусты, конопли и других культур. Их использовали на своем практическом огороде Петровского острова в Санкт-Петербурге, а также отсылали в провинции. Рассылались для опытов и селекции семена не только зерновых и огородных, но и технических культур — льна, конопли, табака. ВЭО помогало земледельцам приобретать элитные семена и для обычных посевов.

И это внимание к сельскому хозяйству вполне понятно, ведь оно оставалось главной отраслью экономики России того времени. Почти 90% населения составляли крестьяне. Урожайность оставалась крайне низкой, при посеве одного пуда семян собрали при жатве всего три-четыре пуда зерна. А сельскохозяйственные машины — молотилки, веялки, селки, жатки — на селе были еще в новинку.

В 1824 г. в ВЭО по предложению Мордвинова была организована механическая мастерская полезных хозяйственных орудий и приготовления моделей и машин. С 1829 г. она расширила свою деятельность, на которую ВЭО ассигновало по 10 тыс. рублей в год. Мастерская стала заниматься ремонтом машин, изготовлением их на заказ, продолжая создавать и испытывать модели машин для музея Общества, а также присылаемые ему образцы для проверки. Уже в 1824–1825 гг. по ходатайству Мордвинова ВЭО приобрело для своего музея новые машины и модели для земледелия. В музей были переданы машины и модели, прежде находившиеся в депар-

таменте государственного хозяйства и публичных зданий, поступали они и от министерства внутренних дел, и от великих князей. Так, музей пополнили машина для подъема кирпичей на строения, две сохи простой конструкции, каток для укатывания полей, модели ткацкого станка и молотильной машины, ветряной мельницы, усовершенствованная прялка, модели для мытья льна и пеньки, машина для кошения травы и другие. Несколько лет при механической мастерской работала и химическая лаборатория, занимавшаяся испытанием удобрений и новых методов переработки продуктов сельского хозяйства.

При Мордвинове существенно расширился круг вопросов, охваченных деятельностью Общества. К четырем уже существовавшим отделениям Общества добавились новые. Наряду с хозяйственным и ученым (ведавшим корреспонденций, издательством, связью с другими организациями и учреждениями, библиотекой), земледелия и домостроительства, а также машин и орудий в 1824 г. открылось новое отделение «попечительного к сохранению здоровья человеческого и всяких домашних животных». Постоянными стало чтение публичных лекций. По инициативе Мордвинова появились новые региональные отделения. Общество продолжило работу по сбору сведений об экономике и природе регионов России. Получали их не только от помещиков, но, по предложению Мордвинова, и от сельских священников и преподавателей духовных училищ. С позволения Священного синода 50 преподавателей были избраны корреспондентами Общества, шесть лиц духовного звания за свой труд были отмечены серебряными медалями ВЭО.

Реализации новых идей и планов мешала ограниченность финансовых средств, и потому Мордвинов уделял много сил и времени поиску возможностей их приумножения. Практически ежегодно он обращался к императору Николаю I

с просьбами об увеличении пособий ВЭО на конкретные, неотложнейшие дела, постоянно обосновал их необходимость и в переписке с Министерством финансов, а также с губернаторами, убеждая их более активно привлекать дворян и купечество к начинаниям ВЭО и созданию его местных отделений, публичных библиотек. Писал он и отдельным состоятельным лицам, даже своим родственникам, предлагая им сделать пожертвования Обществу. Чтобы укрепить финансовую базу ВЭО, Мордвинов неустанно изыскивал все новые способы увеличения его доходов. По его инициативе часть земель Общества была передана в аренду под строительство дач. Мордвинов даже взял в управление ВЭО оброчные статьи казначейства в Казанской губернии, рассчитывая на их удачную продажу в откуп. Бесплатную рассылку книг, семян, образцов машин, всегда практиковавшуюся Обществом, стали сочетать с их продажей по умеренным ценам. Организовывались не только бесплатные, но и платные публичные лекции. Все это и многое другое способствовало укреплению бюджета Общества, хотя средств, безусловно, не хватало на реализацию всех направлений его деятельности.

Адмирал Мордвинов часто безвозмездно жертвовал и собственные средства на деятельность Общества. Свое избрание президентом он отметил тем, что предоставил 60 тыс. рублей для открытия Экономического общества в Тверской губернии и публичных сельских библиотек в ряде других регионах.

Мордвинов постоянно рассчитывал, во что обойдется то или иное начинание Обществу и как получить необходимые средства. Разве это не убедительное доказательство того, что проекты Мордвинова не были, как иногда считается, далекими от реальности мечтаниями, а исходили из действительных возможностей. Не хватало, однако, помощников, понимания, побеждали равнодушные, чиновников, лень,

косность. Например, по одному из расчетов Мордвинова Обществу потребовалось бы около 500 тыс. рублей в год, чтобы напечатать 10 книжек о пользе плодопереманных посевов, на содержание профессоров в 30 главнейших училищах сельского хозяйства, на открытие чтений по земледелию в 12 областях, для составления сельских библиотек и рассылки улучшенных орудий в деревенские приходы Тверской губернии, на поддержку учеников земледельческой школы графини Строгановой, на проценты за кредит на покупку земли, для рассылки 20 экземпляров классических книг по сельскому хозяйству в каждую губернию. Все расчеты Мордвинова отнюдь не вселенского масштаба, а на конкретную страну — Россию. Каждый раз он тщательно определял, сколько в России хороших сельскохозяйственных училищ, куда лучше направить выписанных из-за границы профессоров, какую губернию выбрать для помощи земледельцев, а остановясь на Тверской, полагал, что ВЭО для начала стоит ограничиться в своей работе в ней всего лишь двумя уездами. К практическому обучению в сельскохозяйственных школах он считал необходимым привлекать не только профессоров, но и успешных крестьян, назначив им пособия. Если Мордвинов предлагал использование кредита, то всегда указывал на сколько лет, под какой процент, какими должны быть годовые выплаты. Проекты адмирала неизменно сопровождались детальными расчетами, справками, ссылками на опыт лучших отечественных и зарубежных хозяйств, работу других аналогичных общественных организаций. Так, читая в совете ВЭО в октябре 1836 г. свою записку об улучшении в России земледелия, Мордвинов указал, что «в Баварии, в сравнении с Россией самом маленьком королевстве, для усовершенствования сельских хозяйств Экономическое общество имеет капитал более 12 млн на наши рубли».

Можно привести и такой пример сугубо трезвого, расчетливого отношения к решению задач ВЭО. В конце своей работы на посту президента Общества в 1840 г. Мордвинов с горечью вынужден признать, что при минимальной сумме в 6 млн рублей на выполнение уставных задач из государственного казначейства поступает только 10 тыс. рублей на издания и 20 тыс. рублей на обучение воспитанников в земледельческой школе. Поэтому-то он, внимательно рассмотрев предложение председателя IV Отделения Общества об организации училища по предмету усиления и развития механических сил в промышленности, высказался против его открытия, указав на недостаточную аргументированность приведенных оснований и расчетов и на то, что предлагаемые меры приведут к великим издержкам средств, каких Общество не имеет. Он отметил также, что в этих обстоятельствах Общество должно заниматься прежде всего вопросами развития земледелия как первоочередными согласно его Уставу, а также исходя из того правила, что всякое дело должно начинать с начала, а не с конца, то есть учитывать, что подъем промышленности явится результатом укрепления земледелия.

Предлагая меры по улучшению земледелия, Мордвинов неоднократно возвращался к своим расчетам, уточнял и по возможности ужесточал их, делал прикидки для максимального и минимально возможного числа губерний, различного соотношения платных и бесплатных услуг, оказываемых Обществом. К примеру, для более широкого распространения полезных сведений по сельскому хозяйству Мордвинов предложил в 1838 г. на Совете ВЭО ряд мер по улучшению его книгоиздательской деятельности. Он считал возможным, чтобы авторы сочинений по сельскому хозяйству при их согласии могли получать на издание своих работ бумагу и по 10 рублей за 1000 листов, отдавая ВЭО определенное число

экземпляров книг, или могли бы передавать ему право печатать свои книги, оставляя себе из каждой тысячи по 100 экземпляров. Особо оговаривалось, что книги, печатаемые для Общества, будут бесплатно раздаваться ученикам учебных заведений, деревенским священникам, занимающимся плодопеременным земледелием, и рассылаться во все публичные библиотеки и учебные заведения страны. Книги с согласия сочинителя могли также на определенных условиях и продаваться. Предложения президента было одобрено на общем собрании ВЭО и принято к исполнению, что благотворно сказалось на книгоиздании ВЭО и облегчило распространение книг.

Мордвинов писал и распространял через Общество и свои сочинения по сельскому хозяйству. В 1829 г. им напечатана брошюра «О невыгодах трехпольного хлебопашества, о пользе земледелия плодосеменного и о необходимости ныне введения сего последнего в России». В 1834 г. изданы его сочинения «Некоторые замечания для управителей земледельческих поместий» и «О причинах скудости лугов и способах к улучшению оных». В 1840 г. все эти работы вышли под общим названием «О причинах всегда скудных и часто совершенных урожаев в России как хлеба, так и корма для скота». Вольное экономическое общество неоднократно в 1804–1830 гг. предлагало для ответов конкурсные задачи о введении плодопеременного хозяйства, лучшие полученные сочинения издавались. Статья Мордвинова о плодопеременном севообороте была отпечатана Обществом большим тиражом и направлена в 1835 г. в губернские библиотеки и разные заведения. Заботой ВЭО было и племенное овцеводство, для чего выписывались зарубежные специалисты.

С 1821 по 1842 г. Общество вместо Трудов издавало книги и брошюры по экономическим и сельскохозяйственным вопросам. В 1833 и 1835 гг. Труды выходили в виде отдель-

ных статей, а не журналов. В числе изданий можно назвать сочинения о градоотводах, борьбе с саранчой, осушении болот, шелководстве, соединении земледелия с мануфактурным и фабричным производством, о производстве сахара, возделывании репы, о виноделии и винокурении, производстве сукна, а также различные руководства и курсы по земледелию. Кроме того, ВЭО закупало книги и подписывалось на различные издания по сельскохозяйственным вопросам, которые затем рассылались в губернии. В 1840 г. Мордвинов предложил издавать ежегодно по 5 тыс. экземпляров кратких сочинений и раздавать их бесплатно. Это предложение было принято ВЭО.

Публичные лекции, читаемые в Обществе, имели большой успех, зал даже не всегда вмещал всех желающих. Лекции читались по физике, химии, лесоводству, а с 1832 г. и по сельскому хозяйству. Полезные сведения о сельском хозяйстве Мордвинов хотел распространять также посредством публичных библиотек. В них он к тому же видел важнейшее средство развития в России общественного мнения и духа общности. Примечательно в этом отношении его письмо в апреле 1830 г. в Министерство внутренних дел. Общество обещало безденежно предоставить таким библиотекам по два экземпляра своих сочинений и переводов. Мордвинов рассчитывал на содействие в этом деле губернаторов, руководителей дворянства, состоятельных граждан, сочинителей, издателей, да и читателей. Мордвинов сам пожертвовал значительный капитал на издание «Сельской библиотеки». «С учреждением публичных библиотек, — полагал Мордвинов, — возродится в городах наших дух общности и взаимных советов у жителей, кои ныне не имеют общего места для встречи и рассуждений о делах, касающихся успехов просвещения и промышленности». Мордвинов считал также, что открытие библиотек будет побуждать сочините-

лей к написанию новых работ, а изобретателей и авторов различных проектов и программ к их широкому обсуждению. Кроме того, по мысли Мордвинова, библиотеки позволили бы собирать с их помощью разные статистические сведения. В числе первых открылись библиотеки в Орле, Пскове, Туле, Харькове, Осташкове. Затем они были открыты в Тамбове, Уфе, Чернигове, Симферополе, Кургане, Красноярске. Медленно, с большими трудностями это начинание Мордвинова и Вольного экономического общества стало осуществляться и в других городах.

Несомненной большой заслугой ВЭО при президентстве Мордвинова следует признать расширение деятельности по распространению оспопрививания. Оспа все еще являлась чувствительнейшей болезнью в российских губерниях. Мордвинов полагал, что повсеместное оспопрививание позволит в течение 20 лет удвоить население страны, а это улучшит и состояние ее хозяйства. Еще в бытность Александра I ВЭО испросило соизволения возложить на него обязанности попечения об оспопрививании. В августе 1826 г. Мордвинов, обращаясь к Николаю I, привел внушительные данные о предпринятых усилиях в этом направлении. Он отмечал, что во всех 54 губерниях привита оспа многим тысячам младенцев, выучено оспопрививанию значительное число людей всякого звания. Разослано 53 тыс. стеклышек с оспенною матерью и простых, ланцетов 8 тыс., игл 142 тыс., а также 6532 книжки о пользе этой меры, 80 тыс. листов с нужными наставлениями. Для поощрения участников этой акции послано в разные губернии 13 тыс. рублей. Вся эта работа проводилась на пожертвования, поступившие через подписку членов Экономического общества (около 5 тыс. рублей ежегодно), а также пожалованные 23 тыс. рублей Александром I. Обращаясь к Николаю I, Мордвинов писал, что самым умеренным будет пожертвование на эти цели государственным

казначейством по тысяче рублей на каждую из 54 губерний. Эти средства, считал он, желательно внести как обязательные в роспись государственных расходов для отпуска Экономическому обществу в течение последующих 10 лет, чтобы оспопрививание стало привычным в каждом семействе. «...Утвердительно сказать можно, — писал Мордвинов, — что каждая на предмет сей издержанная копейка приносит уже в возврат рубли, и сия-то мера долженствовала бы быть поставлена в первую заботливость Министерства финансов, дабы приумножить государственные доходы».

Предложение Мордвинова о выделении каждой губернии в течение 10 лет по 1 тыс. рублей на оспопрививание было принято, было определено также, что за лучшие достижения последуют награды золотыми и серебряными медалями. В 1826–1828 гг. Вольное экономическое общество направило в губернии большое количество экземпляров правил по прививке оспы не только на русском, но и на финском, польском, немецком, калмыцком, армянском, грузинском, татарском, латышском, эстонском языках. На содержании ВЭО были четыре воспитанника Санкт-Петербургского воспитательного дома, обученные оспопрививанию, которые направлялись для оказания помощи в разные губернии. Постоянно связь поддерживалась с губернскими оспенными комитетами, им оперативно высылались ланцеты, иглы, стеклышки, по их предложению выдвигались особо отличившиеся лица на награждение почетными наградами. В этой работе Обществу помогал и обер-прокурор Синода, активно привлекались духовные лица. В 1829 г., например, за счет Общества было напечатано составленное по поручению Синода киевским митрополитом краткое увещевание о прививании оспы, которое Синод разослал по всем церквям. Общество также направило в распоряжение черноморского войска по

ходатайству его наказного атамана специалиста по прививке оспы, которому выплачивало жалование 720 рублей в год.

По ходатайству Мордвинова с 1837 г. на новое десятилетие была продолжена выдача для губерний денег на оспопрививание. С 1827 по 1840 г., когда закончилось президентство Мордвинова, при активном участии Общества прививками оспы были охвачены все губернии, оспа была привита около 20 млн. человек, на места было разослано 400 тыс. экземпляров книг и наставлений, 228 тыс. стеклышек, почти 780 тыс. игл и ланцетов, награждено медалями 475 человек. С таким же внушительным размахом деятельность Общества по оспопрививанию продолжалась и в последующие годы. И за то, что эта страшная болезнь не терзает больше население нашей страны, мы должны принести нашу искреннюю благодарность и тем членам Вольного экономического общества и его президенту Мордвинову, которые самоотверженно вели борьбу с оспой в первой половине XIX века.

Из других вопросов улучшения здоровья народа и развития здравоохранения надо непременно упомянуть об усилиях Мордвинова, направленных на распространение гомеопатического лечения. Он издал в 1831 г. свое сочинение по гомеопатии, которое рассылал и через Общество. Несомненно, в изданиях ВЭО, его конкурсных задачах, исследованиях, в присуждаемых ВЭО наградах, повседневной работе нашли отражение и другие вопросы политической, экономической и общественной жизни России, поднятые Мордвиновым как видным государственным деятелем той эпохи. Это относится прежде всего к вопросам правосудия и крепостного права, устройства государственной системы управления, особенно ее высших структур, борьбы с лихоимством и бюрократизмом чиновничества, к неустанным выступлениям Мордвинова за утверждение трезвого и здорового образа жизни, вопросам скорейшего хозяйственного освоения и гармо-

ничного развития восточных и южных российских регионов и российской Америки, укрепления денежного обращения, развития в России страхового дела, совершенствования ее внешних сношений. Это все тема дальнейших исследований ученых, занимающихся историей ВЭО.

За 1823–1841 гг. капитал Общества возрос с 51 тыс. рублей ассигнациями до 230 тыс. рублей серебром, из них более 60 тыс. рублей было пожертвовано графом Мордвиновым. 21 декабря 1840 г. по преклонности лет он сложил с себя звание президентства и поднес ВЭО собрание своих мнений и проектов, написанных по его делам.

Изданная Издательским домом «Экономическая газета» книга «Особое мнение адмирала Мордвинова» позволяет нашим исследователям, ученым, аспирантам и студентам полнее представить пути формирования и особенности российской школы социально-экономической мысли. Русских ученых-экономистов начала XIX века часто упрекают в том, что они учились на трудах экономистов Запада, а потому становились лишь их убежденными последователями и не могли внести в науку ничего собственного, оригинального. Что можно сказать в ответ на такой упрек? Во-первых, хорошее знание достижений своих предшественников — это обязательное требование к труду любого ученого. А во-вторых, менее известно то обстоятельство, что русские экономисты всегда критически воспринимали концепции своих учителей, отнюдь не относились к ним как к не подлежащим сомнению догмам. Положения западных экономистов перепроверялись обычно на российском материале, что позволяло уточнять, корректировать, обогащать их положения, дополнять их новыми аспектами и знаниями, а порой и полностью опровергать. Так, первый российский академик в области политэкономии и статистики А. Шторх (1766–1835) отнюдь не был, как обычно считается, только сторонником и про-

пагандистом взглядов А. Смита, а, критически переработав его положения о производительном и непроизводительном труде, создал свое учение о нематериальных, внутренних благах и собственную теорию цивилизации. Шторх тем самым существенно обогатил общемировую экономическую мысль. Оригинальны многие суждения и идеи Мордвинова, которые еще ждут своего исследователя.

Важно учитывать и то обстоятельство, что российские ученые-экономисты XIX века изучали конкретные особенности экономики своей страны, которые существенно отличались от особенностей экономики Англии или Франции того времени. И вопросы трансформации крепостного хозяйства, зарождения мелкой буржуазии, развития внутренней торговли, мануфактурного и фабричного производства, расслоения общества в крепостной экономике, которые исследовались российскими экономистами, были весьма интересны и во многом новы для западных ученых. К сожалению, не все работы наших соотечественников известны на Западе из-за отсутствия переводов на иностранные языки, что существенно и до сих пор мешает утверждению приоритетов русской экономической мысли в постановке и изучении многих экономических проблем.

Надо также признать, что советский период развития нашей страны не самым лучшим образом отразился на изучении истории отечественной экономической мысли. Узкоклассовый подход, оценка трудов экономистов по их отношению к революционным движениям, самодержавию и перспективам капитализма не дали возможности советским историкам воспринять всю полноту затронутых в трудах российских экономистов вопросов; многие, особенно относящиеся к нравственной, духовной стороне жизни, были оставлены без внимания, сочтены несущественными.

И может быть, только сегодня в понимании истории русской экономической мысли наступают благоприятные времена. Мы можем спокойно, не опасаясь диктата властных структур, разбираться в том, что было сделано нашими предшественниками, и не для того, чтобы распределять их по лагерям крепостников или революционеров, а чтобы выявить их действительный вклад в постижение научной истины и научное понимание всего многообразия общественной жизни, чтобы предлагать государственным и частным хозяйственным органам как современные достижения науки, так и знания наших предшественников для лучшей реализации целей социально-экономического развития страны.

В своем прощальном Обращении ВЭО, покидая пост его президента, Николай Семенович Мордвинов произнес замечательные слова, которые звучат как наказ последующим его руководителям и провидческая оценка заслуг Общества перед Отечеством: «Я служил Обществу верно, с полным усердием и радел о пользах его при всяком случае... Я сеял щедро семена, могущие упрочить благосостояние Общества и совокупно с тем способствовать благоденствию русского народа, которое составляет неизменно заботу Общества, и цель сия ознаменована в уставе его. В предвечных судьбах Обществу определено на всей государственной ниве уплодить, возрастить и принять жатву богатую...»

Принц Ольденбургский: жизнь во благо России*

У советского писателя Владимира Солоухина есть сборник, который называется «Камешки на ладони». Когда я читал эту книгу, то думал: «Почему же у нее такое название?» Сам автор во вступлении объясняет это так. Когда тебе доводится сидеть на морском берегу, усыпанном мелкими разноцветными камешками, то невольно начинаешь их перебирать, рассматривать: возьмешь горсть, просеешь сквозь пальцы или возьмешь камешки и бросишь в воду. Неожиданно какие-то из камешков привлекут к себе внимание своей окраской, узором или формой: один округлый, полупрозрачный, но со слегка красноватой сердцевинкой, как будто в нем растворена капелька крови, другой — черный, как лаковый, а по черному лаку — желтый узор, похожий на пальму, третий — по цвету серенький, но по форме чистая женская туфелька, а вот зеленый камешек, а на нем летящая белая чайка... Бесчисленны и разнообразны камешки на морском берегу. Отобранные тобой, они образуют красивую мозаику, в которой представляются и картина жизни прожитой, и контуры будущего. Вот потому-то такое название и дал своей книге В. Солоухин, отбирая для нее, как разноцветные камешки, свои впечатления и наблюдения о людях, об их взаимоотношениях, событиях, размышления и воспоминания о радостях и потерях, об ожиданиях и тревогах.

Из отдельных фрагментов, вошедших в сборник, порой даже ярче, глубже и лучше, чем от последовательного повествования, читатель понимает и прошлую нашу жизнь, мир и представления этого, можно сказать, классика русской литературы 1960-х годов, представителя, как тогда говорили, ее деревенского направления, писавшего о судьбе, непростой

* Вступительная статья к книге серии «Президенты ВЭО России»: П. Г. Ольденбургский. В неустанных заботах о просвещении и величии России. — М.: «Экономическая газета», 2013.

жизни русской деревни и тех, кто жил и трудился на Русской земле. Заметки, мысли, замечания писателя, несмотря на свою отрывочность, вызывают интерес, привлекают, как морские камешки, удивляют непривычными суждениями о хорошо вроде бы известных и понятных явлениях, неожиданной, какой-то красочной гранью их оценки или формой изложения. И эти писательские заметки хочется вновь и вновь перебирать, вдумываясь, вглядываясь в них, как в морские камешки на ладони, перебирая, перетряхивая, поворачивая и любясь необычной формой или причудливой линией цветного узора.

К чему я вспоминаю здесь об этом? Потому что, когда я прихожу в московский Дом экономиста, в это знаменитое здание на Тверской, 22, где располагается Вольное экономическое общество России, поднимаюсь по парадной лестнице на второй этаж в торжественный каминный зал, в котором проходят заседания Общества и который украшен портретами всех его президентов, невольно останавливаю свой взгляд на том или ином портрете и начинаю перебирать в памяти события из жизни этих замечательных людей, те или иные эпизоды их деятельности. И — как мозаика из морских камешков — из таких воспоминаний возникает разноцветная и многогранная картина истории российской экономики, отраженная в судьбах и деяниях руководителей Общества, не жалевших своих усилий во благо и процветание Отчизны. И так же, как при переборе морских камешков, вдруг особенно пристально начинаешь вглядываться в какой-то один из портретов, пытаясь в чертах того или иного президента Общества полнее представить и современную ему эпоху, и оставленные им в наследство деяния и научные труды. Возникающие при этом мысли и соображения откладываются в голове, не пропадают бесследно и вдруг всплывают при написании статей, книг, подготовке текстов выступлений.

Раздумья, воспоминания об известном деятеле Общества, его произведениях, напутствиях ученикам и последователям как красочные маленькие камешки органично входят в общую ткань текста, обогащают и добавляют новые оттенки.

Вот так для меня вроде бы беглый взгляд в портретной галерее на портрет принца Петра Георгиевича Ольденбургского задержался в памяти, что потом повлекло за собой желание подробнее узнать о нем и рассказать о его деятельности в издаваемом нашим Издательским домом цикле книг о президентах Вольного экономического общества. Побудила меня к такому решению и работа над книгой этого цикла об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове, который в 1841 году, оставляя пост президента Общества после почти двадцатилетнего служения ему, заявил в прощальной речи по этому поводу, что своим преемником видит только принца Ольденбургского. Вот его слова: «Я считал священным для себя долгом обратить все попечение на тот предмет, чтобы избрание в президенты Общества пало на такую особу, которая по сану своему могла быть бы достойным представителем его и доступным ходатаем за Общество во всех случаях. Поступление в члены Общества принца Ольденбургского давало мне отрадную надежду, что его светлость примет на себя и звание президента, но сделанный им тогда же отзыв, чтобы не занимать его никакой по Обществу должностью, остановил меня в моем предложении».

Однако позднее Н.С. Мордвинов все же решился вновь «утрудить» принца П.Г. Ольденбургского предложением о принятии звания президента. Решился же вновь на такое предложение Н.С. Мордвинов потому, что в августе 1841 года случился знаменательный прецедент с избранием члена императорской фамилии принца Лейхтенбергского председателем общества поощрения художников. При этом последовало и Высочайшее разрешение учредить в том об-

ществе и должность вице-президента. Потому, имея в виду этот пример, Н.С. Мордвинов в своем обращении к принцу П.Г. Ольденбургскому заверил его, что если он даст согласие быть президентом Вольного экономического общества, то вице-президентом изберут адмирала Алексея Самойловича Грейга, длительное время бывшего уже председателем одного из Отделений Совета. Обращение на сей раз имело успех. «Его светлость принц Ольденбургский, — говорил Мордвинов, — почтил меня представляемым здесь в подлиннике уведомлением, что он с Высочайшего Государя Императора соизволения принимает звание президента Вольного экономического общества и соглашается иметь сотоварищем своим того, кому Общество вверило уже управление его делами»*. Это решение Мордвинов назвал счастливым и лестным для Общества событием и выразил уверенность, что чувства эти разделят с ним и его члены, что и подтвердят следующим единодушным постановлением: президентом Вольного экономического общества признается принц Ольденбургский; вице-президентом утверждается адмирал Алексей Самойлович Грейг на том основании, как избираются председатели отделений Совета, и это новое правило отражено в Уставе Общества; для изъявления благодарности принцу Ольденбургскому от Общества за принятие им на себя звания его президента составить депутацию из председателей отделений и членов Общества.

Избрание принца П.Г. Ольденбургского было единогласным. Вольное экономическое общество согласилось с мнением Мордвинова, что тогда не было лучшей кандидатуры на пост президента ВЭО, чем принц П.Г. Ольденбургский, и это не удивительно. Ведь это суждение авторитетного и весьма влиятельного в те годы человека, которого безмер-

* Особое мнение адмирала Мордвинова. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008.

но уважала Россия, первого российского морского министра, адмирала, члена Государственного совета, многолетнего руководителя важнейших его департаментов, автора многочисленных трудов по социально-экономической тематике, который был воспет в стихах А.С. Пушкина и К.Ф. Рылеева, о котором с уважением писали многие современники, который единственный отказался подписать смертный приговор декабристам и безбоязненно отстаивал в Госсовете свою особую позицию по обсуждаемым вопросам. Имя его до сих пор присутствует на карте нашей Родины — в южной части Сахалина, между мысами Тонин и Носи-ой, находится залив Мордвинова. Мнение Мордвинова заставляет и нас пристальнее приглядеться к фигуре его преемника. Так кто же такой принц Петр Георгиевич Ольденбургский? Что он сделал для России? Как проявил себя в должности президента Вольного экономического общества, которую занимал почти двадцать лет: с 1840 по 1859 год? Почему его имя и сегодня носит Санкт-Петербургский институт права, с благодарностью вспоминается во многих наших учреждениях образования и здравоохранения, благотворительных организациях? И почему широкой общественности все же так мало известно о его обширной и плодотворной деятельности?

* * *

**Речь президента ВЭО Н.С. Мордвинова
«Об избрании в президенты Вольного экономического
общества принца П.Г. Ольденбургского»
21 декабря 1840 г.**

На приглашение вас, милостивые государи, в дом мой вместо собрания в общественный дом я осмелился, во-первых, потому, что здоровье мое не позволяет мне присутствовать в последнем и, во-вторых, чтобы иметь честь лично принести вам глубочайшую мою благодарность за то отличное

удостоение, которым пользовался я 17 лет, быв постоянно избираем в президенты Общества нашего.

Пока время не расстроило телесных сил моих, я употреблял все рвение мое оправдывать пред Обществом делаемое мне доверие и не переставал заботиться о благосостоянии его, сколько было в возможности моей; но с преклонностью лет, чувствуя увядающим здоровье мое и в особенности имел несчастье потерять голос, самую важную и необходимую способность для действий президента в собраниях Общества, я, наконец, дошел до того прискорбного положения, что, как бы ни пламенно было желание мое служить Обществу, должен отказаться от возложенной на меня обязанности.

При этих обстоятельствах я считал священным для себя долгом обратить все попечение на тот предмет, чтобы избрание в президенты Общества пало на такую особу, которая по сану своему могла быть бы достойным представителем его и доступным ходатаем за Общество во всех случаях. Поступление в члены Общества принца Ольденбургского давало мне отрадную надежду, что его светлость примет на себя и звание президента, но сделанный им тогда же отзыв, чтобы не занимать его никакой по Обществу должностью, остановил меня в моем предположении.

Между тем, когда при избрании в прошлом августе месяце в обществе поощрения художников председателем Его Императорского Высочества принца Лейхтенбургского состоялось Высочайшее разрешение избрать и вице-председателя, что и дополнено к Уставу Общества, то я, пользуясь столь счастливым случаем на том же основании, решился затрудить принца Ольденбургского предложением моим о принятии звания президента Вольного экономического общества, ручаясь за достопочтенных сочленов моих, что вице-президентом избран будет адмирал Алексей Самойлович Грейг, как оказавший уже услуги свои Обществу, занимая несколь-

ко лет должность председателя в одном из отделений Совета Экономического общества.

Вследствие чего его светлость принц Ольденбургский почтил меня представляемым здесь в подлиннике уведомлением, что он с Высочайшего Государя Императора соизволения принимает звание президента Вольного экономического общества и соглашается иметь сотоварищем своим того, кому Общество вверило уже управление его делами.

О таковом счастливом и лестном для Общества нашего событии доводя до сведения вашего, милостивые государи, с чувствами живейшего благоговения к Высокомонаршему вниманию и душевной признательности к снисхождению принца, я совершенно уверен, что чувства сии вы изволите вполне разделить со мной и подтвердите единоклассным постановлением вашим:

1) Что президентом Вольного экономического общества признается его светлость принц Ольденбургский.

2) Что вице-президентом утверждается адмирал Алексей Самойлович Грейг на том основании, как избираются председатели отделений совета, и сие новое правило присоединить к Уставу Общества, и

3) Для изъявления благодарности принцу Ольденбургскому от Общества за принятие им на себя звания президента его составить депутацию из председателей отделений и членов, кого угодно будет избрать.

Милостивые государи!

Я служил Обществу верно, с полным усердием и радел о пользах его при всяком случае. Многие обстоятельства ревностного попечения моего, и особенно касающиеся общественного дома и Петровского острова, составлявшего собственность Общества нашего, не могут быть вам, милостивые государи, не известны,

Но было множество случаев, выходящих из пределов обыкновенного управления общественными делами, и я всегда старался употребить их для блага Общества,

Представляемый здесь том бумаг моих свидетельствует об этом. Позвольте мне оставить их для памяти навсегда в Обществе.

Я сеял щедро семена, могущие упрочить благосостояние Общества и совокупно с тем способствовать благоденствию русского народа, которое составляет неизменную заботу Общества, и цель сия ознаменована в Уставе его.

В предвечных судьбах Обществу определено на всей государственной ниве уплодить, возрастить и принять жатву богатую, да тем возрадуется сердце благочестивого Государя нашего, которого душа неразлучна от блага Отечества.

* * *

Деятельность Вольного экономического общества в те годы, когда его президентом стал принц П.Г. Ольденбургский (1840–1859), отмечена, во-первых, сохранением и упрочением в работе сложившихся уже традиций, а во-вторых, расширением и обогащением сфер и форм его научных, просветительских и практических занятий. Как и раньше, Общество прилагало прежде всего свои усилия к улучшению сельскохозяйственного производства, различного рода ремесел, распространению знаний о последних достижениях науки и лучшем опыте в сельскохозяйственной деятельности. Продолжены были работы по оспопрививанию. В стране в этот период развернулось также обсуждение путей освобождения крестьян от крепостной зависимости и члены Общества приняли активное участие в решении этой злободневной проблемы.

В рассматриваемый период Общество возобновило приостановленное ранее издание своих «Трудов», а в приложении

к ним стало публиковать еженедельную газету «Экономические записки». Возобновились также публикации конкурсных задач, наградами за решение которых были золотые и серебряные медали и денежные премии. Как и раньше, выпускались отдельные переводные произведения и труды русских и иностранных авторов, разного рода практические рекомендации и наставления. Общество стремилось к тому, чтобы издаваемые им «Труды» и газета в литературном и научном отношении вполне соответствовали своему назначению и достоинству Общества, представляя не сборник случайно доставшихся редакции статей, а просвещенную летопись по всем предметам, входящим в круг занятий Общества в их современном движении и развитии. Из значительных событий в жизни Общества в тот период надо отметить также предпринятые по инициативе или заинтересованной поддержке П.Г. Ольденбургского такие новации, как переезд в новый дом, принятие нового Устава, организацию сельскохозяйственных выставок, получивших фактически статус общероссийских, присоединение Общества лесного хозяйства, что повлекло включение в круг постоянных забот вольных экономистов вопросов разведения лесов и лесозаготовок. Много усилий предпринималось для улучшения работы опытных ферм и училищ, организации двух новых комитетов — грамотности и политэкономии.

Став президентом Общества, принц П.Г. Ольденбургский, как всегда, подошел к порученному ему делу с большой ответственностью и инициативой. Он отнюдь не был, как говорится, «свадебным генералом», всегда стремился четко заявить свое мнение и проявлял заинтересованное отношение к делам Общества, его начинаниям, успехам и неудачам в работе. Несмотря на требующие много времени и сил другими занятия многочисленными возложенными на него государственными делами, благотворительностью,

обязательное участие как члена императорского семейства в различного рода событиях общественной и придворной жизни, принц П.Г. Ольденбургский находил возможность посещать собрания членов Общества, председательствовать на них, а также участвовать в организуемых мероприятиях. Если же его присутствие оказывалось невозможным, принц Ольденбургский имел обыкновение письменно сообщать свое мнение по рассматриваемым вопросам. В отчетах о деятельности Общества много сообщений о его участии в осмотре сельскохозяйственных выставок, посещениях опытных ферм и училищ, экскурсиях в образцовые хозяйства, выборе нового помещения для Общества и других его делах. Уже в конце 1842 года президент внес несколько важных предложений Совету Общества по упорядочению его работы, что отмечено в журналах Совета. В частности, для приведения в большую ясность счетов по перестройке дома и вообще счетной части Общества предложил просить государственного контролера о командировании контрольного чиновника для производства ревизии, что и было исполнено. Президент считал необходимым составить новую и подробную опись всем имеющимся в музейных собраниях Общества моделям, машинам, коллекциям и прочим приобретениям, равно и проверить общий каталог, что и было осуществлено. По предложению президента о своевременном заготовлении и рассылке оспенной материи и наставлений о прививках оспы по губерниям также были приняты соответствующие меры. Президент выразил пожелания о пересмотре Устава, что удалось, однако, осуществить лишь позднее, предлагал завести новые образцовые сельскохозяйственные усадьбы и земледельческие школы. По устройству образцового хутора и школы тогда был даже составлен особый комитет, который начал работу по подготовке соответствующих проектов для рассмотрения их на Совете Общества. В этот период

укрепились и упрочились связи с императором, нужные для решения дел Общества, а также улучшились и умножились его отношения с правительственными учреждениями.

Этому способствовало и то, что в 1845 году принцу П.Г. Ольденбургскому император Николай I пожаловал титул Императорского Высочества, который распространился и на всех членов его семьи. Этот титул, который теперь обязательно присутствовал в общении с принцем, обращениях к нему, подписываемых им бумагах и документах, придавал особый вес обсуждаемым вопросам, вызывал особую ответственность за выполнение принятых решений или выдвигаемых задач.

* * *

Новым начинанием в делах Общества стала организация рассылки через магазин семян новых и улучшенных растений. В 1843 году на общем собрании было решено устроить семенное депо — магазин — для снабжения по сходным ценам помещиков и сельских хозяев хорошими семенами. Некоторые петербургские торговцы семенами предлагали свои услуги, хотя и просили при этом предоставить им право называться продавцами Общества. Такие предложения были им, однако, отклонены, поскольку «эти продавцы, отмечалось в отчете Общества за 1844 год, должны иметь в виду свою собственную выгоду, а не одну пользу общую». Предпочли иметь в собственном магазине немного необходимейших семян, но самого лучшего качества и продавать их без перекупщиков и посредников.

Такое депо стало возможным разместить в собственном новом доме Общества после переезда в него. Президент, принц П.Г. Ольденбургский лично в 1844 году обратился к знакомым ему руководителям регионов с просьбой присылать Обществу хорошие семена, о чем он, в частности,

писал к финляндскому генерал-губернатору, псковскому губернскому предводителю дворянства, к исполнявшему должность виленского гражданского губернатора, к ряду помещиков. И уже в извлечении из журналов заседаний Совета за ноябрь — декабрь 1844 года сообщалось, что псковский губернский предводитель дворянства Беклешев купил и переслал для семенного депо 20 пудов льняного семени (за семена ему было выписаны 30 рублей серебром и 20 рублей ассигнациями за провоз). Многие члены Общества прислали в дар ему семена пшеницы, гречихи, других зерновых культур, а также трав. В 1844 году был даже выпущен каталог семян, имевшихся в семенном депо.

Посылки с семенами приходили и позднее. Например, в отчете за 1848 год, например, сообщалось, что член Общества Вавилов передал ему семена индиго, марены, кунжута, хлопка, полученные им из Хивы и Бухары. На заседаниях Совета и общих собраниях Общества неоднократно рассматривались вопросы работы семенного депо — приобретения наилучших семян, контроля за их качеством, установленными ценами и своевременностью выполнения заказов, поступление которых из разных регионов страны свидетельствовало о значимости этого начинания. Стоит упомянуть и такой факт. Чтобы содействовать разведению картофеля в отдаленных восточных районах, Общество рекомендовало использовать для посадок его семена, которые по сравнению с клубнями можно легко хранить и перевозить без больших потерь, неизбежных при использовании клубней. По губерниям бесплатно были разосланы сочинения об этом способе разведения картофеля. Из Вены выписали несколько фунтов картофельных семян, за которые Общество заплатило значительные средства — 185 рублей серебром. Эти семена бесплатно выслали даже на Камчатку, в Якутск, Охотск и другие отдаленные места Сибири, куда трудно было переслать кар-

тофель. Для опытных посевов на Камчатку отправили и лучшие семена льна.

* * *

Начинания и предложения П.Г. Ольденбургского неизменно находили поддержку у императора, с которым он имел возможность частого личного общения, что ускорило решение многих важных для деятельности Общества вопросов и самым положительным образом сказывалось на внимании и отношении к ней руководителей государственных учреждений и местных представителей государственной власти. Примером здесь может служить быстрое решение одобренного императором вопроса о включении в состав ВЭО Общества поощрения лесного хозяйства, председателем которого был П.Г. Ольденбургский, связанных с этим присоединением таких вопросов, как продолжение издания «Лесного журнала», подготовка специалистов по лесному делу, выпуск литературы о лучшем зарубежном и отечественном опыте лесоводства и лесозаготовок. В декабре 1844 года принц Ольденбургский сообщил общему собранию, что находит полезным для отечественного лесного хозяйства, чтобы состоявшее под его председательством Общество для поощрения лесного хозяйства присоединилось к Вольному экономическому обществу. Это позволило бы, отметил президент, соединенными усилиями успешнее достигать улучшений сельского и лесного хозяйства. Общее собрание выразило согласие на исполнение данного предложения, и уже в 1845 году такое объединение состоялось. В Вольном экономическом обществе образовали Лесное отделение, которое, выполнив свои основные задачи, было закрыто в 1852 году, хотя вопросы лесоводства не исчезли из круга дел Общества. Распоряжение о слиянии было утверждено императором 26 марта 1845 года. Были переданы ВЭО имевшиеся у Лесного общества библиотека в 1700

томов и изданные им книги и журналы, небольшой музей, а также ежегодно отпускаемая ему из казны сумма в 5714 рублей серебром. В ВЭО вступили 18 членов и 27 корреспондентов Общества лесного хозяйства.

Присоединение это вполне оправдано тем, что лесное хозяйство тесно связано с сельскохозяйственным производством. Не менее существенно было и то, что по долголетнему своему существованию, опыту работы, налаженным связям и отношениям, многочисленности членов ВЭО было в состоянии оказать и действительно оказало большую помощь в успешном распространении сведений о правильной постановке лесного дела, достижениях науки и техники в этой отрасли, подготовке нужных специалистов. Продолжилось издание «Лесного журнала», которое до объединения практически прекратилось.

Усилиями принца П.Г. Ольденбургского были предприняты необходимые меры, чтобы учившиеся лесному делу в институтах воспитанники Общества, слушатели его лекций смогли поступать на государственную службу, получая соответствующие чины. В отчете за 1848 год сообщалось, что Общество решило обучать за свой счет пять человек из дворян в Лесном и межевом институте, которые могли бы по окончании учебы занять должности ученых лесничих в частных хозяйствах и способствовать распространению правильного лесоводства в помещичьих имениях. Авторитет и положение принца П.Г. Ольденбургского несомненно повлияли на положительное решение вопросов служебной карьеры выпускников. Переписка об этом с министром государственных имуществ окончилась решением о том, что после четырех лет учебы в институте его воспитанникам стали присуждать чин государственных служащих 14-го класса, звание частных ученых лесничих. В таком качестве они прикомандировывались затем для практики на два года в губернии с содержани-

ем от казны, а потом поступали в распоряжение Общества для назначения к помещикам с определенным содержанием. Принц Ольденбургский обращался также к императору с особым докладом о том, чтобы направлять на учебу лиц из дворян, поскольку в таком случае соответственно решался вопрос об их правах на дальнейшее получение чинов на государственной службе. В результате Лесному отделению Общества позволили привлекать в Институт молодых дворян в возрасте от 15 до 18 лет, имевших познания, равные тем, которые требуются за 4 класса гимназии, что важно для продвижения выпускников по служебной лестнице.

В отчетах за 1849 год находим сообщение о том, что высочайшим повелением императора в доме Общества открыты были публичные лекции о лесоводстве с целью приготовления сведущих лесничих для управления частными лесами. К организации этих лекций немало усилий приложил П.Г. Ольденбургский. В сообщении о начале занятий говорилось, что слушателям лекций, которые покажут отличные успехи, будет дозволено вступать на службу по Лесному управлению Министерства государственных имуществ. Для этого необходимо было соблюсти также некоторые условия. Слушатели должны были иметь по своему происхождению право на поступление в государственную службу, представить свидетельство об окончании курса наук в гимназии, а если получали домашнее образование, то сдать в одной из гимназий экзамен о приобретении таких знаний, на что, по сообщению министра народного просвещения, не будет затруднений. Кроме того, нужно было по крайней мере два года пробыть на собственном иждивении в учебном лесничестве для практического образования и выдержать после этого установленный экзамен, а затем еще два года прослужить лесничим в губерниях. После такого четырехлетнего служения и воспитания слушатели лекций могли быть

удостоены производства в прапорщики корпуса лесничих. Представление об уровне занятий позволяет получить текст объявления о лекциях, в котором сообщалось содержание первой из них: краткий очерк истории лесоводства в России; разделение лесных наук и литература по лесоводству; описание в лесохозяйственном отношении древесных пород, составляющих российские леса. Лекции продолжительностью один час читались еженедельно, на них бесплатно допускались все желающие.

* * *

Общество уже при своем учреждении постановило ежегодно издавать особыми книжками все те сочинения, отдельные статьи и переводы, которые признаны будут достойными печати. С 1765 по 1824 год было издано 72 тома «Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», заключавших в себе почти все, что до того времени известно было по предметам земледелия и домостроительства, устройства заводов, фабрик, состояния хозяйственных искусств и народной промышленности. Однако с 1828 года издание «Трудов» прекратилось и было заменено печатанием отдельных книжек и статей, хотя Общество продолжало получать из государственного казначейства средства на эти цели. Печатание отдельных статей, содействие публикации разных сочинений, покровительство некоторым журналам, выпускаемых частными лицами, чем занималось в тот период Общество, не заменяло все же выпуск его «Трудов», издание которых составляло согласно Уставу одну из главных его обязанностей. Потому при президентстве принца П.Г. Ольденбургского в 1842 году было решено возобновить издание «Трудов».

В 1845 году, например, было издано шесть книжек, составляющих два тома. В них опубликованы статьи и сообщения

о работе Общества, извлечения из журналов общих собраний и заседаний Совета, донесения и обращения членов, а также переписка с Обществом, информация о наградах и поощрениях, приеме в членство новых лиц, содержании присланных книг и статей, образцах сельскохозяйственных культур и моделях различных механизмов, ремесленных изделиях. Всего напечатано 22 большие статьи, более 60 заметок в разделе «Смесь» и до 30 разборов разных хозяйственных и научных сочинений. Тираж составил 600 экземпляров.

Возобновилось также издание «Трудов» («Mitteilungen») на немецком языке, которые печатались в Лейпциге (с чертежами и рисунками). Об этих выпусках весьма благожелательно отзывались известные зарубежные ученые, которые снова смогли получать важные сведения о состоянии сельского хозяйства и научной работы в России.

Общество возобновило бесплатную рассылку «Трудов» в различные ведомства, публичные библиотеки, научные и сельскохозяйственные общества, благотворительные заведения, гвардейские полковые библиотеки, духовные семинарии. Например, в 1843 году в Казань и Екатеринослав после случившегося там пожара были высланы книги взамен сгоревших, а с отправленным на Камчатку бригам «Иртыш» послано по два экземпляра имевшихся в кладовых ВЭО «Трудов». Часть тиража бесплатно высылалась редакциям других научных журналов в обмен на их издания.

В 1847 году было напечатано 600 экземпляров «Трудов» Общества, которые также рассылались членам, научным и земледельческим обществам, передавались в обмен на газеты и журналы, поступали в продажу. От продажи и обмена на журналы и газеты было выручено 796 рублей серебром. «Сумма эта, говорится в годовом отчете, хотя не велика, но она ежегодно увеличивается. Это доказывает, что «Труды» приобретают более и более известность». В 1846–1847 годах

были изданы пропущенные ранее книжки «Лесного журнала», который стал теперь выходить регулярно. Возобновились также издание журнала «Атлас Музеума» и переизданы выпущенные ранее его книжки. Это издание имело своих подписчиков и пользовалось неплохим спросом. В нем сообщалось об имевшихся в Обществе редких собраниях разных моделей машин и механизмов, которые постоянно пополнялись новейшими изобретениями, устройствами и разными орудиями для сельского хозяйства и промыслов.

* * *

К середине 50-х годов XIX века тираж «Трудов» Общества достигал 6 тыс. экземпляров. Это было его главное издание, которое служило распространению полезных сведений по разным отраслям сельского хозяйства, ремесел, промышленности, домоводства, сельской архитектуры, домашней медицины и ветеринарии. Журнал был достаточно широко известен среди сельских хозяев, столичных чиновников, губернаторов, в научных кругах, среде преподавателей вузов. Авторский состав его кроме членов и корреспондентов был весьма обширен, включая также сельских специалистов, помещиков и крестьян, служителей церкви, представителей учебных и научных учреждений, связанных с сельским хозяйством и ремеслами лиц, самостоятельно занимавшихся усовершенствованиями сельскохозяйственных культур, животных, орудий труда и производств.

В адрес «Трудов» поступало много статей, писем, работ членов и корреспондентов Общества, читателей журнала. Для публикаций отбиралось самое интересное и новое. Небольшие статьи и письма размещались в разделе «Смесь», но немало материалов оставалось неиспользованными, сообщения в них устаревали по сравнению с другими периодическими изданиями. Поэтому в Обществе неоднократно

поднимался вопрос о том, чтобы наряду с журналом выпускать особую хозяйственную газету, которая выходила бы ежемесячно или еженедельно. И наконец, в первом томе «Трудов» за январь 1854 года в разделе «Беседы редакции с читателями» сообщалось: «С нынешнего 1854 г. мы дали журналу И. В. Э. Общества неразлучного спутника в виде *хозяйственного еженедельного листка*, под названием «Экономические Записки». Три № этого листка уже в руках публики, которая убедится сама лучше всех наших объяснений, в качествах этой *новой хозяйственной газеты*, четыре номера которой будут заключать в себе более статей, чем заключала до сих пор «Смесь» одного № нашего журнала, долженствующего заключать статьи большего размера», из которых некоторые будут разбиваться на несколько номеров, а статьи под рубрикой «Технические и хозяйственные руководства», редактируемые особым редакционным комитетом, могут даже переходить из одного года в другой». К примеру, со второго номера «Трудов» за 1854 год редакция предполагала печатать «Руководство», чтобы дать описание всех приемов и подробностей свеклосахарного производства.

Еженедельные «Экономические Записки»* издавались объемом в один печатный лист и стали на десятилетие полезным органом для сообщения хозяйственных сведений многочисленным читателям «Трудов» и своей собственной читательской аудитории. В газете помещались преимущественно мелкие статьи, известия и заметки по всем отраслям

* Экономические записки: Еженедельное прибавление к журналу «Труды Вольного Экономического общества» — СПб., 1854–1862. Газета издавалась еженедельно по субботам, 52 выпуска в год, на восемь страниц, всего было выпущено 468 номеров. Первым издателем и редактором газеты был В.П. Бурнашев, после его самоотвода в январе 1857 года редактором стал А.И. Ходнев, а с января 1861 года на его место был избран А.И. Советов. В 1861 году издание «Экономических записок» было признано убыточным. Было принято решение о передаче издания газеты члену Общества М.С. Хотинскому, но, подсчитав эффективность этого решения, от издания газеты отказались совсем. После долгих прений было признано целесообразным прекратить выпуск газеты с 1863 года. Решение о прекращении издания «Экономических записок» было принято на чрезвычайном собрании ИВЭО в апреле 1862 года (см. Труды Имп. Вольн. Экон. Общества. 1862. Т. 1. С. 39–55, Т. 3. С. 1–9).

хозяйства и домоводства, а также по домашней медицине и ветеринарии, О соотношении объемов публикаций в «Трудах» и «Экономических Записках» можно судить по данным за 1854 год, когда было издано 12 книжек в 191,5 печатных листа «Трудов» и 53,5 листа «Экономических Записок» с 245 иллюстрациями, 29 таблицами чертежей и 24 раскрашенными изображениями разных пород домашнего скота. Хозяйственная газета существенно улучшила информированность читателей «Трудов», приобрела и собственных поклонников, выписывавших только одну газету. Кроме членов и корреспондентов самого Общества, участвовавших в этих его изданиях, многие посторонние лица сообщали наблюдения и сведения по сельскому хозяйству, техническим производствам и домашней медицине. Некоторые хозяева прислали отчеты о посеве и урожае семян, разосланных подписчикам «Трудов» и «Экономических Записок», выражая благодарность за присланные им семена редких и замечательных растений.

Особой популярностью в газете пользовались материалы по домашней медицине и ветеринарии, побудившие многих лиц к сообщению своих практических наблюдений о лечении простыми, сподручными средствами. Редакции пришлось даже избрать для медицинских материалов в «Трудах» и «Записках» особого редактора. Эту обязанность принял на себя вице-директор медицинского департамента Министерства внутренних дел, профессор анатомии, действительный статский советник И. Козлов. Под его наблюдением, как отмечалось в одном из отчетов Общества, такого рода статьи стали лучше удовлетворять требованиям науки и практики, отвечать потребности в общепонятном изложении медицинских средств, знание которых было столь необходимо сельским и городским жителям в тех случаях, когда вовсе невозможно или нельзя было быстро получить медицинскую помощь.

* * *

В президентство П.Г. Ольденбургского был принят новый Устав Вольного экономического общества. Предложения внести в этот документ необходимые изменения поступали и ранее, но лишь в конце 50-х годов были предприняты решительные шаги к этому, увенчавшиеся успехом. В принятый при образовании Общества и одобренный Екатериной II Устав всегда вносились отдельные изменения и дополнения, а в 1824 году императором Александром I был утвержден новый Устав, который, однако, отнюдь не менял цели и задачи Общества, уточняя лишь вопросы управления им и организации его работы. В таком же направлении предполагалось и теперь внести изменения в действовавший Устав. Поскольку Вольное экономическое общество было старейшим научным обществом в России, этот его учредительный документ неизменно служил хорошим примером при создании других научных обществ, а потому часто публиковался не только в его «Трудах» для внутреннего, так сказать, пользования, но и выпускался отдельным изданием. К разработке дополнений и изменений к Уставу подходили всегда с особым тщанием, назначая для этого специальные комиссии.

Сформированный в ноябре 1856 года Совет Общества принял меры, чтобы ускорить подготовку нового проекта Устава. Совет пригласил всех членов дать к 1 января 1857 года свои мнения о нужных в нем изменениях. Для их рассмотрения и составления проекта назначена была комиссия. Проект ее был одобрен и подписан всеми членами Совета, а затем в мае 1857 года напечатан и разослан членам Общества, чтобы они представили к октябрю свои замечания. Но дальнейшая работа над проектом встретила некоторые затруднения в связи с разногласиями по другим поводам в руководстве Общества, потребовалось вмешательство императора, чтобы довести ее до завершения. В январе 1858 года на чрезвычай-

чайном общем собрании был зачитан следующий рескрипт императора Александра II от 30 декабря 1857 года на имя президента Общества принца П.Г. Ольденбургского, в котором выражалось согласие на подготовку нового Устава:

Ваше Императорское Высочество!

Рассмотрев поднесенное мне, через министра государственных имуществ, всеподданнейшее представление Ваше, по званию президента Императорского вольного экономического общества, о мерах к вящему благоустройству его учреждения и к большему развитию его полезной деятельности, я разрешаю вам предложить собранию Общества избрать из среды себя четырех членов, которые совокупно с Советом Общества начертали бы в непродолжительном времени проект нового для него Устава, более согласного с настоящими потребностями и с основною целью Общества. Проект сей, таким образом составленный, по одобрении оного Вашим императорским высочеством, Вы представите установленным порядком на мое усмотрение.

Поручая дело сие главному руководству Вашему, остаюсь в уверенности, что при попечительности Вашей оно будет совершено с желаемым успехом.

*Пребываю навсегда Вам искренно доброжелательный
Александр.*

Комиссия немедленно приступила к работе, обобщив поступившие многочисленные предложения и имевшиеся уже материалы по этим вопросам. Как следует из протокола общего собрания Общества от 7 февраля 1859 года, основные положения проекта нового Устава к этому времени удалось передать на рассмотрение правительства. Новый устав был утвержден императором 27 февраля того же года и вместе с его рескриптом в начале апреля препровожден президен-

ту Общества. Важность этого документа, упорядочившего и упростившего организационную структуру Общества, уточнившего отдельные статьи, несомненна для оживления его деятельности. Принципиальное значение имело то обстоятельство, что новый Устав не расширял круг деятельности, не давал Обществу новых прав и преимуществ, но упорядочивал работу Общества, что способствовало преемственности и стабильности в его делах. Вся деятельность Общества сосредотачивалась теперь в Отделениях. К Отделениям приписывались все сотрудники и члены, работа которых становилась поэтому более целенаправленной и скоординированной. Существенно и то, что лица на все должности стали выбираться на трехлетний срок, расширяя тем самым горизонты работы. Было определено также, что покидающий должность президента Общества член императорской семьи мог принять на себя звание почетного президента, не лишая тем самым Общество внимания и поддержки такого покровителя и ходатая перед монаршим престолом.

В Уставе 1859 года оставалось неизменной главная цель Общества, объявленная при его основании. В нем сказано: «Императорское Вольное Общество имеет целью спешествовать, по мере своих способностей, развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и промышленности». По существу предметов, входящих в круг занятий Общества, оно разделялось на три следующие Отделения:

I Отделение (сельского хозяйства) имело предметом своих занятий земледелие, скотоводство, лесоводство, звериные и рыбные промыслы и вообще все то, что к сельскому хозяйству относится.

II Отделение (ремесленных и фабричных производств) занималось о распространении полезных сведений о ремеслах, заводах и фабриках, в ближайшей связи с сельским хозяйством состоящих, а также сведений о механической и строи-

тельной частях, преимущественно в применении к русскому быту и хозяйству.

III Отделение (вспомогательных наук) занималось применением естественных и врачебных наук, статистики и политической экономии к цели занятий первых двух Отделений и распространением сведений об общедоступных средствах к охранению народного здоровья. По специальности медицинских вопросов для рассмотрения их при III Отделении имелся особый постоянный медицинский комитет из врачей, ветеринаров и фармацевтов. При том же Отделении были открыты в 1861 году комитеты грамотности и политико-экономический.

Среди новшеств Устава 1859 года стоит упомянуть и учреждение звания почетных членов для особ, известных своими познаниями и заслугами или могущих быть полезными Обществу по высокому своему положению в государстве.

В новом Уставе осталось неизменным положение о том, что ежегодно 31 октября проводится торжественное собрание для празднования дня учреждения в 1765 году Императорского вольного экономического общества. Заседание это по традиции открывалось чтением соответствующей статьи Устава, раскрывающей порядок проведения заседания. В Уставе же сказано:

«Общество празднует особливим собранием 31 число октября, в который день блаженной памяти Императрица Екатерина Великая учреждение сего Общества, принятием оно в свое покровительство, в 1765 году, всемилостивейше утвердить соизволила. Притом прочитав перед собранием, во-первых, письмо, при котором ея величеству всеподданнейше поднесен план и Устав Общества и полученный на оное письмо всемилостивейший ея императорского величества ответ, а потом августейшего монарха, ныне царствующего государя императора всемилостивейший рескрипт,

изъявляющий высокое его благоволение к Обществу и изливающий на оное щедроты. В сие же время раздаются награды за полезные изобретения и производства, а равно и за удовлетворительные ответы на задачи Общества». Именно на основании нового Устава принц П.Г. Ольденбургский после ухода с поста президента Общества в 1859 году стал его почетным президентом до 1862 года.

* * *

В период пребывания П.Г. Ольденбургского в Обществе в качестве его почетного президента шла подготовка к организации двух новых комитетов — грамотности и политико-экономического, разрабатывались их программы. Они были утверждены в январе 1862 года, а на общем собрании от 12 апреля сообщалось, что согласно постановлению Совета информацию об их программе решено напечатать в «Экономических Записках».

На Комитет грамотности возлагалась забота о распространении грамотности в крестьянском сословии и прочие просветительские дела. Только в 1880–1890 годах Комитет издал 650 тыс. книг для народного чтения, а разослал бесплатно или за сильно пониженную плату один миллион экземпляров книг. Комитет грамотности в числе прочих начинаний составлял списки учебников и сбора книг для чтения, рассматривал устройство складов для книг, изыскивал способы удешевления цен на книги и сбора средств для образования сельских учителей.

Внимание Политэкономического комитета, начавшего свою деятельность уже в 1859 году, было преимущественно обращено на финансовые и экономические вопросы. Интересно, что при обсуждении этих вопросов уже тогда выявились продолжающиеся по сути до сих пор споры в экономической науке о том, нужно ли в экономике полагаться

во всем только на игру рыночных сил или необходимо прибегать для их усмирения к государственным мерам.

В Комитете обсуждались важнейшие вопросы тогдашней экономической жизни, связанные со стабилизацией финансов, денежного обращения, преодолением кризисных явлений в экономике, улучшением внешнеэкономических отношений. Политэкономический комитет в последующие годы занимался рассмотрением также таких вопросов, как поземельный налог, залог и оценка помещичьих имений, проценты за кредит, введение в стране десятичной системы мер, частные банки, горный устав и другие.

В декабре 1861 года известный экономист М.В. Вернадский был избран председателем политико-экономического комитета Общества, возглавлял его несколько лет и сумел организовать силами комитета обсуждение многих интересовавших общественность вопросов, в их числе об экономическом значении правильно организованного денежного обращения, операций с землей, капиталом, улучшении торговли. Его отношение к работе в этом Комитете становится понятным из выраженной им высокой оценки научной роли политэкономии. «Вольное экономическое общество, — писал он, — должно смотреть на политическую экономию не как на вспомогательную, а как на главную для себя науку. По крайней мере, так велит логика и современные потребности народа». Политико-экономический комитет действовал почти десятилетие, в начале 1872 года его обязанности перешли к III отделению Общества*.

* В числе заслуг И.В. Вернадского перед отечественной экономической наукой стоит упомянуть и изданный им в 1881 году перевод на русский язык первого тома шеститомного «Курса политической экономии...», выпущенного еще в 1815 году на французском языке первым российским академиком в области политэкономии и статистики А. Шторхом. Полное издание этого замечательного произведения «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие» на русском языке осуществлено впервые в 2008 году Издательским домом «Экономическая газета». Здесь же опубликованы и заметки И.В. Вернадского к «Курсу политической экономии...» А. Шторха.

* * *

Конкурсные задачи Общества и награды, выданные за них, ярко характеризуют его понимание неотложных нужд развития экономики и путей развития сельскохозяйственного производства. В период 1825–1829 годов и в 1833–1842 годы конкурсные задачи, однако, не предлагались. Но затем в 1842 году на своем торжественном собрании в годовщину образования Общества оно вновь объявило две конкурсные задачи — отыскать местонахождение кварцовых пород ноздреватого камня для мукомольных жерновов составить штучные мукомольные жернова из такого камня. За решение первой задачи золотой медалью был награжден помещик Херсонской губернии Тираспольского уезда поручик А. Кардамич, хотя и было решено продлить срок этих задач еще на год, чтобы найти пригодный и дешевый камень для изготовления жерновов и снабжения мельниц в других российских регионах. Кроме того, в 1843 году была предложена задача о борьбе с сорными травами на черноземах, заглушающими посевы хлебов, на решение которой отводилось пять лет.

Особо стоит упомянуть о конкурсной задаче, предложенной Обществом по повелению самого государя императора в 1844 году «Об изыскании и описании удобного и дешевого средства для сушения и сохранения хлеба».

История этой конкурсной задачи представляется весьма интересной для характеристики стиля работы Общества и участия в ней представителей различных кругов российских жителей. За совершенно удовлетворительное решение задачи назначалась в награду большая золотая медаль в 150 червонцев. За ответы, удовлетворяющие задаче только в частности, назначались три золотые медали среднего и меньшего достоинства, одна в 100 и две в 50 червонцев и три серебряные медали в 40, 30 и 20 руб. серебром. Сроком для поступления ответов назначен был 1846 год. К этому времени поступило

34 ответа, из которых пять признаны удовлетворительными и разрешающими отдельные части задачи, а восемь заслуживающими внимания и поощрения Общества. Золотыми медалями в 75 червонцев награждены были корпуса инженеров путей сообщения поручик П.И. Лампе и член Общества доктор Я. Ионсон, а большими серебряными И. Путерницкий в Варшаве, статский советник Г. Тарновский в Черниговской губернии и курляндский помещик барон Г. Фон-Фелькерзам. Остальным послано 8 малых серебряных медалей по 15 руб. каждая и одна премия.

Учитывая, что эта задача была предложена самим императором и важность ее решения, особенно для хорошего продовольственного снабжения армии, решено было возобновить ее до августа 1848 года. Но так как полученные ответные сочинения найдены были неудовлетворительными, конкурс опять был отсрочен до января 1851 года. Не получив и в третий раз удовлетворительного ответа, Общество продолжило срок задачи по январь 1853 года. Задача, однако, опять не была решена удовлетворительно, только двум лицам выданы серебряные медали. Срок конкурса снова был продолжен до августа 1855 года, причем за совершенно удовлетворительное решение задачи предложено было 500 червонцев, а одной лишь ее части — сушки или хранения хлеба — 250 червонцев. Поступило 17 ответных сочинений, из которых ни одно не найдено разрешающим задачу удовлетворительно как в целом, так и частично. Но, поскольку пять ответов заключали в себе некоторые полезные мысли и указания, Общество нашло справедливым присудить авторам их медали (варшавскому помещику, доктору медицины А. Фукье большую золотую медаль в 50 червонцев и премию в 25 червонцев; курляндскому помещику барону фон-дер-Ренке малую золотую медаль в 15 червонцев; пастору Карлу Рименшнейдеру в Выборге золотую медаль в 25 червонцев;

корпуса лесничих штабс-капитану Гребнеру и корреспонденту Эрнесту Рудольфу большие серебряные медали).

Объявление конкурсных задач было продолжено и в последующие годы. В их числе можно назвать задачи по предотвращению порчи соленой рыбы, описанию наилучшего способа осушения болот для разведения леса, составлению запасов фуража в степных губерниях, по сбору сведений о сельских рукоделиях. Список награжденных по последней задаче примечателен тем, что убедительно свидетельствует о популярности таких конкурсов среди широких слоев сельского населения. Награды в 1857 году, например, были присуждены за описание рукоделий, промыслов и ремесел сельских жителей Шуйского уезда купеческому сыну Матвею Лядову; за описание выделки кож и шитья сапог в слободе Ольшанке священнику Дмитрию Левитскому; за описание сельских рукоделий Токаревского общества государственному крестьянину Дмитрию Сенникову; за описание кресто-иконорезного промысла в Киеве Николаю Максимову Сементовскому и за описание гончарного производства в С. Камишкоре студенту агрономии Поликарпу Пипровскому.

В течение нескольких лет Общество не объявляло конкурсных задач. Но в 1859 году все отделения Общества по предложению президента П.Г. Ольденбургского вновь занялись обсуждением вопросов, которые могли бы служить темой для таких задач. Составлены были проекты нескольких тем, в том числе об улучшении пород крестьянских лошадей; лучшем способе страхования домашнего скота от падежей и хлебных посевов от градобития; подготовке популярного курса о гигиене, составлении руководства к разведению красивых растений, о производстве сельских построек, учреждении деревенских школ. Однако было принято решение не предлагать эти темы в виде конкурсных задач, поскольку

в стране на первом месте стояли вопросы освобождения крепостных крестьян. Решено было отдать предпочтение связанным с этим темам.

К составлению таких задач привлекли членов Общества, обладавших специальными знаниями в политической экономике и близко знакомых с бытом крестьян в разных полосах России, в их числе были И.В. Вернадский, В.П. Безобразов, И.П. Семенов и Ф.В. Астафьев. На основании составленных И.В. Вернадским тем, дополненных соображениями других членов, Общество предложило следующие конкурсные задачи: составить исследование о вольном труде, его формах, условиях, экономических и нравственных результатах в определенной местности (губернии или округе); о пользе хозяйства фермерского или арендного. Предлагалось также написать рассуждение о земских и земледельческих банках, земском кредите и ипотеках. Кроме того, с учетом большой потребности в практическом руководстве к устройству плотин, запруд и гатей предложена была задача о составлении общепонятного курса построек такого рода. В числе задач указано и сочинение о сельском хозяйстве вообще или об одной из главных его отраслей применительно к России.

Задачи о вольном труде и о земских и земледельческих банках были предложены еще раз на конкурс в 1861 году. За сочинение на первую задачу награжден в 1862 году малюю золотою медалью черниговский помещик Добрянский, а большая золотая медаль присуждена была Бредриху, курляндскому адвокату, за сочинение о земских банках.

* * *

В 40–50-е годы XIX века Вольное экономическое общество активно занималось организацией и усовершенствованием деятельности наконец-то созданных им самим земледельческих школ и опытных ферм. В 1825–1844 годах Общество

содержало своих учеников в земледельческом училище графини С.В. Строгановой, которое имело два отделения — теоретическое в Петербурге и практическое в Марьинском имении Новгородской губернии. В 1837 году на иждивении Общества состояло в этом училище 65 человек. После окончания учебы они либо направлялись на преподавание сельского хозяйства в учебных заведениях, либо определялись к помещикам в имения в качестве образованных приказчиков по управлению разными частями сельского хозяйства. Члены Общества не оставляли, однако, надежды самим наладить подготовку образованных и благонадежных управителей сельскими имениями для всех губерний России. Так, на общем собрании 25 сентября 1843 года было зачитано предложение президенту, принцу П.Г. Ольденбургскому, от члена Общества г-на Швиттау, известного как своими лекциями, так и земледельческими опытами, учредить близ С.-Петербурга практическое училище земледелия и опытную усадьбу. Для этого он договорился с петербургским помещиком Кандалинцовым, который обещал уступить ему по контракту на 25 лет бесплатно 200 десятин удобной земли в имении своем близ Гатчины и обязывался построить все необходимые для такого заведения здания. Предполагалось, что училище разделено будет на два класса, в первом готовились бы ученики к занятию должностей управителей, скотоводов и т. д., во втором обучались бы простые работники. Намеривались принимать учеников из всех состояний, не моложе 17 лет, умевших читать, писать и узнавших первые правила арифметики.

Собрание, признав это предложение Швиттау весьма полезным, постановило: выдать ему пять тысяч рублей серебром в ссуду на 15 лет без процентов. Был назначен комитет из четырех человек для наблюдения за ходом организаций

училища и опытной усадьбы, а также расходом выданной ссуды.

Президент П.Г. Ольденбургский после переписки по этому вопросу с министрами государственных имуществ и народного просвещения получил в 1844 году разрешение императора на открытие практического земледельческого училища под наблюдением и покровительством Вольного экономического общества. Школа же графини Строгановой в 1844 году была закрыта, так как она, затратив на нее в продолжение 20 лет более 1,3 млн руб., не могла больше нести такие большие расходы. В декабре 1844 года Комитет министров на своем заседании принял решение дозволить доктору Швиттау под наблюдением и покровительством Общества содержать практическое земледельческое училище. В отчете Общества за 1844 год есть интересная запись о том, как определялась программа обучения для этой школы. Занятия по учебным курсам предполагалось вести с ноября по май, преподавать двум нижним классам краткую географию, историю, арифметику и геометрию. Старшему же классу считалось важным преподавать то, что нужно для сельскохозяйственных работ из физики, химии, минералогии, из ботаники о кормовых и вредных травах, из зоологии о домашних животных, из ветеринарной науки и анатомии то, что важно для скотоводства и лечения животных, а также знакомить с практикой организации рационального сельского хозяйства, обучать работам в мастерских и кузнице. На прозвучавший на общем собрании вопрос о том, почему предусматривается столь обширная учебная программа, было разъяснено, что в школу перешли бывшие ученики тесно связанного с Обществом училища графини Строгановой, где имелось в виду давать высшее образование не крестьянским детям, а ученикам из детей чиновников, купцов и мещан. Было высказано также пожелание обучать воспитанников письменному делопроиз-

водству и землемерному делу, с чем согласились члены комиссии, избранной для помощи в деле организации школы.

Земледельческое училище Швиттау временно было переведено позднее в Гатчину, в наемный дом. В нем воспитывались и 16 учеников, оставшихся после закрытия школы Строгановой. В Гатчине не было опытной усадьбы, так как обещанная уступка земли не состоялась. Поэтому в 1845 году было решено устроить опытную усадьбу в селе Марьино Новгородского уезда, где раньше было земледельческое училище графини Строгановой. Усадьба эта имела 20 отдельных зданий, 360 десятин земли, в том числе более ста обработанной, имелись также рогатый скот, инструменты и мастерские. Усадьбу взяли по контракту в аренду на 10 лет за ежегодную уплату тысячи рублей серебром (с правом возобновить договор на тех же условиях). В это имение и было переведено училище Швиттау, которое называлось «Земледельческое училище Вольного экономического общества». В нем обучалось до 20 воспитанников на счет Общества, в основном из детей небогатых дворян и чиновников, а также 30 учеников за свой счет. На содержание училища отпускалось в год 5000 рублей серебром. Там же были учреждены опытная усадьба, мастерские и организовано еще училище для помещичьих крестьян.

Однако далеко не все желаемые планы удалось выполнить, как и наладить хорошее управление училищем и усадьбой. Когда в апреле 1846 года вице-президент Общества князь Долгоруков приехал с проверкой в училище, то нашел и его, и крестьянское училище в самом жалком состоянии. Князь принял все убытки на себя, уплатил долги, обязался содержать Марьинскую усадьбу на свой счет и принимать помещичьих крестьян в ученье. Земледельческое же училище в 1846 году было переведено в С.-Петербург и преобразовано вскоре в Училище сельского хозяйства. В этом училище Об-

щество решило иметь 30 воспитанников с платой за каждого по 260 рублей серебром в год.

Указ правительствующему Сенату об утверждении Устава училища сельского хозяйства ВЭО был подписан императором 9 февраля 1849 года. В § 1 Устава говорилось, что училище «имеет целью образование сведущих хозяев для управления собственными или частными имениями и сим содействовать успехам земледелия. Училище сие принадлежит к числу средних учебных заведений и сравнивается в правах с губернскими гимназиями». Училище, отмечалось далее, состоит в ведении Общества, а в учебном отношении под наблюдением начальства С.-Петербургского учебного округа. Воспитанники разделялись на два разряда — содержащиеся за счет Общества (дети потомственных дворян) и обучавшиеся за свой счет дети личных дворян, почетных граждан, купцов и мещан, других свободных состояний. В училище принимались после предварительного испытания кандидатов в познаниях, соответственных полному курсу уездных училищ, в возрасте не моложе 14 и не старше 18 лет. В Уставе был определен состав предметов теоретического курса и требования к практическим занятиям.

Воспитанники училища сельского хозяйства по его окончании, удостоенные за успехи в науках и отличное поведение хороших аттестатов, пользовались при вступлении на государственную службу правами воспитанников губернских гимназий. Директору училища, учителям и воспитателям присваивались права государственной службы (кроме права на получение пенсий из казны), им предоставлялось право носить мундиры учебного ведомства.

Программа занятий была довольно обширной и трудной, включала такие предметы: закон Божий, языки русский и немецкий, арифметика и алгебра до уравнений 2-й степени, геометрия, механика и геодезия, зоология, ботаника, мине-

ралогия, физика и химия, лесоводство, сельское хозяйство и скотоводство с ветеринарным искусством, сельское законоведение и счетоводство, черчение и рисование.

Интересные сведения о состоянии крестьянской школы Общества содержатся в отчете за 1847 год. Во взятой в аренду вице-президентом Долгоруковым усадьбе в селе Марьино Новгородского уезда, которая управлялась бывшим воспитанником Общества, было 360 десятин земли, имелся скот, мастерские, нужные помещения. В усадьбе обучались восемь учеников из помещичьих крестьян, с которых взималась плата в 30 рублей серебром за каждого. Всего было вспахано 117,5 десятин земли, засеянных травами, горохом, овсом, рожью и льном. Полученный неплохой урожай этих культур и картофеля стал хорошим примером для соседних крестьян. В усадьбе были приняты меры по улучшению плугов применительно к особенностям местной почвы, проводились опыты по разведению проса. В годовом отчете говорилось также о необходимости довести Марьинскую ферму до той степени совершенства, которая требуется для крестьянского училища.

Предполагалось, что в Марьинской усадьбе будут проходить практические занятия также ученики сельскохозяйственного училища, но для этих целей она все же не использовалась. Практические работы велись на более удобной по своему расположению, близкому к столице, Охтенской ферме, которую Общество получило в свое распоряжение в 1846 году. История ее такова. В 1845 году принц П.Г. Ольденбургский обращается с просьбой уступить Обществу под Петербургом болотную землю за Большою Охтою, которая была уже осушена и принадлежала плотникам адмиралтейского ведомства. Уступка земли Обществу не встретила препятствий, и в 1846 году департамент Морского министерства выдал акт о передаче ему в аренду на 50 лет

163 десятины земли, находившиеся вне черты города, между селением Большая Охта и оружейным заводом (с платой по 10 рублей серебром в год за десятину).

Получив эту землю, Общество все же не смогло тотчас же завести там свое хозяйство и потому сразу передало ферму в аренду бывшему ее смотрителю. Эту ферму, однако, Общество рассматривало как свою усадьбу, проводило там опыты, устроило образцовый пчельник, летом там жили и работали воспитанники сельскохозяйственного училища Общества. Дела здесь вел опытный агроном англичанин Ворди, который обеспечивал образцовый порядок, применение лучших английских орудий и машин, разнообразных удобрений. На усадьбе получали хорошие урожаи овса, ржи, картофеля, трав (преимущественно клевера и тимофеевки). Проводились и опытные посевы. Помещикам из разных губерний были проданы выписанные из Англии молотильные машины и плуги. Усадьба принесла в 1847 году 750 рублей чистой прибыли.

В отчете за 1847 год отмечен такой факт постоянного внимания императора к делам Общества. На этой ферме по английской методе откармливался необыкновенно большой вол, приведенный из Екатеринославской губернии, вес которого достигал 71 пуда. Император соизволил с благосклонностью принять от Общества этого вола, а агроному Ворди с ласковыми словами пожаловал бриллиантовый перстень.

О неизменной поддержке власти усилий ВЭО по распространению сельскохозяйственных знаний свидетельствуют и другие сообщения. Например, в 1848 году император в ответ на обращение министра внутренних дел освободил от исполнения рекрутской повинности 14 молодых людей поданного состояния, обучавшихся в школах земледелия на иждивения ВЭО и занимавших должности управителей и приказчиков в частных имениях помещиков. Такое важное преимущество

воспитанников школ Общества, несомненно, во многом способствовало привлечению в нее учеников.

В 1852 году Общество решило ближе соединить в одном управлении с Охтенскую фермой Училище сельского хозяйства, поэтому ферма была передана в аренду его директору. Были выделены деньги на постройку помещения для воспитанников училища, а также нового скотного двора. Подробностей того, как велось хозяйство в это время, в делах Общества не имеется. Но, судя по поздним записям, к 1858 году поля оказались частично истощены, частично поросли сорными травами. И в следующем году ферма передана другому арендатору. Общество выступило с предложением о выделении там опытного поля, для чего учредили особую комиссию, по предложениям которой эта идея и была реализована. С 1860 по 1862 год на опытных посевах хлебных и зерновых растений здесь преподаватели и ученики испытывали разного рода удобрения, проводились опыты и другими комиссиями, не относящимися к ферме. Была построена глинятная конюшня, осуществлено дренирование двора фермы с целью ознакомить публику с примерами подобного строительства в данной климатической зоне. В 1865 году Общество выделило 1200 рублей на химическое исследование почв и удобрений.

Когда в 1852 году Охтенская ферма была передана в заведение директору училища, ему было дозволено принять на нее крестьянских мальчиков из помещичьих имений для обучения практическому земледелию и ремеслам. Поэтому от крестьянской школы в усадьбе Марьино и от аренды самой усадьбы отказались.

Училище сельского хозяйства в С.-Петербурге создавалось для обучения молодых людей из потомственных дворян, подготовки образованных управителей помещичьих имениями. Но ученики, окончив училище, поступали главным образом

на государственную службу. Поэтому Общество сочло необходимым полностью преобразовать сельскохозяйственное училище в учебную ферму для помещичьих крестьян, подготовки из них на Охтенской ферме старост и приказчиков. Однако после обмена мнениями по этому вопросу с министром государственных имуществ было решено поступить иначе. Вместо действовавшего в С.-Петербурге Училища сельского хозяйства для дворян стали обучать за счет средств Общества нескольких воспитанников в Горыгорецком земледельческом институте (Могилевская губерния), а также решили организовать земледельческую школу около Харькова при имевшейся там учебной ферме. По докладу об этом министра государственных имуществ император 17 мая 1854 года повелел взамен Училища сельского хозяйства в С.-Петербурге открыть при харьковской учебной ферме училище, на содержание которого Вольное экономическое общество отпускало 4250 рублей в год с правом иметь в училище 34 вакансии. Окончившие курс получали свидетельство на звание ученых управительских помощников, освобождались от податей и рекрутской повинности. По истечении шести лет они получали аттестаты на звание ученых управителей, если все это время действительно занимались сельским хозяйством и сообщали начальству свои наблюдения.

Историк и секретарь Вольного экономического общества А.И. Ходнев, рассказывая в своей книге «История Императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865 года» о всех этих усилиях повысить качество сельскохозяйственного образования, теоретических и практических знаний, уровень подготовки управителей в помещичьих имениях из дворян и крестьянства, приходит к выводу, что с учетом всех встречавшихся трудностей, больших и не всегда ожидаемых расходах на учебу целесообразнее все же направлять имевшиеся на эти цели средства для обучения

молодых людей в специализированных и работавших уже учебных заведениях.

* * *

Существенную роль Вольное экономическое общество сыграло в развитии в стране выставочной деятельности для пропаганды и распространения лучших достижений в сельском хозяйстве, сельских ремеслах и промышленных производствах. Основная заслуга в этом принадлежит самому президенту, поставившему вопрос о проведении таких выставок усилиями руководимого им Общества и сумевшему привлечь к деятельному участию в их организации министерства государственных имуществ, внутренних дел, народного просвещения, Общество сельского хозяйства, губернское начальство, предводителей дворянства, помещиков и представителей казенного крестьянства. Хорошо понимая большую значимость и возможности таких выставок, П.Г. Ольденбургский стремился придать им общероссийский характер, не ограничивая региональными рамками. Но первый опыт проведения сельскохозяйственных выставок Обществом начинавшихся с выставок в С.-Петербурге скота не достиг желаемых целей.

Инициатором проведения сельскохозяйственных выставок в России был министр государственных имуществ Павел Дмитриевич Кисилев. В 1842 году он представил императору Николаю I предложение об организации в губерниях выставок произведений земли, скота и произведений сельских ремесел, начав с учреждения выставок скота в новороссийских губерниях. Император утвердил это предложение, которое обрело силу закона. Предписывалось приступить к проведению выставок скота в 1843 году в новороссийских губерниях под главным ведением генерал-губернатора и руководством

тамошнего Общества сельского хозяйства. При успешной работе выставок предписывалось распространить эту меру и на губернии средней полосы России. В этом случае распоряжение выставками поручалось особому в каждой губернии временному комитету, состоявшему из губернского предводителя дворянства, управляющего палатой государственных имуществ и трех помещиков по приглашению губернского предводителя.

В соответствии с этим законом первая выставка домашнего скота прошла 14–16 сентября 1843 года в Одессе. Медали и денежные награды вручались от Министерства государственных имуществ. Участники и посетители выставки остались очень довольны ее организацией и особенно празднично устроенной под звуки музыки торжественной процедурой награждения призеров. Подготовка к выставке и ее проведение широко освещались в печати, а успех превзошел все ожидания. Неудивительно, что на общем собрании Вольного экономического общества 25 сентября 1843 года принц П.Г. Ольденбургский предложил Обществу также начать устраивать сельскохозяйственные выставки.

«Всем известно, — сказал он, — что Англия пред всеми европейскими государствами отличается прекрасными породами домашних животных: лошадей, быков, овец, свиней. И что животные эти, кроме совершенства наружного их вида, отличаются силою, быстротою, величиною и весом их мяса и жира, также качеством молока, шерсти и что этому улучшению много содействовали публичные скачки, выставки, награды, премии и медали. Наше правительство давно уже обратило внимание на улучшение этим средством в государстве пород лошадей и учредило публичные скачки и богатые премии в разных местах России. Казалось бы приличным для нашего Общества сделать начало публичной выставки с С.-Петербурге, во-первых, для откормленного

скота, а потом и для домашних животных, содержащихся для молока, шерсти. Также можно бы учредить особые выставки для семян, цветов, хлебных зерен и плодов».

Предложение было принято, решили учредить публичные постоянные выставки пригоняемого в С.-Петербург убойного скота для поощрения гуртовщиков, перегонщиков и сельских хозяев. На собрании было также прочитана составленная непременно секретарем Общества предварительная программа выставки, а дальнейшее развитие этой идеи и само устройство выставки были возложены на одно из отделений Общества. Но, как отмечает историк Общества А.И. Ходнев, первое время «не было дано надлежащей правильности этим выставкам». В 1846, 1847 и 1848 годах Общество выдало серебряные медали и премии только двум лицам из купечества за пригон лучших волов и одному помещику Екатеринославкой губернии за выкормку лучшего скота. Улучшить дело удалось в 1847 году, когда были достигнуты более тесные контакты с правлением Общества страхования скота, уточнены и согласованы с ним программа и правила выставок. В программе, в частности, отмечалось, что выставки имеют целью поощрять промышленников к закупке и пригону наилучшего скота для продовольствия столицы, и тем самым возбудить между сельскими хозяевами соревнование к улучшению домашнего скотоводства.

Преимущественное достоинство скота должно заключаться в наибольшем весе и телесной силе животного, что важно при необходимости перегонять скот на дальние расстояния. В течение года проводились три выставки — в январе, мае и августе. В представляемой каждым хозяином партии скота должно быть не менее 30 голов, а вес одного животного в среднем не менее 24 пудов мяса и сала. Достоинства скота определялись на месте продажи — скотопригонном дворе, в присутствии комитета из членов и непременно секретаря

ря Вольного экономического общества и правления Общества страхования скота, экспертами были мясные торговцы, наиболее известные своею опытностью. На выставке в августе, приняв в соображение выставки в январе и мае, комитет назначал награды хозяевам тех партий скота, которые имели преимущества перед прочими в течение года.

Правила были утверждены Министерством внутренних дел. Первая выставка по ним состоялась 30 мая 1848 года. В донесении Совета общему собранию ВЭО в 1850 году сказано, что в 1849 году было представлено на выставку 120 волов черкасской породы, с родины своей пригнанных в столицу. На выставках 1850 года было 180 волов, принадлежавших большею частью той же черкасской породе, которая снабжает С.-Петербург наилучшим мясом. Весьма замечательной была партия киргизского степного скота, которую пригнал за 1500 верст коломенский купец Шкарин. Публика не осталась равнодушною к этим выставкам, которые постоянно были посещаемы как петербургскими, так и приезжими из губерний любителями сельского хозяйства и лицами, сведущими в скотоводстве.

В 1851 году Общество учло, что пригоняемый в августе скот питается на пути одним подножным кормом, а потому установило для августовских выставок 20 пудов, как наибольший средний вес на каждого быка, и назначило для этого времени особые медали: золотую и серебряную.

Выставки гуртового скота продолжались до 1857 года. В 1858 году занимавшееся ими III Отделение сообщило Совету Общества, что оно находит справедливым награждать не только одних гуртовщиков, а также и хозяев, занимающихся скотоводством. Совет просил Отделение избрать комиссию для обсуждения этого вопроса и составления новых правил. Мнение этой комиссии в 1858 году было принято Обществом. Комиссия подробно рассмотрела вопрос о том,

какое влияние могут иметь награды на улучшение скота, и о значении выставок. Полученные выводы оказались весьма радикальными. В заключении комиссии отмечалось, что гурты скота закупаются на месте у скотоводов южных и юго-восточных губерний не самими представителями на выставках, а другими лицами, и переходят несколько рук, пока достигнут столицы и поступят в руки оптовых торговцев, которые и получают награды. Эти торговцы, скупая скот из разных рук, в состоянии легко из большого количества набрать 30 лучших голов, а потому без особого труда каждый раз могут пользоваться наградой, которая никак не влияет на улучшение скотоводства. Было указано, что со времени учреждения со стороны Общества медалей гуртовщикам не замечено улучшения в качестве продаваемого на рынке мяса. Приобретение для столицы лучшего и самого крупного скота побуждается не наградами Общества, а условиями торговли скотом и выгодно для самих скотопромышленников.

Поэтому, делала вывод комиссия, нет особой причины поддерживать наградами эту отрасль торговли. Занятые скупкой и перегоном скота предприниматели сами заинтересованы покупать крупных животных в силу следующих причин. В Москве и С.-Петербурге потреблялось мясо в основном от скота, пригоняемого из степей южной и юго-восточной России. Потому на такие дальние переходы промышленник старался покупать скот породистый и крупный, который надежнее для перегона, чем скупаемый на рынках средней полосы России. Породистый скот удобнее и скорее откармливается на сало, воспитывается на раздольных степях и в первое время по рождении сосет матку, что дает возможность сохранять свойства породы и иметь хорошее вкусное мясо. Гуртовщики старались покупать скот преимущественно крупный еще и потому, что все расчеты за его прогон делались поголовно, не обращая внимания на

величину, достоинство и стоимость скотины. Исправники, становые, городничие и врачи за благополучное состояние гурта ведут расчеты тоже поголовно. Для крупной скотины все расходы на пуд мяса и сала меньше, нежели для мелкой, и потому при продаже первая дает более барыша, нежели последняя.

С учетом этих соображений комиссия нашла, что присуждение медалей от Вольного экономического общества гуртовщикам за выставку крупного скота на скотопригонном дворе в С.-Петербурге не способствует поощрению разводить лучший скот, а потому предложила отменить эти награды. Мнение это принято было Советом и общим собранием. После обращения к министру внутренних дел выставки гуртового скота с целью присуждения наград от Общества прекращены официально в 1860 году, а частным образом они прекратились еще в 1858 году.

И все же выставки принесли важную пользу. Так как они проводились совместно с Обществом страхования скота, то заставили последнее деятельно заботиться, чтобы прогоняемый по дорогам в столицу скот был сыт и здоров, что снижало вероятность распространения опустошительных болезней в селениях, через которые проходили гурты. Выставки также способствовали развитию дела страхования скота.

Более удачным и значимым для дальнейшей выставочной деятельности оказался опыт проведения общероссийских сельскохозяйственных выставок. Вольное экономическое общество провело первые всероссийские сельскохозяйственные выставки в Санкт-Петербурге в 1850 году и затем в 1860 году.

В выставке 1850 года приняли участие все губернии европейской части России, а также Сибирь, Кавказский край, Финляндия. Всего экспонировалось более 3,5 тыс. объектов, в том числе хлебных и других мучнистых объектов — 86, кор-

неплодных — 49, фруктово-ягодных — 45, огородных культур, а также образцов волокнистых, красильных растений. Были представлены образцы скота разного вида, объекты почв, руд, глины, соли, камней, различных сельскохозяйственных орудий труда и машин. В обозрении этой выставки, опубликованном в I томе «Трудов» Общества за 1852 год, говорится, что русское сельское хозяйство в последние 20 лет сделало довольно быстрые успехи, что в нашем отечестве развились некоторые ветви сельского промысла, которые прежде не были известны, а другие значительно усовершенствовались и достигли огромных размеров. В целом можно признать, что была достигнута поставленная организаторами цель — помочь помещикам, промышленникам и крестьянам познакомиться с лучшим опытом ведения хозяйства и по возможности перенять его, узнать о новых и наиболее эффективных сортах сельскохозяйственных культур и породах скота, о новейших достижениях в производстве сельскохозяйственных орудий. Довольно успешно прошла и поведенная в 1860 году ВЭО вторая сельскохозяйственная выставка, где демонстрировалось уже 3700 объектов.

Нужно отметить такую отличительную особенность этих выставок, как охват всех отраслей сельского хозяйства, связанных с ним сельских ремесел и производств. Это был значительный прогресс в постановке выставочной деятельности в России, начинавшейся до того с проведения лишь региональных выставок скота. Всероссийские выставки, отразившие всю многогранную палитру сельскохозяйственного производства, способствовали в дальнейшем учреждению регулярных специализированных выставок по скотоводству, молочному хозяйству, коневодству, птицеводству, садоводству, плодоводству, огородничеству, семеноводству и других.

* * *

В 1841–1847 годах Общество обсуждало наделавший в свое время много шума проект «Об удержании средних цен на хлеб» адъютанта П.Г. Ольденбургского С.И. Мальцова*.

Свой проект он предложил в самом начале 1840-х годов после ряда неурожаев 1830-х годов. Главная роль отводилась государству: в урожайные годы оно могло бы скупать хлеб по средним за ряд лет ценам или же принимать его в залог под выдаваемые ссуды. В голодные годы, напротив, продавать, удерживая цены от многократного повышения.

Большая изменчивость цен на хлеб в урожайные и неурожайные годы существенно осложняла положение помещиков, сельских производителей, торговцев хлебом и его потребителей.

Президент Общества принц П.Г. Ольденбургский передал проект С.И. Мальцова на заключение Общества, а также по повелению императора внес его на рассмотрение в Комитет министров. Комитет поручил начальникам трех губерний высказать свои соображения о действенности предложенной Мальцовым меры по поддержанию средних цен на хлеб, которая состояла в выдаче помещикам денежной ссуды под залог хлеба, что позволяло сохранять цены стабильными и создавать хлебные запасы.

* Сергей Иванович Мальцов (1810–1893) — представитель одной из самых мощных предпринимательских династий России. Выходец из дворянской промышленной семьи, Мальцов получил хорошее домашнее образование, изучал механику, физику, химию, металлургию, владел иностранными языками. Юношей он был определен в гвардейскую кавалерию, где и проходил военную службу. Несколько лет состоял в свите принца П.Г. Ольденбургского. Но в 1849 году неожиданно для многих в чине генерал-майора вышел в отставку и отправился в родовое имение Дятьково, на заводы отца, чтобы целиком посвятить себя предпринимательству. Он организовал производство, где стали выпускаться первые русские рельсы для строительства железных дорог, его предприятиям принадлежит первенство в создании отечественных паровых машин. Мальцовым построены первые русские суда для Десны, Днепра, Волги, осуществлены другие замечательные промышленные проекты. О жизни и деятельности С.И. Мальцова рассказывает интересный очерк в книге о российских предпринимателях «Козыри в игре нации. Русский торговый и промышленный мир». — М.: Издательский дом «Экономическая газета, 2013. — 632 с. («Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»).

Вольное экономическое общество также разослало напечатанный особою брошюрой проект Мальцова через местные начальства во все губернии. Отзывы от мыслящих лиц всех сословий стали приходить из всех регионов России. Одним из первых прислал свое мнение министр государственных имуществ граф П.Д. Кисилев. Вице-президент Общества князь В.В. Долгоруков также представил на обсуждение две свои книжки с изложением своего мнения о проекте Мальцова и других предложениях по поддержанию цен на хлеб, в которых считал необходимым для улучшения ситуации особое внимание обратить на развитие мануфактурной промышленности и торговли.

Полученные отзывы и предложения были разнообразны: далеко не все полагали, что выдача ссуд под залог хлеба поможет улучшить положение. Все, однако, соглашались о необходимости принять меры для улучшения условий деятельности сельских хозяев и выражали благодарность Обществу за привлечение общественного внимания к решению этого вопроса. В отчете общего собрания Общества 27 сентября 1847 года содержатся интересные сведения о том, как проходило обсуждение предложений С.И. Мальцова. Статьи его об удержании средних цен на хлеб были напечатаны и разосланы при особом циркуляре всем членам Общества. Президент его поручил объявить на этом заседании, что под его председательством в особом комитете, назначенном по высочайшему повелению императора, уже приняты разные правительственные меры к выдаче денежных ссуд под залог хлеба помещикам некоторых губерний. Общее собрание утвердило также заключение о проекте Мальцова, подготовленное специально созданным для этого Комитетом Общества которое рассмотрело и обобщило более 120 высказанных мнений и предложений. Было также отмечено, что Мальцов вполне заслуживает признательности Общества и всех сельских

хозяев за полезный труд его, обративший общее внимание на вопрос такой важности для народного благосостояния. Собранные Обществом отзывы, замечания и предложения были напечатаны в шести книжках и разосланы по губерниям. Эти материалы по требованию министра внутренних дел также были переданы ему для принятия мер к устранению бедствий от резких колебаний цен. Проект, хотя и одобренный, не был приведен в исполнение, по объяснению министров финансов и внутренних дел — за недостатком средств.

* * *

В 40–60-е годы XIX века в центре внимания общественности были вопросы освобождения крестьянства от крепостного права, пути и последствия его отмены для помещичьих и крестьянских хозяйств и экономики страны в целом. Не осталось в стороне от этого обсуждения и Вольное экономическое общество, хотя до середины 50-х годов в его «Трудах» мало публиковалось работ, которые бы освещали вопросы крепостного права и земельной собственности. Сказывалось, несомненно, запрещение Министерством внутренних дел после издания в апреле 1842 года закона «об обязанных крестьянах» обсуждать в печати вопросы крепостничества. Подробно исследовавший позицию ВЭО во время подготовки реформы 1861 года советский экономист В.В. Орешкин в своем исследовании «Вольное экономическое общество в России. 1765–1917» (изд-во АН СССР, М., 1963) пишет, что если в «Трудах» и печатались статьи на темы крепостного права, то они в основном отражали идеологию крепостнической части дворянства. Опубликованные во втором томе «Трудов» за 1856 год статьи помещика Е. Ладыженского «Русский помещик» и помещика Г. Бланка «Русский помещичий крестьянин» стали, как отмечает В. Орешкин, знаменем реакционного дворянства.

Основные положения этих статей заключались в следующем. Крепостное право является для России естественным и неизменным, крепостничество должно сохраниться и дальше. Российское крепостничество совершенно не похоже на невольничество или рабство в Азии и Африке. В России не было рабства, а была кабала, которая не давала господину права распоряжаться жизнью холопов. Неимущие сами кабелили себя, чтобы обеспечить себе пропитание, получить землю и работу. Владелец вотчины приобретал вместе с тем права и власть заставлять крестьян работать по своему усмотрению. На этих главнейших основаниях кабальное право в дальнейшем перешло в крепостное. Но если сначала крестьянин по кабальному праву был крепок лицу своего владельца, то впоследствии, когда указами 1592 и 1597 годов был запрещен переход от одного владельца к другому, крестьянин становился крепким к земле.

Бедность крестьян, их бесправие, всевластие и своеволие помещиков авторы статей объяснили поведением и нерадением самих крестьян, их ленью, пьянством, неумением рачительно хозяйствовать. Характерно, что Г. Бланк рассматривал отношения между крестьянами и помещиками как патриархально-семейные, основанные на обоюдной выгоде и пользе, крестьяне благодетельствованы помещицъей заботой о них. Выполняя земельные и государственные повинности, отбывая рекрутскую службу крестьяне исполняют свой общественный долг, защищают царя и отечество. Земля и труд крепостных крестьян являются поэтому безусловной монопольной собственностью дворянства.

Вопрос об освобождении крестьян стал обсуждаться в печати открыто после опубликования в ноябре 1857 года рескрипта Александра II к губернатору прибалтийских губерний Назимову с требованиями образования губернских комитетов по освобождению крестьян. В «Трудах» ВЭО поя-

вилось несколько материалов с различными точками зрения по этому вопросу, особое внимание было уделено формам крестьянского землевладения после их освобождения. В их числе отмечались общинное землевладение, хуторское и фермерское, но предпочтение отдавалось обычно общинному, хотя его роль в развитии сельского хозяйства крепостниками и демократами оценивалась различно. Характерно, что многие авторы статей в «Трудах» ВЭО, лекторы организуемых им публичных лекций продолжали выступать за сохранение крепостных отношений. В их числе был заведующий кафедрой сельского хозяйства Петербургского университета профессор земледелия А.В. Советов, председатель I отделения Общества. Вместе с тем в работе В. Орешкина сообщается о письме от 10 мая 1855 года вице-президента Общества князя Долгорукова управляющему отделом царской канцелярии «Об изысканиях относительно устройства сельского управления в помещичьих имениях». В письме предлагалось начать через ВЭО сбор сведений об устройстве управления имениями, распределении сельских работ, разделе между крестьянами участков земли, раскладке крестьянских повинностей. Это, по мысли Долгорукова, дало бы возможность основательно судить о мерах, необходимых для дальнейшего развития благосостояния этой важнейшей части народонаселения. Письмо свидетельствует о том, что у либеральных кругов ВЭО сложилось понимание того, что необходимо глубокое исследование крестьянского вопроса с целью лучшей, с точки зрения либерального дворянства, подготовки его решения. Царское правительство, заключает В.В. Орешкин, категорически отвергало это предложение.

В 1858 году в четвертом томе «Трудов» ВЭО была опубликована статья, автор которой предлагал освободить крестьян от личной зависимости от помещиков, передать крестьянам за выкуп землю усадебных наделов, также за выкуп на-

делять их пахотными землями и луговыми угодьями. Эта статья более радикальна, чем опубликованный в июле 1857 года проект освобождения крестьян, составленный министром внутренних дел С.С. Ланским по указанию Александра II. В этом проекте крестьяне освобождались от личной крепостной зависимости, получали за выкуп усадебную землю, но сохраняли право пользоваться помещичьей землей за барщинные или оброчные повинности. И все же ВЭО не поддержало своего члена А. Жуковского, предложившего в феврале 1858 года провести конкурс на лучшее сочинение «по предмету освобождения крестьян из крепостного сословия». Реакционные круги ВЭО отклонили это предложение, опасаясь появления нежелательных для правительства проектов крестьянской реформы. Но в первом томе «Трудов» ВЭО за 1858 год помещена редакционная статья «О разделе земли», в которой приведены высказывания многих французских историков и экономистов о благотворном влиянии на развитие земледелия собственности на землю и личной свободы, которым особо отличалась мелкая частная собственность на землю. Автор статьи отмечал, что у крестьянина силы удваиваются от прикосновения к земле, сделавшейся его собственностью. «Малая собственность будет оплодотворять землю, заставляя ее производить наибольшее количество произведений, благодаря сильному и разумному труду»*.

В самые последние годы подготовки отмены крепостного права в «Трудах» ВЭО публикуются статьи о реформах в сельском хозяйстве зарубежных стран, в сравнении с которыми делаются выводы применительно к российским условиям. Так, Х. Козлов в статье «О фермерском хозяйстве в Северной Америке», помещенной в первом томе «Трудов» ВЭО за 1860 год, писал «что освобождение крестьян от крепостной

* См. В.В. Орешкин. Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. Изд-во АН СССР. М., 1963. С. 93–109.

зависимости произведет в России совершенной переворот в сельском хозяйстве, равно и в домостроительстве больших и малых поместий», что реформа даст толчок развитию новых видов сельскохозяйственных культур, главным образом технических, сделает более выгодными способы управления имениями, которые будут идти более рациональным, более промышленным образом.

Как видим, в публикациях ВЭО отразилось неоднозначные взгляды на дальнейшее развитие сельского хозяйства, сложившиеся в дворянской среде. Но стоит все же согласиться с выводом В.В. Орешкина, что расхождения между крепостниками и либералами скорее напоминали дискуссию по вопросам дальнейшего развития помещичьего хозяйства, способов и методов сохранения в государстве господствующих позиций дворянства.

* * *

В соответствии с положениями нового Устава на чрезвычайном общем собрании Общества 18 апреля 1859 года был избран новый президент Общества академик, действительный статский советник Александр Федорович фон Миддендорф. В отчете о действиях ИВЭО за 1859 год отмечается, что избрание это было весьма знаменательно по единомыслию участников собрания, так как новый президент был избран подавляющим большинством голосов, почти единогласно. «Выбором этим, — читаем в отчете, — Общество доказало, как высоко ценит оно личные ученые заслуги, как живо сознает необходимость сближения практической стороны сельского хозяйства и промышленности с благотворным светом науки».

Принц П.Г. Ольденбургский по просьбе Совета от имени всего Общества принял звание почетного президента. В отчете общего собрания Императорского вольного экономи-

ческого общества 2 мая 1859 года об этом событии сказано следующее. Президент А.Ф. фон Миддендорф довел до сведения собрания, что Совет Общества, в бывшем своем составе до выборов, проходивших 18 апреля, входил с покорнейшею просьбою к его Императорскому Высочеству принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому о благосклонном принятии его Высочеством на себя звания почетного президента Общества, по силе § 8, высочайше дарованного нового устава, вследствие чего Совет удостоился получить рескрипт его Императорского высочества от 2 мая следующего содержания:

«По желанию, изъявленному мне Советом сим от имени Императорского вольного экономического общества, я с удовольствием принимаю на себя — на основании § 8 Высочайше утвержденного ныне Устава, — звание Почетного президента Общества.

Да осуществляются и искренние мои желания и отрадные для меня надежды, чтобы отныне, — при просвещенном руководствовании президента, приобретшего известность на поприще ученом, и при единодушном содействии не только Совета, но и всех членов, — Общество благоуспешно стремилось, к достижению высокой, предназначенной ему общепольной цели, и содержалось достойным высочайших попечений ныне благополучно царствующего государя императора, даровавшего оному новый Устав, как залог драгоценный его к Обществу милости».

Собрание, читаем далее в отчете, выслушав рескрипт сей с чувством глубочайшего уважения и живейшей признательности, единогласно поставило: поручить Совету принести Его Императорскому Высочеству от имени всего Общества благодарственный адрес, как за все попечения, коими Его Высочество изволил благосклонно удостоивать Общество, в течение столь многих лет, в звании Президента, на основании прежнего Устава, быть и впредь в качестве почетного

президента покровителем Общества и ходатаем за него пред престолом монаршим, не лишая Общество счастья иметь и впредь в главе своей правнука мудрой основательницы оною, Императрицы Екатерины II.

На посту почетного президента принц П.Г. Ольденбургский оставался до 12 апреля 1862 года. На состоявшемся в тот день общем собрании Общества было зачитано его письмо на имя тогдашнего президента Е.П. Ковалевского следующего содержания: «Милостивый государь Евграф Петрович. Значительно увеличивающиеся служебные занятия мои побуждают меня ныне сложить с себя звание почетного президента Императорского вольного экономического общества, о чем я предоставляю себе довести до высочайшего государя императора сведения. Расставаясь с Обществом, которого я имел честь быть президентом в течение 20 лет, обязываюсь покорнейше просить ваше высокопревосходительство передать г.г. членам оною искреннее мое желание, чтобы на будущее время, усердные, единодушные, — под просвещенным и благонамеренным руководством вашим, действия Общества на существенную пользу России были благоуспешны и приобрели ему полное доверие и признательность соотечественников».

В журнале общего собрания от 12 апреля 1862 года отмечено, что общее собрание изъявило крайне свое сожаление при таком известии и постановило поручить Совету составить и поднести адрес П.Г. Ольденбургскому от имени Общества.

Василий Кокорев: пора домой!*

По поводу экономических воззрений В.А. Кокорева

Мало в истории России найдется предпринимателей, которые могли бы быть поставлены вровень с Василием Александровичем Кокоревым. Имея малое образование и небольшой чин, он тем не менее сыграл в экономической жизни России весьма заметную роль. Его предпринимательская деятельность изумляла современников энергией и размахом, богатство же достигало временами невероятных размеров. Ему принадлежали заводы и гостиничные комплексы, железные дороги и пароходства, банки и страховые компании, нефтепромыслы и даже телеграфные агентства. Плоды его неутомимых трудов были разбросаны по всей России.

Кокорев умел и любил рисковать, и никто бы не смог упрекнуть его в отсутствии ума и фантазии. Среди осуществленных им проектов был целый ряд имеющих международный масштаб, и почти всем его начинаниям подходили определения: «первый» или «впервые». Он раздражал, удивлял, восхищал. К его советам прислушивались, его предложения широко обсуждались, популярность же была настолько велика, что по этому поводу появилось даже особое четверостишие:

«Кокорев! Вот имя славное.

С дней откупов известно оно у нас,

— весь край в свидетели зову;

в те дни и петухи кричали повсеместно: Ко-ко-ре-ву!»

Глядя на широту и удачливость предпринимательских устремлений Кокорева, обыватели часто указывали на него как на кандидата в министры финансов. Современник Кокорева, К. Скальковский, знающий его, был уверен, что из него вышел бы «превосходный министр русской торговли и про-

* Вступительная статья к книге: В. Кокорев. Экономические провалы. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2002.

мышленности». И жалел, что его не сделали «хотя бы членом Государственного совета».

Имя Кокорева упоминается в произведениях многих писателей. И никогда — с равнодушием. Герцен звонил о нем в «Колоколе». Некрасов вывел его Саввой Антихристовым в поэме «Современники». Добролюбов любил склонять имя Кокорева в своих желчных статьях. У Достоевского найдем его в романе «Подросток». У Лескова — в повести «Овцебык», где хозяин разбойного двора хвалит водку: «У нас, брат, дорогая, кокоревская: с водой, да со слезой, с перцем...» В «Чертогоне», другом произведении Лескова, где речь идет о купеческом загуле в ресторане «Яр», некоторые критики даже признают Кокорева за одно из действующих лиц...

За неподдельную любовь к России славянофилы чуть не молились на Кокорева и выдавали его за «русское чудо», западники же и либералы на дух не переносили. Ученые восхищались широтой замыслов «верно зачатых» (Д. Менделеев) кокоревских дел, власти же с беспокойством наблюдали за общественными выступлениями этого неутомимого человека.

По окончании Крымской войны он привлек к себе их внимание устройством торжественных встреч севастопольцев в Москве, на которых московские купцы кланялись в ноги мужественным героям проигранной властями кампании. В предреформенные годы сыграл заметную роль в подталкивании общественного мнения к необходимости освобождения крестьян и не стеснялся при этом водить знакомства с лицами, считавшимися неблагонадежными. Оттого и сам был причислен к таковым. На него в это время даже писались доносы: «В Москве завелось осиное гнездо... Гнездо это есть откупщик Кокорев...»

Игрой своего ума он нередко повергал современников в недоумение. Силу и оригинальность мысли Кокорева смог

оценить знаменитый наместник Кавказа кн. Воронцов, когда искал способы сближения с воинственным населением горных аулов. «А позвольте мне рекомендовать вам один такой способ», — предложил ему тогда Кокорев и стал рекламировать обыкновенный русский самовар, любимый и азиатами. Стоит, мол, ему появиться в мирном ауле, как туда, забыв о воинственных затеях, тотчас станут ездить горцы из аулов немирных, чтобы проводить время в беседах... «Вероятно, — вспоминал потом Кокорев, — высланные на Кавказ 150 самоваров ни в чем не сделали ошибки, потому что через год оттуда последовал более крупный заказ на эту нехитрую вещь».

Как чрезвычайно умного человека, способного найти нестандартное решение, выставляет Кокорева в своей известной книге «Замечательные чудачки и оригиналы» и писатель М. Пыляев. Он рассказывает, как на одном из собраний после долгих прений о мерах помощи голодающим крестьянам северных губерний решили спросить и о его мнении. В ответ же услышали неожиданное: «Никакие меры из предложенных и никакие миллионы не спасут Север... Единовременная помощь бесполезна, систематическая невозможна. На систематическую не хватит денег, от единовременной, если ее не украдут по дороге, мужик забалуует. Вы спросите, что же делать? — А купите ружей, пороху и дробь — вот и все. Это поправит их лучше всякой помощи». «Гениальный человек», — только и сказал председатель собрания вслед удалившемуся Кокореву...

Никто из присутствующих не задумался тогда об истоках этой гениальности, между тем они лежали на поверхности. Редкий человек знал нужды России и ее народный характер так же хорошо, как Кокорев. И редкий человек так же сильно, как и он, верил в те простые истины, что спасение России от всяческих неурядиц — дома, в своей же земле, в своих же

людях, в которых следует только познать «свою силу», что все проводимые экономические мероприятия необходимо «согласовывать с потребностями народной жизни» и что только это спасительное согласование и есть верный путь к покойному и правильному развитию страны.

На нашей земле, с горечью отмечал он, еще не образовалась своя экономическая наука, и вместо нее действует какое-то идолопоклонство теориям Запада. И приводил пример с переводчиком, посланным в Европу для помощи в переводе русских экономических статей, которого очень быстро попросили вернуться назад — в Россию. Оказалось, что ничего нового в переведенных им статьях нет и все в них вертится вокруг давно известного в мире.

В полемической запальчивости Кокорев предлагал даже переписать все экономические учебники, заменив содержащиеся в них абстрактные знания знаниями Русского дома и Русской избы. Но, чтобы написать книгу о Русской экономической науке, предостерегал он, надобно предварительно выучиться читать другую многосложную книгу, именуемую «Русская жизнь», листы которой могут раскрыться только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым людям. И в процессе чтения такой книги им сам собой разъяснится коренной для всяких экономических преобразований вопрос о том, что «если деревня богата своими домовными произведениями, тогда и волость богата; а когда все волости богаты, тогда — и только тогда — богата и вся Россия».

Проблемы экономического роста Кокорев увязывал с благополучием каждого российского человека, с процветанием каждой семьи, со справедливым заработком каждого работника. И очень настойчиво он возвращался при каждом удобном случае к мысли о том, что экономические преобразования должны идти от потребностей народа, от сложившейся у него системы ценностей, от его восприятия жизненных

реалий... Отсюда, из этих критериев, по его мысли, необходимо ходить при принятии экономических решений. Здесь, в житейской практике, а не в кабинетах чиновников следует отыскивать ответы на возникающие вопросы.

Обыкновенный русский дом, обыкновенная русская семья со всеми ее потребностями и нуждами — вот та печка, от которой советовал танцевать Кокорев. Вместо выставок всевозможных диковинок он предлагал устроить в России правдивую выставку реальной народной жизни со всеми ее неладностями и неустроенностями. Чтобы у властей была возможность хорошенько рассмотреть ее, чтобы смогли они среди этих неладностей отыскать (и уберечь!) огромное богатство, которому цены нет и на котором стоит Русское государство, — силу духа и терпения русского народа.

Главное, в чем Кокорев хочет убедить, — это то, что корни экономического успеха, благополучия и процветания лежат не в реализации голых реформ, пусть и кажущихся продуманными, но в создании условий, позволяющих проявиться нравственным силам народа. Не в политэкономических витийствах, не в парламентских хитросплетенных речах, не в разнovidных конституциях видит он средство для благоустройства и возвеличения России, но в живущей в простых чистых сердцах Правде Божией.

Все беды, надвинувшиеся на Россию, он прямо связывал с духоугашением русских людей в результате непродуманных действий властей, насилующих и калечащих народную жизнь, забывших завет предков: «Не угашать духа, ибо в нем сила!». Несокрушимые крепости и миллионные армии могут подвергаться поражению, но сильный духом народ — никогда.

Духоугашение, по мнению Кокорева, является великим смертным грехом, ибо чем более гаснет дух народных мыс-

лей, тем более входят в нашу жизнь всякие напасти, тем более входит в нее дух умопомрачения.

Следует, говорит в связи с этим Кокорев, проникнуться сердечным стремлением к тому, чтобы горькое ощущение переживаемой нами постыдной униженности, выражающейся в постоянном подражании чужеземному строю, заменилось ободряющим и одушевляющим наш дух чувством государственно-народной гордости, основанной на успехах самосознательных мероприятий, и чтобы в то же время канцелярская самонадеянность покаялась в своих заблуждениях и освежила свои мысли духом смиренномудрия, способного почерпнуть законодательные ведения не из архивной пыли, а из живого источника народной жизни.

«Канцелярскую самонадеянность» бюрократии Кокорев подвергает в своих рассуждениях беспощадной критике, и, что важно, эта критика целиком применима и к нашим недавним реформаторам с их грандиозными экономическими провалами. Вот некоторые его мысли по поводу людей, незаслуженно прорвавшихся к вершинам власти и использующих эту власть не во благо России. Он называет их фирмой — «Они», мы бы сегодня использовали другой термин — что-то вроде «молодых реформаторов» или «чикагских мальчиков».

Благодаря книжным знаниям «Они» приобрели у нас такое значение, что с самого начала реформ их стали признавать за свежую силу, способную обновить общий строй жизни. Пробравшись в высшие кабинеты и склонив на свою сторону множество влиятельных лиц, «Они» тут же под видом попечения о благе народном насочиняли массу всяких законов. Но либерализм «Их» не был искренним. И первой подкладкой подготовленных «Ими» преобразований было обыкновенное стремление сделать себе карьеру (здесь Кокорев скромно умалчивает о деньгах), другой — желание пощеголять перед Европой появлением в России либеральных

начал. Но, либеральничая для Европы, у себя дома «Они» душили всякое начинание, рассчитывая, видимо, улучшить экономическую жизнь подавлением стремления людей к деятельности. Для уяснения сущности предложений, делаемых русскими предпринимателями, для совета с ними, для продумывания последствий осуществляемых мер у реформаторов не оказалось ни времени, ни желания. Ко всему прочему «Они» водили пером без всякого участия сердца, и оттого 9/10 «Их» бумаг только вредили стране. Не выйди эти бумаги из столицы — сумма жизненных затруднений только бы уменьшилась.

В результате экономическая жизнь страны оказалась оторванной от своего начальства (она даже не знает, кто оно и где находится) и потеряла всякие надежды на удовлетворение своих насущных потребностей. Впрочем, можно ли было и ожидать чего-то иного, если за одно из важных дел для себя «Они» посчитали понижение пошлины на кофе, которое, по их мнению, должно было «развить мозговые силы крестьянина». Полное неведение народной жизни...

Важнейшими вопросами проводимых реформ «Они» сделали вопросы биржевых курсов и внешних займов, руководствуясь здесь указаниями заграничных мудрецов. Но беда в том, что под видом этих мудрецов явились к нам из-за границы одни аферисты, «булочники и парикмахеры», почему-то называющие себя опытными финансистами.

В результате, помимо прочих бед, барометром для определения русской силы сделался лишь биржевой курс. К тому же показания этого барометра берутся теперь из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников преуспевания России. Сами же мы даже и не смеем заикнуться о выходе из этой кабалы, предпочитая увязнуть в долгах. Хотим быть покорными учениками, лишь бы только Запад признал нас достойными своей приязни. Но, сыграв

в дурачки, мы не приобрели ни малейшей его привязанности. Ведь привязанность — плод уважения, а уважение принадлежит только тому, в ком видят самостоятельность.

Получилось, что Запад придавил нас самой ужасной тяжестью — тяжестью кредитного благоволения. Теперь при заключении новых займов он даже требует от нас обязательств: «о невыпуске денежных беспроцентных бумаг» и т. п.

«Они» внушили нам, что при значительном выпуске бумажек наш рубль сильно упадет, и заставили Россию вновь и вновь обращаться за помощью к загранице, хотя и самый простой поселянин понимает, что беспроцентный долг легче, чем требующий уплаты процентов, и притом еще долг заграничный, хотя никто до сих пор и не попробовал определить, что выгоднее: так плохо размещать займы за границей или прибегнуть к выпуску внутренних ценных бумаг?

И что же вышло у «Них»? Рубль все-таки упал. И, не достигнув поддержки рубля, «Они» взвалили на народную спину такой долг по платежу процентов, который поглощает целую треть государственных доходов... Вот вам и плоды «Их» иностранных учений! Поистине, если Бог захочет наказать, то отнимет у людей разум.

Напустив на нас тумана в виде конверсий, консолидаций и девальваций, «Они» уподобили себя финансовым алхимикам, знающим секрет философского камня. Между тем камень этот самый простой — приход, расход, с устранением всего излишнего и ненужного, а затем остаток или недостаток, с покрытием последнего пропорционально на всех раскладкою, сообразно средствам каждого. Что же касается до жизни, то устраивать ее следует так, чтобы все в ней развивало графу дохода и уменьшало графу расхода. Но разве можно такую простую мысль вдолбить в головы финансистов, зараженных каким-то высшим европейским прогрессом. В их головы внедрилось непреклонное упрямство не допускать

действий, основанных на возможности самовозрождения. Всякая полезная русская мысль приносится «Ими» в жертву европейскому идолу.

И причина здесь в том, что в «Них» нет русской жилки и «Они» не верят в Россию. Иначе при свойственных «Им» трудолюбию и настойчивости из «Них» могли бы образоваться полезнейшие деятели для Отечества. «Они» исследовали Европу, «Они» изучили прилежно многое, но не то, что им следовало изучить. Землеведение и Народознание России! Россию они принимают за государство, тогда как она — Вселенная, которую нельзя наряжать в однообразный и тем более чужой кафтан. В таком государстве, как наше, нельзя установить общие правила! К тому же заморские.

Пора домой! Вот что следовало бы «Им» сказать. Пора перестать блуждать вне своей земли! Пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву, ибо ложные экономические воззрения могут разрушить и самые сильные государства.

Вот такие рассуждения русского предпринимателя. Фактура в них — столетней давности, а мысли и выводы — вполне актуальные, аналогии — прямые... Стопроцентное попадание! Читаешь и по каждому абзацу расставляешь знакомые имена. Отчасти это по той причине, что и тогда в экономике России шла мощнейшая структурная перестройка (от феодального земледелия она переходила к индустриальному развитию), отчасти же потому, что в неудачных преобразованиях и мы многократно заталкивали страну в еще более глубокие провалы, чем те, о которых с такой болью предупреждал нас Кокорев.

Обратим здесь внимание на его деликатность. При всей резкости критики вы не найдете у него ни обидных ярлыков, ни грубых ругательств. Только печалование о России.

Он даже не позволил себе обвинить противников в корыстолюбии, обвинении, явно напрашивающемся.

Возможно, что некоторая тенденциозность суждений Кокорева даст основания для причисления его к «квасным патриотам», но это был бы неверный вывод. Да, он, конечно, не западник. Чересчур много говорит о своеобразии России, об отличиях ее от Европы, об особом ее нравственном духе. Но где, скажите, здесь противопоставление России и Запада? Нет, он не противник Запада. Более того, среди его политических кумиров внимательный читатель обнаружит и русского Петра Великого и немца Бисмарка, отнюдь не «квасных патриотов». Цель их была в отыскании достойных мест для своих стран в семье европейских народов, но разве не к этому же сводятся и все устремления Кокорева?

Кто-то, может быть, посчитает Кокорева и консервативом, противником либерализма, сторонником сохранения устоявшихся форм взаимоотношений в обществе. Но и эта оценка окажется однобокой. Да, он сторонник сильного государства, способного защитить свои интересы. Но сильно не воинственностью, но внутренней сосредоточенностью, духом, сплоченностью, мощным великодушием и выразительным безмолвием. Сила России, по его мнению, не в ее проявлении, а в сохранении ее под спудом. России, считает он, нет надобности заявлять себя доказательствами тяготения над Европой и уже совершенно непозволительно ей думать о подкреплении этой силы какими-то союзами. России нужно сосредоточиться на внутреннем обустройстве, освободить жизнь от крайних стремлений, хотя бы патриотических, и расти, расти, чтобы потом, когда уже вырастем в полную величину, без всяких доказательств нашу силу поняли и оценили в Европе. Словом, при внешнем смирении необходимо укрепляться внутренне, изо всех сил создавая плодотворную (т. е. либеральную!) экономическую почву

у себя в стране. И здесь государство должно быть мудрым, заботливым, осторожным по отношению к отечественному предпринимательству. Оно должно ограничивать ввоз в страну того, что можно создавать дома, хотя бы и с приплатою к цене, «дабы дать ход своим произведениям». Оно должно ограничить и чиновничий произвол, вмешательство в хозяйственную деятельность предприятий, дав им возможность свободно развиваться и богатеть.

Таким образом, Кокорева совершенно невозможно уложить в прокрустово ложе категоричных характеристик. Он не святой, не монах, не схимник, и в его рассуждениях можно найти ошибки, но, безусловно, это был человек, любящий Россию. Эта любовь и дает ему возможность выходить за пределы узких рамок экономических теорий и тем самым развивать их. Да, вроде бы дело, переставшее приносить прибыль, следует закрывать. Но это слишком поверхностный вывод для Кокорева. Продолжать или закрывать производство, полагает он, надо с учетом того, чем будет заниматься население этой территории, появятся ли там новые рабочие места. И если после закрытия дела придется тратить больше средств на пособия жителям, то такое решение экономически неэффективно. Экономический вроде бы успех обернется экономическим провалом, подтолкнет население к разорению. И из разорившихся, пропившихся работников явятся в стране «сначала бездомки, а потом безбожники и отчаянные анархисты».

Из этого не следует, что Кокорев — сторонник уравниловки, социального равенства, казенного социализма. Он говорит лишь о том, что следует гораздо бережнее относиться к собранным в Российскую империю территориям, что необходимо содействовать оживлению и развитию экономически отсталых районов, что каждый человек должен иметь работу

и честный заработок, ибо все это выгоднее, чем содержать армии «отчаянных анархистов».

Внимательный читатель заметит, что вообще производство в рассуждениях Кокорева всегда на первом месте. Это — главное, все остальные экономические категории, тоже, конечно, важные, находятся в подчиненном к нему состоянии. «Коли на гумне не густо, так и в кармане пусто» — вот кредо Кокорева. Кто-то захочет здесь возразить и напомнит о созданном им Волжско-Камском банке. Но все дело в том, что банк этот задумывался им не для извлечения процентной прибыли: ростовщичество испокон веков считалось для российских предпринимателей делом греховным. Он задумывался им для содействия развитию производства в русской провинции. Для того, чтобы гумно там не было пусто, для того, чтобы народная жизнь обрела там «хлебное довольство» и «домовные богатства», ибо там, где они не укрепляют сердце человека, там нет и финансовой силы. Так что никакого противоречия здесь нет.

Интересен подход Кокорева к проблемам сельского хозяйства. Прежде всего он удивляется, как это при таком избытке земель и рабочих рук мы ухитрились создать крестьянскую бедность? И, соглашаясь с тезисом о том, что главное наше богатство скрывается в земле, он предлагает сделать ее доступной, а работе на ней придать интерес и выгоду. И путь к этому, по его мнению, прост и ясен: составить карту никем не используемых земель и написать на ней четко глагол, возгремевший в первые же дни мироздания: «Роститесь и множитесь, наследуйте землю и обладайте ею». Правда, уточняет тут же, что нельзя будет обойтись и без дешевого долгосрочного кредита, и без помощи государства в переселении людей в районы с избытком земельных ресурсов...

Многие разочарования от действий властей, кажется, должны были сделать его пессимистом. Но нет. Кокорев ве-

рит в Россию! Жалеет только о слишком дорогой цене, которую пришлось заплатить за урок осознания экономических неудач. «И вот ведь странное свойство России! — удивляется он. — То, что в других государствах могло бы окончательно расслабить народную мощь, у нас, наоборот, поможет ее возродить. Осознанное бессилие, несомненно, подтолкнет нас к обретению новой великой силы!»

Будет ли это так, зависит от нас и от того, в частности, насколько хорошо мы усвоим уроки, преподанные нам обыкновенным русским предпринимателем Василием Александровичем Кокоревым в завещанной им нам книге. Главный из этих уроков совсем не сложен: быть реалистом, быть патриотом и находить ответы на вопросы, поставленные жизнью в самой жизни, — вот высшая правда экономических преобразований.

Константин Кавелин: учитель права и правды*

Jus est ars boni et aequi

Право есть искусство добра и справедливости

Теперь возможно только одно воззрение — национальное, русское, основанное на изучении реальных явлений в жизни Русской земли, русского народа, прошлой и настоящей, без всякой предпосылки...

К.Д. Кавелин

Константин Дмитриевич Кавелин. Он вошел в отечественную историю как «человек 40-х годов» XIX столетия. Вошел как человек мыслящий, ясно видящий Россию и бесконечно ее любящий, как человек, дающий свои ответы на, казалось бы, извечные русские вопросы: кто мы, откуда и куда идем, кто виноват и что делать? Вошел и остался в ней навсегда. Остался вневременным, навсегда востребованным. Остался своим научным наследием, своими мыслями о прошлом России, своим предвидением ее величественного грядущего.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) принадлежит к кругу не слишком богатого, но знатного, старинного русского дворянства. По летописным хроникам известно, что родоначальник рода — Иван Иванович Ковелин (умер около 1660 года) был патриаршим дьяком. По всей видимости, годы его служения приходились на патриаршество Иосифа (1640–1652) и Никона (1652–1666). Потомки Ивана Ивановича писались уже Кавелиными.

Семья славилась талантами: писателями, учеными, церковными и государственными деятелями. Писал сам Кавелин,

* Вступительная статья к книге серии «Президенты ВЭО России»: К.Д. Кавелин. Русский национальный интерес. — М.: Издательский дом «Экономическая газета». 2010 (ссылки даются по этому изданию).

писала его дочь Софья, писал двоюродный брат — архимандрит Лев (1822–1893) — наместник Троице-Сергиевой лавры. Неординарной, известной личностью был один из близких родственников Константина Дмитриевича Александр Александрович Кавелин, с 1842 по 1846 год — генерал-губернатор Санкт-Петербурга, при котором было открыто регулярное движение омнибусов — первого общественного транспорта в России, установлена водокачальная машина, начало свою деятельность Русское географическое общество. В свое время он был директором Пажеского корпуса (1830–1834) и воспитателем императора Александра II. Слыл человеком, ратовавшим за местное самоуправление в России, и немало пострадал за свои убеждения в Николаевскую эпоху: будучи обвиненным в сумасшествии, он оставил пост генерал-губернатора, по сути, за то, что выступил против существующей системы. Считая, что городская дума не должна быть предметом для личного обогащения, он призвал отменить «чрезмерно высокие» оклады городским голове и депутатам. По всей видимости, депутаты и распустили слух о сумасшествии Александра Александровича Кавелина. А когда последний усомнился еще и в самой необходимости поста генерал-губернатора, то в версию о его безумии с радостью поверили уже и представители других официальных структур.

Дмитрий Александрович Кавелин (1778–1851) — отец Константина Дмитриевича, директор Главного педагогического института, переименованного в 1818 году в Санкт-Петербургский университет, приятель В. Жуковского, А. Тургенева, С. Уварова — был в свое время довольно высокопоставленным чиновником, заметной персоной великосветских салонов и уважаемым участником влиятельного литературного кружка «Арзамас» (1815–1818), в котором принимали деятельное участие крупные представители русской культуры и науки — Н. Карамзин, В. Жуковский, сам А. Пушкин, К. Ба-

тюшков, П. Вяземский, А. Воейков, будущие декабристы — Н. Тургенев, М. Орлов, Н. Муравьев. Кружок прославился в свете тем, что здесь талантливой сатирой защищались от консервативных взглядов идеи свободного разнообразия поэтических жанров, сближения литературного языка с разговорным. Мать Константина Дмитриевича — шотландская аристократка Шарлотта Ивановна, в девичестве Белли (1787–1853), была рано осиротевшей дочерью придворного шотландского архитектора, служившего при Павле I. У Кавелиных было семеро детей (Константин Дмитриевич — пятый), трое умерли во младенчестве, четверо достигли зрелых лет. Все дети в семье получили прекрасное воспитание и образование.

Родился К.Д. Кавелин 4 ноября (по новому стилю — 16 ноября) 1818 года в Санкт-Петербурге, родился в один год с императором-реформатором Александром II; со своим будущим сподвижником, активным проводником реформ 60-х годов XIX столетия Николаем Милютиным и другом юности — писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым.

Константин был ребенком впечатлительным, увлекающимся, впоследствии это вылилось в две характерные личностные особенности: добрую, романтическую мечтательность и этакую стремительность, страстность. В раннем детстве Кавелин очень любил мать. Когда ему представлялось (а случалось это нередко), что вдруг мама умрет, то эта мысль ужасно его угнетала, ни с кем он ею не делился и долго плакал от ужаса в своей комнате. Сангвиник по темпераменту, он был довольно резв и шаловлив и в то же время тянулся ко всему таинственному, волшебному, мистическому. Его манило неведомое, чудесное. Он зачитывался балладами Жуковского, своего крестного отца, любил «Громобоя» и «Вадима». Рано стали проявляться у ребенка зоркая наблюдательность, живое остроумие, меткость замечаний, способность само-

го тщательного изучения частностей, порой внешне очень незначительных, усердное преодоление трудностей при исследовании этих мелочей и умение представить полученные результаты в совершенно ясной, лаконичной форме. Уже в 8–9 лет мальчик пристрастился к естествознанию, и отец, Дмитрий Александрович, не раз переводил для него статьи по естественным наукам из многотомной Encyclopaedia Britannica.

За страстную любовь к естествознанию приятель отца князь А. Черкасский прозвал мальчика маленьким Гумбольдтом (Александр Гумбольдт — немецкий ученый-естественник, имя которого гремело в те времена), а дядя его, Владимир Александрович Кавелин, подарил ему несколько позже знаменитые и довольно дорогие «Картины природы» швейцарца Боннета, известного натурфилософа и мыслителя XVIII века.

Первой наставницей Кавелина была его старшая и любимая сестра Софья. Она учила брата русской и французской грамоте. Потом у него появились «невесть какие», но «любившие порой заложить за воротник» гувернеры-немцы да швейцарцы. В 1834 году к 16-летнему Константину были приглашены «репетиторы» — домашние учителя для подготовки к поступлению в Московский университет. Князь А. Черкасский рекомендовал в качестве преподавателя русского языка и словесности, истории и географии В. Белинского. Однако очень скоро выяснилось, что педагог к репетиторству относится без должного усердия, уроки проводит нерегулярно, не имеет достаточных методических навыков. Но сам Константин Дмитриевич придавал большое значение влиянию Белинского на все свое последующее развитие. Позже он вспоминал, что «...учил меня Белинский плохо... предоставил меня собственной судьбе, говоря, что я юноша умный и с учебником справлюсь сам. Но насколько он был плохой

педагог, ...настолько он благотворно воздействовал на меня возбуждением умственной деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам... Вообще отрицательное отношение ко всей окружавшей меня действительности — социальной, религиозной и политической, благодаря Белинскому, во мне засело, хотя в очень наивной, неопределенной и мечтательной форме*.

В конце августа 1835 года К. Кавелин поступил на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета, набрав самое большое количество баллов. Правда, через два месяца, разочарованный уровнем преподавания греческого языка, Кавелин переходит на юридический факультет, где в то время работала целая плеяда молодых, талантливых профессоров, сумевших овладеть умами и сердцами студентов. Особую любовь молодежи вызывал профессор-гегельянец П. Редкин, преподававший энциклопедию законовещения и российские государственные законы.

Примечательный след в душе и уме юного Кавелина оставили также профессора: Н. Крылов — римское право; С. Швырев — русская словесность; известный и поныне М. Погодин — всеобщая и русская история; Д. Крюков — римская словесность. У профессора истории русского права Ф. Мирошкина Кавелин пишет свою первую курсовую работу «Об иностранных колонистах в России».

Первый университетский курс Кавелин заканчивает блестяще: профессор Погодин и много лет спустя помнил исчерпывающие ответы студента Кавелина. Однако напряженные занятия дают о себе знать головными болями, Кавелин вынужден был прервать весенний экзамен.

* Кавелин К.Д. Наш умственный строй. — М., 1989. С. 469.

* * *

В 40-х годах XIX века Московский университет слыл интеллектуальным центром не только Москвы, но и всей России, к нему примыкали появившиеся тогда литературно-философские кружки, участники которых вошли в историю как западники и славянофилы. Споры между ними зачастую разгорались не только в московских литературных салонах, на страницах различных газет и журналов, но и на университетских кафедрах. Кавелин говорил впоследствии, что Московский университет тех лет — тот же «великорусский элемент в новой форме».

Уже со второго курса Кавелин, войдя в салон Авдотьи Петровны Елагиной, по первому браку Киреевской, матери братьев Киреевских, основателей славянофильского направления в русской социально-философской мысли, с головой окунается в царившую там атмосферу бурных споров о путях исторического развития России, об отношении к допетровской старине и европейской цивилизации. В салоне Авдотьи Петровны Кавелин знакомится и сближается не только с лидерами славянофильства А. Хомяковым и К. Аксаковым. Здесь он часто встречается и с их идейными противниками — П. Чаадаевым, А. Герценом, Т. Грановским, становится жадно впитывавшим в себя аргументы сторон свидетелем их горячих дискуссий и полемических суждений. Кавелин еще не определяет своего места среди спорящих, еще не примыкает к тому или иному идеологическому лагерю, но восторгается работой мысли каждого, учится у них трудной науке любви и уважения к истине. Хотя впоследствии Константин Дмитриевич и перешел к западникам, а еще позже дистанцировался и от тех и от других, он все же сохранил до конца дней теплые отношения со многими представителями и славянофилов, и западников.

В 1839 году, учась на четвертом курсе Московского университета, Кавелин пишет по объявленной факультетом теме «О римском владении» диссертацию под руководством профессора Н. Крылова, признанную лучшей. Его награждают золотой медалью и оставляют на факультете для подготовки к защите магистерской диссертации «Об основных началах русского судоустройства от Соборного Уложения до Учреждения о губерниях (1649–1775)», исчерпывающие материалы по которой были собраны к 1842 году — году окончания университета.

В 1839–1842 годах Кавелин продолжает поддерживать тесные отношения со славянофилами. На вечерах у Хомякова охотно читает отрывки из своей диссертации, делится мыслями о продуманном и задуманном, но постепенно все более и более отходит от своих «вчерашних» авторитетов, теснее сближается с западниками, дружит с Чаадаевым, активно сотрудничает с Тимофеем Николаевичем Грановским, возглавлявшим с 1839 года кафедру всеобщей истории Московского университета. Грановский сыграл огромную роль в научном становлении Кавелина. Их обоих считают родоначальниками государственной школы в отечественной истории, обосновавшей идеи о государстве как движущей силе русской истории, об отличительных особенностях исторического пути России, об ограниченной роли личности в русской истории и о противопоставлении активного начала власти пассивному началу народа. Кавелин страстно мечтает о профессорской карьере, желает вместе с Грановским трудиться в Московском университете. Однако...

Однако ему приходится по окончании университета в 1842 году переехать в Петербург, где помимо своей воли он поступает на службу в Министерство юстиции. Причина переезда проста. Семья Кавелина, и особенно мать, противилась университетскому выбору сына, считая профессор-

ство занятием разночинским, недостойным, унижающим честь и высокородство потомственного дворянина. Константин Дмитриевич, конечно, переживал из-за этого, он писал в 1842 году сестре Софии, что «карьера ученого, которая так приветно и радостно улыбалась мне и от которой я оторван так глупо и безжалостно, — все это убивает меня так, что и не знаю, как я до сих пор не сошел еще с ума...»^{*}.

В Петербурге Кавелин сближается с кружком своего бывшего репетитора — Виссариона Григорьевича Белинского, активно сотрудничает со знаменитыми столичными западниками — Н. Некрасовым, И. Панаевым, И. Тургеневым, авторитет которых, видимо, серьезно влияет и на умонастроения самого Кавелина. В его мировоззрении все больше и больше утверждаются западнические представления о будущем России.

Одновременно с участием в кружке Кавелин завершает работу над магистерской диссертацией, блестяще защищает ее в 1844 году в Московском университете и получает приглашение на должность адъюнкта при кафедре истории русского законодательства. Стремившийся к профессорству еще со студенческих лет, Кавелин преодолевает сопротивление матери и поступает на кафедру. Шарлотту Ивановну удалось убедить в том, что, работая по призванию, он будет не только бесконечно благодарен родителям и счастлив сам, но и сможет принести ощутимую пользу Отечеству.

* * *

Деятельность Константина Дмитриевича в Московском университете была чрезвычайно плодотворной как для отечественных истории, юриспруденции, так и для русского просвещения в целом. Студенты и вольнослушатели восхи-

^{*} Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. № 6. С. 469.

щались его лекциями. К. Бестужев-Рюмин был очевидцем, как старшекурсники встречали Кавелина аплодисментами. Примечательно, что большинство его студентов хотя и принадлежало к помещицкому сословию, впоследствии оказалось в числе активных участников крестьянской реформы 1861 года.

По воскресеньям Константин Дмитриевич устраивал для студентов научные беседы: объяснял направления работы, снабжал источниками, а двум наиболее ярким ученикам — Афанасьеву и Егунову — положил начало научной деятельности. А. Егунов стал оригинальным статистиком, написавшим несколько работ о торговле в Древней Руси, о взаимовлиянии цен на хлеб и местных условий, экономического быта. (Как и сам Кавелин, впоследствии он стал активным сотрудником Вольного экономического общества — в 1888 году Егунова избрали товарищем председателя Отделения политической экономии и сельскохозяйственной статистики.) А. Афанасьев стал известным собирателем русских народных сказок и авторитетным исследователем отечественного фольклора, русского народного быта. Но, пожалуй, самым талантливым учеником Кавелина (а позднее и его соратником) был Борис Николаевич Чичерин — историк-государственник и публицист. Его перу принадлежит первое на русском языке систематическое описание государственного устройства Англии и Франции. Он отмечал, что курс Кавелина в университете «был превосходен во всех отношениях, и по форме, и по содержанию»*.

По воспоминаниям современников известно, что Константин Дмитриевич как бы «притягивал» к себе людей. Его внешность располагала к этому, от него веяло открытой, искренней, сердечной теплотой. Был он жив, прост, непо-

* Чичерин Б.Н. Воспоминания (Москва сороковых годов). М., 1992. С. 33–34.

средственен. В нем замечали удивительное сочетание ума и сердца, что невольно просвечивалось в разговоре. Писал он живо и интересно, но его слог меркнул по сравнению с устной речью: живость и ясность ума Константина Дмитриевича как бы озаряли собой собеседника, отдавали ему «частицу... духовных сокровищ, а нежное, исполненное глубокого чувства сердце, невольно находило себе отклик в сердце говорившего с ним»*.

Умел Кавелин вести спор и всегда с уважением относился к противнику. В совершенстве владея русским языком, он чрезвычайно ясно излагал и развивал свою мысль, а в доказательствах любил прибегать к примерам и из повседневной жизни, и из истории. Он точно улавливал суть вопроса, по которому шел спор. Если же замечал в собеседнике неуважительное отношение к своим идеям и их доказательствам, то не просто начинал раздражаться, а становился неумолим в едких фразах и часто совсем разрывал отношения с таким человеком...

А вот о себе Кавелин говорил неохотно. Его приходилось «выводить» на подобные разговоры. Не любил он и юбилеев, всяких «чествований» и «манifestаций» в свой адрес, чувствовал себя на них «лицедеем», «вороной в павлиньих перьях». Парировал при этом: «Да мимо идет меня эта горькая чаша и смешная комедия!..» Не умел Кавелин и льстить, всегда подчеркивал: «Поверьте мне в одном... я никому, никогда, ни в чем не льстил и не льщу...»**

Четыре года московского профессорства Кавелина были счастливыми для него годами. Счастливыми и в семье, и в науке. В 1845 году он женится на Антонине Федоровне Корш — сестре известных публицистов и литераторов Е. и В. Корш, подарившей ему любимого сына Дмитрия и любимую дочь

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 10. С. 741.

** Там же. 1886. № 11. С. 178; 1888. № 5–6. С. 47–48.

Софью, вышедшую позже замуж за художника П. Брюллова, даровитого племянника знаменитого Карла Брюллова, и оставившего после себя, может быть, один из самых замечательных живописных портретов Константина Дмитриевича.

В науке Кавелин продолжает свои исследования по теории исторического развития русской гражданственности, вопреки славянофилам доказывает, что весь русский общественный и государственный быт изначально «строился» не на общинных, а на «домовых», патриархальных, кровнородственных связях и отношениях. Именно эта теория «домового» быта была развита в «государственную школу» в русской историографии, а ее тезисное изложение в публичных выступлениях автора ставит его имя рядом с именем Грановского, привлекает благожелательное внимание к Кавелину прогрессивной, критически мыслящей России. «В то же время, как зарождалось у нас славянофильство, зарождался и противоположный взгляд на прошедшее и настоящее России. Это был взгляд... — писал Валериан Майков, — который сначала произвел такой же ропот в науке, как сочинения Гоголя в искусстве, но который мало-помалу делается господствующим. В последнее время представителями его являются профессора Московского университета господина Кавелин и Соловьев, которым, может быть, суждено сделать для русской истории то же, что сделал Гоголь для изящной литературы»*.

Идеи, положенные Кавелиным в основание своего курса по истории русского законодательства, были развиты им в знаменитой работе «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), опубликованной в журнале «Современник». Работа, которую В. Белинский назвал «гениальным взглядом», принесла автору такую славу, что сразу же выдвинула

* Майков В.Н. Литературная критика. — Л., 1985. С. 47–48.

его в ряды передовых мыслителей своего времени. Статья не просто оживила общественный дискурс того времени, она резко усилила спор между западниками и славянофилами. Почему? Чем характерен был кавелинский взгляд? Пожалуй, тем, что Кавелин впервые в истории русской школы социально-экономической и философской мысли анализирует, как реально развивались формы общественной жизни вплоть до XVIII века, подробно рассматривает те факторы, которые на них влияли, и как, собственно, сформировалось то общество, которое обрела Россия в XVIII веке. И может быть, еще и потому, что в работе «Взгляд на юридический быт древней России», синтезирующей традиции русской мысли с реалиями российской действительности, полнее всего выражена убежденность Кавелина в важности постепенного, ненасильственного, гармоничного улучшения всех сторон самобытной русской жизни. На фоне этого синтеза и прорисовывался тот исконно кавелинский, совершенно особый взгляд на русский национальный интерес. «Множество «взглядов на русскую историю» брошено, множество «теорий русской истории» построено... На древнюю русскую историю смотрели с точки зрения истории всех возможных восточных и западных, северных и южных народов, и никто ее не понял, потому что она в самом деле не похожа ни на какую другую историю», — подчеркивал автор*.

Эта непохожесть, как он показал, ярко проявилась в государственном устройстве России. Кавелин, может быть, единственный в свое время ученый, который убедительно доказал решающую роль самодержавного государства в русской истории, подчеркнул значимость самодержавия не просто в борьбе за независимость и существование русского государства, сохранение русского народа, но и рассмотрел

* Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России. С. 251.

самодержавие как основное, главное и необходимое условие существования на исторической карте мира самой России, самого русского народа. В этом была его принципиальная позиция. Позиция смелая, открытая, обоснованная историческими реалиями и вовсе не идущая вразрез с идеями демократии, либерализма, конституционного парламентаризма, а, напротив, впитывающая в себя эти идеи, органично соглашающаяся с ними, но при условии определенного этапа исторического развития страны, мирного вызревания в ней всех необходимых для этого предпосылок. Кавелин ярко показывает историческую роль самодержавного строя и уже отсюда делает вывод о том, что русское самодержавное государство явилось для своего времени высшей формой общественного бытия в жизни России. Именно это как раз было главным и в кавелинском понимании исторической логики России, и в его методологии ее познания, поиска путей усовершенствования русской жизни. (Основные положения работы «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелин затем развивает в своих произведениях — «Мысли и заметки о русской истории» в 1866 году и работе «Краткий взгляд на русскую историю» (опубликованной лишь в 1887 году.) Такая принципиальная научная позиция ученого существенно отличала его и от западников, и от славянофилов.)

Можно, конечно, особенно сегодня, спорить, не соглашаться с кавелинским пониманием самодержавного государства как исторически обусловленного объективного продукта, как исторической ценности и необходимого для своего времени условия существования и сохранения России. Но ведь сама ее история красноречиво говорит об обратном. И здесь, кстати, в этой области голос Кавелина напрямую перекликается со многими наработками российской школы социально-экономической мысли, удивительно созвучен с идейной то-

нальностью работ ее исходных основателей — Ю. Крижанича, И. Посошкова, А. Болотова, Н. Мордвинова, А. Шторха.

Во время своего профессорства в Московском университете Кавелин сближается с А. Герценом, которого наравне с Белинским и Грановским называл своим «воспитателем», дружбой которого он дорожил и откровенно признавался, что «...я связан с тобою тою связью, которая не прерывается даже тогда, когда мнения расходятся.., что «...мне кажется, я и теперь могу проследить и ощупать жилы и нервы, образовавшиеся в моем характере под твоим влиянием, в которых ты живешь во мне...»*. Однако стоит заметить, что столь теплая и искренняя привязанность внезапно и стремительно закончилась в 1862 году полным разрывом, после выхода в Берлине кавелинской работы «Дворянство и освобождение крестьян». Герцен не только не разделил позицию Кавелина о нецелесообразности «срочного» введения конституционных начал в России, но и призвал его «покаяться» в своем «горячем оптимизме» по отношению к дворянам как прогрессивному сословию русского общества.

Профессорство Кавелина в Московском университете закончилось неожиданно. Ученый вынужденно оставил университет изза конфликта с профессором Никитой Ивановичем Крыловым, ставшим родственником Кавелина: у известных литераторов и публицистов — Евгения Федоровича и Валентина Федоровича Корш были две прекрасные сестры — Любовь и Антонина. На старшей, Любви, был женат профессор Крылов, а на младшей, Антонине, — Константин Дмитриевич. Но кумир студенческих лет Кавелина, профессор Крылов, в семейной жизни оказался деспотом и самодуром. Он, напиваясь, нередко избивал жену, которая в момент очередного припадка супруга убежала к молодым

* Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Сбор. соч. СПб., 1897–1900. Т. 1. С. XXII.

Кавелиным, ища поддержки и защиты. Дело дошло до того, что Константин Дмитриевич вынужден был поставить на факультете вопрос о безнравственном поведении Крылова, которое несовместимо с высоким званием профессора Московского университета. Мнения на факультете разделились. Крылов в отместку пишет письмо к министру народного просвещения графу С. Уварову, представив скандал в университете как спланированную и организованную либеральной профессурой во главе с Кавелиным против него кампанию. Семейный конфликт приобрел общественный резонанс, за ним следила вся Москва, и далеко не все одобряли Кавелина — так, его талантливейший ученик Б. Чичерин говорил, что Кавелин «кипятится больше всех»*. Известный своей консервативностью Уваров не без некоторых колебаний принял сторону Крылова. Кавелин, а вслед за ним и другие прогрессивные профессора, в числе которых П. Редкин и Т. Грановский, ушли в отставку.

* * *

Скандал вынуждает Кавелина переехать с семьей в Санкт-Петербург, где с 1848 по 1850 год он занимает место редактора в городском отделе хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. С 1850 по 1853 год он служит начальником учебного отделения в штабе военноучебных заведений под начальством Я. Ростовцева; с 1853 по 1857 год начальником отдела в Канцелярии Комитета министров. Здесь он сближается с выдающимися политическими и общественными деятелями эпохи великих реформ. Друзьями Кавелина становятся братья Милютины — Дмитрий и Николай, разработчики соответственно военной и крестьянской реформ. Также Константин Дмитриевич сближается с К. Гротом,

* См.: Российский либералы / под ред. Б.С. Интенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 62.

Ю. Самариным и другими видными деятелями грядущих реформ 60х годов XIX столетия. Благодаря дружбе с Э. Раден, фрейлиной великой княгини Елены Павловны, и своим прогрессивным взглядам на крестьянский вопрос Кавелин становится известен при дворе великой княгини, пользуется ее вниманием и расположением.

В эти же годы он вступает в Императорское Русское географическое общество. И почти одновременно принимает должность неперменного секретаря Императорского Вольного экономического общества. И в том и в другом обществе в 40–50-е годы XIX столетия активно (но не открыто) обсуждался вопрос об отмене крепостного права: в Географическом обществе почва подготавливалась в форме сбора, обобщения и анализа этнографических и статистических данных о крестьянском быте; в Экономическом обществе — в виде распространения в печати основ организации «рационального ведения сельского хозяйства».

Как член Географического общества Кавелин публикует в его изданиях ряд статей о природе и коренных чертах русского народного быта. В Экономическом обществе — всецело занимается крестьянским вопросом, изучает его не только с теоретической стороны, но и привлекает в ход своих научных размышлений собственный опыт практического хозяйствования на земле, чему он отдавался с большой охотой и неизменным исследовательским интересом. В имениях семьи Кавелиных — в Тульской и Самарской губерниях — он улучшает быт крестьян, вынашивает проекты усовершенствования их положения, ведет переписку с управляющими.

Крестьяне отвечали ему признательностью и уважением. В сельце Иваново валом валили к нему мужики и бабы с детишками в дни приезда его «на лето». И «разговоры разговоривали» до глубокого вечера, и сумерничали вместе. Проявляя участливость «покавелински», он кому достроить

избу поможет, кому одежду справить на зиму, кому детишек на ноги поставить, а кому и ссудить на «завод» коровушки-кормилицы, рабочей лошадки в хозяйстве.

Заботился он о «мужицких» детях: завел в с. Иваново школьное обучение грамоте, лично приобретал школьные пособия, вплоть до разных физических и геометрических приборов, экспонатов для естествознания. Не было в его поведении ничего показного, барского. Был он искренним и попечителем, и охранителем. И заботился не только о материальном. Образовал, например, при сельской церкви хор, который вскоре стал показательным в округе.

Любил Кавелин русскую деревню. Не потому ли и Россию-то называл посвоему, по-кавелински — «мужицким царством». В крестьянстве, утверждал Кавелин, «ключ нашего национального существования», в нем — «разгадка всех особенностей нашего политического, гражданского и экономического быта... от материального, умственного и нравственного состояния нашего крестьянства зависели и будут зависеть успехи и развитие всех сторон русской жизни»^{*}.

Кавелин одним из первых отечественных ученых всерьез взялся за всестороннее исследование сельской общины, по своему доказал, что она является главнейшей несущей опорой социальной и экономической устойчивости России, что ее разрушение разрушит вековые обычаи крестьянского мира, вызовет упадок экономики и падение самого русского государства. Исходя из этих убеждений, Кавелин выступал против личной собственности крестьян на землю, считая, что она приведет к их массовому обнищанию. Он предлагал передавать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи, а выделение земли, по его мнению, должно осуществляться строго в рам-

^{*} Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос. Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян. СПб., 1882. С. 190.

ках уже существующих общин — коллективных владельцев земли.

В отличие от западников, считавших крестьянскую общину препятствием к экономической свободе и прогрессу, Кавелин выступал за ее сохранение, видя в ней способ «уравновесить частную собственность на землю», монопольное господство которой может привести к классовой вражде и общественной анархии. Вместе с тем Кавелин выступал за отмену уравнительного землепользования и земельных переделов внутри общины, отстаивал необходимость свободного развития крестьянского хозяйства на основе пожизненной аренды земли. Сочетание личной и общинной собственности на землю Кавелин считал важным условием обеспечения экономического прогресса страны, гарантией против пролетаризации крестьянства, средством сохранения социальной стабильности.

В русской сельской земельной общине он видел самобытную форму землевладения, не только не исключаящую параллельного с нею частного землевладения, но и не поглощающую индивидуальности в самих членах общины. С его точки зрения, община предназначена спасти русского крестьянина от нищеты и люмпенизации. Кавелин полагал, что многие «негативные» черты общинного землевладения, в которых иные критики общины видят исчерпывающие доказательства ее несостоятельности и вреда, вызваны лишь административными и фискальными повинностями, возложенными на общину извне, что они вовсе не составляют ее отличительных свойств, не вытекают из ее сущностной природы. Он считал общинное землевладение эффективной альтернативой западному варианту частной собственности на землю, который принесет лишь вред России. Общинное владение землей, по Кавелину, не мешает, а, наоборот, спо-

способствует созданию самых благоприятных условий для российского сельского хозяйства.

Кавелин считал, что личная собственность и личное начало, безусловно, являются источником прогресса и развития. Но в то же время все это, по Кавелину, становится «началом гибели и разрушения, разъедает общественный организм, когда в крайних своих последствиях не будет умеряемо и уравновешено другим организующим началом» — общинным, которое надо только привести к его исконным юридическим формам, адаптировать к развитой и граждански самостоятельной личности крестьянина, для чего необходимо освободить общинное землевладение от несвойственных ему, «внесенных» извне административных напластований, а также вырастить русского крестьянина в образованную, развитую, самостоятельную личность.

Вместе с этим Кавелин доказывает утопичность социалистических теорий достижения социального равенства путем ликвидации частной собственности. В праве собственности он видит залог свободы человека. По Кавелину, революционна-насильственная отмена права собственности и наследства противоречит «закону свободы», не решает проблемы социального неравенства, корни которой лежат в неравенстве людей между собой со дня рождения по их физической природе, умственным и другим способностям.

Для решения крестьянского вопроса Кавелин настаивает на необходимости улучшения условий торговли, транспортировки сельскохозяйственных товаров, упрощения механизмов кредитования, развития артелей в деревне, широкого распространения сельскохозяйственных знаний. Главной целью всех этих мероприятий, по Кавелину, должно стать сближение сословий, что и обеспечит мощь и внутреннее процветание государства. Состояние крестьянства и богатство страны он ставил в прямую зависимость, считая, что

нравственный и материальный успех России прежде всего зависят от соответствующего действительным потребностям страны разрешения крестьянского вопроса. «Вся будущность России, ее внутреннее спокойствие, ее богатство, просвещение, свобода, прогресс и вместе внешнее ее величие — все это лежит в правильном и справедливом решении аграрного вопроса, который у нас нынче на первой очереди»*.

Крестьянский вопрос настолько волновал Кавелина, что в начале 50-х годов он составляет специальную «Записку об освобождении крестьян», окончательная редакция которой относится уже к 1855 году.

Эмоциональный настрой «Записки...» наверняка определялся «всеобщей радостью» после смерти императора Николая I. В своем письме Т. Грановскому от 4 марта 1855 г. Кавелин писал: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30 лет, вырезавший лицо у мысли, погубивший тысячи характеров и умов... Это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры околел... Если бы настоящее не было так страшно и пасмурно, будущее так таинственно, загадочно, можно было бы с ума сойти от радости и опьянеть от счастья»**.

Будущее. «Туманное» и «загадочное». Его хотел предугадать, предопределить Кавелин своей «Запиской», опасавшийся приверженности нового императора крепостному праву. Его, светлое будущее, хотел связать Кавелин со справедливым решением крайне болезненного для России крестьянского вопроса.

«Записка...» фиксирует размышления Кавелина о происхождении и сущности русского крепостного права, отражает его понимание крепостничества не только как безгранич-

* См.: Кавелин К.Д. Разговор // Сбор. соч. СПб., 1897–1900. Т. 2. С. 1011.

** Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 607.

ной, а порой и жестокой власти крепостника над крепостным, но и раскрывает кавелинскую трактовку крепостного права как фундаментальной основы всего общественного бытия и Московского Царства, и современной ему, Кавелину, Российской империи. В «Записке...» автор излагает свою оригинальную концепцию «генезиса» государственного и частного крепостного права от его зарождения до конечного исчезновения по мере, во первых, прохождения Россией открытого самодержавием цикла «освобождений» от крепостничества, начатого еще Петром Великим; и во вторых, все более полного освоения российским народом основ и принципов гражданственности, постепенно вызревающей вслед за этими «освобождениями». Анализ современного «Запискам» состояния крестьянского вопроса заставил Кавелина прямо высказаться за полное уничтожение всех видов государственного крепостного права, потребовать давно назревшего освобождения крестьян с землей за выкуп крестьянских наделов у помещиков при активном содействии и помощи государства.

«Записка об освобождении крестьян» хотя и расходилась первоначально лишь в рукописных списках, но сразу же «сделала» Кавелину политическое имя, сыграла большую роль и в его личной судьбе, и в подготовке Крестьянской реформы 1861 года. Подписанный императором Александром II 19 февраля 1861 года Манифест об отмене крепостного права и Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости содержали основные идеи, которые Кавелин изложил в своей работе.

* * *

В 1857 году, при участии великой княгини Елены Павловны, К.Д. Кавелина приглашают преподавать русскую историю и гражданское право наследнику престола старшему

сыну императора Александра II — Николаю Александровичу. Не «стремглав», не в головокружении от высоты должности и от возможных материальных выгод соглашается Кавелин на столь высокое служение: «Я ставил вопрос так: призвание мое не только лестно для моего самолюбия, выгодно в материальном отношении, но — что гораздо всего этого важнее — это поприще такое, на котором я служу России и призываюсь к участию в будущих ее судьбах. Чем важнее пост, тем он и ответственнее. А это-то меня и пугает страшно, так что я теперь почти раскаиваюсь, что согласился на предложение... ибо что мне предстоит? Предубеждения, интриги, при которых нельзя сказать ни того, ни другого, ни третьего. И пойдешь битой дорогой: сначала — маленькая уступка, в надежде, что за этим купишь право делать великие дела; потом — другая уступка, все с той же благородной целью. И так уступка пойдет за уступкой, пока малопомалу все отдашь и ничего не сделаешь. Останутся выгоды, честь, почет — в глазах большинства, и горькое разочарование и, вероятно, презрение со стороны людей мыслящих и благонамеренных»^{*}. Кавелин с честью смог выдержать поставленный перед самим собой экзамен: он был высоко оценен и наследником, и императрицей Марией Александровной, которая до конца жизни сохранила к нему доброе расположение.

В том же 1857 году решением Совета Санкт-Петербургского университета Кавелин избирается профессором гражданского права, блестяще «ведет» свой курс и дополнительно, по просьбе Совета, временно читает студенческой аудитории философию права. Читает великолепно. Быстро находит среди слушателей новых горячих поклонников и единомышленников. Его идеи исторической логики развития российской гражданственности, объективной обусловленности прогрес-

^{*} Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. Т. 8. С. 547.

сивных реформ и отмены крепостничества приобретают все больший общественный резонанс. Растет и их политическое звучание.

В Санкт-Петербурге Кавелин вновь сближается со своими прежними идейными союзниками — братьями Милютинными, К. Гротом, Ю. Самариным, В. Арцимовичем, которых уже давно за страстную преданность делу освобождения крестьянства «окрестили» в обществе «провозвестниками эмансипации». Кавелин тесно сходится и с «молодой» профессурой Петербургского университета, выступавшей против научной и школьной рутины, призывавшей к большей академической свободе в организации студенчества, в университетском управлении и преподавании, в системе российского высшего образования. Одновременно Кавелин продолжает активное сотрудничество с представителями прогрессивного направления петербургской и московской журналистики, и прежде всего с лидерами редакции «Современника» — Н. Чернышевским, Н. Некрасовым, Н. Добролюбовым, которого он даже приглашает готовить в университет своего сына.

Бурная общественная активность К. Кавелина, растущий авторитет его суждений и не только столичная популярность не могли не вызывать открытого и резкого недовольства консерваторов. Против него и влиятельные при дворе крепостники, и «старые» университетские профессора, и чиновничья администрация Министерства народного просвещения. На его независимость и самостоятельность смотрят с подозрением и явным предубеждением, признавая их за непокорность, строптивость, неблагонадежность. Его обвиняют в потворстве студентам, среди которых, по мнению администрации, не без влияния «предосудительного» свободомыслия Кавелина начались «брожения». Вокруг него, как воспитателя наследника престола, ведутся непрерывные

придворные интриги, распространяются нелепые инсинуации. В конце концов, когда в 1858 году на страницах «Современника» появляется статья Кавелина «О новых условиях сельского быта», по сути воспроизводящая основные фрагменты «Записок» и усиливающая тему «эмансипации», на нее немедленно обращают специальное внимание Александра II. Император, хотя знал до этого общий тон «Записок...» и никак не возражал против их содержания, но крайне недовольный их открытой, «преждевременной» публикацией в либеральной прессе, на одном из заседаний Совета министров выразил публичное неудовольствие по поводу... назначения Кавелина преподавателем к цесаревичу Николаю... Кавелин оставляет придворную службу, отказываясь как от предложенной ему пенсии, так и от чина действительного статского советника. А еще позднее — в 1862 году — при праздновании тысячелетия Руси, отказался он и от ордена за ученые заслуги.

* * *

1861 год. Великий год в истории России. 19 февраля царским Манифестом положено начало реальной крестьянской реформе — самому, казалось бы, радостному и самому ожидаемому Кавелиным событию в жизни. Но... Но не было у Кавелина радости. Было горе. Глубокое. Мучительное. Всего за несколько дней до этой исторической даты скорострительно умирает от скарлатины его талантливый, подававший большие надежды 14-летний сын Дмитрий. Тяжело переживал Кавелин скорбную отцовскую трагедию, сильно сдал за короткий срок, близкие думали, что он лишится рассудка. В своем письме к баронессе Э. Раден он писал, что готов хоть 10 лет находиться на каторжных работах, лишь бы только

вернуть Митю, что «...счастье — если это слово что-нибудь и значит» — потеряло для него всякий смысл*.

Наверняка удрученность горем и упадок душевных сил Кавелина вызвали его неудачный дебют на поприще редактора еженедельника «Век», который он вместе с В. Безобразовым (замечательный русский экономист, статистик, будущий сенатор) и А. Дружининым (литературный критик, талантливый беллетрист) основал в начале 1861 года для продвижения в обществе идей «мирного и законного прогресса». Умеренный либерализм еженедельника вызвал довольно грубые нападки и насмешки «Современника». Кавелин прекращает и собственное редакторство, и сотрудничество с «Современником», идет почти на открытый разрыв с ним.

Кавелин покидает вслед за этим Санкт-Петербург, едет на лето в самарское имение, где, вступив в согласие со своими крестьянами, составляет одну из первых в Поволжье уставную грамоту — документ, фиксирующий по Положениям 19 февраля 1861 года «отношения помещиков с временнообязанными крестьянами» и устанавливающий размеры крестьянских наделов и повинности за пользование ими.

Возвращение в столицу (как и отъезд из нее) тоже было безрадостным. Кавелин, возмущенный распоряжениями тогдашнего министра народного просвещения графа Путятина и мероприятиями университетской администрации во время студенческих волнений, по собственному прошению вместе со своими коллегами по профессуре — А. Пыпиным, М. Стасюлевичем, В. Спасовичем и Б. Утиным оставляет столь любимую им университетскую кафедру.

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. Т. 8. С. 564.

* * *

С 1862 по 1877 год Кавелин не занимает никакого официального служебного положения. Его имя постепенно перестает быть знаменем прогрессивных общественных сил России. Причисленный к Министерству народного просвещения, в начале 1862 года он командирован новым министром А.В. Головиным за границу. Цель командировки — изучение положения западно-европейских университетов, сбор материалов, необходимых для проведения реформы российского университетского образования. С 1862 по 1864 год Кавелин анализирует вузовское образование Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, по полученным результатам готовит обобщающие обзорные отчеты и аналитические статьи, тесно общается с западноевропейской профессурой.

Зимой 1863–1864 годов Кавелин по просьбе боннских профессоров прочел на немецком языке лекции об «Историческом значении освобождения крестьян в России». Особенно близко он сошелся с боннским профессором Бушем — сторонником германского единства и с базельским профессором Гельцером. «Да! ...Кавелин — это юноша, это вечный юноша; но какой юноша! — отзывался о Кавелине профессор Буш. — Что за преисполненный талантов ум, что за золотое сердце!.. Зачем он бросил кафедру! Таких профессоров, как он, и у нас мало, не только у вас...»*

Хотя материалы, собранные во время командировки, оказались не востребованными (Кавелин вернулся в Россию в конце 1864 года, а университетская реформа была проведена в 1863 году), его поездка не была напрасной. Он «отвлёкся» от семейной «боли», узнал много нового о тогда лучшей в мире европейской организации университетской жизни и, самое главное, смог «на месте» понять, прочувствовать «всю

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 10. С. 749–750.

кровь» и «весь ужас» новых для мировой цивилизации социальных переворотов и революций, уже пережитых Европой и едва ли от них еще оправившейся.

«Заграничные» годы окончательно формируют и кристаллизуют у Кавелина тот своеобразный, неповторимый, именно «кавелинский» умеренно-либеральный и вполне независимый ни от западников, ни от славянофилов образ мыслей, вылившийся в концепцию русского национального интереса. Он становится «самим собой» и просто горячим патриотом: «Воззрения западников и славянофилов — анахронизмы, — говорит он. — Теперь возможно только одно воззрение — национальное, русское, основанное на изучении реальных явлений в жизни русской земли, русского народа, прошлой и настоящей, без всякой предпосылки...»*

Кавелин начинает отрицать как безудержный либерализм, так и застойный консерватизм, особенно в «тех формах, в каких проявляется у нас и то и другое», подчеркивая, что мы живем в век не абсолютных, а относительных величин. Он расходится со многими из своих старых друзей, совершенно отстраняется от правительственных сфер. Идеалы Кавелина в чем-то переплетаются с идеями славянофилов об особенном пути России. Но при этом, в отличие от славянофилов, он совершенно не идеализирует темные стороны народной жизни, говорит, что как сам крестьянин считает себя «теменью непроглядной», таким его и надо понимать. «Мы приписываем ему разные высокие христианские добродетели только вследствие смешения фатализма со смирением, равнодушия — с покорностью велениям судьбы и промысла, природного добродушия простого человека —

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 11. С. 189.

с любовью, вытекающей из проникновения христианским учением...», — подчеркивал Кавелин*.

Его позиция расходится с мыслями славянофилов еще в двух принципиально важных положениях: во взгляде на православие и в оценке роли Петра I в русской истории.

Религиозные убеждения Кавелина были своеобразны и независимы. По воспоминаниям современников, он глубоко чтит высокие нравственные христианские идеалы, но не признавал показную церковную обрядовость. Вероятно, причина этого кроется в отроческих годах ученого. Он помнил, что, когда служебная карьера его отца сильно пошатнулась, это повлияло не только на душевное состояние родителя, но и на всю атмосферу в доме. Отец отстранился от общества, впал во внешнее, обрядовое благочестие, а среди его новых знакомых стали преобладать исключительно монахи. Однако, несмотря на свое негативное отношение к церковной обрядовости, в последние годы жизни Кавелин поддерживал теплые отношения со многими представителями духовенства — митрополитами, архиепископами, простыми иереями. О некоторых из них он отзывался очень сердечно. А к русскому православию К. Кавелин вообще сохранил на протяжении своего жизненного пути искренне светлые чувства, называя его самым чистым направлением в христианстве.

Что же касается взглядов на реформы Петра I, то Кавелин, в отличие от славянофилов, считал его типичным представителем великорусской нации, признавал его реформы необходимыми и подготовленными всем предшествующим ходом русской истории...

Материальные затруднения, испытываемые Кавелиным по возвращении из-за границы в конце 1864 года, заставляют его давнего друга К. Грота, в то время директора де-

* Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос. Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства. СПб., 1882. С. 196.

партамент неокладных сборов в Министерстве финансов, предложить Константину Дмитриевичу должность юриста-консультанта департамента. Кавелин соглашается, при условии что он «имеет право не пользоваться преимуществами государственной службы, т.е. не будет получать ни чинов, ни орденов». И чем больше сил и времени тратит Кавелин на министерскую разработку нормативной документации по акцизам, тарифам, налогам на наследство и т.д., (а службу он не оставляет уже до самой кончины), тем с большим усердием отдается он всецело захватившей его самостоятельной научно-публицистической деятельности.

С 1864 года К.Д. Кавелин начинает публиковать свои работы в популярных тогда «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Вестнике Европы», выходявших под редакцией двух близких ему людей: шурина В. Корша и М. Стасюлевича, сослуживца по Петербургскому университету. Позднее Кавелин помещает свои статьи и в других влиятельных периодических изданиях того времени — «Новостях», «Неделе», «Северном вестнике», «Русской мысли».

В 1877 году он был приглашен на должность профессора кафедры гражданского права в Военно-юридическую академию. На этой должности в академии Кавелин оставался до конца жизни.

* * *

Из личной переписки видна безмерная любовь Кавелина к России и к своей дочери, юной Софье. Он писал о них по-разному, но удивительно проникновенно и с глубоким, искренним чувством. Любимица дочь была для отца воплощением истинно русской души, самой России. «...Вся моя жизнь — в Соне...», — говорил Кавелин*.

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 6. С. 480–482.

Софья Кавелина была девушкой неординарной, особенной, блистала умом, знаниями и высокими духовными качествами. И. Тургенев, бывший 20 февраля 1871 года свидетелем того, как юная Софья Кавелина выдержала диспут о методах преподавания истории в Педагогическом обществе с маститым учителем-историком, оставил о ней яркие воспоминания: «Это был незабвенный для меня вечер... Молоденькая, небольшого роста, девушка в простом сереньком платьице, с белым платочком на шее... говорила почти еще детским голосом так умно и так увлекательно, возражала так дельно, выказывала такое разнообразное знание своего предмета, такие энциклопедические сведения, — что все слушатели (а их собралось много на этот диспут) — были поражены — скажу прямо: очарованы...», — писал Тургенев*.

Свои таланты Софья Константиновна Кавелина щедро отдавала на службу обществу, помогала бедным, заботилась об обездоленных. Она, преподавая в гимназии для девочек, все свое жалованье использовала на поддержку учениц из бедных семей, ничего не оставляя на свои личные нужды. Любовь к дочери в сердце Константина Дмитриевича впоследствии переросла в особое отношение к русской женщине. «Наши молодые женщины и девушки гораздо полезнее, умнее и толковее ведут дела, чем наши братья-мужчины... Даже бабы в деревнях и девочки крестьянские — и в тех больше толку и смыслу, чем у мужиков и мальчиков...», — признавал он**.

Отличительной чертой Кавелина была и любовь к труду. Все близко знавшие Константина Дмитриевича поражались его трудолюбию и работоспособности. Девизом его были слова: «У меня суеверная уверенность, что в труде и работе — вся суть жизни и задачи. В Библии о труде говорится

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 4. С. 485.

** Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1888. № 5–6. С. 28.

как о проклятии, насланном на человека по изгнании из рая; а я думаю, что труд есть благословение, ведущее в рай, и что без труда самый лучший человек должен заплесневеть и сделаться дрянью»*. Он был глубоко убежден, что «...только тяжким, будничным, ежедневным, скучным трудом можно наладить, наконец, машину на добрый путь, завоевывая шаг за шагом, в деталях, мелочах и подробностях, отпор злу...»**.

К необходимому человеку труду Кавелин причислял и работу над собой — «упражнение умственных и нравственных сил». Без нее невозможно достигнуть «чего-нибудь путного». «Если вы предоставите самому себе ваш ум, не будете упражнять вашей воли, тогда непременно лишитесь и ума, и воли», — наставлял он в письмах племянника***. Он и себя принуждал к ежедневной многочасовой работе, и других призывал к точному и пунктуальному выполнению своих обязанностей «сегодня, завтра и послезавтра», и много раз подчеркивал, что только в ежедневном труде — «победа над собой, которая и есть единственное и верное лекарство» от превратностей жизни.

Без активной деятельности Кавелин не мыслил своего существования: «Было бы самое дело — вот первое и главное, а остальное — пустяки!»**** Его отношение к делу было честным и высоконравственным, он презирал тех, кто использовал свои силы и труд как карьерное орудие для достижения весьма приземленных житейских целей — наград, чинов, места, почета.

В 1878 году в неполных 26 лет уходит из жизни его любимица дочь, безмерная отцовская радость, его душевная отрада, свет и опора. Через два года, не справившись со страшной утратой, умерла и жена Константина Дмитриевича

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 4. С. 466.

** Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 11. С. 171.

*** Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 11. С. 178.

**** Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 5. С. 12.

ча. Удрученный семейным горем, он начинает «топить жизнь в деятельности»: выполняет обязанности присяжного заседателя в суде, участвует в местных губернских совещаниях по вопросу об уменьшении пьянства. И здесь он занимает жесткую, непримиримую позицию: пока не будут реформированы государственная структура и все законодательство, никакие меры не приведут к желаемому результату. Привлекает его и благотворительность: он работает какое-то время секретарем Кирилло-Мефодиевского братства*, а также попечителем приходского общества для бедных при Василеостровском Андреевском соборе. Как писал сам Кавелин, участие в благотворительных обществах обратилось для него в насущную потребность, без работы в них у него делалось «неспокойно на душе», не мог он, имея кусок хлеба, мягкую постель, теплую одежду и сухую квартиру, ничего не делать для «голодных, холодных и больных»**. Кавелин много трудится на педагогическом поприще и научной ниве. Его заслуги высоко оцениваются Киевским и Казанским университетами, Петербургским, Московским и Одесским юридическими обществами. Он избирается их почетным членом.

В 70-е годы Кавелин активно занимается хозяйством у себя в имении. Часто сам выступал в роли старосты, ввел плодопеременную девятипольную систему хозяйства, построил кирпичный скотный двор, школу. Лично приобретал школьные пособия. В 1878 году он строит сыроварню, которая хотя и приносила поначалу небольшой доход, но в итоге дело, к сожалению, развалилось. Кавелин, поборник перемен в сельском хозяйстве, с удивлением столкнулся с тем, что крестьяне весьма недоверчиво относились ко всем его

* Не следует считать К.Д. Кавелина членом украинского Кирилло-Мефодиевского братства, существовавшего на Украине в конце 40-х годов XIX века. По всей видимости, речь в письме Константина Дмитриевича идет о Кирилло-Мефодиевском братстве, созданном в 1899 году для распространения среди крестьянских детей грамотности. См.: *Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 4. С. 466.*

** *Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 4. С. 466.*

нововведениям. И он все более осознает, что «село, деревню, условия сельского быта и хозяйства никакой мерой, распоряжением и даже многими хорошими мерами и законами поднять и преобразовать нельзя... Тут необходимо дружное, к одной цели направленное, выдержанное действие множества лиц, условий и мер...»*.

В 70–80-х годах Кавелин пришел к выводу, что самым главным вопросом стал вопрос реформирования системы административного управления, обуздания административного произвола через гласность, расширение прав местного самоуправления, введения в состав Государственного совета «выборных от губернских земств». Идеальной формой государственного устройства России Кавелин считал «самодержавную республику», воплощавшую единство интересов монарха и народа, бюрократии и общества. Переустройство России он предлагал проводить путем мирных реформ, так как всякая революция губительная и для государства, и для народа. «Царство справедливости», считал Кавелин, нельзя строить на крови и насилии, без которых не совершается ни одна революция. Революции задерживают прогресс и тем, что вызывают реакцию, разрушают государственные организации. К тому же он отрицал связь любой «революционной партии» в России с подлинными интересами народа.

Кавелин считал государство движущей силой русской истории. В своей обобщающей работе по этой тематике «Мысли и заметки о русской истории» ученый систематизировал свои «исторические и политические верования и убеждения». В основе всех частных и общественных отношений в Великороссии, как он утверждает, лежит один прототип, из которого все выводится, — а именно «двор», или «дом», с домоначальником во главе, с «подчиненными его

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 5. С. 27.

власти» чадами и домочадцами. «Двор», или «дом», он считает структурной социальноэкономической единицей России, видит в ней особенность великорусского быта, которая имеет особую важность: ею объясняются не только своеобразность русского исторического пути, но и особенности политического, экономического и социального развития.

Крепостное право, по его мысли, произошло из принципов «домовладения», из тех же «домашних» распоряжений и явилось, по сути, их выражением. Оно заключалось в полном, патриархальном подчинении власти «домовладыки» всех членов его семейства, всех его домочадцев и слуг. Крепостное право не исключало попечения о людях, справедливости в обращении с ними, правильного определения их обязанностей и повинностей. Как писал Кавелин, многие, особенно иностранцы, удивляются, почему русский крестьянин, несмотря на крепостную зависимость в течение без малого трех веков, нисколько не походил на раба. Подчиненный считал себя в древней Великороссии не рабом, не предметом насильственной эксплуатации, а всего лишь неразумным, малосведущим, темным человеком, которого надо учить, наставлять, вразумлять и направлять, — в этом, по мнению Кавелина, разгадка характера русского крепостного. Воззрение на крепостного как на вещь, как на экономическую силу и в итоге как на раба, доказывает Кавелин, складывается позднее, в течение XVIII и XIX веков, под влиянием юридических понятий и экономических теорий, занесенных к нам из Западной Европы, что и ускорило падение крепостного права.

Принцип домостроительства, утверждал Кавелин, лежит в основании государственного строя России: русский царь — «домовладыка», воплощение политического и общественного идеала русского человека. И экономику-то он, русский человек, выстраивал прежде всего как «экономику дома».

Экономические условия при правильном решении крестьянского вопроса играют огромную роль, но не их называл Кавелин основными причинами упадка сельского хозяйства. Их Кавелин видел в неразвитости самого крестьянства, в неправильном направлении личной деятельности помещиков, не понимающих связь своих личных интересов с крестьянскими. Ученый полагал, что «тормозит дело» исключительно высшее сословие, что верховной власти по сути невыгодны забитость, нищета и невежество семидесяти миллионов самых консервативных и преданных подданных. Поэтому немало работ ученого в 60–70-е годы было напрямую обращено к дворянству. Среди них следует особо выделить его «программу социально-экономической реорганизации» дворянского сословия, которую он изложил в работе «Дворянство и освобождение крестьян» и из-за которой он разошелся с А. Герценом. Кавелин считал, что в руках провинциального дворянства ключ к лучшему порядку дел в России. И в том, как оно станет смотреть на вещи, как поведет себя, что будет делать и как делать, в этом разгадка будущего России.

Для предотвращения социальных катаклизмов Кавелин призывал русское дворянство отказаться от сословного эгоизма, привилегий, сословной замкнутости. Государство же должно регулировать отношения между сословиями, «служить посредником, охранять и защищать низшие классы». Надеясь на преобразовательный потенциал верховной власти, Кавелин активно выступал за создание бессословного земства, без которого нельзя ожидать «никакой хорошей перемены в централизованном управлении государством». Критикуя изъятия и произвол бюрократии, он вместе с тем видел в ней силу, уравнивающую различные общественные элементы, приходящие между собой в столкновение или соперничество.

Кавелин полагал, что в России нет и не может быть обособленных друг от друга общественных слоев, классов или сословий. По его мнению, власть в России имеет дело с целым народом, в полном его составе, и «обоюдные интересы неизбежно сходятся, переплетаясь между собой как нервы, артерии и вены в человеческом теле; отделить их и разрознить нет возможности, не вредя обоим»*.

Социально-экономическое и политическое будущее России в русле русского национального интереса должно выстраиваться на трех основных элементах: общинном владении, освобожденном крестьянстве и земствах. На них, по мнению Кавелина, на «их дальнейший рост, на их взаимные отношения следует обратить все наше внимание, и при их должном, нормальном развитии мы воспытаваем наше собственное, национальное воззрение»**. Не противопоставление власти народу, сословия сословию, а их совокупное действие, направленное к одной цели, — вот на что указывает, подчеркивает Кавелин, все наше прошлое, наш общественный и государственный строй, наш русский национальный интерес. Кооперация сил, а не борьба их, различение функций народного организма, а не противоположение их друг другу — вот задача, поставленная русским национальным интересом. Если мы сможем, если мы все же в конечном итоге, уверяет Кавелин, встанем в русло этого интереса и на позиции «русского национального воззрения», то у нас получится «представить новое, более правильное и удачное разрешение стоящих на очереди социальных вопросов» в сравнении с европейской общественной формацией.

* Кавелин К.Д. Политические призраки // Сбор. соч. Т. 2. С. 960.

** Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1887. № 2. С. 633.

* * *

В 80-х годах Кавелин выступил с обширной программой реформ, предусматривавшей, во-первых, увеличение крестьянских наделов за счет государственных субсидий, «отвода незаселенных казенных земель», активной переселенческой политики.

Во-вторых, вместе с устранением малоземелья он считал абсолютно необходимым сократить подати и платежи, ограничить административный произвол в отношении крестьянства, покончить «с безграмотностью и беспомощностью деревенского люда» путем развития «народного образования».

В-третьих, залог прогресса России Кавелин видел в преобразовательном потенциале верховной власти, в совместных действиях общества и бюрократии, в союзе «образовывающей народ» интеллигенции и государства, создающего для него сносные внешние условия жизни. Кавелин активно ратовал за создание бессословного земства, без которого нельзя ожидать никакой хорошей перемены в централизованном управлении государством. Критикуя произвол бюрократии, он все же считал ее силой, «уравновешивающей различные общественные элементы, приходящие между собой в столкновение или соперничество». Необходимое условие прогресса Кавелин видел и в прекращении непосредственного вмешательства правительства в экономику, считая «казенную промышленность» убыточной для производства и «обременительной для общества».

Реформа 1861 года, считал Кавелин, подорвала материальное благополучие дворянства. Его будущее он полагал не в искусственном сохранении привилегий, а в уравнении в гражданских правах с другими сословиями. В органическом единстве сословий Кавелин видел залог «мирного развития

посредством реформ», делающих «невозможной революцию низших классов против высших».

Продолжает работать он и над актуальными для русской жизни темами, в числе которых вопрос о сельской общине и о правильной его постановке среди других значимых социальноэкономических проблем. Свою позицию он подробно и системно излагает в монографиях «Общинное владение» (1876) и «Поземельная община в Новой и Древней России» (1877). В них как бы подводится итог его предшествующих работ по исследованию общины. Он систематизирует все, что уже было им написано по этому поводу, и еще раз подтверждает, что сельская община — это основа социального, экономического и государственного устройства России.

Владение землей, по Кавелину, должно осуществляться строго в рамках уже имевшихся общин, являвшихся по существу коллективными владельцами земли. (Это напоминает современную систему ESOP — коллективного управления индивидуальной собственностью, весьма распространенной, например, в Испании, а также довольно развитой в США и Англии.)

Кавелинское видение будущего общины вскрывает огромную пропасть между его позицией и взглядами современных ему государственников, отчасти тяготевших к славянофильству, и западников, все больше и больше переходивших к политике революционного экстремизма. Взглядами, доведенными позднее, в начале XX в., в работах П. Столыпина и В. Ленина по сути к единому знаменателю — требованию насильственного уничтожения общины. Столь разным, столь непримиримым между собой оппонентам община одинаково мешала. Одному — «не давала» строить капитализм, другому — его разрушить, разжечь пламя социалистического переворота. Мысли Кавелина о необходимости эволю-

ционного развития общины, всяческого способствования постепенному вызреванию происходящих в ней внутренних процессов и соответственно модернизации страны (как говорят сегодня) без насилия, без революционных потрясений, при гармонизации интересов всех сословий и социальных групп оказались невостребованными ни его современниками, ни их идеологическими потомками.

Однако Кавелин не опускает руки, активно работает в Императорском Вольном экономическом обществе, где вызревает идея об изучении реального положения общинного землевладения в разных регионах империи. При Обществе образовывается «особая комиссия» для рассмотрения этого вопроса и для выработки программы его изучения. В члены комиссии были приглашены ведущие исследователи общины, в их числе и Кавелин. Причем он был назван одним из первых. Комиссия выработала емкую, содержательную программу по сбору сведений о положении общинного землевладения. Но судьба программы оказалась незавидной — не востребованная теперь уже властью и она канула в Лету. Кавелин продолжает бороться.

В 1882 году он избирается президентом Вольного экономического общества, с которым до этого постоянно сотрудничал, а с ноября 1856 года по май 1857 года даже исполнял обязанности неперменного секретаря Общества. Возглавив его, Константин Дмитриевич по-прежнему стремится поработать над разрешением все еще волновавшего его непростого для России крестьянского вопроса. Воплотить свои идеи в действительность ему так и не удастся. 26 января 1883 года он писал сестре: «...Подвизаюсь я и в Императорском Вольном Экономическом Обществе. На днях вношу в Совет предложение обратить особенное внимание на экономические условия сельского хозяйства, составляющие у нас непреодолимые препятствия к его развитию. Что из этого

выйдет — не знаю. Мало рабочих сил, мало серьезно мыслящих людей, мало самоотверженно любящих родину, мало понимающих теперешнее наше положение. Некем взяться за дело, а один в поле — не воин. Посмотрю, и если не найду отголоска — выйду...»*

Об этих экономических условиях сельского хозяйства Кавелин писал в своей особой докладной записке, с которой он обратился в Совет Общества. В ней он отмечал, что некоторые члены, в том числе и он сам, хотели бы оживления и некоторого изменения направления деятельности Общества, поскольку есть в нем заметная несоразмерность между изучением научно-технической стороны сельского хозяйства и отслеживанием его экономических условий. Кавелин считал, что открытие новых приемов земледелия, создание новых сортов растений и пород животных, изобретение новых сельскохозяйственных машин во многих случаях не могут сами по себе улучшить сельское хозяйство. Для этого необходимы соответствующие экономические условия. В качестве примера Константин Дмитриевич приводил чересполосицу и приверженность крестьян к неизменным порядкам общинного землевладения, что мешает передовым хозяйствам вводить новые приемы агрокультуры. Недостатки кредитной системы также не дают возможности приобретать новейшие машины, племенной скот. Кавелин считал, что в деятельности ВЭО нужно взять уклон прежде всего на разрешение экономических проблем сельского хозяйства. В их числе он называл разработку рекомендаций: по устройству земель в средних и малых хозяйствах; по проведению мероприятий, позволяющих крестьянину внедрять новые приемы в земледелии и животноводстве; по поиску средств, необходимых для приобретения хороших земледельческих

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1888. № 5–6. С. 37.

орудий, улучшенных семян и пород животных, например путем организации удобного и доступного кредита; по защите сельских хозяев от гнета местных скупщиков, кулаков и аферистов.

Общество обсудило докладную записку, поставило «на разрешение» ряд выдвинутых президентом проблем, но существенных результатов не достигло. Кавелину пришлось столкнуться и с непониманием, и с мелочными управленческими распрями. Его знания и решимость разрубить гордиев узел крестьянского вопроса в России уперлись, к сожалению, в прения по сглаживанию сложной межличностной ситуации в Обществе. Он предпочел не становиться «поводом и предлогом для обращения заседаний и собраний общества в арену нескончаемых личных препирательств, счетов и дрызг», да и возраст не позволял ему заниматься разбором мелких и ничтожных интриг. В 1884 году Кавелин предпочел отойти от Вольного экономического общества.

В том же году вышла его последняя крупная работа «Задачи этики», посвященная молодому поколению России и пронизанная глубокой верой в ее великое будущее. «Задачи этики» считал он чуть ли не главной своей работой, так как согласно его концепции, этические, нравственные императивы довлеют над экономическими, социальными и политическими. Кавелин был первым и единственным отечественным ученым того времени, который писал об этике как позитивном факторе развития русской цивилизации. «Если миру суждено быть обновленным, то это может совершиться внутри нас...»^{*} — пишет К.Д. Кавелин.

Монография подвела итог всем его философским размышлениям. Ученый от изучения истории, права, политологии и социологии пришел к изучению этики, к изучению

^{*} Кавелин К.Д. Задачи психологии // Сбор. соч. СПб., 1897–1900. Т. 3. С. 508.

духовных истоков русской жизни, определив, что нравственность, по сути, является цивилизационной основой национального бытия. Когда 5 августа 1884 года он окончательно подготовил рукопись для печати, то сказал: «С моей совести гора свалилась. Теперь я все сделал, что мог сделать хорошего, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унес с собою недосказанную мысль...»*

Умер Константин Дмитриевич Кавелин 3 мая 1885 года. На его похороны пришли видные деятели культуры и науки, студенты Военно-юридической академии. На одном из венков от офицеров академии была лаконичная надпись: «Учителю Права и Правды!».

* * *

Разгадка независимости, «особности» Кавелина несомненно заключается в характере его личности, принципиальной преданности собственным научным выводам. Да, крайне сложно было в его время, время жарких общественных дискуссий по злободневным проблемам социальноэкономического бытия России, в которых яростно, бескомпромиссно сталкивались взгляды славянофилов и западников, социалдемократов и ультралибералов, монархистов и революционных разночинцев, остаться самим собой, не принять ничью сторону. Кавелину это удалось. Он сохранил свой, особый взгляд на обсуждавшиеся вопросы. Не примкнув ни к одному из многочисленных тогда идеологических станов, он заслужил уважение у представителей всех полярных дискуссионных площадок за самобытность и независимость в суждениях, последовательность в отстаивании принятой им концепции исторической логики, текущей жизни и будущей судьбы своего Отечества.

* Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Сбор. соч. СПб., 1897–1900. Т. 1. С. XXX.

Безусловно, сохранить собственную общественно-политическую независимость в тех условиях было бесконечно трудно. Но зато какой простор она давала самостоятельному научному поиску, как способствовала углублению теоретического знания в целом и в его отдельных дисциплинах. Нарботки Кавелина в области исторических и экономических наук, философии, юриспруденции, этнографии, психологии — исчерпывающее тому доказательство.

Искрометная сшибка политических взглядов, интеллектуальный задор научных дискуссий, бурный обмен мнениями в среде российской интеллигенции и ученых давали бесценные семена той почве, на которой вырастала великая русская литература. Упомянем хотя бы такой факт. В 1866 году Кавелин подал Александру II записку «О нигилизме и мерах, против него необходимых». Зная о дружбе ученого с И. Тургеневым, можно с уверенностью предположить, что эта проблематика обсуждалась в разговорах друзей, что негативное отношение Кавелина к нигилизму повлияло и на идейный фон тургеневского романа «Отцы и дети», на хрестоматийный образ Базарова. Несомненно, и ученый, и писатель хорошо понимали, что в противовес нигилизму надо не отвергать, а защищать духовнонравственные основы своего отечества, чтобы не потерять существенный фактор его социальноэкономического прогресса, социальной стабильности. Осознавая эту опасность, они боролись с ней теми средствами, которые были у каждого, не допуская, чтобы расшатывалась вера в нравственные авторитеты, в вековую народную святость, в моральные ценности, которые цементируют и берегут общество от надломов.

Может возникнуть вопрос: чем объясняется многоплановость научных интересов Кавелина, его «вторжение» во многие области научного знания — от истории и права до этики и литературной критики? Наверное, и это объяснение

следует искать в научной позиции Кавелина. Для него исходной точкой анализа и основой развития России являлось крестьянство — главная производительная сила страны в то время. А крестьянство в своем большинстве вне рамок поземельной общины не жило и не работало. Вот ее-то, поземельную общину, и изучал Кавелин. Изучал всесторонне, во всех ее жизненных ипостасях, рассматривал организацию общины, условия ее существования, регулирующие ее правовые положения, связи и отношения с властными структурами, дворянством. Исследовал определяемые общиной быт крестьянства, его мировоззрение, нравы, устремления, уровень образования, религиозность. Кавелин изучает весь сельский, крестьянский мир в его прошлом и настоящем, исследует отношение к нему государственной власти и отражение крестьянской жизни в трудах ученых. Этот емкий, органичный, единый взгляд на крестьянство, сельскую жизнь и определил содержание работ Кавелина в различных научных дисциплинах. Отсюда его интерес к законодательству, этнографии, философии, психологии. Все эти направления научного поиска тесно увязаны у него в единый контекст. Отсюда, кстати, видна и несостоятельность отдельных попыток както классифицировать научный вклад ученого в той или иной, но всегда узкой для него отдельной отрасли знаний. Целостность, взаимоувязанность его воззрений сразу же теряются за ворохом выдернутых из его трудов цитат и высказываний.

Как ученый и общественный деятель К.Д. Кавелин проявил себя во многих научных дисциплинах. Каждая из них — право, история, философия, педагогика и психология, этика, политология, социология — может гордиться таким исследователем. В каждой из них продемонстрировал он удивительную ясность мысли, тонкость и тщательность анализа, взвешенность и обоснованность выводов, большинство из которых не утратили своей актуальности и по сей день.

Научное и публицистическое наследие Кавелина обширно — более 100 серьезных, исследовательских работ. Ему многое удалось, он поднял немало значимых и сегодня философских, социальноисторических, этических, экономических и политических вопросов. Намеревался даже создать Российскую энциклопедию социальных наук, которая охватывала бы все стороны жизни человека в обществе — экономическую, правовую и нравственную — и была доступна всем слоям русского общества.

И по сей день можно встретить совершенно разные, порой диаметрально противоположные оценки общественно-публицистической и научной деятельности Кавелина. Современники видели в нем одного из лучших людей своего времени, который имел качества мощного лидера, бесконечную привязанность к идеям общественного, национального и общечеловеческого добра, громадную силу притяжения, которой подчинялись люди всевозможных возрастов, национальностей, занятий и классов*. В двух университетах — Московском и Петербургском — он считался «воплощенной общественной совестью», «самым любимым профессором» студенчества**. Среди студентов он прослыл одним из самых строгих профессоров, но при этом его почему-то боялись менее всего, — видимо из-за особой сердечности и доброжелательности, которая притягивала к нему даже простых «мужиков»***. Простые же крестьяне называли Константина Дмитриевича отцом. Говорили: «Это отец родной наш, а не барин!» Напротив, либеральные воззрения Кавелина настолько возмущали В. Ленина, что он не скупился на язвительную «похвалу» в его адрес. Называл «отвратительным типом либерального хамства», «подлым либералом», а его

* Спасович В.Д. Воспоминания о К.Д. Кавелине // Сбор. соч. Т. 1–4. СПб., 1897–1900. Т. 2. С. VII–XXXI.

** Спасович В.Д. памяти К.Д. Кавелина // Вестник Европы. 1885. № 6. С. 807.

*** Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания. М. 2003.

мысли — «образчиком профессорско-лакейского глубоко-мыслия»*. Что же, спорить бесполезно. Ну не «укладывается» эволюционист Кавелин в ленинскую картину буйства мировой пролетарской революции. Не укладывается — и все тут. России же XXI века, пережившей кровавый ленинский эксперимент, Кавелин открывается как мудрый мыслитель, предостерегающий ее от слепой приверженности одноким идейным течениям, идеологическим «штампам» и ходульным «непререкаемым истинам».

Работая с историческим материалом, изучая реальную действительность, апеллируя к сельской общине, крестьянскому быту, нравственным традициям народа, Россия, уверен Кавелин, должна идти своим путем, двигаться вперед, учитывая условия и возможности того состояния, в котором она в данный момент пребывает, должна развиваться так, как того требуют насущные потребности ее дня сегодняшнего, а не исходить из постулатов того или иного навязанного ей, якобы единственно верного учения. Ученый отнюдь не отрицает необходимости и возможности решительного изменения существующих форм социально-экономического бытия, но считает, что эти изменения должны проходить без ломки, без насилия, без жертв со стороны российского народа.

Россия была главной любовью его жизни, ее смыслом и болью. Эта любовь и эта боль заражали современников, заставляли увидеть страну другими, равнодушными глазами и понуждали отдавать всего себя на благо Отечества. Известный общественный деятель второй половины XIX столетия, юрист и правовед В. Спасович утверждал, что именно Константин Дмитриевич первый заставил его по-настоящему полюбить Россию.

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1972. Т. 5. С. 33.

Кавелин называл Россию «удивительной страной, не похожей ни на одну», а себя — «русским патриотом» и «оптимистом», убежденным в великих всемирноисторических судьбах России. Оптимизм свой определял глубокой и искренней любовью к родине, неодолимой верой и надеждой в лучшие дни для русской земли. При этом чуждался излишней восторженности, честно признавал неприглядные стороны русской действительности: «...Да, много безобразия и мало утешительного на поверхности русского общества! Но что делать! Это оттого, что в нас самих мало пока пути. Поумнеем мы сами, и все будет получше»*. Всячески критиковал он русскую бессмыслицу, знаменитые российские «авось», «ничего» да «как-нибудь», отмечал, что зачастую в русской истории велик оказывался только Русский Бог, а не русская голова.

И, несмотря на это, присуща была Кавелину безграничная, заразительная вера в русский народ. «Надо верить в русский народ, надо его любить — без этого жить нельзя!» — не раз повторял он. Константин Дмитриевич утверждал, что, какие бы уродливые и болезненные явления ни представляло русское общество, «простой русский человек... разовьет свои богатые духовные силы и вынесет на своих плечах Россию». Кавелин называл русский народ «народом будущего», ассоциировал его со сказочным героем — Иванушкой-дурачком, который в будущем обязательно должен победно преодолеть все невзгоды. Для этого призывал он учить народ грамоте, насколько это возможно...

Какой наказ оставил будущему Константин Дмитриевич Кавелин, что завещал? А завещал он быть каждому в повседневности собственных будней светом «просвещения, справедливости и свободы», нести этот свет во все темные углы

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 8. С. 547.

России, и вот тогда, уверял он, «под влиянием тепла, производимого умножившимся светом», все темные углы и стороны Отечества нашего станут свободными и просвещенными, а Россия — неузнаваемой, освященной. «Скажут ли мне, что такой процесс слишком медленен? Не знаю, тут все зависит от степени нашего усердия и любви. Но то знаю, что скорейшего пути нет. Насилие, террор, резня суть враги, а не помощники, откуда бы они не шли — сверху или снизу...»^{*} Наверно, стоит сегодня обратить внимание на эти слова «человека 40-х годов XIX столетия» и гражданина вневременной России.

* * *

В научном обороте идеи Кавелина, к сожалению, до сих пор не получили достойного применения. На его выводы опирались и опираются лишь представители довольно узкого круга специалистов в области дореволюционной русской истории (среди них М. Геллер, М. Зарезин, Д. Калюжный, Я. Кеслер, В. Кобрин, А. Юрганов), историографии (Р. Кирева), этнографии и фольклористики (А. Афанасьев), отечественного гражданского права (О. Иоффе), правосознания личности в России (Б. Кистяковский). Его имя и его идеи мелькают в монографиях, посвященных особенностям менталитета русского человека (А. Андреев), самосознанию русского дворянства (И. Худушина), в сопоставлениях философской мысли России и Европы (В. Зеньковский), а также в рассуждениях политологов о месте России в мировой цивилизации (А. Кара-Мурза) и социологов о путях модернизации России (С. Гавров). Это ничтожно мало в сравнении с громадностью его наследия! Не жалуют труды Кавелина, этого апостола «русского мужика» и русской деревни, ис-

^{*} Кавелин К.Д. разговор // Собр. соч. Т. 2. С. 1000.

следователи крестьянского вопроса в России! Видимо, причина в том, что не вписывается его мысль в сложившуюся парадигму русской истории, общепринятые оценки русской философии, сложившиеся научные клише. Мало специальных работ и о самом Кавелине. Мало их было до революции, немного и сейчас. Авторы таких исследований по пальцам можно пересчитать: его племянник Д. Корсаков, А. Кони, Д. Мякотин, В. Спасович, в наше время — А. Алафаев, Р. Арсланов, В. Китаев, Ф. Петров, С. Секирский. Хорошо уже то, что имя Кавелина ныне обычно входит в список русских историков, политологов, социологов, культурологов, психологов, этнографов, философов в большинстве классических университетских учебников по истории России, философии истории, историографии, исторической этнологии, наукознанию, по истории этических учений, политической мысли в России, права, социологии, социальной философии, философии, этики, культурологии, этнопсихологии, психологии, психологической антропологии*. Но оценка его вклада в науку в этих учебных пособиях дается совершенно разная: либерала и западника; «человека 40-х годов»; одного из самых выдающихся юристов-мыслителей России; «социального прогрессиста и реформатора»; не оцененного в момент расцвета психофизиологии психолога, попытавшегося выстроить концепцию философского, а не физиологического осмысления психологии; основателя «психологической этнографии»; автора отечественной этической традиции в науке; «связующего звена», корректно вводящего русскую мысль

* Барулин В.С. Социальная философия: учебник. М., 1993; Белинская Е.П. Тихомандрицкая О.А. Социальная психология: Хрестоматия: учеб. пособие. М., 2008; Бряник Н.В. Самобытность русской науки: предпосылки и реальность. Екатеринбург, 1995; Гучейнов А.А. История этических учений: учебник. М., 2001; Адан А.Н. История психологии. От античности до наших дней: учебник. М.: МГУ, 1990; История России от древнейших времен до начала XX в.: учебник / под ред. И.Я. Фроянова. М., 1999; Кохановский В.П. Яковлев В.П. История философии. М.: Феникс, 2008; Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие. М., 2002; Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М.: МГУ, 1996; Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие. М., 1998; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000, и другие.

в контекст мировой общественной мысли; единственного из крупных русских мыслителей, которого отличало уникальное в истории отечественной мысли сближение основных научных направлений по комплексному составу и охвату поднятой проблематики.

Мало хрестоматий с трудами или выдержками из работ Кавелина, разве только по социальной психологии и истории политической мысли в России, что конечно же затрудняет знакомство с полноценным наследием Кавелина. А более всего не «вписались» воззрения Кавелина в историю русской школы социально-экономической мысли — в ней нет учебников, где бы основательно рассматривались его социально-экономические идеи. А ведь, по сути, Кавелин-экономист был близок к современному «прочтению» «Домостроя», домостроевской концепции «двора», или «дома», как структурной социально-экономической единицы России, емко выражающей и русский национальный интерес в сфере социально-экономических отношений, и особенности русского, национального воззрения на домовое хозяйство как ячейку прошлой экономической жизни, из которой все начиналось, из которой вышли все цивилизационные ориентиры России, в которой сформировались особенности менталитета русского «домовладыки». Неудивительно, что Кавелин не был услышан историками-экономистами в период неприятия, отвержения самой мысли о самобытности русской хозяйственной жизни, когда русский старинный уклад и «Домострой» как его теоретическое оформление приобрели исключительно негативную оценку, когда охаивалась и искажалась вся прошлая история страны. Удивительно, что сегодня, когда интерес к отечественному прошлому усиливается, наследие Кавелина никак не назовешь доступным для активного научного оборота.

* * *

В конце XIX столетия племянник и биограф Кавелина, Дмитрий Корсаков, писал, что современникам трудно в нескольких словах точно определить мировоззрение Кавелина. Эта задача, считал Корсаков, будет под силу только будущему*. Кажется, будущее уже ответило на эту неопределенность, назвав наследие Кавелина учением о русском национальном интересе.

* Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы... 1886. № 8. С. 755.

Обновление хозяйственного строя по К. Кавелину*

Я тоже присоединяюсь ко всем поздравлениям, которые здесь прозвучали в адрес съезда. Это действительно важное и большое событие. По результатам того, что здесь говорилось, мне сначала хотелось бы высказать три небольших замечания.

Первое. В своем выступлении Г.Б. Клейнер сказал, что модернизацию можно сравнить с лампочкой, на которую слетаются бабочки. Хороший образ, но я сразу же вспомнил, как в прошлом году в Концертном зале им. Чайковского на вечере русского романса молодой исполнитель академической школы спел такой вот «романс»: «Бабочка-капустница / В Кремль спешит, искусница, / Знает ведь негодница, / Где капуста водится». Чувствуете иронию? Как бы наша модернизация не превратила бы в лакомую «капусту» государственные средства и бюджет, которые чиновничество и лихие предприниматели умеют «проедать» под разными красивыми лозунгами...

Г.Х. Попов напомнил, о том что Вольное экономическое общество имеет большую богатую историю, здесь работало много разных знаменитых людей, стремившихся принести своей деятельностью максимальную пользу России. Мне хотелось бы продолжить этот тезис. Да, история — вещь хорошая и нужная. Но все дело в том, что мы своей истории не знаем, не умеем и не хотим прислушиваться к ее урокам. Даже к выводам из того, что проходило год-два назад. Я вспоминаю, например, круглый стол под председательством Г.Х. Попова в марте 2009 года по теме «Мировой опыт антикризисных мер». Обстоятельный, содержательный об-

* Научно-дискуссионная часть пленарного заседания юбилейного съезда ВЭО России на тему «Коренная модернизация экономики — основа движения России вперед», 2 ноября 2010 г. Научные труды ВЭО России. — Т. 140. М., 2010.

мен мнениями. Важный, с обоснованными рекомендациями. Но слышали ли нас? Так, академик С.Ю. Глазьев тогда отметил, что все те же ошибки, которые мы совершили за последние 20 лет, мы опять повторяем, в том числе и в бюджете на 2011 год. И соответственно, раз его принимают на три года вперед, то в соответствующие годы будут повторяться те же самые ошибки. Конечно, дело власти прислушиваться к тому, что говорят ученые, что говорят экономисты. И чтобы их голос был услышан, может быть, стоит в итоговые материалы работы нашего съезда внести положение о том, что хорошо бы хотя бы грамотой, дипломом поощрять тех губернаторов, чиновников, которые прислушиваются к мнению экономической общественности, к мнению региональных отделений ВЭО, прислушиваются к голосу истории и голосу совести.

Второе. Многие делегаты съезда могли уже ознакомиться с книгой К.Д. Кавелина «Русский национальный интерес» — одного из президентов ВЭО (1818–1885), которую специально к юбилейному съезду выпустил издательский дом «Экономическая газета». Мы выполнили то поручение, которое давал предыдущий съезд, мне в том числе как руководителю ИД «ЭГ», подготовить о президентах ВЭО книги, рассказывающие об их жизни и творчестве, которые заставили бы пристальнее взглянуть на президентский корпус общества, полнее оценить его плодотворный вклад в российскую экономическую науку и хозяйственную практику. И когда посмотришь на их творчество, прочитаешь их работы, оказывается, что все те беды, которые мы сегодня переживаем, все те ошибки, которые мы сегодня совершаем, уже были замечены, были высказаны. О них уже предостерегали, для них и прежде искали решение. Например, Кавелин говорит о том, что произойдет после отмены крепостного права, каким непростым будет обновление хозяйственного строя. Он один из первых освободил своих крестьян, построил

кирпичный завод, водопровод, один из первых организовал сыроварню. Он пишет, однако, что на всякие новшества его крестьяне смотрят с подозрением, ведь это нарушает их быт, это все как-то мешает укладу их обычной жизни. Неудивительно, что Кавелин пришел к выводу о том, что при обновлении хозяйственного строя надо менять и духовные, нравственные основы жизни, хозяйственный быт, то есть экономическое бытие в полном его понимании.

Мне кажется, что его положения вполне применимы и к нам. Мы говорим сегодня о модернизации, технологическом обновлении, а по уровню коррупции Россия впереди планеты всей. Из 160 стран, подвергнутых анализу коррупционности, мы на 146-м месте. Показатели детской смертности, количества заключенных, распространенности социальных болезней у страны одни из самых плохих в мире. Статистика эта обычно замалчивается, а она ведь красноречиво говорит о неприемлемом уровне социального здоровья общества. Характерно и неудовлетворительное общественное отношение к труду, источникам средств к жизни. Ни одна реклама не говорит: «Иди трудись, заработай». Вместо этого: «Иди выиграй, купи, иди потребляй». Борьба с этим надо.

Третье. ВЭО России, его региональные подразделения многое уже делают для духовно-нравственного возрождения страны. Так, общество и Международная Академия менеджмента (МАМ) при поддержке Комитета по образованию Государственной думы Федерального Собрания РФ проводят российский конкурс «Лучшая экономическая кафедра». Цель конкурса содействие формированию высокого уровня экономического образования кадров, совершенствование учебно-методической, научно-исследовательской, воспитательной деятельности профессорско-преподавательского состава. Стоит, как представляется, ввести номинацию «На лучшую экономическую работу» в рамках конкурса

«Экономический рост России», посвященную духовно-нравственному состоянию общества, его оценке, а также расширить число участников этой номинации за счет тех людей, которые способствуют духовно-нравственному воспитанию, работают и библиотекарями, и врачами, и социологами, и психологами. Это к тому же будет расширять и поле нашей деятельности, повышать авторитет ВЭО.

Наша страна обладает уже уникальным опытом модернизации, который она переживала несколько раз в своей истории. Это и модернизация, начатая в XV веке Иваном III и завершенная в XVI веке Иваном IV, которая касалась в основном вопросов обновления политической системы управления. Это и модернизация всех сторон российской жизни, предпринятая Петром I. Затем необходимо отметить проведенную в 60–80-е годы XIX века модернизацию в период царствования Александра II, связанную не только с отменой крепостного права, но и с совершенствованием правовой системы, образования, военного дела, местного самоуправления. И наконец, модернизация страны, проведенная Сталиным со второй половины 20-х годов до начала Великой Отечественной войны в XX веке. Опыт этих модернизаций важно учитывать и нам, особенно определяя риски и препятствия на пути модернизационных преобразований, а также при решении вопросов взаимоотношения власти с элитой общества, с предпринимательскими кругами и населением. Поучительной в этом отношении представляется оценка настроений в российском обществе накануне и после отмены крепостничества.

К 40-м годам XIX века в российской общественно-политической, философской и экономической мысли сформировались два направления — западники и славянофилы. Западники говорили о том, что ничего особенного, чисто русского в истории России нет. Она просто задержалась в своем

цивилизационном развитии, и ей нужно быстрее осваивать мировой опыт, прежде всего европейский, быстрее двигаться дальше в этом направлении. Славянофилы же утверждали, что все-таки в нашей истории есть особые, сугубо национальные черты. Эта особенность, особенность в развитии России ощутимо влияет на духовность русского человека, обустройство русского быта, специфику хозяйственной практики. И эти особенности нельзя игнорировать, их надо учитывать, строить свою жизнь исходя из своего мировоззрения и менталитета.

И славянофилы, и западники были, конечно же, патриотами России, болели ее интересами, хотели видеть Россию развитой, процветающей, а народу русскому желали всяческого благоденствия. И те, и другие предлагали свои варианты дальнейшего развития страны, которые кажутся сейчас отчасти наивными, отчасти навеянными политической ситуацией, обусловленными сословной принадлежностью их авторов, бывших дворянами, разночинцами, учеными, чиновниками.

Спор между славянофилами и западниками продолжался до революции 1917 года. Многие западники пришли через свои этапы научной, философской зрелости к пониманию необходимости в стране революции, необходимости принимать Конституцию, вводить основы конституционного парламентаризма. Они во многом расшатали здание российской самодержавной, имперской государственности, подготовили идеологическую почву для будущей революции. Другие же, так называемые славянофилы, эволюционировали в государственников, требующих укрепления устоев российской монархии, не отрицая западные ценности, но говоря о том, что их нужно переносить на русскую почву по мере ее готовности воспринять зерна парламентаризма, идеи самодержавной республики. Они выступали как прорицатели будущих

потрясений в случае насильственного, резкого слома устоявшихся порядков. И кто его знает, чем бы закончился этот спор, не будь революции 1917 года, которая выкинула и западников, и славянофилов из общественного обихода. Революционный экстремизм победил. И сегодня, когда решается вопрос о модернизации, обновлении страны, когда выдвинут лозунг «Россия, вперед!», этот спор начинает возвращаться к своим истокам. В лице государственников, державников ныне видят современное издание славянофильства, а в лице модернизаторов, либералов и ультралибералов — какую-то новую редакцию западников. И спор между ними разгорается с новой силой, ведется опять о том же предмете, на той же почве, на той же площадке, что и полтора века назад.

Невольно создается впечатление, что эти споры, если они будут продолжаться, логично могут привести к очередному революционному всплеску. А чем он закончится? Вполне может быть и переизданием 1917 года, ведь предпосылки для него вызревают. В стране велико и углубляется социальное неравенство. Люди задавлены административным, чиновным произволом, не могут полностью реализовать себя, сделать свободный выбор в бизнесе. Вновь встает вопрос о том, по пути какой модернизации нам надо идти, чтобы обновление социально-экономической системы не обернулось крахом, не только кровавыми жертвами, но и жертвами духовными, эмоциональными, нравственными.

Какой же ответ давали нам наши предшественники на вопрос о характере назревшей модернизации страны во второй половине XIX века? Здесь хочется прежде всего опять сослаться на выводы К.Д. Кавелина, которые отражены и в его трудах, включенных в книгу «Русский национальный интерес», только что выпущенную издательским домом «Экономическая газета». Кавелин в начале своей научной деятельности дружил и с западниками, и с славянофилами,

принимая активное участие в обсуждении поднимаемых ими проблем. Его взвешенная, самостоятельная научная позиция была уважаемой сторонниками этих различных идеологических станов. В качестве основы решения злободневных тогда задач, которые оказываются важными и для дня сегодняшнего, Кавелин считал необходимым познать и понять самих себя, выяснить, что мы из себя представляем, на какой почве стоим. Без идеологических клише, штампов и стереотипов важно правильно определить положение страны, степень развития ее общества, государственного строя, экономики, нравственной жизни народа, а затем соответственно и определять задачи дальнейшего развития.

Как видим, Кавелин ставит очень важную проблему. Копаться в самих себя — это известная русская привычка. Но познавая себя, философствуя, и дело надо делать. Направления самопознания могут и должны быть, конечно, самыми различными. Надо, например, изучать проблему социального расслоения, которая может в своем развитии привести к социальным катаклизмам. Для выравнивания социального положения сейчас у нас делается все же очень и очень мало. Разрыв между группами населения самыми обеспеченными и наиболее бедными все время увеличивается.

Другая проблема. И западники, и славянофилы говорили о том, что в России надо повышать уровень образованности граждан, а также уровень гражданственности, уровень освоения инструментов гражданского общества. И эта проблема у нас также требует своего решения. В каких масштабах она должна решаться, сказать трудно. К примеру, мы не знаем, сколько населения отказывается принимать участие в голосовании. Непонятно, каков уровень образования, поскольку Единый государственный экзамен не дает возможности ответить на этот вопрос. Трудно дать точную оценку нрав-

ственного состояния общества, хотя понятно, что оно далеко не из лучших.

Все эти проблемы мешают выполнению задач модернизации, должны быть устранены. А высокий уровень коррупции и чрезмерного административного диктата? Эта тема непременно поднимается сегодня при обсуждении вопросов взаимоотношения власти и бизнеса. Предлагаются и принимаются различные меры по улучшению ситуации, но они пока не смогли изменить ее в лучшую сторону. В стране велико число чиновников. Местное самоуправление не занимает должного места в регулировании общественной жизни. Такие общественные институты, как партии, профсоюзы, объединения граждан, выполняют, по сути, прежние, определенные еще Лениным функции приводных ремней правящей партии, не являются противовесом верховной власти, позволяющим контролировать и совершенствовать ее деятельность с учетом интересов тех или иных общественных слоев.

Наконец, уже отмеченная мною выше огромная, требующая немедленного решения проблема готовности общества к переменам. Незаинтересованное отношение к производственным новшествам мы наблюдаем сегодня не только в сельском хозяйстве, но и в промышленных отраслях. Не создан еще благоприятный хозяйственный климат для разработки и реализации модернизационных программ. Экономика невосприимчива к достижениям научно-технического прогресса. Этому мешают монополизм, неразвитость конкуренции. В таких условиях бюрократы, коррупционеры быстро находят общий язык с представителями олигархического капитала и не дают свободно развиваться среднему и мелкому предпринимательству. Показательно и то, что самые инициативные, использующие в своем бизнесе техни-

ческие новинки предприниматели продолжают уезжать за рубеж.

Какие же заветы оставил нам К.Д. Кавелин, значимые для успеха решения задач модернизации?

Во-первых, познать самих себя, свои истинные потребности и интересы. Познать себя в деятельности, в работе. Не закрывать глаза на имеющиеся проблемы, а решать их ежедневно, ежечасно, комплексно, системно. Такого решения проблем пока не видно, хотя есть и позитивные сдвиги, есть шаги в нужном направлении. Но все дело в том, что они не обеспечивают полнообъемное решение проблем. Ни одного влиятельного, крупного коррупционера, скажем, еще не посадили, не заставили вернуть все незаконно присвоенное, хотя попытки судебного разбирательства и были.

Во-вторых, познавая себя, определяя пути движения вперед, важно выстраивать механизм «обновления», постоянно его отлаживать с учетом реальных условий, экономических, социальных, нравственных обстоятельств. Нужна постоянная работа по совершенствованию механизма продвижения вперед по пути прогресса.

Ныне, к примеру, принято уже немало законов и программ, призванных содействовать модернизации. В стране организовано немало технопарков, бизнес-инкубаторов, есть свободные экономические зоны, наукограды, внедренческие площадки, но оказывается, что отдача от них невелика, они малоэффективны. Потребовалось создание инновационного центра «Сколково». Программа правительства по социально-экономическому развитию России на 2000–2010 годы выполнена в лучшем случае на 40%. Много говорится о необходимости снизить для бизнеса налогообложение, чтобы ускорить накопление капиталов во всех звеньях хозяйства. Но одновременно социальные налоговые выплаты повыша-

ются, налог на имущество намереваются заменить налогом на недвижимость, что увеличит налоговое бремя.

Третий урок для нас из спора западников и славянофилов — сглаживание механизмов хозяйствования должно быть направлено на улучшение условий жизни людей.

И все же главный вопрос состоит в том, нужно ли признать особенности исторического пути развития России и учитывать ли их в социально-экономической политике? Мне представляется, что сама история уже ответила на этот вопрос. Да, эти особенности есть и их надо учитывать. Даже последний из пережитых нами экономических кризисов 2008–2009 годов показал, что разные страны пытались бороться с ним, принимая антикризисные меры исходя из своих потребностей и возможностей. Кто-то стимулировал развитие банковской сферы, кто-то поддерживал промышленные предприятия, кто-то помогал пережить кризис незащищенным слоям населения, стремился удержать от резкого и глубокого падения внутренний спрос, социальные услуги. Почему же мы должны, забыв о своей специфике, перенимать безличный какой-то мировой опыт? Мировой опыт — это отнюдь не набор неких единых, одинаковых для всех антикризисных мер. Это сумма опыта разных стран, отражающего и историческое прошлое этих стран, и достигнутый ими уровень развития, состояние у них нравственности, духовности.

Поэтому опираясь на свою собственную практику модернизации, устраняя препятствия модернизации в той или иной отрасли, в том или ином регионе, мы сможем уверенно продвигаться вперед по пути прогресса.

Встречаясь с экспертами в рамках мирового политического форума «Валдай», президент страны Д. Медведев впервые в 2010 году подчеркнул, что экономические ресурсы модернизации упираются в духовные преграды, что мы

мало еще знаем о духовных, нравственных основах нашего общества.

В этой сфере действительно много устоявшихся, ложных представлений и ошибочных мифов. Это, к примеру, мифы о поголовном воровстве, пьянстве, о мешающей реализации четкой стратегии двойственности русского человека, у которого высокая религиозность совмещается с языческими привычками и убеждениями, типичны высказывания, свидетельствующие о недовольстве действиями властей, однако же их вновь избирают на очередных выборах.

Духовно-нравственный фактор надо признать мощным ресурсом модернизации. Нужно включать в программы ее реализации меры по формированию и укреплению этого фактора. Здесь много вопросов, требующих внимания, включая вопросы отношения к труду, к образованию, службе в армии, вопросы воспитания гордости за свою страну. Речь идет о воспитании граждан, стремящихся работать не только ради своего благополучия, но и для усиления могущества страны, ее процветания, укрепления ее статуса великой мировой державы. Надо всем искать площадку для нашего общего дела, которое емко и образно обозначил президент страны: «Россия, вперед!» Каждый в меру сил своих может и должен способствовать решению этой задачи.

И последнее. Закончу свое выступление одним из анекдотов на сказочную тематику, которые я собираю. «Вроде бы нормальный наш человек поймал Золотую рыбку. Рыбка смотрит на него, говорит: «Все у тебя есть, все как у людей — квартира, жена, дети, дача, машина, а потому исполню лишь одно твое желание». «Тогда, Золотая рыбка, сделай так, чтобы я был умным». Рыбка отвечает: «Хорошо, будешь умным». И уплыла. Мужик смотрит ей вслед и говорит: «Ну и дурак же я был, не пожелал ничего себе».

Вот и нам надо действовать умно, так, чтобы не сожалеть о том, что мы упустили время и шанс, отпущенные нам на модернизацию страны. Умных людей у нас действительно много, но умных часто задним умом. Надо наш ум, наши знания, опыт быстрее переводить в практику, используя и потенциал Вольного экономического общества России, ведь это огромная интеллектуальная структура, уважаемая научная площадка, накопившая за четверть тысячелетия своего существования огромный опыт общественной деятельности. Людей умных, толковых, желающих стране только пользы, мы должны поддерживать всеми силами, тогда и модернизация пройдет успешнее, и нравственное состояние общества улучшится, и все у нас будет хорошо.

Дмитрий Менделеев: заветные мысли об экономическом процветании страны*

Хотелось хотя бы кратко осветить значительную роль Д.И. Менделеева в развитии российской экономической науки и народного хозяйства страны. Характерен уже такой факт: из более чем 400 печатных работ ученого 120 посвящено экономическим проблемам. Эти работы наряду с деятельностью в естествознании он считал важнейшими направлениями своего научного служения Родине.

Как и в других областях научных знаний Д.И. Менделеев, занимался не столько чистой теорией, сколько ее практическим применением. Это великий ученый-энциклопедист и замечательный практик. В увлечении производственными вопросами несомненно сказались его детские впечатления от посещения небольшого стекольного завода, принадлежавшего его семье. Менделеев часто выполнял конкретные задания крупнейших российских чиновников и промышленников, участвовал в правительственных совещаниях, комиссиях, выступал на торгово-промышленных съездах, всегда был в центре общественных дискуссий по вопросам экономического развития страны. И всегда выдвигал актуальные задачи, предлагая, как теперь говорят, прорывные решения, бывшие на стыке разных наук. Им поставлен вопрос о подземной газификации угля, освоении северного морского пути, предложены новые методы получения соды, бездымного пороха. До сих пор не утратили значимости его взгляды на развитие нефтяной, угольной, металлургической, химической промышленности, Донбасса, Урала, Сибири и других российских регионов.

* Научные труды ВЭО России. Т. 109 (№ 2/2009). М., 2009 (выступление в ВЭО России 27 января 2009 года на заседании «круглого стола» по теме «Д.И. Менделеев — гениальный ученый и гражданин России»).

Очень интересны взгляды Менделеева на труд. Он проводил фундаментальное различие между творческим трудом и вынужденной экономическим положением человека работой. И хотя он не говорит о путях превращения тяжелой, подневольной работы в творческий, интересный, дарящий человеку радость и удовлетворение, приносящий наслаждение труд, но показывает здесь цель, идеал общественного развития.

Провидческий дар Менделеева давал ему возможность заглядывать в будущее, раздвигать горизонты настоящего. А когда Менделеев приобрел дом с участком земли недалеко от Клина в Болбово, то в течении нескольких лет занимался опытами по повышению плодородия почвы и урожайности сельскохозяйственных культур. Результаты своих опытов, свои мысли о подъеме сельскохозяйственного производства в России он докладывал в Вольном экономическом обществе. Его идеи нашли развитие затем в исследованиях других замечательных русских ученых в области биохимии, физиологии растений, селекционного дела, почвоведения.

Очень показательна работа Менделеева по совершенствованию тарифа, которая выявила его умение подходить к решению экономических задач с государственных, народнохозяйственных позиций. Тарифы он предлагал определять с учетом интересов российской промышленности и всей экономики страны, создания новых рабочих мест, комплексного освоения территории, использования в хозяйстве новейших технических достижений. Тариф для Менделеева не фискальный инструмент, а гибкий инструмент социально-экономической политики, рассчитанной на многие десятилетия, позволявший укрепить и российской промышленности, и сельскому хозяйству.

Развитие промышленности для Менделеева всегда было делом высшей важности: «Мы живем в эпоху, когда богат-

ство и сила народов определяются индустрией. С одним земледелием Россия не двинется к надобным ей прогрессу и силе и останется страной бедной. Но чтобы производству развиваться, ему нужна защита от засилья иностранных товаров. И здесь на первый план выступает таможенная охрана — одно из важнейших орудий помощи труду».

Менделеев был сознательным и «ярким протекционистом». «Протекционную политику, — писал он, — считал и до сих пор считаю единственным способом спасения России...» Мечтал даже издавать газету, развивая в ней начала охранительной политики. В сентябре 1889 г. министр финансов И.А. Вышнеградский предложил Д.И. Менделееву разбраться с таможенными тарифами на химические продукты. Дело в том, что в те годы вопросы таможенной политики, открытости внешней торговли и защиты отечественной экономики были предметом ожесточенных общественных дискуссий. Голос в ней такого авторитетного ученого, конечно, же был очень весом. Предложение Вышеградского захватило Менделеева и как он признавался позднее, ответило самым заветным его мыслям. Взявшись за дело, он скоро понял, что не может остановиться на одних только химических продуктах, настолько существенна в тарифе связь между отдельными группами товаров. Тогда он подготавливает доклад с предложениями по общему его пересмотру. «Этим докладом, — вспоминал потом Менделеев, — определилось многое в дальнейшем ходе как всей моей жизни, так и в направлении обсуждений тарифа, так как цельность плана была только тут».

Надо отметить, что многое в этой работе Менделеева вытекало из тарифных изменений предыдущих лет, которые сформировались в определенную политику, глубоко отличную от воззрений тарифа 1868 г., со свободным ввозом в Россию бесчисленного числа товаров — почти всего продовольствия,

угля, алюминия, никеля, руд, драгоценных металлов, речных и морских судов, сельскохозяйственных машин... С таким тарифом, отмечал Менделеев, мы достигли немногого: «беднота народа, экономическая зависимость от других стран, финансовые недочеты...». Но образумились «не от того, чего достигли, не от того, что отчасти на наши денежки развилась немецкая промышленность, даже не от того, что с падением курса дешевое стало дорогим, а от того только... что упадающее земледелие принудило Запад Европы обложить хлеб высокими пошлинами». Так или иначе, со свободой торговли решили кончать. В 1877 г. предприняли первый шаг: перешли на сбор пошлин в золотой валюте. Затем, уже в 80-е годы, усиления тарифа стали чуть ли не ежегодными: установили пошлины на суда, сельскохозяйственные машины, уголь, железо, руды, золото, серебро... повысили пошлины на цемент, шелк, полотна, пряжу, чай, вина, хмель, чугун, медь, кирпич, хлопок, вагоны... На что-то (уголь, чугун, железо, сталь, хлопок) пошлины поднимали дважды, трижды. Не ограничиваясь всем этим, предпринимали и общие повышения тарифа.

И хотя на первых порах ставили цели больше фискальные, с ростом пошлин неизменно выправлялись общие характеристики народно-хозяйственной деятельности. Менделеев увидел здесь существование прямой зависимости. И так как за истекшее время изменились цены, курс, появились новые товары, то требовался общий пересмотр тарифа, направление которого уже было очевидным: «Наиболее благоприятного результата, считал ученый, можно достичь, когда все статьи тарифа будут отвечать... духу новых тарифных изменений, которые уже оправданы действительностью».

Подготовительные работы к пересмотру тарифа начались еще в 1887 г. Были собраны подробные сведения о внешней торговле, об условиях ввоза и состоянии промышленности в России. Экспертные предложения были разосланы Коми-

тетам торговли и мануфактур, биржевым комитетам, ученым обществам. В первой половине 1890 г. Особое совещание из чиновников Министерства финансов и профессоров Технологического института занялось согласованием полученных мнений. Осенью проект тарифа поступил на рассмотрение специальной Тарифной комиссии.

Дискуссии опять были очень жаркими. Менделеев доказывая необходимость высокого обложения, но у него было много противников. Даже и заместитель Вышнеградского по министерству Тернер считал неразумным для достижения благоприятного торгового баланса «поднимать тарифы безмерно». «Колоссальным» считал предлагаемые тарифы еще один влиятельный чиновник — Скальковский. О Менделееве он вспоминал потом с раздражением: «Приготовление простого кирпича у него облагалось выше, чем дорогих фарфоровых ваз. Профессор исходил из того, что России надобно выучиться сначала выделывать у себя дешевые вещи». Некоторые предложения о снижении пошлин в комиссии все же принимались. К примеру, снять обложение в два рубля с пуда на... египетские мумии.

В Государственном совете из-за значительности проект рассматривался по частям. По многим статьям и здесь возникали споры, но Вышнеградский соглашался только на незначительные уступки. Менделеев же правом голоса не располагал. Государственный секретарь Половцов даже высказывал тогда царю: «...Менделеев дает свои заключения, но не участвует в обсуждении вопроса, не подает голоса, и эта неравноправность с членами Совета не может не отражаться на свободе высказываемых мнений. Получается, что вы слушаете только чиновников с медными пуговицами». Впрочем, существенных изменений Государственный совет в проект не внес.

С 1 июля 1891 г. тариф вступил в действие. Главной его чертой было покровительство всем стадиям производства и во всех отраслях промышленности. Развить собственную индустрию стремились во что бы то ни стало. Все, что производилось или даже могло производиться в России, нашло теперь защиту в тарифе. Только четырнадцать позиций было беспошлинных — те, по которым почти и не было ввоза. Новый тариф оставил без изменения лишь 38% ставок 1890 г. Повышения были сделаны в 293 случаях (51,8%). Еще в 14 (2,5%) были обложены до того беспошлинные товары. Понижения касались 42 позиций (7,5%) — на сельскохозяйственные машины, на косы, серпы... Умеренное по отношению к 1890 г. повышение пошлин было разительным к ставкам 1868 г: они увеличились по керосину в 3 раза; нефти в 2; паровозам в 4; железу в 3–4; меди в 6–8 раз; чугуну в 9–15...

Тарифы оказались выше ставок многих других стран. К примеру, на чугун ставка была 30 коп. с пуда, в США — 8,3 коп. По отношению к внутренним ценам некоторые ставки оказались действительно «колоссальными»: на нефть цена была 1,25–2,5 коп. за пуд, а пошлина 20 коп.; керосин 3–9 коп. — пошлина 1 руб.; железо 1,00–1,33 руб. — пошлина 50 коп. Отношение пошлин к ценности товаров превысило в тарифе 1891 г. 30% (против 12,8% в 1868 г.).

Опасались, что привоз в Россию товаров резко сократится, но этого не произошло. Вот его изменение по годам (в млн руб.): 1891 г. — 371; 1892 г. — 400; 1893 г. — 450; 1894 г. — 554. Соответственно росли и таможенные доходы: в 1888–1890 гг. и в среднем 122 млн. руб., в 1893–1895 гг. — 162 млн. Общее экономическое оздоровление страны привело и к увеличению доходной части бюджета с 896 млн. руб. в 1891 г. до 1160 млн. в 1894 г.

Рост пошлин вызвал ожидаемое увеличение притока в страну иностранного капитала именно в те отрасли, кото-

рые и пытались усилить. Общий размер заграничных инвестиций вырос со 186 млн. руб. в 1890 г. до 762 млн. в 1900 г. Вообще 90-е годы, годы действия нового тарифа, характеризуются в России мощным подъемом. Прав оказался Менделеев, выступавший в защиту национальной экономики.

Тариф 1891 г. почти без изменений продержался до 1894 г., когда из-за случившейся таможенной войны с Германией пришлось пойти на некоторое его ослабление. У менделеевского тарифа оказался значительный запас прочности. На склоне лет, просматривая одну из своих основных таможенных работ, Менделеев не преминул заметить: «По моему мнению, очень убедительно».

Важное народно-хозяйственное значение имеет и деятельность Д.И. Менделеева в области метрологии. Он заложил в ней научные принципы организации практической работы и исследований, а также многое сделал для подготовки перехода страны к метрической системе. В 1892 г. Менделеев был назначен хранителем Депо образцовых мер и весов и оставался на этом посту до конца своей жизни (1907 г.). Такое назначение Д.И. Менделеева не является случайным. В научном мире он являлся величайшим авторитетом в вопросах точности проводимых во время экспериментов измерений, от чего зависела надежность и достоверность получаемых выводов. Менделеев всегда много внимания в своей научной работе уделял улучшению методов необходимых измерений, предлагая для этого новые приборы. О том высоком значении, которое великий ученый признавал за наукой об измерениях, убедительно свидетельствует следующее его положение из статьи «О приемах точных, или метрологических взвешиваний»: «В природе мера и вес суть главное орудие познания и нет столь малого, от которого не зависело бы все крупнейшее».

Еще в начале 1868 г. на первом съезде русских естествоиспытателей в Петербурге он выступил с «Заявлением о метрической системе». Теснейшее сближение народов, считал он, подготавливается такими растущими крепкими связями как печатное слово, торговля, науки. Однако крепчайшая связь на этом долгом пути, полагал он, установится при удаче попытки «склонить народы к единству мер, весов и монет». «Облегчим же и на нашем скромном поприще, — говорил он, — возможности всеобщего распространения метрической системы и чрез то поспособствуем и в этом отношении общей пользе и будущему желанному сближению народов. Не скоро, понемногу, но оно придет. Пойдем ему навстречу».

Менделеев существенно повысил статус Депо образцовых мер и весов — в 1893 г. оно было преобразовано в Главную палату мер и весов, которую и возглавил в должности управляющего. Было принято Положение о Главной палате мер и весов. В круг ее обязанностей входило хранение основных образцов (прототипов) принятых в России единиц веса и мер, а также копий и образцов иностранных единиц веса и мер, изготовление точных копий с основных образцов для проверки торговых мер и весов, проверка мер и измерительных приборов, составление сравнительных таблиц русских и иностранных мер, инструкций по сверке мер и весов и рассмотрение всех других вопросов, касающихся данной области.

В июне 1899 г. был принят разработанный с активным участием Менделеева закон, утверждавший положение о мерах и весах. Был установлен порядок хранения эталонов мер, определены более широкие функции Главной палаты мер и весов, улучшена постановка всего поверочного дела в стране. На Главную палату возлагалось общее наблюдение за единообразием мер, весов и измерительных приборов. В различных пунктах страны намечено было создать подчинявшиеся ей 150 поверочных палаток для проверки и клеймения

находившихся в употреблении мер и весов. (К 1917 г. было создано только 22 таких учреждения).

Закон 1899 г. установил также связь русских мер не только с английскими мерами, но и с метрической системой. Была изменена система русских мер — за основную единицу длины вместо сажени был принят аршин. Аршин и фунт были связаны с международным метром и килограммом. Под руководством Д.И. Менделеева были возобновлены основные прототипы русских мер, он установил точнейшие их отношения с основными метрическими мерами. За основание линейной меры по предложению ученого приняли аршин, а не сажень. В качестве материала для новых прототипов по предложению ученого послужила иридиевая платина, принятая Международной метрической комиссией для изготовления метрических прототипов. Форма для образцов также была выбрана аналогичной форме метра-прототипа. Была изготовлена и платино-иридиевая полусажень, поскольку она предназначалась для связи между тремя близкими к ней главнейшими единицами длины: английским ярдом, русским аршином и международным метром.

В Главной палате мер и весов изготовление прототипов мер веса продолжалось всего шесть лет, хотя на такую работу в других странах уходило 15–20 лет. Причем масса эталона фунта была определена с точностью до 0,000072 грамма. Менделеев добился в 100 раз большей точности взвешивания по сравнению со своими предшественниками.

Метрическая система мер по закону 1899 г. не была обязательной, но применение ее разрешалось, что позволяло постепенно подготовиться к переходу на нее в дальнейшем. В Законе говорилось: «Международные метр и килограмм, их подразделения, а равно и метрические меры дозволяется применять в империи, наравне с основными российскими мерами в торговых и иных сделках, контрактах, сметах,

подрядах и тому подобных — по взаимному соглашению договаривающихся сторон, а также в пределах деятельности отдельных казенных ведомств... с разрешения или по распоряжению подлежащих министров...».

Метрические меры стали медленно, но входить в употребление, особенно в новых областях науки и техники, например, в электротехнике. Сравнительно широко метрическая система применялась в машиностроении, а с 1907 г. была введена в военно-медицинском ведомстве вместо старого аптекарского веса. К 1914 г. в общем количестве поверяемых мер метрические меры составляли 9%. В решающих отраслях промышленности, в торговле, сельском хозяйстве и в обиходе оставались все еще старые русские меры. Декрет же «О введении международной метрической десятичной системы мер и весов» был принят уже Советом народных комиссаров советской республики 11 сентября 1918 г.

Все экономические работы Менделеева, и особенно такие как «О возбуждении промышленного развития России», «Письма о заводах», «Материалы для пересмотра общего таможенного тарифа Российской империи», «Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года», «К познанию России», «Заветные мысли», проникнуты горячей любовью к Родине, страстным стремлением видеть ее могущественнейшую индустриально-развитой мировой державой.

Идеи Вольного экономического общества в преобразовательной деятельности Петра Столыпина*

Выступавший передо мной Г.Н. Цаголов обратил наше внимание на статью в газете «Ведомости» (6 сентября 2011 года): «Столыпин: два юбилея», в которой этот великий русский реформатор совершенно необоснованно уравнивается по своей роли с Е.Т. Гайдаром. Я тоже прочитал эту статью и разделяю такое мнение. Там сравнивать даже нечего. Это две разновеликие, разномасштабные фигуры. Автор статьи — ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы Владимир Мау. Столыпин, пишет он, был выдающимся государственным деятелем, отличавшимся от обычного политика тем, что был способен видеть цели и вести общество за собой, не подыгрывая инстинктам толпы, не подстраиваясь под ее предрассудки. Но вопрос об успешности его деятельности, этот вечный вопрос при оценке российских реформаторов, не имеет якобы однозначного ответа. «Каждое поколение россиян, — считает В. Мау, — будет давать свой ответ на вопрос об успешности деятельности таких людей, как Петр Столыпин или Егор Гайдар». Из этих слов следует, что Гайдар — это тот же Столыпин в современных условиях. Конечно, с этим категорически нельзя соглашаться. Так в истории всегда бывает — к великим людям прошлого «подтягиваются» наши современники. Но когда их ставят на одну доску, то роль великого человека принижается, а роль нашего современника неоправданно завышается, это исторически несправедливо. Нельзя сравнивать таким образом человека, который начал великую, глобальную ре-

* Научные труды ВЭО России. Т. 154. М., 2011 (выступление в ВЭО России 12 сентября 2011 года на научно-практической конференции по теме «Уроки реформ П.А. Столыпина: стратегия преобразований в современной России». Конференция проведена Вольным экономическим обществом и Фондом изучения наследия П.А. Столыпина и посвящена 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. См. также: Менеджмент и бизнес-администрирование, № 3, 2011).

форму в интересах России и ее жителей, успешно стал ее проводить, с человеком, провалившим все затеянные по западным моделям реформы, который чуть не угробил народ своей шоковой терапией рыночных преобразований. У Гайдара и Столыпина два разных подхода к реформам, пониманию их целей и методов проведения.

Мы изучаем прошлое, чтобы работать на будущее. Но говорить сегодня о наследии и уроках реформ Столыпина надо с определенной корректировкой. Сто лет прошло после столыпинских реформ. Страна изменилась, хозяйство изменилось. Изменился весь мир. И напрямую переносить на современную почву принципы и уроки реформ Столыпина необоснованно, ничего хорошего не получится. Нам ныне даже трудно иногда представить то, о чем беспокоился Столыпин, что его волновало. Он беспокоился о значении сельской общины, выделении из нее крестьян, об отрубках, хуторском хозяйстве, о том, как избавиться в земледелии от чересполосицы. Теперь эти проблемы остались в прошлом, нам совершенно неизвестны. Конечно, для историков народного хозяйства они важны, надо знать, в чем было их значение, какие трудности были с ними связаны, как они решались. Для нас же важна не эта конкретика, а методология столыпинских реформ, подходы Столыпина к их проведению. Что он брал за основу, в чем видел стержень преобразований, какие проблемы считал главными и почему? Но как раз эти стороны преобразований Столыпина остаются вне внимания исследователей, их затеняет юбилейный пафос проходящих ныне самых различных научных конференций. Однако именно методологический анализ дает возможность лучше осознать суть модернизации, о которой мы говорим в течение почти трех лет, но до сих пор не достигли единства в понимании ее задач, ее основ, ее принципов.

Модернизация, считают некоторые, вызвана тем, что мы выбрали догоняющий путь развития, обновления производства, сосредоточились на совершенствовании нескольких приоритетных отраслей. Но это не модернизация. В любой стране, если хотят, чтобы экономика оставалась на плаву, нужно постоянно заниматься обновлением производства, постоянно проводить активную промышленную политику и постоянно выделять приоритетные отрасли. Это все текущие, обычные задачи. А модернизация производства предполагает решение стратегических задач, коренное изменение экономических отношений. И здесь нам надо обратиться к методологическим принципам и урокам реформы Столыпина.

Но прежде чем ответить на эти вопросы, приведу хотя и анекдотический, но весьма интересный эпизод, на который сам Столыпин несколько раз ссылался. Когда он был саратовским губернатором, шла Русско-японская война. Случилось так, что поезд с главнокомандующим русскими войсками в Маньчжурии Александром Куропаткиным следовал через соседнюю Самару. Саратовский губернатор поехал туда, чтобы его поприветствовать. Столыпин рассказывал, что его поразил вагон главкома, набитый не картами боевых действий, а иконами, хоругвями, блюдами с хлебом-солью. Конечно, это как-то не соответствовало представлениям о серьезности военной ситуации. Запомнилось Столыпину в Самаре и краткое «напутствие» генералу, которое дал ему какой-то простой мужик. Дело было так*. Поезд уже отходил от перрона и Куропаткин подошел к окну вагона, чтобы проститься с толпившимся на вокзале народом. Вдруг толпа из своих глубин выдавила вперед нескладного, бедно одетого, явно нетрезвого мужичка, который по-простецки выпалил

* Этот эпизод приведен в книге: С. Кисин. Петр Столыпин. Последний русский дворянин. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

генералу: «Смотри, не подгадь!» Трудно сказать, вспоминал Столыпин, от души ли говорил крестьянин, не умея облечь свои пожелания успеха в менее комичную форму, или в сердце его уже вкрались сомнения в этих успехах, так усердно семые революционером в народе.

Куропаткин, проиграв войну, именно «подгадил», не выполнил напутствие того мужичка. А напутствие, прямо скажем, весьма по-народному выразительное, которое хочется повторить и некоторым нашим руководителям модернизационных программ. И если применить его к решению задач современной модернизации, то здесь сразу возникает вопрос: что же надо делать, чтобы не «подгадить» с ней? Как проводить преобразования в нашей экономике, чем поможет опыт реформ Столыпина?

Прежде всего надо отметить, что главное дело своей жизни — аграрную реформу Столыпин буквально выстрадал, всесторонне обдумал, в какой-то мере даже опробовал.

Столыпин, сам помещик, владелец крупных имений в разных регионах страны, хорошо был знаком с положением в сельском хозяйстве, с трудностями и требованиями помещиков и крестьян. Этими проблемами он занимался, будучи предводителем дворянства Ковенского уезда, председателем Ковенского съезда мировых посредников и губернским предводителем дворянства (1889–1902), гродненским (1902–1903) и саратовским губернатором (1903–1906).

В работе С. Кисина «Петр Столыпин. Последний русский дворянин» рассказывается, что Столыпин организовал в Ковно сельскохозяйственное общество (подобие кооператива) под собственным председательством, которое, по сути, взяло под контроль и опеку всю местную хозяйственную жизнь. Основными задачами общества были просвещение крестьян и увеличение производительности их хозяйств. Общество обращало внимание на грунтовые и железные до-

роги, водные пути сообщений, доставку сельхозпродукции, строительство, садоводство, селекцию, условия труда крестьян, участие их в выставках. Столыпин изучает также возможность развития страхования, пенсионного обеспечения, внедрения сберегательно-пенсионных касс.

Общество, видимо, успешно работало, так как Столыпин впоследствии хотел повторить этот опыт в Гродненской губернии. Помимо общества и аграрного синдиката со складом станков, Столыпин основал сельскохозяйственную школу с большим интернатом, с образцовой фермой для обучения скотоводству. Из этих столыпинских общества и школы впоследствии выросла Литовская сельскохозяйственная академия, которая существует и сейчас как раз в тех зданиях, которые были построены по планам Столыпина.

Много времени предводитель дворянства проводил в своем имении в Колноберже, где занимался любимыми экспериментами в сельском хозяйстве. Опытные имения Колноберже, Петровское и Ольгино в 1901 году дали 4484 пуда пшеницы и 4650 пудов ржи. Выращивались ячмень, овес, горох, вика, картофель. В Петровском был разбит сад. Часть земли сдавалась крестьянам в аренду.

Когда Столыпин был губернатором в Гродно, как раз в 1902 году было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, опиравшееся на местное дворянство и земства. Было создано 82 губернских и областных и 536 уездных и окружных комитетов этого совещания, возглавлявшихся местной властью. На заседании гродненского комитета Особого совещания в качестве председателя Столыпин изложил свои взгляды на положение крестьянства, впервые представил широкой публике идеи, ставшие основой его будущей аграрной реформы. «Главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии вообще и сельскохозяйственной промышленности,

в частности, следует считать, — говорил он, — расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого пользования надельными землями к хуторному хозяйству, устранение чересполосности земель...» Он предложил внедрять на Гродненщине искусственные удобрения, современные сельскохозяйственные орудия, ввести многопольные севообороты, мелиорацию. Старые способы землеустройства и земледелия, считал он, могут кончиться «экономическим крахом и полным разорением страны».

Государственный подход к делу, организаторские способности, честность, требовательность, решительность и необходимая жесткость в принятии и проведении решений способствовали его служебной карьере. В апреле 1906 года Столыпин стал министром внутренних дел, а в июле 1906 года, сохранив этот пост, он становится председателем Совета министров после отставки С.Ю. Витте и роспуска I Государственной думы.

Самой «горящей» проблемой тогда была борьба с революционными выступлениями в деревне и терроризмом. В 1906–1907 годах в стране было сожжено 4 тысячи помещичьих усадеб, повсеместно происходил самозахват помещичьих земель. Было подавлено 17 тысяч крестьянских выступлений. Крестьяне требовали передать им помещичьи земли, считали землю общим для всех достоянием. Лозунг «Землю — крестьянам» поддерживали эсеры, развернувшие террористическую войну против представителей власти. Покушения, акции террористов-смертников стали, можно сказать, обычным явлением. По инициативе Столыпина были введены военно-полевые суды, выносившие приговоры по делам о терроризме в течение двух суток и приводившие их в исполнение за 24 часа. С августа 1906 года по апрель 1907 года было казнено 1100 человек. После относительного умирения страны Столыпин получил возможность приступить

к реформам. В Госдуме он не нашел поддержки и реформы проводились указами императора.

Пятого октября (по старому стилю) 1906 года вышел указ императора о крестьянских вольностях. Крестьяне были уравниены в правах с остальным населением, могли получать паспорт, свободно передвигаться, поступать в учебные заведения и на государственную службу. Крестьяне с большим количеством земли могли участвовать в земских выборах.

Указ от 9 ноября (по старому стилю) 1906 года давал крестьянам возможность выходить из общины. В мае 1911 года на надельной земле покинувших общину крестьян — отрубках — разрешили создавать хутора путем ликвидации чересполосицы.

Таким образом, Столыпинская аграрная реформа началась указом 9 ноября 1906 года, одобрена Думой в 1910 году, когда указ стал законом, а прекращена была постановлением Временного правительства 28 июня (11 июля) 1917 года. Реформа устраняла остатки крепостничества после реформы 1861 года. Крестьяне получили право частной собственности на землю — свою надельную, выделенную из общины, а также на приобретенную ими путем купли. Помещичье землевладение сохранялось. Главным содержанием Столыпинской аграрной реформы стало создание у крестьян частной земельной собственности.

Большую роль в аграрной реформе сыграл Крестьянский банк. Владельцам отрубков и хуторов выдавались кредиты на льготных условиях для покупки земли и обустройства хозяйств. Банк продал крестьянам три четверти земель собственного земельного фонда, которые он покупал у помещиков и лиц, вышедших из общины. Крестьянский поземельный банк ссужал независимых хозяев деньгами для обзаведения техникой, покупки земли и удобрений, получения агрономических знаний. За счет банка выдавались подъемные тем, кто

вместе со скотиной отправлялся на пустующие земли вне Европейской России.

Столыпин организовал переселение крестьян в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток. Из 3 млн человек, переселившихся за 1906–1916 годы, возвратились на прежние места 548 тыс. человек, что составляло 18%. Переселение решало проблемы малоземелья и освоения новых территорий.

Итоги реформы таковы — к началу 1916 года из общин вышло 2478 тыс. домохозяев с 16 919 тыс. десятин земли. Это 26% общинных дворов и около 15% площади крестьянского общинного землевладения. К итогам реформы надо отнести вовлечение земли в торговый оборот, усиление имущественного расслоения крестьян.

При проведении своих реформ Столыпину пришлось столкнуться в Государственной думе с весьма агрессивными настроенными против любых действий правительства политическими партиями и фракциями, на которые он не мог опереться, а действовать надо было безотлагательно. Экономика была далеко не в лучшем состоянии, государственная казна пуста, продолжались крестьянские волнения, в обществе сохранялось недовольство. В чем же видел опору для своих реформ Столыпин? Он полагал, что такой опорой для них станет широкий класс собственников, крепких хозяев, который надо создать и не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, хотя основной упор он делал на сельское хозяйство. И в этом для нас заключается важнейший методологический урок Столыпинских реформ — опираться на собственника, хозяина своего дела, чувствующего ответственность за свои успехи и неудачи. А что мы видим сейчас у нас? Говоря о модернизации, даже не вспоминают о задаче формирования среднего класса в полном его объеме. А ведь это основа политической и экономической стабильности в стране.

За прошедшее двадцатилетие рыночных преобразований средний класс в России так и не сложился. Если графически изобразить ситуацию с имущественным расслоением нашего населения, то мы увидим на графике как бы очертания двугорбого верблюда — два его горба образуют богатые и бедные, а между этими группами на графике провал. Нам в результате реформ нужно сформировать солидный, средний по материальному достатку слой людей, заинтересованных в развитии экономики и политической стабильности.

Столыпин также решал подобную задачу. Неправильно полагать, что ее решение он видел только в наделении крестьян землей. Формирование мощного среднего класса обеспечивалось системой экономических мер, совокупностью различных действий экономического порядка, что явственно просматривается в программе намеченных им преобразований.

Итак, для Столыпина модернизация заключалась в создании прочной основы устойчивости государства Российского. Прочной основы не в капиталах, не в отраслях, не в тоннах руды или производства зерна, а в создании прочного, надежного слоя предпринимателей и собственников земли, тех, кто держит государство Российское на своих плечах. Для этого он и работал. А поскольку население в стране в основном земледельческое, значит, нужно прежде всего взяться за это земледельческое население. И здесь он решал те вопросы, которые не были решены «революцией» 1861 года, отменой крепостного права, расчищая почву для развития капитализма.

И если говорить о методологии Столыпинских реформ, то надо назвать и следующие ее особенности. Столыпин был за многообразие форм собственности, предоставляя возможность укрепиться той, которая окажется более эффективной. Столыпин не был ни за американский, ни за прусский путь развития. Ставя целью реформы увеличение крестьянского

землепользования, он вовсе не намеревался ликвидировать помещичьи хозяйства, так как видел в них очаги культуры и агрокультуры. Дворянское землевладение рассматривалось им в качестве одной из опор сельского хозяйства. Сохранение помещичьих имений и давало повод говорить о том, что Столыпин проводил аграрную реформу по прусскому пути, а в выделении из общины крестьян с наделом видели аналогию с развитием американских фермерских хозяйств. На самом же деле Столыпин был за русский путь развития, в котором объединялись и прусские, и американские начала. Не был он сторонником и повсеместного разрушения общины. Пусть она сохраняется там, где крестьяне хотят остаться в ней. А тем, кто стремится выйти из общины, надо помочь. Община, считал Столыпин, уже изжила себя и через два-три поколения крестьян сама по себе полностью отомрет.

Как видим, методологический подход к реформам у Столыпина — стоять на почве российской реальности — в этом вопросе проявился очень рельефно. Исходить из этой реальности, учитывать ее, а не ломать, направлять ее движение вперед — вот так действовал Столыпин. В декабре 1908 года он следующим образом высказывался по этому вопросу: «В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своею собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя... Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли...»

Столыпин ни помещичьего хозяйства, ни общины не отменял. Он, вообще, ничего не отменял. Он говорил: пожа-

луйста, хозяйствуйте на ваших условиях, пусть будет эта собственность частника, арендатора, помещика, общины. Если хотите, то пусть будет хуторское хозяйство, пожалуйста. Любая форма собственности разрешается, лишь бы хозяйствование эффективно шло на земле, лишь бы никому не мешало реализовывать свой творческий потенциал. Любая форма собственности и в промышленности, и в сельском хозяйстве, которая успешно работает, которая позволяет человеку стать хозяином, обеспечивать свою семью, платить налоги, пусть развивается.

И как же сегодня этот методологический принцип реализован в нашей стране? Мы говорим о демократии, мы говорим о рынке. Но нет у нас конкурентоспособного рынка. Конкуренцию задавили монополии. Малый и средний бизнес задавлен и монополией, и коррупцией. Значит, у нас частной собственности полноценной нет, а что уж говорить о смешанных формах собственности, кооперативной, акционерной и т.д. Исчезают даже рудименты народной собственности или, как говорят в Америке, индивидуальной собственности в коллективном управлении.

Считается, и это тоже один из мифов, что Столыпин был противником общины, настаивал на ее насильственном сломе. Ничего подобного. Он говорил о том, что пусть сами крестьяне, сама община решает, есть ли ей право существовать, нет ли ей права существовать. Мы же должны человеку создать условия для успешной работы. Хочет работать, пусть работает, хочет вообще не работать, пусть не работает. Труженику поможем, облегчим аренду земли, устроим переселение, дадим капиталы через льготный кредит, поможем образовать потребкооперацию, получить образование или продать землю, уйти в город.

Столыпин не являлся сторонником насильственного насаждения новых форм хозяйствования, был противником

национализации земли. Не принимал он и идею уравнительного бесплатного раздела земли. Сверх имевшегося у крестьян надела земля могла приобретаться ими за плату. Для этого Столыпин предлагал выдавать крестьянам доступный кредит. «Способ устранения острого малоземелья, — пояснял он, — в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель землевладельцам».

Настаивая на необходимости земельной реформы, Столыпин считал, что она должна опираться на свободную волю самих крестьян, на их представления о том, в чем они видят пользу для своего дела: «Правительство, веря в жизненность закона 9 ноября 1906 года, не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения... считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку». Проведу еще одно важное признание реформатора: «Я со слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не по внутреннему убеждению».

Хотя аграрную реформу Столыпин считал главным звеном в намеченных им преобразованиях, он распространял их и на промышленность, намеревался создавать условия для укрепления предпринимательства, улучшения положения рабочих. Было предусмотрено узаконить профессиональное рабочее движение, признать возможность экономических стачек, ввести страхование рабочих на случай их болезни, увечий, инвалидности, старости, предусматривалось сокращение рабочего дня. В ряду этих мер, обеспечивающих комплексный характер преобразований, охватывающих все основные сферы жизнедеятельности общества, надо упомянуть и меры, направленные на улучшение народно-го просвещения, а также на защиту прав граждан, четкое

их законодательное закрепление, то есть на формирование правового государства: «Пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит права отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, т.е. не будут прочно установлены».

Для нас, следовательно, методологический урок из этого заключается в том, что никакого насилия ни над экономикой, ни над предпринимателем, никаких ограничений над ним при проведении реформ не допускается. То есть необходимо предоставление свободы в полном объеме для реализации и потенциалов капитала и творческих способностей предпринимателя.

Следующий вопрос очень важный. Когда мы учились в университете, нас учили различать монополию частной собственности на землю и монополию на право хозяйствования на земле. Это отнюдь не теоретический, академический вопрос. Он имеет прямое отношение к нашему сегодняшнему дню. Речь идет о четком законодательстве о собственности на землю, ее аренде, использовании, продаже. Здесь до нужной четкости далеко.

Столыпин выступал против продажи земли не крестьянским хозяйствам. Это было запрещено и иностранцам. Выступал против нецелевого использования сельскохозяйственной земли. Сила государственной власти обращалась им на то, чтобы земля оставалась основой национального богатства, использовалась как основа национального богатства. Вот этот методологический урок Столыпина тоже до сих пор не освоен.

И еще два замечания. Первое связано с тем, что Столыпин вовсе не был аграрником, он был государственным деятелем. Он первый заговорил о законах, закрепляющих свободу личности, о 8-часовом рабочем дне, о правах профсоюзов на

организацию забастовок, о законах в области пенсионного обеспечения, социального страхования и т.д. Он заботился о трудящемся человеке, а не о тех, о которых мы ныне говорим как об олигархах. Вспомним недавний финансовый кризис. Кого спасли власти в кризис? Крупные олигархические предприятия, крупнейшие банки. Позиция же Столыпина в годы реформ иная. Он говорил: нужно спасать тех, кто работает. Вот этого мы не добились, вот в этом еще один его урок для нас.

И последнее. Радикальные преобразования в обществе Столыпин считал возможным проводить без ломки властных институтов. Радикальные преобразования в хозяйствовании вместе с тем должны идти с перестройкой управленческих структур. Кстати, он автор термина «перестройка». Одновременно с перестройкой властных органов нужно совершенствовать экономические отношения, но ничего насильственно ломать не надо. И вот если нашу модернизацию осуществлять в таком методологически верном направлении, то все удастся, не подгадим.

На нашей конференции Г.Х. Попов намеревался в своем докладе рассмотреть четыре фундаментальные ошибки Столыпинских реформ, но, к сожалению, не смог выступить. Не знаю, о каких именно ошибках собирался говорить Гавриил Харитонович, но одну, как полагаю, могу угадать. Столыпин в своей реформаторской деятельности очень много времени потратил на убеждение депутатов Государственной думы, на общение с представителями различных ее фракций — кадетов, трудовиков, социалистов, но так и не нашел себе верных сторонников. И ошибка его, как видится, заключалась в том, что он не формировал под свою реформу самостоятельной политической силы. Вероятно, не занимался он этим и потому, что был приверженцем монархии, против которой тогда были настроены практически все политические

течения. Но если бы он опирался на разделяющую его взгляды политическую силу, может быть, наша история выглядела бы иначе. Сегодня мы видим сходную ситуацию. Ни одна из имеющихся ныне политических сил не подходит для политики модернизации страны. Можно с полным основанием вспомнить слова В.С. Черномырдина о том, что какую партию у нас не создавай, все КПСС получается. Все наличные на сегодня партии можно считать отдельными фракциями КПСС, не ориентированными на радикальные реформы.

Анализируя деятельность П.А. Столыпина, нельзя не отметить, что в ней нашли свое яркое отражение идеи и предложения по совершенствованию социально-экономического положения России, которые защищали лучшие представители Вольного экономического общества. Дед Столыпина — Дмитрий Алексеевич — был не только замечательным военным, который разработал весьма эффективную систему артиллерийского огня, примененную в войну 1812 года, но был и поклонником философии позитивизма, слыл либеральным помещиком, написал книги о хуторском хозяйстве и земледелии: «Арендные хутора» и «Земледельческий порядок до и после упразднения крепостного права». Почему он интересовался этими вопросами? В качестве предположения можно сказать, что на него несомненно повлияло общение с семьей Н.С. Мордвинова, долгое время бывшего президентом Вольного экономического общества. Брат деда П.А. Столыпина — Аркадий Алексеевич Столыпин был женат на дочери Мордвинова — Вере Николаевне. Семейство Мордвиновых неоднократно бывало в пензенских имениях Столыпина. А мысли деда о необходимости замены общины хуторскими хозяйствами воспринял затем его внук Петр Столыпин.

Имеется также интересная информация о том, что брат деда и сам дед намечались, как и Н.С. Мординов, в прави-

тельство, которое декабристы намеревались сформировать после своего восстания.

Можно также с большой долей уверенности предположить, что идеи Н.С. Мордвинова о заселении Сибири, наделении земель переселенцев были восприняты П.А. Столыпиным. Мордвинов считал, что Сибирь, богатейшая часть России, останется дикой пустыней веками, доколе правительство не будет раздавать в ней казенные земли в частную собственность. Он даже предлагал, чтобы у тех, кому в награду давали внутри России земли, всякий раз спрашивали бы, не желают ли они их получить в Сибири, где за каждую тысячу десятин внутри России выделяли бы по 4 тысячи десятин*. То есть уже здесь мы находим идеи о том, что освоение просторов Сибири надо сочетать с переселением, формированием в ней собственников, хозяев земли. Такие же положения развивал и П.А. Столыпин.

Еще пример переклички идей. Д.И. Менделеев, замечательный химик, тесно сотрудничавший с Вольным экономическим обществом, преподавал химию Петру Столыпину, поступившему в 1881 году на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Менделеев заметил любознательного студента, охотно общался с ним, вел даже дискуссии. В этом университете преподавал и К.Д. Кавелин, один из авторов проектов реформы 1861 года, ставший позднее президентом Вольного экономического общества. П.А. Столыпин воспринял все идейное наследие лучших семейств российской интеллигенции, хорошо знал положение в сельском хозяйстве, настроение крестьян и помещиков.

Можно привести и такой пример. Став премьером в 1907 году, Столыпин начал подбирать кандидатуры для работы

* Особое мнение адмирала Мордвинова. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008. С. 367.

в своем правительстве. Поговорил он об этом и с одним из основателей и членом ЦК партии «Союз 17 октября», президентом Вольного экономического общества графом Петром Гейденом*. Граф был известен тем, что в своем имении Глубокое в Псковской губернии успешно занимался сельским хозяйством, использовал новейшую зарубежную технику, привлекал к работе хороших специалистов, следил за иностранной сельскохозяйственной литературой. П.А. Столыпин несомненно полагал, что он может быть полезен ему в аграрном вопросе. К тому же П. Гейден, как считалось, в своих политических взглядах гармонично увязывал консерватизм и либерализм. Однако Гейден в новой ситуации не разобрался, почему-то решал, что их «хотят использовать на роль наемных детей при дамах легкого поведения». Пост министра землеустройства и земледелия в правительстве П.А. Столыпина занял князь Борис Васильчиков — крупный землевладелец, предводитель нижегородского дворянства. Однако идеи, опыт хозяйствования Гейдена не остались без внимания П.А. Столыпина.

Вольное экономическое общество с момента своего образования крестьянский вопрос никогда не забывало. Основательница Общества Екатерина II стала инициатором конкурса сочинений, отвечавших на вопрос о том, кто эффективнее хозяйствует на земле: свободный крестьянин или крепостной. И хотя первую награду получил иностранец, но в его сочинении говорилось о том, что свободный хлебопашец на собственной земле трудится более производительно. Практически во всех работах всех президентов Вольного экономического общества, на всех этапах его развития крестьянский вопрос рассматривался с различных точек зрения. И практически все авторы проектов и программ разрешения

* С. Кисин. Петр Столыпин. Последний русский дворянин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 105.

крестьянского вопроса, предлагаемых Вольным экономическим обществом, стояли на реальной для их времени российской почве. Они не исходили из умозрительных схем, они не рисовали каких-то радужных, несбыточных перспектив, не обещали решения труднейших проблем за 100 или 500 дней, за год или два. Они были реалистами. Всесторонний учет реальности — один из важнейших методологических уроков, присущих работам и идеям членов Вольного экономического общества, который усвоил П.А. Столыпин.

Если говорить о развитии им творческого наследия Вольного экономического общества, то надо отметить, что Общество никогда не предлагало решать вопросы в ущерб какому-то слою населения. Вспомним, хотя бы проекты отмены крепостного права. Сейчас часто подчеркивается, что реформа 1861 года плоха потому, что сохранила помещичье землевладение. Но только представьте, как воспринялись бы тогда посягательства на собственность и льготы помещиков, к каким потрясениям это бы привело. В проектах членов Общества отвергались весьма распространенные призывы отнять землю у помещиков, разделить ее между крестьянами. Был выбран другой путь земельной реформы, учитывая интересы и помещиков, и крестьян. Пусть время покажет, какое хозяйство эффективнее, кто хочет и сможет хозяйствовать эффективнее. Лишь бы земледелец имел возможность трудиться, лишь бы земля работала, не бездействовала, лишь бы исключить возможность кровавых столкновений. Поэтому решались вопросы создания условий для эффективной работы собственников земли и в политической, и в экономической сфере. Отсюда за реформой 1861 года последовали преобразования в военной области, в судебной системе, в местном самоуправлении.

И этот методологический урок усвоил Столыпин. В его земельной реформе также не было насильственного слома

помещичьего землевладения. А что касается общинных порядков, то они сразу устранялись лишь там, где десятилетиями уже не принимались для наделения крестьян землей, а в остальных случаях крестьяне сами должны были решать — выходить из общины или сохранить ее. Учет интересов участников экономической жизни, отказ от попыток насильственной ломки сложившихся экономических отношений — это второй урок, воспринятый Столыпиным из методологических подходов, типичных для звучавших в стенах Вольного экономического общества проектов реформ.

И наконец, третий урок заключается в том, что какие бы мы реформы ни задумывали, как бы мы их ни разукрашивали и без сомнений верили бы в их успешность, всегда необходимо отслеживать ход начинаемых преобразований, видеть их трудности и возможные ошибки, учитывать те или иные местные особенности. Этот урок также нашел отражение в земельной реформе Столыпина, в которой учитывалась региональная специфика огромных просторов Российской империи. Одно дело — малоземельный центр, другое дело — Северный Кавказ, третье — Сибирь, особенности регионов принимались во внимание, конкретизировались в местном законодательстве. Реформа поводилась не ради реформы, а ради окончательного решения назревших в экономике вопросов, создания мощного слоя земельных собственников, заинтересованных в эффективной работе на земле и имеющих для этого все необходимые условия.

Согласитесь, что все эти уроки, вытекающие из анализа многогранной деятельности Вольного экономического общества и земельной реформы П.А. Столыпина, усвоены нами далеко не в полной мере. И в программе модернизации надо говорить о том, что мы должны создать прочные основы эффективного хозяйствования на будущее, не строить скоропалительных радужных планов, а формировать мощный,

ориентированный на успешную работу слой предпринимателей. Использовать различные формы и методы хозяйствования, обеспечивать необходимые условия и возможности для эффективной работы, получения достойных доходов предпринимателями и работниками, наполнения полноценного бюджета для проведения сильной социальной политики и других нужд государства. Нужно стоять на почве реальной действительности, учитывать потребности и возможности дня сегодняшнего, уроки нашего исторического развития, постоянно отслеживать проходящие экономические процессы, корректировать их в желательном направлении — вот что важно, вот в чем корень вопроса.

Игорь Сикорский: высокий полет души и мысли*

Ах, как мечтается в детстве о высоких полетах. Полетах свободных, вольных, чарующих. То резко стремительных, то медленно парящих, но всегда, всегда пленительных, всегда манящих, всегда аж до того дух захватывающих, что-под ложечкой надрывно щемит и холодком посасывает.

Ах, как мечтается! И как летается! Кому во сне. Кому наяву, в грезах. Вот оно — облако, такое молочное, густое, такое близкое, мягкое, чуть головой не задеваешь. А вот они — макушки деревьев. Какие разные! Иные так и норовят побольнее хлестануть по ногам раскидистыми ветками. А другие — добряки, сами приглашают — сядь, посиди, полюбуйся сверху, вон они какие, домишкито, маленькие, а вон речка — дада, она, родимая, которую еще и переплыватьто толком не научился, — какая же она узенькая, тоненькая и совсемсовсем не страшная...

Небеса. Кто в них не парил? Кто в них не купался счастливым малолетством? Но детство проходит. Грезы тают. И лишь немногие сохраняют в душе верность пережитому чувству полета. Лелеют и берегут его, живут им и... И, несмотря ни на что, вслед за Икаром поднимаются в чистое небо. Поднимаются на тучных воздушных шарах и неуклюжих планерах, на зыбких дельтапланах и легких, как стрекозы, вертолетиках, на размашистых самолетах и стройных космических ракетах. Летят. Летят. Какое безмерное счастье! Какой безграничный простор! Как возвышен и чист человек в полете!

Возвышение! Его хотели подарить человеку великие мечтатели, ученые, авиаконструкторы. Ради него они жили и шли на жертвы. И признательное человечество на века внесло их благородные имена в свою биографию. Л. Эйлер

* Вступительная статья к книге: *И.И. Сикорский. Небо и Небеса.* — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010.

и братья Монгольфье, Д. Кейли и Х. Максим, Д. Менделеев и К. Циолковский, Ф. Цеппелин и О. Лилиенталь, А. Можайский и братья Райт, Н. Жуковский и С. Чаплыгин, Я. Гаккель и И. Стеглау, Д. Григорович, В. Слесарев, В. Ветчинкин — какие славные фамилии! Все они открывали новую страницу в летописной истории земной цивилизации. И среди них свое достойное место занимает всемирно известный, выдающийся русский авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский. Это он первым на самолете обогнал паровоз. Это он построил первый вертолет. Это он первым создал многомоторные авиагиганты «Русский Витязь» и «Илья Муромец», ставшие родоначальниками и отечественных тяжелых бомбардировщиков, и отечественной стратегической авиации. Это его учеником был легендарный автор советских «боингов» А. Туполев. Это он, Игорь Иванович Сикорский, сумел в своем творчестве соединить идеи передовой научно-технической мысли с высокими принципами христианского бытия, развить их в собственное оригинальное мировоззрение, в собственное понимание места и роли человека в юдоли земной.

* * *

Игорь Иванович Сикорский родился на стыке эпох — гибели старого мира и рождения мира нового. Стыка катастрофического, жестокого, кровавого, который и пережить-то не каждому под силу, не то что осмыслить его, переплавить увиденное и прочувствованное в горниле святого творчества, выдать поразительные по силе прорыва в грядущее образцы жизненной стойкости, высокой гражданской порядочности и христианской благочестивости, научной добросовестности и созидательной ответственности.

Он появился на свет 25-м майским днем 1889 года в древнем Киеве, в семье со старинной духовной родословной. Отец

Игоря Ивановича — сын сельского священника из села Антоново Сквирского уезда Киевской губернии — Иван Алексеевич Сикорский (1842–1919) окончил Киевскую духовную семинарию (1863), а затем — в 1869 году и медицинский факультет Киевского университета, на котором сразу же как способный студент-выпускник был оставлен для подготовки к ученому званию.

В 1872 году старший Сикорский защищает докторскую диссертацию и продолжает научно-практическую и врачебную деятельность в Санкт-Петербурге (1873–1875). С 1875 года — профессор, заведующий кафедрой душевных и нервных болезней медицинского факультета Императорского университета Св. Владимира, а с 1896 года еще и редактор научного журнала «Вопросы нервно-психической медицины». За Иваном Алексеевичем Сикорским числится значительный вклад (опубликовано 17 крупных научных трудов) в отечественную науку. Его работы по различным аспектам общественной психологии, психологических основ воспитания и нервно-психической гигиены были переведены на иностранные языки, принесли ему европейскую известность и научное признание*. После скандального «дела Бейлиса»**, по которому власти обратились в 1913 году к Ивану Алексеевичу как авторитетному эксперту, и его предположения о ритуальном характере совершенного преступления Иван Алексеевич сильно заболел и больше уже не возвращался на кафедру. Однако своего общественного служения не оставил, гражданские обязанности с себя не сложил: усердствовал в возглавляемом им местном Попечительском обществе

* Русский биографический словарь: в 20 т. — М.: Terra-Книжный клуб, 2001. Т. 14. С. 8.

** «Дело Бейлиса» — судебный процесс в Киеве, организованный правительством и черносотенцами в 1913 году над М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве православного мальчика А. Ющинского. Вызвал громкий протест передовой общественности и в России, и за рубежом. С разоблачением надуманности и лживости обвинений выступали М. Горький, В. Короленко, А. Блок, В. Вернадский. Несмотря на давление черносотенцев и усилия правительства, присяжные вынесли оправдательный приговор.

о тюрьмах, бесплатно консультировал лечебницы для хронически больных детей Императорского человеколюбивого общества, председательствовал в обществе вспомоществования студентам и Юго-Западном обществе трезвости.

Мать Игоря Ивановича — Мария Стефановна Сикорская (в девичестве Темрюк-Черкасова), получившая достойное для своего времени глубокое классическое образование, в т.ч. и медицинское, привила сыну искреннюю любовь к изящному искусству, музыке, литературе. Она так рассказывала и читала сыну о проектах летательных аппаратов гениального Леонардо да Винчи, о научной фантастике великого французского романиста Жюль Верна, что маленькому Игорю однажды приснился захватывающий полет воздушного корабля-гиганта. Сон продиктовал, предсказал ему жизненные мечты и предназначения, а горячая материнская кровь дала силы преодолеть все препятствия к их достижению.

В большой и дружной семье Сикорских, а Игорь родился пятым ребенком и был вторым сыном, все дети воспитывались по особой отцовской методике, сызмальства возвращавшей в них мощную нравственную преданность Русской Православной церкви, Престолу и Отечеству, развивавшей у них непреклонную волю и усердное упорство в движении к поставленной цели, приучавшей к самостоятельности постоянного, созидательного и радостного труда. Уже в двенадцать лет Игорь конструирует и строит свою первую действующую модель вертикально взлетающего аппарата — модель вертолета «на резинке». Сколько их — вертолетов и самолетов — родится в его мыслях, обретет конструкторскую четкость в чертежах и графических схемах, воплотится в опытных образцах и серийных изделиях? Десятки? Сотни? Тысячи? И каждую он будет подетски радостно встречать как еще одну победу над силой земного притяжения и духовной приземленностью человека, как еще одну ступень, воз-

носящую человека-творца к новым высотам познания и его самого, и окружающего его мира.

* * *

Игорь начал учиться в 1-й Киевской гимназии, но вскоре по примеру старшего брата поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. По окончании общеобразовательных классов он не без сожаления расстается и с друзьями, и с атмосферой особого братства среди будущих морских офицеров, покидает корпус, чтобы продолжить образование во все более и более привлекавшей его инженернотехнической области. Поступает в Высшее техническое училище и, стараясь не потерять драгоценного времени, когда вузы из-за революционных событий 1905–1907 годов стали работать с перебоями, в 1906 году уезжает на родину воздухоплавания — во Францию, учится в Технической школе Дювиньо де Ланно. В следующем году возвращается из Парижа и поступает в Киевский политехнический институт. Однако и здесь практическое конструирование, идеи создания реальных аппаратов «берут верх» в системе жизненных приоритетов Игоря Сикорского. (Диплом инженера он получит только в 1914 году в Петербургском политехническом институте за создание многомоторных воздушных кораблей.)

В 1908–1909 годах Сикорский и в России, и за рубежом активно общается с ведущими отечественными и западными авиаспециалистами, знакомится с братьями Райт, при финансовой поддержке сестры закупает в Европе 25-сильный двигатель, необходимые для вертолета конструкционные узлы и комплектующие. В июле 1909 года двадцатилетний студент-энтузиаст Игорь Сикорский во дворе своего киевского дома завершает сборку первого и для себя, и для России вертолета, пригодного для натурных, полетных испытаний, но... Но КПД двигателя оказывается недостаточным, аппарат

после неуверенных и кратких рывков на небольшую высоту быстро, как только закончилось топливо, прекратил свои воздушные «конвульсии». В следующем году та же незадача. Новый вертолет едва поднимает свой собственный вес. Сикорский не отчаивается. Довольно удачно «мастерит» аэросани собственной конструкции, учится на них проектированию и строительству воздушных винтов, изучает доступные материалы передовых научнотехнических разработок по самолетостроению и, наконец, сам переключает всю свою энергию и конструкторский талант на создание самолетов.

На Куреневском аэродроме в Киеве Сикорский «сооружает» сарай-мастерскую, где вместе с товарищем по Киевскому политехническому институту Ф.И. Былинкиным строит маленький двухстоечный биплан БиС-1. Однако и его мощности хватает лишь для неуклюжих подпрыгиваний. Следующий самолет, БиС-2, в июле 1910 года уже поднимается в воздух и через серию серьезных конструкторских модификаций многих узлов и деталей служит реальной основой перехода к настоящей пилотируемой авиатехнике в России.

Первый зримый, долгожданный успех приходит весной 1911 года, когда был построен пятый самолет Сикорского. С-5 превосходил своих предшественников по всем основным параметрам — размерам, надежности, мощности двигателя. На нем Игорь Сикорский сдает экзамен на звание пилота, устанавливает четыре всероссийских рекорда, катает пассажиров, совершает показательные полеты, доказывает превосходство своего детища над иностранными аналогами во время военных маневров.

Успех не кружит голову молодого конструктора. Он по-прежнему много и напряженно работает. Создает по заказам друзей в своей мастерской несколько легких самолетов, сам их испытывает, обучает друзей пилотной премудрости,

по восторженным оценкам русской прессы, становится основателем русской школы авиаконструирования и летного мастерства. Становится «русским Фарманом»*.

Школа не стоит на месте. Все в том же 1911 году Сикорский разрабатывает свой шестой самолет С-6, наделяет его более мощным двигателем, расширяет до трех мест кабину пилота и, принципиально улучшив его аэродинамические характеристики, устанавливает на нем уже мировой рекорд скорости в полете с двумя пассажирами. Молодой талант получает первое официальное признание. В начале 1912 года Русское техническое общество награждает Сикорского Почетной медалью «За полезные труды по воздухоплаванию и за самостоятельную разработку аэроплана своей системы, давшей прекрасные результаты». В апреле того же 1912 года Московская воздухоплавательная выставка присуждает Большую золотую медаль модернизированному С-6а. Игоря Сикорского узнает Россия. Перед ним открываются новые горизонты. Его влекут еще не изведанные небесные высоты. Его манят еще не покоренные авиаконструкторские вершины.

* * *

В 1912 году двадцатитрехлетний Игорь Сикорский получает из столицы империи сразу два крайне солидных и лестных предложения. Первое — занять должность главного инженера в еще только создаваемой российской военноморской авиации. Второе — стать конструктором (также только что открытого) воздухоплавательного отделения знаменитого акционерного общества «Русско-Балтийский

* Анри Фарман (1874–1958) — французский авиаконструктор, летчик и промышленник, один из пионеров авиации. Установил в 1907 году на биплане с толкающим винтом ряд первых авиационных рекордов: дальности полета по прямой (771 м); замкнутой кривой (ок. 1 км); полет с пассажиром; междугородный перелет Буйи — Реймс (27 км за 17 мин). Организовал летную школу (1909 г.), в которой проходили подготовку летчики различных стран, в том числе и из России. Основатель (1912 г.) авиационной фирмы «Фарман» (Avions H. et M. Farman), выпустившей около 30 типов гражданских и военных самолетов, в том числе «Голиаф», эксплуатировавшийся с 1919 года на первых авиалиниях Европы.

вагонный завод» — главного в то время автозавода России. Не колеблясь, молодой конструктор соглашается с обоими и, нисколько не медля, вместе со своими ближайшими помощниками и сотрудниками переезжает из родного Киева в Санкт-Петербург — столицу российской научно-технической и инженерной мысли.

Всего один год ему удается совмещать столь многотрудные обязанности. Став уже летом 1912 года главным конструктором и управляющим «Руссо-Балта», он постепенно целиком ему и отдается. Но даже года было вполне достаточно для того, чтобы имя Сикорского прочно вошло во все уважаемые энциклопедии как одного из создателей особого рода российских войск — авиации русского Военно-морского флота. Да и в последующем он не оставляет военно-морскую тематику. Постоянно держит ее в поле своего зрения, модифицируя и приспособлявая свои многочисленные воздухоплавательные аппараты к водной специфике.

А на «Руссо-Балте» дела шли как нельзя лучше. Председатель правления РБВЗ, в прошлом моряк, генерал, прекрасный организатор отечественного машиностроения и прозорливый руководитель Михаил Шидловский, по достоинству оценив авиаконструкторский талант и самозабвенный труд Сикорского, создает все необходимые условия для его работы, опекает его, поддерживает все его, казалось бы, даже неисполнимые начинания. Поразительные результаты крепкого союза таланта менеджера и таланта конструктора не заставляют долго себя ждать. Один за другим из заводских стен выходят новые бипланы и монопланы, каждый из которых опережает время, поражает и восхищает специалистов, приносит России заслуженные лавры ведущей авиационной державы.

«Руссо-Балт» выпускает: первый гидросамолет, первый специально спроектированный учебный самолет, первый

самолет монококовой конструкции, первый пилотажный самолет, первый серийный самолет. И это еще не все. «Руссо-Балту» принадлежит пальма первенства продажи первого российского самолета за рубеж. Завод гордится тем, что три самолета Сикорского становятся победителями международных конкурсов военных аэропланов, далеко обойдя по своим преимуществам новейшие иностранные аналоги; что на его сборочных площадках обретают плоть различные модификации разведчиков С-10, составивших основу морской авиации Балтийского флота; что серийно производимый маневренный С-12 формирует авиапотенциал русской армии.

Сделанного Сикорским в 1912–1913 годах вполне хватило бы не на одну золотую страницу в хронике мировой авиации*. Но Игорь Иванович далек от тщеславия и самоуспокоенности. Как истинный ученый, он не может не идти вперед, вперед и только вперед. И пусть каждый его шаг в избранном направлении высвечивает перед ним принципиально новые, вроде бы и неразрешимые проблемы. Этому-то ученый как раз больше всего и рад. Ведь проблемы, увиденные и понятые, сами подсказывают пути их преодоления, дают толчок к рождению невероятных творческих идей. И идеи, вот уж воистину, становятся богатейшей питательной средой дружно «прорастающих» небывалых инженерных находок, небывалых конструкторских решений.

Окрыленный успехами на «Руссо-Балте», помня горькую неудачу 1911 года, когда заглохший двигатель вогнал легкий аэроплан носом в землю, а его самого чуть ли не лишил жизни, Сикорский задумывает строительство мощного многомоторного авиагиганта, не только способного в случае отказа одного из двигателей продолжить полет по заданному маршруту, но и отвечающего по своим летным характеристикам

* Достаточно сказать, что 31 мая 1913 г. на С-11 летчик Г.В. Янковский поднялся на недостижимую до этого в мировой практике высоту — 3800 метров.

неизмеримым просторам обширной России, ее капризным, в одночасье меняющимся погодным условиям.

Идея, конечно, на грани безумия. Как? С какой стати? Почему вопреки мировой практике, стремившейся в то время максимально, всеми доступными средствами облегчить аэропланы, молодой конструктор сознательно берется за создание тяжелого авиакорабля? Сикорскому некогда объясняться с авторитетами. Дело для него важнее слов.

И вот уже в марте 1913 года появляется на свет перспективный, многообещающий аппарат, управляемый экипажем из нескольких человек, имевших во время полета (!) в случае необходимости ремонта (!) доступ ко всем его основным конструкторским узлам. Появляется четырехмоторный воздушный гигант С-9, получивший, безусловно, оправданное имя — «Гранд». Европа удивлена и не верит. Россия восхищена и горда. Она первооткрыватель нового направления в мировой авионавтике — тяжелого самолетостроения. С него, с «Гранда», начинается эра транспортных самолетов, тяжелых бомбардировщиков и... пассажирских авиалайнеров. А Сикорский? Он по-прежнему в поиске, в работе.

После доработки «Гранд» становится красавцем «Русским Витязем». На его борт в июне 1913 года поднимается сам государь-император Николай II и, пораженный увиденным, вскоре награждает Сикорского памятными золотыми часами. Не остается без «наград» и «Русский Витязь». Взрослея не по дням, а по часам, совершенствуясь, набираясь летного опыта, он в августе 1913 года украшает себя званием рекордсмена по продолжительности полета с экипажем из восьми (!) человек — 1 ч. 54 мин. Так долго с таким экипажем еще никто не летал. «Русского Витязя» даже не с чем сравнить. Только через несколько лет за рубежом появляются его отдаленные копии.

Слава национального героя, мировая известность и благорасположение царского двора не мешают Сикорскому. Как мудрый учитель и строгий наставник, он поотцовски заботливо и требовательно проходит со своим детищем трудную науку отточенного мастерства. Отрабатывает с «Витязем» тактику маневрирования и искусство полета, приемы взлета и посадки, экспериментирует с его оснасткой и «доспехами». «Русский Витязь» на глазах преобразуется в былинного русского богатыря «Илью Муромца», которому вовсе не нужны были тридцать лет и три года, для того чтобы проявить себя во всей своей мощи, во всем своем исполинском величии.

Уже в декабре 1913 года «Илья Муромец», поставленный на поплавки, обретает и сохраняет до 1917 года (!) статус самого большого в мире гидросамолета. А «Руссо-Балт» впервые в мире налаживает серийное производство авиагиганта*.

В июне 1914 года «Илья Муромец» поднимает в воздух во время демонстрационного полета десять (!) человек, пять из которых были членами Государственной думы Российской империи**. Чуть позже, свергая все рекорды мира по дальности, скорости и высоте полета, «Илья Муромец» совершает невиданный, чуть ли не фантастический по дерзости и длительности триумфальный перелет Санкт-Петербург — Киев и обратно Киев — Санкт-Петербург. Как рассказывали впоследствии участники перелета — сам Игорь Иванович, его друзья-авиаторы штабс-капитан Христофор Пруссис, лейтенант Георгий Лавров и механик Владимир Панасюк, — полет проходил настолько ровно и комфортно (это при скорости-то, вдвое превышавшей скорость курьерского поезда), что

* Всего на «Руссо-Балте» было построено около 80 «Муромцев» шести основных типов. Каждый тип имел ряд существенных модификаций. — Полная энциклопедия мировой авиации. — Самара: Корпорация «Федоров», 1997. С. 839.

** За несколько дней до этого, 5 июня 1914 г., И. Сикорский установил мировой рекорд продолжительности полета. Он на «Илье Муромце» продержался в воздухе с пятью пассажирами 6 часов 33 минуты 10 секунд. — Русский мир. 2010. Март. С. 39.

кофе из налитого доверху стакана не проливался на столик в кают-компани, а члены экипажа в случае необходимости могли воспользоваться и туалетом (!), и отапливаемыми пассажирскими каютами-спальнями (!). Далекий детский сон начинал оживать, сбываться. Казалось, вотвот, еще немного, и он воплотится в столь желанную реальность. Но...

Но объявление 1 августа 1914 года Германией войны России, разворачивающаяся в Европе Первая мировая грубо ломают созидательные творческие планы Сикорского. Выполняя правительственные распоряжения об учреждении боевого отряда самолетов (впоследствии «Эскадры воздушных кораблей» — первого в России соединения стратегической авиации), Игорь Иванович вкладывает всю свою силу, ум, опыт в создание эффективно действующей фронтовой авиации, постоянно готовой оказать русской армии требуемую помощь в военных операциях. Он лично участвует в организации эскадры, готовит ее экипажи, отрабатывает с ними боевую тактику воздушного маневрирования и скоростной атаки, раз за разом выезжает и выезжает на фронт, наблюдает, отслеживает, изучает «поведение» своих самолетов в боевых действиях, вносит в них необходимые конструкционные улучшения. Только одна смелая установка в хвостовой части «Ильи Муромца» бойкого пулемета «Максим», пробивавшего смертельные бреши в боевых порядках «Фоккеров», наводила ужас на противника. А ведь были еще самолеты-истребители, штурмовики, дальние разведчики.

Советские учебники истории крайне скупо излагают героизм русского оружия и русского воинства на полях Первой мировой. Не укладывался, никак он не укладывался в ленинскую концепцию желательного поражения царской России и разжигания на его основе пожара мировой социалистической революции. А героизм был! Высокий. Отчаянный.

Гордый. Самоотверженный. Был и на земле, и на воде, и в воздухе.

В небесах геройски сражались отважные потомки русских витязей — экипажи легендарных «Муромцев». Один из них в воздушном бою был атакован десятью истребителями противника. Десятью! А от боя не уклонился, двоих сжег, от остальных, раскидав их по небу, отбил и с многочисленными боевыми шрамами-пробоинами вернулся домой, на базу. Вернулся с честью и достоинством.

Другой «Муромец» 14 июня 1915 года, точно выйдя на цель, разбомбил железнодорожную станцию Пржеворск, где скопилось шесть составов противника с артснарядами, взрывчаткой, патронами. Станция со всем своим нутром горела два дня. А в книге воинской памяти России навечно запечатлелись имена штабс-капитана И. Башко, командовавшего «Ильей Муромцем», Игоря Сикорского, благодаря инженерному искусству которого могли распределяться в фюзеляже на внутренней подвеске «Муромца» аж до 500 кг бомб (по тем временам — груз весьма серьезный).

Война властно диктовала И. Сикорскому направления конструкторской работы. В 1914–1917 годах он создает чуть ли не полный парк всех типов самолетов, задействованных на арене боевых действий. Под руководством Игоря Ивановича, помимо тяжелых бомбардировщиков, разрабатываются и строятся легкие истребители, легкий разведчик-истребитель, двухмоторный истребитель-бомбардировщик, морской разведчик, штурмовик; для них проектируются и изготавливаются авиационные двигатели, вооружения, специальное оборудование; строятся новые авиазаводы.

Государство российское признает заслуги Игоря Ивановича Сикорского по умножению мощи и славы страны. В двадцать пять лет он по праву становится кавалером орде-

на Святого Владимира IV степени, равного по значению боевому ордену Святого Георгия, но в гражданской сфере.

Государство признает, а революция нет! Сумасшедший 1917 год бесконечными митингами и забастовками останавливает все работы на «Руссо-Балте». Ни один из самолетов новой конструкции С-21 — С-27 не достраивается. Преданный Отечеству и Престолу, Игорь Сикорский третируется и преследуется. Октябрьский переворот угрожает ему неминуемым арестом. Угроза велика. Его друг, коллега, вернейший сотрудник, умело сочетавший чудеса личного героизма и медвежьей деловой хватки, генерал Михаил Шидловский, арестованный со своим сыном при попытке бегства в Финляндию, был немедленно «растерзан на кусочки» остервенелой пьяно-окуренной матросско-красногвардейской «братвой». Не имея иного выхода, Сикорский принимает предложение союзного России французского правительства продолжить свою работу на заводах Франции. В марте 1918 года, оставив семью на попечение родных, он отплывает из Мурманска за границу.

В Россию он больше не вернется...

* * *

Родина сурово провожала Сикорского. Неласково встретила его чужбина. Окончание в 1918 году Первой мировой войны заставляет экономную Францию свернуть военное производство. Французский вариант «Ильи Муромца» остается недостроенным, а сам Сикорский оказывается без дела, без средств к существованию.

Растерзанная войной и революциями, истекавшая кровью под обломками рухнувших вековых империй, Европа не может принять Сикорского. Россия, охваченная Гражданской войной, — тем более. В 1919 году с громадьем планов и идей, надеясь на благополучную Америку, свято веря в радужные,

многообещающие перспективы расцвета мирового авиастроения, Сикорский переезжает в США.

Нью-Йорк, переполненный, как, впрочем, и вся Америка, европейскими беженцами разных чинов, званий, статусов, огромный, многомиллионный Нью-Йорк не может предложить Сикорскому ничего достойного. Авиаконструктор с мировым именем эпизодически читает лекции, работает учителем в вечерней школе. И мечтает. Мечтает о главном, о самом важном для себя — мечтает об авиаконструировании.

Только через четыре долгих, томительных года, в 1923 году, Игорю Ивановичу удастся собрать вокруг себя таких же, как он, мечтателей-энтузиастов, таких же, как он, полунищих русских эмигрантов, готовых с нуля начать новое, рискованное дело. В учрежденную Сикорским авиастроительную фирму «Сикорский Аэро Инжиниринг корпорейшн» приходят русские инженеры, рабочие, летчики. И точно так же, как когда-то в киевском сарае, Сикорский в помещении курятника на Лонг-Айленде, любезно предоставленного в его распоряжение пионером русской корабельной авиации В.В. Утгоффом, начинает собирать свой первый на американской земле самолет.

С нескрываемой пренебрежительной усмешкой на них смотрят как на «чудаковатых русских», почему-то решившихся в Америке (!) конкурировать с американскими же фирмами. Да и первоначальный капитал у них до смешного велик, аж 800 долларов. Это сколько же самолетиков они построят? Несерьезно все это. Ну да ладно, пусть, мол, побалуются, пусть понабивают себе шишки, впредь умнее будут.

А русская диаспора верит таланту Сикорского. За счет русских пайщиков, из последнего покупавших по подписке десятидолларовые акции фирмы Сикорского, увеличивается, растет ее капитал. В 1924 году S-29A уже примеряет

крылья, обкатывает двигатель, учится использовать шасси и работать пропеллерами.

Сколько надежд на него возлагается! Как ждут его! Как верят в успех! А долгожданный успех оборачивается недоуменным разочарованием. S-29А недолго продержался в воздухе и был поврежден при посадке. Для его доводки требуются дополнительные серьезные работы, требуются дополнительные серьезные средства. На новые двигатели и оборудование не хватает 2500 долларов. Взять их негде. В кредитах отказано. Пайщики бедны и обескуражены. Сикорский собирает всех, в ком теплилась хоть какая-то надежда; запирает дверь помещения. «Пока не наскребем 2500 долларов, дверь останется закрытой», — твердо произнес конструктор. Нужная сумма была собрана*. Самолет взлетел! И как взлетел!

Двухмоторный биплан был самым крупным из всех, до сих пор построенных в Америке. Самым крупным и самым лучшим в своем классе. Получив мировую известность, S-29 вызвал жгучую ненависть большевистских властей. Русскую фирму Сикорского, давшую работу сотням нуждавшихся соотечественников, советская пресса безжалостно, без зазрения совести окрестила «гнездом недобитой авиационной белогвардейщины», а самого Сикорского — «царского крестника и черносотенца» — подвергла, не стесняясь в крепких, рабоче-крестьянских выражениях, политической анафеме.

Несмотря на очевидный успех S-29-го, русская фирма Сикорского находится в отчаянно-тяжелом положении. Вызванный войной экономический спад резко снизил спрос на всю авиатехнику, а исподволь надвигавшаяся угроза мировой депрессии вообще оставляет Сикорского без единого заказа на тяжелые транспортники. Конъюнктура авиарынка вынуждает его переключиться на легкую авиатехнику. «Сикорский

* Игорь Сикорский. Небо и Небеса. Религиозно-философские работы выдающегося авиаконструктора. — Санкт-Петербург: Издание храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала. 2005. С. 9–10.

Аэро Инжиниринг...» выпускает и удачно продает серию S-31 — S-34: одномоторный разведчик, одномоторный пассажирский самолет, авиетку и двухмоторную амфибию.

На довольно тесном и конкурентножестком американском авиастроительном рынке заговорили про «нахального русского парня». Когда Сикорский задумывает строительство тяжелого биплана, первого из предназначенных для регулярных трансатлантических перелетов, когда он вместе с коллегами замышляет создать из них целую флотилию (!), объединенную под эгидой русской авиакомпании во главе с престолонаследником — великим князем Кириллом Владимировичем, средств под проект в богатой Америке «не находится».

И вновь поддержка приходит от соотечественников. Рассеянные по всему миру, они восприняли строительство гиганта S-35 как личный долг участия в общем деле национальной важности. Скромные сбережения стекаются в общий котел со всего света. Гениальный русский композитор, пианист-исполнитель и крестный отец одного из сыновей Игоря Ивановича, Сергей Рахманинов в память о своем младшем брате, авиаторе, погибшем в минувшей войне, покупает на пять тысяч долларов (по тем временам сумма более чем значительная) акции фирмы Сикорского. Деньги были собраны. S-35 был построен. Но и конкуренты, видимо, не дремали.

При невыясненных, загадочных и таинственных обстоятельствах S-35 разбивается во время старта. Начавшееся немедленно строительство следующего самолета не спасает положения. Наверстать упущенное время не удастся. Конкуренты обходят. Первый трансатлантический перелет уже совершен. Другими.

Русская фирма Сикорского вновь без заказов. Чтобы выжить, ей требуется найти свою нишу в самолетостроении, накопить свои козыри в маркетинговой борьбе за спрос по-

требителя. Чутье Сикорского подсказывает ему верную идею, а его упорство и изобретательский талант доводят ее до конечного исполнения. Фирма начинает выпуск самолета S-37, не имевшего себе равных по летно-техническим характеристикам и пользовавшегося спросом у заказчиков. На южно-американском маршруте Сантьяго-де-Чили — Буэнос-Айрес, куда новый самолет перегнал главный испытатель аппаратов Сикорского отважный георгиевский кавалер Борис Сергеевский, S-37 показывает чудеса исправной и надежной работы в самых непростых природно-климатических и погодных условиях. Видимо, не случайно именно его — S-37 — выбрал для своего транс-атлантического перелета великий американский летчик-испытатель, обладатель замечательных мировых рекордов Чарльз Линдберг.

Своевременную и важную победу S-37-го прочно закрепляет надежная, комфортная, безопасная и легкая в управлении десятиместная двухмоторная амфибия S-38. По скупому, вынужденному признанию американской печати, она «произвела переворот в авиации». S-38-я приземлялась и приводнялась там, «где раньше бывали только индейские пироги да лодки охотников»*. Среди пилотов и пассажиров о ее характере, маневренности и «проходимости» стали складываться легенды.

Наконец-то Сикорский получает признание и уважение делового сообщества США. У него учатся. С него берут пример. Американские авиазаводы охотятся за русскими специалистами, набирают из них инженеров, мастеров, испытателей, рабочих. На некоторых заводах более половины персонала составляют русские. А фирма Сикорского, накопив американского опыта, сохранив преданный персонал, уверенно встав на крыло, переезжает из арендованных поме-

* Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. академиков РАН Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 144.

щений на Лонг-Айленде на собственный завод в Стратфорд, недалеко от Бриджпорта (штат Коннектикут). Переименованная в «Сикорский Авиэйшэн Корпорейшн», она в июне 1929 года принимается как отдельное подразделение в мощную корпорацию «Юнайтед Эйркрафт энд Транспорт» (ныне известную как «Юнайтед Технолоджиз»), в которой на трех (!) из пяти самолетостроительных фирм главными конструкторами работают «белоэмигранты».

Вхождение в «Юнайтед Технолоджиз» накануне Великой депрессии помогло Сикорскому не расстратить, не растерять в повседневной «руководящей» текучке и организационно-хозяйственных мелочах главного — нацеленности на новаторский авиаконструкторский поиск. Сикорский создает эффективные серийные амфибии: пятиместные «летающие яхты»; шестнадцатиместную амфибию; сорокапятиместный клипер S-40, ставший первым серийным пассажирским авиалайнером, способным обслуживать регулярные авиалинии большой протяженности.

Кстати, на S-40 во время испытательных полетов Сикорский вновь пережил уже знакомое чувство дежавю. Как когда-то на «Илье Муромце», он вдруг ощутил, обнаружил, пройдя в пассажирский салон, что наяву видит в мельчайших деталях повторение далекого, тридцатилетней давности, детского сна про полет в фантастическом корабле-гиганте. Что ж! Видимо, и фантастические сны сбываются. У великих тружеников. У самозабвенно работающих мечтателей.

С серийным выпуском в свет надежного S-40 компания «Пан Америкэн» стала самым крупным заказчиком клиперов фирмы Сикорского. На его многомоторных пассажирских авиалайнерах S-40 (1931 год) и S-42 (1932 год), оснащенных пропеллерами с постоянной скоростью вращения, приспособленных к регулярным трансокеанским перелетам, она, собственно, и состоялась как всемирно известная авиаком-

пания. Первая элегантная летающая лодка — S-42 — связала в 1934 году два американских материка. Вторая — S-43 — в 1935 году открыла регулярные рейсы через Тихий океан, а в 1937 году — и через Атлантический.

Следующая из связывающих моря, океаны, континенты летающих многомоторок — S-44, построенная в 1937 году, стала... последним самолетом Сикорского. Время клиперов заканчивалось, новых заказов не было, и даже гигантская S-45, доведенная до законченного проекта, так и осталась в проектных чертежах...

Намерение правления «Юнайтед Технолоджиз» в связи с изменившейся конъюнктурой лишить фирму Сикорского организационно-хозяйственной самостоятельности, слив ее в 1939 году с одним из своих дочерних подразделений, заставляет Игоря Ивановича вновь совершить крутой вираж на своем жизненном пути, заняться тем, с чего он когда-то начинал, заняться вертолетом, пока никому еще не ведомым, никому пока еще не подвластным.

* * *

Рисунки, чертежи, схемы гениального Леонардо да Винчи красноречиво свидетельствуют о том, насколько увлекала и волновала его идея создания искусственного аппарата вертикального взлета с воздушным винтом. Идея красивая, захватывающая, но так за 400 лет и не реализованная пытливым человечеством. Камнем преткновения оставался крайне низкий по сравнению с классическими аэропланами КПД аппарата. Об него и споткнулся в начале XX века юный почитатель великого итальянца Игорь Сикорский, создавая свои первые модели. Точнейшие расчеты, мощнейшие движки, легчайшая конструкция, обеспеченная прочными и суперлегкими материалами, — тогда все это было еще недоступно молодому конструктору.

К 40-м годам XX века они наконец-то появились в распоряжении авиастроителей. Но возникла другая проблема, над которой безуспешно бились десятки КБ во всем мире, — проблема управляемости вертолета. В начале проблема абстрактная, сугубо теоретическая. Да и о каком управлении могла идти речь, когда большинство моделей едва ли могли поднять в воздух свой собственный вес. Но проблема-то была. Она уже вставала в полный рост. Необходимо было решить принципиальный вопрос компенсации крутящего момента — ротор вращается в одну сторону, а вся машина движется в другую...

Таланту, инженерной находчивости, конструкторскому опыту и русскому упрямству Игоря Ивановича Сикорского удалось преодолеть немыслимые трудности. Он нашел настолько оригинальное, удачное и изящное соединение технических принципов работы вертолета, что, наверное, уже навсегда останется на устах авиационщиков «мистером Вертолетом», как его шутивно-уважительно называла восторженная мировая пресса после создания первых летающих, действительно летающих, вертолетов. И пусть они были вначале просто «летающими табуретками», «летающими креслами». Начало было положено. Была отработана считавшаяся авторитетами бесперспективной, а ставшая затем классической винтовая схема «большой — на крыше, маленький — на хвосте». Поднявшийся в воздух 14 сентября 1939 года первый экспериментальный вертолет Сикорского под его личным управлением, имевший одновинтовую схему с автоматом перекоса и хвостовым рулевым винтом, стал родоначальником мирового вертолетного парка. По его принципиальной конструкторской схеме ныне строится более 90 процентов всех вертолетов мира.

Между первым экспериментальным вертолетом Сикорского и его следующими двухместными вертолетами S-47

пролегла довольно длительная, более чем двухгодичная временная дистанция, заполненная интенсивной разработкой нового оборудования, напряженными испытаниями двигателей и узлов, винтов и хвостовых установок. Зато и вертолет получился на славу. Запущенный в серийное производство в 1942 году, он стал единственным вертолетом стран антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны.

Объем заказов на него был столь велик, что правление «Юнайтед...» вынуждено было в 1943 году восстановить самостоятельность фирмы «Сикорский Эйркрафт», создать для нее собственную производственную базу в Бриджпорте, ставшую вплоть до 1955 года производственным центром и сердцем фирмы Сикорского, в которой он с 1943 по 1958 год будет бессменным генеральным конструктором. (Бриджпортская база служит основным центром «Сикорский Эйркрафт» до 1955 года, когда с ростом заказов был построен новый завод в Стратфорде, Сикорский возвращает в него и свою резиденцию.)

Впечатляющая по своим мощным техническим возможностям бриджпортская производственная площадка открыла перед Игорем Ивановичем Сикорским небывалые прежде условия для свободного полета творческой конструкторской мысли. Для широкого русского характера авиаконструктора настало счастливое время, время, что называется, «раззудись, плечо, размахнись, рука». Его серийный S-51, победно выдержавший серьезную конкурентную схватку, прекрасно зарекомендовавший себя и в гражданских операциях, и в боевых действиях во время корейской войны 1950–1953 годов, активно закупается многими странами. С лицензии на его производство начинается серийное вертолетостроение в Великобритании.

Его легкий S-52 становится первым в мире вертолетом, исполнившим фигуры высшего пилотажа (!). Исполнившим виртуозно, на хорошей скорости и красивым «почерком».

Его не знавший себе равных S-55 первым из вертолетов (!) совершает в 1952 году трансатлантический перелет. Лицензия на его производство открывает серийное вертолето-строение Французской Республики.

Его четырнадцатитонный (!) вертолет S-56 в 1953 году убедительно доказывает возможность использования классической «схемы Сикорского» для вертолетов любого (!) весового класса, становится по шкале мировых рекордов самым большим, самым грузоподъемным и благодаря поршневым двигателям самым скоростным вертолетом в мире, к тому же открывшим новый виток в развитии мировой авиации — производство и эксплуатация тяжелых транспортных вертолетов.

Его S-58, его гордость, его лебединая песня, его любимец, вобравший в себя все лучшие инженерно-конструкторские, экономические, летно-технические характеристики своих предшественников, поднявшийся в воздух в 1954 году, признается авиационным сообществом абсолютно превосходящим все, что до этого было создано в мировом вертолетостроении. Он производится в течение многих лет и во многих странах. Он эксплуатировался и эксплуатируется до сих пор на самых разных маршрутах, с самыми разными назначениями. Не без тайной издевки, не без тайного умысла в 1959 году Дуайт Эйзенхауэр, президент США, летал со своим гостем, знатным кукурузоводом, лидером СССР Никитой Хрущевым над американскими индустриальными пейзажами на борту именно S-58-го.

В 1958 году, когда «Сикорский Эйркрафт» доводит производство S-58-х до рекордных 400 (!) экземпляров в год, близкий к своему семидесятилетию Игорь Иванович Сикорский,

сохранив за собой должность советника фирмы, выходит на пенсию...

Но находящаяся на пике своего расцвета его родная фирма «Сикорский Эйркрафт», с ее огромным портфелем заказов, с ее лучшим в мировой отрасли технологическим, лабораторным и кадровым обеспечением, с ее супердорогим рыночным брендом и высокоценившимся товарным знаком, конечно же не может просто так, в одночасье, «отпустить на волю» своего отца-основателя, творца и генератора ее идей, ее прорывных достижений. Постоянная консультационная работа с «мистером Вертолетом» — Игорем Ивановичем продолжается.

Благодаря ей на свет появляются*:

— S-60. Первый в мире бесфюзеляжный вертолеткран. Построенный в 1959 году на основе знаменитого S-56-го, он используется как летающий стенд для изучения проблем использования тяжелых транспортных вертолетов;

— S-61. Разрабатывавшийся со второй половины 1957 года и взлетевший в воздух для своего первого полета в 1959 году, он кладет начало вертолетам второго поколения. Отличаясь большим количеством модификаций, S-61 серийно строится с 1959 года в США, по лицензии в Англии (под обозначением «СиКинг» и «Командо»), Италии и Японии. До сих пор состоит на вооружении во многих странах мира;

— S-62. Совершив свой первый полет в 1958 году, он становится первым серийным вертолетом фирмы с турбовальными двигателями и первым вертолетом Сикорского, на котором нижняя часть фюзеляжа была сделана в виде лодки для водных взлетов и посадок. С 1957 по 1970 год он серийно строится в США и по лицензии в Японии...

* Полная энциклопедия мировой авиации. — Самара: Корпорация «Федоров», 1977. С. 841–843.

... S-63, S-64, S-65 и... далее по нарастающей. Их будет еще немало. И в каждом из них сохраняются, воспроизводятся родовые черты и признаки гения Сикорского, русского инженерного искусства и русского авиаконструкторского таланта.

Никогда не стремившийся к наградам земным, без грана гордыни и суетного тщеславия, всегда ради дела бежавший от медных труб и звонких фанфар признания, Игорь Сикорский тем не менее за свою жизнь получил более 80 высоких премий, призов, дипломов. Почетный доктор многих престижных университетов и почетный член уважаемых в мире научных обществ, он стал кавалером медалей Давида Гугенхейма и Джеймса Уатта. Имя Сикорского занесено в США в Национальный зал славы наряду с именами Эдисона, Бема, Ферми, братьев О. и У. Райт, Пастера. Почетной медалью Джона Фрица за научно-технические достижения в области фундаментальных и прикладных наук, наградой, сопоставимой с Нобелевской премией среди инженеров, в области авиации были удостоены лишь два человека. Первым ее получил Орвилл Райт (один из братьев — изобретатель самолета), вторым — Игорь Сикорский.

К статусным, престижным наградам Сикорского примыкают другие, но не менее важные, а может быть, даже и более значимые своей сердечностью и человечностью. Знаменитая шляпа «мистера Вертолета», шляпа французского покроя — «федора», ставшая верным талисманом для нескольких поколений пилотов военно-морской авиации, одна примерка которой считалась у летчиков-испытателей вернейшим средством защиты от всего плохого, непредсказуемого, стала и символом абсолютной технической надежности и безотказности в любых условиях популярной операционной системы для персональных компьютеров. Она так и называ-

ется — Fedora. Разве это не дань памяти Игорю Сикорскому в современном компьютерном интернетмире.

Россия наградила Игоря Ивановича Сикорского царским орденом — орденом Святого Владимира. Однако беспристрастная история не может быть неблагодарной. Современная российская стратегическая авиация покровительствуется ныне Преподобным Ильей Муромцем. Икона Илии Муромца с частицами нетленных мощей освящает часовню-памятник при штабе Дальней авиации России. Разве этот выбор православной Руси — не истинно народная, святая награда сделанному Игорем Сикорским?! Разве это не живая память Святой Руси о совершенных его былинными «Муромцами» подвигах?!

* * *

Ах, как мечтается в детстве о высоких полетах. Полетах свободных, вольных, чарующих. То резко стремительных, то медленно парящих, но всегда, всегда пленительных, всегда манящих, всегда аж до того дух захватывающих, что под ложечкой надрывно щемит и холодком посасывает.

Ах, как мечтается! И как летается! Кому во сне. Кому наяву, в грезах. Вот оно — облако, такое молочное, густое, такое близкое, мягкое, чуть головой не задеваешь. А вот они — макушки деревьев. Какие разные! Иные так и норовят побольнее хлестануть по ногам раскидистыми ветками. А другие — добряки, сами приглашают — сядь, посиди, полюбуйся сверху, вон они какие, домишки-то, маленькие, а вон речка — дада, она, родимая, которую еще и переплывать-то толком не научился, — какая же она узенькая, тоненькая и совсем-совсем не страшная...

Чудесны детские полеты. Они всегда в ясный, преясный солнечный день. Всегда в полных чистотою и светом небесах. Да, конечно, есть и облака. Не тучи, а именно облака, редкие,

кучистые, кипенно-белоснежные. Солнцу и свету они вовсе не помеха. Наоборот. С ними сине-голубое небо еще нежно-голубее, с ними солнце еще ярче, еще теплее и ласковее, а свет, всюду разлитый, все наполняющий свет еще пронзительнее, еще прозрачнее.

Солнечные, небесно-голубые детские полеты. Что они сулят? Что обещают? Что предсказывают? На что намекают юному разуму? Только ли о возможности будущих реальных полетов? Только ли о зарождении желания их будущего осуществления? А может быть, в них и нет никакого намека? Может быть, в них всего лишь неизбывная тоска по небесам обетованным, по родному, высокому и теперь (пока еще) недоступному небесному Дому, в котором когда-то, прежде чем поселиться в маленьком тельце, жила она — чистая ангельская душа, и теперь, посланная на землю, скучает, тоскует она по нему, не забытому. И этой тоской говорит-наказывает своему пока еще маленькому носителю: сохрани меня в чистоте на своем пути жизненном, возрасти и приумножь в благочестии, убереги от тяжкого груза неправд и грехов земных, убереги от всего, что потом не даст взлететь, не даст вернуться в вечночистый, ангельский Дом свой. Вернуться в сияющих солнечно-золотых одеяниях жизни светлой, праведной, ничем не замаранной, ничем не оскверненной...

Воспитанный в истинно православной, глубоко религиозной, богатой прочными духовными традициями русской семье, мечтающий о высоких полетах, маленький Игорь, наверное, не мог не услышать, не мог не принять, не мог не последовать этому святому завету.

Игорь Иванович Сикорский был воцерковленным, искренне верующим человеком. И вера его, которая всегда без дел мертва, была деятельной, творящей, созидающей. На каждом этапе его пути земного, на каждом крутом вираже его судьбы жизненной она, бережно храня и оберегая его душу

христианскую, только усиливалась, только росла и крепла. Росла и крепла перед всеми искушениями великих триумфов и великих трагедий XX века.

* * *

Еще на заре авиационной эпохи знаменитый русский поэт и мыслитель Александр Блок, увлеченный первыми успехами воздухоплавания, утверждавший, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук»*, что «в полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее, сужденное человечеству, следовательно — высокое»**, не раз задавался непростым вопросом о смысле неисправимого стремления человека в небо, о том, что за ним кроется: божественное предназначение или бесовская гордыня, высокая печаль по недоступному Дому или мерзкая похоть «властителя мира», простирающаяся уже за облака, до звезд и галактик?

Отвечая на него, например, как в сентябрьском 1910 года стихотворении «Комета», он прославляет «стада стальных стрекоз» — зримый символ вековой мечты о неизбежной победе человечества над бессмысленной злобной стихией земли и космоса. А в ноябре того же года выносит приговор «стальной, бесстрастной птице» — жалкому, ничтожному порождению косной, ограниченной человеческой воли, отчего-то в суетной гордыне вздумавшей противопоставить себя божьему миру. И вместе с приговором в «Авиаторе» (1910–1912) пророчествует: благородная рыцарская романтика захватывающих ристалищ в воздушных струях; белые, развевающиеся в фигурах высшего пилотажа шарфы; лихой скрип кожаных комбинезонов при команде «От винта!»; горящий взор пилота, ищущий восторженного взгляда продажных «фиалковых глаз»; все, все уже отравил «...Грядущих

* *Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке.* — П., 1923. С. 51.

** *Александр Блок. Собр. соч.* — М.: Госуд. изд. худ. литературы, 1960. Т. 3. С. 507.

войн ужасный вид: / Ночной летун, во мгле ненастной / Земле несущий динамит...»

Слово-то какое древнее выбрал Блок для своего приговора — «ночной летун», что по народному поверью — огненный змей, летучий дух. Слово, одинаково приемлемое и для самолета, и для его пилота. «Ночной летун, во мгле ненастной земле несущий динамит...»

Поэт, истинный поэт, который, по меткому наблюдению Анны Ахматовой, «...все видит, слышит, всем владеет», и вправду предугадал воинственный характер XX века, нарисовал в своих поэтических видениях одну из жутких и, чего скрывать, реальных картин будущего.

Усердно проставлявший гриф секретности на все разработки научно-технической мысли, по-командирски без апелляции приспособивавший их для скорых дел массового уничтожения и разрушения, похозяйски приоритетно «обкапывавший» их на учебных полигонах, полях брани и лишь затем за ненадобностью «отпускавший» их на «дембель», на вольные гражданские хлеба, воинственный XX век действительно жестко диктовал авиации свой боевой устав. И не вина Сикорского, что и его создания порой призывались во фронтовые расчеты. Какие времена, такие и...

* * *

Не для войны работал Игорь Сикорский. Лавры военного авиаконструктора его не прельщали. Любимый с детства роман Жюль Верна «Робур-завоеватель» учил его другому. Герой романа — красавец «Альбатрос», мощный, быстрый, сильный представитель воздушной Икарии, служит не воинственному Марсу. Он предназначен для иного. Спасает жертв катастроф и потерпевших кораблекрушения, выручает неудачливых испытателей аэростатов, объединяет народы и континенты, продвигает науки, помогает человечеству

избавиться от социальных язв, ведет его в светлое царство разума, добра, торжествующей справедливости.

Такой благородной миссией и наделял своих «питомцев» выдающийся русский авиаконструктор Игорь Сикорский.

Таковыми и были его любимые самолеты, вертолеты.

Его знаменитые S-ки тысячами ниточек-маршрутов связывали далекие континенты, отважно забирались туда, куда и человек-то не пройдет, куда ни один вертолет, самолет не сядет.

А его летели и садились! Во время Второй мировой войны они использовались как уникальные средства доставки особо ценных грузов в трудно и почти недоступные районы. В январе 1944 года после атаки эсминцев на Санди Хук (Нью-Джерси) именно его вертолет доставил плазму крови тяжело раненым членам экипажа USS Turner.

В ноябре 1945 года именно его вертолет, управляемый смертельно боящимся воды племянником Игоря Ивановича — Дмитрием Винером, искусно снял с тонущей во время урагана (!) нефтяной баржи двух моряков и за неимением посадочных мест в кабине так и перенес их, болтавшихся на тросе в воздухе, на спасительный твердый берег.

Санитарные вертолеты Сикорского во время корейской войны (1950–1953) спасли жизни более чем 10 тысячам человек.

Его S-58 поднял 5 мая 1961 года с океанской поверхности спускаемую капсулу космического корабля с первым американским астронавтом А. Шепардом на борту...

Всего вертолетами Сикорского только за первые полвека их работы было спасено более одного миллиона жизней. Более 1 000 000! Достойный, заслуживающий глубокого уважения и почтения результат.

Но его Игорь Иванович Сикорский в силу природной скромности совсем не связывал с собой, отдавая пальмы по-

чтения и признания героическим экипажам S-ок. Он даже учредил специальный фонд для их поощрения, выдававший спасателям не только солидные денежные премиальные, но и заслуживающие, быть может, большего уважения, чем иные государственные награды, особые дипломы спасателей за своей, Игоря Сикорского, крайне ценной и памятной для вертолетчиков подписью.

Спасти человека, помочь человеку, поддержать ближнего своего — за повседневными будничными заботами никогда не забывал он об этом.

Не забывал на работе, когда конструировал свои авиакорабли, специально приспособляя их для нужд человека, оказавшегося в беде или просто нуждавшегося в срочной, безотлагательной помощи. Не забывал и в дни, целиком отданные общественному служению, и в редкие минуты отдыха. Он хорошо помнил, как сестра, веря в него, помогла ему с деньгами, когда уже нечем было платить за оборудование при строительстве первого настоящего вертолета. Помнил, как помог отец, отдавший ему премию Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга за свой фундаментальный труд «Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстративном изложении» на создание первого в мире многомоторного самолета «Гранд». Помнил всю помощь и поддержку, оказанные ему его соотечественниками, друзьями и коллегами в трудные годы отчаяния и безденежья.

Помнил. Был искренне благодарен. И умел быть благодарным. Сколько бежавших от террора красной России нашли у него приют и работу! Сколько людей благодаря ему стали на далекой чужбине на ноги, обрели цели и жизненные ориентиры! Не сосчитать! Не перечислить!

* * *

Социальная ответственность бизнеса, о которой так любят порассуждать нынешние российские власти, которую не слишком успешно возлагают на современный предпринимательский корпус, была имманентна, действительно внутренне присуща и Игорю Ивановичу, и русской фирме Сикорского, как бы она ни называлась в разные годы.

Вставшая на прочную финансовую основу, благодаря конструкторскому таланту, организаторской и по-настоящему деловой, русской купеческой хватке, хорошо освоенной Сикорским за годы совместной работы с Михаилом Шидловским, русская фирма Сикорского стала на американском континенте заметным и притягательным для многих очагом русской жизни, русской культуры, русской православной веры.

Здесь трудились ближайшие друзья и сподвижники главного конструктора, про которых он говорил: «Они готовы умереть за меня, так же как я за них», трудились составившие славу русского инженерного искусства за рубежом Михаил Евгеньевич Глухарев, первый помощник и заместитель Сикорского, выдающийся авиаконструктор и ученый-аэродинамик; его брат — Сергей Евгеньевич Глухарев, также наделенный даром конструирования и организации производства. Здесь, в «Сикорский Авиэйшэн», вместе с Игорем Ивановичем прошла вся эмигрантская трудовая жизнь талантливых инженеров Михаила Бьювида, Николая Гладкевича, Бориса Лабенского.

Длительное время руководителями различных подразделений и служб фирмы были ставшие хорошо известными в США инженеры и менеджеры Владимир Бари, Вячеслав Кудрявцев, Леонид Лапин, Георгий Мейрер, барон Николай Соловьев. От рабочих и рядовых чертежников до руководителей отделов и подразделений «двигались» на фирме Си-

корского кадровые офицеры русского флота С. Де Боссет, В. Качинский и В. Оффенберг. Простым рабочим трудился адмирал Б.А. Блохин. Ночным сторожем работал казачий генерал С.В. Денисов, прославивший себя не только кавалерийскими подвигами, но и собственной историографией белого движения.

Многим своим работникам фирма Сикорского, наделив их знаниями и ценным опытом, помогла открыть свое собственное дело. Долгое время работавший на ней шеф-пилотом легендарный георгиевский кавалер Борис Васильевич Сергеевский, когда-то перегонявший из Северной Америки в Южную S-37e, основал в Нью-Йорке компанию по конструированию вертолетов. Георгий Мейерер организовал производство на другой «русской» самолетостроительной фирме «Северский». Сергей Бобылев, руководитель макетного цеха фирмы Сикорского, создал собственную крупную строительную фирму, а кавалерийский генерал К.К. Агоев с нуля выпестовал известную на всю Америку Стратфордскую конюшню племенных скакунов. Барон Соловьев на гостеприимном Лонг-Айленде открыл свою авиационную фирму...

На русской фирме Сикорского выросли известные авиационные ученые-исследователи, преподаватели американских колледжей и университетов Н.А. Александров, В.Н. Гарцев, А.А. Никольский, И.А. Сикорский. Один из первых организаторов русской корабельной авиации, В.В. Утгофф, тот самый, что отдал свой уже известный курятник на Лонг-Айленде под первую на американской земле производственную площадку Сикорского, стал незаменимым в команде организаторов авиации береговой охраны США. Поста архиепископа Западной Канады был удостоен отец С.И. Антонюк, первый

священник заводского храма, построенного попечением Игоря Сикорского*.

От «Сикорского Авиэйшэн...» берет свои истоки многочисленная, дружная, хорошо организованная стратфордская русская колония. И фирма, и лично Игорь Иванович постоянно помогали ей налаживаться, обустроиваться, развиваться. Построенные в городе клуб, школа, православный храм Святого Николая, открытая здесь русская опера — все превращало провинциальный Стратфорд в столичную Мекку для русских эмигрантов. Тут до сих пор «живут» русские названия городских районов: Дачи, Русский Пляж, Чураевка...

Не все колонисты русского Стратфорда работали на предприятиях фирмы «Сикорский Авиэйшэн»**, но все глубоко уважали ее руководителя, безмерно много для них сделавшего. Одни его слова одобрения и поддержки, звучавшие в воскресных лекциях, выступлениях, докладах, дорогого стоили. Высказанная в них уверенность в завтрашнем дне, в благополучном будущем России вселяла в сомневающиеся, колеблющиеся души свет надежды, укрепляла их веру в правду, в справедливость, в собственное жизненное предназначение.

Огромный авторитет у русской колонии Америки наделяет И. Сикорского правом держать в 1938 году торжественную речь перед соотечественниками по случаю 950-летия Крещения Руси. В ней он, ссылаясь на Ф. Достоевского и В. Соловьева, не отделяя себя и своих слушателей от оставшейся вдали России, ставит общую для всего русского народа задачу: «Русский народ должен подумать не о том, как повернуть назад, к тому, что не устояло, видимо, не уберегли, а подумать о том, чтобы из того болота, в котором мы теперь увязли, выбраться на широкую дорогу, чтобы двигаться вперед...»

* Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. академиков РАН Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 145.

** На фирме Сикорского в период ее расцвета работало около 14 000 человек. Большая энциклопедия: в 62 томах. — М.: Терра, 2004. Т. 45. С. 158.

«Нам нужно работать, а главное, учиться тому, что поможет нам восстановить Родину, когда она того от нас потребует»*, — утверждал Игорь Иванович. Он и сам неуклонно следовал этому своему наказу-совету. Много было наработано им для знакомства Америки с русской историей и наукой, много было сделано для плодотворной, эффективной работы Общества русской культуры, Пушкинского общества и Толстовского фонда, бессменным членом правления которого он был долгие годы. Неоценимой была моральная и финансовая поддержка Игоря Сикорского выходцам из России, различным общественно-политическим организациям русской эмиграции, приходам, храмам и учреждениям Русской Православной церкви в США, Канаде, Европе.

* * *

Последние годы жизни Сикорский проводит светло, постариковски деятельно и размеренно активно.

Он много читает. Делает обширные выписки, отмечает заинтересовавшие его места в научно-технической, исторической, духовно-нравственной литературе. Часто встречается с друзьями, коллегами, единомышленниками. Делится с ними мыслями о прочитанном, вспоминает прожитое и пережитое.

Отдавая предпочтение горному туризму, путешествует, заранее расписав и рассчитав весь маршрут, пункты остановки, тщательно спланировав необходимое на них сделать. Вновь и вновь поражается гармонией и красотой окружающего мира, силой и величием природы.

С удовольствием возится Игорь Иванович и с восхитившим его своей лаконичностью, надежностью и выносливостью «Фольксвагеном». «Игорь на «жуке»» — добрая

* Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. академиков РАН Г. М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 151.

шутка и точная констатация друзьями Сикорского его бодрого состояния.

В свободное время он занимается «спасающим душу» физическим трудом. Обрабатывает купленным трактором землю, оценивает и примеряет его разнообразные навесные приспособления, делает для себя простые и практичные хозяйственные открытия: «Если при пахоте смотришь вниз — получаешь кривые линии, если выберешь дальнюю цель — прямые...»

Спокойно, без страха и волнения подойдя к краю пути земного, он в конце 1968 года доверительно сообщает друзьям, что ждет «отхода» уже в этом году. Но интуиция, может быть в первый раз за всю его жизнь, обманула. Судьба подарила родным, близким, друзьям еще четыре года поучительного общения с ним, с мудрым, с многоопытным...

Уходящая в зимние грезы природа скрашивала его последние дни. Как обычно, перед сном он пожелал любимой жене доброй ночи. А утром 26 октября 1972 года она нашла его уже «ушедшим». Ушедшим навсегда. Красиво сложенные на груди чистые руки. Величественное лицо, осененное уже нездешней печатью одухотворенного, пристального, внутреннего взгляда в вечное.

По-осеннему иссиня-голубое небо, мягкое, умиротворенное солнце и в багряно-золотом трауре листва сослужили скорбной панихиде. Молитвенные слова «со Святыми упокой...» сливались с пламенем восковых свечей, поминально возжженных в стратфордском храме Святителя Николая. И возносились. Медленно. Плавно. Возносились ввысь, за купола храма. Возносились к горнему, обетованному...

Со всеми надлежащими его заслугам почестями Игорь Иванович Сикорский был погребен на мемориальном кладбище в городе Стратфорд (штат Коннектикут). Когда гроб опускали в могилу, инверсионные следы пролетающих на

перпендикулярных курсах самолетов вдруг образовали в бездонном ясном небе величественный, долго не исчезающий, долго не растворявшийся белый крест. Крест небесного благоприятия жизни и трудов истинного христианина.

* * *

Америка по достоинству воздала должное гению и таланту Сикорского. А родина? А Россия?

Советская Россия, не принятая им, осужденная за большевистский переворот, Гражданскую войну и красный террор, сталинский ГУЛАГ и тоталитарную диктатуру, Советская Россия... тихо и беззащитно обворовывала Сикорского.

Когда на фирму Сикорского в 30-х годах приехал А.Н. Туполев, Игорь Иванович прохладно встретил сталинского наркома, а своему давнему другу и помощнику, по воле судеб отказавшемуся от эмиграции, оставшемуся в России, открыто показал цеха, наработки, авиановинки. Закупленные Россией после визита S-ки до винтика разбирались, а затем «дословно цитировались» в производстве под советской символикой. Дошло до того, что именно его гидросамолет — гидросамолет Сикорского, элегантный, белоснежный, демонстрирует миру в знаменитом фильме «Волга-Волга» чудеса сталинской индустриализации.

На плагиат Игорь Сикорский смотрит с холодным презрением. Советская власть отвечает мстительным и злобным его замалчиванием. Большая Советская Энциклопедия сквозь зубы отводит ему в одной колонке лишь несколько скупых строк на трехколонной полосе*.

Когда в 1982 году, через десять лет после его кончины, в редакцию популярного советского журнала «Техника — молодежи» обратились известный авиаконструктор О. Антонов

* Большая Советская Энциклопедия. — М.: Советская Энциклопедия, 1976. Т. 23. С. 358.

и три прославленных летчика М. Галай, М. Громов и М. Гофман с предложением вернуть родине имя Сикорского, установить памятные знаки в местах и на зданиях, связанных с его деятельностью, редакция по заведенному тогда цензурному порядку переслала обращение в ЦК КПСС. Неспешный ответ пришел под грифом «секретно». В нем подчеркивалось, что Сикорский «крайне негативно оценивал Октябрьскую социалистическую революцию», а потому «не может быть и речи» о восстановлении его имени.

Когда в связи со столетием со дня рождения Игоря Сикорского в ЦК КПСС обратились ученые и авиаконструкторы с предложением увековечить его память хотя бы мемориальной доской, следует уже незамедлительный, но по сути такой же ответ: зачем? к чему? Он же белоэмигрант! По-видимому, Гражданская война и в 1989 году, в разгар перестройки и гласности, все еще царил в советских головах власть имущих.

Демократическая Россия только-только открывает для себя имя Сикорского*. В популярных и публицистических изданиях выходят его биографические очерки и жизнеописательные статьи. В научной и специальной литературе разбираются его теоретические и религиозно-философские взгляды.

Современные научно-популярные и документальные фильмы по истории становления отечественной авиации уже не обходятся без имени Сикорского, подробно рассказывают и о нем, и о им сделанном, совершенном.

* Когда готовилась к печати эта книга, редакция «Русской классической библиотеки. Экономика и духовность» обратилась в 2010 году к пресс-службе Министерства обороны РФ с просьбой уточнить ряд моментов, связанных с созданием первой эскадры воздушных кораблей — эскадры русских «Муромцев». Едва чиновник в погонах полковника услышал, что речь идет о Сикорском, суровому негодованию не было предела: «Зачем вы пишете об этом предателе?» Пришлось напомнить: что именно с Сикорского началась история стратегического цита России — Дальней авиации; что об этом подробно и уже не первый год сообщает официальный сайт министерства; что в 2001 году во время своего первого официального визита в США Президент РФ В. Путин (Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ) добрым словом помянул объединяющих народы РФ и США «выдающихся русских американцев» — композитора С. Рахманинова, экономиста В. Леонтьева, авиаконструктора И. Сикорского.

Даже русская культура не стоит в стороне. Она с удовольствием, охотно подхватывает чуть ли не 100-летней давности, еще дореволюционную эстафету. В 1916 году столичный Петербург ставит незамысловатую, немного наивную, но трогательную своей непосредственностью оперу «Летчик Сикорский», где он конечно же главный герой, 26-летний, молодой, красивый, отважный пилот, вопреки всему героически ставит один за другим мировые рекорды на своих же, собственноручно собранных, поразительно мощных авиационных гигантах, ставит рекорды и утверждает славу русского духа, русской науки и техники.

Россия XXI века бережно принимает эстафету и своими театральными-музыкальными средствами, приемами раскрывает современникам масштабный образ уже умудренного жизненным опытом великого соотечественника. Пионер здесь — Кисловодский театр-музей «Благодать». Стараниями Валентины Имтосими, честь ей и хвала за это, он ставит прекрасный спектакль и открывает замечательный музейный зал — «Русский гений мировой авиации — Игорь Сикорский».

Советский заговор молчания прорван. Но только лишь прорван. В огромной России до сих пор не нашлось места памятным знакам и мемориальным доскам, отдающим дань уважения одному из ее самых преданных, самых верных, самых талантливых сыновей.

Во многих миллионах названий российских улиц, проспектов, бульваров все еще нет имени Сикорского. Только в 2009 году стараниями питерцев в Петербурге торжественно названа в память Игоря Сикорского одна из площадей*. Хотелось бы надеяться, что это только лишь начало увековечивания имени.

* В 1998 году в честь И. Сикорского открыта мемориальная доска в Киевском политехническом институте (ныне университете). В мае 2008 года на территории университета открыт памятник Сикорскому, на котором воспроизведены сказанные им на склоне лет благодарные слова: «Снимаю шляпу перед альма-матер, которая подготовила меня к покорению неба».

чивания памяти национального героя на его великой исторической Родине.

* * *

Ах, как мечтается в детстве о высоких полетах. Полетах свободных, вольных, чарующих. То резко стремительных, то медленно парящих, но всегда, всегда пленительных, всегда манящих, всегда аж до того дух захватывающих, что под ложечкой надрывно щемит и холодком посасывает.

Ах, как мечтается! И как летается! Кому во сне. Кому наяву, в грезах. Вот оно — облако, такое молочное, густое, такое близкое, мягкое, чуть головой не задеваешь. А вот они — макушки деревьев. Какие разные! Иные так и нороят побольнее хлестануть по ногам раскидистыми ветками. А другие — добряки, сами приглашают — сядь, посиди, полюбуйся сверху, вон они какие, домишкито, маленькие, а вон речка — дада, она, родимая, которую еще и переплытьто толком не научился, — какая же она узенькая, тоненькая и совсемсовсем не страшная...

А люди? Да разве это они? Почему такие крошечные? Почему едва-едва заметные? И суетливые какие-то. Куда-то там все спешат, зачем-то кучкуются, роятся, в чем-то там своем земном копошатся, копошатся. Вот странные! Отчего не радуются полету свободному, простору небесному? Разве не видят, не слышат они удивительной симфонии земли и неба?

Симфонию земли и неба хотел открыть человеку Игорь Сикорский. Для этого жил. Для этого строил свои авиакорабли, учил их летать вольно, быстро, красиво. И чем больше строил, тем яснее видел — не только в крыльях, не только в кораблях дело. Но и в человеке. В самом человеке. В его духовном прозрении. В его духовной способности и готовности познать величие и гармонию мира Божьего.

* * *

Русская цивилизация сложна, многогранна. Она чрезвычайно богата еще не осмысленными, еще не описанными в полной мере прочными вековыми традициями. Одна из них — семьи священнослужителей, исправно и неизменно дававшие России замечательных ученых, врачей, писателей. Осознанно или нет, но ее красноречиво отразил великий русский писатель, сын доцента Киевской духовной академии Михаил Афанасьевич Булгаков в своей фантастической повести «Собачье сердце». Главный герой повести — профессор Филипп Филиппович Преображенский, мудрый, честный, целиком отдающийся любимому делу, не принимающий, никак не принимающий «разрухи в головах», очень «симпатично» против нее протестующий, по профессии врач, а по «социальному происхождению», очень важному в советские времена, сын кафедрального протоиерея, хуже, «дурнее наследственности» и врагу не пожелаешь при рабоче-крестьянской диктатуре*.

Хрестоматийный образ Филиппа Филипповича — сочный, цельный, живой и привлекательный, типичный в силу русской традиции — отчасти невольно помогает понять характер, душевный настрой и Игоря Ивановича Сикорского, также выходца из семьи православного священнослужителя, внука настоятеля сельского храма, сына выпускника Киевской духовной семинарии, врача и ученого.

Преображенский протестует против социальных язв и разрушений. Сикорский — против беспощадного подчинения человека диктату обыденности и материальности, против губительной подмены духовных начал человека ложными рациональными принципами. Преображенский лечит физические недуги человека и в качестве эксперимента

* Михаил Булгаков. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Центрполиграф, 2004. Т. 2. С. 237.

преображает забитую дворнягу в нечто подобное человеку, но с «собачьим сердцем». Сикорский «берется» за духовные, душевные недуги человека. «Берется» без экспериментов. Они ему ни к чему. Он искренне убежден, что все уже давно сделано и сказано. Нужно лишь внутреннее обращение человека к истокам, к изначальному — Слову и Закону Божьему. В них он призывает вновь вчитаться, вновь вслушаться, принять их всей полнотой души и сердца, очиститься от скверны земной, укрепить веру свою в Истину Небесную и воспарить жизнью праведной над тяготами и соблазнами искушения мимолетного ради вечного, предсказанного.

* * *

Сикорский за свой долгий век был наблюдательным свидетелем того, как романтику воздушного полета сменяла бездуховная технологическая рутина; как летчика — «вершителя мировых судеб», отважного «покорителя эфирных океанов», один на один противостоящего природной стихии, — сменял безликий, скучный оператор-программист, управлявший осиротевшим самолетом через компьютер из подземного бункера. Он видел, как созданные для раскрытия человеческого потенциала, для помощи человеку авиакорабли превращаются в ужасные машины-убийцы, машины-разрушительницы. Все это видел Сикорский. Из увиденного много предугадывал в будущем. И все чаще и чаще обращался в своих размышлениях к мысли об исходном и конечном предназначении человека, его месте и роли в судьбе мировой цивилизации, его значении для Вселенной.

Размышляет. Читает. Много читает. В его библиотеке богословские труды уже главные на книжных полках. Принимает участие в работе библейских обществ. А после поездки в 1938 году на Святой Афон, в священный для православных «Русик» — русский Пантелеимонов монастырь, где его сер-

дечно и братски принимают монастырские старцы, позволяют ему поработать в библиотеке, хранящей рукописи первых веков христианства, посетить Ильинский и Андреевский скиты, принять участие в общих службах, высказать свое «утешительное слово братии»; где по отъезду он был удостоен «как глубоко религиозный человек» (!) особого молебна, под колокольный звон собравшего всю братию, дарственной иконы Святого Великомученика Пантелеимона и благословения на дальнейшие труды наместника монастыря игумена иеросхимомонаха Иустина, Сикорский, видимо, и принимает окончательное решение оформить все продуманное в «цикле» религиозно-философских работ.

* * *

«Цикл» Сикорского состоит из трех основных работ: «Отче наш. Размышления о молитве Господней» (1941), «Незримая брань. Испытание Господа нашего Иисуса Христа в пустыне и история человечества» (1947), «Эволюция души» (1949). К циклу примыкает небольшая по объему, но емкая по содержанию статья «В поисках Высших Реальностей» (1965).

Все работы «цикла» цельны, закончены, самодостаточны. Но все они увязаны в единый контекст, объединены общей, последовательно развиваемой темой судьбы земли и человеческой цивилизации, ее способности и готовности преодолеть зло мира во всех его ипостасях — жестокости и насилии, гордыне и тщеславию, порочности и бездуховности; ее способности и готовности принять, утвердить христианские основы бытия, подготовиться к воцарению эры заповеданной любви и бессмертия.

В «Размышлениях о молитве...» Сикорский подробно анализирует композицию, структуру, логику, внутренний строй молитвы «Отче наш», подчеркивает многоуровневый смысл каждого ее слова, каждой ее фразы, обращает внимание на

разномасштабность восприятия торжественного величия и таинственной глубины небесного послания.

Уверенный, что в молитве «задано» стремление человека к гармонии со Вселенной, что в ней указано движение Земли к событию огромной важности, которое остановит извечную битву правды и лжи, подведет человека к «высшим порядкам бытия», Сикорский приходит к выводу, что только молитва, только упования на помощь Божью при ее исповедании способны «руководить нами в непростом и исполненном страданий пути нашего духовного становления»*.

Тщательно исследуя библейское описание искушений Христа дьяволом в пустыне, соотнося его с историей человечества, в «Незримой брани» Сикорский принципиально заявляет: у мира, полагающегося на материальную сторону в ущерб духовной, нет будущего; интеллект, высокое научное образование, мощь, сила науки и техники бессильны перед злом, не могут ему противостоять. Это под силу лишь вере «в возможность получить полноту вечной жизни», вере, дающей, по Сикорскому, силы на «внутренние усилия и молитвы», необходимые «для того, чтобы принять такую полноту»**.

Вечная «жизнь, войдя в душу человека после смерти тела, уничтожит малейшие остатки зла и создаст бессмертное существо, обладающее невероятной мощью, разумом»***, способное, пророчествует И. Сикорский в «Эволюции души», сосозидать и сотворить с высшими «энергиями» космоса.

«Развитие и становление человеческой души в подготовке к ее таинственному переходу в вечность — есть самое важное из всего, что происходит на нашей планете. Именно это обстоятельство придает еще больше благородства, достоин-

* И. Сикорский. Небо и Небеса. — Издательский дом «Экономическая газета», 2010. С. 333

** Там же. С. 338.

*** Там же.

ства и значимости жизненному пути человека»*. В этот свой вывод свято верил Сикорский. И верой своей щедро делился с читателем, со слушателем, с миром...

* * *

Биограф И.И. Сикорского Фрэнк Делир, опубликовавший замечательную книгу «Игорь Сикорский. Три карьеры в авиации», видел главную жизненную заслугу авиаконструктора в открытии эры тяжелого аэростроительства, многоместного пассажирского авиатранспорта и вертолетостроения. Вслед за ним «трехкарьерное» клише сделанного Сикорским широко гуляет чуть ли не по всем страницам посвященных ему публикаций. Здесь, конечно, есть правда. Вернее, часть ее, причем малая. Главное, без градаций, без деления на этапы и карьерные ступени, все же в том, что Игорь Иванович Сикорский прожил удивительно емкую, целостную и... ровную жизнь православного христианина. В системе координат, задаваемых верой православной, жизнь его в каждом ее моменте была неуклонным, поступательным восхождением от земного, бренного к небесному, обетованному.

* Там же. С. 339.

Изломанный аршин и неразменный рубль. Коллективный портрет российских предпринимателей*

Это мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой, ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим, бессильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении. Нет ни света, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью веет темная и тесная тюрьма.

Н. Добролюбов «Темное царство»

Нет, не только «темное царство», как с легкого слова критика повелось у нас называть русского купца XIX века — излюбленного героя комедии А.Н. Островского в России — в Москве особенно — жило и делало государственное и, вообще, великое жизненное дело воистину именитое купечество — «светлое царство» русское.

И. Шмелев «Душа Москвы»

В громадном рывке Российской империи в начале XX века огромную роль сыграло купеческое сословие**, но отношение к нему в обществе все еще продолжало оставаться негативным. Как смотрели на него сверху вниз, так часто и продолжали смотреть. Александр Ушаков, известный в свое время беллетрист, автор многочисленных статей и очерков о жизни купеческого сословия еще в 60-х годах XIX века заметил с огорчением, что купец в русской литературе изображается настоящим «отребием общества». Он «или плут, или смешон», или «является в таком виде, как будто бы он совершенно из другого мира». За этим «другим» — купеческим

* Вступительная статья к книге: Козыри в игре нации. Русский торговый и промышленный мир. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2013.

** К купеческому сословию относили до революции всех предпринимателей, независимо от того, в какой сфере деятельности (торговой, промышленной или финансовой) они были заняты.

миром — утвердилось тогда же и обидное определение — «темное царство». На взятых оттуда героев авторы произведений заставляли смотреть либо откровенно презрительно, либо не на худой конец с грубой иронией и сарказмом.

Примеров масса. Еще и до «Грозы» Островского и даже до «Ревизора» Гоголя. В пьесе Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор» главному герою купцу Ферापонту Пафнутьевичу присвоена характерная фамилия — Сквалыгин и изображен он человеком весьма порочным. Даже презренным в русском обществе ростовщицеством не пренебрегает. Забыв про Бога, «лупит» с должников по 24 процента! Что урвал — то и его! И чтобы какую-нибудь там полушку уступить — ни-ни.

В басне А. Измайлова «Купец Брюханов» герой — в два аршина шириной. Из одного его кафтана «обил обойщик два дивана», да и для жены еще «украл на капот». Восхищаться, глядя на него, можно было лишь тем, «как он ел» и как «тянул пиво». И столько он всего ел и пил, что даже и ходить сам не мог, а заставлял водить себя по комнатам. В другой своей басне — «Павлушка-книгопродавец» — Измайлов рассказывает о книготорговце, бессовестно «надувшем бедную вдову» и возрадовавшемся, что «на пятак взял рубль барыша».

В басне Крылова «Откупщик и сапожник» богатей откупщик плохо спит от всяческих переживаний. Пропадает веселость и у щедро одаренного им сапожника. Не впрок ни тому ни другому богатство. В крыловском же «Купце» торговец гордо рассказывает племяннику, как ловко он сжульничал, продав подпорченное сукно, выдав его за английское, но обнаруживается тут же, что сжульничал и покупатель, расплатившийся фальшивой бумажкой.

Популярный в свое время писатель Нарезный в «Российском Жилблазе» изображает «дворянящегося» питейного откупщика Куроумова, невежественного развратника, но

стремящегося подражать высшему обществу и прежде всего почему-то в истязании слуг. Слышал он, что знатные тем и отличаются, что «жестоко наказывают людей своих за маловажные вины, а часто и невинно, по одной прихоти, чтоб бедняки не забывали, что они имеют господина». Для наказаний служила ему особая комната, увешанная пучками лоз. Другие комнаты тоже мало походили на дворец. В одной из них «вместо люстры висел мешок копченых окороков», в других стояли кадки с салом, лежали кучами говяжьей кожи, а в спальне, у кровати, дымились у него... плошки с дегтем.

У Гоголя в «Ревизоре» городничий, возгордившийся близким родством с Хлестаковым, распекает ходивших жаловаться на него купцов: «Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это?.. И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь. „Мы, говорит, и дворянам не уступим“. Да дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче наш“ не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал!.. Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь?.. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода!»

Взросшей важности купечества удивляется и Белинский (в очерке «Петербург и Москва»). «Вихрем несутся на превосходных лошадях, блистающих самою дорогою сбруею, — пишет он с заметной иронией, — в экипаже сидит «поштенная» и весьма довольная собою борода; возле нее помещается плотная и объемистая масса ее дражайшей половины, раз-

беленная, разрумяненная, обремененная жемчугами, иногда с платком на голове, но чаще в шляпке с перьями... Проходящие мимо купцы средней руки и мещане с удовольствием пощелкивают языком, смотря на лихих коней, и гордо приговаривают: „Вишь, как нашито!“; а дворяне, смотря из окон, с досадою думают: „Мужик проклятый — развалился, как и бог знает кто!“ Для русского купца толстая статистая лошадь и толстая статистая жена — первые блага в жизни...»

В пушкинском «Скупом рыцаре» богатый барон в деньгах видит господ, а не слуг. И сам им служит. И как же служит? — «как алжирский раб, как пес цепной...». Такой же жадный до денег поп в известной сказке ходит у Пушкина по базару, ищет работника, чтоб за троих, но по оплате — не дорогого. Встретившегося Балду он соглашается взять не за деньги, а за вареную полбу и «три щелка по лбу». С попом сказка не прошла бы цензуру, и готовившему ее к изданию Жуковскому пришлось искать выход из положения. И что показательно! Попа меняет он на купца, за которым уж закрепилась в литературе слава аршинника, самоварника, стяжателя и глупца. И так, с купцом, и печатают сказку многие годы: «Жил-был купец Кузьма Остолоп по прозванию Осиновый Лоб».

У Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках» купец Ижбурдин рассказывает, как ловко он ведет дела с государством: «Извольте ли видеть, с казной потому нам дело иметь естественнее, что тут, можно сказать, риску совсем не бывает. В срок ли, не в срок ли выставишь — казна всё мнет. Конечно, тут не без расходов, да зато и цены совсем другие, не супротив обыкновенных-с. Ну, и опять-таки оттого для нас это дело сподручно, что принимают там всё, можно сказать, побожески. Намеднись вон я полушубки в казну ставил; только разве что кислятиной от них пахнет, а по прочему и звания-то полушубка нет — тесто тестом! Подика я с этими полушубками не токмо что к торговцу хорошему, а на рынок — на

смех бы подняли! Ну, а в казне все изойдет, по той причине, что потребление там большое. Вот тоже случилось мне однажды муку в казну ставить. Ан тут подвернулся приказчик от купцов заграничных — цену дает хорошую. Думал я, думал, да, перекрестимшись, и отдал весь хлеб приказчику. А как же с казной-то? А вот как: пошел я к писарю станового, так он мне, за четвертак, такое свидетельство написал, что я даже сам подивился. И наводнение, и мелководие тут; только нашествия неприятельского не было...»

У Гончарова Штольц до подобных штук не опускается. Он даже наделен множеством положительных черт, а любви у читателей так и не смог заслужить. И не потому, что немец, а потому, что холодный делец, живет как машина: за делами, в которых для него все, не находит времени подумать о главном — душе.

Во второй части поэмы Некрасова «Современники» натываемся на характеристику не одного, а сразу многих из известных в то время дельцов: Шкурина (Губонина), Саввы Антихристова (Кокорева), Зацепы (Суцова), фон Руге (фон Дервиза), Ладьяна (Путилова), Авраама-Изыскателя (Полякова)... «Грош у новейших господ выше стыда и закона; нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона». Ради прибыли, дивидендов все они готовы пуститься на любое, даже и самое сомнительное предприятие: «Мысль — „Центрального Дома Терпимости“, такова наша мысль!.. Вам порукою наше серьезное отношение к делам вообще, что развитие ей грандиозное мы надеемся дать не вотще... Нет сомненья, что цель учреждения наше общество скоро поймет: понесут нам свои сбережения все кутящие ныне вразброд!»

Кокорев (под именем Ивана Степановича) — действующее лицо и в рассказе Лескова «Чертогон». Известнейший купец Хлудов (в рассказе он Илья Федосеевич), чтобы кутить не «вразброд», надумывает собрать гостей в «Яре».

Прислуга перед ним чуть не в три погибели гнется, хозяин француз тоже с большим почтением. «Сколько лишних людей есть?» — интересуется у него Хлудов. — «Человек до тридцати», — отвечает француз. — «Всех вон!» — «А что приготовить?» — «Разумеется, эфиопов». — «А еще?» — «Оркестр». — «Один?» — «Нет, два лучше». От французских дам Илья Федосеевич отказывается, а по поданной карте щелкает палкой: «Вот это все и на сто особ». — «Я не могу все на сто особ. Здесь есть вещи очень дорогие», — мнетса француз. — «А я как же могу моих гостей рассортировывать?» И через пару часов в ресторане уже целая пропасть вина, яств и пропасть разгула. Явившегося Ивана Степановича Илья Федосеевич не велит пускать, и он униженно просится, ибо грустно ему в его лета отставать от компании. Просят за Ивана Степановича и собравшиеся гости: свой брат, старик, благочестивый, куда ему теперь деваться? Еще и скандал сделает на виду у мелкой публики. Уступает наконец и Илья Федосеевич: разрешает впуск, но с условием, что Иван Степанович будет бить на литавре. И опять шум, треск, летающие стулья, тарелки, топоры у корней экзотических деревьев: это берут в плен прячущихся за деревьями цыганок, и всех отважнее действуют Илья Федосеевич и Иван Степанович. Наконец твердыня взята: цыганки схвачены, расцелованы и каждый — каждой сунул по сторублевой за «корсаж». А ресторан к тому времени являет собой уже полнейшее разорение: ни одной драпировки, ни одного целого зеркала, даже потолочная люстра — и та лежит на полу в кусках... В счете, «гуртом писанном», — семнадцать тысяч! Платятся они на месте, и здесь же расплачиваются с лакеями, сторожами, дворниками, городовыми, жандармами, извозчиками, которым приказывают еще смазать колеса купленным медом. Потом были еще у Ильи Федосеевича бешеная скачка по городу, баня, парикмахер на Кузнецком мосту, торговая лавка, где он

уже начал томиться, и страстное покаяние вечером в одном из монастырей перед «Всепетой», где его встретили с таким же почетом, как и у «Яра»...

Положительный Левин в толстовской «Анне Карениной» ни грешащему, ни кающемся купцу руки не считает нужным подать, потому что и лакей для него во сто раз лучше. «А слияние сословий?» — удивляется Облонский. «Кому приятно сливаться, — отвечает Левин, — на здоровье, а мне противно». То, что барин ничего не делает, а мужик работает и вытесняет праздного человека, это Левину еще не так обидно: так и должно быть. Он даже рад мужику. Ему обидно, что «отдают купцу в аренду за рубль десятину земли, которая стоит десять рублей, и что вот, продав лес Рябинину, «подарили этому плуту тридцать тысяч». «Так что же тогда, — не соглашается с ним Облонский, — считать каждое дерево?» — «Непрененно считать. Вот ты не считал, а Рябинин считал. У детей Рябинина будут средства к жизни и образованию, а у твоих, пожалуй, не будет!»

О дворянском оскудении пишет и Терпигоров (Атава). «Прежде товар свой, хлеб и прочее, — вспоминает он, — мы к купцу в город для запродажи не возили. „Купец“ сам к нам приезжал, и приезжал скромно, на беговых дрожках или в тележке. И смотрели на него не то чтобы с презрением, а так, както чудно. Где, дескать, тебе до нас! Такой же ты мужик, как и все, только вот синий сюртук носишь, да пообтесался немного, а посадить обедать с собой вместе все-таки нельзя: в салфетку сморкаешься. Они же делали свое дело, покупали и продавали, садились на ближайший стул от двери, улыбались, потели, утирались, будучи совершенно не в состоянии понять наших рассуждений о политике и всякой чертовщине. И, слушая наши рассуждения о том, что предпримет Наполеон и какие планы у Пальмерстона, думали: ээх, далось им в руки сокровище — земля, да еще работники к ней да-

ровые, а они, вместо дела, чертовщину несут! Таковы были взаимные отношения города и деревни вплоть до 19-го Февраля. Но тут все сразу изменилось. Всем нам в это время нужны были деньги. А деньги были у „купца“. Надо, стало быть, за ними обратиться к „нему“. Мы обращались, и „он“ давал. Сначала, сгоряча, эту податливость его и ту охоту, с которой „он“ давал нам деньги, мы приняли было за дань его уважения и благодарности к нам, так как „ведь он от нас же нажился“, но эти идиллические взгляды на „кулака“ продержались очень не долго. Это был уже не тот, не прежний „купец“, который, бывало, только потел и утирался... Его уже не только приходилось устраивать спать в кабинете, но надо было еще и звать обедать в столовую, строго-настрого приказывая детям не смеяться, если он станет сморкаться в салфетку. Конец едва ли и надо рассказывать. Он должен был „слопать“ нас и — слопал».

У Чехова в «Вишневом саде» работающий с утра до ночи купец Ермолай Лопухин, «мужик мужиком», отец которого был крепостным у Раневских, не сразу решается «слопать» бывших хозяев отца и деда. Он предлагает разбить сад на участки и отдать их в аренду под дачи. Но для этого пришлось бы вырубить все деревья, на что никогда бы не согласилась Раневская. И вот, в конце уже пьесы, сад продан. Кто купил? «Я купил», — отвечает Раневской Лопухин. Рассказывая о торгах, он не может скрыть радости: смеется и топчет ногами. Битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, купил имение, где отца его и деда не пускали даже на кухню: «Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишневому саду!»

О героях Островского и Горького мы намеренно не станем тут говорить. Они слишком известны всем еще по школе и нисколько, по общему впечатлению, пусть, может

быть, и обманчивому, не выбиваются из приведенного ряда, в котором купец так или эдак, но непременно порицается за малую образованность, барышничество и «чинобесие» («Все действующие лица, — отзывался о пьесе Островского «Свои люди — сочтемся» цензор Гедеонов, — отъявленные мерзавцы... И вся пьеса обидная для русского купечества»). Множество всяких других произведений — рассказов, повестей, пьес — тоже не станем разбирать. Все та же будет вставать перед глазами картина с готовым уже приговором, схожим с тем, что выносился купцам в известных куплетах: «Российское купечество, изломанный аршин, какой ты сын отечества, ты просто сукин сын!»

Даже приходящее в упадок дворянство выглядело в глазах общества и властей привлекательнее. «Хотя и ни от кого, — писал Победоносцев, — нельзя ожидать совершенства и безусловной добродетели, дворянство, по историческому своему положению, более чем всякое иное сословие привыкло, с одной стороны, служить, а с другой стороны — начальствовать. Вот почему дворянин-помещик всегда благонадежнее, нежели купец-помещик, и в народе будет иметь больше доверия, а о купце знают, что он прежде всего имеет в виду свой барыш в хозяйстве».

Картина получится совсем уж темной, если прибавим сюда же и дошедшие до нас исторические свидетельства, собранные представителем одной из известных купеческих семей П. Бурышкиным, тоже, кстати, считавшим, что русская «литература изображает лишь теневые стороны русского купечества», но обратившим внимание и на иностранные отзывы о российской торговле, которые у нас, даже историками, воспринимались почему-то с излишней доверчивостью (не по давнему ли обычаю хулить все русское и хвалить иностранное?):

«Они (русские купцы) красят горностаев и другие меха для того, чтобы они казались более красивыми». (Барберино, XVI в.)

«Они ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая иностранные товары, они всегда понижают цену их на половину, и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение. Иностранцам они все продают дороже, так что иная вещь стоит им самим 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какуюнибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина. Если при сделке неосторожно обмолвиться, обещать что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют, что обещают. Если они начнут клясться и божиться, знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть». (Герберштейн, XVII в.)

«Они торгуют с величайшими хитростями и обманом». (Нецгебауэр, XVII в.)

«Они охотно жульничают и не держат ни данного слова, ни клятвы». (Петрей, XVII в.)

«Русские купцы по большей части от природы склонны к небывалым обманам, и так в этом искусны, что и опытейшие иностранные купцы повсеместно попадают от них в дураки». (Кильбургер, XVII в.)

«В сделках они всегда прибегают к обманным клятвам и обещаниям». (Майерберг, XVII в.)

«У русских купцов нет ни малейшей добросовестности; забавно испытать на самом себе, до какого предела может идти их жульничество... Добросовестность — эта единственная основа торговли — не существует в России». (де Пиль, XVIII в.)

Апогеем легенды о бесчестности русского купечества Бурышкин называет книгу Мэкензи Уоллеса «Россия», вышедшую в 70-х годах XIX столетия, содержащую совсем уж удивительный отзыв: «Двумя большими недостатками в характере русских купцов как класса, согласно общему мнению, являются их невежество и бесчестность. Относительно первого разных мнений быть не может. Что же касается бесчестности, которая, как говорят, столь обычна у русского торгового класса, то здесь составить точное мнение трудно. В том, что происходит огромное количество бесчестных сделок, нет сомнения, но нужно считать, что в этом деле иностранец является излишне строгим и забывает, что торговля в России только выходит из примитивного состояния, в котором твердые цены и умеренный заработок были неизвестны».

Вторая половина XIX века, а наша торговля только еще выходит «из примитивного состояния»! Пройти мимо здесь уж совсем невозможно. Благо и свидетельства на этот счет имеются достовернейшие. Оставим в стороне Наидревнейшую Русь, Гардарику, страну городов, в которой торговле отводилась чуть ли не главная роль. Обратимся к X и XI векам. Уже в то время русские купцы широко и далеко не примитивно (а по принятым законам, по заключенным договорам) торговали и с Византией и с европейскими городами. «Из варяг в греки»: по русским рекам, по Черному (Русскому) морю шли не отдельными судами, а целыми караванами — так спокойнее. И от разбойников, и в непогоду. К княжеским лодкам примыкали и лодки обыкновенных купцов, киевских, любеческих, черниговских, новгородских... И сколько их было — не имело значения. По договору Игоря с греками можно было присылать столько кораблей, сколько захочется. Городов же в Киевской Руси было не в пример другим странам.

Если же приключалось что с купцами в самом Царьграде: убьют или избьют кого, отберут товар, то ждали там появления русских князей с дружинами. Ключевский пишет, что византийские походы и вызывались, по большей части, стремлением Руси восстановить прервавшиеся торговые сношения. Потому и заканчивались они подписанием договоров, обеспечивающих условия торговли. По договору Олега русские купцы не платили никакой пошрины и даже получали в Царьграде месячину — месячный продовольственный паек. Мед, меха, воск, хлеб и захваченных рабов они меняли на ткани, золото, вино, овощи, а уходя домой, получали от византийской казны на дорогу продовольствие и судовые снасти.

Само расположение Руси подталкивало к торговле. Южными путями русские купцы добивались до владений Арабского халифата, через Галич и Львов ездили в Моравию, Чехию, Польшу, Южную Германию. Через Новгород, Полоцк и Балтийское море попадали в Скандинавию, Польское Поморье, в ту же Германию. В таможенном уставе X века города Раффельштеттена упоминаются уже и славянские купцы. Летописец Титмар из Мерзебурга считал русских надежными партнерами, а страну, из которой они приезжали, — богатой и славящейся своими торговыми оборотами. Хронист XI века Адам Бременский считал Киев соперником Константинополя. Не только по богатству и числу жителей, но и потому, как ведут себя горожане: даже язычники не воруют в нем и не грабят. В «Анналах» Ламберта Херсфельда XI века отзывы о Руси тоже самые положительные. О русских в них отзываются как о людях весьма порядочных: доверенные им товары и золото никогда себе не присвоят.

Дороги в Германию шли и через Смоленск. Торговый договор между Смоленском и немецкими городами Бременом, Дортмундом, Гронингеном, Сестом, Мюнстером, Любеком

и Ригой был подписан еще до монгольского нашествия. Немецкие купцы часто приезжали в Смоленск, некоторые же жили в нем постоянно. У них там была даже своя церковь.

В 1187 году император Священной Римской империи Фридрих I, выбирая, каким странам отдать предпочтение, даровал равные права на торговлю в Любеке голландцам и русским. Позднее тот же Любек стал одним из основных перевалочных пунктов в Ганзейском союзе, объединившем более сотни европейских городов и монополизировавшем торговлю с Новгородом. Только члены Ганзы, пишут сегодня в книгах, имели право учить русский язык, торговать с русскими, давать русским ссуды деньгами или товаром. По той, видимо, причине, что и торговать с русскими и ссужать их деньгами было выгодным делом. В Ганзе действовал и закон, по которому русских купцов, свободно везде торговавших, за долги не арестовывали, не сажали в долговые ямы, не истязали и не увечили, как прочих. Их отправляли на родину, в Новгород, чтобы они могли вновь подняться и рассчитаться с кредиторами. В том, что рассчитаются, уверенность была полная.

Упоминают и еще одну важную деталь о нравах ганзейских купцов. Они внимательно следили за нравственностью своих приказчиков. Даже кровати для них были очень своеобразными, специально так сделанными, чтобы поместиться в них мог только один человек, второго уже при всем желании никак нельзя было втиснуть. И только в Новгороде кровати были обыкновенными: местных барышень затащить в постель было делом невозможным...

Если прибавить ко всему сказанному законодательные статьи пространной редакции «Русской правды», по которым регламентировалась жизнь в Древней Руси вообще и купеческая в особенности; особую налоговую систему (в виде дани), которая строилась во многом в расчете на будущие торговые

барыши русской знати, тоже участвующей в торговле и капиталом, и непосредственно; расположение городов, тяготеющее к торговым путям, и многое прочее, то не будет, видимо, преувеличением сказать, что Русь росла и обустроивалась не только тяжелым трудом и походами на печенегов и половцев, но и, в значительнейшей мере, — торговлей. Уже тогда был набран огромный опыт, найдены способы для успешности ведения торговых дел, в том числе и для сокращения числа бесчестных сделок.

Почему и в Европе на русских купцов смотрели в то время как на достойных партнеров. А что же тогда все эти отзывы Герберштейнов, Олеариев, Петреев и прочих Уоллесов? Хорват Крижанич, перебравшийся в XVII веке в Россию и хорошо ее узнавший, предлагает принимать их лишь за «язвительную шутейную песнь»! «Когда пишут они что-либо о русском или какомнибудь славянском народе, — замечает он в «Политике», — то... наши пороки, несовершенства и природные недостатки преувеличивают и говорят в десять раз больше, чем есть на самом деле, а где и нет греха, то его придумывают и лгут». «А если бы у нас были общие гостиницы, как в некоторых их городах, — задается он вопросом несколько далее, — а в тех гостиницах — портреты разных шлюх и всякой назначена своя особая цена, чего бы они о нас говорили?!» Этот последний вопрос у Крижанича риторический, но как тут не вспомнить о Некрасовской поэме и приписанной в ней видным русским предпринимателям идее «Цетрального Дома Терпимости». Тоже это у него «язвительная шутейная песнь»? Но не будем здесь о Некрасове, хотя и о нем есть нам что рассказать...

В русских былинах, летописях, сказках торговые люди — «гости» — совсем не представляются коварными обманщиками. Скорее наоборот. Левин купцам руку отказывается подать, а у князя Владимира на пиру они сидят за столом

рядом с боярами и богатырями. Незнатный купеческий сын Иван (в былине «Иван Гостиный сын») даже решается держать пари с князем «не во сто рублей и не в тысячу», что сумеет доскакать от Киева до Чернигова туда и обратно «меж обеднею и заутреней». Выиграв заклад, он, правда, долго не может его получить — хочет обмануть его князь, но вновь помогает ему верный конь. В одной из редакций былины закладом Владимира были корабли с заморским товаром.

У былинного Садко, как предполагают, был прототип. По вполне достоверному известию некий Сатко Сытинец «поставил» в Новгороде в 1167 году церковь Бориса и Глеба. Высшим разрядом в то время в Новгороде было «Иванское купечество», состоявшее при церкви Иоанна Предтечи. По уставу этого общества, данному князем Всеволодом в 1135 году, надо было внести вкладу 50 гривен серебра, огромную по тому времени сумму... Записался в купцы новгородские и былинный герой Садко, ставший хозяином шести лавок с дорогими товарами, после того как «спотешил» игрой на гуслях подводного царя. Но не захотелось ему сидеть на месте. Отправился он торговать по городам дальним, где получил «барыши великие», такие, что стал даже похваляться скупить все товары новгородские, чтобы прекратилась в городе всякая торговля. Но кому бы это оказалось по силам? Побогаче любого был славный Новгород: кончатся товары киевские и московские, навезут заморских... Вот и пришлось Садко умерить гордыню. Поторговав еще за морями и вновь побывав у «владыки морского», он обращается к Господу, кается в грехах и на нажитое богатство начинает ставить Божии церкви...

Афанасий Никитин, уже не легендарный, а вполне себе реальный купец, богатства нажить не сподобился, но тоже попутешествовал вволю по городам дальним. Разве только у морского царя не побывал. И у кого, скажите, ознакомивше-

гося с оставленными им записками, язык повернется обозвать его человеком нечестным или страдающим «чинобесием»?

Главные примеры у нас еще впереди, и далее о них еще вспомним, и в самой книжке намеренно, для выправления перекоса, выведены они чуть ли не на первое место. Теперь же нельзя не вспомнить (не все же и в русской литературе так мрачно) о двух литературных героях, о которых нельзя иначе и говорить, как с глубочайшей симпатией. Это лермонтовский купец по прозвищу Калашников, «медный крест на груди со святыми мощами из Киева», не убоавшийся злого опричника царского Кирибеевича из самой семьи из Малютиной, честь свою поставивший выше жизни. Безымянно схоронили его, казненного, за Москва-рекой, только ветры гуляютшумят над его могилкою, а пройдет мимо стар человек — перекрестится, пройдет молодец — приосанится, пройдет девица — пригорюнится, а пройдут гусяры — споют песенку...

Другой наш положительный герой из аксаковской сказки — «честной купец, именитый человек» из «Аленького цветочка» (отец троих дочерей, «все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех»), у которого «зверь не зверь, человек не человек, а так какоето чудище страшное и мохнатое» требовало «честного слова купецкого», что привезет ему одну из дочерей своих, хороших, пригожих, «в товарищи»...

Перечеркивают ли эти примеры да и все вышесказанное «шутейную песнь» иностранцев о «плутовстве русских купцов»? Оправдывают ли их пустые клятвы и похвальбу? Доказывают ли то, что мерили они всегда законной мерой и выставляли честную цену? Конечно же нет. Вот и в самых авторитетных для нас рассуждениях о купечестве Ивана Посошкова (в них, согласятся, нет ни грамма неправды) есть такой бесчестности осуждение: «А сей древних купецких людей обычай вельми есть не прав, что и между собою друг другу не честно чинят, ибо друг друга обманывают, товары как

иноземцы, так и русские на лицо являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохие. А иные товары и самые плохие, да, закрасив добрыми, продают за добрые и цену берут неправедную и неискусных людей тем обманом вельми убыточат и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, и в цене обманывают...»

«Ну вот, — скажут тут многие, — если уж сам честной купец Посошков признает, да еще и в записках, адресованных самому государю, да еще и на закате лет...» Признает, разумеется. Как не признать?! Но ведь и не обобщает, и не останавливается на этом, как многие, а вскрывает причины неустроенности в торговых делах и предлагает множество мер по исправлению застарелой неправды. Не одно голое у него порицание: ах, это у купцов все нехорошо и не побожески, а еще и рассуждения: что нужно сделать, чтобы «в купечестве самая христианская правда установилась». И вот еще одна его мысль, мысль государственника, которая почемуто напрочь исчезла из многих голов: «Купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не может!» Царство стоять не может! Потому и следует не уничтожать купечество хулой и бесконечными поборами, не бросать его на произвол судьбы, куда кривая выведет, не ждать, пока «рынок выправит», а самим выправлять, имея о торговых людях «попечение неукоснительное», не сводящееся, разумеется, к похвальбе и созданию каких-то тепличных условий.

«Русские купцы, — пишет Костомаров, — постоянно были во мраке относительно большей части того, чем торговали, страшились обмана, не доверяли, были обманываемы и, в свою очередь, обманывали». Относительно того, что не знали, чем торговали, — тут полное заблуждение. Что же это за купец, который не знает, чем торгует, но вот то, что

страшились, не доверяли иностранным купцам, что были обманываемы, — тут чему и удивляться?! Вот и у Посошкова читаем, что обе стороны применяли одни и те же приемы. И думаем, что иностранцы были тут людьми даже более искусственными. У путешествовавшего по Московии Олеария есть рассказ, сомнительный правда, о том, как русские купцы упрасивали обманувшего их самым грубым образом голландца взять их к себе в товарищи в надежде научиться его искусству. Подобные поступки, дескать, не казались им предосудительными: «На то, мол, и щука в море, чтобы карась не дремал».

Англичанин Коллинс — тот прямо обвинил голландцев, на примере которых русские купцы усовершенствовались в коварстве. Но тут же и проговорился, сказав, что характер торговли русских купцов напоминает ему «торговлю тех же англичан и голландцев в заокеанских странах». И как же, напомним, производили торговлю англичане в заокеанских странах? Из Китая, к примеру, вывозили шелк, фарфор, чай, а ввозили в него для выравнивания торгового баланса... опиум для народа, выращивание которого превратили в Индии в монополию Ост-Индской компании. Упомянутый выше Уоллес, должно быть, был в курсе подобных торговых операций, и любопытно было бы узнать, как он их определял? Примитивными? Или же ставил их на какойто более высокий уровень?

Во всяких оценках нужно быть справедливым, и полагаться здесь на одни чьи-то отзывы было бы крайне неосмотрительно. Вот, скажем, жалуются иностранцы на обман и коварство русских купцов. Раз коварно обманывают, то и сунешься в русский порт только раз, а дальше — Боже упаси! Куда угодно, только не к ним. Но вот картина по одному лишь Архангельску: уже к 1815 году среди купцов первой гильдии (участвовавших в самых крупных торговых операциях) там

остался лишь один русский человек, остальные десять были иностранцами. К 1824 году из 124 купцов всех гильдий почти четверть составляли выходцы из других стран. К 1859 году численность иностранных купцов составляла уже треть городского купечества. По принятым и отправленным судам ситуация еще более разительная: малые десятки у русских купцов и сотни у иностранцев. Какие уж тут со стороны русских коварство и обман? — будто медом было для иноземцев мазано. «Давнюю их гордость» Посошков объяснял тем, что «государи прежде в купеческие дела не вступали», и, приехав к нам, «они, иноземцы, да сунут сильным персонам подарок рублей в сотнюдругую, то за сто рублей сделают они, иноземцы, прибыли себе по миллиону». (Схоже, кстати, объяснял успехи иностранных торговцев и Крижанич: «Приносят некие малые подарки царю и боярам и таким образом делают Русскую землю своей ясачной землей».) «А ныне, славу Богу, — пишет далее Посошков, — монарх наш все сие рассмотрел и подлезть им уже никак нельзя, чтобы им попрежнему своему хотению уставить и на своем поставить». «Никак нельзя!» — пишет Посошков. Но откуда же тогда появились сотни кораблей иноземцев и в одном лишь Архангельске? Умер Петр, и снова удалось им «подлезть» и все «по своему хотению уставить»?

И опять мы здесь повторим, что ничего не хотим отрицать. Считаем только нужным заметить, что картина всегда будет неполной, и оценка ее будет не вполне корректной, если не включить в рассмотрение многие сопутствующие обстоятельства. Одной краской мазать — не лучший способ для написания реалистических картин. Вот Василий Кокорев. У Некрасова он Савва Антихристов, плут. У Лескова в барабаны бьет и цыганок полонит. А в жизни, знаем, был патриотом, государственнымником, устраивал в Москве встречи севастопольских героев, участвовал в их судьбе, издал книгу

«Путь севастопольцев»... В другой своей книге «Экономические провалы» подвел итоги экономическим реформам России в XIX веке и предложил перейти от слепого подражательства Западу к поиску своих внутренних начал для возвеличивания России. Ума был такого, что знающие люди были уверены в его способности стать превосходным министром русской торговли и промышленности и жалели, что не сделали его хотя бы членом Государственного совета.

Вот Хлудовы. Алексей Иванович Хлудов, полонивший у Лескова цыганок в «Яре», оставил после себя огромную коллекцию древнерусских рукописей, ранние из которых датировались XIII и XIV веками. В собрании его книг тоже находились редчайшие образцы: Псалтырь IX века (т. н. Хлудовская псалтырь, хранящаяся теперь в Историческом музее); Евангелие 1323 года; «Творения Иоанна Дамаскина» в переводе князя А. Курбского с собственноручными его заметками и др. Доступ к книгам и рукописям Хлудова получали все желающие. Алексей Иванович был одним из основателей московского Публичного Румянцевского музея (РГБ), вкладывавших в это учреждение немалые средства. Брат его, Герасим Иванович, еще при жизни пожертвовал всяким богоугодным заведениям в Егорьевске более 100 тыс. рублей, а в завещании на благие дела выделил еще более полумиллиона рублей. Позднее и дочери его пожертвовали 400 тыс. рублей на школу, на отделение для больных женщин, на женское ремесленное училище, в результате чего вырос целый городок, созданный на пожертвования Хлудовых...

Вот и с этими же кораблями и купцами в Архангельске. Можно объяснить успехи иностранных купцов их большим трудолюбием, их большей торговой искусностью, их большей честностью, но можно ведь допустить, как и Посошков, что сумели «подлезть», а можно предположить еще, что и государством были предприняты какие-то меры, результатом

которых и явилось настоящее нашествие иностранных судов на наши порты. Так оно и было во многом: в 1820 году был введен либеральный тариф, и на российский рынок буквально хлынули потоки иностранных товаров. «Этот тариф убил русскую промышленность», — отозвался по его поводу министр финансов Канкрин. «И вновь разорил, — добавим, — тысячи русских купеческих семей, едва оправившихся после войны 1812 года»*. Тут уж какой от них честности требовать? Чтобы головой и в омут?

О странном засилье иностранного капитала в русской торговле говорится и в романе Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1829). «Не казалось ли бы вам странным, — сетует в нем русский купец, — если б во всех французских портах одни немцы и голландцы, а в английских портах испанцы и итальянцы производили внешнюю торговлю и чтоб французы и англичане, как верблюды, только перетаскивали на своих спинах товары из внутренности государства к морскому берегу, для того только, чтоб чужеземцы пользовались невероятными выгодами? Не странно ли, не унижительно ли для народного самолюбия, что в России вся почти внешняя торговля производится посредством иностранных контор и факторий, находящихся во всех русских портах и даже в столицах, как будто бы Россия была Китаем или Японию? Эти гг. иноземные конторщики... не выше почитают русских купцов, как своих артельщиков или биржевых дрягилей, и, как будто, ради Христа делятся с нами сотою частью своих барышей... Скажите, господа, неужели этот порядок дел будет вечно продолжаться?..» (Под господами в первую голову следует понимать здесь тогдашнего министра финансов Рос-

* Вот данные о потерях в Отечественную войну только некоторых из московских купцов: П. Кожевников — 1 524 800 руб.; А. Ценкер — 787 057 руб.; А. Карзинкин — 388 542 руб.; М. Абдулов — 373 580 руб.; И. Лобнов — 343 280 руб... Полученные купцами компенсации и на малость не покрывали понесенные убытки. Пособие московскому купцу Гавриле Кузнецову на потерянные 120 тыс., к примеру, составило всего 8 тыс. руб.

сии Канкрин. По случаю выхода романа в свет ему было написано автором и особое письмо.)

У Гоголя во втором томе «Мертвых душ» — тоже «засилье» купца «не совсем русского» — Костанжогло, но, нельзя и не признать, рассуждающего весьма разумно: «Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да. И, поверьте, это вовсе не скучно... Потому, что все это дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все». Умный купец! Даже Чичиков, столько поездивший по России, пришел в восторг от его рассуждений. «Могу сказать, — делает он комплимент Костанжогло, — что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму». Но у Костанжогло перед глазами другой пример — откупщик Муразов, поднявшийся с самых низов, с копейки начинавший, а теперь за сорок миллионов у него перевалило! Скоро половина России будет в его руках! «Но ведь все это, разумеется, — интересуется Чичиков, — вначале приобретено не без греха?!» — «Самыми справедливыми средствами, — убеждает Чичикова Костанжогло, прибавляя с восхищением: — Человек этот не то что именем помещика — целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов».

Во времена Гоголя таких Муразовых было еще очень немного, слишком трудно было еще человеку талантливому с копейки подняться. Но потом, в особенности после Крестьянской реформы, они вдруг станут появляться один за другим, талант за талантом, словно грибы после дождя. И вначале робко, «потая и застенчиво улыбаясь», как и рассказывает об этом Терпигорев, а затем все увереннее станут они врываться в русскую жизнь, вызывая удивление, недоумение и даже зависть у дворян, живущих, по их же соображениям,

какой-то «высшей жизнью», какимито «высшими потребностями». «Какие такие высшие потребности? — плюнул бы и выругался неприлично, слушая подобные оправдания, Костанжогло. — Все это ложь и вздор. Кого они надувают? Книги хоть и заведет, но ведь и их не читает. Затеет там какойнибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу уберет мебелиами дом, или с распутницей в маскарад, юбилей там какойнибудь в память того, что он даром прожил на свете... а окончится все пьянством и картами...»

Тут уж мы подошли к морали, вещи тонкой и деликатной, меняющейся во времени, зависящей от уровня развития страны, от уровня развития сословия. Трудно тут спорить, что лучше, что хуже. Что лучше: мечущийся в делах Штольц или полеживающий милый русскому сердцу Илюша Обломов? Что для страны, для Отечества лучше? «Благонадежный» дворянин, истязавший и продающий своих крестьян, будто рабов, как это было и у русских купцов в X–XI веках, а у американских и не в такие далекие времена, безумная Салтычиха или заводчик Яковлев, томивший бунтовавших рабочих в подвалах? В оправдание ему и покаяние: и нужной стране металл, и выстроенные храмы, но разве одно покроет другое? Трудно богатому войти в царство небесное. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко... Но и все же. Что для Отечества лучше? Деятельнейшие заводчики и фабриканты, пассионарные, если можно здесь употребить это гумилевское слово, Демидовы, Мальцовы, Путиловы, Морозовы, Рябушинские... или проматывающие доставшиеся им в наследство имения «благонадежнейшие» дворяне?

С «благонадежностью» тоже следовало бы разобраться. Тут есть у нас такой пример, что и оспорить его никак нельзя. Всем примерам пример. Вспомним труднейшее для России смутное время. Предательство должных быть «благонадежными» уже по своему определению кремлевских бояр

и самоотверженность одного из главных спасителей Отечества — купца Козьмы Минина (Анкундинова), бросившего торговлю и взявшего на себя труд по сбору денег для ополчения. По его же совету военное руководство ополченцами было передано Дмитрию Пожарскому. Но не только он собирал деньги, а еще и участвовал в боях за Москву. Во главе одного из отрядов переправился через Москвореку и нанес по противнику решающий фланговый удар. Вступивший на престол Михаил Федорович пожаловал Минину звание дворянина, а в 1615 году одарил и вотчиной под Нижним Новгородом.

Зададим теперь сами себе вопрос: «Став дворянином, стал ли Минин благонадежнее?» Не знаем, как бы на него ответил Победоносцев, но вот член Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств поэт Семен Бобров еще в 1806 году опубликовал статью, доказывающую, что герои и патриоты могут выйти из любого сословия. В ней он примерами опровергал мнение одного англичанина, схожее с мнением Победоносцева, о том, что российское купечество не производит и не может произвести «истинных любителей Отечества и ревнителей пользы общей» и что патриотов в России нужно искать «только в дворянском сословии». «Порода, знатность, счастье и богатство, — оспаривает подобные суждения Бобров, — сами по себе не производят добрых сынов Отечества». «Не часто ли видим, — продолжает он, — что у многих дворян остались только одна надменность и суетность». Примеров же купеческого патриотизма уже и в те времена можно было отыскать Боброву великое множество. В Отечественную войну 1812 года это множество совсем уж стало бесчисленным. В Москве купцы уже в первые полчаса после обращения к ним государя собрали на нужды Отечества («Получили от Бога, а отдаем Родине») 2 млн. 400 тыс. рублей. Купец Алексеев внес 50 тыс., Губин — 78 тыс., Карзинкин

и Солдатенков — по 25 тыс. руб лей. В ряду москвичей были и иногородние торговые люди. Именитый волгский купец Василий Злобин внес на московское ополчение такую громадную сумму, что даже генерал-губернатор Ростопчин не удержался от похвалы. «В Злобине, — возгласил он во всеулышание, — воскрес дух Косьмы Минина».

В Петербурге на нужды войны купцы собрали едва ли меньшую, чем в Москве, сумму. В Пскове, Калуге, Туле, Твери, Новгороде, Костроме, Пензе, в тысячах русских городов шел сбор пожертвований, и денег было собрано столько, что только диву даешься — более 100 млн. рублей. В Тульской губернии — свыше 4 млн.! В Псковской — нельзя и поверить — 14! Жертвовали не только деньгами. На нужды армии передавались купцами тысячи аршин сукна, холста, горы всякой посуды, табак, чай, вино, калачи, лимоны, даже и пушки. В Великих Луках купцы общим городским приговором решили отпускать воинам сахар, хлеб, чай, все, что потребуют, безо всякой платы. И кто бы хоть на грамм усомнился тогда в их «благонадежности»?

Были, разумеется, и обратные примеры. Всему можно сыскать подтверждение. Но пусть, подобно Чичикову, усомнимся и мы, согласившись, что ведь все это у них, Карзинкиных, Солодовниковых, Злобиных, все, что жертвовали они, что отдавали Родине, «приобретено было вначале не без греха». Пусть и был какой грех. Пусть и впрямь нехороши были зачинатели династий каких-то из наших купцов (хотя и тут всякие обобщения были бы несправедливы). Отбросим даже от себя мысль, что у дворян с их землями и поместьями все тоже было не совсем чисто вначале. Посмотрим, что же там далее-то? Ближе не к «примитивным» временам. А далее видим, что во многих русских купеческих семьях дело с моралью сильно поправилось.

У Н. Лескова есть волшебный рассказ о «неразменном рубле», которым бабушка одаривает внука на Рождество. Рублем таким сколько ни расплачивайся на ярмарке, а сунешь руку в карман — он все на месте, потому и прозвали его в народе «беспереводным». Надо только следить за тем, чтобы покупать вещи нужные и полезные. И чуть только отступишь от подобного правила — в мгновение рубль твой исчезнет. Но тут уж — будьте покойны, — был уверен мальчик в себе, — не так, мол, он и мал, чтобы не понять, что на свете полезно, а что бесполезно. Увидят все, что принесет он домой покупки на загляденье.

С осторожностью подступил внучок к ярмарочным товарам, боясь соблазниться чемто ненужным, но выбор его раз за разом оказывался верен. Для бедных детей купил он целую коробку свистулек, и рубль вернулся к нему целехоньким. В лавочке с ситцами приобрел для девушек из прислуги по платью, кому розовое, кому голубое. Старушкам — по головному платку. Вспомнил, что у дочери ключницы скоро свадьба, и сторговал для нее две сердоликовые запонки, хотя и сробел тут немного. «Невесте идет принарядиться, и это похвально ее обрадовать», — ободрила внука бабушка, и веселее пошли покупки. У скотницы, знал мальчик, теленок сжевал «Псалтырь», любимую ее книгу, и в книжных рядах он отыскал такую же точно, какую видел у старушки. Кучеру купил он наборный поясной ремень, а башмачнику Егорке — гармонию, и много чего еще и иного купил, тоже, видно, нужного и полезного: рубль-то все еще оставался в его кармане целехоньким.

Мальчику удивлялись, а знавшие его даже хвастались: «Вот, смотрите, каков наш барчук, один может скупить целую ярмарку, знать, есть у него неразменный рубль!» Но тут вдруг на ярмарке появился человек, у которого поверх полушубка был надет длинный полосатый жилет. Не было в жилете этом

никакой нужности и полезности, и никто бы не обратил на него никакого особенного внимания, если бы не нашитые на него стекловидные пуговицы, от которых исходило какое-то завораживающее блистание. И вот уж и позабыт мальчик, и вся ярмарка собралась вокруг странного человека в жилете, смотрят все с восхищением на стекловидные пуговицы.

И просыпается тогда в мальчике чувство досады. Вот только что был в центре внимания, и вдруг эти пуговицы... Да что они стоят все с их блистанием? Но наряду с великой досадой нет у мальчишки теперь и другого желания, кроме как стать обладателем пуговиц. По рублю за каждую предлагает он хозяину жилета, но получается у него купить только первую. Вслед за этой покупкой рубль исчезает бесследно... По известному всем русским людям правилу: богатство не твое, а Божие!..

«Аще не Господь созиждет дому, всуе трудишася зиждущии!» Кажется, эта мысль была особенно близка русскому купечеству (не сегодняшнему, разумеется). У Серафима Саровского, сына купца, было, знаем, не такое уж бедное детство, но никогда бы ни отец его, ни сам он не увлекся пустой затейкой с «гламурными» пуговицами. Знали, что даже и нехитрое их богатство доверено им лишь в управление, а потому и следовало использовать его, как заповедано Господом.

Деньги деньгами, а честь свою русские купцы ставили выше всего. У них даже своего рода моральный кодекс выработался: будь честен и правдив, ибо честным быть выгодно; будь верен слову, оно ценнее бумажных договоров; уважай закон, власть, государство и блюди его интересы; уважай право частной собственности; люби труд и уважай человека труда; живи скромно, по средствам, относись к богатству как к испытанию: богатство не твое, а Божие! А потому: помогай сколько можешь ближним; будь целеустремленным,

но цель, как бы она ни влекла, не должна затмевать божиих ценностей...

Никто под подобными правилами подписей своих нигде и никогда не ставил, и никаких особенных мер к нарушителям не принималось, только если купец или фабрикант оказывался нечестным, не верным слову, — то кто же с ними стал бы дело иметь? И потом, в чем суть перечисленных правил? — да в том, что все они вытекали из норм православия, а в нем и воспитывались строго русские купцы. В семье Четвериковых мальчишка, укравшего деньги на сладости, отец отказался называть сыном: «А не воруй!» Урок ему на всю жизнь! Так и со словом купеческим. Если уж ударили по рукам, то и назад пути не было: дело сделано. Никаких договоров, и придуманных только для того, чтобы обезопасить себя от плутов! Достаточно было лишь слова купеческого, какого требовало от купца чудище в «Аленьком цветочке». По признанию одного английского купца, сделанному в 1921 году, за 50 лет торговли в России он ни разу не подписывал контракт: ни с него, ни он сам — никогда расписки не брали.

В одном из журналов натолкнулись мы на ряд характерных примеров. Подмосковный купец Капырин решил продать свое имение и получил задаток, не оформив письменного договора. И тут вскоре выяснилось, что по земле проданного имения пройдет железная дорога. Цена на землю резко подскочила, и новые покупатели стали советовать Капырину отказаться от словесного уговора, вернуть задаток в двойном размере и совершить более выгодную для себя сделку. «Нет, — отвечал им Капырин, — я же дал покупателю слово!»

Другой пример. В 1917 году пришедшие к власти большевики решили национализировать банки. В числе других были разграблены и сейфы Московского торгового банка. Понятно было, что о возвращении денег вкладчикам можно было бы

уже и не думать, но председатель правления банка Александр Найденов, рассказ об отце которого помещен у нас в книге, отыскал все же выход из положения. На счетах в зарубежных банках у него имелись собственные семейные счета, снимая с них деньги, он и начал производить расчет с клиентами. Деньги деньгами, а честь дороже!

Еще один часто встречающийся пример — с фабрикантом С. Четвериковым (рассказ о нем тоже есть у нас в книге). Отец его, набравший долгов, чтобы спасти семью от бесчестья, покончил с собой. Семейное дело, в гибельном совершенно положении, перешло к сыну, совсем молодому еще. И тут бы удержаться ему хоть как, а он, принимая дела, дает и слово себе: трудиться не покладая рук, пока последняя копейка отцовского долга не будет заплачена. И слово свое сдержал, хотя возможности для этого появились у него лишь многие годы спустя. Но не этим одним удивил Четвериков русских промышленников. Главной его реформой был переход с 12-часовой работы на 9-часовую и отмена ночных работ для женщин и детей. Надо было деньги зарабатывать, чтобы долги отдавать, а он находит возможность сократить рабочий день на целую четверть да еще и предложить рабочим новую, повышающую заработки систему оплаты труда, а потом и участие в распределении получаемой прибыли...

Естественно, что с подобными предпринимателями и прежние русские образные слова: «подкузьмить», «объегорить», связанные с расчетами по найму (нечестно расплатиться с работниками по договорам, привязанным к праздникам Козьмы и Доминана и Егорьеву дню), стали даже отрываться от того смысла, который был заложен в них первоначально. В отношениях с рабочими, правда, были пущены в ход штрафы и увольнения: за брак, за порчу оборудования, за пьянство и нерадение. Но, несмотря на то что достичь таким образом беспорочности выпускаемого товара

было делом поевропейски разумным, многие русские купцы все равно почитали свою строгость за грех и «часами потом у себя в моленной поклоны били, каялись, плакали, у Бога прощения за свою строгость просили; деньги нищим, тем же прогнанным пьяницам раздавали...» (В. Рябушинский).

Владелец Московского Пассажа Солодовников тоже часами у себя в моленной поклоны бил, каляся, прося у Бога прощения за строгость к арендаторам, но денег нищим и пьяницам не сильно раздавал. Жадничал, устраивал скандалы изза потерянного пятиалтынного. Даже на себя, даже на прижитых детей своих неохотно и скупое тратил. Все собирал для чегого. «Для чего бережете свои миллионы, Гаврила Гаврилович?» — спрашивали у него. «А вот умру — узнаете», — отвечал он с притаенной улыбкой. И вот умер он. Вскрыли завещание, и обомлела Москва: десятки миллионов (!) следовало поделить на части и употребить «на устройство женских училищ», «на устройство школ и приюта для бездомных детей», «на строительство домов дешевых квартир для бедных людей» (с преимущественным правом для тех же арендаторов Пассажа)!

По тому, что осталось от русских купцов, поводов «обомлеть» и теперь у нас множество. Устанешь перечислять! Музей изобразительных искусств составлялся из коллекций Г. Брокера, С. Щукина, И. Морозова, С. Третьякова... В Историческом музее одним из самых главных вкладов явилась коллекция П. Щукина, Театральный музей основал А. Бахрушин, Русскую оперу — С. Мамонтов. Третьяковскую галерею — все знают кто. Московский городской народный университет — А. Шанявский. Художественный музей — С. Морозов. Это Москва все. Но и в каждом городе, куда только ни приедешь, — выстроенные на купеческие деньги храмы, больницы, школы, университеты...

Из известных купцов Алексеевых вышел и К.С. Станиславский. Из купцов же вышли праведники: Серафим Саровский, Герман Аляскинский, Серафим Вырицкий, Елеазар Анзерский... Писатели и поэты: Чехов, Ремизов, Кольцов, Никитин... Издатели: Маркс, Сытин, Рябушинский, Солдатенков... Ученые, врачи и изобретатели: Кулибин, Зворыкин (телевидение), Д. Рябушинский (аэродинамика), медики Боткины, физик Столетов... Экономистыгосударственники: Посошков, Кокорев... Путешественники, покорители необжитых земель: А. Никитин, Г. Шелехов, М. Сидоров... Никак ведь не скажешь, что все это люди из «темного царства».

Писатель И. Шмелев, происходивший из купцов и хорошо их знавший, досадуя на то, какое дал Добролюбов купеческому миру определение, написал в 1930 году особую памятку «Душа Москвы», в которой, наперекор критику, определил купечество «светлым царством русским». Среди прочих московских купцов упоминает он и Солодовникова, «сотни миллионов разбросавшего по всей России, частью воротившихся в богадельни, приюты, школы, гимназии, народные дома, больницы, в приданое невестам бедным». «Помню, в Глазове, Вятской губернии, — вспоминает Шмелев, — среди лесов и болот, встретил... дворецгимназию». Оказалось, что и дворец этот выстроен «на капиталы Солодовникова».

«Помню еще, — вспоминает Шмелев, — собрания Цветкова, С. Шукина. Библиотеку Хлудовых, из редкостей по церковному расколу. Собrania древней русской иконной живописи — С.П. Рябушинского, Постникова, Хлудова, Карзинкина... Картинную галерею И.А. Морозова, на Пречистенке...» К этим многим именам Шмелев прибавляет имена и К.Т. Солдатенкова («друга литераторов», положившего начало изданиям «тяжелым», некоммерческим, как сказали бы сегодня: капитальным трудам А. Смита, Рикардо, Дарвина, Бокля, Спенсера...), и именитых купцов Третьяковых (при-

несших Москве дар бесценный), и устроителей бесплатных больниц и клиник Солдатенкова, Солодовникова, купцов Морозовых, Мазуриных, Алексеевых, Бахрушиных, Хлудовых, и попечителей детских приютов, сиротских и ночлежных домов, богаделен: Набилковской, Алексеевской, Боевской, Морозовской, Ушаковской, Поповых, Казакова... — все, по выражению Шмелева, без счета!

«Широко давало купечество, — пишет Шмелев, — легко давало... Скончавшаяся во время войны В.А. Морозова оставила «в помощь жертвам войны» 6 000 000 золотых рублей... М.Ф. Морозова, строгой жизни, почтенная, богомольная старуха. Ну какое ей дело до... театров! К ней заезжает внучка, говорит, что надо для развлечения рабочих, для отвлечения их от пьянства достроить, наконец, театр в Орехове-Зуеве... — «А много ль надо?» — «Да тысяч двести, я думаю». — «А не маловато будет?» — «Ну, прибавьте». Старуха нажимает пуговку у звонка. Является лакей. «Миша, скажи в контору... выписали бы чек! да из моих личных, чтобы... да ты не спутай: на двести пятьдесят тысяч». И в две минуты. Выписывали и в миллионах просто. Знали на местах и не дивились: чему же удивляться — «добрый человек», и все. Иначе как же? И это — «темное царство»! — удивляется Шмелев. — Нет: это свет из сердца».

«Надо знать. Надо записать все — и помнить», — завершает свой очерк И. Шмелев. И книжка у нас — по его завету. Мы тоже, в меру собственных сил, пытались при ее составлении преодолеть однобокость взгляда на русский торговый и промышленный люд, возможно, где-то и излишне старались, но, чтобы судить, надобно ведь знать не одну какую-то сторону, а всю правду. И все, что могли мы разузнать, и хорошего, и плохого, записывали, чтобы и другие узнали и помнили. Помнили о тех, кто такую о себе память оставил, что и впрямь устанешь перечислять, о тех, кого за это же изве-

ли в революцию под корень и предали забвению: как людей зловредных, как людей, от которых и никакой пользы получить нельзя. А ведь по делам своим они были действительно сынами Отечества, удивительным «светлым царством русским»...

Николай Вознесенский: государственный, ученый, гуманист*

Имя замечательного сына России, выдающегося государственного деятеля, хозяйственного руководителя, ученого-экономиста Николая Алексеевича Вознесенского прочно связывается в исторической памяти народа с разработкой и осуществлением экономической стратегии Победы СССР в Великой Отечественной войне. Уже этого было бы достаточно для вечной благодарности потомков. Но для экономистов-профессионалов ценен также вклад Николая Алексеевича в теорию и практику народно-хозяйственного планирования, в формирование системы политической экономии посткапиталистического общества. Для ученых-историков его жизнь и научное творчество — богатейший источник многообъясняющих сведений о революционной попытке установления в России принципиально нового общественного строя. Наконец, для современных политиков, философов, социологов и всех обществоведов Н.А. Вознесенский — пример честного и самоотверженного выполнения долга ученого, гражданина и патриота.

Работа над вновь воспроизводимой в настоящем сборнике книгой «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» — лишь фрагмент на удивление многогранной деятельности Н.А. Вознесенского. Но фрагмент красноречи-

* Вступительная статья к книге: *Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны.* — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2003. (См. также: Российский экономический журнал, № 7, 2003; переиздания статьи и монографии Н. Вознесенского с новейшими комментариями в книгах: «Все для фронта, все для Победы!» (Научно-публицистический сборник). — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010; Великая Отечественная: вопросы геополитики, экономики и духовности. К 70-летию Победы. Сборник научных и научно-публицистических материалов. Том 3. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2015). Рекомендуем читателю выпущенный к 110-летию Н. Вознесенского альбом «Стратег экономической Победы». (Ярославль. Издательство «РМП», 2013) и статьи об этом издании И. Склярова «Назначение выполнил — Родину отстоял» (еженедельник «Экономика и жизнь», № 18, 2014), а также И. Скляров «К портрету стратега экономической победы над фашизмом и послевоенного восстановления народного хозяйства» (Российский экономический журнал, № 2, 2014).

вый, в котором в полной мере отражены идеалы его созвучной эпохе, исполненной высоким государственным и гуманистическим пафосом, подобной подвигу жизни.

Н.А. Вознесенский родился 1 декабря 1903 года в селе Большое Теплое Чернского уезда Тульской губернии в семье мелкого конторского служащего. С ранних лет познал нелегкий труд столяра и рабочего типографии. Еще в подростковом возрасте познакомился с местными большевиками, а в 1919 году стал организатором и руководителем одной из первых в Тульской губернии комсомольских ячеек, редактором газеты «Юный коммунист» и членом РКП(б) — Российской коммунистической партии (большевиков).

С ранних лет Н.А. Вознесенского отличало и неумное стремление к знаниям, прежде всего экономическим. С вопросами экономики он вплотную столкнулся уже в пору своей комсомольской юности.

В 1921 году заведующий экономико-правовым отделом Тульского губкома РКСМ Российского коммунистического союза молодежи — Вознесенский поступает в Коммунистический университет имени Свердлова, а по его окончании в 1924 году получает направление в Донбасс, где проходит школу практической партийно-политической и организаторской работы в качестве пропагандиста, секретаря парткома Енакиевского металлургического комбината, заведующего отделом райкома и заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Артемовского окружка партии.

В 1928–1931 годах Н.А. Вознесенский — слушатель, а затем и преподаватель Экономического института красной профессуры; одновременно он работает в ЦКК — НК РКИ (контрольном органе, объединявшем два высших контрольных аппарата: партийный — Центральную Контрольную Комиссию и государственный — Народный Комиссариат Ра-

боче-Крестьянской Инспекции). В 1934 году он избирается членом Комиссии советского контроля при СНК СССР и назначается ее уполномоченным по Донецкой области. На эти годы приходится начало его активной научной деятельности. В центральной печати — в газете «Правда», журналах «Большевик» и «За темпы, качество, проверку» — появляются первые теоретико-экономические статьи Н.А. Вознесенского: «Хозрасчет и планирование на современном этапе» (1931), «Борьба за план в современных период» (1931), «К вопросу об экономике социализма» (1932) и др. Это было время проходившего в сложной идейно-политической обстановке становления политэкономии социализма как научной системы, и работы молодого теоретика сыграли здесь весьма существенную роль.

Так, в пространной статье «К вопросу об экономике социализма», которую сам автор рассматривал как «начало, приступ» к коллективной и системной разработке «политической экономики социализма» (в качестве органической части «теоретической экономики коммунизма» неотъемлемой составляющей «политической экономики в широком смысле слова»), предложены наброски плана предстоящей разработки узловых ее проблем и обоснованы принципиальные положения методологического характера. Среди последних — тезис о наличии внутренних противоречий экономики социализма, самое общее выражение которых усматривалось в противоречии между производительными силами и производственными отношениями, между уровнем материального производства и потребностями производителей. (Эта проблематика очень скоро перестала быть предметом исследований, ибо через некоторое время появилось «каноническое» сталинское клише о «полном соответствии» социалистических производственных отношений уровню и характеру производительных сил.) А в качестве форм раз-

решения противоречий Вознесенским рассматривались государственная экономическая политика, плановое ведение хозяйства, органически сочетаемое с хозрасчетом, и социалистическое соревнование.

И в данной статье, и в ряде последующих публикаций Н.А. Вознесенский отстаивал ключевое методологическое положение об объективных, хотя и не «стихийно», а «планово» действующих экономических законах социализма в качестве законов развития социалистических производственных отношений. Правда, в ряде случаев эта посылка не проводилась с должной последовательностью и сами экономические законы четко не разграничивались с нормативными (юридическими). Однако с течением времени их разграничение принимало у Вознесенского все более определенный характер, утверждалось положение о законах расширенного социалистического производства и распределения, на которых базируется народно-хозяйственное планирование и без учета которых оно обрекается на провал.

В своих работах Вознесенский обращал внимание на наличие в тогдашнем обществе товарной формы продуктов труда, исследовал особенности ее исторической эволюции в рамках каждого из секторов переходной к социализму экономики. Он указывал на диалектику плана и хозрасчета, считая последний рычагом планирования, а советские деньги — необходимым орудием социалистического строительства, настойчиво подчеркивал, что закон стоимости остается «элементарным законом издержек производства, распределения и обмена продуктов». Явно выходило за рамки официально санкционированных воззрений его утверждение, согласно которому этот закон и в новом обществе в определенной мере продолжает регулировать распределение общественного труда по отраслям и сферам народного хозяйства.

Разрабатывая эти и многочисленные другие теоретические проблемы, Н.А. Вознесенский неизменно исходил из ключевой роли научно-технического прогресса в развитии экономики и социальной сферы, придавая особое значение механизации трудоемких и тяжелых работ, ликвидации ручного труда на базе передовой техники. Уже в 1932 году он выдвинул идею превращения планирования развития техники в важнейшее звено народно-хозяйственного планирования в целом, трактуемого в качестве обязательной формы экономической реализации общенародной государственной собственности и одного из решающих исторических преимуществ социализма.

Именно плановое управление экономикой, эффективное руководство ею как, используя более позднюю терминологию, ел иным народнохозяйственным комплексом с середины 1930-х годов становится и до конца жизни остается главным предметом не только теоретических поисков, но и непосредственных практических усилий доктора экономических наук Н.А. Вознесенского (эта ученая степень присуждается ему в 1935 году). В 1935–1937 годах он — председатель Ленинградской городской плановой комиссии и заместитель председателя исполкома Ленинградского горсовета, с ноября 1937 года — заместитель председателя, а с января 1938 года и по март 1949 года (с перерывом в период с марта 1941 года по декабрь 1942 года) — председатель Госплана СССР». При этом с 1939 года Н.А. Вознесенский — заместитель, с 1941 года — первый заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР (советского правительства, возглавлявшегося И.В. Сталиным) и кандидат в члены, а с 1947 года — член Политбюро ЦК ВКП(б). С марта 1946-го по март 1949 года — заместитель Председателя Совета Министров СССР. Возглавляя в течение многих лет Госплан СССР — экономический годов штаб страны (среди прежних руководителей которо-

го были Г.М. Кржижановский и В.В. Куйбышев), Н.А. Вознесенский демонстрировал замечательный сплав качеств теоретика планового хозяйствования и практика-организатора четкой и бесперебойной работы хозяйственного центра государства. Каждое крупное планово-управленческое решение он стремился обосновывать с позиций политико-экономической науки, а каждый теоретический вывод выверял реальностями планового управления народным хозяйством. В работе Госплана СССР в тех или иных формах и в разное время активно участвовали лучшие научные кадры, крупнейшие ученые страны, представлявшие различные отрасли гуманитарного и естественно-научного знания: Н.А. Комаров (президент Академии наук СССР), А.А. Байков, И.П. Бардин, М.И. Боголепов, С.И. Вавилов, В.Н. Варенцов, Б.Е. Веденеев, А.В. Винтер, П.Л. Капица, Г.М. Кржижановский, В.Н. Образцов, Н.Н. Семенов, А.А. Скочинский, СП Струмилин, А.Е. Ферсман, Л.Д. Шевяков, Ш.Я. Турецкий и многие другие. Планы разрабатывались чрезвычайно тщательно, их проекты всесторонне анализировались и взвешивались. Сам глава планового ведомства подавал в этом отношении пример исключительного профессионализма, добросовестности и ответственности, работая больше всех, непримиримо относясь к любым проявлениям профанации экономической науки по политико-конъюнктурным мотивам. При Вознесенском Госплан СССР стал признанным центром творческого развития теории, что не только укрепляло его авторитет в обществе, но и способствовало росту эффективности народно-хозяйственного планирования, поддержанию высоких темпов и качества (прежде всего сбалансированности) роста советской экономики.

В написанном НА Вознесенским в 1938 году Положения о Госплане СССР подчеркивалось, что его «главнейшая задача» — обоснование в планах «правильных соотношений

в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению диспропорций в народном хозяйстве». Под непосредственным руководством председателя Госплана в предвоенные годы разворачивалась грандиозная работа по гармонизации отраслевого и территориального аспектов составления и реализации народно-хозяйственных планов, комплексному планированию развития экономических районов страны, использованию балансовых методов в плановой деятельности. На базе подготовленной при решающем участии Н.А. Вознесенского схемы (потом в течение десятилетий применявшейся в планировании и статистике) Госплан стал разрабатывать баланс народного хозяйства как самостоятельный раздел пятилетних, годовых, квартальных и месячных планов. Составлялось все большее количество натуральных балансов, постоянно повышалась научная обоснованность синтетических балансов — национального дохода, денежных доходов и расходов населения, роста заработной платы и ее товарного обеспечения.

К числу предвоенных свершений Госплана СССР относятся разработка пятилетнего плана (1938–1942) как плана химизации советской экономики (к чему из-за войны и ее последствий вернулись лишь через два десятка лет) и, конечно, прерванная фашистским нашествием подготовка по инициативе Н.А. Вознесенского Генерального плана развития народного хозяйства с временным горизонтом в три пятилетки (1943–1957), нацеленного на то, чтобы «догнать и перегнать передовые в экономическом отношении капиталистические страны». Это был беспрецедентный, пионерный в мировой истории макроплан, замысел которого его инициатор и идеолог Вознесенский обнародовал в своем выступлении на XVIII съезде партии» Предусматривалось, в частности, возведение новых металлургических гигантов; завершение реконструкции железнодорожного транспорта и строитель-

ство Байкало-Амурской магистрали; сооружение Куйбышевского, Соликамского и Ангарского гидроузлов; создание мощной топливной и металлургической базы на севере европейской части страны; ускоренное развитие ряда конкретных экономических районов. Генеральным планом одновременно намечалось решение крупнейших социальных задач исторического масштаба, сопоставимых с теми, что были в послевоенный период поставлены в проекте новой Программы партии. Так, перегнать главные капиталистические страны» планировалось «в производстве на душу населения» не только «чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства», но и «предметов потребления». Согласно предварительным проектировкам, а результате *реализации* генплана главные показатели народного благосостояния должны были возрасти более чем вдвое.

Н.А. Вознесенский придавал большое значение поддержанию на всех уровнях (от общегосударственного до рабочего места) плановой дисциплины и, что стоит подчеркнуть особо, последовательному воплощению принципа вовлечения широких масс трудящихся не только в выполнение, но и в подготовку и в контроль реализации народно-хозяйственных планов. «...Творческую активность миллионов, — писал он, — мы должны мобилизовать на составление, а затем и выполнение плана построения социалистического общества. Нужно учесть все внутренние ресурсы и производственные возможности оборудования, нужно контролировать ход выполнения плана каждой бригадой, каждым работником социалистического производства». Чтобы наладить действенный контроль за выполнением планов, Вознесенский поставил во главе отделов Госплана специалистов столь высокой квалификации, что они могли на равных вести диалог с руководителями наркоматов, и к началу Второй мировой войны центральное плановое ведомство было укомплек-

товано кадрами, способными решать любые задачи развития народного хозяйства, включая осуществление крутых структурных маневров. В среде экономистов-управленцев заговорили о «школе Вознесенского».

В феврале 1941 года Н.А. Вознесенский, занимавший тогда, кроме вышеназванных государственных должностей, посты председателя Совета по оборонной промышленности и заместителя председателя Комитета Обороны при СНК СССР, выступил на XVIII Всесоюзной партконференции с докладом «Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год». С учетом нависшей над страной смертельной угрозы агрессии фашистской Германии, поставившей под свой контроль почти весь экономический потенциал Европы, плановые задания пришлось динамично перенацеливать на резкое повышение мобилизационной готовности экономики СССР. «В условиях начавшейся новой империалистической войны, — отмечал Николай Алексеевич, — государственный план и содержание плана учитывают тот факт, что с технико-экономической стороны эта война есть война моторов и в значительной мере — резервов, и в отношении выпуска оборонной промышленности правительство исходило из простой истины: если хочешь, чтобы никакие «случайности» не застали наш народ врасплох, порох держи сухим и не жалея средств на производство самолетов, танков, вооружения, военных кораблей и снарядов».

Поистине титаническую, в буквальном смысле подвижническую работу Н.А. Вознесенский вел в период Великой Отечественной войны, прежде всего курируя и непосредственно возглавляя (правда, формально лишь с декабря 1942 года) Госплан СССР, который, как отмечал бывший заместитель его председателя А. П. Ковалев, «превратился и оперативный штаб военной экономики. И не будет преувеличением если

скажем, что именно Вознесенский держал в эти годы всю экономику страны в своих руках»*. Действительно, под его руководством был составлен и с конца 1941 года неукоснительно, с четким соблюдением сроков и этапов, выполнялся государственный военно-хозяйственный план «для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» — план невиданного по масштабам и темпам развертывания военно-промышленной базы в восточной части страны, сосредоточения, восстановления и наращивания здесь эвакуированных индустриальных мощностей, создания кузницы Победы. Н.А. Вознесенский являлся членом Государственного Комитета Обороны, а также членом Бюро Совнаркома и председателем созданной при этом бюро Комиссии по текущим делам, представлял перемещенное в Куйбышев правительство (СНК), руководил работой ряда эвакуированных на восток наркоматов, прежде всего авиа-

* Ю.В. Якутин: Это авторитетное высказывание лишний раз подтверждает следующее: фигурирующее во всех воспоминаниях о Н.А. Вознесенском (включая воспоминания наркомов Д.Ф. Устинова и Н.К. Байбакова) убеждение относительно его пребывания в качестве главы Госплана СССР в течение одиннадцати лет кряду (с 1938 по 1949 г.) лишь формально противоречит его официальным биографическим данным. В соответствии с ними с марта 1941-го по декабрь 1942 г. Н.А. Вознесенский в качестве первого заместителя главы советского правительства «курировал» Госплан (а непосредственно руководил им М.З. Сабуров). «Поразительно, — пишет по этому поводу экономист и публицист Л.А. Вознесенский, — но абсолютно все — и заместители Николая Алексеевича, и другие его сотрудники и наркомы — такого перерыва даже не заметили. Единственный вывод, который напрашивается и подкрепляется множеством конкретных фактов, состоит в том, что и в этот отрезок времени он фактически продолжал непосредственно руководить Госпланом. Например, ему было поручено возглавить разработку планов на III квартал 1941 г., на IV квартал этого же года и на 1942 г.; тогда же он менял структуру Госплана в соответствии с задачами военного времени, назначал новых его сотрудников в центре и на местах; наркомы оборонных отраслей промышленности в 9 утра 22 июня прибыли к нему на совещание не в кремлевский кабинет первого заместителя Председателя СНК а в Госплан; при создании ГКО Берия, добиваясь своих целей, предлагал Сталину: пусть Вознесенский «занимается всей работой в правительстве и Госплане». Таким образом, помня о формальной стороне дела, привожу хотя бы некоторые факты, подтверждающие правильность представлений участников тогдашних событий об 11-летнем периоде его руководства Госпланом СССР» (*Вознесенский Л.А. Истины ради.* — М: Республика. 2004. С. 105). Среди материалов из личного архива Л. А. Вознесенского, любезно предоставленных им редколлегии, — письмо, адресованное ему женой Н.А. Вознесенского Марией Андреевной, где есть такие строки: «Известно, что у него (у Н.А. Вознесенского — Ю.В. Якутин) было два самостоятельных аппарата и два места работы: «то он бывал в Совмине в Кремле, то — в Госплане. Работу в Госплане Н.А. не оставлял никогда, причем такое положение было утверждено свыше. Сперва он вводил в курс дела нового человека, кажется, Сабурова, а потом все равно приходилось там работать... Так что фактическую работу в Госплане Н.А. не прекращал».

ционной и танковой промышленности, вооружения, черной металлургии и боеприпасов (за производство последних во время войны он отвечал непосредственно, в прямом смысле — головой), был членом созданного в 1943 году при СНК Комитета по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации.

Уникальная роль Н.А. Вознесенского в экономическом обеспечении победоносных военных действий Советской армии подчеркивается и в воспоминаниях начальника Генерального штаба, маршала А.М. Василевского, который, в частности, писал следующее «Естественно, что на Политбюро высказывались различные мнения о возможности производства удовлетворить запросы Генштаба. Выносились различные предложения. Но самым авторитетным являлось слово члена ГКО, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского. Он нередко не соглашался с мнением И.В. Сталина, других членов Политбюро и точно называл количество материально-технических средств, которые может дать промышленность для рассматриваемой операции. Его мнение являлось решающим. Вознесенский прекрасно знал народное хозяйство, имел точное представление о его работе и в своих суждениях, оценках никогда не ошибался».

В 1941 году за успешное планирование народного хозяйства и в 1944 году за выполнение заданий ГКО в области планирования и материального обеспечения военного хозяйства Н.А. Вознесенский был награжден орденами Ленина. В годы войны получила высшую оценку научной общественности и теоретическая деятельность Николая Алексеевича: в 1943 году его единогласно избрали действительным членом Академии наук СССР. В документах, представленных творческими коллективами, внесшими это предложение, подчеркивалось, что он «является автором первоклассных научных работ, в которых дана трактовка основных проблем

политической экономии социализма», и «может быть назван новатором» в науке. При этом имелись в виду, в частности, труды политико-экономического характера, написанные и опубликованные в период работы Н.А. Вознесенского в Госплане, в том числе статьи «К итогам социалистического воспроизводства во второй пятилетке» (1938), «Итоги второй пятилетки и основные задачи третьего пятилетнего плана» (1939) и «К итогам переписи населения в 1939 году» (1939), а также речь на XVIII съезде партии, в которых теоретически интерпретировались результаты и, главное, перспективы экономического развития страны на основе расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений, в своей основе утвердившихся в конце 1930-х годов.

Как только тяжелейшая война осталась позади, Госплан в кратчайшие сроки подготовил пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы, подробно охарактеризованный Н.А. Вознесенским в докладе на сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 года, и сразу вслед за этим вернулся к разработке генерального плана развития народного хозяйства, рассчитанного уже на двадцатилетнюю перспективу.

Успешным выполнением четвертой пятилетки СССР в очередной раз изумил мир: ни одно государство до этого не залечивало столь глубокие хозяйственные раны и не восстанавливало резко снизившийся уровень народного потребления в такие минимальные сроки; это оказалось под силу лишь эффективно управляемой плановой социалистической экономике. Что касается долгосрочного плана, то в его обновленном проекте, как писал в одной из своих работ Николай Алексеевич, «ставилась огромной сложности задача создать новый производственный аппарат, в несколько раз превышающий по своей мощности довоенный производственный

аппарат СССР» на базе применения самых современных достижений науки и техники одновременно во всех отраслях народного хозяйства. Особое значение инициатор и идеолог перспективного макропланирования опять-таки придавал решению социальных проблем, в том числе нацеливанию генплана на всеобщую ликвидацию ручного труда.

Параллельно Н.А. Вознесенский завершает политико-экономический анализ накопленного опыта реализации в нашей стране военно-мобилизационной модели экономики: в конце 1947 года выходит из печати знаменитая книга «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», в 1948 году отмеченная Государственной премией СССР (Сталинской премией) первой степени. Книга, и сегодня бесценная для всех изучающих период Второй мировой войны, оставила свой след и в истории отечественной политико-экономической науки. Углубляя и уточняя идеи, высказанные в своих предвоенных произведениях, автор этого фундаментального труда, в частности, писал, что план, «не учитывающий законов производства и распределения», не имеет шансов на успех; социалистическое планирование «предполагает знание экономических законов производства и распределения и умелое их использование...».

Обобщение итогов войны, в ходе которой страна понесла неимоверные материальные потери, работа над восстановительным пятилетним и генеральным перспективным планами, выдвигавшая в качестве важнейших вопросов рост благосостояния советских людей и другие социальные проблемы экономического развития, предопределили как новые акценты и приоритеты в практической деятельности председателя Госплана, так и его новые теоретические поиски. Факты таковы, что благодаря усилиям Н.А. Вознесенского и его единомышленников из числа высших партийных и государственных руководителей (к которым исследователи относят

в первую очередь А.А. Жданова, А.А. Кузнецова и А.Н. Косыгина) в послевоенные годы при неизменности курса на опережающее развитие тяжелой индустрии и железнодорожного транспорта произошло определенное усиление социальной ориентации экономической политики. Это проявилось в ускорении темпов роста производства предметов потребления, в подъеме легкой индустрии и переводившегося на индустриальные рельсы жилищного строительства, в оживлении кооперативной торговли и в увеличении розничного товарооборота (чему способствовали проведение денежной реформы и восстановление полноценности рубля).

Однако главное, что волновало Николая Алексеевича, — перспектива назревшего качественного обновления советского общества. Обновления, которое мыслилось им лишь на основе последовательной реализации и наращивания гуманистического потенциала, заложенного в социалистическом строе, в его общекоммунистических устоях прежде всего. Соответствующие теоретические поиски воплотились в подготовленном в 1946–1947 годах проекте новой партийной программы, в котором главный его разработчик (заместитель председателя программной комиссии, возглавлявшейся А.А. Ждановым) — Вознесенский предложил развернутую концепцию радикальных демократических перемен в экономике, политике и духовной жизни страны. При этом, писал он Сталину 2 августа 1947 года, «необходимым дополнением и конкретным планом выполнения новой программы ВКП(б)» призван послужить «генеральный хозяйственный план СССР». С проектом партпрограммы идейно корреспондировала и последняя работа ученого — обширная (объемом свыше 40 печатных листов) книга «Политическая экономия коммунизма».

К сожалению, идеи программного проекта Вознесенского вошли в общественный оборот только через много лет

после его смерти, причем лишь в виде «вкраплений» в принятую XXII съездом партии Программу КПСС, как известно, нареченную «хрущевской». Еще более печальна судьба «Политэкономии коммунизма»: рукопись книги, в которой воплощались итоги многолетнего творческого труда и обобщался уникальный опыт планового управления экономикой, была уничтожена после ареста автора по приказу тех, кто инициировал фабрикацию дикого в своей абсурдности и несправедливости «ленинградского дела», закончившегося смертным приговором Н.А. Вознесенскому в сентябре 1950 года.

Судьба и деятельность Н.А. Вознесенского предстают сегодня как неотъемлемая и важная часть общей картины жизни нашего Отечества в первой половине XX века. Века, чрезвычайно богатого замечательными экономическими, философскими, политическими трудами, сочинениями на духовные, нравственные, этические темы известных ученых, литераторов, общественных деятелей, представителей интеллигенции, И в ряду этих трудов свое достойное место занимает «Военная экономика...» — книга, раскрывающая истинную цену Великой Победы, Победы невероятно грудной, стоившей огромных, нечеловеческих усилий и фронту, и тылу. Стоит только удивляться уменью Вознесенского выразить экономическим языком немыслимое напряжение боевых и трудовых свершений советского народа в годы суровых испытаний. Содержащийся в книге честный анализ тяжелейшего состояния страны в первые месяцы после внезапного нападения на нее фашистской Германии может восприниматься сегодня как скрытый упрек правящей элите за недостаточную подготовленность к войне, допущенные ошибки, цена которых оказалась очень высокой. А правдивый рассказ о том, что пришлось вынести советским людям, чтобы переломить ситуацию, делает вывод автора, согласно

которому победа в войне — это победа прежде всего самого народа, особенно убедительным.

Стойкость, мужество, героизм и самоотверженность бойцов, командиров и работников тыла, проявленные в годы войны, беспримерны. Фашистские агрессоры, опиравшиеся на ресурсы захваченных ими европейских государств, были абсолютно уверены в экономическом превосходстве, молниеносном осуществлении своих грабительских замыслов. И все же мы победили. Советский народ пожертвовал всем для сохранения своей независимости, не жалел сил для развития военной промышленности, обеспечения армии техникой, боеприпасами, продовольствием, снаряжением. «Труженики тыла Советской Армии, отстаивая свободу и независимость своей родины, — пишет Вознесенский, — проявили чудеса героизма в обеспечении потребностей фронта. Труд рабочих, крестьян, советской интеллигенции войдет в историю Отечественной войны как великий подвиг, равный ратному подвигу героической Советской Армии на фронте».

Приведенные в книге данные об эвакуированных в восточные районы страны тысячах заводов и фабрик, миллионах работников, о построенных новых предприятиях и восстановлении хозяйства на освобождаемых от врага территориях поражают грандиозностью проделанной в кратчайшие сроки работы. Книга поэтому воспринималась и воспринимается как гимн трудовому подвигу народа. И хотя в ней присутствуют соответствующие тому времени лексика и риторика о гениальности, мудрости сталинского руководства (впрочем, весьма для тех лет скромные), они нисколько не умаляют и не затушевывают народный характер Победы в Великой Отечественной войне.

«Военная экономика...» содержит не только богатейший фактический материал об экономике СССР в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. В ней также выра-

жены взгляды автора по многочисленным дискутировавшимся тогда теоретическим проблемам, представлены его размышления о том, какой должна быть экономика нового общественного строя, предугадываются ответы на многие волновавшие советское общество вопросы развития страны после восстановления разрушенного войной хозяйства. Книга стала дошедшим до нас своеобразным итогом научных изысканий Вознесенского, она отражает его социальную позицию, уникальный управленческий опыт, во многом не потерявший своего значения и сегодня.

Так, до сих пор мировая и отечественная общественная мысль возвращается к вопросу обсуждения роли Второй мировой войны (1939–1945) в истории всего человечества, нашей страны. Интерес к военной теме не угасает хотя бы потому, что сам XX век не может быть понят без глубокого и всестороннего анализа процессов подготовки, хода и результатов этой величайшей и самой разрушительной войны. Трагедии, вызванные войной, социальные потрясения, драматические повороты в судьбах государств, народов и отдельных людей восхищают величием духа, подвигами сражавшихся за свою свободу и независимость, одновременно потрясая масштабами человеческих потерь, грабительских деяний и принесенных фашистскими варварами разрушений, глубиной духовного падения, низостью предательств и измен.

Ратный и трудовой подвиг советского народа, вынесшего основную тяжесть борьбы с фашистскими захватчиками, пережитые им неслыханные испытания и трудности, гибель миллионов людей на фронтах, во вражеском плену, на захваченных противником территориях, уничтожение тысяч фабрик, заводов, городов и сел, произведений искусства, памятников исторического прошлого — все это, правдиво описанное в книге Вознесенского, не может быть забыто.

В экономической и духовной жизни страны военные годы оставили неизгладимый след. И не только военными сражениями, фронтовыми потерями и народно-хозяйственными разрушениями. Не прекращалась и созидательная деятельность. Это были годы самоотверженного труда во имя Победы, научных открытий, высочайших достижений во всех сферах производства, духовного творчества. Это время отмечено появлением замечательных произведений литературы и искусства, отразивших патриотический подъем, нравственную силу, нестигаемую стойкость народа, поднявшегося на защиту своей страны, свободы, права на жизнь. Книга Вознесенского практически во всех главах напоминает и об этом.

Вторая мировая война резко переломила ход истории в XX веке, привела к образованию почти полвека противостоявших друг другу двух мировых общественных систем. В истории нашей страны она пролегла как осевая межа, затронула все стороны жизни народа. Сегодня становится очевидным, что война взрыхлила почву для тех перемен в духовной жизни и общественном сознании, которые затем проявились в период разоблачения культа личности Сталина, в так называемой оттепели 1960-х годов и деятельности «шестидесятников», в постперестроечных событиях 1990-х годов. Война и послевоенное восстановление выявили необходимость хозяйственных реформ, изменения методов управления экономикой и стиля хозяйствования.

Н.А. Вознесенский не только почувствовал, отразил в своих научных трудах подспудную жажду экономических перемен, но и заявил об их неотложности. Так, отмечая, что существенную роль в увеличении продовольственных ресурсов страны в военное время сыграли индивидуальные огороды рабочих и служащих, он делает в книге вроде бы мимолетный, но весьма примечательный, нацеленный в бу-

дущее вывод: «Опыт организации этих огородов показывает необходимость развития личной инициативы трудящихся в улучшении своего материального положения». В последующих его публикациях и выступлениях этот вывод получил дальнейшее развитие, был дополнен, в частности, предложением о развертывании строительства индивидуальных жилых домов за счет долгосрочных государственных кредитов.

Согласитесь, что подобные мысли в конце 1940-х годов, когда признавались лишь непосредственно общественное производство и коллективистские начала, были весьма нетипичными для государственного руководителя столь высокого уровня и далеко не безопасными в обстановке политических интриг, обвинений в отступлениях от партийной линии, подозрений в неблагонадежности и недостаточной преданности сталинскому курсу. Как же так? Строим коммунизм, а тут завели разговор об индивидуальном производстве! Это не укладывалось в господствовавшие идеологические схемы изживания товарно-денежных отношений, тотального обобществления всего и вся. Для нас же мысли, рассуждения и поступки Вознесенского при постановке и решении конкретных народно-хозяйственных вопросов — свидетельство его гражданской смелости, убежденности в правоте своих научных представлений, желании сделать все для экономического процветания страны, облегчения и улучшения жизни народа. Не правда ли, это яркий пример для иных сегодняшних руководителей министерств и ведомств, политических лидеров? За лозунгами о демократизации и углублении рыночных реформ они нередко перестают видеть цель всех этих преобразований — рост благосостояния простых людей, игнорируют реальные процессы в хозяйственной жизни, не укладывающиеся в рыночные клише, в монетаристские догматы и «экономиксовые» схемы.

Есть немало высказываний соратников Николая Алексеевича и людей, в разное время работавших с ним, о его исключительных нравственных качествах. Одна из самых емких и лаконичных характеристик дана Л.М. Володарским, длительное время возглавлявшим ЦСУ СССР. «Беспредельно преданный своей стране, народу и партии, человек огромных знаний, фантастической работоспособности...» — пишет он в книге своих воспоминаний.

Н.А. Вознесенский являет собой редкий пример сочетания а одном лице черт и выдающегося хозяйственно! о руководителя, и пытливого талантливого ученого, человека творчески одаренного, неустанно исследующего жизнь, воспринимающего все ее реальности и противоречия. Сохранились воспоминания его современников о том, что он внимательно следил за выходявшей экономической литературой, стремился сам просматривать и читать наиболее важные работы, не полагаясь на оценки референтов. Рабочий кабинет Вознесенского был завален новыми книгами не только по экономике, но и по естественным, техническим, философским и другим дисциплинам.

Стремление впитать новейшие научные достижения — очень ценное качество хозяйственного руководителя. К сожалению, многие нынешние госчиновники высокого ранга давно отказались от чтения новых книг, журналов и научных докладов, довольствуются обзорами и резюме, подготовленными помощниками. Но ведь секретари и референты обычно отбирают лишь то, что нравится начальству, что не расходится с его мнением, с уже принятыми решениями. Как же тогда узнать иную точку зрения, познакомиться с фактами, ставящими под сомнение или даже опровергающими выработанную позицию? Дошло до того, что многие руководители государственных органов власти перестали читать и общероссийские газеты, не прислушиваются к об-

щественному мнению. Но как управлять без обратной связи с управляемым объектом? Как обходиться без информации о новшествах в подведомственной сфере и в других областях хозяйственной деятельности? Не из этого ли пренебрежительного отношения к «чужим» суждениям и предложениям проистекает кризис в деле освоения всего нового, скажем, тех же инновационных проектов? Не оттого ли, к примеру, инвестиции, в том числе выделяемые государством в антикризисных целях, носят в основном спекулятивный характер, связаны почти исключительно с операциями по скупке и перепродаже ценных бумаг, а не идут в реальную экономику?

В общественном сознании зачастую бывает так, что события минувших столетий одинаково воспринимаются и понимаются последующими поколениями. Ведь в их распоряжении — полный набор исторических знаний о прошлом. И совсем иначе, порой диаметрально противоположно воспринимаются, особенно современниками, дела тридцати— и пятидесятилетней давности. Слишком живы они в памяти очевидцев. Нечто подобное происходит ныне и с оценкой научного творчества Н.А. Вознесенского, с восприятием его «Военной экономики...». Кто-то до сих пор готов идти на баррикады, чтобы защищать идеалы, которые отстаивались и провозглашались в те годы. А кто-то — встать по другую, противоположную сторону этих баррикад, так как идеалами оправдывались политические репрессии, сломавшие жизнь их родным, близким. И те и другие упрекают Вознесенского. Одни — я за недостаточное славословие в адрес Сталина. Другие — за то, что он не отразил в книге репрессии, тяжкий труд лагерников, участь штрафных команд... Но, думается, нельзя требовать от автора больше того, что он сделал: по сути, впервые он сумел экономическим языком сказать

очень многое. Нельзя забывать и о том, что сам автор был затем репрессирован и погиб.

При этом в научных и мемуарных публикациях последних двух десятилетий, совокупно рисующих яркий образ незаурядного человека, всю жизнь беззаветно служившего Родине, установлен следующий красноречивый, не требующий особых комментариев факт: будучи одним из высших партийно-государственных руководителей времен культа личности (и даже одним из намечавшихся Сталиным кандидатов в свои преемники по правительственной линии), Н.А. Вознесенский не занимался аппаратными интригами и не был лично причастен к каким-либо политическим репрессиям. Подписи Вознесенского под расстрельными списками нет. Это также ярко характеризует его как человека, гражданина, руководителя.

Общественные дискуссии тех далеких лет о путях экономического развития, судьбах народного хозяйства и будущем страны в целом, размышления об этом Н.А. Вознесенского, его мысли о методах хозяйственного строительства не исчезли в потоке времени. На итоги тех прошлых дискуссий опираются и в нынешних спорах о судьбах Отчизны, ее сегодняшнем и будущем дне.

Так, осмысляя идеи Н.А. Вознесенского об использовании товарно-денежных отношений в плановом хозяйстве СССР, невольно сопоставляешь их с позициями участников новейших дебатов по поводу соотношения плана и рынка, роли государственного регулирования в рыночной экономике. Достаточно войти в Интернет, просмотреть сайты, на которых упоминается имя Вознесенского, чтобы убедиться в стремлении многих опереться на авторитет ученого для утверждения своих выводов. Не это ли лучшее доказательство вклада Вознесенского в итоги экономических дискуссий 1930–1940-х годов и первых послевоенных лет? Не это

ли убедительное свидетельство актуальности поставленных в работах Вознесенского проблем управления народным хозяйством, «макроэкономической политики»?

О признании научной общественностью большого вклада Николая Алексеевича в экономическую теорию и в методологию макропланирования, его выдающейся роли в развитии экономики страны свидетельствует и проведенная в конце 2003 года по решению президиума РАН (при участии Минэкономразвития России и Российского государственного архива экономики) научно-практическая конференция «Н.А. Вознесенский: его эпоха и современность». В ходе конференции произошла, в частности, презентация переиздания «Военной экономики...» в нашей серии «Русская классическая библиотека «Экономика и духовность».

* * *

Вновь воспроизводимая работа Н.А. Вознесенского о военной экономике, как уже отмечалось, — последнее из уцелевших его крупных произведений. Для истории Отечества «Военная экономика...» важна прежде всего как представительные памятник своего времени, глубокое исследование экономики военного лихолетья, отразившее победные свершения народа, как драгоценное наследие выдающегося ученого и хозяйственного руководителя, отдававшего все свои силы и помыслы делу экономического строительства, обеспечению лучшего будущего страны.

Нравственные уроки жизни Н.А. Вознесенского очевидны. Очевидно и то, что труды академика Вознесенского являются прецедент органического сопряжения теории и практики, конструктивного единства анализа экономики текущего дня и прогнозирования будущего. Ясно также, что теоретический класс «школы Вознесенского» нелишне пройти всем, кто намерен включиться в поиск реальных — вплоть до при-

менения элементов мобилизационной модели — путей восстановления национальных производительных сил. Всем, кто выступает за разработку и претворение в жизнь стратегии быстрого и устойчивого социально-экономического развития России, за возрождение ее величия.

Алексей Косыгин: реформаторские начинания*

1. Наследие А.Н. Косыгина можно изучать с разных точек зрения. Например, с точки зрения истории экономической деятельности, экономической стратегии партии. Это одно. Второе — можно вести анализ и с точки зрения истории советской экономики — как она задумывалась, как строилась, как функционировала. Третий аспект изучения — можно изучать теоретические труды советских ученых-экономистов, их попытки связать господствовавшую в то время идеологию и хозяйственную практику, их предложения, позволявшие воплотить теоретические положения в конкретные хозяйственные решения.

Все эти подходы к исследованию деятельности А.Н. Косыгина оправданны и очень важны. Все имеют право на существование, весьма актуальны. Но при этом может быть одно из самых главных направлений изучения наследия А.Н. Косыгина — это востребованность его проблематикой сегодняшнего дня. Что же для нас основное в косыгинском подходе к условиям развития экономики, управлению этим развитием?

2. Отвечая на этот вопрос, я считаю самой великой заслугой А.Н. Косыгина как видного государственного деятеля, крупного хозяйственного руководителя то, что он, несмотря на жесточайший идеологический пресс, жесточайшую скованность в хозяйственных нововведениях, доказал необходимость признать в плановой социалистической экономике роль и значение рыночных форм поведения предприятиям. Признать не в чисто теоретическом плане, а в интересах практики. Это для совершенствования экономической политики государства было поистине смелым решением, шло вразрез с принятыми тогда методами хозяйствования. Смелостью вдвойне было работать в этом направлении, начать хозяйственную реформу и двигать

* Труды ВЭО России. Т. 45. М., 2004 (выступление в ВЭО России 18 февраля 2004 года на заседании «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения А.Н. Косыгина).

ее, преодолевая немалое сопротивление противников экономических новаций.

Конечно, историки экономической мысли могут возразить, указав, что и в 20-х годах XX века среди советских экономистов шла активная дискуссия о роли и месте в плановом хозяйстве товарно-денежных отношений, и в 1952 в 1953 годах эти вопросы опять оказались в центре внимания, как и в 1957 году. Да, это так. Все это подготавливало косыгинские начинания, все это можно рассматривать как некие ступеньки к реформе 1965 года. Но именно А.Н. Косыгину принадлежит заслуга начать в середине 60-х годов практическое воплощение положения о том, что и в плановой, централизованной экономике необходимо использовать товарно-денежные отношения, стоимостные категории. Выяснение значимости предшествующих достижений экономической мысли, кстати, также может явиться отдельным поводом для научного анализа. Но сейчас, в наши дни, хотелось бы обратить внимание на практические выводы, сделанные А.Н. Косыгиным из теоретических положений, на его усилия по использованию не только плановых, но и рыночных начал.

На Пленуме ЦК КПСС в конце сентября 1965 года член Президиума ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин выступил с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», в котором изложено содержание разработанной под его руководством и при его активном непосредственном участии хозяйственной реформы. В докладе говорилось о том, что для повышения эффективности производства, ускорения научно-технического прогресса, улучшения качества продукции, ускорения темпов развития производства, подъема благосостояния народа нужно централизованное планирование умело сочетать с хозяйственной инициативой предприятий, их заинтересованностью в общих итогах своей деятельности.

Хозрасчет был и тогда, но носил формальный характер, не способствовал ни ответственности, ни заинтересованности руководителей и работников предприятий снижать затраты, наращивать выпуск продукции, обновлять ее ассортимент, повышать качество, внедрять технические новшества.

Вот как обосновывалась в докладе необходимость коренным образом изменить хозяйственное управление: «В нынешних условиях требуется большая гибкость и оперативность в управлении производством и в планировании. Крайне важно своевременно учитывать меняющуюся хозяйственную обстановку, маневрировать ресурсами, уметь увязывать — не только сверху, но и снизу — производство с возросшими потребностями и со спросом населения, быстро внедрять научно-технические достижения в производство, находить в конкретных условиях предприятия лучшие способы решения хозяйственных задач.

Все это может быть достигнуто лишь тогда, когда централизованное плановое руководство будет сочетаться с хозяйственной инициативой предприятий и коллективов, с усилением экономических рычагов и материальных стимулов развития производства, с полным хозяйственным расчетом. Тогда система хозяйственного управления станет достаточно приспособлена к задачам подъема эффективности производства».

Если обратиться к реалиям сегодняшнего дня, то мы не увидим у наших хозяйственных руководителей такой глубины научного анализа, такой смелости признания важности плановых форм и методов хозяйственного управления, необходимости их использования в условиях рыночной экономики. А ведь в плодотворности этого убеждает не только наш отечественный опыт проведения реформ во второй половине XX века, но и богатый опыт индикативного планирования таких ведущих мировых держав, как Франция, Германия, Япония, целевых программ в США.

3. Необходимо также особо подчеркнуть, что речь шла о сочетании, взаимоувязке централизованного планирования (ведущая, решающая роль которого отнюдь не отрицалась) и денежных отношений, таких категорий и показателей деятельности предприятий, как прибыль, рентабельность, цена, кредит. Да и само предприятие рассматривалось — как основное звено хозяйства.

С учетом необходимости сочетания централизованных плановых начал и рыночных компонентов предпринятая хозяйственная реформа включала изменения и централизованного планирования, и утверждаемых предприятиям показателей, а также методов стимулирования их деятельности, нормативов распределения прибыли, методов финансирования, снабжения, реализации продукции.

Здесь уместно вспомнить, что все эти подвижки в хозяйственном управлении происходили тогда, когда правящая коммунистическая партия официально провозгласила курс на построение к 1980 году коммунизма, исключаяющего, как считалось, товарно-денежные отношения.

Усиление роли товарно-денежных отношений в хозяйственной реформе, начатой в 1965 году, просматривалось по нескольким направлениям.

Во-первых, расширялась хозяйственная самостоятельность и инициатива предприятий как основной хозяйственной ячейки. Резко сокращалось количество утверждаемых сверху показателей. Вместо показателя валовой продукции директивно устанавливался показатель реализованной продукции. Вместо показателя себестоимости — показатели прибыли и рентабельности.

Во-вторых, с проектов годовых и перспективных планов предприятий начинался процесс планирования. При этом повышалось значение хозяйственных связей предприятий, договорных отношений.

В-третьих, усиливалась значимость экономического стимулирования предприятий с помощью таких средств, как цена, прибыль, премия, кредит. Из прибыли на предприятиях формировались фонд развития производства, в который также стала направляться часть амортизационных отчислений; фонд материального поощрения работников; фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

Все эти изменения увязывались с мерами по повышению обоснованности централизованного планирования, которое должно было полнее учитывать научно-технические достижения, перспективы экономического развития, объективные экономические законы.

С учетом всего этого предприятиям стали утверждаться сверху такие показатели: объем реализации продукции; основная номенклатура продукции; фонд заработной платы; сумма прибыли и рентабельность; платежи в бюджет и ассигнования из бюджета; объем централизованных капвложений и ввод в действие основных фондов и производственных мощностей; основные задания по внедрению новой техники; показатели материально-технического снабжения.

Усиление централизованного планового руководства нашло также выражение в перестройке управления промышленности по отраслевому принципу, создании промышленных министерств, в развитии отраслевых промышленных объединений, работавших на принципах хозрасчета. Таким образом, в каждой отрасли усиливалось единство руководства производством, техникой, экономикой и научными исследованиями.

4. Начавшаяся в 1965 году хозяйственная реформа обеспечила высокие темпы роста советской экономики. Опять-таки можно провести аналогию с поставленной в наши дни задачей удвоения ВВП в текущем десятилетии, которая имеет какое-то самодовлеющее значение, но темпы ради темпов не говорят еще о прогрессивном развитии экономики. А что было характерно

для хозяйственной реформы 60-х годов? Ее прямая нацеленность на улучшение жизни населения. Высокие темпы развития экономики тогда вели к тому, что ощутимо улучшалось материальное благосостояние советских людей. А это, соответственно, влияло и на их отношение к экономической политике государства, проявлялось в поддержке хозяйственной реформы.

За годы восьмой пятилетки (1966–1970) резко возросли масштабы производства и строительства, опережающими темпами росли отрасли, определяющие технический прогресс, — электроэнергетика, химическая, нефтеперерабатывающая промышленность, радиоэлектроника, приборостроение. Производственные фонды увеличились на 48%. В целом по народному хозяйству они обновились на 44%, а в сельском хозяйстве — на 54%. Вошло в строй 1900 крупных промышленных предприятий и объектов. Заметно увеличились абсолютные приросты показателей народного потребления.

Абсолютные приросты показателей, млрд. руб. в сопоставимых ценах

	Седьмая пятилетка (1961–1965)	Восьмая пятилетка (1966–1970)
Фонд потребления национального дохода (в ценах 1965 г.)	32	58
Производство промышленных товаров народного потребления (в ценах на 01.07.1967)	19	35
Розничный товарооборот	26	50
Объем капложений на жилищное строительство	45,2	59,7

Характерно, что показатели повышения уровня жизни населения существенно превышали темпы роста национального дохода. Если в 1961–1965 гг. среднегодовой прирост

реальных доходов на душу населения составил 3,6%, то за восьмую пятилетку в среднем 5%*.

Рост национального дохода и показателей повышения уровня жизни, в % к 1960 г.

Национальный доход, использованный на потребление и накопление	132	186
Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления	154	234

5. Хозяйственная реформа 60-х годов прошлого века, следовательно, не воспринималась населением как не отвечающие его интересам мероприятия, насильственно насаждаемые сверху. Предприятия, работники были заинтересованы в проведении хозяйственной реформы. И это не удивительно, поскольку значительно возросла доля прибыли, оставляемая в распоряжении предприятий, а также идущая в фонды экономического стимулирования. Немаловажно, что предприятия и отрасли переходили на работу по новым показателям по мере готовности.

Опыт тех лет ценен для нас тем, что показывает как важность первой в послевоенные годы попытки сочетания централизованного планирования и товарно-денежных отношений, так и положительные результаты этой попытки.

Методы планового руководства успешно могут быть использованы и в рыночной экономике. Можно пассивно наблюдать, как экономика сама по себе развивается по предсказанному пессимистическому или оптимистическому прогнозному сценарию. А можно и активно формировать с помощью экономической политики условия перехода и ре-

* Пятилетние планы коммунистического строительства. М.: Экономика, 1978. С. 83, 102, 103.

ализации оптимистического сценария, планировать эти условия, и отнюдь не директивно, хотя именно директивность наши «рыночники» приписывают в качестве главной черты плановым методам хозяйствования, решительно за это ими отвергаемым.

Прибыль, остающаяся в распоряжении предприятий, переведенных на новые условия работы*

	1966 г.		1967 г.		1968 г.	
	млрд. руб.	в % к итогу	млрд. руб.	в % к итогу	млрд. руб.	в % к итогу
Прибыль, всего	2,73	100	14,5	100	31,47	100
Прибыль, оставляемая в хозяйстве, в том числе направляемая в фонды экономического стимулирования	0,85	31,3	4,70	32,3	10,68	34
	0,31	11,4	1,72	11,8	4,04	12,8

6. Развернувшиеся в наши дни в российской прессе обсуждение роли и значимости деятельности А.Н. Косыгина для развития советской экономики, разработок и предложений ученых-экономистов, которые выполнялись в то время по заявкам либо правительства, либо экономических отделов ЦК КПСС, да и сам феномен Косыгина показывают одну из существенных и характерных для советского периода особенностей дискуссий, от которой мы до сих пор не избавились. Речь идет о чрезмерной идеологизации. По-прежнему продолжается большевистская традиция деления участников дискуссий по принципу, «наш — не наш», «белый — крас-

* В.М. Иванченко, М.И. Панова. Хозяйственная реформа и планирование. М.: Экономика, 1970. С. 105

ный». Либо ты в нашем лагере, либо ты противник. А если ты и не за тех, и не за других? Если сам по себе, если имеешь свою точку зрения? Тогда ты точно в лагере противников. Эта идеологизация до сих пор живет и присутствует в оценке А.Н. Косыгина. Либо сладчайший елей, лубочные картинки из жизни советского премьера — вот что он сказал, вот как поступил, вот тогда улыбнулся, а тогда засмеялся. В общем, замечательный, близкий и понятный нам человек, сторонник товарно-денежных отношений. Пожалуй, даже первый рыночник. И забывается, что это был верный ленинец, верный партиец, человек, преданный идеям коммунизма, централизма в планировании, строжайше соблюдавший партийную дисциплину. И это ни плохо, ни хорошо. Это факт, типичный для тех лет руководителей высочайшего ранга той эпохи.

А.Н. Косыгина теперь рассматривают как своего рода российский Дэн Сяопина образца 1965 года, предшественника этого китайского реформатора 80-х годов.

Такой подход, однако, неприемлем в оценках. Их надо освобождать от идеологии. Почему, скажем, Дэн Сяопин? Разве не было тогда югославской модели развития социализма, не похожей на китайский опыт реформирования и широко тогда обсуждавшейся? А венгерский путь проведения экономических реформ? Этот путь развития социалистической экономики не совпадал ни с югославским, ни с российским, ни с более поздним опытом китайским.

Дискуссия в связи с оценкой наследия А. Н. Косыгина дает нам урок, который заключается в том, что оценку крупного хозяйственного деятеля, крупного ученого прошлых лет нужно давать, учитывая, конечно, реалии сегодняшнего дня, но нужно и твердо стоять на исторической почве, видеть, почему он так работал, почему принимал такие решения, что двигало им. И уже из этого вычленять существенные характеристики, которые остаются для нас самыми интересными.

Применительно к деятельности А.Н. Косыгина это означает, что, во-первых, он был патриот. Во-вторых, практик. Все, что им предлагалось, было рождено потребностями развития экономики, ее трудностями, назревшими проблемами, а потому было приемлемо, приживалось и развивалось. Косыгинские реформаторские идеи не были умозрительными схемами. В-третьих, любое новое решение в сфере экономики сопровождалось широким научным анализом, подключением к его обсуждению широкой общественности, принималось на базе обобщения предложений ученых, проверялось предварительно в ходе экономических экспериментов. Экспериментальные участки в народном хозяйстве позволяли затем устранять недостатки, распространять позитивное, вносить необходимые корректировки. Эти уроки очень важны для сегодняшних экономических преобразований.

Николай Цаголов: созидательный потенциал научного наследия*

Мне также посчастливилось студентом слушать лекции Николая Александровича Цагорова. Лекции его на всю жизнь остались и памяти. Теперь в своем общении со студентами я всегда стараюсь воспроизвести хотя бы часть цаголовского лекторского мастерства, умения глубоко, образно и темпераментно раскрыть сложнейшие политэкономические категории. Подготовленный Н.А. Цаговым учебный курс политической экономии основательно изучался нами в студенческие годы, помогал в аспирантуре при работе над диссертационными исследованиями, служил отправной точкой и опорой в многочисленных в 70–80-е годы прошлого века дискуссиях, да и позднее будоражил теоретическую мысль, давал импульс к новым научным поискам. Считаю, что время, которое мы уделяли изучению цаголовского курса, не было потрачено зря, не пропало даром.

Приведу также несколько примеров востребованности положений этого курса и в наши дни. Так, на последнем заседании нашего круглого стола, посвященном обсуждению традиций российского предпринимательства, академик Л.И. Абалкин поставил вопрос о природе предпринимательского дохода. И стоит вернуться к рассмотрению этого вопроса в цаголовском курсе на основе анализа К. Маркса в «Капитале» превращенных форм прибавочной стоимости. Обращение к соответствующим страницам курса подсказывает методологию, направление анализа, дает повод для

* Научные труды МСЭ и ВЭО России. Т. 14 (49). М., СПб., 2004 (выступление в ВЭО России 9 июня 2004 года на заседании «круглого стола», посвященного юбилею кафедры политической экономии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и выходу в свет книги «Судьба политической экономии и ее советского классика» — к 100-летию со дня рождения Николая Александровича Цагорова).

актуальных сегодня размышлений о доходах, о социальной роли предпринимателей.

Наследие Н.А. Цаголова не является только историческим памятником, не лежит мертвым грузом на книжных полках, а работает, используется и сегодня. Во время командировки в Австрию в городе Линц в 90-х годах я обратил внимание, что там в местном университете студентам-экономистам, изучающим «Капитал» К. Маркса, рекомендуется в качестве учебного пособия первый том курса «Политэкономии», подготовленного в МГУ в 1965 году Н.А. Цаголовым. В университете города Турку (Финляндия) при изучении предпринимательства в курсе истории экономической мысли предусмотрено знакомство со всеми тремя томами «Капитала» и цаголовским курсом «Политэкономии», переизданным в МГУ в 70-е годы. И еще пример, показывающий значение цаголовского курса. Мне довелось побывать в составе российской делегации в Гонконге в те дни, когда он возвращался в состав Китая. В беседе с руководящими лицами Гонконга выяснилось, что многие из них учились политэкономии по этому курсу в Пекинском государственном университете и что этот курс продолжает там изучаться.

Международное значение цаголовского наследия неоспоримо. Методология, логика, систематизация производственных отношений, обоснованные Н.А. Цаголовым, не утратили своего значения. И их важно более активно использовать для исследования сегодняшних ключевых проблем.

Юбилей дает повод еще раз обратиться к творчеству Н.А. Цаголова, научному его наследию и попытаться в этом научном наследии найти какие-то средства и способы, позволяющие лучше понять нашу сегодняшнюю действительность, найти в научном арсенале методологические инструменты, помогающие получить ответы на вопросы, возникающие при анализе нынешней российской экономики.

Отдавая дань уважения Н.А. Цаголову, необходимо признать, что в полной мере заложенный им потенциал научного поиска и предложенный им исследовательский инструментарий мы в полной мере не используем. И если говорить о невостребованном еще наследии, то оно весьма актуально при исследовании следующих трех важных проблем.

Первая — это развитие экономической теории социализма. Сегодня можно услышать утверждения, что социализма в нашей стране вообще не было. Тогда неизбежен вопрос: а что же мы 70 лет строили? Если определять экономику, построенную в советское время, только как административно-командную систему, то это совершенно недостаточно. Сказать, что это было тоталитарное общество, — также. Если же утверждать, что это не социализм, то все равно непонятно: а что же такое социализм?

Из трудов теоретиков марксизма мы знаем, что социализм — это бесклассовое общество с высоким уровнем обобществления производства и развития производительных сил. Поэтому многие исследователи считают преждевременной попытку перехода к социализму в начале XX века в такой стране, как Россия, и что советская экономика не была социалистической.

Но если положения марксистского учения о сущности социализма отвергаются, то что же мы сами понимаем под социализмом, хотя бы теоретически? Имеет ли социализм право на существование даже не как практика, а как научная категория, конструкция экономических и общественных отношений?

Это вопрос, представляется, имеет сегодня серьезное значение. Прежде всего потому, что, не определившись со своим прошлым, мы не можем определить и свое будущее. Дело, конечно, не в том, чтобы навесить на страны какие-то ярлыки с названиями общественного строя: это вот такое общество,

а это — вот этакое. Однако в фундаментальных коренных понятиях о сущности строя должна быть ясность. Что же у нас в России теперь за общество — феодальное, рабовладельческое, индустриальное, постиндустриальное, институциональное, общество народного благоденствия? Или это общество, стремящееся создать экономику знаний? Здесь хотелось все же иметь четкие представления.

Надо признать, что элементы многих социальных отношений, которые были в СССР при социализме, сохраняются до сих пор. И в их изучении, а также в исследовании нового весьма полезна цаголовская методология анализа социально-экономических явлений. Но с той страстностью, с которой Н.А. Цаголов исследовал отношения советского общества, теперь никто не изучает сегодняшние производственные отношения. Никто не демонстрирует такого фундаментального подхода к развитию экономической теории, объясняющей коренные черты постсоветской экономики на втором десятке лет ее существования. Ученики Н.А. Цаголова не ведут, к сожалению, такую исследовательскую работу в полном объеме.

Вторая проблема. Н.А. Цаголов, конечно, был замечательным ученым-экономистом с широким научным кругозором, знатоком, скажем, истории экономической мысли, был признанным публицистом, великолепным педагогом, но прежде всего он был замечательным политэкономом. И когда мы говорим о нем как о создателе теоретической системы производственных отношений социализма, как об одном из авторов известного учебного курса политэкономии, то мы тем самым признаем его большой вклад в науку как исследователя-политэконома.

Политэкономия, как известно, изучает производственные отношения между людьми. Необходимость ее некоторыми экономистами ныне отрицается. Имеет ли она сегодня право

на существование в качестве особой науки со своим предметом исследования, своей методологией? Осталась ли эта наука сегодня неизменной или же продолжает развиваться? Что ныне представляет политэкономия? В ответах нет единства. Дискуссия, которая началась с открытого письма ученых-экономистов министру образования о статусе политэкономии как вузовской дисциплины, до сих пор не закончилась. К поднятым в ходе дискуссии вопросам вновь и вновь возвращаются преподаватели, исследователи, обществоведы.

Имеет ли право политэкономия быть вузовской дисциплиной или она изучается факультативно? Что делать с политико-экономическим наследием, с предшествующими наработками, теоретическими положениями таких политэкономов, как А. Смит, Д. Рикардо, У. Петти, К. Маркс, В. Ленин? И если научный статус политэкономии и отрицается, то производственные отношения ведь от этого не исчезают. Какая же наука их изучает? Ответы на эти вопросы необходимы.

Обращение к наследию Н.А. Цаголова и заставляет нас не забывать о том, что производственные отношения — это сердцевина, суть экономических явлений и процессов, самое главное в их понимании. И вот этого главного применительно к сегодняшнему дню к нынешней российской экономике мы в научных работах не находим, потому что политэкономии забыли, забросили.

В политэкономии в советское время, конечно, было очень много идеологии, многое шло по указаниям сверху. Политэкономия была идеологически зашорена. Признание ее недостатков не означает, однако, что самой политэкономии теперь нет, что она не имеет права на существование.

Третья проблема. Ключевым словом, паролем в теории социализма у Н.А. Цаголова была планомерность. К. Маркс оставил нам исследование капитализма, начинавшееся с анализа товара, И при изучении социализма, считал Цаголов,

надо также найти исходную клеточку, исходную экономическую категорию, то зернышко, из которого затем прорастает мощное дерево экономических категорий. Отправной точкой исследования социализма у Цаголова стала планомерность. Не берусь судить, правильно это или нет, спорно или бесспорно, но система производственных отношений у него сложилась.

В нынешней России, обществе, которое мы сегодня развиваем, где искать при его изучении начальное звено, от какой печки надо плясать, какой здесь нужен методологический подход? Некоторые, правда, считают поиск подобной начальной категории схоластическим, догматическим, надуманным. В любой науке, однако, должны быть начальные, исходные, общие понятия, которые делают ее единой, стройной, цельной, непротиворечивой и развивающейся. Но ныне нельзя даже говорить о каких-то наметках подобной стройной системы производственных отношений российского общества. Поэтому неизбежно возникают, например, такие вопросы: исходя из каких критериев мы даем характеристику государственной собственности? Это общенародная или не общенародная собственность? Это характеристика обобществления производства или не характеристика? Работает ли эта собственность на все общество или же на его отдельные классы, группы, слои, элементы? Обратимся теперь к теории конвергенции, взаимопроникновения различных экономических систем. И здесь возникают вопросы: сочетается ли в ней планомерность с товарностью? Они противоречат или нет друг другу?

Эти три серьезнейшие теоретические проблемы. И они все еще ждут своего сегодняшнего научного осмысления. Как его провести? С чего начать? От чего нужно оттолкнуться? Где здесь начальное звено в логике размышления? В трудах Н.А. Цаголова, в его методологическом подходе к рассмотре-

нию политэкономических проблем, как мне представляется, можно найти ответы на многие вопросы экономической современности, по-новому взглянуть на казалось бы привычные экономические категории.

Сегодня в российской экономике нам совершенно не ясна, к примеру, структура производственных отношений. Мы видим в жизни совершенно разные уклады, разные формы организации хозяйства, но объяснить взаимосвязь их не можем. Не можем понять, как они развиваются, в какую систему складываются. До сих пор не дана научная характеристика современного российского общества. Капитализм вроде бы преодолели, социализма теперь нет, а что же есть? Давайте выберем качественные характеристики и попытаемся дать какое-то определение нашему обществу. Необходимо также выстроить систему экономических категорий и законов, без которой российская экономика не представляет собой в теоретическом плане органически цельного организма. Экономические дисциплины, заменившие ныне политэкономии, — это науки о конкретных явлениях и процессах. Производственные же отношения остаются, к сожалению, за бортом научного анализа.

Обозначенные выше проблемы, требующие научного объяснения, коренные по своему характеру. Ответы на них позволяют найти верные пути самоопределения России, понять общество, которое у нас было и которое мы строим.

Мало здесь прозвучало слов в защиту политэкономии как науки. Заседание в МГУ Научно-экспертного совета Минобразования в марте 2003 года, на котором обсуждался статус политэкономии в вузовском обучении, оставило у меня очень тяжелые впечатления. Политическую экономию лишили статуса и вузовской, и научной дисциплины. Тогда политэкономии представили как прислужницу истории КПСС. И поэтому мнение участников нынешнего

обсуждения в Вольном экономическом обществе политэкономических проблем в связи с теоретическим наследием Н.А. Цаголова очень важно донести до участников проводимых в эти дни в МГУ мероприятий по поводу 200-летнего юбилея кафедры политэкономии, до минвузовских руководителей.

Нужно организовать системное изучение действующих производственных отношений. С удовлетворением можно отметить, что к их анализу теперь обращаются представители многих экономических школ. Так, практически в каждой главе многолетнего солидного труда ученых Института экономики РАН «Стратегический ответ России» имеется упоминание о политэкономии, ее категориях. Вышла интересная книга Д.Е. Сорокина «Вызовы нового века. Ответ политэкономии».

Хорошо, что юбилей Н.А. Цаголова заставил нас собраться вместе, обсудить эти проблемы, задуматься над тем, что надо сделать, чтобы вернуть политэкономии ответственную роль в развитии экономической науки и российского общества.

Академик Станислав Шаталин: страсть научного поиска на стыке эпох*

Чопорные англичане учат: документы эпохи тогда хороши и полезны, когда они опубликованы по крайней мере лет через сто после пережитых событий. Мол, только тогда можно сказать о случившемся всю правду, не обижая действующих персонажей и не искажая их роли в историческом процессе.

Действительно, истекшее время погасит накал эмоций, освободит суждения от личного интереса и предвзятости. Однако и современников происходящего воспоминания непосредственных участников и очевидцев не могут не интересоваться. Приоткрываемые в этих свидетельствах неизвестные факты могут заставить по-новому взглянуть на, казалось бы, известное, донельзя знакомое. Не случайно сегодня книжные полки полны мемуарной литературы о годах перестройки, цене перехода к рынку, о роли М. Горбачева и Б. Ельцина в судьбах Советского Союза и новой России, о приватизации, дефолте, о новых русских и олигархах. Безусловно, многое зависит от масштаба описываемых событий, личности рассказчика, характера его вовлеченности в те или иные процессы.

Воспоминания пишут, издают президенты республик и их помощники, сенаторы и депутаты, прокуроры и судьи, пострадавшие и выигравшие от наступивших перемен. Каждая книга, статья, брошюра по-своему интересны. Каждая добавляет свои штрихи к пестрому историческому полотну. Но публицистические выступления и работы академика С. Шаталина, выделяются на общем фоне как явление исключительное и по глубине научного проникновения в суть происходящего, и по самозабвенной откровенности крупного ученого-экономиста,

* Вступительная статья к книге: С.С. Шаталин. Жизнь, не похожая ни на чью. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2004. См. также: Российский экономический журнал, № 11–12, 2004 и отчет о презентации книги в Российской академии наук 15 ноября 2004 года в еженедельнике «Экономика и жизнь», № 48, 2004.

видного общественного деятеля, горячо переживавшего за настоящее и будущее Отчизны. Активнейший участник развернувшейся в конце прошлого века ожесточенной борьбы против оказавшегося в историческом тупике командно-административного строя, академик С. Шаталин внес существенный вклад в теоретическое обоснование реформаторских процессов, разработку научного видения обновленного облика нашей страны.

* * *

Для сегодняшней молодежи, для тех, кто только лишь вступает во взрослую жизнь, имя академика Станислава Сергеевича Шаталина, к сожалению, мало известно. Да и различные энциклопедические справочники позволяют получить о нем лишь весьма скудные анкетные данные. Вот, к примеру, какие сведения дает Интернет:

Шаталин Станислав Сергеевич — действительный член РАН (1987), был академиком-секретарем отделения экономики РАН, президентом Международного фонда экономических и социальных реформ «Реформа». Родился 24 августа 1934 г. в г. Пушкине Ленинградской области. Окончил экономический факультет МГУ в 1958 г., доктор экономических наук. Работал в Научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР. В 1965 г. перешел в Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР. С 1976 по 1986 г. работал во Всесоюзном НИИ системных исследований. С 1986 по 1989 г. — в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР. В декабре 1989 г. назначен членом Государственной комиссии по экономической реформе. В 1990 г. возглавил рабочую группу по разработке программы перехода к рыночной экономике — программы «500 дней». В 1991 г. избран председателем оргкомитета по созданию Объединенной демократической партии; возгла-

вил Международный фонд экономических и социальных реформ «Реформа». В 1994 г. создал коммерческую организацию Финансовый союз «Шаталин и КО». В 1995 г. принял участие в создании избирательного объединения «Мое Отечество». Лауреат Государственной премии СССР (1968); награжден орденами «Знак Почета» и Дружбы народов. Почетный президент московского футбольного клуба «Спартак». Скончался в 1997 г.

За беспристрастной лаконичностью этих строк для тех, кто учился, работал, дружил с Шаталиным, встречался с ним на научных конференциях, жил рядом, общался, явно и зримо встает облик талантливого человека, всецело настроенного на созидательное участие во всем, с чем он соприкасался. Да, у неординарных людей всегда есть не только друзья, но и недруги. Такова жизнь. И он не со всеми ладил. С кем-то вел жаркие научные споры. Кому-то, занимая видные административные должности, в чем-то отказывал. Чьи-то предложения отклонял, какие-то инициативы не поддерживал. Но время высвечивает главное в делах и жизни человека. Уверен, что случавшиеся разногласия и столкновения не исказят образ академика С. С. Шаталина — искреннего патриота своей Родины, деятельно жившего в непростые для нашего Отечества времена.

* * *

В экономической науке С. Шаталин оставил заметный след не только как пытливым ученый-исследователь, но и как великолепный преподаватель, Учитель. Для молодежи встречи с таким человеком были незабываемы. Мне довелось неоднократно общаться со Станиславом Сергеевичем. Но особенно запомнились два эпизода, в которых ярко проявились нравственные черты его характера, жизненное кредо настоящего Мастера. Я не только открыл тогда для себя Шаталина, но

и увидел поучительный пример его высокой требовательности к работе и ее результатам.

Первая памятная встреча произошла во времена учебы на экономическом факультете Московского университета. Тогда, правда, мы, студенты, воспринимали С. Шаталина не как известного ученого, а как представителя факультетского «начальства». Для нас значимее было не то, что С. Шаталин — член-корреспондент АН СССР, а что он — заведующий одной из ведущих кафедр экономического факультета МГУ. И вот однажды мне пришлось сдавать экзамен непосредственно С. Шаталину. Старался отвечать четко, ясно и полно, уловить, лучше понять каждое его суждение, каждый вопрос. Меня поразило тогда одно его замечание, которое помню до сих пор. Он попросил в дополнение к ответу выполнить небольшую экономико-математическую задачу: найти пределы, взять первую, вторую производные, посмотреть, как при этом графически будет вести себя функция. «Чувствую, — сказал он, — здесь должно быть красивое решение. Давайте-ка, поищите его». Он ждал не просто решения, а именно красивого решения! Верного и изящного!

И мне показалось — на экзамен-то он зашел отнюдь не за тем, чтобы проверить знания отвечавших, а посмотреть, как, в каких условиях работают преподаватели его кафедры, что из себя представляют студенты. На меня же обратил внимание из-за моей фамилии. Дело в том, что на факультете по специальности «экономическая кибернетика» раньше учился мой старший брат — Николай Якутин, который довольно смело мог вести с Шаталиным «научные дебаты», «выдавать» ему нестандартные — красивые — решения. Но ожидания Шаталина того же и от меня не соответствовали моей математической подготовке. Рассматривая задачу, я, однако, сказал, что в данном случае функция при подходе к нулю должна, по моему мнению, стремительно возрастать, но для доказательства

этого у меня не хватает математических знаний. «Подумайте, подумайте»,— предложил Шаталин, предоставив мне время для размышлений.

В конечном счете, когда мы опять вернулись к задаче, я все же заметил: «Вы ждете от меня невозможного. Во-первых, я не математик, а все-таки экономист и в отличие от моего брата учусь по специальности «политическая экономия». И во-вторых, нельзя вот так напрямую сравнивать братьев, мы все-таки разные...»

Красивого решения задачи я тогда не нашел, тем не менее экзамен сдал. Но вот это стремление получить не только верное, но и красивое решение я всегда чувствовал, когда знакомился с научными работами Шаталина. Это как их отличительный, «фирменный» знак, свидетельство высокого профессионализма. Давая оценку сложным социально-экономическим процессам, говоря о проблемах, которые, казалось бы, требуют для своего изложения сухого, академичного, сугубо научного языка, он всегда умел доходчиво их объяснить и найти им красивое решение. Обоснованность, четкость, ясность, системность, оригинальность как противовес тупой стандартности — все это и составляло красоту по-шаталински.

Для меня важны и впечатления от другой встречи с Шаталиным. Наступили перестроечные времена, был конец 80-х годов. После окончания учебы я уже поработал в научной лаборатории экономического факультета МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и перешел в еженедельник ЦК КПСС «Экономическая газета». Журналистам партийных изданий тогда приходилось участвовать в подготовке ответственных документов, выносимых на партийные съезды и конференции, в общественном обсуждении правительственных решений по хозяйственным вопросам, экономическим экспериментам. Начавшуюся перестройку все сравнивали с обновлением, революцией в жизни Советского государства. И меня

поразило высказывание академика Шаталина о революционерах, которое запомнилось на всю жизнь.

Дело было так. На одном из заседаний в Кремле, где руководство страны обсуждало с экономистами острейшие социально-экономические проблемы, стало очевидным, что без крутых, революционных решений не обойтись. Как действовать? Выступил и Шаталин, заметив, что он знает только одних истинных революционеров. Это декабристы! Почему? Да потому, что для себя лично взять они ничего не хотели, пояснил он. Остальные же так называемые революционеры собирались что-то получить и для себя. Согласитесь, интересная и нестандартная оценка революционных настроений вообще и устремлений декабристов, вышедших зимой 1825 года на Сенатскую площадь в Санкт-Петербурге. Действительно, это были наследники родовитых дворян, крупных собственников, чиновников, занимавших видные государственные посты. Это были люди, ни в чем не нуждавшиеся. И вдруг они жертвуют всем во имя благополучия и свободы народа...

Напомнив о декабристах, Шаталин ясно обозначил и свою позицию в дискуссии о направленности перестройки. Он предложил действовать в их духе. Считал, что партийно-чиновничьей элите нужно отказаться от своей власти и привилегий, дать людям право самостоятельно распоряжаться своей судьбой и собственностью.

Академик Шаталин преследовал именно эти цели в своих предложениях о трансформации общества. Он жил этими идеями, наполнял ими свои дела, поступки, развивал в научных работах, заражая убежденностью в их правоте своих учеников, соратников и коллег, сомневающихся и несогласных.

Эти два небольших эпизода из начальной истории моего общения с С. Шаталиным запали, как говорится, в душу и представляются очень выразительными. Они, на мой взгляд, позволяют лучше понять научную и общественную деятель-

ность Шаталина, его жизненные, нравственные, духовные ориентиры.

* * *

В конце 1980-х годов при Госплане СССР стал активно действовать Научно-экспертный совет. В то время Госплан играл, по сути, роль экономического штаба государства, разрабатывал важные мероприятия по совершенствованию хозяйственного механизма, планированию и оценке деятельности экономики страны в целом, ее отраслей и регионов, отдельных предприятий. Госплановские разработки и предложения ложились в основу принимаемых правительственных решений и постановлений ЦК КПСС по хозяйственным вопросам. На заседания Совета приглашались известные ученые-экономисты, ведущие специалисты и руководители министерств и ведомств, директора-хозяйственники из всех регионов Советского Союза. Обсуждения затрагивали назревшие проблемы экономического развития, были зачастую критическими, а предлагаемые меры нередко весьма радикальными. Все это, несомненно, готовило почву, расчищало в умах дорогу для начавшихся позднее радикальных экономических преобразований.

Мне, тогда заместителю главного редактора «Экономической газеты», довелось для подготовки публикаций неоднократно бывать на заседаниях Совета. Их чаще всего вели такие известные экономисты, как Ю. Маслюков, будущий первый вице-премьер России в правительстве Е. Примакова, и будущий академик РАН С. Ситарян. Среди принимавших участие в дискуссиях и здесь запомнился академик С. Шаталин. Его выступления поражали прямо-таки личной заинтересованностью в решении обсуждаемых вопросов, самой манерой защиты своей позиции: напористостью, юношеским максимализмом, бескомпромиссностью, настойчивостью. Он, ко-

нечно, прислушивался и к словам других, горячо участвовал в анализе всех поступавших предложений, но свои рекомендации, свои выводы, не всегда совпадавшие с общим мнением и даже подготовленным проектом решения, Шаталин отстаивал последовательно и до конца.

Вспоминая теперь дебаты на Научно-экспертном совете, начинаешь понимать внутреннюю связь, целостность всех шаталинских предложений, замечаний, а порой и отдельных реплик! Их неизменно скрепляла нацеленность на улучшение жизни человека, общества, страны. Обсуждаемые предложения он всегда как бы проверял на соответствие этому критерию, оценивал по нему их необходимость, правильность, а лучше сказать, степень их социальной оправданности и значимости. Его участие в работе Научно-экспертного совета, его выступления потому-то и запомнились, что логически объединялись, высвечивались этой своей общей идейной сущностью, единством подхода к предлагаемым решениям.

Откуда это единство? Откуда такие системность и последовательность? Скорее всего они покоились на идеях оптимального функционирования экономики, предполагавших математически выверенные значения роста благосостояния людей. Социальные ориентиры планов и реформ у него «сидели», что называется, в крови. Улучшить, облегчить, сделать жизнь человека свободнее, богаче и интереснее — вот для чего, по Шаталину, нужен был экономический рост и экономические преобразования, вот в чем заключались, повторим еще раз, его и научное кредо, и целевая установка в общественной деятельности. Тем самым логически оправдан и понятен его переход в научной работе от изучения методов повышения эффективности использования производственных ресурсов, исследования проблематики «системы оптимального функционирования экономики» — знаменитой «СОФЭ» — к исследованию проблем непроизводительной сферы, всего комплекса

составляющих ее отраслей: здравоохранения, образования, культуры, искусства, науки, проблем мотивации труда и других областей социальной политики. По этим вопросам он мог даже вступать в дискуссии со своим учителем, лауреатом Нобелевской премии Л. Канторовичем. (Вспомним хотя бы их споры об оценке стоимости проезда на общественном транспорте. Шаталин еще в 60-е годы прошлого века отстаивал необходимость бесплатности общественного городского транспорта.)

* * *

Приятно отметить, что именно на страницах «Экономической газеты» С. Шаталин в 1965 году впервые вышел на открытую трибуну «больших» средств массовой информации, сразу же заявив о себе как о неординарном исследователе и полемисте. В этом своем выступлении он решительно опроверг экономические догмы и стереотипы мышления, доказав, что в хозяйственной политике нужно руководствоваться не отжившими абстрактными теоретическими схемами, а исходить из реальных потребностей общественного развития. Тогда в «Экономической газете» проходила дискуссия о соотношении темпов роста I и II подразделений общественного производства. В господствовавшей в те годы марксистской политэкономии единственным и неопровержимым считалось положение о том, что обязательным условием развития экономики является опережающий рост производства средств производства (I подразделение) по сравнению с производством предметов потребления (II подразделение). В своей же статье «Факторы роста» С. Шаталин убедительно показал, что «в зависимости от уровня и темпов экономического развития, характера технического прогресса расширенное воспроизводство возможно при самом разнообразном соотношении темпов роста I и II подразделений». Этот вывод С. Шаталина,

тогда кандидата экономических наук, заведующего лабораторией Центрального экономико-математического института, был для него важен не в чисто теоретическом плане. Он был убежден, что «экономика СССР вступила в такую стадию развития, когда ее структура и динамика все в большей мере должны определяться структурой потребления». И странно, считал он, называть такой подход «потребительским». Ведь производить необходимо лишь то, что находит общественный спрос и признание.

Кстати говоря, обоснованные в этой статье выводы послужили, на мой взгляд, исходной точкой расхождения С. Шаталина с господствовавшей официальной экономической наукой. Марксистские положения воспринимались тогда как аксиомы, и любое покушение на них автоматически рассматривалось как покушение на основы государственной идеологии. Шаталин же не побоялся высказать свое мнение, опираясь на требования практики, научно-технического прогресса, закономерности развития общества. Это был не только смелый поступок ученого и гражданина, ответственного за свою страну, но и качественный шаг в расширении горизонта научного поиска.

В интересах экономического развития страны он обосновывал в своих трудах положение о необходимости быстрого развития непроеизводственной сферы, кардинального решения запущенных социальных проблем. В этом плане показательна другая его статья — «Активная, сильная социальная политика», опубликованная в «Экономической газете» в мае 1986 года. В ней С. Шаталин четко определяет критерии, которым должна отвечать государственная политика ускорения социально-экономического развития страны. Во-первых, активная, сильная социальная политика, полагал он, должна учитывать объективные интересы различных социальных групп и слоев населения, обеспечивать примат обществен-

ных интересов, поддерживать те социальные слои, группы и трудовые коллективы, которые своим высокоэффективным трудом вносят наибольший вклад в развитие общества. Целевая направленная помощь должна оказываться нетрудоспособным членам общества. Необходимо последовательно бороться с малообеспеченностью отдельных семей.

Во-вторых, эта политика должна способствовать созданию такого мотивационного механизма стимулирования высокопроизводительного труда, который обеспечивает наивысшую эффективность использования производственных ресурсов.

В-третьих, социальная сфера, решая непосредственно социальные задачи, должна активно, целенаправленно воздействовать и на повышение экономической эффективности общественного производства.

Сильная социальная политика и призвана была, по мнению С. Шаталина, обеспечить значительное повышение уровня трудовой, социальной и культурной активности всех членов общества. В этой связи им и ставились задачи повышения образовательно-культурного потенциала общества, уровня народного благосостояния, включая и выравнивание доступа к массовым материальным и культурным благам, услугам, к местам отдыха, а главное, к сферам приложения труда отдельных групп населения, проживающих как в городах, так и в сельской местности. Вряд ли кто станет спорить о том, что и сегодня эти предложения не потеряли своей актуальности, нуждаются в безусловном выполнении.

* * *

С. Шаталина невозможно представить облаченным в академическую мантию кабинетным ученым. Такое представление было бы чрезвычайно узко, да и совершенно неверно. Ведь его научная работа всегда была тесно связана с решением самых острых проблем социально-экономической жизни

страны. И хотя какие-то его труды носили (и по-прежнему носят) закрытый характер, скажем, разработки по межотраслевому балансу, Комплексной программе научно-технического прогресса, включавшие разделы по оборонному комплексу, национальной безопасности, Шаталин все же умел придать выводам и из этих работ общественную значимость, показать настоятельную необходимость решительных действий для прорыва в будущее.

Да, Шаталин — академик, серьезный, глубокий, оригинально мыслящий исследователь, обогативший новыми положениями экономическую теорию и практику. Но его академические регалии никогда не могли скрыть страстное, любящее сердце сына своей Отчизны, переживавшего за ее судьбу, остро чувствовавшего все болевые точки хозяйственной и общественной жизни. Эта любовь, страстность буквально выплывали в его порывистых, эмоциональных, иногда весьма резких выступлениях, в публичных дискуссиях, обсуждениях. Из-за несогласия со своей позицией Шаталин мог с кем-то после жарких споров не разговаривать полгода-год, но не потому что не уважал чужое мнение, или с ходу отвергал его. И уважал, и признавал право на иное мнение. Но в личных отношениях, бывало, не мог переломить себя, переступить через свой бескомпромиссный характер, восстававший против нежелания понять, как ему казалось, очевидную истинность его предложений.

Вспоминаются споры в рабочей группе по подготовке материалов XVIII конференции КПСС, когда в итоговой резолюции по социально-экономическому развитию СССР надо было дать характеристику форм собственности. Шаталин тогда настойчиво убеждал всех в необходимости подробнее раскрыть структуру различных форм собственности, непременно указав и на использование частной. «Ну как же так, Станислав Сергеевич! — возражали ему. — Раз сказано, что есть много-

образе отношений собственности, то тем самым подразумевается и допустимость частной!» — «Нет, вы впишите туда слова о ее необходимости. Это очень важно! Это обязательно надо указать в связи с развитием рыночной экономики!»

Его предложение тогда не прошло. И со многими членами рабочей группы он даже перестал поддерживать отношения. Не из-за личной обиды. Нет. Он просто искренне недоумевал: как это можно препятствовать продвижению к рынку, к хозяйственной демократии и экономической свободе? Как же тогда можно вытащить экономику из кризисной ямы? Настаивая на утверждении в экономике частной собственности, он хотел на самом-то деле уравнять в правах различные формы собственности, дать им возможность соревноваться друг с другом, проявлять свои лучшие качества в соответствующей экономической нише, тем самым открыть новые резервы экономического роста страны. Во время прямо-таки безбрежного моря государственной, общественной собственности это было бы действительно делом нелишним. Сегодня подобный дискуссионный накал кому-то может показаться странным. Ведь в экономике имеются разные формы собственности, и против частной собственности уже никто не выступает. Но тогда положение о важности ее развития приходилось не просто отстаивать, а биться за него.

После XVIII партконференции я часто встречался с Шаталиным. Первое время он всегда с некоторым упреком вспоминал, что вот-де не внесли в резолюцию предложенную им запись, но затем разговор об этом вел уже в практическом плане. Ему было трудно выговаривать модное в те времена слово «разгосударствление», поэтому он вел обычно речь о путях наполнения реальным содержанием тезиса о многообразии форм собственности.

Когда Шаталин тяжело заболел, он не отошел в сторону от общественных проблем, не углубился в себя. Наоборот,

еще яростнее стал вторгаться в общественную жизнь, черпая в борьбе душевные и нравственные силы. Болезнь даже усилила присущие ему бескомпромиссность, критический настрой: нечего, мол, терять, нечего бояться и не надо строить «запасные аэродромы», сглаживать острые углы из соображений карьерной перспективы. Он спешил добиться скорейших перемен к лучшему и в экономике, и в общественной жизни, хотел скорее увидеть желаемые перемены своими глазами. Спешил доделать начатое, приступить к новому. Его нетерпение, внутренний жар и горение проявлялись во всем, когда ему приходилось убеждать в неотложности предлагаемых и одобряемых им решений.

* * *

За обновление С. Шаталин ратовал и словом, и делом. Замечательный организатор, умевший для реализации своих научных выводов создавать сплоченные команды плодотворно работающих профессионалов, Шаталин всегда и везде последовательно отстаивал свою точку зрения. И в конечном счете она неизменно сводилась к тому, что от каждого шага властей, от каждого управленческого действия жизнь должна становиться лучше.

Именно эта убежденность привела его, одного из идеологов программы «500 дней», отцов-основателей рыночных реформ, к фактическому разрыву со своими бывшими единомышленниками. Теми, кто вошел в правительство Е. Гайдара и выбрал для перехода к рынку путь шоковой терапии. Прочитайте аналитические доклады, подготовленные экспертами руководимого Шаталиным Фонда «Реформа» самостоятельно и совместно с учеными Отделения экономики Российской академии наук, и сразу увидите нарастающее год от года расхождение позиции С. Шаталина с официальной точкой зрения.

Рыночные преобразования, доказывал он, свернули не на ту дорогу, привели к катастрофическому обвалу основных показателей социально-экономического развития страны, падению производства, ухудшению жизни людей. Шаталин открыто и остро критиковал путь шоковой терапии, антигуманный характер радикального курса «реформаторов» на тотальную приватизацию и безмерную либерализацию.

Кто-то сегодня скажет: что в этом особенного? Многие тогда критиковали правительственную линию! Да, это так. Но критика С. Шаталина — это не озвученные эмоции демонстрантов, не стачечные лозунги забастовщиков, не рекламные слоганы «карманной» оппозиции. Это емкие, весомые, неопровержимые выводы фундаментальной науки. С ними не поспоришь. Их на эмоции не спишешь.

Разгромной шаталинской критике была подвергнута правительственная политика в вопросах преобразования отношений собственности. Так, не потеряло своей значимости его замечание о различии между разгосударствлением и приватизацией, недопустимости их искусственного форсирования. Разгосударствление, как считал Шаталин, — это широкий процесс изменения роли государства в экономике, предполагающий сокращение значимости госсектора и включение его в систему рыночных отношений с одновременным развитием предприятий частных и смешанных организационно-правовых форм. Приватизация же — более узкое понятие, означающее непосредственную продажу, передачу государственного имущества в частные руки. Но вопреки всякому здравому смыслу, отмечал С. Шаталин, стремительное снижение доли госсектора стало рассматриваться как важнейший критерий перехода к рыночным отношениям.

Потому в подготовленном в 1994 году Фондом «Реформа» докладе «Приватизация в России: итоги первого этапа и перспективы дальнейшего развития» был сделан вывод о том, что

политика приватизации нуждается в самой серьезной корректировке. Отличительная особенность доклада — политэкономический ракурс анализа отношений собственности, полностью забытый ныне. Приватизация, говорится в докладе, форсировалась в условиях, когда полновесной категории государственной собственности, характерной для рыночной системы хозяйствования, не существовало. Недоучет этого обстоятельства был крупной ошибкой при определении всей стратегии экономической реформы. Государственные предприятия так и не стали полноправными субъектами рынка, а государство так и не научилось ими управлять.

Полностью соответствует нынешней действительности нарисованная в докладе перспектива развития российской экономики: «Происходящие в сфере отношений собственности процессы (образование небольших групп реальных собственников, связанных с государственными структурами и имеющих непроизводственную ориентацию) и общие тенденции развития «рыночных» отношений (сохранение и усиление монополизма, образование глубоко интегрированных структур с мощными материальными и финансовыми ресурсами, широкими возможностями политической поддержки и лоббирования) создают перспективу образования кланово-корпоративного общества, функционирующего с использованием рыночных категорий, но характеризующегося подавленной конкуренцией, антисоциальной направленностью и коррупцией».

Не правда ли, уже в 1994 году дана поражающая по своей точности картина сегодняшнего состояния российской экономики? И не в политэкономических ли основах анализа итогов и тенденций рыночных преобразований, позволивших выявить коренные сдвиги в структуре производственных отношений, истоки столь верного предвидения?

В методологическом отношении до сих пор важен и воспроизводственный срез в анализе итогов рыночных преобразований, использованный в докладе, подготовленном Фондом «Реформа» в марте 1996 года «Россия на перепутье: социально-экономические тенденции и угрозы». Предметное рассмотрение воспроизводства в целом позволило не только выяснить реальное, без прикрас социально-экономическое положение в стране, но и выявить истинный характер складывавшейся в ней социально-экономической модели общества с точки зрения возможностей ее воспроизводства, саморегуляции и выживания. Воспроизводственный подход ярко выявил недостатки и просчеты экономической политики реформаторов, тогда как в официальных отчетах говорилось (и говорится до сих пор) об успехах реформ, глобальные же их провалы скрывались за частоколом частных вопросов.

Академик С. Шаталин писал в сопроводительной записке к докладу: «Формируемая модель экономики не просто далека от оптимума (состояние макроэкономического равновесия), а находится в режиме суженного воспроизводства, когда потребляется больше, чем производится». Без решительных и принципиальных изменений в экономической политике она через несколько лет «приведет к закреплению варианта хронически стагнирующей экономики колониального типа».

Этот прозорливый вывод подтверждается реалиями сегодняшнего дня. Российскую экономику с преобладанием экспортно ориентированного сырьевого сектора можно с полным правом считать колониальной.

Не потерял своего значения и использованный в докладе критерий успешности рыночных преобразований — формирование созидательной рыночной мотивации, предполагающей конкурентную среду. Несмотря на некоторые успехи в развитии ряда элементов рыночных инфраструктур, отме-

чалось в докладе, в стране «не зародилось и не сформировано самое главное — созидательная рыночная мотивация».

Понимание стратегии и тактики преобразований, видение их конечной цели в 1996 году оказались в центре общественных дискуссий. Страна готовилась к очередным выборам своего президента. И подготовленный Фондом «Реформа» в марте 1996 года доклад «Россия на перепутье: социально-экономические тенденции и угрозы» может служить примером долгосрочного научного, объективного и системного видения экономической ситуации в стране.

Различия в оценках происходящего и достигнутого в ходе реформирования — от восторженно хвалебных до резко отрицательных — были обусловлены принципиальными расхождениями во взглядах на цели реформ и методы анализа экономики. Сторонники правительственного курса оценивали ход реформ, используя показатели, характеризовавшие в основном скорость трансформации планово-распределительной системы в экономику рыночного типа, а не существенные проблемы народного хозяйства. В докладе же ситуация в реальной экономике анализировалась с позиций воспроизводства важнейших его факторов — труда, капитала, земли, эффективности их результативного взаимодействия. Различно было и понимание конечной цели реформ.

Авторы доклада исходили из того, что реформы должны осуществляться ради повышения эффективности национальной экономики, создания благоприятных условий для роста благосостояния широких слоев населения на основе устойчивого экономического развития.

Реформы «не проводятся ради реформ». Это принципиальное положение и проходило красной нитью в докладе: «Драматизм переживаемого Россией периода заключается в том, что время, отпущенное для переходного периода, безответственно растрачено, ни одна из стоящих глобальных проблем

не решена, а жертвы, которые понесло население, оказались во многом не только слишком большими, но и напрасными».

Фонд «Реформа» предлагал свой, активно-созидательный вариант развития страны: экономическое возрождение России должно происходить на основе собственного производства потребительских и высокотехнологичных товаров. Принципы экономической политики, обеспечивающей реализацию данной стратегии в других странах, хорошо известны: поддержка национальных производителей, создание новых рабочих мест, обеспечение достаточного дохода для широких слоев населения, стимулирование деловой активности как условия развития национального хозяйства.

В подготовленных и самим Фондом, и Фондом совместно с Отделением экономики РАН аналитических докладах о ходе реформ содержатся поистине бесценный методологический и теоретический материал, бескомпромиссные научно выверенные оценки принятого курса. Наиболее радикальные реформаторы и в те дни, и ныне всячески оправдывали и оправдывают разрушения и жертвы как неизбежные издержки, связанные с коренным изменением сложившихся политической, социальной, экономической систем и «возвращением» России в число цивилизованных стран. Позиция ученых другая. «Никакая цель, вплоть до обещания нового варианта «светлого будущего», не может оправдать тех социальных жертв, которые понесло российское общество... Иной подход безнравствен и антигуманен». И еще одно принципиальное положение: России не надо возвращаться в мировую цивилизацию — она всегда входила и входит в нее как неповторимый тип цивилизованного устройства.

Успех реформ в России С. Шаталин всегда связывал с необходимостью учета национальных особенностей в экономическом и духовном развитии. Наряду с общемировыми тенденциями любые программы обновления социально-эко-

номического устройства России должны учитывать ее само-бытность, своеобразие истории и культуры, духовный склад населения и соответствующую ему систему ценностей.

* * *

Биографы, историки зачастую не придают особого значения тому важному для понимания шаталинского характера факту, что он был страстным фанатом футбола, спортсменом и игроком. Не случайно его избрали почетным президентом московского футбольного клуба «Спартак». Он был борцом, всегда неотступно боролся до конца за свою идею, свое видение проблемы, свои предложения. Ему нужно было победить, все отдавая победе. Если с этих позиций подходить к его теоретическому наследию, то надо отметить, что Шаталин во всех своих научных трудах, во всех дискуссиях боролся за благо человека, развитие его творческого потенциала. В этом он видел главный фактор экономического роста, стратегический фактор возрождения и величия страны. Эту идею, это положение он отстаивал в течение всей своей жизни со всей спортивной страстью и волей. Все свои силы, все свои нравственные качества Шаталин без остатка тратил на то, чтобы направить экономические реформы на благо людей и на благо страны. Он безоглядно вступал в самые острые дискуссии, не боялся критики, остракизма, резких ярлыков, которыми в пылу дискуссий его могли «наградить» и которые нередко стали применять к нему в последние годы его жизни. Он игнорировал все упреки и обвинения бывших соратников, бескомпромиссно отстаивал свои взгляды как настоящий борец, истинный спортсмен. Даже в тех ситуациях, когда было ясно, что игра не состоялась, проиграна, он не опускал руки, бился за победу до конца. В футбольной команде Шаталин был нападающим. И свою жизнь он закончил как нападающий в большой политической команде, в большой политической игре. В борьбе,

в идейном противоборстве он утверждался как ученый, как общественный деятель. Утверждался и утвердил себя.

* * *

Стыки эпох, переломные поворотные моменты в развитии страны дают благодатный материал для ученых-обществоведов, художников, писателей. Каждый использует этот материал по-своему. Кто-то трепетно пытается уберечь старое, бережно пронести его через горнило перемен. Кто-то скрупулезно фиксирует новое, желая передать потомкам знания о всех аспектах бурных потрясений. А кто-то старательно формирует будущее, обжигает его жаром своей души, закаляет в ожесточенных стычках нарождающегося и уходящего. Именно таким строителем, созидателем и был академик С. Шаталин.

Вошедшие в сборник его научные труды, интервью, выступления являются собой яркие документы эпохи. В них выпукло отразились все ее жгучие вопросы, борьба мнений, противостояние различных общественных сил.

Смелые, критические выступления ученого против избранной правительством линии осуществления рыночных реформ не означают, однако, что он был к нему в политической оппозиции. Как говорил сам С. Шаталин, он находился всего лишь в профессиональной оппозиции, обоснованно показывал несостоятельность принимаемых мер в области шоковой либерализации цен, приватизации, в финансовой сфере, социальной политике, предлагал свою модель социально ориентированной рыночной экономики.

Его научный багаж, научный задел, опыт аналитической работы и подготовки разного рода концепций и программ для нужд экономической политики, несомненно, могли бы стать прочной основой для новых фундаментальных теоретических работ по экономике. Как исследователь, он мог сделать

еще очень и очень многое. Но он выбрал для себя судьбу не только теоретика, но и общественного деятеля, несмотря на то что этот выбор требовал от него больших затрат физической и нервной энергии. Он не жалел себя, посвятил все свои силы, весь свой талант тому, чтобы приблизить будущее, сделать жизнь людей достойной и благополучной.

Данная книга отнюдь не претендует на полное описание жизни и творчества неординарного человека. Очень бы хотелось, чтобы подготовленный сборник послужил толчком к тому, чтобы собрать все высказывания, публикации, интервью, статьи и труды ученого, чтобы будущие исследователи могли получить полное представление о Шаталине как экономисте и общественном деятеле. Многие остаются еще вне поля зрения исследователей. Полным перечнем его выступлений и работ не располагают даже каталоги известнейших российских библиотек. И задача — собрать все созданное Шаталиным — по-прежнему актуальна.

Работая над этой книгой, редакция «Русской классической библиотеки. Экономика и духовность» не ставила себе целью дать исчерпывающую оценку вкладу С. Шаталина в развитие экономической теории, его роли в идейной и политической борьбе 80–90-х годов прошлого века, разработанной под его руководством программе «500 дней», его высказываниям об исторических деятелях тех лет. Это, выражаясь словами самого Шаталина, есть «функция времени».

Задача нашего издания иная — привлечь внимание исследователей к личности и деятельности Станислава Сергеевича, способствовать тому, чтобы его мысли, научные подходы, труды и устремления не только не были забыты, но и сегодня работали на будущее. Наша книга замыслена как преддверие в творческую лабораторию крупного ученого-экономиста, помогающее увидеть все многоцветье его научных интересов, раскрыть их тесную связь с политической, общественной

жизнью в переломное время перестройки, начала рыночных реформ, образования независимых государств...

Выражаем искреннюю благодарность сотрудникам Института экономики РАН, академику Л.И. Абалкину, выступившему с инициативой подготовки данного издания, супруге Станислава Сергеевича — Татьяне Ивановне Серебренниковой, его брату — Александру Сергеевичу и другу детства — Евгению Ивановичу Борисову. Они помогали нам своими советами, замечаниями и делают все, чтобы научное наследие С. С. Шаталина не было потеряно, чтобы оно жило, работало, обогащало научную жизнь и хозяйственную практику.

Мы знаем, что по материалам книг «Русской классической библиотеки» уже готовятся научные исследования, пишутся курсовые и дипломные работы. И были бы рады, чтобы эта книга послужила толчком для научного изучения феномена Шаталина как научного и общественного деятеля, помогла отразить в исторической памяти народа значение и величие человека, в личных делах которого ярко запечатлен облик его эпохи.

Премьер Валентин Павлов: семь месяцев и вся жизнь*

«Для власти я остался инкогнито...» — вот так, то ли с едва скрываемой досадой, то ли с легким саркастическим недоумением, в последние годы жизни определял Валентин Сергеевич Павлов (1937–2003) свой общественно-политический статус.

Инкогнито! И это говорит о себе человек, многие и многие годы руководивший центральными службами главных экономических ведомств великого Советского Союза — Госплана, Госкомцен, Минфина, говорит союзный экс-министр финансов (!), союзный экс-премьер-министр (!), т. е. человек, занимавший высшую ступень иерархической лестницы исполнительной власти крупнейшей мировой державы — Союза Советских Социалистических Республик.

Инкогнито? Вроде бы странное, ничем не оправданное определение. Ведь в СССР любое движение по коридорам государственной власти так «просвечивалось» спецслужбами, политическими противниками и профессиональными оппонентами, что ни какого-то там пятна, крохотного пятнышка ни в биографии, ни в делах, ни в помыслах кого бы то ни было не осталось бы не замеченным. И вдруг инкогнито!

Но задумаешься и поймешь: правильно, пожалуй. И в самом деле Валентин Павлов до сих пор *terra incognita* не только для власти, но и для своего народа, своей страны. Под тяжелой завесой лжи, ярлыков, а то и прямой клеветы и оговоров по-прежнему скрыты его неординарные взгляды на будущее нашего Отечества, его далеко не заурядные личные качества патриота, ученого, государственного деятеля.

* Вступительная статья к книге серии «Президенты ВЭО России»: В. С. Павлов. Верю в Россию. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2005. См. также: Российский экономический журнал, № 9–10, 2005.

Конец XX века. Последние его пятнадцать лет. Как много в них спрессовано, вложено, вбито. От процессов перестройки, гласности, ускорения, вывода войск из Афганистана, попыток обновления социализма, внедрения хозрасчета и самофинансирования до тревожного ГКЧП, распада могучего Союза, циничного расстрела российского парламента, кровавой чеченской войны и позорного дефолта 1998 года. От радужных обещаний каждой семье к 2000 году отдельного жилья и достойной жизни до многомиллионной беспризорности, армии неприкаянных бомжей и еле сводящей концы с концами старости. Иной стране, а то и десятку стран столь «впечатляющего» перечня хватило бы, и с лихвой, на века. И уж точно там о переломных годах были бы написаны десятки книг, проведены сотни доскональных исследований, сформировались бы единые или хотя бы господствующие в обществе характеристики сути произошедшего.

Но все это пока не для нас, не для России. Спроси ровесников перестройки, тех, кто родился два-три десятилетия назад, о том, что знают они о творившейся в годы их детства истории страны, и услышишь в ответ: «Да, были там какие-то заморочки. То ли Горбачев топил в какой-то речке Ельцина, то ли Ельцин запер Горбачева на какой-то крымской даче. В общем, что-то они там замутили».

Те же, кто постарше, помнят многое. Одни — искреннюю веру в обновление социализма, советской власти... и коварный демонтаж всего советского. Другие помнят светлые надежды на демократию, политические и экономические свободы... и шок от встреч с наглой приватизацией, вороватой олигархией, беззастенчивой коррупцией и бюрократическим засильем.

Смутное время! В царившей атмосфере суетливого обмана, лицемерного предательства, в шумном треске идеологических догм и стереотипов выдавали желаемое за

действительное. Делали одно, говорили другое, задумывали третье. Все как будто нарочно выворачивалось наизнанку. Мучительное сопротивление старого выдавалось за рождение нового, а страстное ожидание перемен объяснялось неумной блажью падкой на внушение и посулы толпы.

Обман и мифы не исчезли, продолжают жить и поныне. Правда, они немного потускнели, пообтесались, уже не так крикливы. Но зато какво их разнообразие! Теперь они «обслуживают» не только будущее, но и прошлое. Примеры? Да сколько угодно! Достаточно обратиться к мемуарам героев вчерашних дней, к их рассказам и воспоминаниям о том, что и во имя чего они хотели сделать, что из этого получилось. И у каждого ведь свой цвет событий, своя правда. Но где же истина? Ее по-прежнему приходится с трудом выискивать, накапливать буквально по крупицам, вылавливать из старых газет, спецархивов и интернет-источников.

Сопоставление различных точек зрения, сверка воспоминаний, придиричивый анализ монографий и документов эпохи, конечно, будут крайне неполными без обращения к жизни Павлова — последнего премьер-министра Советского Союза, его книгам, статьям, выступлениям, научным работкам. В них не только боль за судьбу страны, не только его программа действий, но и красноречивая картина бескомпромиссной борьбы элит и митинговой эйфории, экономическая подоплека политических схваток и хорошо срежиссированных уличных протестов, тайный механизм принятия властных решений и панический страх ответственных за их исполнение, генезис микрофонного витийства в депутатских залах и неизвестные страницы лицемерного предательства властью общественных идеалов.

Кого сегодня удивишь многозвенными семейными кланами, выводящими «своих» на командные высоты в бизнесе, политике, власти?! Сплошь и рядом папы-толстосумы щедро

покупают чадам элитные места-местечки. В благодарность сыновья-наследники заботливо «крышуют» клановый бизнес и растят внучат, которые дружными стайками с ранних лет спешат кто в Думу, кто в избирательные штабы политических партий, а кто и по-простому, незатейливо пристраивается в советах директоров компаний и перспективных акционерных обществ. Словом, мало что изменилось по сравнению с неискоренимым блатом «скромной советской госпартбюрократии».

Будущий премьер Павлов, наверное к счастью, был лишен привилегий — без властной и чиновней опеки рос он в самой обыкновенной советской семье.

Родился Валентин Павлов 26 сентября 1937 года в Москве. Отец его, Сергей Николаевич (1904–1971), бывший беспризорник, работал сначала извозчиком, а затем долгие годы — шофером. С октября 1941 года воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Был минометчиком, водителем. Дважды ранен, отмечен боевыми наградами. Хороший, добрый был человек. Валентин Сергеевич всегда говорил о нем с теплотой и большим уважением. Гордился его честной и достойной жизнью. Вспоминая годы войны, отец, по словам Валентина Сергеевича, рассказывал не о своих боевых заслугах и ратных подвигах, а о друзьях-однополчанах, их товарищеской поддержке и преданности воинскому долгу. И сына-то учил он жить своим трудом, быть сильным, честным, надежным.

Мать — Надежда Ивановна Громова (1906–1992) тоже на всю жизнь осталась верной раз и навсегда избранной профессии. Добросовестно и с великим милосердием несла она нелегкие обязанности операционной медицинской сестры. Была участницей Великой Отечественной. Часто без сна и отдыха помогала хирургам делать тяжелейшие фронтовые операции. Спасая жизнь раненым бойцам, сутками не выхо-

дила из операционной. И в мирные годы Надежда Ивановна продолжала работать медсестрой — теперь в Московском областном научно-исследовательском клиническом институте (МОНИКИ). Коллеги и подруги, выхоженные ею пациенты с большим уважением отмечали ее высокий профессионализм, отзывчивость, скромность и чуткость.

Родительские качества — постоянная готовность помочь попавшим в беду, ободрить, облегчить страдания, доброжелательность и трудолюбие — сформировали и характер сына. Не случайно всякий раз, когда ему, будучи министром или премьер-министром, приходилось принимать то или иное серьезное решение, он соизмерял его с жизнью простых людей, их достатком и благополучием. В семье научился он ценить в людях честность, порядочность, профессионализм. Отсюда его забота о тех, кто создавал своим трудом мощь и величие нашей страны, защищал ее и восстанавливал после военной разрухи. Семья укрепила его любовь к Родине. Здесь истоки стремления Павлова сохранить ее могущество и единство, уберечь от тяжких испытаний и потрясений.

Павлов, говоря о семье, никогда не забывал о своей старшей сестре — Нине Сергеевне. Всю жизнь он был с ней в добрых, дружеских отношениях, всегда подчеркивал их душевную и духовную близость, продиктованную не только родством, семейным воспитанием, но и общим профессиональным, нравственным мировоззрением. Нина Сергеевна первая из Павловых окончила Московский финансовый институт, положив начало семейной династии финансистов. Всю свою трудовую жизнь она занималась практической финансовой деятельностью в системе Стройбанка и строительных организациях. Преданность финансовой работе, требовательное отношение к своему делу стали общими правилами и для всей семьи Нины Сергеевны — ее мужа, сына и дочери, они также стали финансистами. Валентин Серге-

евич и в студенческие, и в последующие годы всегда ценил мнение сестры.

Но самым верным другом, помощником, соратником и любимым человеком стала для Валентина Сергеевича его супруга — Валентина Петровна. Они вместе учились в Московском финансовом институте, вместе защищали его спортивную честь в состязаниях по баскетболу, вместе работали в подмосковных подшефных хозяйствах и вместе решили в 1958 году навсегда связать свои жизни. Любовь, уважение, взаимопонимание, теплая поддержка царили в их семье. Диплом финансиста у Валентины Петровны не остался не востребованным. Она тоже работала в различных финансовых учреждениях, сначала в Мосгорфинуправлении, затем в системе Главмосавтотранса, где стала одним из руководителей его экономических служб. В те времена это было совсем непросто. Главмосавтотранс в числе первых перешел на принципы полного хозрасчета и самофинансирования. Опытный, профессиональный подход не раз помогал Валентине Петровне находить неординарные экономические решения. Специалист каких мало, говорили о ней на работе. Ее высокие профессиональные качества неоднократно были отмечены государством.

В этой книге особо хотелось бы подчеркнуть неустанную заботу Валентины Петровны о сохранении научно-творческого наследия Валентина Сергеевича. Неоценима ее помощь и в подготовке к изданию книг, мемуаров, в поиске документов, фотоматериалов, раскрывающих характер эпохи, роль Павлова в решении проблем и задач, стоявших перед нашей страной.

Семейную династию поддержал и сын их Сергей, родившийся в 1960 году. Если дед его в детские годы был беспризорником, то внук уже в шестом классе на свое, сэкономленное купил богатую иллюстрациями книгу «Деньги», которая

даже отцу показалась интересной. В популярной форме в ней рассказывалось о том, что такое деньги и как они работают в народном хозяйстве, что с их помощью можно сделать, а что нельзя. Несомненно, на выбор сыном профессии банкира-финансиста повлияли и та книга, и авторитет родителей.

Семья, где все профессионально занимались финансовой деятельностью, живо интересовались финансовыми проблемами, давала Павлову в течение всей его профессиональной карьеры возможность сопоставлять различные точки зрения, смотреть на пути развития экономики глазами специалистов разных поколений, разных отраслей финансовой сферы.

Из честной, порядочной, хорошей семьи вели свою родовую первую классные финансисты Павловы. Для них чужда была забота о том, как набить свой карман, как «урвать» для себя, и побольше. Тут главным было другое — отлично выполнить свою работу, сделать дело, не потратив лишней государственной копейки.

Парадоксально, но факт. Свои первоначальные навыки профессионального финансиста Павлов получил в годы тотального господства командно-административной системы управления, когда натурально-вещественные плановые показатели ставились во главу народно-хозяйственного плана, а стоимостные показатели рассматривались всего лишь как счетные, вспомогательные, как отживающие свой век рудименты прошлого. Поступил он на финансово-экономический факультет Московского финансового института в 1954 году, а закончил учебу в 1958 году по специальности «финансы, денежное обращение и кредит».

Валентин Сергеевич всю жизнь с благодарностью вспоминал многих институтских преподавателей, но с особенной теплотой отзывался об Энохе Яковлевиче Брегеле и супругах Атлас — Захарии Вениаминовиче и Мариам Семеновне. Это

были действительно высококвалифицированные опытные ученые-педагоги, всецело преданные своему делу, специалисты в области финансов, денежного обращения, денежных систем и кредита.

Так получилось, что Брегель впоследствии выехал в Израиль, а на таких «эмигрантов» ссылаться было не принято. Павлов, однако, не забывал вспомнить добрым словом своего учителя. Был благодарен ему не только за полученные знания по советской экономике, но и знакомство с западной экономической мыслью, о которой, правда, тогда нужно было говорить лишь в критическом плане. Но и «критика» не проходила мимо пытливого ума студентов, знакомила с практикой использования финансово-кредитных инструментов в развитой рыночной экономике. Тоже знания не лишние.

В стране шла начатая еще при жизни Сталина принципиальная дискуссия о допустимости и роли товарно-денежных отношений в социалистической экономике, их судьбе при переходе к коммунизму. И при обсуждении этих вопросов уже можно было хотя бы говорить открыто и по существу о том, что товарно-денежные отношения, стоимостные категории, финансовые инструменты представляют собой важнейшие экономические рычаги управления народным хозяйством, повышения его эффективности. Павлов вместе с товарищами по учебе конечно же читал в центральной прессе отчеты о проходивших дискуссиях, обсуждал их на спецкурсах и спецсеминарах, оттачивал свой взгляд на хозяйственную самостоятельность предприятий, хозрасчет, на опыт его использования в период новой экономической политики (НЭПа) в 20-х годах, при которой широко использовались рыночные стимулы эффективной работы.

Многое Павлов приобрел в институте. Но еще больше одарила его судьба после учебы. Окончившие вуз с отличием, получившие «красный» диплом, сами выбирали из

предлагавшихся к распределению мест то, которое им больше нравилось, либо сразу же направлялись на предприятия или в учреждения, дававшие именные заявки на отличников, перспективных, способных специалистов. Павлов в числе лучших выпускников получил распределение в Калининский районный финансовый отдел. Это был один из центральных районов столицы, обладавший большим промышленным и научным потенциалом.

Трудовую деятельность Павлов начал в 1958 году инспектором райфинотдела. В его ведении были крупные заводы, фабрики, промышленные артели, комбинаты бытовых услуг, рынки, бюджетные учреждения. Производственные и финансовые показатели этих предприятий и учреждений приходилось сверять, анализировать, искать дополнительные резервы выполнения и перевыполнения планов. Дело тонкое, если вспомнить, что прежняя система контроля финансово-хозяйственной деятельности предприятий шла и по линии отраслевого министерства, и по линии министерства финансов через его территориальные органы. Директор предприятия и главный бухгалтер, представлявшие интересы разных Министерств, должны были уметь согласовывать ведомственные различия в подходах к решению тех или иных хозяйственных вопросов. А если не согласовывали, если спорили до хрипоты, если «находила коса на камень» — директор говорил одно, а главбух другое, да и райкомы, горкомы, обкомы партии своим бесконечным вмешательством в дела предприятий, раздували пламя производственного конфликта? Как тогда поступить? На чью сторону встать?

Инспектору райфинотдела, учитывая реалии тех лет, нужно было, невзирая на лица, защищать прежде всего государственные интересы, контролировать соблюдение бюджетной дисциплины, точность формирования и расходования бюджетных средств. В случае же каких-то разногласий личного,

карьерного или ведомственного характера стараться сглаживать их, умело гасить, находить приемлемое, нужное решение. Присущий Павлову аналитический подход к работе облегчал ему достижение необходимого сочетания государственной бюджетной дисциплины и здравого смысла в решении финансовых проблем предприятий и учреждений. И, как отмечали его коллеги, он всегда умело использовал для этого всю совокупность имевшихся финансовых рычагов и инструментов.

Другая отличительная черта деятельности Павлова — внимательное отношение не только к крупным, но и к средним, небольшим предприятиям. И те и другие становились объектом тщательного финансово-экономического анализа. Скрупулезность, обстоятельность, обоснованность присутствовали у него всегда и во всем. Изучение особенностей и условий работы помогали правильно оценить полученные результаты, видеть возможности их улучшения. Наверное, из всего этого и сложилась у Павлова детальная картина механизма формирования себестоимости и прибыли курируемых предприятий, влияния оптовых и розничных цен на показатели их деятельности. И неудивительно, что молодой специалист, проработав всего лишь год после окончания института, смог прийти к весьма дельным соображениям о том, как повысить эффективность контроля за финансовым состоянием предприятий, обратил внимание на несоответствие ряда экономических и финансовых инструментов. Так, в одних случаях оптовые цены были гораздо выше розничных, а в других — существенно ниже. Изучив «технология» формирования стоимостных показателей, Павлов внес несколько рационализаторских предложений, помогавших устранить несоответствия.

Прошло совсем немного времени. Вдруг в райфинуправлении раздается звонок из Министерства финансов

РСФСР. Звонок рядовому сотруднику! Инспектору Павлову! Его соображения заинтересовали заместителя министра финансов РСФСР М. М. Поволоцкого — председателя министерской комиссии по рассмотрению рационализаторских предложений. Валентин Сергеевич был вызван к нему на беседу, а вскоре его пригласили на заседание строгой комиссии, где сделанное им сообщение с интересом выслушали, а выводы обещали использовать.

Трудно сказать, нашли ли они тогда практическое применение. Важно то, что в министерстве на молодого специалиста обратили внимание. Профессиональный подход, знания, неформальное отношение к работе, трудолюбие, инициативность произвели хорошее впечатление, запомнились. М. Поволоцкий решил привлечь Павлова к работе в Минфине РСФСР и порекомендовал его начальнику Управления финансирования строительства и проектных организаций М. И. Соковнину. Через месяц Павлов снова был приглашен в министерство, теперь уже на беседу с Соковниным, после которой получил предложение перейти на работу в его управление. Экономистом. С окладом 1100 рублей (после 1961 года было бы 110 рублей).

Предложение, конечно, обсуждалось на семейном совете. И было принято. Не только из-за разницы в 275 рублей от прежней зарплаты. Работа в министерстве открывала более широкие перспективы профессионального роста. Ответственность не пугала. Валентин Сергеевич был уверен в своих знаниях и способности справиться с новым, более сложным делом.

Ему поручили вести Минмонтажспецстрой. Могущественная строительная организация возводила крупные и технически сложные объекты гражданского и оборонного назначения во всех регионах РСФСР, нередко в труднодоступной, неосвоенной, необжитой местности, где все при-

ходилось начинать буквально с нуля. Отлаженные, жестко регламентированные схемы финансирования не всегда срабатывали на таких объектах. Возникавшие «внештатные» ситуации требовали то дополнительных финансовых вливаний, то переноса сроков финансирования, то новых поставщиков оборудования, а то и полномасштабной смены подрядных организаций. Все нужно было решать быстро, экономически и технически грамотно: находить и смело перебрасывать с объекта на объект крупные финансовые средства, следить за тем, чтобы они не растекались, не замораживались в долгострое. Павлов с энтузиазмом погрузился в крупные проекты. Кстати, знаменитые «бетонки» вокруг Москвы — автомобильные стратегические кольца — были в числе его забот.

Признанием высокого качества работы Павлова в российском Минфине стало принятие его в 1962 году в партию, а ведь тогда для госслужащих устанавливались весьма жесткие «вступительные» квоты.

Острота реакции, умение находить неординарные решения, расчет и учет всех взаимосвязей — производственных, технологических, финансовых, социальных — вот секрет быстрого продвижения Павлова по должностной лестнице. В Минфине РСФСР он проработал всего семь лет, из них три года экономистом, потом старшим экономистом, заместителем начальника отдела финансирования строительства и проектных организаций и заместителем начальника Управления финансирования строительства Министерства финансов РСФСР. Павлов стал отвечать за финансирование всего строительного комплекса республики, работать с известными учеными-экономистами, ведущими специалистами, директорами крупнейших предприятий самых разных отраслей народного хозяйства.

Своей жизненной удачей Павлов считал встречу с Сергеем Николаевичем Брюховицким, которого по праву называли «живой энциклопедией» финансового дела. Он служил старшим бухгалтером еще в Русско-Азовском банке, одном из крупнейших частных банков дореволюционной России. Его уникальные знания высоко ценились. Достаточно сказать, что беспартийный, окончивший лишь церковно-приходскую школу Брюховицкий получал в министерстве престижный персональный оклад — 1800 рублей. Когда Павлов пришел к нему в отдел, то сотрудники предупредили: Брюховицкий ничего не покажет, не расскажет, ничему не научит. Но этого не произошло. Новому, инициативному работнику Сергей Николаевич и помогал, и подсказывал.

Брюховицкий был профессионал от Бога и многое передал Павлову при совместной работе над финансированием строительства Ангарской ГЭС, Щекинского химкомбината, Курганского машиностроительного завода, других крупных, порой секретных, закрытых строек. Валентин Сергеевич оказался прилежным учеником, вникал во все тонкости, а нередко своими вопросами или замечаниями выявлял неувязки или недоработки, возможные затруднения. Приходилось и учителю задумываться, обращаться к документации, копаться в ранее принятых решениях.

Профессиональная въедливость Павлова была по душе Брюховицкому, и именно ему он оставил, уходя на пенсию, свои заветные шесть папок. Больших, емких, завязанных прочными хлопчатобумажными тесемками. В них была вся история финансового дела России — от далеких дореволюционных времен до 60-х годов XX века. Здесь были законы, декреты, инструкции, уложения, приказы, постановления, распоряжения, методические указания и масса других законодательных и нормативных актов. И на каждом из них, хранившихся в строго хронологическом порядке и тематически

выверенных по отраслям и регионам, красовались пометки Брюховицкого. Были и вложенные в документы листочки с его комментариями, исчерпывающими перечислениями того, что нового вводил данный документ, что отменял, что изменял, чем отличался от предыдущего, в чем противоречил соседствовавшим и примыкавшим, какую новую процедуру устанавливал. Более того, в пометках значилось, как практика «искажала» те или иные постановления, как открывала в них обходные лазейки, какие нарушения порождала, что исправлялось впоследствии, а что оставалось недоделанным и какую брешь предстояло еще закрыть.

Такие уроки дорогого стоят. Школа Брюховицкого не пропала даром для Павлова, научила за цифрами и бумажками видеть реальную жизнь со всеми ее сложными взаимосвязями и противоречиями. Помогла понять, что нет и не может быть даже в административно-командной экономике единого для всех случаев финансово-экономического решения, на всю жизнь усвоить заветы неприкосновенности казны, святости ее хранения.

Вот как говорит об этом в своих мемуарах Валентин Сергеевич: «Подобно тому, как мои предшественники завещали мне свято хранить государственную казну, я хочу привлечь к этому важнейшему вопросу общественное внимание. Национальное российское достояние должно быть неподвластно ни царям, ни президентам. Не мы это достояние создавали, не нам его и растрчивать. Наше дело — его оберегать и приумножать». И он рассказывает о том, как неприятно был поражен, когда узнал, за счет каких средств возводился роскошный дворец в Форосе, где позднее разыгрались решающие события в августе 1991 года.

В 1989 году, вспоминает он, в высоких чиновничьих верхах прошел слух о том, что на даче Горбачева произошел какой-то неприятный инцидент. Что за дача? Откуда она по-

явилась? Он ничего об этом не знал. Как министру финансов ему приходилось подписывать бюджеты Министерства обороны и КГБ, и, конечно, он бы не упустил из виду столь капиталоемкий секретный объект. В ответ на его недоуменные вопросы услышал: «А вы и не могли ту дачу видеть, она нигде не зафиксирована, нигде не числится. Строили ее военные строители и КГБ, а расходы списали за счет жилищно-строительства для офицеров».

Авторитет и компетентность молодого специалиста имели решающее значение для перевода Валентина Сергеевича в 1966 году на работу в союзное министерство финансов.

В плановой экономике последнее слово в принятии экономических решений конечно же оставалось за партией. Но кроме экономического отдела ЦК КПСС в Советском Союзе было еще две высшие экономические инстанции — Совет Министров СССР и Госплан СССР.

А в правительстве центральный экономический блок представлял Минфин. Его специалисты, несмотря на идеологический диктат ЦК, при обсуждении принципиальных хозяйственных проблем нередко смело отстаивали свой взгляд на их решение. Часто вместе с работниками Госплана СССР им приходилось, вооружившись экономическими выкладками, корректировать позиции партийных чиновников, защищать экономику от идеологической «зацикленности».

Перемещение Павлова на финансовый Олимп пришлось на время косыгинской реформы. Это была первая масштабная попытка расшевелить закостеневшую хозяйственную систему, реально совместить план с элементами рынка, включить в планирование стоимостные категории и показатели, усилить роль экономического стимулирования предприятий, нацелить их на рост прибыли и улучшение качества продукции, повышение производительности труда и снижение себестоимости.

В обсуждении новых хозяйственных проблем, подготовке постановлений, изменявших прежние условия хозяйствования, нельзя было обойтись без Минфина СССР. И хотя косыгинская реформа в конце концов захлебнулась, она тем не менее стала предтечей рыночных преобразований, принятых свободной Россией в конце XX века. Реформа во многом подготовила к ним и общественное сознание, и экономическую мысль. Но самое-то главное — в умах экономистов она оставила свой неизгладимый след, они уже и думали о народном хозяйстве, и решали его проблемы исходя из духа и «стилистики» косыгинской реформы.

В истории советской экономики 60-е и 70-е годы отмечены не только крупными сдвигами в экономической структуре, изменениями в хозяйственном механизме, но и значительным приростом экономического потенциала, осуществлением крупнейших строительных программ, хозяйственным освоением огромных территорий Западной Сибири. Колоссальные средства направлялись на разведку и подготовку к эксплуатации нефтяных и газовых месторождений, алмазных богатств Якутии. Строились сотни предприятий тяжелой индустрии. И всем этим «беспокойным хозяйством» приходилось заниматься Управлению финансирования тяжелой промышленности Минфина СССР, где Павлов становится поистине профессионалом государственного масштаба.

Кабинетная работа госслужащего союзного ранга во все не была размеренной и спокойной. Нередко возникали экстремальные ситуации, требовавшие оперативных и решительных действий. При той же разработке нефтяных месторождений вдруг выявилась серьезная угроза экологии Западной Сибири, потребовавшая чрезвычайных мер. Нужно было привлечь армию, гражданское население, организовать производство и доставку специальных железобетонных блоков, срочно выстроить плотину, заградить путь разли-

шейся нефти, изолировать от нее Енисей. Финансовое обеспечение «боевой операции» легло на плечи Павлова. И он не растерялся, «вызывая огонь на себя», действовал нестандартно, ответственно, проявляя твердость, решительность, настойчивость.

Работа учила многому, и многое Павлов приобретал. На всю жизнь пригодилось ему появившееся тогда умение решать задачи народно-хозяйственного масштаба и ясное представление о преимуществах государственной системы управления, ее возможностях по скоординированному хозяйственному маневру, по концентрации необходимых для него ресурсов. Рельефными для него стали и болезненные недостатки планово-командных принципов. Особенно нетерпимыми, по его мнению, были бюрократическая неповоротливость, бесконечность процедур согласования и безынициативность, боязнь личной ответственности, равнодушное бездействие.

Свое дело Павлов стремился освоить досконально, чтобы избежать ненужных трат народных денег. Его непосредственный контроль над финансовыми потоками, связанными со структурными сдвигами в экономике, за масштабным перераспределением ресурсов зримо отражен во множестве действующих и поныне нефтяных платформ и вышек, оборонных заводов и городов-спутников, железнодорожных магистралей и угольных разрезов.

Странным поэтому выглядит то место в мемуарах Н. Рыжкова, в котором он приводит разговор с М. Горбачевым о своем преемнике на посту главы правительства. Когда в качестве возможной кандидатуры был назван Павлов, Рыжков заметил: что, он ведь не производственник, не знает реалий хозяйственной жизни. Сказал, как будто осудил.

Это Павлов-то не знал!? Директором завода Павлов действительно никогда не был. Не был и главным технологом,

главным инженером. Производство, однако, знал. И знал изнутри — его финансовую, экономическую основу.

Проблемы формирования производственных мощностей, основных и оборотных фондов, их финансовых источников, объемов, структуры, перелива капитальных ассигнований, сохранности финансовых ресурсов, все, без чего производство — не производство, было сутью работы Павлова. И когда проблема оборотных средств встала в полный рост в народном хозяйстве, он уже был готов к ее решению и научной разработке. А успешно защищенная в 1971 году кандидатская диссертация «Оборотные средства промышленности и источники их формирования» только подтвердила его умение держать руку на экономическом пульсе страны.

Научно-практическую значимость этой, казалось бы, сугубо финансовой проблематики наглядно показали последствия шоковой терапии 90-х годов. Тысячекратно возросшие после либерализационного скачка цены на производственные ресурсы привели к повсеместным неплатежам, вызвали коллапс финансово-денежной системы, спровоцировали падение производства во всех отраслях народного хозяйства. Предприятиям, чтобы как-то выжить, пришлось возвращаться к допотопному товарному обмену, примитивному бартеру, экзотическим встречным зачетам, многоходовым вексельным схемам. И уже после своего премьерства в 90-х годах Павлов, выступая на конференциях и семинарах, посвященных вопросам перехода к рынку, неоднократно возвращался к положениям и выводам своего научного исследования. Советовал, где найти источники восстановления оборотных средств, как «расшить» неплатежи. Советы его были полезны, значимы, своевременны.

В 1968 году Павлова назначают заместителем начальника Бюджетного управления Министерства финансов СССР. На этом посту он проработает до 1979 года. Бюджет —

основной финансовый документ страны. При его разработке общая стратегия социально-экономического развития конкретизировалась в бюджетах всех регионов, финансовых планах всех отраслей и предприятий. Сводная картина как в зеркале отражала все плюсы и минусы планового хозяйствования. Павлов не мог не увидеть в ней, что многое делается неэффективно, нуждается в совершенствовании. В своих размышлениях и раздумьях о судьбах экономики будущий руководитель правительства «накапливал» такого рода аналитический материал, а потому хорошо представлял, что можно было уже тогда изменить, переделать, от чего отказаться. На посту премьер-министра Павлову пригодились твердо усвоенные навыки разработки основных народно-хозяйственных балансов, способы их отраслевой и региональной увязки друг с другом, а также с денежным обращением страны, государственными финансами в целом. Пригодились и наработанные им «правила» сотрудничества со сводными подразделениями Госплана СССР при определении стоимостных и натурально-вещественных народно-хозяйственных пропорций, балансов движения финансовых средств и материальных ресурсов.

Рядом с Кремлем, в самом сердце Москвы, на Охотном Ряду гордо красуется серо-стальное, лаконично-строгое и одновременно по античному величественное имперское здание. Ныне в нем располагается Государственная Дума Российской Федерации. Проходя по шумным мраморным лестницам и просторным вестибюлям, с трудом открывая тяжелые дубовые двери с массивными бронзовыми поручнями, любясь сдержанным рисунком интеллигентно поскрипывающего, много повидавшего на своем веку благородного наборного паркета, мало кто из посетителей догадывается, что когда-то здесь был легендарный Госплан СССР — «центральный штаб» советской экономики. Сюда стекались мил-

лионы цифр обо всем произведенном, добытом, купленном страной. Тут из «громадьа планов» рождались прорывные стратегии на пяти-, десяти-, двадцатилетнюю перспективу, тут составлялись знаменитые на весь мир народнохозяйственные пятилетки, разрабатывались подробные модели макроэкономической сбалансированности на всех этапах народнохозяйственного воспроизводственного цикла, согласовывались темпы роста ключевых отраслей и регионов. Отсюда шли по министерствам и ведомствам беспрекословные как приказ указания, где, что и как построить, создать, произвести и вырастить.

Сюда, в Госплан, в одно из важнейших его подразделений — отдел финансов, себестоимости и цен, на должность начальника отдела, и приходит работать Павлов в 1979 году.

Во главе Госплана СССР стоял тогда сталинский нарком — Николай Константинович Байбаков, прошедший все ступени руководящей хозяйственной работы, назубок знавший все экономические ориентиры. Обладая феноменальной памятью, исключительной работоспособностью, острым чутьем на новации, он лично отслеживал разработку основных плановых заданий и динамику развития важнейших отраслей, народнохозяйственных комплексов, экономических районов. От госплановских работников он требовал того же.

Кипучий госплановый водоворот событий, дел, споров и побед в избытке давал Павлову богатый фактический материал для продолжения начатых им теоретических исследований, имевших особую актуальность и практическую значимость. Он подготовил и в 1981 году без отрыва от производства защитил докторскую диссертацию на тему «Финансовые планы и балансы в системе управления экономикой». Свое исследование он выполнил под руководством доктора экономических наук профессора Лидии Петровны Павловой (однофамилицы Валентина Серге-

евича), у которой также учились многие и многие из ныне власть имущих. Продолжая заниматься поднятыми в своей диссертационной работе проблемами, Павлов выпускает монографию «Перспективное финансовое планирование», становится руководителем авторского коллектива учебника «Государственный бюджет СССР», получившего награду на конкурсе ВДНХ СССР. В 1981 году к должности начальника отдела у него прибавится статус члена коллегии Госплана СССР. В этом качестве Павлов проработает до 1986 года. Стремительный профессиональный рост? Да, но подготовленный всей предшествующей работой Павлова, значительным багажом накопленных им знаний, богатым опытом финансово-хозяйственной деятельности.

В госплановские времена началось продолжавшееся затем долгие годы плодотворное творческое сотрудничество Валентина Сергеевича с редакцией нашего еженедельника, который тогда назывался «Экономическая газета». Валентин Сергеевич всегда находил время, чтобы откликнуться на наши просьбы подготовить статью, ответить на читательские вопросы, поучаствовать в проводимых редакцией научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах».

Первая на страницах «Экономической газеты» статья начальника отдела Госплана СССР, доктора экономических наук В. Павлова «Воспроизводственные аспекты себестоимости» появилась в феврале 1983 года под рубрикой «Экономический механизм интенсификации». Поступивший в редакцию текст поразил неожиданным подходом к рассмотрению актуальной тогда проблемы снижения производственных затрат. Автор не стал, как можно было бы ожидать от «госплановского» начальника, рассказывать о том, как выполняются плановые задания, какие министерства, республики и предприятия их срывают, а какие превышают. Традицион-

ный подход, писал он, сводится к поиску основных резервов снижения себестоимости данного изделия лишь при его изготовлении, непосредственно в производстве.

Этот подход, писал Павлов, не потерял своего значения. Но теперь все более необходимым становится использование тех огромных резервов снижения себестоимости продукции, которые определяются рационализацией других сфер и сторон воспроизводственного процесса, связанных с обновлением основных фондов, размещением производства, выбором эффективных направлений использования продукции, совершенствованием снабжения, сбыта. Все это, понятно, предполагало качественно более высокий уровень плановой работы. О том, что именно хотел сделать для этого Госплан, и говорилось в статье.

Статья не осталась незамеченной. В газете развернулось активное обсуждение поднятых в ней вопросов внедрения эффективных научно-технических разработок, изменения принятых методов планирования. Читатели и спорили, и соглашались с предложениями Павлова перейти к разработке и утверждению плана в два этапа — сначала для действующих предприятий, а потом для новых, только что построенных. Такой порядок позволял улучшить контроль за целевым использованием финансовых и материальных ресурсов. Плановые задания по себестоимости при научно обоснованном подходе к их разработке нацеливали бы предприятия на повышение эффективности производства во всем многообразии конкретного содержания их воспроизводственных процессов.

Работа в Госплане СССР, особенно в период разработки пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1981–1985 годы, стала для Павлова еще одной школой — ступенью роста профессионального мастерства и воспитания государственной ответственности. Павлов при обосновании

показателей пятилетки поддерживал идеи увеличения доли накопления в национальном доходе для проведения структурной перестройки, обновления промышленного потенциала страны. Однако он неизменно отстаивал необходимость роста абсолютных показателей развития социальной сферы, материального благосостояния населения.

Госплановский период стал для Павлова временем активного участия во всех крупных совещаниях по экономике, работы во многих комиссиях, готовивших экономические реформы. Перестройка появилась ведь не вдруг, не одновременно в результате решения апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года. Ее основы задумывались в 1979 году, когда принималась программа комплексного совершенствования хозяйственного механизма. Многие наработки еще в 1982–1983 годах при генеральном секретаре ЦК КПСС Ю. А. Андропове, когда предлагались различные механизмы выравнивания структурной перекошенности народного хозяйства, избавления его от сырьевой направленности, искаженных ценовых соотношений. Столь непростые экономические вопросы обсуждались на всех этажах управленческой вертикали. Участие в таких обсуждениях Павлова многие ценили за его умение говорить по существу, остро и доходчиво. Человек активный, деятельный, он постоянно стремился с пользой для дела высказать свое мнение, услышать его оценку от других и добиться отражения своих идей в итоговых документах.

Госплан помог Павлову глубже понять взаимосвязи и взаимозависимости финансовой сферы и материального производства. Без развития материального производства, неоднократно подчеркивал он, здоровое развитие финансово-кредитной сферы невозможно, а ее состояние, в свою очередь, влияет на темпы развития производства. В те годы Павлов приходит к выводу о неизбежности реформы в фи-

нансовой сфере. Он видел, что финансовая система в целом существенно оторвалась от материального производства. Разрыв начал серьезно тормозить его развитие, негативно влияя и на финансовую систему. Эти выводы Павлов сформулировал в своих записках (1984–1985), направленных в ЦК КПСС, в которых обосновал вывод, что не позднее 1988 года необходимо провести кардинальную реформу цен, денег, оплаты труда. Какой-то определенной реакции на эти записки автор не получил. Но его стали привлекать к разработке партийно-государственных постановлений, приглашать в творческие бригады ЦК КПСС, которые на «цековских» подмосковных дачах и в санаториях готовили материалы по экономическим вопросам к партийным пленумам.

Для творческих, инициативных, самостоятельно мыслящих людей работа в таких креативных, созидательных группах была крайне интересна. «Дачные» эпопеи Павлов вспоминал как время творческого прорыва, свободной мысли, поиска лучших, рациональных путей экономического устройства страны, время закладки многих теоретических и идейных предпосылок будущих реформ. В режиме «мозгового штурма» тут можно было обсуждать идеи, далекие от незыблемых постулатов планового хозяйствования, свободно обмениваться мнениями о возможностях развития экономики, впитывающей в себя и план, и рынок. Здесь была представлена вся палитра существовавших тогда левых и правых мнений, в лицах проявлялась позиция как радикалов, так и консерваторов, которые во время премьерства Павлова, можно сказать, сошлись в рукопашную уже не в теоретических дебатах, а на политической арене, стали задавать тон на съездах народных депутатов, на заседаниях новых составов союзного и республиканских Верховных Советов. Возглавив правительство, Павлов уже хорошо представлял расклад политических сил, знал своих сторонников и противников,

знал, что и от кого можно услышать и ожидать, на чью помощь рассчитывать, а от кого возможен предательский удар.

В 1986 году Павлов назначается на пост первого заместителя министра финансов СССР. Правда, проработает он в этой должности совсем недолго: вскоре ему поручат возглавить Государственный комитет по ценам и ценообразованию. Писал, мол, докладные записки в ЦК и Совмин о ценовых перекосах, вот и избавляй экономику от них.

Госкомцен СССР того времени — не просто аппарат для счетной работы, не просто придаток к Госплану и Минфину, устанавливавший цены исходя из плановых и бюджетных заданий. Госкомцен был призван определять порядок в ценовом хозяйстве страны.

Необходимость коренного реформирования цен была уже давно очевидна. Реформа должна была охватить всю ценовую систему: оптовые, розничные, закупочные цены, тарифы на услуги. Но проблема изменения розничных цен, в которых фокусировались все ценовые соотношения, имела столь острый политический характер, что руководство страны долгое время не решалось тронуть цены. (Когда в 1990 году Рыжков попытался поднять розничные цены на хлеб, то нарочно раздуваемый общественный протест заставил отказаться от этого. Неудавшаяся попытка, по сути, стоила Рыжкову поста).

При подготовке реформы цен Павлов исходил из того, что кризисное состояние дел в экономике не преодолеть без усиления роли товарно-денежных, стоимостных отношений. Цена, настаивал он, должна отражать реальные издержки производства, стимулировать прогрессивные изменения структуры народного хозяйства. Павлов рассматривал цены как действенный инструмент структурной перестройки производства, без которой он не представлял перехода к рыночной экономике. И начинать движение к рынку он

предлагал именно с реформы цен, реформы денежной системы. Это была его основная идея. Она, конечно, не могла быть популярной, но важно отметить, что все предложения по реформированию и повышению цен у Павлова сопровождались расчетами компенсации для населения, причем компенсации полной.

Госкомцен СССР основательно подготовил ценовую реформу. Новые прейскуранты были составлены и отпечатаны по основным группам товаров всех отраслей и для всех регионов. Возражений на прейскуранты Павлова не было. Реформа цен была даже предусмотрена постановлениями июньского Пленума ЦК КПСС 1987 года. Но каких-либо действий по ее проведению так и не последовало. В очередной раз, с горечью признавал Павлов, политики испугались, увязли во властных интригах и разборках. Крупная народнохозяйственная проблема осталась нерешенной из-за отсутствия политической воли у руководства страны. А ведь каждый упущенный день многократно умножал социальную цену будущих реформ.

Как радостно все начиналось весной 1985-го! Какие были мечты и надежды! Но всего через четыре года страна увидела пустые полки магазинов, бесконечные «колбасные» электрички, дефицит во всем и везде. Кругом беда. Затухающие темпы экономического роста, стремительное отставание от требований научно-технического прогресса, чуть ли не нулевой К.П.Д. от изживших себя экономических «кнутов» и «пряников»... Экономика топталась на месте. Сотни пут удерживали ее от движения вперед. Перестройка «забалтывалась» в бесконечных спорах о возможности сочетания плана и рынка, о совместимости социализма с рыночной экономикой и разными формами собственности.

Что-то нужно было делать. Волна за волной во властных эшелонах менялись кадры в поисках новых, инициативных,

знающих. Павлова с признанием значимости того, что им уже было сделано на предыдущих должностях, и выражением уверенности в его способности ускорить ход экономических преобразований назначают на высокий пост союзного министра финансов. И сразу же из Министерства финансов начинают исходить импульсы по поддержке нового, того что задумывалось и самим министром давно, но в силу разных причин не было осуществлено на практике. Сразу активизируется реализация правительственной программы по переходу к рынку. Павлов «подстегивает» работу Минфина по формированию правовой базы рыночных отношений и рыночной инфраструктуры, поддерживает ускорение процессов разгосударствления, создания кооперативов, арендных предприятий и предприятий совместных с иностранным капиталом, меняет на рыночный лад налоговую систему (чего стоит одно только «революционное» введение единых налоговых ставок на прибыль предприятий взамен множества спускаемых по плану индивидуальных нормативов ее распределения). В стране начинают работать валютные аукционы, разрабатываются механизмы перехода к конвертируемости рубля. Вводятся и укрепляются коммерческие основы кредита. Государственный бюджет впервые делится на текущий и бюджет развития. Появляются первые коммерческие банки, начинают работать товарные, сырьевые и фондовые биржи.

Эффект от сделанного и поддержанного Павловым был бы большим, если бы перестройка шла не по наитию, не от «ветра головы своя», если бы не зависела она от сиюминутных результатов политических разборок разгулявшихся популистов и упертых «консерваторов», если бы перестроечная эйфория не рождала экзотичные революционные процедуры и разрушительные обряды. Павлов, к примеру, решительно выступил против шумной кампании по выборам директоров

предприятий. Пропагандистской возни вокруг «демократизации на производстве» было много, но она привнесла в хозяйственную жизнь лишь сумятицу и раззор.

Понимая, что переход к рыночной экономике предполагает и соответствующую экономическую подготовку и воспитание хозяйственных кадров, менеджеров и укоренение в социальном менталитете рыночных идей, Павлов в 1987 году соглашается возглавить Научно-экономическое общество страны и начинает в нем активно работать. По инициативе Павлова в работе Общества многое меняется. Общественная организация, состоявшая прежде в основном из научных работников, начинает широко привлекать в свои ряды директоров-практиков, специалистов экономических служб с заводов и фабрик. В повестке дня теперь уже Всесоюзного экономического общества появляются и хозрасчетные разработки конкретных экономических ситуаций и представительные обсуждения ключевых народнохозяйственных проблем. Павлов и не стоит в стороне от новых форм хозяйствования. Он иницирует и дает путевку в жизнь крупным общественно значимым проектам. Возглавляет издательский концерн «Деловой мир», организует эффективную работу своего рода столичного Давоса — международного «Московского клуба», продолжает активно сотрудничать со всеми средствами массовой информации.

Авторитетная среди хозяйственников газета «Экономика и жизнь» в июне 1990 года организовала в Москве встречу своих читателей с заместителем председателя Совета Министров СССР, руководителем правительственной комиссии по экономической реформе академиком Л. Абалкиным. Встреча должна была проходить в Колонном зале Дома союзов. Но когда Леонид Иванович сообщил председателю Совета Министров СССР Н. Рыжкову, на какое мероприятие он уез-

жает, тот сразу решил принять в нем участие. Ведь обсуждаться должны были самые жгучие вопросы дня: «Рынок, цены, социальная защита». Вместе с Николаем Ивановичем приехали и министр финансов СССР В. Павлов, и председатель ВЦСПС Г. Янаев, и председатель Госкомтруда СССР В. Щербаков, и председатель Госкомцен СССР В. Сенчагов.

Для редакции приезд такой представительной правительственной команды был полной неожиданностью. Зал между тем был набит до отказа. На улице спрашивали: нет ли лишнего пригласительного билета? Это потому, подумал я, что в объявленном для участников встречи концерте будет выступать Дмитрий Хворостовский, великолепный баритон, тогда еще только начинающий свою блистательную карьеру. Но оказалось, что люди пришли действительно для разговора с правительством.

Хворостовский выступил великолепно. Но и правительственная команда в тот день блистала остроумием, умением почувствовать зал и ответить на вопросы не в бровь, а в глаз, откровенно, правдиво, без привычного политеса, так, как и ожидали те, кто искал лишнего билетика.

После завершения экономической части объявили перерыв, президиум пригласили на небольшой фуршет. Мне как заместителю главного редактора газеты пришлось помогать в организации этой неофициальной части встречи. Главный редактор был с председателем правительства, а я с министрами. Щербаков и Павлов также остались. И вот за столом они, в свойственной им шутивно-язвительной манере, стали комментировать некоторые выступления, давали свои оценки. Обсуждая разные предложения о переходе к рынку, они сошлись на том, что абсолютное господство закона над всем остальным есть первое, главное и неперемненное условие для модернизации страны. И Павлов в подтверждение сказанного привел такой пример.

Делегация Советского Союза, в которой был и он, недавно ездила на переговоры в одну из стран Юго-Восточной Азии. Делегацию встречали глава правительства, многие министры, в том числе и министр финансов. Большой кортеж машин из аэропорта направился в столичную правительственную резиденцию. Но проезд в центр столицы вечером был платным, что давало возможность разгрузить улицы от транспорта, освободить их для туристов и горожан. Так вот, первую машину кортежа полицейский пропустил, все-таки на ней ехал глава правительства, а вторую и все последующие задержал, потребовав предъявить платный пропуск. Его не оказалось, и министр финансов, ехавший вместе с Павловым, оплатил проезд всех машин.

Позднее, во время банкета после успешного окончания переговоров и подписания документов, этот министр подошел к своему премьеру и в шуточной форме заметил: «Вы мой должник, с вас причитается, ведь это я заплатил за проезд на переговоры, а значит, и за наш общий успех». Они посмеялись над этим происшествием, посчитав его счастливой приметой. Но глава государства тут же вернул долг своему министру, сказав: «Закон есть закон».

Рассказывая об этом, Павлов хотел подчеркнуть необходимость уважения власти к установленным законам, равную для всех обязанность их выполнения. Здесь не до смеха, говорил он, здесь нужно учиться. Когда у нас утвердится такое господство закона, я признаю, что мы построили то общество, которое хотели построить, что у нас создано такое государство, в котором, несмотря на социальный статус человека, закон одинаков для всех.

Мне этот рассказ Павлова вспоминается каждый раз, когда я вижу, как мы еще далеки от той маленькой, но такой богатой юго-восточной страны. Богатой в силу господства в ней Его Величества Закона.

Премьер Павлов. Вся его жизнь и такие короткие семь месяцев. Как мало в них дней и ночей. И какой долгой была к ним жизненная дорога. Сколько до этого было узвано, пережито, продумано. Сколько сил, нервов, здоровья было отдано им своей стране...

Можно ли было отказаться от премьерства? Конечно. С богатейшей эрудицией ученого, с ярким даром ироничного полемиста, с талантом блестящего аналитика политических пасьянсов действительно можно было отсидеться в «запасном окопчике», переждать в «тихой заводи» бури властных интриг, найти для себя престижное, но уж точно не такое «расстрельное» место. Можно было уйти в науку, политику, бизнес, наконец. Зовут же. Обещают золотые горы. Но Павлов тогда был бы не Павлов. Сидеть сложа руки — было не для него. Тем более когда открывалась реальная возможность сделать многое, помочь Отечеству преодолеть навалившиеся на него беды и невзгоды, уже ясно видимые ему грядущие испытания.

14 января 1991 года Верховный Совет СССР утвердил Павлова на посту премьер-министра Советского Союза. Президент страны Горбачев предварительно «проговорил» его кандидатуру со всеми министрами союзного правительства, руководителями комитетов и комиссий Верховного Совета СССР, с руководством «мятежных» союзных республик. Удивительно, но Павлов «оказался» приемлемой кандидатурой и для Ельцина, и для Назарбаева, и для Шушкевича, и для Кравчука...

Исследователи перестройки основное внимание почему-то уделяют деятельности Павлова в качестве председателя Госкомцен, министра финансов и члена ГКЧП. Что же касается работы во главе правительства, то здесь еще далеко до беспристрастной картины. Не проанализированы его намерения, намеченная программа, значение осуществленных

мероприятий. В зону исследовательских интересов по-прежнему попадают лишь «павловский обмен денег», борьба с руководством РСФСР за союзную финансово-кредитную систему, отношения Павлова с Ельциным, Горбачевым, членами ГКЧП. Но разве не заслуживает внимания то, что делалось и было сделано правительством Павлова для сохранения единого экономического пространства страны, бесперебойного функционирования народного хозяйства, продолжения экономических реформ в беспрецедентной обстановке травли, шельмования, шквала забастовочных требований? Сделанного в невероятно трудных условиях, ведь статус Кабинета министров СССР при Павлове был гораздо ниже, чем Совета министров СССР при Рыжкове. Правительство было лишено даже права законодательной инициативы (!), по сути, низводилось до положения исполнительного придатка к администрации президента. В созданные в ее аппарате дублирующие правительство отделы и управления плавно «перетекли» сотрудники ЦК КПСС и по старой партийной привычке сразу же стали тянуть «властное одеяло» на себя.

Павлов сопротивлялся. Четкое представление о стратегии действий правительства и тактике его текущей работы часто позволяли ему самостоятельно принимать те и иные решения, брать ответственность на себя, не оглядываясь на безвольного президента Союза. Помогало и его умение вести конструктивный диалог в драматичной, напряженной обстановке, умение отстаивать свою позицию, умение не поддаваться на давление, шантаж, угрозы.

Яростные противники единого Союза до сих пор не могут простить ему неуступчивости и принципиальности во время массовых шахтерских забастовок, парализовавших транспортную и энергетическую системы. Обоснованно, принципиально, жестко разговаривал он с забастовочными комитетами и независимыми профсоюзами. И хотя требова-

ния были самые разные — от немедленного и многократного роста зарплаты до отставки правительства, — Павлову удалось разрешить конфликт. Более того, рост зарплаты шахтеров был поставлен в зависимость от роста объемов производства. Было достигнуто первое в нашей стране соглашение правительства с профсоюзами, положившее начало теперь уже привычной практике социального партнерства.

Забастовочная волна, угрожавшая стране, была погашена. В своих мемуарах Павлов раскрывает технологию успеха. К сожалению, этот его опыт и многие другие уроки прошлого остаются не востребованными. Когда в 2004–2005 годах стала обсуждаться и осуществляться монетизация льгот, в стране начались массовые акции протеста «льготников». Власть, не долго думая, дубинками разогнала вышедших на улицы пенсионеров, ветеранов, героев России (!!!). Какая пропасть, какой разрыв между практикой 1991 года и 2005-го!..

Тяжелое наследство досталось Павлову. Состояние экономики было не кризисным, а уже критическим. Товарный голод, огромный «денежный навес», провоцирующий безудержную инфляцию. Нищета и безденежность огромных госпредприятий и «черный нал» присосавшихся к ним торговых посредников... Павлов принимает решительные меры к насыщению потребительского рынка, использует предназначенные для экспорта товары, запасы государственного резерва. Вводит особый режим в базовых отраслях экономики. Осуществляет программу финансового оздоровления. Требуется от Верховного Совета СССР чрезвычайных полномочий для преодоления кризисной ситуации, готовит страну к уборке урожая, к зиме...

Времени катастрофически не хватает. Правительство по-прежнему работает в режиме пожарной команды. Тактические меры отнимают силы и средства от стратегических действий по сохранению Союза, сохранению единого эконо-

мического пространства. Павлов был уверен: советская экономика, созданный поколениями советских людей огромный единый народнохозяйственный комплекс могут функционировать на рыночной основе, при новых формах государственного регулирования. Крупные экономические проблемы, считал он, должно и нужно решать с помощью ответственного государства, а для работы предприятий необходимо создавать эффективные рыночные механизмы, налаживать прямые договорные связи, использовать и свободные, и договорные, и фиксированные цены. План и бюджет на 1992 год разрабатывались правительством уже с учетом использования таких рыночных механизмов. И если бы они заработали, маховик центробежных сил, разрывавших экономику единого союзного государства, удалось бы остановить. Заинтересованность в устоявшихся экономических связях, в сложившейся кооперации производства сценировала бы экономику страны. Административный диктат плановых показателей был бы заменен экономической — самой надежной — заинтересованностью.

Нельзя сказать, что этого не понимали партийные вожди союзных республик. Но для них экономическая независимость стала бы первым шагом к независимости политической. Поэтому-то они и стремились взорвать экономическое единство Союза: чем хуже были бы дела в экономике, тем легче им было бы пробираться к своим державным тронам. Об этом неоднократно предупреждал Павлов.

Вопрос об укреплении единого экономического пространства бывших союзных республик до сих пор не снят с повестки дня. Все еще живы подспудные центробежные тенденции. Как их преодолеть? Об этом Павлов постоянно размышлял и в 1991 году, и в постсоветский период. Он верил, что новое экономическое единение распавшихся частей Советского

Союза неизбежно, верил в Большую Россию. Эта вера заставила Павлова в августе 1991 года войти в ГКЧП.

Подготовка августовских событий, роль их отдельных участников — тема особого разговора. Ясно одно: участие Павлова в ГКЧП продиктовано его желанием сохранить пусть реформированный, но Союз, пусть живущее по другим правилам, но единое экономическое пространство. Да, он видел, что Союз в прежнем виде сбересть нельзя. Но он стремился к тому, чтобы его распад не сопровождался кровавой распрей, не привел к ухудшению и без того критического состояния экономики, не ударил бы по материальному положению людей и, наконец, сохранил бы предпосылки будущего единения...

Еще в самом начале премьерства Павлова мне как первому заместителю главного редактора еженедельника «Экономика и жизнь» поручили подготовить интервью с новым руководителем советского правительства. Запомнились выглядевшее хотя и усталым, но волевое лицо, твердый взгляд, уверенность, или, пожалуй даже убежденность, в возможности исправить сложившуюся в экономике тяжелую ситуацию. Разговор зашел о реформе розничных цен и компенсациях населению. Отвечая на вопрос, установлены ли для них какие-то ограничения, Павлов подчеркнул: «В предложениях правительства нет никаких ограничений. Мы исходим из того, что компенсации должны идти через заработок. Дело в том, что реформу ценообразования мы предлагаем начать одновременно с реформой оплаты труда. Если отпускать цены и держать зарплату, никакого рынка просто не получится».

Вот так! Сразу видна принципиальная разница между «павловскими меропрятиями» и гайдаровским администрированием в большевистском духе — отпустить «без руля

и ветрил» цены в вольное плавание и не заботиться ни о каких последствиях.

В беседе Павлов обратил особое внимание на начатые изменения в управлении экономикой, на судьбу отраслевых министерств и союзного Госплана. «Что касается совместимости министерств и рынка, то все зависит от того, какие будут функции у этих министерств. Они должны вытекать из условия, что предприятия должны быть уверены: никто в их хозяйственную деятельность вмешиваться не будет».

Вот вам и антирыночник! Вот вам и плановик-администратор! Прочитайте хотя бы это: «Мы исходим из того, что Госплана как такового быть не должно. Его место займет Министерство экономики и прогнозирования. Вместо Госплана у нас должна быть структура для реализации научно-технического прогресса. Мы сильно опоздали с поворотом экономики в эту сторону. Новый орган должен заниматься прогнозом и опорными точками по реализации тех научно-технических достижений, которые мы хотели внедрить в народное хозяйство».

Павлов говорил о том, что в принципе народнохозяйственное планирование было, есть и будет. Вопрос в его содержании. В рыночной экономике нужно «строить прогнозные оценки и конструировать инструменты реализации тех или иных стратегий при полной свободе производителей».

Мысль верная. Только свобода-то сегодня у нас есть. А вот со стратегией плоховато.

После выхода из тюремных стен Матросской Тишины в январе 1993 года, Павлов посвящает свою жизнь, бескомпромиссной публицистической и научной деятельности, возвращается к общественной работе в Вольном экономическом обществе России. Анализирует деятельность власти, когда ругает, а когда поддерживает ее, выявляет ошибки

и достижения, предлагает свои меры по развитию экономики, снижению социальной напряженности.

Читая сегодня его книги, статьи, беседы, многочисленные интервью в прессе, стенограммы научных форумов и «круглых столов», нельзя не признать Павлова катализатором творческого поиска в экономике. Он был в числе тех, кто смог реалистично и по-научному оценить бесперспективность административно-командного хозяйственного механизма. Он даже предложил свой вариант ухода от догм, схем, стереотипов советского хозяйствования, да и вообще — от всей приказной системы управления. Он отстаивал необходимость эволюционного, поэтапного перехода экономики на саморегулируемую рыночную основу, делал все, чтобы побудительной силой ее развития стали спрос, предложение, конкурентный перелив капитала.

Творческий вклад Павлова в экономическую науку и хозяйственную практику многогранен. Только одно перечисление выдвинутых им научных идей и разработок в области финансов, ценообразования, бюджетной и налоговой политики, кредитных отношений, структурной перестройки экономики, формирования финансового рынка, социальной защиты населения, организации новых интеграционных форм международного экономического сотрудничества, особенно с учетом сложившихся геополитических реалий после холодной войны, заняло бы много места. Общее, что объединяет его научные идеи, — вера в великое будущее Большой России, забота о том, чтобы все экономические институты работали на благополучие страны, на благоденствие ее народа. Что может помешать этому? Где главные препятствия? Удивительно было услышать ответ Павлова.

Вспоминаю Международный конгресс «Развитие бизнеса в российских регионах: расширение сотрудничества после парламентских выборов», организованный ВЭО России,

Международным Союзом экономистов и Русско-швейцарским бизнес-клубом. Конгресс проходил в Женеве в январе 1996 года, как раз накануне избрания президента России.

В повестке дня конгресса значился закрытый семинар в горах, где россияне должны были поговорить между собой, без «лишних ушей».

Дорога туда заняла два — два с половиной часа. Мы с моим давним другом доктором экономических наук, профессором М. Л. Разу поднялись в двухъярусном автобусе на второй этаж, и заняли места отсутствовавших экскурсоводов: панорама из лобового окна автобуса была великолепна. Едим, обмениваемся впечатлениями, говорим о том, что Швейцария во многом похожа и на Советский Союз, и на Россию. В ней много самостоятельных кантонов и многонациональный состав населения, развитая экономика. И что же надо сделать, в шутку стали рассуждать мы, чтобы полностью уравнивать ее с нашей, довести такую благополучную страну до нашего российского бедственного состояния. Нужно, размышляем мы, ввести по российскому шаблону таможенные платежи на пути движения товаров, ограничить их потребление талонами, установить на товары разные цены. Административные границы между кантонами заменить чуть ли не государственными. Затем предложили не избирать руководителей кантонов, а назначать их по личной преданности президенту, а самого президента пусть, мол, выбирают местные швейцарские олигархи. «Разыграли» мы и национальный вопрос, предложив организовать маленькую «чеченскую» войну севера и юга.

В общем, «привели жизнь» в Швейцарии к нашей российской действительности и остались довольны такой своей ситуационной игрой. Спускаясь вниз, выходя из автобуса, видим и слышим, как громко смеются сидящие в салоне первого этажа. Оказалось, мы не выключили микрофон экс-

курсоводов и наши шуточные игровые ходы обсуждал весь автобус, в том числе и Валентин Сергеевич с супругой.

На остановке к нам подходит Павлов, хохочет: «Да, братцы, вряд ли развалили бы вы Швейцарскую Конфедерацию. Не учли одного, главного. В отличие от нас в Швейцарии каждый гражданин считает себя ответственным за ее судьбу, каждый считает себя ее хозяином. Такие варианты здесь не пройдут. А у нас, конечно. У нашего народа вообще отбили всякую возможность и охоту влиять на принятие решений в государстве. Всесилие чиновничества такое, что, пока власть бюрократии не разобьешь, сильного государства не построишь».

И это говорит бывший премьер-министр! Хорошо знавший бюрократический аппарат, хорошо понимавший, как он может исказить любое самое верное и нужное решение.

Всегда вспоминаю тот разговор. Вот и сегодня вроде бы президент России В. Путин говорит одно, а на практике получается другое, искаженное до неузнаваемости. Работает бюрократия! А итоги осуществления административной реформы? И количество чиновников не уменьшилось, и неразбериха в отношениях управленческих структур не исчезла, напротив, растет день ото дня. Дошло до того, что министры чуть ли не судятся со своими замами.

Павлов не был сентиментальным человеком, не был романтиком, не смотрел на мир сквозь розовые очки. Всегда давал происходящему строгую, сдержанную оценку, хотя мог сопровождать ее весьма эмоциональным, крепким выражением. Как опытный хирург мог дать точный диагноз, вскрыть истинные причины болезни, провести спасительную операцию.

Во время той поездки Павлова не раз спрашивали, что он считает решающим в реформах. Ответ опять удивил. Это не инвестиционный климат, не цены на сырье и не благопри-

ятная конъюнктура. Нужно, по его глубокому убеждению, знать и уважать свой народ, чувствовать, что он хочет...

Издание книги В.С. Павлова «Верю в Россию» в серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность» отнюдь не случайно. Не случайно по нескольким обстоятельствам. Первое — растет общественный интерес к самой фигуре Павлова, бывшего премьер-министра СССР, оказавшегося в центре событий, связанных с последними годами истории Советского Союза. Эта книга дает возможность представить не только экономические воззрения Павлова, но и его душевный настрой, нравственные критерии, понять, что же заставляло его поступать так, а не иначе.

Второе. Книги этой серии выходят уже несколько лет, и редакция получила немало различных пожеланий и предложений к ее развитию. Одно из пожеланий, важное, на взгляд редакции, было высказано Гавриилом Харитоновичем Поповым, президентом Вольного экономического общества России. При обсуждении проблем российского предпринимательства он предложил издать труды президентов ВЭО России, познакомить с их деятельностью всех интересующихся российской историей. Ведь ВЭО — этот старейший институт гражданского общества, созданный еще во времена Екатерины II, — никогда не было бесстрастным научным наблюдателем жизни страны, оно всегда стремилось принести пользу экономике. И его президенты делали для этого весьма многое.

Идея Г.Х. Попова была поддержана. И чтобы не откладывать дело в долгий ящик, редакция решила открыть новое направление издательской деятельности и начать его не в строгом хронологическом порядке, а исходя из степени готовности материалов к публикации. И так уж получилось, что первой стала книга Валентина Павлова — президента Всесоюзного экономического общества в 1987–1991 годах.

Мы рады, что она выйдет к юбилею ВЭО России — 240-летию со дня его основания.

Наконец, третье. В истории не бывает извечных белых пятен. Рано или поздно они расцвечиваются. Вопрос лишь в том, какого цвета будет историческая картина — безудержно радужной, беспросветно черной или отражающей реальную палитру прошлого. Книга Павлова, непосредственного участника бурных событий перестроечных лет, поможет читателю нарисовать свою картину, представить, что же происходило в нашей стране накануне XXI века, как она жила, чем обусловлены ее беды и достижения.

Юрий Андропов: методологические подходы к анализу назревших перемен в экономике*

95-летие со дня рождения Юрия Владимировича Андропова, круглый стол которому посвящает ВЭО России, — это еще один прекрасный повод обстоятельно поговорить о советском периоде истории нашей страны, сделать для себя дополнительные выводы относительно прошлого и перспектив будущего.

Оценки советского периода давно уже в нашем обществе диаметрально противоположны. И до сих пор эта противоположность не устранена. Оттенков в понимании того или иного десятилетия, в оценке деятельности руководителей партии и правительства — Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова и др. — по сути дела нет. Все либо рисуется темным и безрадостным, либо радужным и светлым. А действительно объективных, выверенных временем суждений все еще очень и очень недостаточно. И юбилейная дата Ю.В. Андропова представляет хорошую возможность еще раз оглянуться на советское прошлое, задуматься о его значении для нашей истории для нашего будущего.

Да, от времени существования Советского Союза мы отошли уже почти на 20 лет и начинаем без эмоций, здраво, избегая передергиваний и пиитета говорить уважительно о том, что сделано нашими предшественниками, что удалось, а что не удалось. Начинаем понимать, как жило наше общество, без щемящего сердце чувства горечи мы можем уже перелистывать трагические страницы прошлого, без преувеличенного восторга оценивать светлое. Только при таком подходе, освобожденном от конъюнктурной эмоциональности, мы, наверное, и сможем извлечь из прошло-

* Труды ВЭО России. Т. 121. М., 2009 (выступление в ВЭО России 9 сентября 2009 года на заседании «круглого стола» по теме «95-летие со дня рождения Ю.В. Андропова»).

го обоснованные уроки, научимся не совершать подобных ошибок в будущем. Хотелось бы также, чтобы этот разговор не заканчивался рамками круглого стола. Ведь участники обсуждения многое могут вспомнить и рассказать, выставить свои оценки делам и наследию других советских общественных деятелей, крупных хозяйственных работников, экономистов, таких как Бухарин, Рыков, Сокольников, Богданов, Струмилин, Маленков, Вознесенский, Косыгин, Байбаков, вообще всех тех, кто развивал российскую школу социально-экономической мысли на советском этапе ее истории. Стоит, видимо, уже с высоты сегодняшнего дня порассуждать о хозяйственных реформах 50-х и 60-х годов, конкретно 1965 года, задуматься о ходе экономических преобразований 1979 года и 1982 года, вообще всех перестроечных лет. Ведь авторы и исполнители этих реформ реально двигали вперед экономическую теорию и хозяйственную практику, искренне заботились о развитии экономики страны, ее укреплении, выявлении и использовании скрытых возможностей.

2. Оценку многогранной деятельности Ю.В. Андропова можно давать в широком диапазоне, затрагивая не только экономические вопросы, но и вопросы работы силовых структур, обеспечения безопасности государства, внешних его связей, внешней политики, а также партийного строительства. Многого еще мы не знаем, не все архивы открыты. Но понятно, что, встав во главе многомиллионной партии, осуществлявшей, согласно действовавшей тогда Конституции СССР, руководящую и направляющую роль в жизни страны, Андропов получил возможность начать назревшие перемены в общественной, политической и экономической сфере. И хотелось бы обратить внимание на некоторые методологические особенности его подхода к предстоящим изменениям применительно к условиям того периода, когда он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, лидером мирового

уровня и руководителем великой державы. Именно в этом методологическом качестве намеченные меры представляют для нас особый интерес, поскольку выводят на массу небесполезных аналогий.

Прежде всего Ю.В. Андропов дал обществу надежды на перемены. А так как перемен к худшему ожидать было уже нельзя — застой царил везде и во всем, это были надежды только на перемены к лучшему. И даже когда Ю.В. Андропов ушел из жизни, поработав во главе партии всего год с небольшим, эти надежды не умерли, да и не могли умереть. Менять ситуацию в стране, в экономике было безотлагательно необходимо. Эти надежды материализовались впоследствии. Благодаря им стали возможны и политика перестройки, и переход к рынку. То есть его деятельность явилась как бы катализатором будущих преобразований, дала толчок к будущим изменениям, к политике ускорения и всем последующим перестроечным событиям. Не могло уже больше общество терпеть ту сковывающую все и вся обстановку в стране, которая существовала в момент его прихода. Жесткий диктат административно-командной системы, бюрократизация, коррупция, затхлость официально господствовавшей духовно-нравственной атмосферы — все это ни в коей мере не ложилось в процессы глобализации мирового хозяйства, демократизации жизни за рубежом, в восточно-европейских странах, не согласовывалось с требованиями времени.

3. В своем видении преобразований в СССР Андропов не выходил, конечно, из принятых тогда рамок марксистских представлений о советской действительности. А именно, что в СССР уже построено общество развитого социализма, что Советский Союз — великая держава, диктующая свою волю чуть ли не половине мира. Словом, всего того, что тогда считалось незыблемыми догматами партийно-политической ра-

боты, отступать от которых было не позволено никому, в том числе и генсеку. Поэтому-то как гром среди ясного неба прозвучали положения статьи Ю.В. Андропова, опубликованной в № 3 журнала «Коммунист» за 1983 год. Многие, наверное, помнят, что статья называлась «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». И пусть это идеологически выдержанное в принятых в ту пору терминах название не обманывает своей кажущейся традиционностью, способной вызвать лишь зевоту от того, что читатель найдет очередное повторение азбучных истин марксизма, набивших уже тогда оскомину схем, догматических постулатов и идеологических шаблонов. Напротив, статья не поддержала несмолкаемый, особенно в конце брежневского периода, барабанный бой и славословицы о достижениях развитого социализма и успехах перехода к коммунизму. Положения и выводы статьи подействовали отрезвляюще, были восприняты и партийными работниками, и гражданами как явный намек на живительное слово правды, как явный намек на долгожданное слово истины, которое наконец-то зазвучит с высоких трибуны

Сегодня совершенно справедливо Г.Х. Попов в своем докладе обратился к этой статье Ю.В. Андропова. Она для экономистов имела очень большое значение, меняла идеологические установки и схемы, заставила задуматься над тем, где же мы находимся, в каком направлении движемся. Было четко заявлено, что мы продолжаем и будем еще долго строить социалистическое общество, что о переходе к построению коммунизма говорить еще очень и очень рано. В докладе Г.Х. Попова это обстоятельство раскрыто подробно, не буду повторяться. Скажу лишь, что в начале своей статьи Андропов привычно говорит о практическом осуществлении идей Маркса, Энгельса, Ленина, о развитии марксистско-ленинской теории. Но обращаясь к советской действительности,

затрагивает по сути основной вопрос любой экономической теории и практики — вопрос о собственности.

4. Действительно, вопрос о собственности — фундаментальный» краеугольный для любого общественного строя, для любой общественно-экономической формации. «Исторический опыт реального социализма, — говорится в статье, — показывает, что превращение «моего», частнособственнического в «наше», общее — дело непростое. Переворот в отношениях собственности отнюдь не сводится к единовременному акту, в результате которого основные средства производства становятся общенародным достоянием. Получить право хозяина и стать хозяином — настоящим, мудрым, рачительным — далеко не одно и то же. Народу, свершившему социалистическую революцию, приходится еще долго осваивать свое новое положение верховного и безраздельного собственника всего общественного богатства осваивать и экономически, и политически, и, если угодно, психологически, вырабатывая коллективистское сознание и поведение».

Странно было слышать эти слова, когда у нас в общественном сознании длительное время настойчиво закреплялись положения о том, что утвердившееся господство общенародной собственности является основным преимуществом советского строя, что мы научились эффективно использовать присущие ей черты и особенности. А оказалось, что нужно продолжительное время, чтобы народ действительно освоил положение верховного и безраздельного собственника, что мы еще не достигли такого состояния. Это было и свежо, и ново для того времени. Но не только в этом дело. Важно осмыслить этот тезис и для дня сегодняшнего.

5. Давайте задумаемся над этим, пожалуй, центральным тезисом статьи. Когда мы по сути с 1987 года готовились к переходу к рынку, а после 1991 года стали практически пе-

реходить к рынку, проводили широкомасштабную приватизацию, передавали общенародную собственность в частные руки, то мы ведь тоже совершали отнюдь не одномоментный акт, а начинали долговременный» сложный процесс преобразования отношений собственности. И здесь также в полной мере оправдывается мысль о том, что получить право хозяина и стать хозяином — настоящим, мудрым, рачительным — далеко не одно и то же. А нам что предлагалось? За пятьсот дней построить развитую рыночную экономику, сверхбыстро осуществить разгосударствление экономической жизни. Что хочется подчеркнуть? Что изменение форм собственности — это отнюдь не гарантия и показатель эффективного ее использования и эффективной работы. Вот что важно в этом тезисе, особенно в продолжающихся ныне сложных дискуссиях о степени присутствия государства в экономике.

Но так или иначе, общенародная собственность в большем своем объеме стала сегодня частной. Что в итоге? Развернувшийся сейчас, в 2008–2009 годах кризис особенно ярко показал, что действительно рачительных хозяев, выросших на частной собственности, в массовом масштабе у нас не появилось. Эгоистические интересы крупных собственников, так называемых олигархов, взяли верх над чувствами хозяина. Возобладали корыстные интересы «прихватизаторов», которые ни за что, можно считать даром получив часть от государственного пирога в свою собственность, обескровили ее, легко с ней и расстаются, «сбрасывают». Таких «собственников» не очень-то волнуют проблемы динамики производства, вопросы сохранения рабочих мест, развития поселения или региона, где находится их собственность, поддержки своих смежников, поставщиков или потребителей выпускаемой продукции.

Главная забота олигархов — спасти от ударов кризиса свои капиталы. А всего проще этого можно достичь, если вывезти их за границу. И даже оказав финансовую помощь банкам, крупному бизнесу, государство не смогло помешать такой утечке капиталов, которая оказалась вне контроля общества, работников предприятий. В своей статье «Россия, вперед!» Д. Медведев очень верно охарактеризовал таких ничего не предпринимающих «предпринимателей»: «Они хорошо устроились. У них «все есть». Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его...»

Хочется еще раз подчеркнуть: методологический урок Андропова о воспитании рачительного хозяина до сих пор не выучен нами. Из него не сделаны необходимые выводы как в законодательном плане, так и в нравственном, психологическом. Имеют ли иные наши крупные собственники не только полноценные юридические, но и моральные, нравственные права владеть заводами, фабриками, крупными производствами? Обладают ли необходимыми для этого знаниями, проявляют ли чувство ответственности за состояние своего производства и его воздействие на общественное благополучие? Ответ очевиден. Тут много недостатков и недоделок. Отмечать эти недостатки и недоделки нужно вовсе не для того, чтобы вернуть все обратно в руки государства. Мы уже жили при административно-командной экономике, которая так же «хорошо» освоила практику частного использования общенародного достояния, «жировала» на нем. Так что повторять ошибки не стоит, а освободиться от них все же нужно.

6. Теперь о второй стороне вопроса преобразований отношений собственности. Получилось так, что когда у нас по-

явились крупные частные собственники, завладевшие чуть ли не целыми отраслями народного хозяйства, то они в течение двух-трех лет растащили, раздробили доставшуюся им собственность. И ничего не было сделано для того, чтобы эти отрасли, составлявшие костяк российской экономики, стали работать так, как этого требует их общенациональный статус. И государство, осознавая это, вынуждено было пойти на создание крупных государственных корпораций. Вынуждено. Напомним, что такими госкорпорациями ныне являются: Агентство по страхованию вкладов, Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк), Российская корпорация нанотехнологий, Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта, корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии», корпорация по атомной энергии «Росатом», «Российские автомобильные дороги».

Вроде бы все они работают в рыночной атмосфере, как рыночные структуры. А на какой же форме собственности основаны эти государственные корпорации? В организационно-правовом смысле очевидно, что на государственной, а по социально-экономической природе своей на общенародной. Ведь согласно Конституции Российской Федерации единственным источником власти у нас является народ, осуществляющий свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. То есть в процессе преобразований общенародной собственности мы не растеряли все-таки эту собственность. Она до сих пор присутствует в форме крупных государственных корпораций. А если сюда прибавить тысячи и тысячи государственных унитарных предприятий,

которыми государство владеет на 100%, то масштабы такой общенародной собственности поистине велики. Есть еще также акционерные общества с преобладающим участием государства.

7. Иначе говоря, вторая сторона процесса перехода общенародной собственности в частную у нас также отличается своеобразием. И суть его в том, что в ранге госкорпораций, крупных акционерных обществ бывшая общенародная собственность полностью не исчезла, не испарилась. А раз она сохранилась, хотя и в новом, рыночном виде, то методологические вопросы ее использования также не утратили своего значения. Вот это-то и нуждается в широком обсуждении. Как же все-таки понимать сегодняшнее положение нашей общенародной собственности? На кого она работает? Оправдывает ли свой статус общенародного достояния? Может быть, да, а может быть, и нет. Но обстоятельного рассмотрения этих вопросов мы не видим. Можно даже сказать, что дискуссии по этому поводу избегаются.

А ответ на эти вопросы крайне важен. Каким образом это достояние, в соответствии со своей общенародной природой, управляется? Как распределяются полученные доходы? Эффективно ли используется государственная собственность? Находится ли она под контролем общества? В каких формах осуществляется этот контроль? Представлен ли он парламентскими комиссиями, антимонопольным комитетом или ведется другими методами? Какие общественные рычаги воздействия на этот контроль должны быть?

Напомним, что государственная собственность — это имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам РФ, республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономным областям, автономным округам

(собственность субъектов РФ). Земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, также являются государственной собственностью. Всего на 1 января 2008 года предприятий и организаций в стране насчитывалось 4675 тыс., из них государственных — 142 тыс. Всего вроде бы 3% от общего числа, однако ведь это же крупные предприятия, основа экономики.

Повторю еще раз: хорошо ли мы представляем, как работает эта собственность? Общество мало что об этом знает. Например, какова производительность труда на государственных предприятиях? Каков уровень их рентабельности, фондоотдачи, капиталоемкости, энергоемкости, материалоемкости? Все эти показатели в западных госкомпаниях обязательно рассчитываются и находятся под постоянным контролем, известны общественности. Почему же мы не занимаемся этими вопросами?

Наверное потому, что мимикрировавшая советская бюрократия в лице всех представителей административно-командной системы срослась с олигархами и очень хорошо себя чувствует. Получилось по сути второе, ухудшенное издание административно-командной системы. Отсюда и коррупция, и низкая эффективность, бесконтрольность, и увод общенародной собственности под разными флагами, под разными предлогами за границу.

Как видим, один лишь этот тезис, постулат из статьи Андропова о необходимости контроля над формой собственности, ее эффективной работой, заставляет сегодня о многом задуматься и оценить истинное состояние и использование этой государственной собственности.

8. Продолжая дальше свой анализ, Андропов отмечает: «Говоря о превращении «моего» в «наше», нельзя забывать, что это длительный многоплановый процесс, который

не следует упрощать». Теперь нам, разумеется, приходится в силу рыночных преобразований перевернуть эту формулу, имея в виду превращение «нашего» в «мое», но от этого данный процесс не становится короче или легче, он, наверное, так же длителен и многоаспектен. Такой же сложный, диалектически противоречивый. Проблемы, вызванные им и с ним связанные, нельзя решить наскоком, за двести, триста, пятьсот дней, даже за три или пять лет. Например, борьба с коррупцией — это одна из составляющих процесса превращения «нашего» в «мое», особенно в ходе приватизации, при распределении госзаказа, установлении цен на продукцию. Достаточно ли здесь только налоговых служб? Кто анализирует показатели финансово-хозяйственной деятельности предприятий? Контролирующие госорганы занимаются ли, кроме прибыли и налогов на нее, технологической, производственной культурой, инновационным развитием предприятий, освоением новых методов, форм работы, конкурентоспособностью не на словах, а на деле? Могут ли акционеры реально контролировать менеджмент акционерных обществ? Как они организованы там, где преобладает или значительна доля государственного участия? Все непрозрачно. Информация либо затушевывается, либо скрывается. В любом случае она неполноценна, скупа.

В рамках ВЭО России несколько лет назад было проведено обсуждение вариантов перехода от социализма к тому обществу, которое мы хотим построить. Г.Х. Попов говорил, что мы не пошли по народно-демократическому пути. Административно-командная система взяла рычаги управления на себя и «тихо-тихо» трансформировалась в бюрократическую систему, мимикрировала с помощью своих приспешников, освоив товарно-денежный лексикон. Отсюда и коррупция, и чиновничий диктат, монополизм, все те отрицательные яв-

ления, которые были присущи командно-административной системе.

Частная собственность не может быть истинно частной, когда ей наносится вред самим же хозяином. Огромные капиталы вывозятся из страны, «проедаются», проматываются. А ведь по своей природе капитал должен постоянно возрастать, инвестироваться.

Действительно хозяйского отношения к «своему» мы не видим, «мое» не стало в полном объеме «своим». Этот вопрос изучения механизмов и условий функционирования частной собственности в полном объеме сегодня не ставится и не решается. А это краеугольный камень созидаемого нами общества.

9. Второй главный тезис «экономической части» статьи Ю.В. Андропова — это тезис о распределительных отношениях. Здесь поднимается комплекс вопросов, связанных с родимыми пятнами капитализма в социалистической системе хозяйствования. Прежде всего речь идет о распределении по труду, а не по потребностям, его организации. Делается вывод о том, что распределение по труду не достигло в полной мере своего социалистического содержания, превратилось в уравниловку, иждивенчество, паразитизм на общественном теле. Необходимой дифференциации оплаты по труду квалифицированного, хорошо работающего человека и лодыря, непрофессионала по сути дела не было. Существенно занижена была в оплате труда роль факторов, стимулирующих рост его производительности.

И если этот тезис также рассматривать с позиций сегодняшнего дня, мы можем также поставить вопрос: хорошо ли у нас организованы распределительные отношения? Топ менеджеры крупных предприятий получают, к примеру, громадные зарплаты, бонусы. А заработаны ли они, оправданы ли?

При презентации в ВЭО России труда А.К. Шторха, первого российского академика-политэконома «Курс политической экономики, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие», изданного в 2008 году Издательским домом «Экономическая газета», Л.И. Абалкин обратил внимание на важность исследования природы предпринимательского дохода, его объективной основы и величины. Доход на капитал, доход организаторов производства у нас не изучен. Можно вспомнить и статью академика Д.С. Львова «Нравственная экономика», обсуждение которой в 2004 году было организовано редакцией журнала «Свободная мысль — XXI». Тогда Д.С. Львов говорил о том, что в Москве, например, дифференциация между 10% самых богатых и 10% самых бедных составляет от 15 до 18 раз. Сегодня же статистики говорят, что разница превышает 40 раз. Это запредельные цифры. В стране в целом так же велико социальное расслоение, что таит опасность социальной нестабильности.

Предпринимательский доход, естественно, должен превышать среднюю зарплату рабочего, однако не в такой же огромной мере, как у нас. Это должен быть именно доход предпринимателя, который формируется в зависимости от повышения эффективности производства, его обновления, инновационного развития. Но такой зависимости сегодня не просматривается. Поэтому предпринимательский доход воспринимается либо как подачка «элитным» менеджерам, чиновникам, сидящим в аппарате госкорпораций, либо как вопиющая форма узаконенного воровства доходов от государственной собственности. Такое «распределение» способно вызвать лишь вполне понятное негодование работников предприятий, оно стало одной из причин существенного расслоения населения по величине получаемых доходов.

Нередко можно слышать, что русский народ не любит богатых. Надо здесь уточнить: не любит тех богатых, которые,

ничего не делая, непомерно наживаются за счет чрезмерного труда других. Не любит социальной несправедливости, особенно в экономике.

Соответствуют ли сегодняшние распределительные отношения тем демократическим установкам, которые наше общество выбрало себе в качестве ориентира? Наверное, нет. Потому что тот собственник, который развивает свое производство, инвестирует в него, развивает науку, как правило, сегодня разоряется. А собственник, который переводит капиталы за рубеж, не заботясь особо об обновлении и развитии производства, лично обогащается. Вот ведь парадокс какой.

10. Еще раз хочется вернуться к вопросу об эффективности использования хоть частной, хоть общенародной собственности. Этот вопрос у нас сегодня, по сути, не звучит. Мы забыли категории производительности труда, фондоотдачи, капиталоемкости, материалоемкости, трудозатрат, экономии рабочего времени. У нас все сводится к цене на нефть, курсу доллара, показателям инфляции. В статистических справочниках мы не найдем показателей эффективности работы предприятий — ни государственных, ни частных. Поэтому невозможно и сравнить эффективность разных форм собственности, сделать обоснованные выводы о необходимости национализации или приватизации предприятий.

Все это говорит об актуальности статьи Ю.В. Андропова. Он дал основания для последующей перестройки, показал направления последующей работы. Эти направления методологически важны и сегодня при определении наших путей движения вперед.

Степан Ситарян: в начале рыночных преобразований*

Non progredi est regredi
(Не идти вперед, значит идти назад)

У каждого человека первая встреча с выдающимся современником оставляет в памяти свой неизгладимый след. Так произошло и со мной. Впервые я встретился с академиком Ситаряном в 1988 году. Запомнился его внешний облик, манера общения, характерные черты. Конечно, до этого я знал о его научных работах, так как окончил экономический факультет МГУ. Мы учились по его трудам. И вот, работая уже в «Экономической газете», я в первый раз пришел на заседание комиссии Госплана СССР (центрального экономического органа страны) по экономической реформе, которое проводил Степан Арамаисович Ситарян, и поразился разнице между моими прежними представлениями о нем и его истинным обликом.

В моем студенческом прошлом академик Ситарян представлялся пожилым, величественным, умудренным опытом, менторски излагавшим положения, которые он развивал в своих статьях и монографиях. А увидел я человека небольшого роста, смуглого, с красивой седой головой, с яркими живыми глазами, подвижного, можно сказать, экспрессивного, безупречно одетого. Он, наделенный огромными полномочиями, умело вел заседание комиссии. Степан Арамаисович внимательно слушал, что ему говорили министры, задавал им вопросы, возражал, объяснял, обосновывал свой взгляд, свою точку зрения. Разгова-

* Вступительная статья к книге серии «Вольное экономическое общество России»: С. А. Ситарян. Уроки будущего. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010. См. также: «Десант Ситаряна» в еженедельнике «Экономика и жизнь», № 38, 2009; Российский экономический журнал, № 3, 2010.

ривал он с министрами профессионально, на равных, как высококвалифицированный, хорошо знавший реальную хозяйственную практику специалист. Чувствовалось глубокое проникновение в сложные проблемы перестройки хозяйственного механизма страны, выбора путей ускорения ее экономического развития. Было видно, что Ситарян понимал специфику работы и легкой промышленности, и транспорта, и строительных предприятий, и предприятий машиностроительного комплекса, ВПК. После споров с ним соглашались. Соглашались не из-за его начальственной должности, не из-за его статуса и его полномочий. Он действительно был профессионалом, отлично знавшим проблемы народного хозяйства и в отраслевом, и в региональном разрезах.

В перерыве того заседания Степан Арамаисович вопреки принятой тогда высшими чиновниками привычке не уединился в специальном помещении для отдыха, а направился в общую курительную комнату и включился на товарищеской, дружеской ноте в обсуждение затронутых на заседании вопросов. Никаких наставлений, никакой надменности. Поразительно!

Это мои первые впечатления о Ситаряне как о профессионале высокого класса, глубоком знатоке хозяйства и доступном в общении человеке. И в дальнейшем они только подтверждались. Он полностью владел обсуждаемой проблематикой и не боялся брать на себя ответственность за принимаемые решения. Так было всякий раз в последующие годы, когда мы встречались на заседаниях в различных ведомствах, на мучных конференциях, теоретических дискуссиях по хозяйственным вопросам.

Степан Арамаисович Ситарян (27 сентября 1930–3 августа 2009) — известный государственный и общественный деятель, крупный ученый-экономист. Проблемы рынка,

развития товарно-денежных отношений, становления хозяйственных структур, связанных со стоимостными категориями, всегда были в центре внимания его научной и практической деятельности на всех руководящих постах, которые он занимал в органах управления народным хозяйством страны. Эти темы и сегодня в числе наиболее обсуждаемых: как реализовать скрытые потенции нашей экономики, как ее встроить в мировую хозяйственную систему, что нужно, чтобы обеспечить конкурентоспособность наших предприятий, как наладить эффективные внешнеэкономические связи. Словом, как сделать так, чтобы экономика страны поднималась, чтобы благосостояние граждан росло, чтобы наша жизнь становилась действительно лучше, благополучнее. Все эти вопросы, несмотря на их сверхактуальность, оказывается, решались и в далекие 80-е, и в еще более далекие 60-е, и даже в 50-е годы прошлого века. Они захватили и воспитанника экономического факультета МГУ С.А. Ситаряна, повлияли на выбор его жизненного пути. Во время учебы он увлекся вопросами производства, распределения и потребления при социализме, живо интересовался развернувшейся в стране научной дискуссией о судьбе товарно-денежных отношений в социалистическом обществе. В 1953 году С.А. Ситарян с отличием окончил факультет и сразу же был рекомендован в аспирантуру. Выводы его дипломной работы «О производстве и потреблении при социализме», по отзыву известного экономиста М. Солодкова, впоследствии ставшего деканом экономического факультета МГУ, отличались новизной, глубиной, обоснованностью и практически совпали с положениями чуть позднее опубликованной в газете «Правда» статьи на эту же тему академика К. Островянова. Мнение М. Солодкова о дипломной работе Ситаряна сыграло решающую роль при его приеме в аспирантуру, по-

скольку первоначально и парткомом МГУ, и райкомом партии не утвердили его кандидатуру как «сына врага народа».

Успешное завершение учебы в аспирантуре открыло перед С.А. Ситаряном хорошие перспективы продолжения его научной деятельности. Он принял предложение профессора А. Бачурина, директора Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов СССР, работать в этом институте. Как признанный специалист по проблемам формирования и использования национального дохода С.А. Ситарян, в те годы старший научный сотрудник Института, часто выполнял конкретные поручения Министерства финансов СССР, связанные с расчетом и распределением национального дохода в рамках всего народного хозяйства страны и союзных республик. В 1966 году С.А. Ситарян защитил докторскую диссертацию, продолжив разработку своей основной темы о распределительных отношениях и эффективности социалистического производства. А во время экономической реформы, начатой по инициативе Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина, в комиссию по ее подготовке был включен и С.А. Ситарян как полномочный представитель Министерства финансов СССР.

Уже тогда экономисты поставили вопрос о необходимости придать новые импульсы плановой экономике, использовать для этого товарно-денежные отношения, стоимостные рычаги. Финансист С.А. Ситарян, хорошо знакомый с проблематикой товарно-денежных отношений — ценой, прибылью, налогами, кредитом, — вошел в число разработчиков программы экономической реформы. Солидный научный багаж позволил ему разработать и предложить к применению новые методы экономического стимулирования предприятий, новую систему распределения прибыли, новый арсенал нормативов формирования и использования финансовых ресурсов предприятий и бюджета. Среди них: плата за

производственные фонды, фиксированные (рентные) платежи в бюджет, нормативы отчислений от прибыли в фонды экономического стимулирования предприятий — фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, фонд развития производства.

Косыгинская реформа в полном объеме не состоялась. Социалистическая экономика органически не смогла освоить стоимостные рычаги хозяйственного развития. Но многие из сделанных тогда наработок пригодились при подготовке реформ 1979, 1983 и 1985 годов и программы рыночного реформирования советской экономики в перестроечный период. Научные труды С.А. Ситаряна в области финансов, бюджета, народно-хозяйственного управления и внешнеэкономических связей стали настольными книгами для специалистов. Сегодня «работают» не только его научные идеи, но и многие законы и нормативные акты, которые именно он подготовил для хозяйственной практики. Это прежде всего закон 1988 года о кооперации в СССР. С.А. Ситарян — один из его основных авторов, идейный вдохновитель закона. Именно Степан Арамаисович отстаивал положения данного закона в Политбюро ЦК КПСС. А защищать в то время закон о кооперации было достаточно сложно. Под его руководством была разработана и первая программа по развитию в стране малых предприятий. Большой вклад он внес в науку совершенствования внешнеэкономических связей, подготовку современных хозяйственных кадров, менеджеров XXI века.

Свидетельством высочайшей квалификации экономиста и финансиста С.А. Ситаряна является его деятельность на руководящих постах в Министерстве финансов, Госплане и Совете Министров СССР. Ответственный подход Степана Арамаисовича к решению серьезных проблем реформирования народного хозяйства и финансового механизма страны,

бескомпромиссность и последовательность в отстаивании принятых решений заслужили авторитет и уважение среди ученых и деловых партнеров как в нашей стране, так и за рубежом. Государственные награды Ситаряна — выражение признания его высочайших заслуг перед Отечеством.

Поражало и то, с какой самоотдачей, молодым задором включился Степан Арамаисович, несмотря на свои высокие звания и регалии, в трудоемкую, повседневную, смело можно сказать, черновую работу по формированию нового облика демократической России. С.А. Ситарян стал одним из самых активных участников становления национального и международного общественного объединения экономистов. Многолетнюю плодотворную работу он вел в Вольном экономическом обществе России и Международном Союзе экономистов. На посту президента Международной Академии менеджмента С.А. Ситарян в немалой степени способствовал созданию отечественной школы менеджеров, повышению ее престижа, щедро отдавал все свои знания и опыт молодому поколению.

Академику Ситаряну совершенно несвойственны были карьерные побуждения. Достаточно сказать, что Ситаряна сразу после избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС приглашали работать его помощником, но он отказался, хотя и статус, и возможности этого поста были желательны тогда для многих. Отказался он уже в постсоветский период и от предложения возглавить правительство независимой, суверенной Армении.

Занимая высокие государственные посты, выполняя ответственные государственные поручения, Ситарян всегда на первое место ставил интересы страны, интересы дела. Примером может служить его знаменитая командировка во главе комиссии из группы специалистов в Польшу котла он работал в Госплане СССР. Нужно было проанализировать

польские события, связанные с либерализацией экономики и политая, выработать рекомендации для руководителя Польской рабочей партии В. Ярузельского и Политбюро ЦК КПСС.

Во время той командировки Ситарян на основе анализа состояния польского общества и экономики, требований оппозиционных сил и намечаемой в ответ на них программы деятельности Польской объединенной рабочей партии размышлял, конечно, не только о судьбе и опыте этой страны, но и об общих проблемах экономического развития восточноевропейских стран социализма и в целом о перспективах развития социалистического лагеря. Результаты этих раздумий и обобщений, выводы из бесед с польскими коллегами и членами комиссии, в которую входили такие видные советские экономисты, как Л. Комии, О. Лацис, В. Павлов, В. Сенчагов, нашли отражение в подготовленном отчете о работе комиссии, продолжавшейся в течение месяца и бывшей очень интенсивной. Выводы, касавшиеся не только экономических, но и политических вопросов, сводились к тому, что В. Ярузельскому, первому секретарю ПОРП, предлагалось, «перехватив» лозунги объединения профсоюзов «Солидарность» и других групп оппозиции, стать во главе необходимых в стране реформ. Примечательно, что после состоявшейся заключительной многочасовой беседы с В. Ярузельским тот признал, что теперь-то и сам он стал лучше понимать суть процессов и реформ, проходивших в стране. А ведь комиссия постоянно испытывала давление из Москвы с указаниями не поддаваться либеральным веяниям, не отступать от принципов социализма.

Докладывая о проделанной работе руководству СССР, Ситарян в партийных и правительственных кабинетах отмечал, что схожие проблемы политико-экономического реформирования могут возникнуть и у нас, к чему надо заранее го-

товиться, работать на опережение. Выводы комиссии были «без особого воодушевления» восприняты в Москве. Но сама поездка в Польшу вошла в историю перестройки под звонким названием «десант Ситаряна». Эта командировка и ее результаты ярко характеризуют стиль работы Ситаряна, его жизненную позицию, умение решать проблемы исходя из сути дела, новаторски, без оглядки на сложившиеся идеологические шаблоны и стереотипы, устоявшиеся подходы. Это был настоящий научный десант, где человек, видевший тенденции развития страны как бы из будущего, понимая перспективу, мог предлагать на сегодняшний день разумную, четко выверенную программу действий. Будущее диктовало ему логику построения концепции политико-экономического реформирования страны.

* * *

Выдержки из трудов С.А. Ситаряна, публикуемые в данной книге, представлены в исторической последовательности появления тем его научных исследований, выхода его работ. Так, по окончании аспирантуры, работая в НИФИ Минфина СССР, он, занимаясь проблемами, связанными с формированием и распределением национального дохода, досконально изучил проблемы финансов СССР в целом, союзных республик, краев и областей. По сути, Ситарян стал уникальным специалистом в этой области. Это заметили в Минфине СССР и стали его привлекать к разработке бюджетов союзных республик.

Особенность научных исследований Ситаряна в том, что они строились на изучении предмета как бы сверху вниз, с макро— и последовательно до микроуровня, т.е. начинались с изучения проблем в народно-хозяйственном масштабе. И не случайно дальнейшее углубленное исследование финансовых проблем вывело его на уровень предприятий.

И снова его ждал успех. Разработки по проблемам формирования и распределения чистой прибыли предприятий сделали его опять же уникальным специалистом. Понятно, что он не мог не стать сторонником косыгинских реформ. Опять же не случайно союзный министр финансов Гарбузов привлек его к этой важной работе в качестве члена комиссии по подготовке экономической реформы 60-х годов. Ситарян заслуженно становится научным и практическим лидером «кампании» по внедрению экономической реформы в СССР. Его научный авторитет непререкаем. Но при реализации реформ многое (если не все) зависело от организации внедрения разработок. Немало им сделано и в этом направлении, но многое от него просто не зависело, и прежде всего поведение политической элиты и чиновников. Мы читаем у самого Степана Арамаисовича из его незаконченной и публикуемой в данном издании книги о том, как чиновники не только не помогали, а попросту мешали и даже саботировали ход осуществления реформы.

Научные исследования Ситаряна объективны: если в самом начале реформ он дает научные рецепты, то в дальнейшем анализирует ход освоения реформ, выявляет негатив, анализирует и разрабатывает механизм его устранения. С годами у него появляется все больше кри тики хода реформы и не только в деятельности предприятий, но и государства. Знания Ситаряна неоценимы и уникальны. Это признают все, в том числе и руководство страны. Думается, прежде всего поэтому он был приглашен в Госплан СССР и стал первым заместителем его председателя.

Постепенно исследования Степана Арамаисовича выходят за рамки одной страны. И это тоже не случайно. В 80-е годы возникают экономические противоречия с некоторыми странами СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи),

и Степан Арамаисович погружается в эту проблему. «Десант Ситаряна» тому красноречивое подтверждение,

Эпоха Горбачева началась для Ситаряна с того, что он не захотел стать помощником Генерального секретаря ЦК КПСС. Да и как он мог, если окружение генсека (как и чиновники) не слушало и не слышало ученого, а сама реформа Горбачева по тому времени была поверхностной. Ситарян становится заместителем председателя Межведомственной комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма и занимается конкретикой. И тут у него главная задача — подготовка закона о кооперации и первой программы по развитию частных предприятий.

Закон о кооперации был революционным событием для экономики России. Практически он открывал дорогу негосударственной форме собственности. Огромную роль этот закон сыграл при реанимировании банковской деятельности. Банкиры, по словам Г. Тосуняна, главы Ассоциации российских банков, должны поставить ему памятник. Степан Арамаисович еще долго помогал банкирам в организации их финансовой деятельности. Попросту многому их научил.

С 1989 года в Совете Министров СССР Ситарян председатель Государственной внешнеэкономической комиссии: страна нуждалась в его уникальном опыте экономиста-международника. В правительстве В. Павлова (в июле — декабре 1991 года) Ситарян становится и.о. председателя союзно-республиканского валютного комитета. Именно Ситаряну принадлежит идея расчетов единой, а не местной валютой, что впоследствии безусловно способствовало ускорению внедрения рыночных отношений между странами СНГ и бывшими странами СЭВ.

С распадом СССР Степан Арамаисович вплотную занялся наукой. Он создает Институт внешнеэкономических исследований РАН и Международную Академию менеджмента.

Ученый не мог остаться в стороне от происходящих в стране событий и переживал за судьбу новой России, Жаль, что новые «революционеры» практически отказались от его знаний и опыта, тогда как знания особенностей экономики России помогли бы успешнее и с меньшими затратами осуществлять переход к рынку. Многие его разработки использовались за рубежом. Причем использовались весьма эффективно. Об этом говорили, например, китайские ученые-экономисты.

В это время С.А. Ситарян принимает на себя общее научное руководство всей работой Института внешнеэкономических исследований (затем Центра) и Международной Академии менеджмента, выступает с научными докладами в российском МИДе, на заседаниях правительства, в Государственной Думе. Выдержки из ряда трудов, докладов тех лет опубликованы в данной книге, хотя понятно, что даже основные из них представить было бы трудно — их было порядка 60.

* * *

По сути, Ситарян один из весьма немногих, кто так скрупулезно разрабатывал теорию формирования и распределения национального дохода в СССР. Но многое из его методологических разработок актуально и в сегодняшней России. Ведь не секрет, что формирование федерального, региональных и местных бюджетов до сих пор нуждается в совершенствовании. А между тем у Ситаряна можно было бы найти конкретные методические «подсказки» по их формированию. Ситаряну удалось не только разработать научно-практическую методологию национального дохода, но и на деле доказать правильность своих выводов. Ученый четко сформулировал структуру национального дохода и затем дал свои предложения по его распределению, формированию бюджетов союзных республик.

Дальнейшая детализация научных разработок по распределению национального дохода привела Ситаряна к теории чистого дохода, чистой прибыли. И опять он стал одним из главных ее разработчиков и теперь уже по цепочке: основное звено — государство, т.е. не сверху вниз, а снизу вверх. «Более правильным, — отмечал он, — было бы определить чистый доход социалистического общества как общую форму стоимости прибавочного продукта и измеряемую ею часть совокупного продукта и национального дохода». «Наиболее экономически целесообразным и эффективным путем решения указанной проблемы является такое распределение чистого дохода государственного хозяйства, при котором одна его часть в установленном плановом размере остается в непосредственном распоряжении предприятий, а другая концентрируется в бюджете и перераспределяется — между отдельными отраслями и сферами народного хозяйства».

Знание теории чистой прибыли помогло бы и сегодняшним участникам хозяйственных отношений детализировать на уровне основного звена источники формирования прибыли, а государству — оценить возможности и экономическую целесообразность налогообложения. Ведь не секрет, что нормальный предприниматель у нас задыхается от бремени налогов. К тому же не ясно, насколько экономически и социально оправданно используются средства налоговых поступлений государственными органами. Возникают также вопросы, связанные с формированием и использованием страхующих экономику фондов — стабилизационного, резервного, будущих поколений... На каких основаниях эти средства обособляются от основных и почему их распределение так непрозрачно?

В любом случае в теоретических работах Ситаряна поражают скрупулезность, точность и справедливость расчетов между всеми действующими структурами. Другое дело, как

это практически реализовывалось. Ситарян в своей незаконченной книге прямо говорит о саботаже чиновников и власть имущих, а профессионализм их и сегодня у нас хромает. Непрофессионализм многих чиновников и их корыстолюбие затрудняют внедрение экономически оправданных мер грамотное и умелое использование накопленного знания. Отбрасывание предыдущего научного и практического опыта — это так знакомо. Ведь мы и сейчас ругаем советскую власть за то, что она мало использовала многовековой опыт российской школы социально-экономической мысли. И тут же сами повторяем это в очередной раз. К тому же у нас и сегодня есть государственная собственность. И многие ценные рецепты управления ею можно было бы позаимствовать у Ситаряна.

Велика роль Ситаряна и в разработке хозрасчетных отношений в основном звене хозяйства при решении проблемы распределения национального дохода. Государство именно по этой причине (учет хозрасчетной природы основного звена), утверждает он, изымает у предприятия не всю сумму прибавочного продукта, так как это соответствует принципам хозрасчетного ведения хозяйства в условиях государственной формы собственности. Это утверждает он не только как ученый, но и как руководитель штаба внедрения новой экономической системы планирования и экономического стимулирования. Мы читаем: «Относительное экономическое обособление предприятий предполагает их право самостоятельно распоряжаться частью созданного прибавочного продукта». «Утверждение о том, что взаимоотношения между государством и государственными предприятиями должны базироваться на принципах эквивалентности, является практически и теоретически неправильным». «Признание безэквивалентного характера взаимоотношений отнюдь не равнозначно признанию концепции «общего котла».

Ситарян в ходе изучения практики хозяйствования уточняет свою теорию чистого дохода. Так, в 80-е годы он уже предлагает четко обоснованную систему управления чистым доходом. При этом резко критикует теорию «общего котла», которая мешает росту эффективности хозяйственного механизма. «Сочетание системы централизованного руководства экономикой и хозрасчета объективно диктует необходимость разделения чистого дохода между предприятием и государством. Проблема сводится лишь к тому, на каких принципах и в каких формах должен протекать этот процесс, какими критериями должна определяться мера разделения чистого дохода между предприятием и государством. В оптимальном решении этой проблемы заложен один из важных рычагов правильного сочетания экономических интересов общества и коллективов предприятий, централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности предприятий. В этой проблеме скрыты большие возможности активизации стимулов роста социалистического производства.

Нам представляется, что в основу оптимального решения этой проблемы заложены три принципа: первый — главный, предусматривающий обеспечение необходимой увязки между движением материальных и стоимостных ресурсов в процессе расширенного социалистического воспроизводства; второй — принцип возмездный, базирующийся на установлении объективной связи между величиной отчисления чистого дохода в бюджет и теми ресурсами и условиями хозяйствования, которыми располагает предприятие; третий — стимулирующий принцип, обеспечивающий правильное сочетание и прямую зависимость между эффективностью использования ресурсов и мерой приращения чистого дохода с той его долей, которой непосредственно распоряжается предприятие для развития производства и материального поощрения коллектива работников».

Очень важно, что при изучении проблемы распределения прибыли Ситарян рассматривает известную уже давно теорию экономических интересов, применяя ее к условиям социалистической формы хозяйствования. Однако сегодня эта теория у нас начисто забыта. Новые хозяева предприятий в большинстве своем склонны не учитывать совсем или учитывать по минимуму личные интересы работников. Особенно это ярко проявляется в условиях кризиса. Как правило, первым страдает от него наемный работник. И если бы кто-то серьезно изучал проблему экономических интересов, то вряд ли вывел бы теперешнюю сумму минимально гарантированной оплаты труда. Россия здесь сильно отстает от международного опыта. В Эстонии, к примеру, уже несколько лет тому назад приступили к выплате гарантированных зарплат по специальностям и отраслям. Там действуют установленные вилки оплаты труда, которые предприниматель обязан учитывать. Тогда в условиях кризиса обоснованно можно платить сотруднику минимальную зарплату по вилке, а не понижать ее ниже прожиточного уровня.

Для хозрасчетного предприятия Ситарян так характеризует распределение прибыли: «Всю систему распределения прибыли можно представить в виде трех подсистем.

Во-первых, подсистема финансовых взаимоотношений предприятий с бюджетом. Сюда включаются такие платежи, как плата за производственные фонды, фиксированные платежи, взносы свободного остатка прибыли в бюджет.

Во-вторых, подсистема отчислений из прибыли на цели экономического стимулирования производства. Сюда относятся отчисления в фонды материального поощрения; социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; развития производства.

В-третьих, подсистема элементов, обеспечивающих финансирование плановых затрат действующих предпри-

ятий. Сюда относятся затраты из прибыли на погашение кредита, централизованные капиталовложения и некоторые другие плановые затраты.

Все эти три подсистемы внутренне между собой взаимосвязаны и составляют ту основу, на которой функционирует механизм экономического стимулирования производства. Вместе с тем каждая из них имеет свои особенности, вытекающие из характера тех функций и задач, которые они выполняют в общем процессе распределения прибыли.

Мера распределения прибыли между подсистемами устанавливается в соответствии с потребностями развития отдельных предприятий, отраслей и народного хозяйства в целом и задач экономического стимулирования. Ее изменения происходят под воздействием целого ряда факторов, важнейшими из которых являются: а) величина прибыли; б) плановая потребность государства в формировании централизованных финансовых ресурсов; в) плановая потребность предприятий в развитии производства за счет собственных источников; г) сумма прибыли, которая остается непосредственно в самостоятельном распоряжении предприятий на цели развития производства и материальное поощрение коллектива и каждого работника...

По мере развития социалистической экономики и укрепления принципов хозяйственного расчета отмечается тенденция повышения доли предприятий в использовании прибыли и относительное сокращение той ее части, которая централизуется в бюджет».

К заслугам Ситаряна безусловно следует отнести его методические разработки по выявлению и обоснованию источников экономического роста страны и повышения эффективности производства. Ситарян неизменно связывал их с ускорением внедрения достижений научно-технического прогресса (НТП). Сейчас сказали бы: с модернизацией

и инновациями. Тогда ученый разработал методологический и методический механизмы финансового воздействия на развитие производства и повышение его эффективности. В 70-е годы это удалось. И если бы не сопротивление чиновников, реформа Косыгина тогда была бы куда более успешной и, возможно, сегодня мы были бы ближе к шведской модели социализма, а не сегодняшнего анархического «не пойми какого капитализма».

Точка зрения Ситаряна на необходимость перераспределения финансовых потоков, совершенствования финансового механизма, усиления роли перспективного планирования, а также налогообложения в значительной степени интересна и сейчас. К примеру, создание фонда развития предприятий тогда во многом ускорило НТП в ряде отраслей, стимулировало освоение научно-технических новшеств. И сегодня явно напрашивается необходимость введения какого-то стимула для внедрения достижений НТП. Наряду с самофинансированием на хозрасчетных предприятиях большую роль сыграло целевое бюджетное финансирование. А что сейчас? Предприниматель сегодня объективно заинтересован в снижении текущих затрат любой ценой, а вкладываться «в завтра», особенно в условиях кризиса, становится для него крайне рискованно. Кредит? Он у нас работает плохо. И тут нужно подумать самому государству, его чиновникам о более эффективном, целевом характере финансирования долгосрочных вложений государства. Ситарян считал, что в том случае, если срок окупаемости капитальных затрат меньше пяти лет, то следует ориентироваться на кредиты, а если больше, то на бюджет. Государство сегодня пока осуществляет политику невмешательства, но это оправданно, если экономика отлажена, да и тогда, как мы видим из зарубежного опыта, государство помогает. Нам же надо солидно «вкладываться» в возрождение утраченного экономического

потенциала, а не только в инновации. Нужен отраслевой ренессанс экономического развития. Иначе после вступления в ВТО нам несдобровать.

Тогда все задумки реформирования обычно проверялись в виде экспериментов в отдельных отраслях и на предприятиях, а затем после отработки распространялись на всю экономику. Известен, например, опыт Минприбора СССР. Суть реформ отлично раскрыта Ситаряном в его трудах. Но главное, как реформы скажутся на эффективности всей экономики, экономическом росте страны — вот стержень всех изысканий Степана Арамаисовича. Есть, видимо, смысл и сегодня разработать и экспериментально проверить сначала научно-методологические, а затем и методические рекомендации по повышению эффективности производства.

Особое место в книге занимают материалы, связанные с проблемой кооперации и малого бизнеса. С.А. Ситарян возглавлял правительственную комиссию по разработке закона о кооперации. Работа была непростой, но удачной. Закон вступил в силу и сыграл существенную роль в трансформации плановой экономики в рыночную.

Интересна работа Ситаряна «Малый бизнес в системе современной рыночной экономики. Методологические и общетеоретические проблемы» на базе соответствующих докладов в Институте Европы. Этот труд привлекает представленным в нем опытом функционирования малых предприятий в развитых капиталистических странах. Ситарян может быть впервые, уже в 1996 году, рассказал о преимуществах франчайзинга в условиях монополистической, некоррупцированной среды. «Франчайзинг как система взаимовыгодного партнерства в какой-то мере разрешает противоречия между высокой концентрацией производства и капитала в промышленности и наличием огромной сети мелких капиталов

в сфере торговли, ее спецификой и низким уровнем накопления капитала в малых торговых предприятиях.

Монополистический капитал влияет и на кругооборот немонополистического и определяет движение и условия его воспроизводства». Как мы знаем, франчайзинг сегодня является важным, но не очень-то используемым инструментом и организационным моментом формирования малых предприятий. «Высокая мобильность и возможность быстрой переориентации производства в соответствии с меняющимися потребностями рынка, их приспособляемостью не только к запросам, но и к «капризам» потребителей, — подчеркивал Ситарян, — являются важнейшим требованием эффективного функционирования предприятий в экономике. Этими возможностями и признаками, как показывает анализ, обладает малый бизнес».

* * *

В 1996 году академик Ситарян создал и возглавил Международную Академию менеджмента (МАМ). Деятельность МАМ осуществлялась в следующих направлениях: научная консультационная и информационно-издательская деятельность; разработка образовательных программ; организация экономических форумов и научно-практических конференций; организация и проведение семинаров, круглых столов, различных конкурсов.

МАМ — это общественный союз, объединяющий ученых-экономистов и ведущих руководителей предприятий и организаций. В его составе также и коллективные члены. В составе Академии сегодня 395 членов, в том числе 158 членов-корреспондентов, 169 академиков и пять почетных академиков. Академия является одним из организаторов проходящего в Кремле Всероссийского экономического форума. А совместно с Вольным экономическим обществом

России Академия осуществляет с 1997 года проект «Менеджер года» при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Ежегодно в этом конкурсе принимают участие около 2000 руководителей из всех 40 регионов России, а также из Казахстана и Китая. В рамках проекта успешно реализуются конкурсы: «Менеджер года», «Менеджер года в государственном и муниципальном управлении», «Менеджер года в банковской сфере», «Лучший менеджер структурного подразделения». С 1997 года Академия выпускает свой журнал, в котором представляет слово всем победителям конкурса «Менеджер года».

В рамках МАМ активно работает Ученый совет по присуждению степени доктора экономики и менеджмента, который возглавляли сначала В.С. Павлов, затем С.А. Ситарян. В разные годы председателями и сопредседателями жюри конкурса были члены комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности академик РАЕН О.М. Толкачев, первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы Ю.В. Росляк, мэр Москвы Ю.М. Лужков, первый заместитель мэра Москвы В.П. Шанцев, президент ВЭО России Г.Х. Попов, академик РАЕН В.И. Щербаков.

Большой интерес представляли круглые столы, в работе которых принимали участие Н.Я. Петраков, В.К. Сенчагов; Хуан Карлос Санчес Арнау — посол Аргентины в РФ; М.М. Задорнов — экс-министр финансов, С.Е. Егоров — экс-президент Ассоциации российских банков, Е.Г. Ясин — экс-министр экономики России.

Первый конкурс «Менеджер года» был в 1997 году посвящен 850-летию Москвы. Инициаторами стали МАМ и ВЭО России. В нем приняло участие около 500 руководителей столичных предприятий и организаций, В итоге четыре человека признаны абсолютными победителями и 30

победителями по отдельным номинациям. Единственным критерием при подведении итогов конкурса служил реальный вклад его участников в развитие возглавляемых ими предприятий, отдельных отраслей. С 1998 года конкурс становится общероссийским. Было отобрано 350 кандидатов из 30 регионов страны. Пять человек были признаны абсолютными победителями, а 53 — по отдельным номинациям. С 1999 года заметно возросла доля участников из реального сектора экономики, а в 2000 году конкурс стал проводиться в два этапа: региональный отборочный тур и общероссийский финал.

В 2001 году были предусмотрены три уровня наград: статуэтка Екатерины Второй, основательницы ВЭО, вручается абсолютным победителям; большая памятная медаль и диплом — победителям по номинациям; малая памятная медаль и диплом — лауреатам. В 2001 году состоялся первый конкурс «Менеджер года в банковской сфере». В 2002 году, в год принятия Закона о земле, в числе победителей российского конкурса «Менеджер года» впервые оказались директора крупных агропромышленных предприятий. В 2004 году среди участников и победителей стало больше управленцев из высокотехнологичных отраслей промышленности — электроники, приборостроения, нефтехимии. В 2005 году впервые приняли участие в конкурсе государства СНГ и Болгарии. Соответственно была учреждена новая номинация — «Международное сотрудничество». В 2006 году состоялся 10-й юбилейный конкурс, в котором появилась новая номинация «Лучший менеджер структурного подразделения». В 2007 году прошло награждение по новой номинации — «Менеджер года» государственном управлении». Подводя итоги десятилетия конкурса, Степан Арамаисович Ситарян отметил, что директорский корпус помолодел, современный руководитель все чаще имеет два образования, стало значи-

тельно выше цениться качественное образование. Еще раз он подчеркнул, что России необходимо растить собственную управленческую элиту. Без этого устойчивое, поступательное развитие страны окажется попросту невозможным.

О роли Академии в воспитании менеджеров XXI века хорошо сказал Л.И. Абалкин в своем поздравлении с 10-летним юбилеем МАМ: «Образование Академии явилось логическим отражением выдающейся роли менеджеров в организации и высокой эффективности современного производства. Именно люди дела и высокой профессиональной хватки, инициаторы и новаторы обеспечивали успех экономики. Академия сумела в короткий срок объединить в своем составе практиков и ученых специалистов различных сфер деятельности, поднять общественный статус управленцев.

В числе важных уроков, накопленных Международной Академией менеджмента, можно выделить три момента. Во-первых, она регулярно проводит встречи, круглые столы и дискуссии по коренным вопросам экономической жизни. При этом Академия, являясь своеобразным институтом гражданского общества, не дает директив, а лишь стимулирует постановку ключевых проблем, привлекая к ним внимание органов законодательной и исполнительной власти, научного общества.

Во-вторых, Академия ведет широкую издательскую деятельность, регулярно публикуя итоги своей работы как в своих изданиях, так и в органах Международного Сою» экономистов.

Наконец, в-третьих. Академия уже в течение многих лет проводит региональные и общероссийские конкурсы на звание лучших менеджеров по различным областям промышленности, сельского хозяйства, торговли, образования и культуры. Победители таких конкурсов получают не толь-

ко дипломы и грамоты, но и, что самое главное, — общественное признание своего труда».

* * *

«Десант Ситаряна» — действительно красивое выражение. Но современники, к сожалению, поняли его буквально, довольно узко. Вот-де высадились команда, приняла бой и одержала победу. Выполнила свою задачу правильно, но все-таки недостаточно для масштаба личности Ситаряна. Он и в нашей экономической науке, и в нашей хозяйственной практике был десантником из будущего в дне сегодняшнем. Был человеком, который знал тенденции будущего развития и из анализа этих тенденций оценивал и строил день сегодняшний. Он не кабинетный идеолог, а практик, руководитель и созидатель будущего уже сегодня, сейчас, в дне нынешнем. И этой своей ипостаси он никогда не изменял. Всегда честно, всегда принципиально, всегда вооруженный знаниями, практическими аргументами отстаивал Степан Арамаисович построение разумной, счастливой, достойной вызовов XXI века экономики России.

Академик Сергей Глазьев: штрихи к портрету ученого и политика*

Судьба со студенческих лет связала меня с этим человеком. На экономическом факультете Московского университета мы учились фактически в одно и то же время: в 1978 году, когда он перешел на первый курс факультета с мехмата, я был на втором. Мы оба активно участвовали в вузовской научной жизни, в которую на экономическом факультете традиционно стремились вовлекать даже младшекурсников. А более тесно стали общаться в 1982 году, после моего избрания председателем факультетского Научного студенческого общества и вхождения в связи с этим в Совет молодых ученых МГУ. Могу авторитетно засвидетельствовать: выступления и доклады Сергея на молодежных научных форумах были изначально неформальны, глубоки и оригинальны, отражали собственную позицию автора по рассматриваемым вопросам (хотя далеко не всем «взрослым» нравились его твердость в отстаивании своих убеждений, самостоятельность в оценках и суждениях). Глазьев почти всегда побеждал или занимал призовые места по итогам проводимых на факультете студенческих конкурсов и общеуниверситетских конкурсов работ молодых ученых по обществоведческой тематике.

Когда по окончании университета Сергей начал восхождение к высотам науки в Центральном экономико-математическом институте АН СССР, а я стал работать в «Экономической газете», мы продолжили общение — дружеское и деловое. Глазьев выступал в газете, поднимая актуальные и дискус-

* Вступительная статья к книге: С. Глазьев. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. См. также: Российский экономический журнал, № 5, 2010; Честь. Усердие. Слава. Во благо Отечества. Справочно-энциклопедическое издание. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2014.

сионные проблемы, помогал редакции налаживать контакты с научными лидерами ЦЭМИ, в том числе со своим научным руководителем, замечательным ученым Д.С. Львовым.

И в период своего пребывания в 1992–1993 годах в составах двух первых постсоветских правительств («ельцинско-гайдаровского» и «черномырдинского») Глазьев оставался доступным для прессы и неизменно оказывал редакции ценную помощь, в частности, своими квалифицированными консультациями по сложным мирохозяйственным сюжетам. Причем было очевидно, что первый заместитель, а затем министр внешнеэкономических связей занимает особую позицию по тем вопросам «интеграции новой России в глобальную экономику», волонтаристское решение которых его начальниками чревато угрозами национальным интересам, что он не держится за свое кресло, что высокий пост для него — не самоцель, а средство сильного содействия реализации этих интересов.

Будучи маститым ученым, Глазьев — вовсе не «засушенный ботаник», он обладает хорошим чувством юмора, ценит аналогичное качество у других людей и не чужд интеллектуальным пикировкам. В этом смысле показателен следующий наш разговор в кулуарах состоявшегося в июне 2010 года в Пекине Международного форума «Диалог цивилизаций». «Сергей, хочешь посмеяться? Обрати внимание на заголовок одного из материалов, тезисы которых мы получили. Сюй Минчи, президент Центра Европы Шанхайской академии общественных наук, назвал свой доклад так: «Кризис суверенной задолженности «европейских свиной», евро и европейская экономика». Зачитываю первый абзац: «Кризис суверенной задолженности «европейских свиной» становится глобальной фокусной проблемой. Этот кризис проявил не только слабость экономик и госбюджетов, но и недостатки присущего европейской экономической инте-

грации механизма. Это, впрочем, не означает скорый крах евроинтеграции».

О каких «свиньях» речь? Оказывается, PIGS — это аббревиатура, то есть первые английские буквы названий европейских стран, имеющих крупные неприятности, связанные с огромными бюджетными дефицитами и госдолгами, — Португалии, Ирландии, Греции и Испании. Их запредельная госзадолженность ослабляет позиции евро и провоцирует протестные выступления населения против соответствующих госпрограмм экономии бюджетных средств, сокращения зарплат и пособий.

Глазьев рассмеялся и сказал, что именно эти страны действительно подкладывают делу упрочения евровалюты и всему процессу евроинтеграции приличную свинью — китайский ученый невольно попал, как говорится, не в бровь, а в глаз. И неожиданно продолжил возникшую «китайско-глазную» тему: «А знаешь, в КНР переведена одна из моих книг, и на ее обложке изобразили... глаз».

Его реплика побудила меня к размышлению: а ведь китайцы с их образным восприятием слов, идущим, видимо, от иероглифического письма, и в этом случае оказались правы — есть некое символическое созвучие фамилии и личности Глазьева. Ученый пристально, заинтересованно и квалифицированно вглядывается в экономику, видит и общую тенденцию народно-хозяйственного развития, и факторы, препятствующие ее реализации; его «свежий глаз» улавливает многое из того, что скрыто от нашего глаза, зачастую суетливо-замыленного...

После изменения общественного строя в нашей стране и распада СССР стало модным вести разговоры о поражении социализма в историческом соревновании с капитализмом, об утверждении монополярного мира и безраздельного господства рыночных критериев в развитии глобального

и национальных хозяйств. В этой специфической атмосфере «победившего» рыночного фундаментализма сформировались современные официальные подходы к модернизации отечественной экономики, основанные на парадигме «больше рынка, меньше государства». При этом «ущербность» российских модернизационных институтов связывается с «избыточным» присутствием национального государства в экономике. Успех здесь считается возможным лишь на путях подчинения экономических процессов управленческим воздействиям сугубо рыночных механизмов внутри страны и внешним воздействиям глобальных институтов, превращения национального хозяйства в региональный кластер мировой экономики и адаптации внутренней политики к условиям функционирования мирового рынка. Соответственно роль государства должна ограничиться обеспечением финансовой стабильности, созданием политических условий для привлечения иностранных инвестиций, которые и принесут-де в российскую экономику новые знания, новые технологии и новые продукты. Согласно таким подходам, России дозволяется проводить лишь стратегию «догоняющего развития» под контролем глобальных ТНК.

Против таких подходов решительно выступает С.Ю. Глазьев — самый молодой ныне академик в экономической секции Отделения общественных наук РАН. В его капитальной монографии, оперативно выпущенной Издательским домом «Экономическая газета» в самом начале 2011 года к 50-летию ученого, доказывается, что «догоняющая модернизация» обрекает Россию на необратимое технологическое отставание, невосполнимую утрату «инновационной ренты». А для обеспечения конкурентных преимуществ и вывода российской экономики на траекторию быстрого, устойчивого и высококачественного роста императивны разработка и реализация стратегии опережающего развития. Это

определяется, с одной стороны, спецификой постсоветского состояния национального хозяйства, а с другой — неравномерностью экономического прогресса различных стран, обусловленной процессами смены длинных волн мегатехнологической динамики и соответствующих господствующих в мире технологических укладов, которые формируются на основе собственной внутренней логики и внутренних закономерностей своего воспроизводства, не связанных с однополярностью мира и тотальным господством рыночных критериев. По Глазьеву, процессы замещения одних технологических укладов другими сопровождаются появлением особого синергетического эффекта, обусловленного не только развертыванием производств ядра нового уклада, но и перестройкой технологических цепочек уклада прежнего, соответствующей адаптацией инфраструктурных отраслей, а также приоритетным задействованием социальных факторов укладной трансформации. Все это и призвана обеспечить новая — альтернативная радикально-либералистской — социально-экономическая политика нашего государства.

Выпущенная нами монография «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» не только воплощает результаты многолетних научных изысканий С.Ю. Глазьева, но и характеризует гражданскую позицию ученого, его политические убеждения и нравственные позиции, его человеческие качества...

Сергей Юрьевич Глазьев родился 1 января 1961 года в городе Запорожье. Его отец, Юрий Сергеевич, был мастером на крупнейшем металлургическом комбинате СССР — «Запорожстали», а мать, Валентина Ивановна, работала инженером-проектировщиком во Всесоюзном институте титана. В родословной будущего ученого-экономиста переплелись русские и украинские начала. Глазьевы прибыли в Екатери-

нославскую губернию из-под Воронежа в конце XIX века и основали в гуляйпольской степи крепкое крестьянское хозяйство. В период коллективизации они уехали работать на шахты в Донбасс, а затем, в годы индустриализации, перебрались в Ярославль, где и родился отец Сергея. Прадед по материнской линии — Андрей Опалатенко — во время Октябрьской революции организовал один из первых в упомянутой Екатеринославской губернии сельсовет; он был убит бандитами в ходе Гражданской войны. Оба деда — активные участники Великой Отечественной войны: Иван Задорожный, дед по материнской линии, погиб в феврале 1944 года в боях за освобождение Херсонщины; дед по отцовской линии — Сергей Глазьев — получил тяжелое ранение и в послевоенное время вернулся в Запорожье.

Русско-украинская родословная, органическая общность исторических судеб великоросских и малороссийских предков и родственников, веками живших в составе единого государства, имевших одну культуру и общие в своих славянских корнях языки, оказали большое воздействие на формирование личности, характера и мировоззренческих ценностей С.Ю. Глазьева, его жизненных установок, последующего резко негативного отношения к распаду СССР и разделению братских народов по «национальным квартирам» со всеми известными, включая нынешние кровавые украинские последствиями.

Рождение в семье Глазьевых сына в первый новогодний день было воспринято его родителями, их друзьями и знакомыми как новогодний подарок. Сережа рос, окруженный теплом и заботой, подобно большинству своих сверстников посещал ясли и детский сад. Школа, в которой он учился, была русской, однако в таких школах в УССР обстоятельно изучались украинский язык и культура. Школьников учили уважению к своей стране, к ее многонациональному народу,

к своему прекрасному городу, отстроенному после войны, к горожанам, которые, в частности, не только в кратчайшие сроки восстановили ведущее советское металлургическое предприятие, но и вдохнули в него новую жизнь: продукция «Запорожстали» обрела известность в мире. Природные способности, как и изначально проявившиеся упорство и целеустремленность, позволили Сергею отлично сдать экзамены на аттестат зрелости. Хорошо усвоил он и первые уроки патриотизма и нравственности, о чем свидетельствуют вся его последующая деятельность, его научные труды и его гражданская позиция в период реформационного лихолетья.

В 1978 году, сразу после окончания школы, Глазьев, блестяще выдержав исключительно жесткие конкурсные испытания, поступил сначала на механико-математический, а затем перешел на экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Выбор не был случайным: экономический факультет МГУ являлся признанным в СССР и в мире учебным и научным центром, готовившим кадры высококвалифицированных специалистов в области экономической теории и управления экономикой. Не был случайным и выбор специальности «Планирование народного хозяйства и экономическая кибернетика»: обучение предполагало наряду с фундаментальной общетеоретической (политэкономической) подготовкой овладение новейшими технологиями планового управления экономикой с использованием методов экономико-математического моделирования и программирования, принципов разработки межотраслевых балансов и оптимизации хозяйственных процессов. Набор компетенций, предлагавшийся программой подготовки специалистов в области планирования и экономической кибернетики, обеспечивал высокую престижность этой специальности.

На экономическом факультете МГУ на рубеже 1970–1980-х годов трудилась плеяда замечательных ученых — теоретиков и практиков; занятия вели сотрудники фактически всех столичных академических институтов экономического профиля и ответственные работники многих органов руководства плановой экономикой. Общая экономическая теория была представлена лидерами «цаголовской школы» политической экономии во главе с самим профессором Н.А. Цаголовым, конкретные экономические науки — такими знаменитыми исследователями, как академик Т.С. Хачатуров, профессора Г.А. Егиазарян, А.М. Емельянов, Г.Х. Попов, М.В. Солодков, А.Д. Шеремет и другие. Коллективы кафедр (политической экономии, планирования народного хозяйства, экономики промышленности, экономики сельского хозяйства, экономики непродовольственной сферы, управления общественным производством, математических методов анализа экономики, учета и анализа хозяйственной деятельности, экономической статистики; перечень можно продолжить) вели помимо учебной интенсивную научную работу по проблемам управления развитием разных уровней народного хозяйства — предприятий, отраслей, межотраслевых и региональных комплексов, единого народно-хозяйственного комплекса в целом. К этой работе широко привлекались студенты и аспиранты, что обеспечивало важную сторону «амальгамы» науки и практики, составлявшую отличительную черту обучения специалистов на факультете.

Трудно переоценить тот вклад, который внесли в подготовку экономистов «планово-кибернетического» профиля такие корифеи советской экономической науки, как А.И. Анчишкин и С.С. Шаталин. В годы учебы Глазьева эти ученые с мировым именем (тогда еще члены-корреспонденты, а впоследствии — действительные члены АН СССР) вели активную преподавательскую деятельность и даже некоторое

время возглавляли факультетскую кафедру планирования народного хозяйства. Они не только щедро делились своими знаниями со студентами, но и способствовали установлению тесных контактов экономического факультета МГУ со структурными подразделениями Госплана СССР, а также с Центральным экономико-математическим институтом АН СССР — главным общесоюзным центром соответствующих исследований. Сотрудники этих учреждений часто привлекались к преподавательской деятельности, выступали в качестве руководителей как курсовых и дипломных работ, преддипломной практики студентов, так и научных исследований аспирантов.

Творческая обстановка, сложившаяся в тот период на факультете, непосредственные контакты с ведущими учеными и специалистами страны, равно как и доступность необходимых учебно-методических и научных материалов, создавали условия для раскрытия способностей и дарований студентов. Глазьев учился увлеченно и целеустремленно, активно участвовал в факультетской и университетской исследовательской жизни, о чем речь уже шла выше. Упорство, проявляемое им в учебе и научной работе, стремление доводить до конца начатое дело вызывали уважение сокурсников и преподавателей, и к концу обучения в общественном мнении факультета Глазьев выглядел как талантливый и подающий большие надежды выпускник.

С отличием окончив в 1983 году экономический факультет МГУ, Глазьев поступил в аспирантуру Центрального экономико-математического института АН СССР — одного из ведущих в академической системе институтов экономического профиля. Здесь трудилось более 1200 сотрудников, имелась мощная материально-техническая база, включая вычислительный центр; соответственно в научных исследованиях наряду с традиционными широко использовались

новейшие методы математического моделирования с применением электронно-вычислительной техники. В 1980-е годы в ЦЭМИ работала сплоченная команда крупнейших, в том числе с мировыми именами, специалистов в области народно-хозяйственного планирования и прогнозирования. Возглавлял институт академик Н.П. Федоренко (одновременно являвшийся академиком-секретарем Отделения экономики АН СССР), которого сменил на этом посту академик В.Л. Макаров, а среди сотрудников были доктора экономических наук и профессора Э.Ф. Баранов, Э.Б. Ершов, Д.С. Львов, А.С. Некрасов, Ю.В. Овсиенко, Н.Я. Петраков, В.Ф. Пугачев, Н.М. Римашевская, Б.П. Суворов, Ю.В. Яременко и другие выдающиеся ученые. Неудивительно, что аспирантам и молодым ученым ЦЭМИ обеспечивал не только все условия для проведения научной работы, но и широкие перспективы карьерно-профессионального роста.

В качестве предмета своей диссертации аспирант Глазьев выбрал закономерности и механизмы долгосрочного технико-экономического развития. Интерес к этой теме возник у него после ознакомления с теорией «длинных волн экономической конъюнктуры» Н.Д. Кондрагьева, а также по итогам размышлений над результатами междисциплинарных исследований в рамках разработки в 1980-х годах в СССР всемирно знаменитой долгосрочной Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий. Научным руководителем молодого ученого стал Д.С. Львов — авторитетный в стране специалист в области макроэкономической динамики. Профессор, а в дальнейшем академик Львов сыграл важную роль в жизни Глазьева, последовательно поддерживая его научные инициативы. Долгие годы, вплоть до самой кончины Дмитрия Семеновича в 2007 году, их связывали дружеские, сердечно-доверительные отношения.

После блестящей защиты в 1986 году беспартийным аспирантом кандидатской диссертации он получает в ЦЭМИ АН СССР должность младшего научного сотрудника и в последующие пять лет (1986–1991) достигает впечатляющих успехов в научной карьере. Уже в 1990 году происходит защита его докторской диссертации, в которой получила развитие «укладно-длинноволновая» концепция долгосрочной мегатехнологической динамики, и Глазьев становится руководителем одной из научно-исследовательских лабораторий ЦЭМИ. Во второй половине 1980-х годов он еще далек от политики как профессиональной деятельности, ибо целиком поглощен наукой, своими теоретическими выкладками и своей лабораторией...

Все, однако, меняется в начале десятилетия 1990-х. После развала СССР тридцатилетний ученый входит в состав первых двух правительств новой России: становится первым заместителем министра, а с декабря 1992 года — министром внешних экономических связей. Однако в отличие от большинства членов правительственной команды «первопроходцев-реформаторов», открыто приверженных адекватному указанию с Запада, но губительному для экономики и социальной сферы нашей страны курсу «шоковой терапии» (и потому не без мазохистской кокетливости именовавших себя «камикадзе»), он твердо намеревается отстаивать в федеральном кабинете министров общенациональные интересы и выстраивать экономически сильное государство, максимально реализуя свой потенциал ученого и патриота.

В своем новом статусе С.Ю. Глазьеву удастся добиться введения валютного контроля, сокращающего масштабы нелегального вывоза из страны капитала, и запустить в действие механизм взимания таможенных пошлин с экспорта топливно-энергетических и других сырьевых ресурсов, ставший единственным способом изъятия в доход государства

природной ренты, обеспечивающим до трети бюджетных поступлений; были разработаны также меры защиты внутреннего рынка от недобросовестной конкурентной экспансии импортеров. Четкая линия министра на отстаивание национальных интересов во внешнеэкономической деятельности встретила ожесточенное, порой переходившее в травлю, сопротивление тех сил в коридорах власти и в сфере бизнеса, которые выступали за дальнейшее углубление деструктивных радикально-либералистских реформ. Характерно, что Глазьев оказался единственным из всего состава «черномырдинского» правительства, кто открыто заявил об антиконституционном характере печально знаменитого президентского указа от 21 сентября 1993 г. № 1400 («О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»), который предписывал Съезду народных депутатов и Верховному Совету прекратить свою деятельность и предусматривал проведение в декабре выборов в Госдуму. В знак протеста он подал заявление об отставке с поста министра внешнеэкономических связей РФ, которое было удовлетворено. Однако это ознаменовало не окончание, а лишь старт нового этапа политико-государственной деятельности С.Ю. Глазьева, получившей различные направления.

Общий стаж государственной службы Глазьева ныне превышает 20 лет, и соответствующий послужной список многообразен. Он занимал высокие должности в органах и законодательной, и исполнительной власти, причем одни посты являлись публичными, выборными, другие — административными. Если в 1992–1993 годах, как уже отмечалось, он был министром внешнеэкономических связей России, то в 1994–1995 годах избирался депутатом Государственной Думы, возглавлял думский Комитет по экономической политике. В 1996 году он назначается на должность начальника Управления экономической безопасности аппарата Совета

Безопасности РФ, а в 1996–1999 годах работает начальником Информационно-аналитического управления аппарата Совета Федерации. В 1999–2007 годах вновь избирается депутатом Государственной Думы (третьего и четвертого созывов), являясь руководителем Комитета по экономической политике и предпринимательству, а также членом Комитета по охране здоровья и Комитета по финансовым рынкам и кредитным организациям. Особый эпизод биографии политика — успех на парламентских выборах 2003 года созданного им избирательного блока «Родина» и участие в президентских выборах 2004 года с выходом по их итогам на третье место. С ноября 2008 года С.Ю. Глазьев — заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества, причем с февраля 2009 года — также Ответственный секретарь Комиссии Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. С августа 2012 года — советник Президента Российской Федерации по вопросам реинтеграции постсоветского экономического пространства...

Деятельность С.Ю. Глазьева в качестве политика и госслужащего высших эшелонов управления контрастирует с моделью поведения типичного постсоветского функционера, описываемой в СМИ с употреблением таких эпитетов, как «чиновничий произвол», «безответственность», «тупость», «сидение на кормлении», «мздоимство» и т.п. В отличие от бесчисленных представителей властно-управленческих «элит» он не использует служебное положение в личных интересах, не участвует в коррупционных процессах, нарастающих пропорционально увеличению армии чиновников. От радикальных политиков «правого» и «левого» толка, для которых провоцирование в стране «великих потрясений» составляет едва ли не главный смысл социальной активности, Глазьева отличает убежденность в необходимости эволю-

ционного строительства сильного государства, способного проводить эффективную социально-экономическую политику в интересах своих граждан. Наконец, он выглядит белой вороной в том отношении, что, занимая высокие госдолжности, не прекращает интенсивно заниматься наукой. Эта творческая активность, достоверность результатов которой связана с великолепным владением как современным аналитическим инструментарием, так и новейшей информацией по ключевым направлениям социально-экономического развития страны, очевидно, и придает С.Ю. Глазьеву уверенность и независимость в ответственной управленческой работе, отмечаемые и его сторонниками, и его оппонентами.

Еще в 1993 году Глазьев опубликовал монографию «Теория долгосрочного технико-экономического развития», в которой выявлены «длинноволновые» закономерности формирования и смены технологических укладов в глобальном масштабе, раскрыты причины неравномерности данных процессов, охарактеризованы механизмы структурных сдвигов в мировой и национальных хозяйственных системах, а также сопряжения этих мега- и макроуровневых сдвигов. Выход книги принес ее автору широкую известность, а для самого ученого-политика полученные выводы стали теоретической основой разработки стратегии долгосрочного социально-экономического развития России, альтернативной официальному реформационному курсу. Во второй половине 1990-х — первой половине 2000-х годов он опубликовал по соответствующей проблематике цикл статей в научно-экономической периодике, прежде всего в журнале «Вопросы экономики» и в «Российском экономическом журнале». Основные идеи этих публикаций, включая системные позитивные предложения по формированию активной структурно-промышленной политики, системы макропрограммирования и индикативного макроплани-

рования, развертыванию финансово-кредитных механизмов стимулирования экономического роста, возвращению государству рентных доходов недропользователей, госрегулированию деятельности естественных монополий, усилению социальной политики, и другие нашли свое отражение в пакете проектов законодательных актов, которые под руководством Глазьева были подготовлены в Федеральном Собрании. Так, из Комитета по экономической политике Госдумы первого созыва, в частности, вышли следующие законопроекты: «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (позже уже в качестве председателя Комитета по экономической политике и предпринимательству Госдумы третьего созыва Глазьев инициировал законопроект «О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»), «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», «О восстановлении и защите сбережений граждан», «О поставках продукции для федеральных государственных нужд», «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции».

За год до краха в августе 1998 года финансовой системы страны в Информационно-аналитическом управлении Совета Федерации под руководством Глазьева был подготовлен доклад, посвященный проблемам финансирования экономического роста. По сути, это был документ о надвигавшейся вследствие деструктивной политики денежных властей финансовой катастрофе, в котором (как и в статьях конца 1997 — начала 1998 года в «Вопросах экономики», «Российском экономическом журнале» и других периодических изданиях) обосновывался комплекс конструктивных мер по ее предотвращению. Однако тогдашнее минфиновско-центро-

банковское руководство осталось глухим к предостережениям и рекомендациям высококлассных профессионалов. Поэтому ряд глазьевских предложений по модернизации бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики использовался уже после дефолта — в рамках «примаковской» программы антикризисных мер, сыгравшей ключевую роль в оздоровлении экономики.

В конце 2005 года увидела свет новая книга ученого-политика «Выбор будущего», ставшая конструктивно-критической реакцией автора прежде всего на радикальные реформы социальной сферы, развернувшиеся в стране с начала нового столетия. Опровергая утверждения доморощенных радикальных либералов — ревнителей концепции «экономики дешевого работника» об «избыточности» социальных госрасходов, об их «затратно-иждивенческой» природе, Глазьев подробно характеризует объективно созидательные функции таких расходов в современной экономике, последовательно и убедительно развивает тезис, согласно которому их наращивание, обеспечение социальной справедливости и социальной ответственности в экономической политике государства (и в бизнес-деятельности) становятся важнейшими факторами быстрого, устойчивого и высококачественного народно-хозяйственного роста.

Результаты проведенных Глазьевым в 2000-х годах исследований социальных факторов и источников экономического роста и модернизации национальной экономики были опять-таки представлены в его многочисленных выступлениях в научной периодике и в СМИ, а также в пакете законопроектов, разработанных думским Комитетом по экономической политике и предпринимательству; например, в проекте федерального закона «Об ответственности органов федеральной исполнительной власти за обеспечение конституционного права граждан на достойную жизнь и свободное

развитие». В условиях присущих всему «второму постсоветскому политическому циклу» тотальной маркетизации социальной сферы и трансформации государства из производителя и гаранта предоставления населению бесплатных «публичных благ» в торговца социальными благами и услугами по монопольным ценам идеи Глазьева о расширении социальных расходов, становящихся решающим фактором структурной перестройки и роста национальной экономики, обрели поддержку не только научной общественности, но и парламентской оппозиции, а главное — широких слоев населения. Упомянутое третье место политика-ученого в выборной президентской кампании–2004 (а также третье же место на выборах в 2002 году губернатора Красноярского края с результатом в 21,6% голосов) — наглядное тому подтверждение.

С середины 2000-х годов под руководством С.Ю. Глазьева развернулась интенсивная и высокорезультативная в практическом плане научная проработка возможностей реинтеграции постсоветского пространства в рамках Евразийского экономического сообщества, и прежде всего ядра этой интеграционной группировки — Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. В кратчайшие сроки были завершено формирование Таможенного союза (принят его Кодекс) и создана единая для стран-участниц система внешнеторгового, таможенного и технического регулирования — основа функционирования единого экономического пространства, общего рынка товаров, услуг, труда и капиталов. Комиссия Таможенного союза, аппарат которой возглавлялся Глазьевым, впервые в постсоветской истории осуществляла в 2009–2011 годах функции наднационального органа по администрированию единой таможенной территории.

Занимаясь выстраиванием Таможенного союза и Единого экономического пространства (юридически оформленного

с начала 2012 года), равно как и концептуальным обоснованием теперь уже созданного Евразийского экономического союза (который начнет полноценно функционировать с 2015 года и к которому в ближайшее время присоединятся Армения и Киргизия), Глазьев в качестве ученого и политика сделал все от него зависящее для вовлечения в эту интеграционную группировку Украины, что жизненно необходимо, по его убеждению, для российского и украинского народов, равно как и для народов других республик бывшего единого государства. Этот вектор деятельности Глазьева, органично сопрягаемый с его упомянутыми «украинскими корнями», во многом подготовлен его предыдущей, начавшейся еще в МВЭС России, активностью в области сохранения двустороннего хозяйственного сотрудничества наших стран на основе отношений свободной торговли, в том числе в сфере кооперационных связей между машиностроительными предприятиями России и Украины, производящими наукоемкую высокотехнологичную продукцию. Глазьев упорно разрабатывал экономические модели эффективного взаимодействия России и Украины, стал одним из создателей Российско-украинского форума — экспертно-общественной организации, которая, кроме прочего, в разгар мирового финансово-экономического кризиса приняла действенное участие в подготовке для Украины программы антикризисных действий до 2020 года, получившей высокую оценку экономистов и представителей власти. Конкретные, подтвержденные модельными расчетами аргументы в пользу эффективности вовлечения РУ в евразийский интеграционный процесс и губительности — в процесс европейский содержатся в публикациях Глазьева и в «Российском экономическом журнале» (см., в частности статью «Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России»

в шестом номере за 2011 год), а также в недавно выпущенной одной из дочерних структур Издательского дома «ЭГ» книге ученого и его соратников (см.: *Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П.* Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. — М.: ВИКОР-МЕДИА, 2013).

И, конечно, не вина, а беда и личностная трагедия Глазьева — тот ход событий на Украине после февраля 2014 года, кровавые и труднопредсказуемые по геополитическим последствиям реальности которого потрясли весь мир, прежде всего «мир русский». В любом случае Сергей Юрьевич — один из разработчиков новейшей «украинской» политики России, включая присоединение Крыма и ответные акции на развязанную против нашей страны «санкционную войну».

Итак, будучи активно действующим политиком, С.Ю. Глазьев в то же время — известный в России и за ее пределами ученый. Он автор более 200 научных работ, в том числе ряда монографий и крупноформатных докладов по актуальнейшим, поистине судьбоносным, проблемам социально-экономического развития страны; в этом смысле показателен и его монографический труд, выпущенный летом 2010 года издательством «Экономика», — «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса». Естественным признанием творческих достижений Глазьева научной общественностью стало избрание его в 2004 году членом-корреспондентом, а в 2008 году — действительным членом Российской академии наук...

Академик Глазьев известен и как последовательный сторонник возрождения традиционных для России духовно-нравственных, включая религиозные, ценностей, их активного задействования на благо социально-экономического прогресса страны. Вот только некоторые его соответствующие конкретные заслуги: активное участие

в разработке (под эгидой Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви) «Свода нравственных принципов и правил хозяйствования», принятого на Всемирном Русском Народном Соборе в 2004 году; инициирование и авторство законопроекта «О признании имущественных прав религиозных организаций», ряд положений которого получил продолжение в действующем российском законодательстве; подготовка и внесение в парламент проекта федерального закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций».

С.Ю. Глазьев является сопредседателем Союза православных граждан — авторитетной организации, способствующей углублению диалога церкви с обществом и государством. В этом качестве он постоянно встречается с православной общественностью, предлагает различные общественные инициативы, публикуется в России и за рубежом. Одна из его работ по этой проблематике — статья «Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России», вошедшая в сборник «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние», выпущенный в 2008 году Институтом экономических стратегий.

В 2009 году ученый был включен в состав экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Кирилле и внес значительный вклад в разработку документов, отражающих церковно-общественную позицию в отношении мирового финансово-экономического кризиса; Глазьевым акцентирована одна из его причин — деградация нравственной мотивации хозяйствования. Эту тему он ныне развивает с трибуны ежегодных всемирных русских народных соборов, обращаясь, в частности, к православным ближнего и дальнего зарубежья. Особо внимательно к его словам, естественно, прислушиваются белорусы и украинцы, тем более что он — один

из организаторов Собора славянских народов Белоруссии, России и Украины, ставшего выразителем мнения тех кругов общественности трех стран, которые по-прежнему считают их братскими...

Выпущенная Издательским домом «ЭГ» юбилейная монография С.Ю. Глазьева «Уроки российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» посвящена конкретизации концептуальных основ стратегии социально-экономического развития России применительно к условиям глобальных структурно-технологических сдвигов и кризиса мировой капиталистической системы. В этом фундаментальном труде — итоге четвертьвековых творческих усилий автора — резюмируется и развивается разработанная им теория долгосрочной мегатехнологической динамики, базируемой на закономерной смене длинных волн и замещении соответствующих технологических укладов. Читателю предлагается развернутое обоснование стратегии *опережающего народно-хозяйственного развития*, дополнительные «окна возможностей» которого для России открываются новейшими глобальными финансово-экономическими потрясениями.

Необходимость разработки и реализации такой стратегии связывается автором, *во-первых*, с полным провалом, скандальным банкротством радикально-либералистской «шоко-терапевтической» модели реформирования национальной экономики, примененной в постсоветской России в 1990-х годах. В первом разделе монографии, названном «Катастрофа вместо реформы», на основе мобилизации огромного эмпирического материала убедительно показано, что непосредственными результатами соответствующих революционных по сути преобразований стали: беспрецедентное для мирного времени разрушение производственного, научно-технического и человеческого потенциалов страны, утра-

та еѹ статуса великой державы; «структурная перестройка наоборот», приведшая к установлению устойчиво сырьевой ориентации отечественной экономики; поразившее мир вопиюще несправедливое перераспределение собственности, запредельная имущественно-доходная дифференциация общества; отчуждение народа от власти, чудовищная корруппированность иерархии властно-управленческих структур; массовая криминализация экономической и других сфер общественной жизнедеятельности; исключительно негативные сдвиги в системе духовно-нравственных ценностей россиян. Разразившийся в августе 1998 года финансовый кризис, проявившийся, кроме прочего, в объявлении дефолта по гособязательствам, продемонстрировал абсолютную реформационную несостоятельность навязанной обществу идеологии неолиберализма, рыночного фундаментализма.

Во-вторых, эта необходимость диктуется не менее печальными (причем в конечном счете и предопределившими максимальную среди стран «двадцатки» «чувствительность» России к нынешнему глобальному финансово-экономическому кризису) итогами постдефолтного псевдовосстановительного роста, который был обусловлен продолжением разрушительного радикально-либералистского реформационного курса в условиях резко изменившейся (ставшей с конца 1990-х годов уникально благоприятной для страны) мирохозяйственной конъюнктуры. Согласно Глазьеву, специфический макродинамический феномен этого «восстановительного роста» явился даже не просто соотносимым с позорно низкой (дополнительно обвалившейся в результате дефолта) исходной базой «ростом без развития», опиравшимся лишь на внешние факторы, главным образом на беспрецедентно высокий уровень цен на нефть и другие экспортируемые Россией товары, включая газ, металлы и прочее энергоемкое сырье. Речь правильнее вести о «росте

с антиразвитием», то есть о росте, сопровождавшемся дальнейшим разрушением научно-производственного и человеческого потенциалов страны, запредельным усилением ее региональной социально-экономической дифференциации, закреплением российской экономики на глобальной сырьевой периферии. Во втором разделе монографии, озаглавленном «Упущенные возможности», опять-таки на огромной фактической базе, с использованием многочисленных таблиц, графиков и диаграмм, доказано: возникшие в конце 1990-х годов исключительно благоприятные внутренние (прежде всего постдевальвационные) и внешнеэкономические возможности развертывания прогрессивной структурной народно-хозяйственной перестройки — обеспечения ускоренного развития обрабатывающей, в первую очередь высокотехнологичной, промышленности и индустрии народного потребления — были не просто бездарно упущены в 2000-е «тучные нефtedолларовые» годы. Они оказались реализованными «с точностью до наоборот» правящими рыночными фундаменталистами, которые вопреки своей державно-патриотической риторике занимались главным образом профицитной бюджетной политикой и созданием гигантских внебюджетных валютных «кубышек» (что на практике превратилось в льготное кредитование стратегических конкурентов России), с одной стороны, ужесточением социальной политики (монетизацией ранее натуральных социальных льгот, маркетизацией сфер здравоохранения, образования, науки и культуры) — с другой.

Наряду с необходимостью выхода на траекторию опережающего развития в книге акцентируются те новые и, похоже, образующие последний шанс на «российское экономическое чудо» соответствующие возможности, которые предоставил глобальный финансово-экономический кризис, кстати сказать, давно, но безответно — в смысле отсутствия

какой-либо реакции федеральных властей — предсказывавшийся автором монографии и рядом его единомышленников (см., например, № 7 «Российского экономического журнала» за 2001 год). Обстоятельное выявление таких возможностей и, главное, системно-концептуальное обоснование стратегии их реализации, одновременно являющейся лучшей антикризисной стратегией, — содержание третьего раздела монографии, названного «Стратегия развития российской экономики в условиях глобального кризиса».

Речь идет, стоит повторить, о стратегии опережающего развития, развертывание которой способно превратить Россию в одного из мирохозяйственных лидеров. Шанс на успешное проведение такой стратегии Глазьев сопрягает с теми преимуществами в формировании нового — шестого — технологического уклада (основанного на способности человека конструировать на молекулярном уровне структуры неживой и живой материи), которые появились у нашей страны в условиях глобального кризиса. Суть дела состоит в следующем: если в ведущих капиталистических державах становление ядра нового технологического уклада, охватывающего нано-, био- и информационно-коммуникационные технологии, сопровождается беспрецедентными финансовыми потрясениями, в первую очередь массовым обесценением основного капитала, являющегося фундаментом устаревающего (пятого) технологического уклада (базируемого прежде всего на микроэлектронике и традиционных информационных технологиях), то экономика России, где расширение пятого уклада происходило на импортной основе и носило догоняющий характер, оказалась не отягощенной избыточными мощностями прежнего уклада. Отсюда и возможность опередить развитые страны в освоении «ядерных» производств нового уклада, успев тем самым «оседлать» разгоняющуюся новую длинную волну глобального экономического

роста еще до структурной перестройки мировой экономики в целом.

Естественно, реализация такой возможности мыслима лишь на основе альтернативного рыночно-фундаменталистскому социально-экономического курса, предполагающего прежде всего развертывание государством активной промышленной и структурно-инвестиционной политики. Энергично и умело задействуя ее инструменты, надлежит, настаивает Глазьев, обеспечить концентрацию инвестиционных ресурсов на приоритетных («ядерных») отраслевых направлениях становления нового технологического уклада, включая прежде всего наноэлектронику, индустрию наноматериалов и микробиологические производства, а также сосредоточиться на обновлении «несущих» отраслей этого уклада. В их составе остаются «ядерные» отрасли пятого уклада (микроэлектроника и электротехника, приборостроение, радиотехническая промышленность и индустрия средств связи, авиационный и ракетно-технический комплексы, атомная энергетика и др.), но благодаря использованию тех же нанотехнологий и наноматериалов сюда могут войти также, в частности, сельское хозяйство и здравоохранение, химико-металлургический комплекс, строительство, судостроение и автомобилестроение.

При реализации стратегии опережающего развития необходимо, по мнению автора монографии, следовать специально разработанной «дорожной карте», в связи с чем Глазьевым формируются две принципиальные рекомендательные позиции — «маршрутная» и «временная». *Во-первых*, требуются не только сосредоточение ресурсов на перспективных направлениях становления нового технологического уклада (на его «ядерных» и «несущих» производствах), но и искусное использование «смешанной», дифференцированной стратегии продвижения по этим направлениям. На тех из

них, где отечественный научно-производственный комплекс имеет конкурентные преимущества (прежде всего в производстве отдельных видов наноборудования, наноматериалов и нанопокровов, в атомной, ракетно-космической и авиационной промышленности, равно как и в создании и использовании лазерных технологий), возможно и целесообразно применение стратегии лидерства, опережающего освоения соответствующих ниш глобального рынка. На направлениях, где налицо наше резкое отставание от мирового уровня, в том числе в нанoeлектронике, создании нанобиотехнологий, в судо- и автомобилестроении, логично применять стратегию догоняющего развития. Наконец, там, где конкурентные преимущества сочетаются с относительно небольшим отставанием, в частности в нанофотонике и электротехнической индустрии, следует практиковать стратегию опережающей коммерциализации НИОКР. Последние, впрочем, при осуществлении любой стратегии должны пользоваться акцентированной господдержкой, обеспечивающей радикальный рост их интенсивности и результативности.

Во-вторых, с учетом нарастающего общего технологического отставания российской экономики и угрожающей деградации национального интеллектуального потенциала время реального выбора инновационного пути народно-хозяйственного развития ограничено ближайшими тремя-четырьмя годами. В процессе утверждения нового технологического уклада стремительно возрастает капиталоемкость его производств, а значит, если «оседлать» новую длинную волну технико-экономического роста относительно легко именно в ходе ее «разгона» — при опоре на наличные научные заделы в соответствующих технологиях, то после вступления данного уклада в фазу зрелости для этого потребуются колоссальные инвестиции. И коль скоро возможности структурной перестройки российской экономики

на основе шестого технологического уклада будут упущены, ее дальнейшая эволюция пойдет по традиционному для всего постсоветского периода инерционному сценарию, загоняющему страну на сырьевую мирохозяйственную периферию.

Иными словами, в условиях спровоцированных либералистскими реформами «закритической» изношенности основных фондов, катастрофического старения квалифицированных кадров, обвала высокотехнологичных производств, равно как и все большей ориентации предприятий на импортную технологическую базу, меры по переводу народного хозяйства на подлинно инновационный (то есть сопряженный с утверждением шестого технологического уклада) путь развития надлежит принимать незамедлительно. Причем, чтобы вывести отечественную экономику на траекторию быстрого, устойчивого и высококачественного роста, ежегодный прирост инвестиций, согласно расчетам Глазьева, должен составлять не менее 25%, а инвестиций в развертывание производств нового уклада — не менее 35%. В противном случае России не «оседлать» очередную длинную волну технико-экономической динамики, не вернуть способность к инновационному развитию, обязательную для нашего возвращения в группу великих мировых держав.

Воспроизведение в государственной политике алгоритмов, практиковавшихся в «тучные нефтедолларовые» годы, сохранит, разумеется, доминирующее положение «олигархического» капитала и сверхдоходы властвующих «элит». Но платой за это станет утрата последнего шанса на «российское экономическое чудо». Таков строго научный, но, очевидно, исполненный высокого гражданского пафоса и искренней тревоги за судьбу России конечный вывод фундаментального труда Глазьева...

Давно появившаяся в средствах массовой информации формула «феномен Глазьева» в содержательном плане об-

суждается политологами и комментируется даже писателями, например, Святославом Рыбасом. И такой феномен действительно есть. Талантливый, упорно работающий и продуктивный ученый, но одновременно активный и исключительно перспективный политик. Последовательный сторонник рыночной экономики, но яростный противник тотально-либералистских подходов в социально-экономическом реформировании, ревнитель российской государственности и традиционных духовных ценностей страны. А проще говоря, Сергей Юрьевич Глазьев служит России, прилагая свои незаурядные знания и разносторонние дарования к тому, чтобы вернуть стране величие, а народу — достойную жизнь. Его книги и статьи — именно о том, как этого добиться, они — и «колокол громкого боя», и позитивное руководство к действию. Пожелаем им счастливой судьбы, а автору — новых успехов в многотрудных деяниях на благо Отечества...

Академик Леонид Абалкин: академический взгляд на российскую школу социально-экономической мысли*

Вспоминать и рассказывать о Леониде Ивановиче Абалкине мне одновременно и легко, и трудно. Легко потому, что знал его, более тридцати лет, много раз встречался с ним на всякого рода собраниях, заседаниях ученых-экономистов, на научных конференциях, семинарах, «круглых столах» в российском Вольном экономическом обществе, обсуждал самые разные проблемы при личных встречах и в редакции газеты «Экономика и жизнь», и в Институте экономики РАН, и в разных комиссиях при обсуждении проектов правительственных документов по хозяйственным вопросам. По его выступлениям, соображениям, высказанным в ходе наших многочисленных бесед вроде бы и не так уж трудно было составить представление о характере и взглядах Леонида Ивановича. Однако за истекшие десятилетия накопилось так много ярких впечатлений о его незаурядности, оригинальности выдвигаемых им концепций, выдержанной манере его участия в научных дискуссиях, энциклопедической обширности и глубине научных знаний, так много сохранилось ярких впечатлений от его рассказов про свою жизнь, события в стране, научном мире, что оказалось непросто отобрать «самое-самое» поучительное.

Расскажу об одной из последних встреч с Леонидом Ивановичем, которая произошла в день его 80-летия. Накануне я позвонил ему, сказал, что хочу подъехать, поздравить, спросил, где он будет, когда это лучше сделать. Он ответил, что будет в Институте экономике РАН, в своем рабочем кабинете-

* Вступительная статья к книге серии «Вольное экономическое общество России»: Л.И. Абалкин. Россия: осмысление судьбы. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012. См. также: Российский экономический журнал, № 4, 2012; Труды ВЭО России. Т. 191. М., 2015.

те. Никаких особых торжеств не организуется, будут те, кто сам захочет прийти, время для встреч с ним — от 11 до 13 часов дня. Уже в этом видна привычная скромность Л.И. Абалкина. Никакого грандиозного торжества в огромных залах, за роскошно уставленными яствами столами, с участием звезд шоу-бизнеса, как это принято ныне в элитных кругах, без помпезности и показной пафосности. Скромный праздник в скромном рабочем кабинете институтского директора. Ничем этот юбилей не выделялся от обычных празднований дней рождения научных сотрудников института. Юбиляра сидел за столом, заваленным служебными бумагами, книгами, научными записями, над которыми продолжал работать до прихода гостей. Кстати, я и мой референт, Маргарита Ивановна Панова, пораньше, уже в 11-м часу прибыли в Институт экономики РАН, чтобы не попасть в неизбежное в таких случаях скопление поздравляющих. Направляемся к лифту и вдруг подходит сам Леонид Иванович: «Что вы здесь стоите, поехали ко мне!» Вместе поднялись на четвертый этаж, прошли в его кабинет, где уже был сын Абалкина — Иван Леонидович, который должен был помочь в организации приема. Мы поздравили юбиляра, передали ему цветы, подарок от Издательского дома. Ивану Леонидовичу пришлось заняться какими-то другими неотложными делами, а Леонид Иванович обратился ко мне: «Юрий Васильевич, пожалуйста, порежиссируйте здесь немного, Вы ведь всех знаете». Стал было я отказываться, но он настаивал: «Нет, нет, это было бы хорошо, давайте начинать!» И вместо того, чтобы посидеть и пообщаться с юбиляром минут двадцать-тридцать, пришлось нам пробыть в Институте до трех часов дня, как-то организовывать гостей, поздравления, приветствия. По сути дела это была моя предпоследняя встреча с Леонидом Ивановичем. И мне уже тогда показалась, что она прошла с неким оттенком прощания, предчувствием расставания.

Он знал, что ему предстоит операция, которая в его возрасте будет тяжелой и опасной. В разговоре с ним сквозила поэтому и легкая грусть, и уверенность в том, что будут выходить поддержанные или новые книги, продолжится работа по истории русской социально-экономической мысли... За истекшие четыре часа общения, пусть и прерываемого на приветствия и разговоры с участниками юбилейного собрания, было затронуто немало важных тем, прозвучали интересные оценки и реплики, вспомнились знаменательные события.

Приходили делегации от академических институтов, вузов, Государственной Думы, многих министерств и ведомств, зарубежных научных центров. Это были коллеги Леонида Ивановича, с которыми он вел совместную научную и педагогическую деятельность, его ученики, знакомые. Леонид Иванович подсказывал, кому сразу же по прибытии предоставить слово, кого несколько «придержать», направить за скромно накрытый тут же праздничный стол. В этих хлопотах я все же не упускал возможности расспрашивать Леонида Ивановича о тех или иных событиях в его жизни, обстоятельствах знакомства и характере работы с пришедшими поздравить его коллегами, бывшими сотрудниками, аспирантами. И хотя Леонид Иванович в то время был уже болен, ходил прихрамывая, но оптимизма не терял, интересовался событиями в научном мире, спрашивал у меня о планах издания книг в нашем Издательском доме. Одобрил наше намерение выпустить книгу об И. Сикорском, поддержал издание работ К. Кавелина, выпуск книг «Русский цвет», «Русский счет».

Впечатления от этих юбилейных часов еще раз подтвердили мои наблюдения от самых первых встреч с Л.И. Абалкиным. В начале 80-х годов, мне, аспиранту экономического факультета Московского государственного университета, утвердили тему кандидатской диссертации «Система экономических законов и критерии повышения эффективности

производства при социализме». Тогда, в отличие от современной практики, заранее выбирали для отзыва на диссертационную работу ведущий по теме научный институт или учреждение, а также возможных оппонентов, которых просили позднее выступить на защите диссертационного исследования.

Поэтому я поехал в Институт экономики Академии наук СССР, где решать вопросы об оппонентах пришлось с Л.И. Абалкиным. У Леонида Ивановича я также спросил, можно ли, чтобы ведущей организацией по моей диссертации стал Институт экономики. Он согласился, а первым официальным оппонентом предложил назначить доктора экономических наук Г.И. Латышеву. Отзыв от Института на свою диссертацию я при поддержке Абалкина получил довольно быстро, он был положительным. Запомнилось также, что Леонид Иванович в беседе со мной хорошо отзывался о моей работе, что я, конечно, воспринял как его напутствие на дальнейшие исследования в этой области.

Работая над своей кандидатской диссертацией по вопросам эффективности производства, я детально ознакомился с положениями по этой проблематике ученых академического Института экономики. Ученые экономического факультета Московского государственного университета, где я учился, занимали отличную от этих положений позицию по вопросам об исходной экономической категории при социализме, основном его экономическом противоречии, основном отношении в системе социалистических экономических отношений и законов. Можно даже говорить о том, что сложились две научно-экономические школы с различными представлениями о многих экономических категориях, явлениях и процессах в советской экономике. Соответственно этим различиям определялись разные подходы к народнохозяйственным результатам, что влияло на исчисление

валовых, совокупных, чистых показателей при оценках производимого продукта, затрат и доходов. И то, что разные школы предлагали разные системы счета экономических показателей, было хорошим поводом для студентов и аспирантов детально разобраться и в теоретических понятиях, и в методах их статического отражения. В своей работе я анализировал предлагавшиеся сторонниками разных взглядов показатели эффективности, спорил с их доводами, обосновывал свой подход. Именно поэтому мне хотелось, чтобы Институт экономики дал отзыв о моей работе, ответил на мои возражения и выводы. Когда я рассказал Леониду Ивановичу о рассматриваемом мною круге вопросов, о том, что в ней будет представлена концепция, отличная от предлагаемого Институтом экономики, он сразу же ответил согласием на мою просьбу об институтском отзыве на диссертационную работу. В этом проявилось и присущее ему уважение к различным взглядам других ученых, и понимание того, что для продвижения вперед в науке нужны дискуссия, столкновение позиций и оценок.

Представления о Леониде Ивановиче, сложившиеся от дальнейших встреч с ним, позволяют уверенно говорить о нем, как о крупном ученом, совершенно не чванливом человеке, доступном, открытом, всячески желавшем поддержать тех, кто только лишь вступил на научный путь, всегда уважительно относившемся к своим собеседникам и оппонентам, ученикам и сотрудникам. Он был абсолютно ровным в отношении к людям любого статуса. Я присутствовал на многих встречах, когда он общался с видными учеными, академиками-экономистами, руководством российской Академии наук, известными бизнесменами, общественными деятелями, руководителями страны и ее экономических ведомств. И всегда Абалкин был прост, доступен, интеллигентен, понятен и самое главное — по-русскому скромно. Не было у него

никакого начальственного тона, академической абмициозности, ничего такого, что можно назвать тщеславием и суетой сует, была лишь преданность интересам экономической науки, интересам страны. Он всегда чувствовал свою личную ответственность за ее состояние, всегда стремился довести любое дело, за которое брался, до конечного и осязаемого результата. Так было и когда он возглавлял правительственную Комиссию по экономической реформе, и когда был в правительстве страны, и когда входил в руководящие структуры различных общественных организаций экономистов, научных подразделений, исследовательских центров. Он всегда оставался Человеком с большой буквы, был внимателен ко всем, понятен всем, кто с ним работал, был мудрым, хотя и требовательным руководителем.

Согласитесь, очень важные и нужные человеческие качества. Он гордился своим простым происхождением, не забывал подчеркнуть, что такие черты его характера, как прямота, честность, ответственность, справедливость, перешли к нему от родителей, были воспитаны ими. Когда его спрашивали, что больше всего повлияло на формирование его личности, он обычно отвечал: «У меня родители были простые люди, служащие, в моей родословной можно найти крестьян, крепостных. Рос я в хорошей русской семье, с хорошими традициями русских интеллигентов». Он им и оставался всегда. Во всех жизненных ситуациях. Оставался хорошим русским человеком, наделенным замечательными душевными качествами, сопряженными с большими научными знаниями, мудростью и жизненным опытом. Таким человеком остается он теперь и в моей памяти.

* * *

Нынешними молодыми читателями фигура академика Л.И. Абалкина может восприниматься уже как определен-

ный символ уходящей эпохи, некий исторический памятник, своего рода научный «монумент». А ведь Леонид Иванович был нашим современником и в первом десятилетии XXI века, когда он продолжал вести напряженную творческую и общественную деятельность, плодотворно трудился буквально до конца своей жизни. Значимость сделанного им для экономической науки заставляет масштабно оценивать его в исторической перспективе, связывать с активным участием в важных событиях в стране, относящимся не только к советскому периоду, к далекой уже эпохе перехода к рынку в последних десятилетиях прошлого века, но и к финансовому кризису 2008 года, разработке долгосрочной стратегии развития страны до 2020 года, проектов российской модернизации. Леонид Иванович постоянно заботился о развитии экономической теории, организационном укреплении научных структур, воспитании молодых экономистов, повышении авторитета научных рекомендаций в диалоге академических ученых с властью. Его многогранная и плодотворная деятельность заслуживает специального научного исследования. Да, это дело истории, выводы которой всегда более объективны, ведь за дальностью лет эмоциональность восприятия событий уступает место спокойному анализу, обоснованной оценке. Но не сомневаюсь, однако, что в ней обязательно будут присутствовать следующие две отличительные черты и научной деятельности академика Л.И. Абалкина, и оставленного им богатого научного наследия.

Во-первых, Леонид Иванович может с полным правом считаться одним из лучших представителей советской экономической науки. И признание этого отнюдь не умаляет, как это ныне нередко происходит, глубиной научности его знаний и выдвигаемых теоретических и практических положений. Советская экономика также требовала от ученых серьезного теоретического исследования, научного анализа,

научного обобщения. Глубокое проникновение в сущностные черты и особенности советской экономики и дали возможность Леониду Ивановичу выступить в перестроечные времена с программой радикального реформирования экономики, провести в жизнь важнейшие экономические преобразования на пути к рынку, облегчившие формирование нового облика, новых институтов современной российской экономики.

Во-вторых, Абалкин является выдающимся представителем российской школы социально-экономической мысли. Научный багаж советского периода стал прочным фундаментом для разработки новых теоретических положений в постсоветские времена, так как Леонид Иванович хорошо понимал и достоинства, и недостатки советской экономической науки. Именно на рубеже двух веков, двух тысячелетий академик Леонид Иванович Абалкин, можно сказать, заново открыл для научного мира существование самостоятельной российской школы социально-экономической мысли, дал характеристику ее отличительных черт, научного вклада в мировую науку, доказал необходимость неперемennого учета ее положений в экономической политике российского государства. В деятельности и трудах Л.И. Абалкина нашли воплощение основные черты российской школы, а сам он является образцом работы российского ученого-экономиста, труды которого непременно станут напутствием дальнейшим поколениям ученых.

* * *

Если говорить о научном наследии Леонида Ивановича, то, конечно, надо отметить широту его научных интересов, большой круг разрабатываемых им проблем. Но в последние годы, держа руку на острие современной экономической теории, живо откликаясь на различные модернизационные

планы и концепции формирования постиндустриального информационного общества, Леонид Иванович особенно углубился все-таки в проблематику российской школы социально-экономической мысли, посвятил ей немало исследований, очерков, статей, лекций, публичных выступлений. В теоретическом наследии этой школы он черпал и аргументы в поддержку своих воззрений, и новые подходы, методологические инструменты, позволяющие решать современные проблемы.

Что же вызвало неподдельный интерес ученого к истории российской экономической мысли, подтолкнуло его к выводу об актуальности принципиальных ее положений? Сам Леонид Иванович объясняет этот интерес своими постоянными размышлениями о судьбах России, ее будущем в годы начавшегося перехода к рыночной экономике, когда встал вопрос о выборе пути рыночной трансформации, когда реформаторы, оказавшиеся у власти, взяли за образец западные модели, предлагавшиеся советниками из Международного валютного фонда и Всемирного банка. К изучению исторического опыта России, развития ее экономической и общественной мысли Л.И. Абалкина подтолкнула также его работа в советском правительстве — заместителем Председателя Совета Министров СССР и председателем Государственной комиссии по экономической реформе, необходимость выбора конкретной модели трансформации советской экономики, размышления о месте и роли России в мире после крушения Советского Союза.

Развал Советского Союза, «шоковый переход к рынку», коренные перемены в жизни общества заставляли Л.И. Абалкина искать ответы на непростые вопросы об историческом призвании России, ее исторических судьбах. Он говорит об этом так: «Среди забот и волнений, которые принес богатый событиями 1991 год, все более явственно выступала

определяющая доминанта — тревога за судьбу России, ее многострадального народа. Эта тревога проникала в сферу повседневных забот и разговоров, выступала своеобразным критерием при оценке происходящих событий, вторгалась в сферу собственно научных поисков и разработок»*. Чтобы понять ход общественной жизни, он считал крайне необходимым изучать не отдельные (какими бы значимыми они не были) явления, а процессы, которые проясняют логику развития событий, их тенденцию. И тогда, пишет Абалкин, более понятным становится не только прошлое, но и будущее, которое само уходит своими корнями в прошлое, в культурное наследие народа, в систему его духовных ценностей и особенностей национального характера. При обращении к истории, ничего не приукрашивая в прошлом, можно понять, считал Леонид Иванович, многое в современной жизни — отношение к государству, закону, собственности, труду, склонность к иждивенчеству, надежду на чудо. Общечеловеческие ценности всегда выступают в специфическом облике, отражающем своеобразие исторических традиций, культурных и духовных ценностей народов. Нельзя все выстраивать по одному готовому шаблону, общественный организм отторгает чужеродное влияние, если оно не находит питательную почву в самом народе, в его истории. Поэтому говоря о радикальном обновлении общества, о реформах, выборе исторического пути, мы не можем уйти от учета своеобразия нашей цивилизации, особенностей ее культуры, религии. Подробно об этом Л.И. Абалкин размышляет в цикле таких своих работ: Россия: поиск самоопределения; Очерки по истории российской социально-экономической мысли; в изданных Институтом экономики РАН сборниках его трудов: Российская школа экономической мысли: поиск

* Л.И. Абалкин. Избранные труды: В 4-х тт. — М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. Т. IV. С. 172.

самоопределения; Судьба России: связь времен; Российская экономическая мысль: история и современность; Прошлое истории и будущее России; Проблемы современной России.

Из этих положений и родилась абалкинская оценка реформ: «Экономические и политические реформы, начатые в ходе перестройки, постепенно соскользнули к однобокому и весьма упрощенному подходу, к попыткам механически взять и насадить на российской почве модель западной цивилизации, особенно и прежде всего в ее американской модификации. Этот замысел бесперспективен и обречен на неудачу»*. Поиск новых моделей хозяйствования, обновление социально-экономических отношений не могут произойти в виде восприятия готовых образцов других стран. Но также бесперспективна, считал Л.И. Абалкин, попытка всеми силами сохранить лишь свою самобытность и неповторимость, не учитывая веяния времени. Реформы, возможны лишь как органический синтез лучшего из достижений мировой цивилизации в сочетании с социально-культурными ценностями своего народа.

Вот эти размышления, тревога за будущее России и определили для Л.И. Абалкина обращение к идеям российской социально-экономической школы. Будущее России «как звезда озаряет путь, дает веру в трудные дни безвременья и отчаяния, — писал он. — Это лежит в основе и того сыновнего долга, который определяет мир каждого из нас, его призвание и деятельность»**.

Отвечая на вопрос о том, почему в конце XX века возникла необходимость обосновать и защитить существование отечественной социально-экономической школы, Абалкин говорит, что эта идея родилась «сравнительно недавно в процессе мучительного осмысления россиянами своей истории,

* Там же. С. 176.

** Там же, с. 198.

судьбы страны и ее места в мировом сообществе»*. В ходе революционных преобразований важно было осознать целостность, преемственность исторического пути страны, развития ее экономики, культуры и науки, необходимость бороться с попытками навязать нам чуждые модели экономического развития.

Л.И. Абалкин обосновал свой подход к самому понятию национальной школы в истории экономической мысли. Для него это не единство трактовок тех или иных экономических категорий, не единый подход к оценке основного направления в экономическом развитии разных стран. Для формирования научной школы в той или иной стране важны поставленные жизнью вопросы, поиск ответов на них, единство проблем, по которым ведутся дискуссии, при этом могут быть и разные ответы на одни и те же вопросы. Школы возникают не сразу, должен накопиться определенный, качественно выраженный потенциал научных идей. Признаками отечественной школы Абалкин считал, во-первых, выявление ключевых вопросов, от которых зависит прогресс страны, успешная реализация ее высших, общенациональных интересов. Во-вторых, формирование на основе теоретических положений целостной системы теоретико-прикладных решений, применительно к данной стране. В-третьих, особый подход к природе и мотивации человека как субъекта хозяйствования.

Надо, однако, признать, что до сих пор, от иных «специалистов» в области истории экономической мысли, можно услышать высказывания, отрицающие наличие самостоятельной российской школы социально-экономической мысли. И главный довод сводится обычно к тому, что Россия в своем экономическом и социальном развитии всегда от-

* Л.И. Абалкин. Россия: поиск самоопределения. — М.: Наука, 2005. С. 278.

ставала от Запада, но и не двигалась по восточному пути, так что ей приходилось копировать западный вариант экономического роста, повторять идеи западных ученых. Представление это давно уже стало настолько привычным и у нас самих, и за рубежом, что любые попытки заняться поиском самобытной идеи или хозяйственного явления изначально расценивались как бесперспективные и бесполезные. Показателен, например, такой факт, о котором рассказывает крупный российский предприниматель Василий Кокорев в своей работе «Экономические провалы». В 60-х годах XIX века известные ученые-экономисты и общественные деятели Чижев и Бабст начали издавать в Москве журнал «Вестник промышленности». Имена их были настолько звучны, что редакция журнала «Экономист», издававшегося в Брюсселе, обратилась с просьбой прислать переводчика для публикации в нем статей из «Вестника промышленности». Просьбу выполнили. Но когда через год Чижев, будучи в Брюсселе, посетил редакцию, его попросили взять обратно присланного переводчика. Объяснили это тем, что экономические статьи «Вестника промышленности» не заслуживают перевода на французский язык, в них нет ничего своего, доказывающего силу русского самовозрождения и все якобы вертится лишь около давно известных европейских взглядов, во многом уже оживших свой век.

Из узловых идей присущих, российской школе социально-экономической мысли, Абалкин выделяет две, называя их центральными. Во-первых, это идеи подъема общественных производительных сил, примата стратегии над тактикой, выбор приоритетов в экономической политике, изучение общих интересов развития страны. Во-вторых, российская школа всегда придавала особую значимость социально-нравственным, гражданским, образовательным и культурно-этическим проблемам. «Без этого нет России». Российские

экономисты всегда открещивались от вульгарных представлений об экономическом человеке, нацеленном лишь на приумножение материального достатка. Важное значение всегда имели и проблемы взаимоотношений науки с властью.

Несомненной заслугой академика Л.И. Абалкина является не только сама постановка вопроса о сформировавшейся в России национальной социально-экономической школе, но и публикации работ многих ее представителей, а самое главное — теоретически обоснованная и фактологически доказанная характеристика особенностей ее содержания, методологических подходов и вклада в мировую науку, существенно обогатившего экономическую теорию и практику новыми концепциями, положениями, выводами и рекомендациями. Усилиями и трудами Л.И. Абалкина разработка идей отечественной экономической школы привела к формированию постоянно расширяющегося направления в научном поиске в этой области истории российской и мировой экономической теории. И хотя тема о смысле, характере и отличительных особенностях российской школы социально-экономической мысли все еще, к сожалению, остается дискуссионной, но, думается, продолжаться такой дискуссии все же недолго. Основание для этого дают научные работы по этой проблематике, развитые в них аргументы, накопленные к настоящему времени, а также возвращаемые из забвения и небрежения исследования и публикации работ российских экономистов XVIII–XX веков, непредвзятый взгляд на унаследованные от них традиции научной экономической мысли, явственно прослеживающиеся в трудах наших современников. Обоснованную уверенность в скором завершении дискуссии, неизбежное общее признание российской социально-экономической школы как самостоятельного и весьма плодотворного течения в едином потоке мировой экономической мысли вселяют прежде всего знакомство с исследова-

ниями Л.И. Абалкина, достигнутые им научные результаты, предложенные выводы и обоснования. В его работах рассказывается о жизни, деятельности и научном наследии таких лучших представителей российской школы социально-экономической мысли XVIII–XX веков, как А. Шторх, Н. Мордвинов, И. Вернадский, Н. Данилевский, Н. Бунге, А. Чупров, И. Янжул, М. Туган-Барановский, С. Витте, Д. Менделеев, М. Ковалевский, В. Железнов, Н. Кондратьев, А. Чайанов, А. Богданов, и других. Представителям национальной социально-экономической школы Л.И. Абалкин посвятил курс лекций, прочитанных им в 2006–2008 годах в Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Л.И. Абалкин показал значение трудов российских академиков-экономистов, писал также о многих видных экономистах, философах, социологах советского периода.

Важные положения о российской экономической школе содержатся в выдержавшем уже два издания его труде «Россия: поиск самоопределения», в который вошел также интереснейший раздел по истории российского предпринимательства. Академик Абалкин подчеркивал, что сохранение исторической памяти о выдающихся деятелях нашей страны в сфере экономической теории и практики является одним из важнейших условий самопознания и возрождения России. Ученый приложил много усилий, чтобы пробудить интерес научной общественности к разработке вопросов истории русской экономической мысли. Так, в ноябре 2000 года руководимый им Институт экономики РАН и Вольное экономическое общество России провели научную конференцию «Российская школа экономической мысли: прошлое и настоящее». Институт выступил инициатором отражения этой тематики в своих изданиях, работах соискателей ученых степеней, студенческой молодежи.

Одной из больших заслуг Абалкина в изучении истории российской школы социально-экономической мысли можно считать его работу по восстановлению памяти о российских академиках-экономистах. В 1999 году к 275-летию Российской Академии наук Институт экономики РАН издал второе, дополненное издание сборника «Академики-экономисты России». Академик Л.И. Абалкин был главным редактором авторитетной редколлегии сборника. Во вступительной статье «Слово памяти» он писал: «Знакомство с собранными статьями показывает, что среди российских академиков нет ни одного человека, кто не оказал заметного влияния на ход развития отечественной и мировой науки. Сфера научных интересов их весьма различна — от анализа общих проблем политической экономии, мирового хозяйства и международных отношений до тщательного обсуждения методологии планирования и прогнозирования, аграрных отношений, современных экономико-математических методов развития экономики».

Увлекательный рассказ Л.И. Абалкина на одном из заседаний ВЭО России о первом российском академике в области политэкономии и статистики А.К. Шторхе (1766–1835) побудил Издательский дом «Экономическая газета» впервые полностью перевести на русский язык и опубликовать в 2008 году его фундаментальный (из шести томов) труд «Курс политической экономии, Или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие», вышедший в 1815 году на французском языке.

Эта наша книга завершалась статьей Л.И. Абалкина «Андрей Шторх и современность», которая позже была перепечатана в «Российском экономическом журнале» (№ 6, 2010). В своей статье он писал, что Шторх был одним из наиболее крупных экономистом своего времени. Его работы были широко известны на западе и получили высокую оцен-

ку. Многие из его теоретического наследия сохраняют свою значимость и сегодня. А это значит, что уже в начале XIX в. российская школа экономической мысли была одним из лидеров мировой политико-экономической теории. Л.И. Абалкин подчеркнул приоритетность многих подходов Шторха в исследовании таких политэкономических категорий как земельная рента, предпринимательский доход, производительный и непроизводительный труд, в изучении роли материального богатства и невещественных благ в подъеме народного благосостояния, в анализе других понятий экономической теории. Анализируя цивилизационную теорию А. Шторха «Курс политической экономии...», Л.И. Абалкин пишет: «Для Андрея Шторха, как и для всей российской школы экономической мысли, народное благосостояние определяется не только материальным производством, но и духовно-нравственными ценностями. При доказательстве данного положения он пользовался тремя системами понятий: совокупность вещественных благ или национальное богатство, совокупность духовно-нравственных факторов или национальная цивилизация, а их объединение вместе считал народным благосостоянием. Это нашло отражение и в названии его шеститомника, соединяющего через «или» предмет науки и правила, определяющие благосостояние народов». Вообще, высказанные в ряде работ Л.И. Абалкина соображения о соотношении цивилизационного и формационного (классового) подходов в обществоведении еще ждут своих внимательных комментаторов. Я вспоминаю, что когда наш Издательский дом издал книгу А.К. Шторха, Леонид Иванович, прочитав эту книгу, сразу же выделил в ней следующие две из основных ее компонент с точки зрения развития экономической теории. Это, во-первых, понимание Шторхом содержания земельной ренты и, во-вторых, его трактовка предпринимательского дохода. И то и другое очень важно

и в наше время. В частности, книга Шторха позволяет понять, что доход, получаемый предпринимателем, может быть и заработанным им, быть вознаграждением за его труд организатора и руководителя производства. А это, как отмечал Л.И. Абалкин, поможет в преодолении укоренившегося с советского периода в представлениях части нашего населения образа предпринимателя исключительно как эксплуататора.

Леонид Иванович отметил важность вывода Шторха о том, что сила власти государственной измеряется народным благосостоянием, просвещением и богатством граждан, а также такую черту его исследований как постоянное обращение к особенностям проявления политэкономических категорий в российской действительности. Это дало Л.И. Абалкину возможность еще раз обратить внимание современных исследователей на постоянную нацеленность российской школы социально-экономической мысли на изучение реалий хозяйственной жизни, что для нее было и остается главным двигателем разработки теоретических идей. Поэтому, заключает Л.И. Абалкин, экономическая наука должна быть ориентирована не на поиск универсальных моделей и готовых шаблонов, а на осмысление реальных путей возвышения России.

Издание работ российских экономистов прошлого, публикации очерков и статей об их жизни, научной и общественной деятельности дают возможность экономической общественности предметно оценить достижения нашей национальной школы и правильно определить направления дальнейших исследований. Это тем более важно, что далеко не все работы российских ученых нашли уже должную оценку. Причина в том, что они либо давно не переиздавались, либо не входили в поле научного поиска, как далекие от марксизма или написанные противниками советской власти.

* * *

Каковы же характеристики российской школы социально-экономической мысли? Академик Абалкин отмечает следующие ее признаки, основные узлы. Подчеркивая, что корни российской школы социально-экономической мысли уходят в далекое прошлое, ко времени Новгородско-Киевской Руси, он отмечает, что мыслители той поры уже выделяли особенности развития нашей страны. Уже тогда, например, складываются принципиально иные, чем на Западе, отношения между государством и обществом. Государство, возникло не как результат насилия сильного над слабым, а как способ самоукрепления живущих на территории народностей, их защиты от внешнего врага и наведения порядка в хозяйственной жизни. Собственно говоря, уже в своде правил национального домостроительства, регламенте организации хозяйственной жизни русского дома — в книге XVI века «Домострой» — присутствует это положение. На протяжении веков, разумеется, происходит трансформация взаимоотношений государства и общества, но эти взаимоотношения сохраняются в своей основе. Восприятие государства как высшей защиты от любого зла всегда питало и научную мысль, и методы осуществления экономической политики. Думать иначе, пишет Л.И. Абалкин, значит забыть историю страны, мыслить абстрактно-схолостически. Еще одна отличительная особенность российской школы, отмеченная в его работах, — неизменная связь с реальной действительностью, стремление дать ответы на злободневные вопросы развития. Мощным двигателем экономической мысли всегда были российские реалии. Именно на этой основе и шло формирование реалистической политической экономии, выразившей, как правило, интересы не одного какого-то класса или социального слоя, а всего российского общества и государства, назревшие потребности всего народного хозяйства страны.

Значительное воздействие на общественное сознание, развитие общественных представлений и ценностей оказало, пишет Л.И. Абалкин, принятие Русью восточного православия. Влияние православных ценностей на российскую экономическую мысль, как представляется, нуждается в дальнейшем глубоком изучении. Православие в отличие от католицизма, протестантизма с их этикой индивидуализации, ориентацией на личное обогащение, культивировало в общественном сознании требование справедливости, которое ставилось обычно даже выше нормы закона. В православном понимании материальное богатство не суть жизни, главное — стяжать духа святого, накопить душевное богатство. Не ради богатства вечно трудится человек, не оно цель его деятельности. Эта мировоззренческая установка также вошла в сокровищницу идей российской школы социально-экономической мысли. Российские ученые всегда выделяют большое значение в экономическом развитии нематериальных благ, культуры, просвещения. Эти положения, скажем, очень четко проявляются в работах Крижанича и Посошкова, Мордвинова, подкрепляются выводами Шторха, который впервые выдвинул теорию цивилизации, существенно опередив западных экономистов.

Характерной чертой российской школы социально-экономической мысли, так же отмеченной Л.И. Абалкиным, является особый подход к вопросам организации хозяйственной деятельности. Общинные, групповые, артельные структуры хозяйствования, коллективистические начала отличают отечественный хозяйственный строй. Российская школа социально-экономической мысли выдвинула многих и многих замечательных ученых, всесторонне исследовавших особенности организации хозяйственной жизни России, показала, как они — эти самые особенности хозяйственной жизни — влияли на развитие производительных сил, на их

использование. Значительным является и вклад российских экономистов в учение о кооперации.

Академик Абалкин, характеризуя особенности российской школы социально-экономической мысли, касается также влияния на формирование экономического мышления российских ученых такого фактора как постоянное расширение границ российского государства. Этот процесс происходил по сути дела на протяжении веков после освобождения от татаро-монгольского ига. Но это не было результатом колониальной политики. Россия несла присоединяемым к ней народам свою культуру, свои методы производства, технологии, не уничтожая культуру тех народов, которые вливались в состав московского царства, а затем Российской империи. История же Запада XVIII–XIX веков дает нам картину жестоких колониальных захватов, ограбления туземцев, когда метрополии жили в основном за счет поработанных народов. Русский народ, напротив, всегда вкладывал средства в новые территории, осваивал, поднимал их. Это важная особенность нашей истории, нашего духовного мира, отражавшаяся в трудах экономистов. И этот вывод очень важен не только для оценки прошлого, но и для правильного понимания самого факта вхождения в Россию многих народов, самостоятельно развивающихся ныне после распада СССР.

Л.И. Абалкин сделал еще один существенный, крайне актуальный вывод из анализа особенностей российской школы социально-экономической мысли, которой заключается в том, что представители национальной школы всегда рассматривали народное хозяйство как единый, целостный организм, а не как совокупность отдельно стоящих отраслей, регионов, хозяйств, разрозненных экономических единиц. На этой единой базе исследуются вопросы народно-хозяйственной сбалансированности, пропорциональности, эко-

номической политики, пространственной организации производства.

К тому же дореволюционная российская школа социально-экономической мысли была свободна от догматов, теоретических установок, которые принимались раз и навсегда, считались неприкосновенными. Она — как реалистическая школа — анализирует то, что есть на самом деле, изучает реальность при помощи статистики, наблюдений, различных методов социально-экономического анализа. Благодаря этому развивались и сама статистика, анализ и выводы ученых приобретали особую обоснованность, доходчивость и жизненность. Да, еще многое и многое нам предстоит вернуть из тени забвения, открыть заново. Свободный, творческий обмен мнениями о прошлом, настоящем и завтрашнем дне российской экономической науки, разговор о месте России в мировой истории экономической мысли должен быть продолжен. Более того, он крайне необходим.

Особенно важно продолжить исследования по данной проблематике изучением советского периода развития российской школы социально-экономической мысли. Советский период далеко не полностью охвачен научными исследованиями, ограничивается лишь проблемами социалистического строительства. Однако ученые-экономисты поднимали и другие вопросы, «спорили» с командно-административной системой, указывали на ее пороки и недостатки. Такие ученые, как прежде всего сам Л.И. Абалкин и его коллеги С.А. Ситарян, А.Г. Аганбегян, Г.Х. Попов, Н.Я. Петраков, Т.С. Хачатуров, Н.П. Федоренко, Н.П. Шмелев, Н.Я. Петраков и другие, двигали вперед и теорию, и практику хозяйственной жизни.

Путь России от административно-командной системы к рыночной экономике лучшие ученые-экономисты исследуют, опять-таки отнюдь не повторяя тезисы западных

учителей. Социальный вектор рыночных преобразований остается важнейшим вопросом их проведения, и здесь можно видеть много подходов, отвечающих традициям национальной школы. Надо вспомнить и то, что Советский Союз оказал решающее воздействие на социализацию хозяйственной жизни во всем мире. Нужно показать вклад советских ученых в развитие идей социализации экономики. И сегодняшний кризис, и меры, принимаемые государством, и меры, предлагаемые учеными, также свидетельствуют о своеобразии нашей научной традиции, сохранившей и развивающей все ценное из творческого наследия российской школы социально-экономической мысли.

Признание российской школы социально-экономической мысли — это не только дань уважения к памяти Л.И. Абалкина, важно и то, что оно позволяет утвердить приоритеты работ отечественных ученых во многих областях общественных наук. К тому же традиции и ценности, отраженные в трудах представителей этой школы, дают столь необходимые сегодня в экономической политике ориентиры, характеризующие национальный менталитет, систему ценностных предпочтений, восприятия «добра и зла» в экономической жизни, приемлемого и недопустимого, исходя из особенностей культуры, нравственности, духовного мира нашего народа.

Особенности любой национальной школы социально-экономической мысли обусловлены цивилизационными особенностями страны. Уроки и принципы российской школы помогают современным ученым, государственным и политическим деятелям мыслить и действовать в понятном и приемлемом для общества русле, избегать чуждых национальному духу идей и положений.

Российская школа социально-экономической мысли всегда отстаивала необходимость накопления не только мате-

риальных, но и духовных благ, нематериального богатства. Причем в русской цивилизации именно духовное богатство признается высшей ценностью. С этих позиций становится понятным и отношение российских предпринимателей к благотворительности, их активное участие в социально значимых проектах. Современная же экономическая политика далеко не в полной мере учитывает эти традиции.

Российская школа социально-экономической мысли обоснованно отстаивала тезис о недопустимости резкого социального расслоения в обществе, таящего опасности социальных потрясений. Теперь наша страна существенно уступает многим странам по показателям разрывов в доходах, обеспеченности, качестве жизни разных слоев населения. Не отвечают национальному менталитету и постоянные призывы всячески ограничить участие государства в хозяйственной жизни, попытки государства и чиновничества навязать бизнесу выгодную лишь для них модель хозяйственного поведения.

Следование традициям российской школы социально-экономической мысли, по глубокому убеждению Л.И. Абалкина, значительно расширяет границы научного поиска, обогащает его содержание тем, что предполагает обязательное исследование на каждом этапе исторического развития особенностей взаимодействия экономической и духовной жизни общества. Целевые установки, методологические приемы и инструментарий отечественной школы открывают возможность успешного использования достижений мировой экономической науки, позволяют им прочно укорениться на национальной почве. Без этого конструктивного взаимодействия удачный в других странах опыт хозяйствования не приживается, отторгается, наталкивается на непонимание и даже враждебное отношение участников хозяйственной жизни. Здесь важно учитывать и свойственное

отечественной экономической школе тщательное изучение с учетом территориального разнообразия местного опыта хозяйствования.

* * *

В воспоминаниях своих соратников Леонид Иванович часто «сводится» к каким-то устоявшемуся уже «ипостасям», «рисующим» его образ на уровне повседневного общения. Больше всего в нем поражала простота, скромность, равное ко всем собеседникам и независимое от общественного ранга уважительное и внимательное отношение, глубина, казалось бы, простой его мысли, которая, как позднее вдруг открывалось, проясняла самые важные на тот момент и обсуждавшиеся всеми вопросы. Великий, но простой в общении ученый. Друг и воспитатель научной молодежи. Интересный собеседник... Все это верно, все правильно. Но за этими признаваемыми и отмечаемыми образами, общими характеристиками как-то теряется целостность действительно незаурядной личности, многое изменившей в умах и жизни современников, открывшей новые, развиваемые ныне направления в деятельности научного сообщества, оставившей богатое и далеко не полностью освоенное теоретическое наследие, много сделавшей для утверждения принципов гражданского общества в работе общественных организаций ученых-экономистов.

Леонид Иванович — русский интеллигент в самом высоком смысле этого слова, интересовавшийся и глубоко понимавший русскую литературу, русское искусство, русскую историю, которыми искренне гордился. Он и сам воплощал в себе многогранную русскую культуру, воплощал ее прежде всего в своих научных трудах. Несмотря на всю остроту научных дискуссий, начавшихся еще в период перестройки и продолжающихся по сей день, в его работах не встретишь

ни одного резкого, грубого слова в адрес оппонентов, которых было немало. Леонид Иванович обычно дотошно выискивал рациональные зерна в любой критике, соглашался с тем, что в ней могло быть полезным, даже если это рациональное зерно было весьма крохотным. Всегда говорил, что вот это в рассматриваемой работе может быть развито, вот эту мысль надо поддержать. Он был искусным организатором научного поиска. Руководимый им Институт экономики РАН, возглавляемые им научно-методические семинары, встречи, конференции всегда были отмечены многокрасочной палитрой зримых и незримых пока что для других связей с современной действительностью, с историей страны, с трудами предшествующих ученых. Его размышления, выдвигаемые положения всегда были конструктивны. Любой самый сложный, вроде бы сугубо теоретический вопрос через выстраиваемую им логическую цепочку непременно выходил на хозяйственную практику.

Изучению и разработке творческого наследия Л.И. Абалкина помогает то обстоятельство, что он всегда очень бережно относился к своим научным текстам, публикациям и выступлениям, каждый год собирал из них отдельную брошюру. Для него это было и своеобразным отчетом и перед самим собой и научным коллективом о проделанной работе, и подготовленный уже задел для дальнейших исследований. Это также хорошее подспорье для студентов, аспирантов, кандидатов и докторов наук, занимающихся разработкой вопросов, затронутых в таких сборниках. Даже небольшие выступления ученого входили в эти сборники, никакая ценная мысль его поэтому не пропадает бесследно, с этой мыслью можно ознакомиться, оттолкнуться от нее в своей дальнейшей работе.

* * *

Для академика Абалкина как крупнейшего представителя российской школы социально-экономической мысли всегда была характерна разработка самых актуальных проблем, выдвигаемых практикой хозяйственного строительства. Возьмем, к примеру, годы его работы в «Плехановке» — Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Это были годы, когда в стране многое делалось для совершенствования хозяйственного механизма, улучшения планирования, внедрения хозяйственного расчета, расширения хозяйственной самостоятельности коллективов предприятий. Началось время непрерывных хозяйственных экспериментов и реформ. Вузовские ученые активно включились в развернувшееся в стране общественное обсуждение вопросов реформирования экономики, совершенствования экономической политики государства. Статьи по экономической тематике заняли ведущее место на страницах газет и журналов, а в специальных экономических изданиях привычными стали экономические дискуссии, отчеты о многочисленных научных конференциях, семинарах, круглых столах. Вопросы хозрасчета, совершенствования хозяйственного механизма, обоснованности экономической политики государства стали центральными в тот период и в работе Л.И. Абалкина. За время его деятельности на кафедре политэкономии в Институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова Абалкин много выступает в печати по вопросам развития мировой социалистической системы хозяйства, методологическим проблемам политэкономии, вопросам экономической политики партии, экономической роли социалистического государства, действию и использованию экономических законов социализма. Он участвует в дискуссиях по вопросам хозяйственной реформы, совершенствования хозяйственного механизма, использования в управлении экономикой

принципов хозрасчета. Статьи Л.И. Абалкина появляются в выпусках научных докладов высшей школы, в журналах «Коммунист», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство», «Агитатор», «Политсамообразование», его работы выходят в издательствах «Мысль», «Политиздат», «Наука», «Профиздат», «Знание». Много лекций и других материалов подготовлены Абалкиным для системы партийной учебы и массового экономического образования. Выступления Л.И. Абалкина, а он был частым и заметным участником подобных обсуждений, отличались обычно обоснованностью и логичностью выводов и практических предложений, его имя запомнилось широкой общественности. Не удивительно, что Л.И. Абалкина как крупнейшего и авторитетного специалиста по этой проблематике постоянно привлекали к участию в подготовке партийных и правительственных постановлений по хозяйственным вопросам, проведению экономических экспериментов и реформ.

Работая руководителем кафедры в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а также в Отделении экономики РАН, Абалкин продолжал научные исследования проблем совершенствования управления экономикой, хозяйственного механизма, планирования, хозяйственного расчета, экономической политики государства.

Другим ярким примером научного исследования, доведенного до конкретных, практических результатов, можно считать разработку Л.И. Абалкиным долгосрочной социально-экономической стратегии для России. Институт экономики РАН всегда занимал ведущее место среди организаций в разработке такой стратегии. Абалкин называл эту работу важнейшим долгом, ответственной задачей Института. В 1999 году коллективом ученых Института была опубликована книга «Россия-2015: оптимистический сценарий», получившая довольно высокую оценку как в стране,

так и за рубежом. В 2004 году издана книга «Стратегический ответ России на вызовы нового века». В ней были выделены три основных этапа: 2004–2010, 2011–2015 и 2016–2025 годы, причем в числе первоочередных задач отмечалась необходимость концентрации усилий на преодолении кризиса основного и человеческого капитала, создании наиболее благоприятных условий для развития современного высокотехнологического производственного комплекса. Был поставлен вопрос и о демографическом кризисе, а также путях выхода из него. Л.И. Абалкин стал инициатором обсуждения поднятых в книге вопросов на круглом столе Вольного экономического общества России в июле 2007 года. Коллектив Института продолжил свои исследования в этом направлении и в связи с тем, что в конце 2007 года Минэкономразвития России начал разработку долгосрочной стратегии, а также позднее не прекращал свои исследования в этом направлении.

Здесь представляется нужным напомнить те методологические подходы, которые Л.И. Абалкин считал важными для подготовки долгосрочной стратегии. Сначала силами научного сообщества, отмечал он, должна быть выработана концепция долгосрочного развития. Эту работу он назвал функцией и гражданским долгом ученых. В концепции, по Абалкину, надо определить цели, приоритеты и очередность решения задач, систему институциональных преобразований, качественно новые явления в развитии общества — внутренние и внешние. С принятием концепции начинается самый важный этап — разработка самой стратегии, что является функцией власти, которая одновременно возлагает на себя и всю ответственность за ее реализацию. Подготовку стратегии Абалкин предлагал организовать на демократической основе с учетом мнений всех структур общества, путем согласования интересов центра и регионов, что будет отвечать ее статусу национального документа и гарантирует

успех реализации. Очень важно при этом обеспечить целостность стратегии, которая не может быть суммарной, состоять из разных отраслевых и региональных планов.

Абалкин считал необходимым учитывать в концепции стратегии наличие в современном обществе двух процессов, обеспечивающих, во-первых, переход к информационно-индустриальному типу воспроизводства, во-вторых, к социально ориентированной, эффективно регулируемой рыночной экономике. Но в общественном сознании, отмечал он, не утвердилось понимание единства, взаимосвязи и противоречивости этих двух переходных процессов. Однако реальная сложность, пишет он, заключается именно в том, что необходимо решать задачи обоих переходных процессов не последовательно, а одновременно.

И наконец, научной основой разработки стратегии, считал Леонид Иванович, должны стать положения о выделенных им трех глобальных мировых мегатрендах. Они связаны 1) с соблюдением личных свобод и прав граждан, устранением всех форм социального неравенства; 2) с усиливающейся социализацией общественной жизни, развитием разнообразных коллективных форм организации производства, досуга, отдыха, культурных начинаний; 3) с необходимостью учета особенностей цивилизационного устройства общества (культуры, традиций, верований, семейных преданий и т.п.).

Можно с полным основанием утверждать, что важную роль для выделения третьего глобального мегатренда, понимания необходимости считаться с особенностями цивилизационного устройства общества у Л.И. Абалкина сыграло исследование им особенностей российской школы социально-экономической мысли. Эти особенности, как показало его обращение к трудам ее представителей, очень устойчивы, изменяются крайне медленно и существенно влияют на иерархию ценностей всего жизнеустройства общества.

И еще одно существенное положение, выдвинутое Л.И. Абалкиным в связи с разработкой долгосрочной стратегии. Он считал необходимым достичь конституционно-нормативного признания экспертно-аналитической функции Российской академии наук. «Рождение стратегии — это функция науки, ее приоритетная задача». Правительство обязано выслушать советы академического общества. Хотелось бы отметить еще одно весьма актуальное ныне положение Л.И. Абалкина. В дискуссиях о роли в современной экономике рынка и государства, считал Абалкин, постоянно смешиваются функции государства и огромной армии обслуживающих его деятельность чиновников. Функцией демократического государства является борьба с засильем чиновников, волокитой, бюрократизмом, коррупцией. Это очень важные замечания для понимания сути этих дискуссий. Нужно защищать граждан и предпринимателей от всеисилия чиновников. Чиновники, подчеркивал он, существуют для населения, для общества.

* * *

Научность исследования — основной методологический принцип работ представителей российской экономической школы. В работах самого Л.И. Абалкина верность ему доказывает его отношение к политэкономии, от которой он не стал отречься как иные представители официальной науки в постсоветский период. Многие годы Леонид Иванович преподавал студентам курс политической экономии — и в Калининградском сельскохозяйственном техникуме, и в Московском институте народного хозяйства им Г.В. Плеханова, и в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Им опубликовано в советский период множество лекций, статей, учебников, книг по проблемам политической экономии. Основательно разрабатывал он вопросы роли политической

экономии как научной основы экономической политики социалистического государства, писал о критериях общественного прогресса, функциях политической экономии социализма, много занимался изучением методологических проблем этой науки, постоянно подчеркивал необходимость учета ее законов и категорий в работе по совершенствованию хозяйственного механизма, использованию их для укрепления теоретического фундамента решения крупномасштабных экономических и социальных задач. Важность углубленного политико-экономического анализа экономических категорий, явлений и процессов Л.И. Абалкин постоянно подчеркивал и в постсоветское время, когда многие бывшие преподаватели политической экономии и других общественных наук стали отвергать не только марксистскую политическую экономию, но и вообще саму политическую экономию с ее предметом и методологией.

Вот что говорится во вступлении к работе «Политическая экономия и экономическая политика, вошедшей в первый том четырехтомника его избранных трудов, изданных в 2000 году: «Проблема взаимоотношения политической экономии и экономической политики существует с тех пор, как появилась сама политическая экономия. Взаимоотношение между ними является той осью, вокруг которой вращаются все экономические проблемы современности. Единство между экономической политикой и политической экономией является важным условием научного руководства развитием общества, высокой эффективности общественного производства. Оно — это единство — означает, во-первых, базирование экономической политики на научных основах, на использовании объективных экономических законов и, во-вторых, связь политической экономии с практикой хозяйственного

строительства, научную разработку и обоснование его основных направлений и принципов экономической политики»^{*}.

Над вопросами о значении политэкономии Л.И. Абалкин задумывается и в последние годы своей жизни. В вышедшем в 2010 году сборнике «Уроки прошлого и будущее России», включающем доклады, статьи и интервью ученого за 2009 год, имеется и работа «Размышления о политической экономии». Написана она, как отмечает Леонид Иванович, опираясь на накопленный опыт и осмысление современных проблем.

Что же считает Абалкин важным в политэкономии для анализа современных проблем? Это прежде всего анализ товара, соотношения двух его сторон — потребительной стоимости и стоимости. «Когда мы обращаемся к политической экономии, то понимаем, что исходным пунктом для анализа был, есть и остается товар. Без его изучения невозможно понять ни историю экономики, ни современные проблемы»^{**}.

Рассматривая вопросы развития товарного хозяйства и торговли, изменения стоимости товаров, цен, количества денег в обращении после завоевания Византии в XV веке Турцией и в результате Великих географических открытий, Леонид Иванович делает, как он отмечает, принципиальнейший для современной политической экономии вывод. Он пишет: «Речь идет о том, что *капитализм и рынок — это качественно разнородные явления*. Рынок старше капитализма. Он является необходимым и неустранимым явлением человеческой цивилизации»^{***}. Существенно и следующее его заключение: «Во всех работах Института экономики РАН, которые опирались на классическое наследие политической экономии, всегда учитывалось единство и взаимодей-

^{*} Л.И. Абалкин. Избранные труды. Т. 1. С. 16–17.

^{**} Л.И. Абалкин. Уроки прошлого и будущее России. М.: Институт экономики РАН. 2010. С. 44.

^{***} Там же. С. 46.

ствии материально-вещественных и стоимостных факторов воспроизводства».

Политэкономия, как он показывает дальше, важна и для понимания такой отличительной черты современной эпохи как глобализация мировой экономики, изучения вопросов оценки мощи страны и качества жизни. Он пишет, что общий объем ВВП позволяет характеризовать экономическую мощь страны, а его производство на душу населения имеет ключевое значение в оценке качества жизни. Этот показатель является критерием в оценке эффективности проводимой в той или иной стране социально-экономической политики. Леонид Иванович отмечает, что повышение качества жизни было и остается (если говорить об объективной логике прогресса) критерием успеха России, ее возрождения. Все остальное является лишь средством достижения такой цели. «Именно через системные критерии на этом пути следует оценивать деятельность власти, предпринимательского сектора, институтов гражданского общества». Поэтому он ставит такую задачу: «Долг и призвание российской политико-экономической мысли в том, чтобы разработать систему оценки качества жизни, добиться ее включения в показатели, позволяющие гражданам следить за обеспечением своего будущего и будущего наших детей и внуков»*.

Другая политэкономическая линия анализа современных проблем связана с изучением стоимостных категорий, денежной массы, инфляции. При расчете инфляции в российских условиях, отмечает Абалкин, надо учитывать существование естественных монополий и многочисленных монополий на потребительском рынке. Принятая же формула расчета денежной массы и динамики цен пригодна лишь для свободного рынка. Его вывод: «... при расчете объема денежной массы

* Там же. С. 48.

и темпов инфляции необходимо вводить коэффициент монополизации, обоснование которого — одна из важнейших задач политической экономии. Если она, разумеется, занимается не абстрактными моделями, а привязана к российским реалиям». Прimitивный монетаризм, отмечал Л.И. Абалкин, не в состоянии покончить с инфляцией путем ограничения роста денежной массы. «...Борьба с инфляцией — не изолированное явление, а составное звено социально-экономической модели. Здесь важно действовать системно, учитывая многофакторное влияние на инфляцию». В связи с этим перед экономистами стоит следующая задача: «... разработать систему мер по регулированию денежно-кредитной политики, расширению спроса населения и реального сектора экономики, борьбе с монополизмом и коррупционностью. Научная и гражданская ответственность за подготовку такой программы лежит на отечественной политической экономии, а также ее подразделов, связанных с денежно-кредитным регулированием и ценообразованием. Закон о ценообразовании, отвечающий реальной экономике России, к сожалению, до сих пор не принят»*.

Важнейшей задачей политэкономического исследования Абалкин считал решение вопроса о прогрессивном подоходном налоге. В рыночной экономике современной России исходные позиции решения этого вопроса весьма специфичны. «А истина, — пишет он, — как известно, не в абстрактных моделях, а в конкретике реальной ситуации». Абалкин отмечал, что «во всех развитых странах подоходный налог взимается по прогрессивной шкале: чем выше доход, тем более высокая его ставка. Это можно рассматривать не как случайность, а как закономерность современной рыночной экономики. Россия является практически единственной страной,

* Там же. С. 49–51.

где минимальная зарплата (ниже прожиточного минимума) и оплата труда людей, получающих многомиллионные доходы, облагаются по единой ставке — 13%»*.

Леонид Иванович считал, что введение прогрессивного подоходного налога позволит уменьшить социально опасную дифференциацию доходов населения, повысит доверие населения к власти. Это особо важно, поскольку в России децильный коэффициент, показывающий отношение 10% самых богатых к 10% самых бедных граждан, составляет 16 к 1 (в европейских странах он равняется 6–8 к 1). Причем речь не о единицах, поскольку к каждому рангу относится по 14,2 млн граждан. Из мировой практики известно, что при превышении децильного коэффициента свыше 10 к 1 создается нестабильная ситуация, ухудшается криминальная обстановка из-за стремления сразу и быстро заработать большие деньги. Введение новой модели прогрессивного налогообложения физических лиц поможет, отмечал Л.И. Абалкин, решить эту проблему, выполнить функцию социального государства, вызвать доверие народа к власти, причем это не приведет к разгону инфляции.

Весьма актуальны ныне и высказанные соображения о бегстве капитала из России и борьбе с этим явлением. Л.И. Абалкин подчеркивал необходимость анализа различной природы инвестиций, структуры как импорта, так и экспорта капитала: «В целом при оценке притока иностранного капитала важно различать *корневые вложения*, реально укрепляющие и способствующие подъему российской экономики, и *потенциально способные к бегству* капиталовложения. Под корневыми при этом понимаются те средства, которые вложены в реальные активы. Их просто нельзя бросить, если для них не найти другого владельца». Что же

* Там же. С. 52.

предлагается? «Если говорить о выводах, то они состоят в радикальном обновлении стратегии, стимулировании притока иностранных инвестиций, прежде всего прямых, создания в стране и регионах благоприятного инвестиционного климата. Предстоит сломать практику снижения инвестиций и начать вкладывать деньги в реальную экономику. Когда этот курс обретет четкий характер, тогда в страну пойдут и иностранные инвестиции. Здесь действует строгая зависимость: *чем больше отечественные инвестиции, тем выше приток иностранного капитала*». Сегодня очень важно, отмечал Абалкин, перейти от эмоциональной и крайне поверхностной оценки бегства капитала, которая влияет не только на общественное мнение, но и на принятие государственных решений, к ее объективной научной экспертизе. «Только это позволит четко разобраться в том, что является действительностью, а что мифом. Такое понимание крайне важно для завтрашнего дня России». Нужно исследовать спекулятивное перемещение горячих денег, легальные и полуполегалные каналы движения капиталов, нужно наладить правовой контроль за перемещением товаров — и капиталопотоков, принять специальные меры стимулирования репатриации капитала.

Для Л.И. Абалкина вопрос о важности политэкономии — не предмет спора. Он в ее значении не сомневался. Вопрос в другом — какой должна быть политэкономия? Интересные соображения об этом содержатся в материалах к выступлению на Российском экономическом конгрессе 7 декабря 2009 года. Здесь он говорил о том, что политическая экономия призвана изучать свой предмет в органическом единстве с теми сферами, с которыми она прямо или опосредованно связана в жизни. Только в этом случае она становится составной частью обществоведения. Он напоминает слова Б. Селигмена о том, что политэкономия — это социальная наука,

что экономист должен быть философом, психологом, антропологом, историком, географом, правоведом, математиком. Исключительно важно в обществоведении, продолжал Л.И. Абалкин, исследование переходных отношений, обеспечивающих взаимодействие технологии и организации производства, форм управления с правом, различных элементов экономического базиса между собой, а также с социологией, идеологией, культурой. Была поставлена задача исследовать роль формирующихся и определяющих эволюцию общества институтов, заниматься анализом интересов как движущих мотивов поведения людей. Экономические интересы были и остаются основой прогресса общества, главное же — обосновать новую парадигму обществоведения. Для этого, еще раз подчеркивал Л.И. Абалкин, нужны кадры, владеющие системой знаний в различных областях наук.

* * *

Непременным условием успешного развития современной экономической теории Л.И. Абалкин всегда считал творческое освоение богатого наследия отечественной школы социально-экономической мысли. Статья Л.И. Абалкина «Аграрная трагедия России», опубликованная в № 3 журнала «Вопросы экономики» за 2009 год, раскрывает его методологический подход к решению современных экономических проблем, предусматривающий обязательное привлечение и учет исторического опыта, выводов российских экономистов, ориентацию не на текущие, пусть и весьма злободневные задачи, а на долгосрочную продуманную стратегию. При игнорировании прошлого опыта, отмечал он, реформа становится процессом деятельности государственного аппарата, чуждого ее идеям и замыслам. Анализируя историю аграрных преобразований за годы советской власти, Л.И. Абалкин приходит к выводу о том, что «только сочетание плановых

начал с инструментами рынка позволяет рассчитывать на успех в решении аграрного вопроса». Современной России, пишет Абалкин, нужны глубокая и последовательная аграрная реформа, а также обновление стратегии развития села в целом. Очень важно его замечание, что крестьянство неверно рассматривать в качестве класса. Оно относится к тем слоям общества, которые обеспечивают его жизнедеятельность. Появившись в глубокой древности, крестьянство прошло через все стадии развития общества и является важным составным элементом в постиндустриальном обществе.

Принципиальны и следующие два вывода Л.И. Абалкина. Приоритетность питания в жизни людей вызывает необходимость поддержки крестьянства в социально-экономической политике ведущих стран (обеспечение паритета цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, финансовые субсидии, защита интересов на внутреннем и мировых рынках). Это во-первых. Во-вторых, не существует единой, универсальной аграрной политики, недопустимо навязывать единые формы и методы хозяйствования при производстве зерна, выращивании крупного рогатого скота, возделывании винограда и т.д. С учетом сказанного, в экономической политике, как отмечает Абалкин, немедленно надо предпринять следующее. Первое. Быстро и конструктивно пересмотреть базовые основы аграрной политики: ввести ценовой паритет на промышленные и сельскохозяйственные продукты, оказать государственную поддержку селу. Второе. Необходимо приступить к осуществлению долгосрочной стратегии в развитии сельскохозяйственного производства, рассчитанной как минимум на 20 лет. И наконец, необходимо комплексно решать социальные вопросы, чтобы сделать жизнь на селе комфортной и состоятельной. Общий вывод ученого: развитие аграрно-промышленного комплекса должно стать не только экономическим, но и приоритетным социальным

проектом, от которого «в решающей степени зависит возрождение России, благополучие наших граждан, судьбы наших детей и внуков».

Аграрную проблему в смысле ее глубины и сложности Л.И. Абалкин считал даже не проблемой, а трагедией России, преодоление которой неоправданно затянулось более чем на век. Действительно, факты таковы, что именно репрессии против творчески мысливших ученых-аграрников, прежде всего участников конференции аграрников-марксистов, состоявшейся в декабре 1929 года в Коммунистической академии (на конференции выступил Сталин), дали старт «большой чистке» в отечественной экономической науке в целом. В результате, отмечает Абалкин, в нашей науке начался застой, на поверхность выступила интеллектуальная серость, аргументы заменялись цитатами. Это была долгая, затянувшаяся на десятилетия драма отечественной экономического и обществоведческого знания. И она дает дополнительный мотив для пристального изучения советского периода российской экономической мысли, что Леонид Иванович считал важнейшей задачей представителей экономической науки.

Л.И. Абалкин считал неперенным условием успеха экономических реформ в постсоветской России формирование широкого слоя предпринимателей. Этот слой, отмечал он, формируется в определенной политической, социально-культурной и национальной среде, отражает ее влияние и в то же самое время сам активно воздействует на ее обновление. Обратившись к этой проблематике, Абалкин рассматривал стереотипы массового сознания, традиции хозяйственного поведения, характерные черты в отношении к труду, собственности и богатству. В этом явственно проявляется властная связь времени и эпох. Анализ прошлого, осмысление его уроков помогает выработать продуманные,

взвешенные решения. Требовалось, однако, более четко определить природу и характер предпринимательства. Осмысливая проблему, Абалкин исследовал предпринимательство в широком смысле слова, не связывая его с частной или иной формой собственности. Он трактует предпринимательство как особый вид деятельности, отличительными признаками которой являются свобода в выборе направлений и методов работы, самостоятельность принятия решений, ответственность за эти решения и их последствия, связанный с ними риск, ориентация на получение эффекта, прибыли.

Предпринимательство, подчеркивает Абалкин, это не только часть отечественной истории, но и ее культуры, социальной памяти. Историю, замечает он, можно переписать, но сама история не становится от этого иной, и она живет в нас, как бы мы ни старались обмануть или перехитрить ее. В своих работах о предпринимательстве он придерживается и последовательно проводит следующие им заявленные принципы исследования, позволяющие избежать нежелательные крайности. Во-первых, не допускать идеализации, неумеренного восторга, замалчивания темных и жестоких сторон. Во-вторых, отойти от примитивного изображения отечественного предпринимательства, одностороннего подчеркивания его эксплуататорской природы, отсталости и некультурности. Выпячивать что-то одно — только темные либо только светлые стороны предпринимательства, — это, считает Абалкин, говорить лишь полуправду, что по его мнению, самая большая неправда. Правда, продолжает Абалкин, требует исторического синтеза представлений о прошлом и будущем.

Такой подход не только помогает самопознанию России, но и позволяет извлечь поучительные уроки для современности, предостерегает от старых ошибок. Абалкин провел интересный анализ особенностей российского предпринимательства, отметил, что они сформировались под влиянием

своеобразия развития российской экономики, крепостного права, традиций, культурного уровня, духовного склада населения, борьбы идей по вопросу о будущем России, политической борьбы. В трудах Леонида Ивановича показаны и замечательные традиции российского предпринимательства, его патриотические устремления, приверженность благотворительности.

Методологические принципы российской экономической школы Л.И. Абалкин всегда применял в своих исследованиях. Так, в монографии «Стратегический ответ России на вызовы нового века», ответственным редактором и руководителем авторского коллектива которой он был, заключительный раздел «Социальные силы и институты реализации ответа России на вызовы нового века» включает в себя и анализ нравственных факторов стратегии ответа. Здесь отмечено, что российские ученые всегда придавали большое значение нравственным началам экономических успехов и поставлена задача возрождения нравственных приоритетов при принятии экономических решений: «Необходимо понять, что пока те, кто владеет политическим и экономическим капиталами, не обеспечат приоритет нравственных критериев при оценке любой деятельности и в принимаемых решениях, невозможно будет ни выработать, ни осуществить социально-экономическую стратегию, адекватную задачам, стоящим перед Россией»*. В монографии особое внимание обращено на необходимость преодолеть негативное отношение к предпринимательству, недоверие к правящей элите, что выливается в недоверие к государству.

* Стратегический ответ России на вызовы нового века. М.: Экзамен, 2004. С. 597.

* * *

Для Л.И. Абалкина рассуждения об этике ученого не были пустыми словами, абстрактными понятиями. Для него это был вопрос реальной общественной жизни. Он подчеркивал, что общие принципы, характеризующие долг, ответственность, профессиональную этику ученого, опираются на общие этические нормы: честность, порядочность, верность, убеждениям и своим профессиональным знаниям. Особое значение имеет взаимосвязь науки и политики. Профессиональный долг и честь ученого он видел в том, чтобы всегда защищать позиции науки, свой профессионализм и, если нужно, говорить выводы, хотя и неприятные, но всегда соответствующие выводам его научных исследований. Профессионализм предполагает свободу от любых форм политического и идеологического давления, научную терпимость и высокую культуру научной дискуссии. Культура диалогов и компромиссов опирается на осознание реальной сложности жизни, узости классового подхода. Абалкин призывал при этом не сбиваться на уровень красивой публицистики, не стремиться к популярности любыми средствами.

Л.И. Абалкин всегда чувствовал личную, гражданскую ответственность за состояние экономической науки, экономики страны, положение в руководимом им коллективе будь то кафедра, редакция журнала или академический Институт экономики. Вот как он начинает, например, беседу со студентами экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в октябре 1991 года, в которой речь шла о научной этике, профессионализме ученого: «Меня побудили к сегодняшней встрече тревога о судьбах экономической науки, о ее месте в современной общественной жизни и ответственности за

происходящие события, забота о завтрашнем дне самой науки, ее перспективах»*.

Никто в науке не может считать себя единственным обладателем истины — такова всегда была позиция Абалкина в вопросах об этике научного труда. Особое внимание поэтому он уделял созданию в Институте экономике РАН атмосферы творческого поиска, без вражды и шельмования инакомыслящих. Атмосфера творчества в научном коллективе особенно необходима в наши дни, когда наблюдается непростой переход от конфронтационного мышления к мышлению синтетическому, основанному на сочетании многообразных подходов, когда истина оказывается результатом не размежевания позиций, а поиска целостного видения проблемы.

* * *

В 1992 году Леонид Иванович был избран вице-президентом ВЭО России. Он с большой заинтересованностью и ответственностью участвовал в работе Общества и связанных с ним научных организациях. Он был председателем его Научно-практического Совета, вице-президентом Международного союза экономистов, председателем его Координационного Совета, вице-президентом, почетным академиком Международной академии менеджмента. Леонид Иванович высоко ценил традиции свободного обмена мнениями на конференциях, семинарах, круглых столах, организуемых ВЭО России, всячески способствовал практическому использованию результатов такого рода обсуждений, проведению различных мероприятий по повышению экономической грамотности учащейся молодежи, привлечению ее к научной работе в области экономики.

* Л.И. Абалкин. Избранные труды. Т. 2. С. 877.

Огромный творческий потенциал, большой опыт организационной деятельности Леонида Ивановича во многом предопределили успешную работу возглавляемого им Научно-практического Совета ВЭО России. Совет ставил своей задачей объединение усилий экономической, научно-технической общественности и специалистов-практиков по вопросам научно-исследовательской, преподавательской, экспертной и иной научной деятельности в области экономики, использования полученных результатов в народно-хозяйственной практике. Свой авторитет, личные связи Леонид Иванович использовал, чтобы наладить сотрудничество Совета с учреждениями Российской Академии наук и академиями наук стран СНГ, государственными учреждениями, общественными и иными организациями, добровольными обществами, творческими союзами, средствами массовой информации, видными научными и общественными деятелями, с зарубежными и международными организациями. Научно-практический Совет определял тематику конференций, семинаров, круглых столов с участием специалистов различных областей, стремясь к всестороннему обсуждению проблем, практическому использованию выдвигаемых предложений и рекомендаций.

Эффективной формой такого рода обсуждений стали круглые столы, регулярно проходившие в Москве в Доме экономиста, многие из которых проводил сам Леонид Иванович. В своем вступительном слове он обычно кратко, но очень содержательно раскрывал значение обсуждаемой проблемы, выделяя наиболее важные аспекты, дискуссионные моменты. Интересны были и его заключения по итогам дискуссии, намечавшие дальнейшие направления научного поиска и дававшие оценку текущей экономической политике. Так что будущим историкам экономической науки несомненно стоит выявить ту роль, которую сыграли в ее развитии круглые

столы «Экономический рост России», проходившие под непосредственным руководством Л.И. Абалкина.

Традиция этих «круглых столов» берет начало с апреля 1994 года, когда в Доме экономиста, на Тверской прошло первое заседание такого круглого стола. С тех пор регулярно, раз в два-три месяца, ВЭО России собирало и собирает до сих пор ученых-экономистов и директоров предприятий, российских парламентариев и руководителей министерств и ведомств, преподавателей вузов, аспирантов. Темы дискуссий — актуальные проблемы российской экономики, экономических реформ. Л.И. Абалкин всегда большое внимание уделял отечественной истории, обсуждению опыта экономических преобразований, осмыслению с современных позиций наследия известных российских ученых, государственных и общественных деятелей. Выступления на заседаниях позволяли проанализировать ситуацию в экономике России, выработать стратегию ее экономического развития с учетом новейшей ситуации в мировом сообществе, усиления роли социальных, экологических, технологических и иных факторов, выявить возможные взаимосвязи социально-экономического развития России с развитием в экономике и социальной сферы стран ближнего и дальнего зарубежья.

С 1994 года руководителем постоянно действующего круглого стола российского Вольного экономического общества «Экономический рост России» был Леонид Иванович. Он определял тематику, предлагал докладчиков, открывал заседания, выступал с заключительным словом. Он гордился сложившимися традициями проведения таких столов, отвечающими вообще традициям ВЭО — приглашать в качестве основных докладчиков крупных специалистов, ведущих ученых, но не навязывать им свой взгляд, не влиять на характер выступлений, никак не мешать обсуждению актуальных

ключевых проблем. Нередко обсуждения не ограничивались пределами России, а выходили на самые разнообразные проблемы мирового развития. Материалы обсуждения направлялись в высшие эшелоны государственной власти страны, региональные отделения Общества, публиковались на страницах его «Научных трудов».

Плодотворным оказалось предложение Л.И. Абалкина провести в 2008 году четыре круглых стола, связанных тематически — о национальных проектах, их возникновении и перспективах; по проблемам бедности и возможностям ее преодоления; по вопросам развития малых и средних городов; по проблемам технологической базы российской экономики и экономической безопасности. Программа была напряженной, но выполнена, что существенно способствовало дальнейшему углублению анализа этой тематики.

Круглые столы не несли никаких административных функций. Леонид Иванович говорил: мы не принимаем директивных решений, постановлений, не даем поручений. Наша задача — вызвать общественный интерес к проблеме, довести наши идеи и предложения до руководства страны и регионов, помочь сформировать общественное мнение. Круглый стол объединяет людей высокой гражданской позиции, людей, осознающих свою ответственность перед страной, перед людьми. Мы, продолжал Абалкин, даем свободу высказать все мнения и попытаемся донести информацию до властных структур — это наш долг. Круглые столы позволяют ученым и специалистам реализовать свой научный потенциал и вне своего коллектива, обменяться мнениями, расставить акценты. Общий вывод таков: «Наши заседания — это постановка проблем, пицца для размышления, то есть все то, что стимулирует научный поиск и приводит к каким-то практическим рекомендациям. Это — наш вклад в строительство России, в будущее».

С начала XXI века первый круглый стол ежегодно был посвящен традиционной теме «Год прошел: что дальше?» Однако после нескольких заседаний круглых столов Л.И. Абалкин предложил изменить формат обсуждения. Принятый ранее формат, объяснял он, не дает возможности видеть перспективу, исчезает стратегическое видение проблемы, а это не позволяет четко определить связь того, что было сделано, с дальнейшим развитием страны. Поэтому в 2008 году формат круглого стола по предложению Л.И. Абалкина был изменен — стали отсчитывать годы с начала века, а потом говорить: что дальше?

Так, 6 февраля 2008 года прошел «круглый стол» «Итоги семи лет: что дальше?», 4 февраля 2009 года — «Восемь лет прошло: что впереди?». При таком подходе участники обсуждения не утрачивали дальнорзости, видели стратегию развития страны. Леонид Иванович подчеркивал, что при решении современных проблем нужна именно долгосрочная стратегия. Нельзя, например, просто перестать вывозить из страны сырье — нефть, лес, рыбу... Надо организовать высокотехнологическую переработку сырьевых ресурсов: создать новые производственные мощности, подготовить кадры, определить рынок сбыта, что требует времени. Результаты обсуждений при таком подходе к их организации вызывают повышенный интерес к проблемам, будоражат общественное мнение, вводят в научный оборот новые идеи, способствуют активизации интеллектуальной мысли, поиску решений проблем, стоящих перед страной. Круглые столы проводились так, чтобы они действительно отвечали завтрашнему дню России.

В память Л.И. Абалкина и продолжая его традиции, Вольное экономическое общество России с 2012 года преобразовало заседания круглого стола «Экономический рост России» в Абалкинские чтения. В феврале 2012 года обсуждалась,

например, тема «Россия на политико-экономической карте мира: тенденции, прогнозы, перспектива». Речь шла о стратегиях социально-экономического развития России до 2020 года. А в 2015 году юбилейном для Вольного экономического общества России проходили Абалкинские чтения «Экономический рост России» на тему «Денежно-кредитная политика как инструмент экономического роста... или падения?». В ВЭО России ежегодно проводится Всероссийский конкурс работ молодежи по экономике «Экономический рост России». Л.И. Абалкин обычно принимал участие в церемонии награждения победителей конкурса среди студентов и слушателей высших учебных заведений России, научных сотрудников, аспирантов, соискателей научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, школьников, всегда подчеркивал важность воспитания молодых кадров российской экономической науки.

* * *

Есть отличный афоризм: «Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся». Леонид Иванович Абалкин и был тем учителем, у которого многие хотели учиться. Можно долго перечислять имена тех, кто с гордостью называет себя его учениками. Мнением и оценками Абалкина они дорожили, его работы ждали с нетерпением и всегда искали в них новые постановки актуальных для развития страны и науки вопросов. Прошедшее уже после кончины академика Абалкина время показывает, что интерес к его творчеству, его трудам не пропадает, а, наоборот, наращивается. Мы видим это и по вышедшей в нашем Издательском доме «Экономическая газета» работе: «Абалкин Л.И. Россия: осмысление судьбы» (2012), и по содержаниям прошедших круглых столов, семинаров в Вольном экономическом обществе России в цикле «Абалкинские чтения», по продолжающейся в научном мире

разработке поставленных им проблем. Это действительно Учитель с большой буквы.

Содержание научного поиска, научной деятельности, отраженное в многочисленных работах Леонида Ивановича, показывает, что нет ни одной из его работ, которая не опиралась бы на традиции отечественной школы социально-экономической мысли, на ее методологические принципы и не была бы устремлена в будущее. Действительно, для него это была Школа. Но не будем забывать, что на русском языке школа — это еще и образовательное учреждение, состоящее из нескольких классов. Леонид Иванович был не только сам ярким представителем российской школы социально-экономической мысли. Несомненно и то, что в этой школе ныне целый класс принадлежит Леониду Ивановичу. Этот класс включает в себя и ставшие уже традиционными Абалкинские чтения, которые проходят в Вольном экономическом обществе России, в Институте экономике РАН и высших учебных заведениях страны. Этот класс «представляют» и замечательные труды академика Л.И. Абалкина. Читайте их, учитесь по ним, размышляйте вместе с академиком Абалкиным о судьбах России. Это он завещал всем, кто неравнодушен к истории России, ее будущему.

Гавриил Попов: мировоззренческие ориентиры в жизни и научном поиске*

Осенью 2010 года к 245-летию юбилею ВЭО — Вольного экономического общества России, основанному еще императрицей Екатериной II, вышла в Москве под грифом Международного университета книга президента общества Гавриила Харитоновича Попова. Называлась она — «Экономист не об экономике». Делегаты съезда получили книгу в подарок. Получил и я. Всегда с интересом относился к работам, которые выходили из-под пера Гавриила Харитоновича, но вот эта прямо-таки поразила. Профессор, доктор экономических наук, президент Вольного экономического общества России с двадцатилетним стажем, президент Международного союза экономистов — авторитетной организации, имеющей статус Генерального консультанта Экономического и Социального Совета ООН, президент Международного университета, известный ученый и общественный деятель, у которого премного еще других почетных званий, должностей, регалий, — и вдруг взял объектом своего исследования культуру, литературу, искусство. И не просто взял. Легко и свободно писал он о русских и зарубежных авторах, о героях классической прозы, о действующих лицах современных повестей и романов, о задумках и творческих планах знаменитых постановщиков театральных действий, увлекательно делился впечатлениями о прочитанном, мудро размышлял об авторских идеях и судьбе героев общественно значимых произведений. Уже сами по себе эти мысли были крайне важны и поучительны для читателя, ведь в них излагался взгляд на

* Вступительная статья к книге серии «Президенты Вольного экономического общества России»: Г.Х. Попов. В бурях эпохи. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012. См. также: Единство научного поиска, управленческой практики, жизненной позиции исследователя и публициста (к юбилею известного ученого-экономиста Попова Г.Х.) // Менеджмент и бизнес-администрирование, № 3, 2011; Гавриил Попов: мировоззренческие ориентиры в жизни и научном поиске // Журналист, № 11, 2011.

жизнь человека широко образованного, умеющего созерцать и анализировать, умеющего обобщать и приходить, казалось бы, к парадоксальным, но все же непреложным истинам.

И всегда это был совершенно неожиданный взгляд, всегда совершенно неожиданная постановка проблемы, всегда совершенно неожиданный выбор ракурса «подачи» давно известного, знакомого, выученного чуть ли не наизусть. Но... Но Гавриил Харитонович как истинный ученый не останавливался только лишь на наблюдениях, вдумчивых размышлениях. На основании выводов, из них вытекающих, он устанавливал не всегда видимую всем, скрытую, но осязаемую связь между событиями чуть ли не двухсот-трехсотлетней давности и современной действительностью.

Раздумывая, скажем, о Николае Васильевиче Гоголе и его «Мертвых душах», он показывал, что и сегодня мертвые души господствуют в нашем обществе, что мрачная, удушающая плесень коррумпированной бюрократии поразила и наш государственный аппарат, что чиновничье сословие успешно «живет и процветает» как когда-то в дореволюционной или в советской, так и в нынешней, вроде бы демократичной атмосфере. Плюшкины и ноздревы, собакевичи и чичиковы продолжают кичливо жить и здравствовать в бюрократическом мире государства российского. Пусть и в ином обличье, в ином платье. Да вот же, вот они. Вот они ходят здесь, между нами, занимают министерские посты, директорские кресла, менеджерские и референтские должности, а характер-то их и делишки остались прежними — беспринципно-наглыми, угодливо-вороватыми, льстиво-беззастенчивыми, слащаво-вредоносными...

Конечно, я и раньше читал вошедшие в юбилейную книгу литературно-философские эссе Г. Попова, его полемические очерки, автобиографические впечатления и воспоминания, политически острые замечания на какое-то памятное

историческое событие, на творчество известных писателей, драматургов, режиссеров, публиковавшиеся в различных журналах или газетах и становившиеся обычно заметным событием для читающей публики. Но собранные вместе под одним переплетом, эти материалы производили особенно сильное впечатление, тревожно-ярко высвечивали стоящие перед обществом злободневные задачи. И одновременно, как-то невольно, исподволь, раскрывали личность самого Гавриила Харитоновича, по-новому высвечивали необычайно яркие грани его научно-публицистического таланта.

Наглядность, выразительность, актуальность вообще характерны для работ Гавриила Харитоновича. Ни одной его публикации нельзя назвать «вещью в себе». Они всегда «работающие», зажигающие мысль, заставляющие думать, принимать решения, действовать. Поэтому, обращаясь в год 75-летия ученого к его творческому наследию, мы бы хотели дать пусть небольшой, в формате цикла книг о президентах ВЭО России*, но все же представительный сборник его публицистических работ, рассказать о его жизни и творчестве.

В сборник вошли и материалы из книги «Экономист не об экономике», и его воспоминания о своих учителях, друзьях и соратниках, и их личные впечатления о его произведениях, работе с ним, научных дискуссиях, встречах, диалогах. Здесь мы пытались сохранить тот стиль, дух, то настроение, с которыми экономист говорит «не об экономике», пытались понять Гавриила Харитоновича Попова как гражданина, патриота своей страны, как человека, который отдает все свои силы, все свои знания и опыт на благо сегодняшней и будущей России.

* Издательским домом «Экономическая газета» в цикле книг «Президенты ВЭО России» уже изданы работы: В. Павлов «Верю в Россию» (2005), «Особое мнение адмирала Мордвинова» (2008), К.Д. Кавелин «Русский национальный интерес» (2010). В этот цикл входит и книга С.А. Ситаряна «Уроки будущего» (2010). Академик С.А. Ситарян многие годы возглавлял Международную академию менеджмента, тесно связанную с ВЭО России.

* * *

Для меня знакомство с Гавриилом Харитоновичем Поповым, не лично с ним, а с его трудами, началось более сорока лет назад. Я учился тогда на втором курсе индустриального техникума в подмосковном Орехово-Зуеве. А познакомил меня с его работами мой старший брат Николай, служивший на флоте, на крейсере «Октябрьская революция». Крейсер был гордостью Балтийского флота — мощнейший, одна его длина уже поражала мир — 210 метров, красивейший, образцово-показательный корабль, где служили лучшие из лучших. Волей судеб служить на этом крейсере секретчиком-связистом был направлен Николай. Брат также окончил Орехово-Зуевский индустриальный техникум, а на корабле, решив поступать после срочной службы в институт, стал заочно учиться в десятилетке, чтобы, обновив знания, получить дополнительно к диплому техникума и аттестат о среднем образовании. Сразу же по увольнении с морской службы он поступил на экономический факультет Московского государственного университета, выбрав специализацией экономическую кибернетику. Николай и рассказал мне, что как-то на крейсере, когда он готовился к очередному экзамену по курсу средней школы, его друг и товарищ Виктор Аксючиц (впоследствии ставший известным политиком, народным депутатом), просмотрев имевшиеся у него на полке книги, сказал: «Все это важно, но вот это тебе точно пригодится, почитай-ка «Технику личной работы» — и протянул небольшую, в мягкой обложке книгу Г.Х. Попова. Брату она понравилась, по возможности он стал применять помогавшие ему авторские советы по самостоятельной организации учебно-творческой, научной, личной работы. Поэтому-то, когда Николай уже учился в университете, он и мне дал эту книгу: «Читай и тоже готовься поступать на наш факультет». Книга оказалась интересной, но тогда подумалось: «Зачем

мне это, закончу техникум, потом пойду в армию, а после стану работать на стройке, вряд ли мне там пригодятся советы маститого ученого».

Действительно, после техникума работал в строительном-монтажном управлении на Урале, затем пошел в армию. Зарплата по тем временам была неплохая, работа, люди нравились, ничего менять не хотелось. Но старший брат, заканчивавший уже университет, говорил и говорил, что нужно, нужно, нужно учиться дальше. Для меня он был авторитетом, и я решил уступить ему, «что ж, была не была», попробую сдать вступительные экзамены на экономический факультет МГУ: «Провалюсь, не беда, буду дальше работать прорабом...». Но получилось так, что на экзаменах я, к своему искреннему удивлению, не провалился. И вот на первом курсе прохожу как-то по коридору учебного корпуса МГУ и на одной из дверей вижу строгую табличку: «Гавриил Харитонович Попов. Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой». Вспомнилось: а ведь пять лет назад не раз листал его книгу. Захотелось теперь послушать и лекции автора, которые он читал тогда для третьекурсников.

Лекция, на которую я пришел, на самом деле оказалась для меня уникальной. Такого обилия неизвестных исторических фактов, тонких наблюдений, звонких цитат, ярких сравнений, описывающих прошлое и настоящее народного хозяйства нашей страны, сцементированных выводами известных представителей мировой экономической мысли и примерами из литературных произведений, — всего этого богатства в лекции по управлению народным хозяйством (!) не ожидал. Не ожидал, а потому сидел и чувствовал себя ничего не знающим человеком — далеко не обо всех из упоминаемых лектором ученых, писателях тогда можно было говорить вслух, и уж тем более их цитировать, не значились они и их труды ни в школьной, ни в вузовской программе, не был я знаком

и с новыми направлениями западной науки об управлении. Да, эта новая для советских вузов дисциплина требовала, как доказывала лекция Гавриила Харитоновича, фундаментальных, разносторонних знаний и не сводилась к примитивному, «идеологически правильному» партийному руководству народным хозяйством. Требовала исходить из объективных законов экономики, вытекающих из них принципов и методов четкого, научно выверенного управления предприятием, отраслью, регионом, большим или малым отдельным проектом.

Лекция понравилась чрезвычайно. Все в ней было мастерским, вдохновляющим. Ясный язык, строгая логика изложения, насыщенность примерами, доходчивая интерпретация теоретических постулатов и объективных закономерностей. Выводы напрашивались сами собой, становились от этого еще более убедительными. Ученый тщательно и с любовью «готовил» научное кушанье, красиво раскладывал его на блюде и протягивал слушателям. Попробовали, оказалось: деликатес.

С той лекции я, первокурсник, стал, когда учебное время позволяло, постоянно посещать и другие выступления Г.Х. Попова для старших курсов. Мне они были нужны как воздух и запомнились навсегда. Доступный и образный стиль лекции, обилие новой информации, исторические примеры, теоретические парадоксы, ошибки и достижения хозяйственной практики, вызванные управленческими решениями, красиво скомпонованные статистические данные — все это будило мысль, заставляло искать ответы на возникающие вопросы, рождало желание поскорее прочесть упоминаемые книги, чтобы побольше узнать о том или ином ученом, его трудах, научных воззрениях. А когда Гавриил Харитонович и для нашего курса начал читать лекции, я, несмотря на уже состоявшуюся «подготовку», по-прежнему

слушал их, как говорится, с открытым ртом. Привлекали новая постановка проблем, равнодушное отношение лектора к излагаемому материалу, его эрудиция...

С тех далеких теперь уже студенческих лет и не пропадет неизбывный интерес к работам Гавриила Харитоновича, жизненным обстоятельствам, вызвавшим появление его очередных творческих трудов, к страницам его содержательной-но-бурной социально-общественной и научной биографии.

* * *

Гавриил Харитонович Попов родился в Москве 31 октября 1936 года. Тогда в Москве, в Сельскохозяйственной академии учились его родители — Харитон Гаврилович и Феодора Георгиевна. Эта была греческая семья из старинных мариупольских греков. После окончания учебы семья Поповых переехала в Сибирь, затем — в Алтайский край, а после — в Ростовскую область. Там на хуторе Пухляковка он в 1944 году поступил в начальную школу, а среднюю завершал уже под Новочеркасском. Учился с интересом, легко и пылливо, школу окончил в 1954 году с золотой медалью. В том же году поступил на экономический факультет Московского университета. Это был поистине судьбоносный выбор.

Экономический факультет был одним из ведущих в стране центров экономической науки. Его славу и мощь крепили блестящие преподаватели, умевшие увлекательно раскрывать тематику учебных курсов, вызывать у студентов горячее желание заниматься самостоятельным научным творчеством, с интересом осваивать экономические знания, находить ответы на волновавшие тогда всех сложные вопросы социально-экономического бытия страны. Уже в студенческие годы курсовые работы Попова, его содержательные выступления на семинарах, исчерпывающие ответы при сдаче зачетов и экзаменов отличали обширность познаний, не ограничи-

вавшихся знакомством лишь с обязательной литературой, оригинальность и независимость суждений. Попов активно участвовал в работе факультетского научно-студенческого общества, выступал с отличавшимися научной новизной авторскими рефератами и докладами. Его успехи были отмечены присуждением повышенной сталинской и ленинской стипендий. Специализировался он по кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности, тесно сотрудничавшей с экономическими службами предприятий, в чем, конечно, большая заслуга крупного талантливого ученого, руководителя кафедры Сергея Кузьмича Татура. К глубокому знакомству с реалиями хозяйственной жизни страны нужно добавить фундаментальное изучение политической экономии, которое требовалось от всех студентов экономического факультета. В те годы одновременно с Поповым училась будущая замечательная плеяда ученых-экономистов, в общении и интеллектуальном соревновании с сокурсниками обогащались и развивались присущие ему работоспособность, эрудированность, компетентность, склонность к научному поиску.

В 1959 году Гавриил Харитонович с красным дипломом окончил учебу в университете, получив специальность «экономист, преподаватель политической экономии». В том же году был принят в ряды КПСС. Ему предложили продолжить обучение в аспирантуре по кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности. В этой новой для советской планово-директивной системы хозяйствования научной области он выбрал себе и соответствующую тему кандидатской диссертации: «Применение информационных машин в экономике». Тему новую. Смелую. Ведь тогда за кибернетикой все еще тянулся шлейф «буржуазной лженауки». Защита успешно прошла в 1963 году. Ученая степень кандидата экономических наук была получена.

После защиты Г.Х. Попов рекомендуется к работе на факультете в качестве преподавателя. Более четверти века, с 1963 по 1988 год, его трудовая, научная, общественная деятельность была тесно связана с экономическим факультетом МГУ, где он довольно быстро прошел все ступени карьерного роста — от ассистента кафедры до декана факультета. В эти годы его научные интересы сосредоточились на неизведанном для советской экономической мысли того периода направлении — теории управления общественным производством в масштабах всего народного хозяйства. В 1970 году Попов, по отзывам оппонентов, прекрасно защитил докторскую диссертацию «Методологические проблемы теории управления общественным производством» и стал самым молодым (!) в стране доктором экономических наук, а в 1971 году получил звание профессора по кафедре планирования народного хозяйства*. В том же году он создал и возглавил одну из первых в стране кафедру по организации и методам управления общественным производством. Плюс к этому энергия и организаторские способности Г.Х. Попова позволили создать при кафедре две принципиально новые научно-исследовательские лаборатории по управленческой проблематике. В результате на экономическом факультете МГУ Гавриилом Харитоновичем Поповым был создан мощный научно-исследовательский центр проблем управления общественным производством, который вскоре получил широкое признание в стране как один из ведущих в области

* В 1971–1973 гг. «молодой профессор» Попов совмещал работу на экономическом факультете МГУ с работой в Институте научной информации по общественным наукам Академии Наук СССР — ИНИОН АН СССР. (Его заместителем здесь был Руслан Иманович Хасбулатов — впоследствии доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, в начале 90-х гг. — с мая 1990 г. по июнь 1991 г. — первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР, с мая 1991 г. по октябрь 1993 г. — председатель Верховного Совета (парламента) РФ. Ныне — заведующий кафедрой экономики зарубежных стран Российской экономической академии им Г.В. Плеханова). В ИНИОНе Г.Х. Поповым были предложены новые принципы и методы сбора, обработки и классификации научной информации по социально-экономической тематике.

подготовки высокопрофессиональных кадров управленцев и организации широких научных исследований.

В 1978 году коллектив экономического факультета МГУ оказывает Г.Х. Попову высокое доверие и избирает его своим деканом. Декан факультета Г.Х. Попов приложил значительные усилия к дальнейшему укреплению его авторитета, сохранению за ним лидирующих позиций в области экономической теории, организации экономических исследований, подготовке и переподготовке экономических кадров. В период деканства Г.Х. Попова на факультете работали и были привлечены к работе такие известные ученые, как академик АН СССР Т.С. Хачатуров, будущие академики, доктора экономических наук А.И. Анчишкин, С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков, основатели новых направлений в экономической теории, доктора экономических наук, академики отраслевых академий, профессора Н.А. Цаголов, А.Г. Егиазарян, А.Д. Шермет, Е.Г. Ясин, А.М. Емельянов. Был значительно расширен набор студентов на отделение «Планирование и математические методы анализа экономики». Появились новые направления специализации студентов, в том числе в области управления народным хозяйством, экономики промышленности, экономики сельского хозяйства, экономики труда, бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности. Значительно расширились международные связи факультета.

В его учебных аудиториях стали выступать «знаковые» западные ученые-экономисты. Так, для студентов того времени подлинным откровением стала лекция всемирно известного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, который много говорил и писал о возможности и необходимости конвергенции (тогда категорически не принимаемой и всячески отвергаемой официальной советской наукой) двух систем — капитализма и социализма, усилении внимания к инвести-

циям в человеческий капитал. В результате на факультете значительно возрос интерес к исследованию зарубежного экономического опыта, существенно усилился кадровый состав кафедры мировой экономики, резко вырос престиж специализации студентов в этой области научных знаний. И хотя в силу разных причин Г.Х. Попов досрочно покинул пост декана экономического факультета, его начинания оставили заметный след в истории МГУ — Московского государственного университета.

* * *

Впечатляет научная и научно-организационная деятельность Г.Х. Попова. Как специалист в области теории управления общественным производством, он довольно быстро приобрел широкую известность и у нас в стране, и за ее пределами благодаря прежде всего научным публикациям по наиболее острым проблемам функционирования народного хозяйства, замечательным публичным выступлениям на различного рода конференциях и форумах, а также в средствах массовой информации. Талантливого, авторитетного ученого заметили и в высших эшелонах власти. Он стал приглашаться к работе в составе специальных групп ученых, которых руководство страны привлекало к подготовке важных партийно-правительственных документов по экономико-управленческой тематике, в том числе проведению экономических экспериментов в 70–80-х годах, направленных на совершенствование всего народно-хозяйственного механизма*.

* Здесь нельзя не отметить, что тогда же родилась одна замечательная и плодотворная идея — идея воссоздания Вольного экономического общества, образованного в 1765 году и успешно работавшего до 1919 года. В 1981 году группа ученых, ядром которой были заведующий кафедрой экономического факультета МГУ академик Т.С. Хачатуров, профессора Г.Х. Попов и А.Д. Шеремет, обратилась в ЦК КПСС с обоснованием необходимости создания Научно-экономического общества (НЭО). Предложение было принято, и уже в декабре 1982 года состоялся учредительный съезд нового общества, в организации которого большую роль сыграла и «Экономическая газета». Общество объединило около 400 тысяч специалистов различных сфер науки, образования и производства всех республик бывшего Советского Союза. Председателем правления НЭО был избран академик Т.С. Хачатуров, а профессор Г.Х. Попов — членом

В начале перестройки Г.Х. Попов входит в состав правительственной Комиссии по совершенствованию управления. При его непосредственном участии в Комиссии разрабатывались важнейшие документы о статусе и функциях социалистического предприятия, вопросы перехода к самофинансированию и полному хозрасчету предприятий и объединений, совершенствования работы союзных министерств и ведомств, внедрения и активного использования экономических методов управления ведущими народно-хозяйственными отраслями и крупными экономическими регионами, вопросы подготовки и повышения квалификации высших управленческих кадров, организации труда руководителя.

Революционной в этом плане стала работа Всесоюзной конференции «Проблемы научной организации управления», состоявшейся в ноябре 1986 года в Москве в Колонном зале Дома союзов. Инициатором конференции выступил руководитель секции Научно-экономического общества СССР профессор Г.Х. Попов, а организаторами, при активном участии «Экономической газеты», выступили Центральное правление Научно-экономического общества, Отделение экономики АН СССР. Ставилась задача — обсудить проблемы создания целостной концепции хозяйственного механизма, к которому должны были прийти в результате радикальной экономической реформы. Конференция стала важным шагом не только на пути определения характера и особенностей рыночных преобразований в стране, но и послужила делу консолидации ученых, позднее возглавивших в Советском Союзе экономические реформы. В их числе —

президиума, руководителем секции «Управление общественным производством». Секции НЭО стали местом, где удалось обсудить назревшие экономические проблемы и выработать эффективные программы экономического развития. Секция «Управление общественным производством» отличалась при этом своей особой активностью. Нередко научные идеи, высказанные за ее «круглыми столами», выносились на всесоюзные форумы, овладевали умами сотен тысяч инициативных соратников, реализовывались в конкретных планах предприятий.

академики РАН Л.И. Абалкин, С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков, С.А. Ситарян, А.Г. Аганбегян. Н.П. Шмелев, Н.А. Тихонов, известные ученые-экономисты Г.Х. Попов, Н.Н. Гриценко, Е.Г. Ясин, А.Д. Шеремет*.

Конференция в Колонном зале имела и другой результат — на прошедшем в декабре 1987 года съезде было решено преобразовать НЭО во Всесоюзное экономическое общество, призванное собрать в один «кулак», в один штаб всех экономистов страны — практиков и ученых. С августа 1991 года Г.Х. Попов исполнял обязанности президента этого Общества. А в январе 1992 года было создано Вольное экономическое общество России — ВЭО России, объединившее все российские региональные организации ВЭО, продолжившее славные традиции императорского Вольного экономического общества. Президентом ВЭО России на учредительном съезде был избран Г.Х. Попов. В том же году он стал президентом Московского международного университета, созданного еще летом 1991 года по инициативе президентов СССР и США — Михаила Горбачева и Джорджа Буша-старшего**.

* В работе конференции приняли участие свыше 1300 человек — ученые, специалисты, практики. Основные доклады руководителей секций и участников были опубликованы в трех номерах «Экономической газеты» (в № 46–48 за 1986 год), авторами которых кроме уже названных ученых были такие известные экономисты, как Р.А. Белоусов, С.И. Шкурко, Г.А. Егиазарян, А.Н. Шохин, В.И. Щербаков, П.Г. Бунич, Е.Т. Гайдар, Л.А. Козлов, А.М. Емельянов, Б.З. Мильнер, В.С. Рапопорт, Е.К. Смирницкий.

** Среди многочисленных научно-организационных и общественных «нагрузок» Г.Х. Попова в эти годы особое место занимает работа в редакции академического журнала «Вопросы экономики». Избранный в 1988 году главным редактором научно-теоретического издания Института экономики РАН Гавриил Харитонович «превратил» журнал в действительно дискуссионную трибуну научного сообщества страны, за которой шел острый, порой нелицеприятный, но всегда конструктивный разговор о путях рыночных преобразований. Многогранный мировой опыт, кипучая научная жизнь страны, вся гамма взаимоотношений экономики и общества, непростой генезис отечественных институтов и механизмов рынка, диалектика макро-, мезо- и микроэкономики... — все новое, смелое, неизвестное находило свое отражение на страницах журнала. Его тираж вырос до невиданных для сугубо научного издания отметок — 80 000 экземпляров. С 1988 до 1992 г. Г.Х. Попову в качестве главного редактора (заместителем главного редактора был С.Н. Красавченко, впоследствии ставший известным деятелем российского социал-демократического движения) удалось привлечь к работе с журналом практически все дееспособные в стране научно-экономические институты, вузы, кафедры, исследовательские центры и подразделения. Многие, впервые публиковавшиеся в журнале такого уровня авторы, впоследствии занимали высокие административные и научные должности, стали проводниками его реформаторских идей в науке и хозяйственной практике.

Вклад Г.Х. Попова в становление и развитие общественных объединений экономистов значителен не только в России, но и за рубежом. С его именем тесно связано создание Международного союза экономистов, президентом которого он бессменно трудится с 1991 года. За истекшие 20 лет своей деятельности МСЭ стал влиятельной международной организацией, объединяющей ныне представителей 48 стран мира. А если уж говорить о других научных статусах и общественных званиях Г.Х. Попова, то нужно, конечно, упомянуть, что он академик Российской академии естественных наук, почетный академик Международной академии менеджмента, президентом которой он стал в 2009 году. Гавриил Харитонович Попов избран также почетным доктором Университета штата Южная Юта и Даулинг-Колледжа (Нью-Йорк), почетным гражданином Токио, Сеула и американского штата Мэриленд.

Под научным руководством Г.Х. Попова защищено около 50 кандидатских и 4 докторские диссертации, разработаны и начали преподаваться содержательно новые вузовские курсы по управлению производством, написаны многочисленные учебники и учебные пособия. Профессор Г.Х. Попов — автор более 300 научных трудов, в том числе 18 собственных и 15 коллективных монографий. Широко известны его работы: «Применение электронных машин в экономике», «Техника личной работы», «Проблемы теории управления», «Эффективное управление», «Пути перестройки», «Блеск и нищета административной системы», «Снова в оппозиции» и другие. Его произведения не раз переводились и издавались в Китае, Венгрии, Польше, Болгарии, Монголии, Вьетнаме, Кубе и других странах.

Научная деятельность Г.Х. Попова отмечена многочисленными наградами. Упомянем лишь, что в 2009 году ему была присуждена первая премия Евразийского клуба ученых за

историческое исследование развития мировой и российской экономики, за разработки, обеспечивающие новые пути и возможности экономического роста*.

* * *

В результате своих многолетних теоретических исследований, изучения зарубежного и советского опыта хозяйствования, обобщения практики реформирования советской экономики Г.Х. Попов пришел к твердому убеждению о ее слабой восприимчивости к достижениям научно-технического прогресса, органичном отторжении ею новых методов хозяйствования и управления. Именно он первый дал социалистической хозяйственной системе хлесткое определение как государственно-бюрократической, командно-административной, казарменной системы, утвердившееся в годы перестройки. Все больше убеждался он и в неспособности коммунистического руководства коренным образом улучшить положение дел в Советском Союзе, что побудило его на пике перестроечной трансформации страны перейти в открытую политическую оппозицию к властным структурам КПСС.

Яркая карьера политика Попова началась в марте 1989 года, когда он был избран народным депутатом СССР от Всесоюзного экономического общества и Союза научных и инженерных обществ**. На съезде народных депутатов он стал

* Кстати, в связи с многочисленными наградами Г.Х. Попова мне всегда вспоминается один очень красноречивый факт. Став в 1986 году лауреатом престижной Ломоносовской премии в МГУ, Попов денежную часть премии (а она по тем временам была весьма солидной — более тысячи рублей, т.е. составляла несколько среднемесячных зарплат по стране) целиком передал на восстановление мужского монастыря и церкви на Соловках, где во времена сталинских репрессий был лагерь для политических заключенных. Это был смелый публичный поступок, ведь тогда — даже в 80-е годы XX столетия — о таких лагерях, да и церквях с монастырями в стране вообще старались не упоминать, а здесь о таком пожертвовании ученого было кем-то рукописно сообщено на стенде объявлений факультета. И хотя по-христиански Гавриил Харитонович не афиширует подобного рода поступки, его близкие знают, что оказание действительной помощи церквям, монастырям, духовным центрам давно стало для него жизненной нормой.

** В принципе Г.Х. Попов всегда был активным участником общественной жизни, работал в комсомольской организации экономического факультета МГУ, а также и всего Московского университета. В конце

одним из самых активных сопредседателей созданной демократической оппозицией знаменитой Межрегиональной депутатской группы, ее своеобразным мозговым центром. Другими сопредседателями были Ю.Н. Афанасьев, Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров и В.В. Пальм. Участники группы сыграли ключевую роль в ликвидации монополии КПСС на исполнение властных полномочий, разрушении системы «государственного социализма». Свои идеи о путях его преодоления Попов пытался практически претворить в столице. В марте 1990 года он был избран депутатом Московского совета народных депутатов, в котором большинство имели представители демократического движения, а в апреле того же года его избирают председателем Моссовета. В июне 1991 года Попов голосами более чем 3 миллионов москвичей на свободных альтернативных выборах избирается мэром столичного мегаполиса. На постах председателя Моссовета, мэра Москвы Г.Х. Попов провел смелую и показательную для всей страны административную реформу, разделив столицу на округа (во главе которых стояли назначаемые мэром префекты), а также управы в качестве органов самоуправления. В столице был осуществлен принципиально отличный от официального общероссийского предложенный им московский вариант народно-демократических реформ — проведена бесплатная приватизация жилья, в частную собственность переданы предприятия сферы обслуживания, осуществлен комплекс мер по поддержке бедных слоев москвичей, введены бесплатный проезд для пенсионеров, доплаты на детей. Попов выступил против хаотичной и скоротечной, непро-

1950-х и в начале 1960-х годов был даже на освобожденной комсомольской работе в бюро ВЛКСМ и на посту секретаря Комитета комсомола МГУ. Избирался также членом парткома МГУ, кандидатом в члены Ленинского райкома КПСС г. Москвы. Однако путь его в большую политику был тернист и извилист. На этом пути было все: взлеты и падения, победы и поражения, озарения и разочарования, заботливые подножки «заклятых» друзей-оппонентов и более чем сдержанная «поддержка» единомышленников.

думанной приватизации крупных заводов и монопольных предприятий.

В августе 1991 года Г.Х. Попов решительно выступил против силовых попыток ГКЧП сохранить власть партийно-чиновничьей номенклатуры*. В этот самый сложный период в истории страны вновь проявились его незаурядные качества и политика, и организатора. Москвичи вместе с избранным ими мэром не только не дали втянуть себя в кровавое противостояние с войсками, введенными по приказу ГКЧП в столицу, но и смогли заставить военных отказаться от применения силы против мирного населения, а в ряде случаев — перейти на демократическую сторону**.

Вскоре после провала путча обозначились серьезные разногласия между столичным мэром Г.Х. Поповым и президентом Б.Н. Ельциным по проблематике дальнейшего осуществления в России социально-экономических и политических реформ. Б.Н. Ельцин, пригласив в свою команду Е. Гайдара, открыто взял курс на проведение в стране крайне болезненной «шоковой терапии», безудержной либерализации цен, масштабной номенклатурно-олигархической приватизации, либерализации (с криминальным душком) внешнеэкономической деятельности, на безрассуд-

* В интервью журналу «Итоги» (№ 30 от 25 июля 2011 г.) бывший посол США в СССР Джек Мэтлок вспоминает, что еще 20 июня 1991 г. Г.Х. Попов первый сообщил ему о готовящемся путче с просьбой довести данную информацию до президента РФ Б.Н. Ельцина, находившегося тогда с официальным визитом в Вашингтоне. По дипломатическим каналам информация была немедленно передана в Белый дом, президент США Дж. Буш-старший во время телефонного разговора сообщил также и Горбачеву М.С. тревожные новости и их источник, что для бывшего руководителя ЦРУ было больше, чем неосторожно, ведь телефон прямой связи президентов явно прослушивался КГБ. Но дело было сделано, занавес секретности с путча был брошен. И хотя «имя Попова оказалось в первых строчках списка людей, которых путчисты собирались арестовать в случае своего успеха», как показал дальнейший ход событий, интенсивность и масштабы подготовки к путчу заметно снизились.

** В своей опубликованной в августе 2011 года статье «ГКЧП: двадцать лет спустя» («Московский комсомолец», 12–18 августа 2011 г.) Попов вновь обращается к драматическим событиям тех незабываемых дней, дает свою собственную, выстраданную им оценку тех событий. Наверное, не все согласятся с представленными в ней выводами. Однако ясно одно. Статья никого не оставила равнодушным, всколыхнула общественное мнение, заставила вновь задуматься о пережитом в августе 1991-го, о характере и тайных пружинах путча, истинных устремлениях его главных действующих лиц.

ное свертывание социальных программ, резкое сокращение финансирования науки, образования и культуры, здравоохранения, оборонного комплекса.

С такой программой, подготовленной по лекалам Международного валютного фонда, категорически был не согласен Г.Х. Попов, предлагавший свой — народно-демократический вариант рыночных преобразований. Он предусматривал свободное и эффективное соревнование государственной, кооперативной и частной собственности в экономике, последовательное проведение реформы жилищно-коммунального хозяйства и социальной сферы в интересах большинства населения, ощутимую поддержку социально слабых и незащищенных слоев, сохранение природных ресурсов и природной ренты в руках государства и под жестким контролем общественных институтов.

В результате разногласий с Б.Н. Ельциным и его курсом Гавриил Харитонович покинул пост мэра Москвы и вновь перешел в оппозицию к действующей власти. А чтобы обеспечить оппозиции надежную опору, он в феврале 1992 года возглавил новое Российское движение демократических реформ (РДДР), выступившее реальной альтернативой проправительственному блоку «Выбор России», лидером которого был Гайдар. В декабре 2000 года Попов приглашается к работе в общественном совете Российской объединенной социал-демократической партии (РОСДП), которую возглавил бывший президент СССР М.С. Горбачев. В ноябре 2001 года Г.Х. Попов вошел в политсовет новой Социал-демократической партии России, объединившей РОСДП и ряд других социал-демократических организаций. Лидером партии стал Горбачев. В октябре 2007 года Попов вместе с Горбачевым участвовал в работе учредительного съезда общероссийского общественного движения «Союз социал-демократов» и был избран в состав его федерального совета.

Все эти неоднократные усилия Г.Х. Попова объединить на общедемократической платформе социал-демократические силы страны были вызваны, с одной стороны, катастрофическими результатами правительственных реформ, проводимых якобы либеральными, но по сути право-консервативными ставленниками олигархического капитала, а с другой — его попытками донести до общества и получить широкую поддержку иной, альтернативной прогайдаровскому курсу народно-демократической концепции преобразования российского общества.

Отличительная черта Г.Х. Попова как политика состоит в том, что он никогда не держался за руководящие кресла, поскольку рассматривал их лишь в качестве площадки для выражения и реализации своих идей и мыслей. Потому-то он всегда и безо всяких сожалений покидал любой высокий пост, когда чувствовал невозможность осуществления своих задумок, невозможность действовать в соответствии со своим отношением к тем или иным проблемам.

Вот и сегодня Г.Х. Попов подвергает резкой и справедливой критике экономическую и социальную политику нынешней власти, выступающей во многом преемницей прежнего курса чиновно-номенклатурных псевдопреобразований. Так, в частности, Г.Х. Попов дает весьма негативную оценку правительственным программам модернизации экономики, резко отрицательно отзываясь об антикризисных мероприятиях правящего тандема, который вместо поддержки населения в период кризиса (как это делалось в других странах) бросился спасать ростовщические по сути банки, предприятия олигархов, безмерная жадность и неистребимая склонность которых к финансовым спекуляциям немало способствовали обострению кризиса российской экономики.

Однако в этом — весь Попов. Он постоянно в поиске, постоянно будоражит общественное мнение, пересматривает устаревшие, закостеневшие взгляды, заставляет искать, находить и взращивать новое. Этим он и ценен для общества, для политики, для людей, заинтересованных в поиске правды и истины.

Богатая событиями биография Г.Х. Попова, прекрасное знание им условий российской жизни и скрытых механизмов принятия властных решений, его основательная эрудиция, глубокое понимание основных тенденций мировой цивилизации нашли свое яркое отражение и в его литературно-публицистической деятельности.

* * *

Публицистика Г.Х. Попова может служить весьма наглядной иллюстрацией известного тезиса о том, что талантливый человек талантлив во всем. В ней, в публицистике, хорошо известный в стране и за ее пределами ученый-экономист и общественный деятель предстает в совершенно новом качестве — как искусный мастер пера, тонко чувствующий злободневные проблемы российской действительности, способный дать новые, нестандартные и нетривиальные оценки художественной классике, высказать свое, глубоко личностное, выстраданное и пережитое отношение к авторам и героям литературных произведений, театральных постановок, выявить и показать их значение для современного политического и социально-экономического обустройства страны.

Публицистика на протяжении всей отечественной истории была, пожалуй, самым востребованным литературным жанром. Не только цари и российская элита, но и простое население государства российского хорошо понимали политическую и идеологическую силу меткого слова, ораторскую способность «глаголом жечь сердца людей». Русская

публицистика во все времена защищала нравственные идеалы, занималась поисками правды и справедливости, клеймила позором измену, воровство, мздоимство, поднимала российский народ на труд, на бой, на подвиг и, в принципе, способствовала созданию и сохранению российской государственности. Непревзойденными здесь и по сей день образцами являются язвительная переписка царя Ивана Грозного и князя Курбского, огненно-яростные проповеди протопопы Аввакума, «прелестные письма» казацких атаманов Степана Разина и Емельяна Пугачева, обширная переписка императрицы Екатерины II с французскими мыслителями. Русская классическая литература заняла достойное место на мировом олимпе не в последнюю очередь благодаря литературной критике и публицистике неистового В. Белинского, обстоятельного Н. Добролюбова, неутомного Д. Писарева... Публицистика украшала произведения основоположников русской школы социально-экономической мысли — Ю. Крижанича, И. Посошкова, А. Шторха, Н. Мордвинова, К. Кавелина.

Отечественная публицистика стала не только важнейшей предпосылкой становления различных либеральных, социал-демократических, социалистических течений в российской политической практике от А. Герцена, Н. Чернышевского и народников до ленинского большевизма, но и мощным фактором пропаганды и упрочения этих течений в политической системе. В новой и новейшей российской истории публицистика продолжает оставаться важным идеологическим и политическим инструментом формирования общественного мнения. И этим инструментом Гавриил Харитонович Попов пользуется с завидным умением.

Мотивы, побудившие Г.Х. Попова обратиться к публицистике, весьма неординарны и своеобразны, как и все его творчество. Действительно, что заставило молодого, та-

лантливого, успешного и уже в какой-то мере обласканного властями ученого-экономиста, любимого студентами преподавателя заняться публицистикой? Причем не просто заняться, а создать ее принципиально новый жанр. Суть которого, по словам самого Г.Х. Попова, состоит в активном использовании известного литературного произведения, его героев, описанных в нем автором событий, созданных им литературных образов. Использовании для того, чтобы творчески проанализировать определенные социологические, экономические, политические закономерности прошлого и дня сегодняшнего, что для читателя, считает Г.Х. Попов, наверняка привлекательнее или по крайней мере выразительнее, нагляднее, убедительнее, чем стандартно-классические «тяжеловесные» научно-популярные статьи.

Всегда за очерченной писателем или драматургом уникальностью, исключительностью главных героев Попов стремится увидеть нечто характерное, типичное для страны на разных этапах ее развития, за неповторяемостью героев и событий выявить их массовость, за уникальностью — объективную закономерность. Именно такой подход придает пикантную остроту и призывную привлекательность публицистическому творчеству Г.Х. Попова, формирует именно его отличительную, авторскую особенность. Тем более что читатель чувствует: непосредственные причины, побудившие Г.Х. Попова обратиться к анализу тех или иных литературных произведений, коренятся в его искреннем стремлении докопаться до истинных причин невзгод и в СССР, и в современной России. Одна из главных здесь, по Попову, — безраздельное господство бесчеловечной системы государственного казарменного социализма, нынешнего номенклатурно-бюрократического олигархического капитализма.

Это убеждение вызревало у него не сразу, а с годами не только не исчезло, но и усилилось. Он рано понял, да и на себе, конечно же, прочувствовал, что жизнь в СССР в сороковые годы прошлого века была весьма тяжелой. Сталинская власть с такой оценкой в основном соглашалась, но заверяла, что за рубежом народ живет несравненно хуже, и сулила всем наступление вскоре, не сегодня, так завтра, светлого будущего. Во все это Г.Х. Попов, по его признанию, до каких-то пор свято верил. Но жизнь все чаще и чаще заставляла задумываться, все ли и так ли делается для этого. Вот ввели налог за каждое растущее на приусадебном участке плодое дерево. И его дед со слезами на глазах вырубил с трудом выращенный в засушливой донецкой степи сад. Помнилось и то, как библиотекарьша рассказала любознательному ученику об изъятии из библиотеки запрещенных книг русских философов и ученых. В дальнейшем, уже во время учебы в МГУ, он с потрясением узнал о кровавых преступлениях сталинского режима.

Другой причиной обращения Г.Х. Попова к публицистике несомненно стали сущностные черты его характера и прежде всего открытое и откровенное равнодушие к происходящему, способность к сопереживанию, стремление исправить недостатки. Такие люди, как Попов, смело, публично и прямо высказываются по всем волнующим их вопросам, стараются своими делами и поступками улучшить ситуацию.

Равнодушие к судьбам страны проецируется в его взглядах на основные принципы ее государственного устройства. В своих публикациях он обязательно выходит на систему государственной власти, анализирует ее несовершенства. И практически всегда показывает, как это влияет на свободу личности, возможности ее самореализации, рассматривает взаимоотношения человека с государством, выстроенной им системой правления. В поле его зрения всегда коллизия здра-

вого смысла, человека, гражданина с государственной системой во всех ее проявлениях. Любое, будь то теоретическое построение или эмоциональное впечатление от театральной постановки, от прочитанной книги, от конкретного исторического факта, он укладывает на кальку современности, рассматривает человека в тисках противостоящей ему до сих пор государственной власти, показывает, как можно уменьшить дистанцию между властью и человеком, как можно разорвать связывающие его административно-бюрократические путы, создать ему благоприятные условия для проявления его способностей и талантов.

Так, определяя систему государственного социализма в качестве Административной Системы, Г.Х. Попов дает резкую, если не сказать убийственную, оценку ее природы: «В своем логически завершенном виде Административная Система может только реализовывать замыслы Верха. И то — не все. А только те, где не требуется творчества и инициативы, поиска и самостоятельности. Которые допускают исполнителей в виде винтиков данного вида. Система в чистом виде может только подражать, повторять, тиражировать образцы... Вот почему расцвет Административной Системы не мог стать ничем иным, кроме как механизмом торможения» (с. 92).

Конечно, далеко не все согласятся с подобным определением социализма. Кто-то будет пылко возражать, утверждая, что социалистическая система весьма убедительно продемонстрировала свои уникальные возможности в решении задач масштабной индустриализации, культурного строительства, производства вооружений в годы Великой Отечественной войны, освоении целины, космоса и т.п. Однако представляется, что в данных Г.Х. Поповым обобщающих оценках конституирующей основы социализма свою роль играет присущее ему равнодушие к прошлому и будущему своей страны. Он всегда крайне заинтересованно, горячо говорит

о переживаемых ею событиях, хочет поделиться с другими своим их восприятием, своим к ним отношением. Он никому не навязывает свои мысли. Попов, надеясь на встречу с таким же, как он сам, размышляющим читателем, лишь делится с ним своими соображениями по вопросам, которые должны в конце-то концов получить объяснение, увязанное с общей картиной происходящего и тенденциями начинающихся изменений.

Попов — воплощение идеи. Идея становится его идеалом, ее он пропагандирует, не стесняясь и не боясь непонимания, а верность своим идеям и принципам считает дороже жизни.

И как видно из его рассказов о своем детстве и юности, еще одной причиной, подвигнувшей его заняться публицистикой, стало глубокое изучение и осмысление русской классической литературы, привитое умудренными опытом школьными учителями. Как замечает сам Г.Х. Попов, именно великая русская литература прежде всего учила его мыслить. Под влиянием Радищева и Белинского, Герцена и Добролюбова, Чернышевского и Писарева, по комментариям самых разных литературных критиков и общественных деятелей, а в итоге и собственных размышлений он многое понял из того, что ему полагалось по-школьному только лишь бегло «пройти». Именно энциклопедическое знание русской истории и литературы помогает Г.Х. Попову найти доходчиво-верные и метко-образные слова при характеристике недостатков, нелепостей, упущений и ошибок в современной политике и хозяйственной практике. Так, он отмечает, что «в проходивших на моих глазах освоении целины, химизации, мелиорации, проектах переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию, компаниях за дисциплину и против алкоголизма, прожектах «ста дней» и «перелома к осени этого года», да и в «бюджете на три года» я непременно чувствую хлестаковскую «легкость в мыслях необыкновенную», мани-

ловские мечтания, чичиковские махинации и манипуляции, тупую скаредность Коробочки и плюшкинский экономизм, ноздревское бахвальство, типичную неготовность к длительной и тяжелой работе, мертвечину чиновничьих душ и бюрократическое нетерпение начальства (с. 135). И еще одно признание: «Сжигая на костре Тараса Бульбу, Гоголь оставил мне великую истину: правда и правда не горят. Сжигая в камине московской квартиры второй том «Мертвых душ», Гоголь оставил мне другую великую истину: рукописи не горят» (с. 136).

* * *

Публицистика Г.Х. Попова — это всегда разговор о наболевшем, о том, что нужно делать сейчас и в перспективе, как развязывать сложные узлы, мешающие нормально жить и развиваться. В любом его публицистическом произведении, идет ли речь о новой книге, театральной премьере или литературной классике, всегда есть выход на современность. Читать их не только интересно, но и крайне важно, нужно, хотя часто можно быть не согласным с автором, нередко ему хочется возражать. Публицистика, впрочем, для того и существует, чтобы взбудоражить общественное мнение, вызвать широкую общественную дискуссию.

В публицистике Г.Х. Попова имеется ряд тем, которые автор поднимает на высоту философских и мировоззренческих обобщений. Одна из таких тем, как уже отмечалось, — проблема соотношения личности и общества, личности и власти. Эта тема является, в сущности, сквозной и присутствует практически во всех публицистических работах Г.Х. Попова. В своих оценках советского социалистического общества автор безжалостно беспощаден. В его представлении построенный в СССР социализм выступает в качестве гигантской бездушной государственно-бюрократической машины,

в виде административно-командной системы, подавляющей и ограничивающей любые проявления индивидуализма и творческого саморазвития личности. Суть ее — обезличенный коллективизм и жесткая «военно-полевая» организация. Соответственно движущей силой этой машины стали не цели и устремления «самоценной личности», а «мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Основное назначение административной системы, ее «достоинство», равно как и ее главную проблему, Г.Х. Попов видит в том, что эта система превращает человека в свой безликий, бесчувственный и бессловесный винтик. Образ Административной Системы, низводящей все богатство человеческой личности до положения винтика государственного механизма, был впервые выведен в отклике Г.Х. Попова на роман Александра Бека «Новое назначение». Главный герой романа Онисимов представлен в рецензии как типичный советский номенклатурный руководитель — сухой, жестокий, лишенный каких-либо эмоций профессионал. Вся его жизнь, включая личную, посвящена работе. Он беспрекословно выполняет сам и добивается любой ценой выполнения своими подчиненными заданий Верха, даже в том случае, когда эти задания противоречат его убеждениям и самому здравому смыслу. В рамках Административной Системы складывается весьма своеобразный комплекс взаимоотношений и коммуникаций и по вертикали, и по горизонтали, базирующийся на постоянном и непрерывном контроле, взаимном недоверии, бесконечных проверках компетенций, в том числе и провокационными методами. Поэтому во всех формах общения индивидов в рамках этой порочной системы отчетливо проявляется стремление одних подчинить своей воле других, процветают ханжество, страх, взаимное доноительство и стукачество. Руководители типа Онисимова, по мнению Г.Х. Попова, — главная опора Административной Системы.

Одновременно такие руководители и созидатели, и жертвы этой системы. «Без таких винтиков, — отмечает он, — Административная Система не могла возникнуть, не могла бы добиваться успехов, которые вполне заслуженно вписаны в ее счет» (с. 21).

В разборе хрестоматийного романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Г.Х. Попов акцентирует внимание не только на героизме молодежи, ее готовности идти на подвиг ради общего дела, не только на причинах, порождающих массовое самопожертвование комсомольцев, а прежде всего на бесчеловечности Системы, ее безразличии к людям, неумении и нежелании ее номенклатурных винтиков нормально, без штурмовщины организовать в общем-то не такое уж сложное дело.

В истории постройки узкоколейки, о которой рассказывалось в романе Н. Островского, Попов увидел до боли знакомые и в его время факты компанейщины и штурмовщины, эксплуатации идейности и энтузиазма молодежи, нежелания и неумения работать с селом, игнорирования экономических методов хозяйствования. Эту историю он часто вспоминает, рассказывая о том, как во время учебы в МГУ студентов посылали на уборку с колхозных полей картофеля, вывоз его на овощные базы в город. Искреннее желание молодежи и студентов помочь с заготовкой овощей беззастенчиво эксплуатировалось партийным руководством города, прикрывая его бездарность, некомпетентность и безответственность.

Анализируя роман Даниила Гранина «Зубр», Г.Х. Попов поднимает очень серьезный и глубоко нравственный вопрос о том, должна ли живая, творческая личность вступать в сделку с бездушной и бесчеловечной Системой? В рецензии на это произведение показано, что Зубр ради самосохранения себя как личности и как ученого пошел на сделку с Системой. Цена сделки — согласие Зубра «стать политическим винти-

ком общества ради возможности остаться творцом в науке» (с. 83). Так поступали многие советские ученые, работавшие на социалистическую систему. Подобная сделка, по оценке Г.Х. Попова, — это не пресмыкательство и не примирение со злом, не подлость и не потеря самоуважения, а лишь единственная возможность избежать гибели и, соответственно, делать дело, которому они готовы отдать всю свою жизнь. «Я даже думаю, — пишет Попов, — что, пожалуй, ослепляющий свет этой индивидуальности позволил яснее увидеть Зубра как общее явление» (с. 88). Характеристика роли Зубров в функционировании Системы совершенно однозначна: «Без Зубров Административная Система ничего бы не построила и никого бы не победила» (с. 94). Вместе с тем за пределами внимания Г.Х. Попова не остается вопрос о том, что и сама Система была способна к формированию и выдвиганию подобных Зубров. Однако, по мнению Г.Х. Попова, главное в книге Д. Гранина заключается не только в том, что это произведение дает возможность понять прошлое, саму Систему, причину ее успехов и провалов, но также и в том, что оно дает урок недопустимости ухода от политики, когда становится ясно, что Система исчерпала себя и нужно принципиально новое общественное устройство (с. 119)*.

Проблема взаимоотношения ученых и Административной Системы весьма остро поднимается Гавриилом Харитоновичем и в его мыслях на постановку пьесы А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». «Когда я слышу, —

* Этим, кстати, и объясняется переход самого Попова от сугубо научной к активной политической деятельности. Конечно, прямо говорить и писать об отчуждении общества и личности, подчинении непотворимо-индивидуального, частного обезличенному общему, о навязанном приспособлении, адаптации человека к внешним стандартам, правилам, к «общему» мнению в периоды и «окончательно победившего», и «развитого» социализма было практически невозможно, поскольку сразу поставило бы на научной и общественной карьере такого критика крест. Это непременно обеспечило бы ему ярлык диссидента, антисоветчика и антипартийщика, а в самой легкой форме наказания вело бы к партийным выговорам. Поэтому в своих ранних оценках социалистической системы Г.Х. Попов, как говорится, начинал «танцевать» там, где при советской власти было хоть как-то позволено «танцевать», а именно в публицистике. И уже от нее, от публицистики, Г.Х. Попов последовательно перешел к политической деятельности.

говорит Попов, — упреки в адрес экономистов: мол, нет от них предложений, не помогают, не участвуют, только критикуют, — я вспоминаю пьесу Островского. Помогайте нам, но с условием сохранения нас на наших постах, а вас — лишь в роли советников, ждущих в наших приемных, только в рамках приемлемого для нас варианта развития. Ищут не идеи как таковые, ищут подручных для оформления идей» (с. 247).

Конечно, отмечает Г.Х. Попов, правящая элита, высокое номенклатурное начальство Системы позволяли порой и посягать и «пошалить» при подготовке различного рода материалов и директивных документов для руководства. Так, в интервью Би-би-си Попов отмечает: «В середине 1970-х годов мы вместе с Николаем Иноземцевым, Георгием Арбатовым, Александром Бовиным, Абе́лом Аганбегяном работали над материалами к очередному съезду КПСС. Уже тогда говорили об ускорении научно-технического прогресса и хозрасчете, а Л.И. Брежнев, получив очередную порцию таких материалов, обычно говорил: «Ну что тут мои социал-демократы понаписали».

Фразу Л.И. Брежнева про «моих социал-демократов» Г.Х. Попов отнюдь не рассматривает как некую похвалу творческой деятельности указанной группы, ведь, по словам самого Г.Х. Попова, говорить в те времена о чем-то, кроме «улучшения социализма», было нельзя. Однако, несмотря на «высокую» оценку высшими руководителями страны научного творчества Г.Х. Попова и его единомышленников, их предложения либо извращались при реализации, либо вообще не использовались и откладывались в «долгий ящик». Именно поэтому Г.Х. Попов с энтузиазмом встретил горбачевскую перестройку, поскольку, как он признается, «примерно с конца 1960-х — начала 1970-х годов, после провала косыгинских реформ, было ясно, что мы в тупике».

С горбачевской перестройки начинается и новый этап в общественной деятельности Г.Х. Попова, одного из организаторов и вдохновителей разрушения тоталитарной, административно-командной системы. Этот этап вызывает, конечно, далеко не однозначные оценки как у сторонников, так и у оппонентов Г.Х. Попова.

Последние не раз задавались все теми же бесконечными вопросами: в чем же причины столь яростных нападок Г.Х. Попова на тоталитарную систему? Где эта система «не сработала», была ли у нее своя «правда» и свое оправдание? Ответы на эти вопросы самого Г.Х. Попова весьма выразительны. Так, в вошедшей в сборник статье «Жить по-лермонтовски» Г.Х. Попов говорит о том, что именно Михаил Юрьевич Лермонтов открыл ему глаза на несовершенство и исторически преходящую ограниченную легитимность административно-бюрократической системы. В частности, Лермонтов помог ему понять, что бывает не только одна правда — правда партии, марксизма, комсомола. Г.Х. Попову навсегда врезались слова персонажа романа «Герой нашего времени» штабс-капитана Максима Максимыча, кадрового русского офицера, бессменного участника войны с горцами, который, узнав, что Казбич зарезал ни в чем не повинного отца Белы, говорит: «Конечно, по-ихнему он был совершенно прав». По признанию Г.Х. Попова, его потрясли слова «по-ихнему» и «совершенно прав» (с. 137).

И тогда-то он стал размышлять: если есть русская правда и правда других народов, то вполне возможна правда не только советская, но и несветская. Попов признается, что мысль М.Ю. Лермонтова о наличии нескольких правд сопровождала его и при изучении теорий экономики, и в понимании геометрии Евклида и геометрии Лобачевского. М.Ю. Лермонтов заставил различать понятия «казенное» и «человеческое», правоту государственную и правоту на-

родную. Учил его, что в столкновении государственной правды и правды простого человека далеко не всегда государство поступает честно и справедливо, что за свою правду человек может бороться до конца, до плахи, до топора.

Другим источником его взглядов и оценок советской системы, по признанию Г.Х. Попова, стали произведения русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева, которые оказали на него сильнейшее и неизгладимое впечатление, а сам Бердяев для него стал тем же, чем уже были и Толстой, и Достоевский. Н. Бердяев — видный представитель персонализма и экзистенциализма, направления современной философии, поставившего в центр своего внимания человеческое существование, судьбу личности в современном мире. Основная цель экзистенциалистов — освобождение личности от любых ограничений в ее саморазвитии, утверждение ее неповторимости и индивидуальности, защита права личности не поступать и не думать так, как поступают и думают все. Свое кредо Н. Бердяев выражал так: «Я вообще не люблю общества. Я человек, восставший против общества... Я утверждаю примат свободы над бытием... Я принадлежу к тому типу людей и той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности с общим и родовым».

Изначальная конфликтность личности и общества, постоянное стремление государства подчинить и ограничить индивида в его поступках и деятельности, отмечаемое в русской классической литературе и философии, стало мировоззренческой и методологической основой публицистических работ Г. Попова по проблемам личности и общества в условиях «социализма», причиной его мировоззренческого бунта против всеилия и всевластности партийной и советской бюрократии.

* * *

Другой сквозной темой публицистики Г.Х. Попова стала близкая к предыдущей тема свободы и достоинства личности. Этими проблемами, по признанию самого Гавриила Харитоновича, он заинтересовался еще в школе. Затем, позднее, по вопросам свободы личности и ее прав, обеспечения возможностей для ее самореализации, о недопустимости мириться с произволом бюрократии он подготовил несколько публицистических произведений. Так, эти проблемы весьма обстоятельно рассматриваются в раздумьях при чтении «Фауста» Иоганна Вольфганга Гете. Центральная тема здесь, по мнению Г.Х. Попова, состоит в постоянном поиске ответа на вопрос, что нужно сделать, чтобы видеть свой народ свободным на земле свободной (с. 262). В рецензии вновь акцентируется вопрос о том, возможна ли сделка со злом в его крайнем проявлении (с Мефистофелем) ради достижения великой цели освобождения народа, и вновь на него дается положительный ответ, поскольку «лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил» (с. 271).

Переживания, сомнения, внутренняя борьба Фауста находят самый живой отклик в душе Г.Х. Попова, созвучны его умонастроениям, а потому он считает необходимым рассмотреть с подобных позиций и современную российскую действительность. «Для меня «Фауст», — отмечает Г.Х. Попов, — это потрясающая по трагизму история о тупиковости, безысходности судьбы интеллектуала в его попытках создать счастливую жизнь на этом свете» (с. 273).

В рецензии на книгу Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» показано удушающее воздействие на свободу личности и ее достоинство своеобразного «бюрократического идиотизма», который постоянно генерируется и расширенно воспроизводится административно-тоталитарными режимами различного рода. «Ду-

маю, — пишет Г.Х. Попов, — что пока будут сохраняться бюрократические тоталитарные государственные машины с их убедительно доказанной Гашеком тенденцией к идиотизму, пока будут многомиллионные массовые армии с еще большими тенденциями к бюрократическому идиотизму, пока простой, нормальный человек с его стремлением честно и точно соблюдать идиотские правила будет сам оказываться в идиотском положении — рассказы о похождениях храброго солдата Швейка не утратят своей актуальности» (с. 296). Конечно, и с этим выводом трудно не согласиться*.

Вопрос о свободе и достоинстве человека Г.Х. Попов ставит и в своем отклике на постановку в Ленком пьесы знаменитого норвежского драматурга Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Эта пьеса, отмечает он, признается, стартом великого прорыва в философии, каким считается экзистенциализм. В ней, согласно Попову, речь идет об утверждении ценности Личности, защите ее свободы и интересов в условиях утвердившихся и подавляющих человека стандартов, в обстановке тотального надзора, правил, контроля, «организации», вторгшихся в повседневную жизнь, в экономику, науку, образование, культуру, во все клетки общества. Рассматривая философское значение пьесы, Попов подчеркивает, что ее герой в своей жизни хочет остаться самим собой, хочет сам определять свою судьбу. Причем это право показано важным не только для элиты, не только для интеллигенции, но и для каждого человека, ведь Пер Гюнт — обычный сельский парень, который всего лишь хочет «собой быть». Остановливаясь на этом постулате, Попов делает обобщающее замечание: «Это идеология того слоя людей, который не может и не хо-

* Чрезвычайно остро вопрос о свободе и достоинстве личности поставлен в опубликованной в «Московском комсомольце» (12 декабря 2005 г.) статье Г.Х. Попова «Есть ли что-нибудь дороже жизни?». Она заслуживает упоминания за ярко выраженную в ней непримиримую позицию автора в выборе: или сохранить верность своим принципам, или в ущерб им использовать представившуюся возможность обезопасить свою жизнь.

чет быть «как все», а также указывает еще один признак таких людей — активность, поиск. Именно в Личностях этого плана он видит залог будущего для человечества.

В ленкомовской постановке Попов отмечает прежде всего созвучность своих оценок Ибсена с оценками режиссера и актеров — они выделяют в герое стремление противостоять общественному мнению, заскоружным стереотипам и шаблонным привычкам, противопоставить им свое видение жизни, свои желания. В постановке Марка Захарова герой борется за себя, за свое «Я», за свою Личность, за свою Индивидуальность, за свое право самому выбирать свою судьбу. И чтобы полнее донести понимаемую так суть пьесы, Попов приводит в своей рецензии солидную цитату из Николая Бердяева, непосредственно обращаясь к читателю: «Эта проблема Пера стоит перед каждым из нас. И каждому из нас надо еще и еще раз вдуматься в слова Николая Бердяева, прямо перекликающиеся с пьесой Ибсена: «Я принужден жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности, государству, нации... Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос — все представляется мне вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности. Я никогда не соглашался сделаться частью чего бы то ни было. Человек не должен склоняться ни перед какой силой, это недостойно свободного существа».

Режиссер-постановщик Марк Захаров, заключает рецензент, призывает каждого из нас до конца бороться за свою Личность, для которой в нынешней номенклатурно-олигархической России возникла масса тех же угроз, что хорошо помнятся по советским временам.

Эта рецензия, как представляется, дает ключ к пониманию личности самого Попова, который всегда стремился не отходить от выработанного им понимания свободы Человека, Интеллигента, Демократа. Во всем он пытается найти выражение своей позиции, отстоять свое понимание и свое отношение к происходящему, противостоять угнетающей Личности системе. Высветив свое понимание главного в постановке пьесы Ибсена, Попов замечает, что именно этим она интересна для современного мыслящего, думающего зрителя. Оставаться самим собой, быть самим собой, не теряться в общей безликой массе, исполнять свою «сольную партию», а не сливаться в общем хоре — вот что ценно в Человеке.

Когда читаешь эту рецензию, то невольно приходишь к выводу, что по сути дела Г.Х. Попов писал про самого себя. Всю жизнь, во всех своих поступках, во всех своих выступлениях, во всех своих многочисленных работах он не боялся и не стеснялся высказать свое мнение об эпохе, окружающем мире, своем его восприятии и о том, что нужно делать человеку, наделенному свыше правом свободного выбора. И вот в этом, может быть, самый большой урок для поклонников творчества Гавриила Харитоновича. Он учит каждого постигать эпоху, может быть, ошибаясь иногда в ее оценках, может быть, иногда и перегибая палку и излишне эмоционально воспринимая действительность. Но всегда мысли и дела личности должны быть пропущены через сердце. Стремление размышлять, быть борцом и созидателем всегда возвращает человека к его предназначению. Постигая, созерцая, познавая, осознавая мир и себя, меняя мир и себя к лучшему — только так люди, человечество и творят историю, осуществляют прогресс. Именно этому учит публицист Попов.

* * *

Красной нитью всю публицистику Г.Х. Попова пронизывают идеи борьбы с административной системой, идеи ее безоговорочного низвержения и последовательной ликвидации рудиментов государственно-бюрократического социализма, критика «шоковой» гайдаровско-ельцинской модели рыночного реформирования российской экономики, призыв к новому, народно-демократическому обустройству страны.

Негативное отношение к государственно-бюрократической системе, как уже отмечалось, формировалось у Г.Х. Попова постепенно и в течение довольно длительного времени. Как он сам вспоминает, еще в детстве он обратил внимание на то, что даже самые близкие ему люди боятся говорить открыто и испытывают непонятный ему тогда страх перед некой безликой и грозной опасностью. Так, обсуждая между собой вроде бы житейские вопросы в присутствии своего маленького сына, его родители зачастую переходили на греческий язык, которого Г.Х. Попов не знал и которому его специально не учили, чтобы он не понял темы их разговоров и случайно не смог кому-нибудь пересказать то, о чем они говорили.

Вспоминает Попов и показавшееся ему в те далекие детские годы довольно странное поведение старой библиотекарки, которая хорошо относилась к любознательному школьнику, но на его просьбу помочь раздобыть книги Н. Бердяева вдруг начала нервно оглядываться по сторонам, а потом тихо сказала: «Гаврюша, его книги давно уничтожили. Такой был приказ», а потом добавила: «А о Бердяеве больше ни с кем не говори».

Сильнейшим потрясением для Г.Х. Попова стало его знакомство с материалами XX съезда КПСС о массовых преступлениях сталинского режима. Однако в те времена Г.Х. Попов искренне верил, что невероятная жестокость, которую си-

стема демонстрировала советским людям, всеобщий страх, необоснованные аресты — это лишь результат «перегибов» и «ошибок», что эти «ошибки» и «перегибы» можно исправить, что с их устранением система будет нормально функционировать на пользу людям. Но уже к 60–70-м годам и эта вера бесследно испарилась.

Да, когда задули «свежие ветры» горбачевской перестройки, она вроде бы возродилась, у него вновь появились надежды на возможность обновления социализма. Здесь уместно напомнить о работе тогдашних идеологов перестройки — «Иного не дано». (М.: Прогресс, 1988), в которой Г.Х. Попов в своей статье подверг резкой, даже непримиримой критике и безответственные лозунги «бесов перестройки», и нетерпеливость «революционных романтиков».

Вскоре, однако, Г.Х. Попов разочаровался и в политике М.С. Горбачева, и в способности руководства КПСС улучшить положение в стране, которая все быстрее скатывалась в хаос. Он отчетливо понял, что для кардинального изменения ситуации в стране необходимо «идти во власть». В период развернувшейся перестройки политика (вспомним Зубра. — *ред.*) не могла не иметь первенства над экономикой, поскольку, не получив властных функций в нашей стране, в то время было невозможно решать какие-либо значимые социально-экономические задачи. Г.Х. Попов не просто «вошел» во власть, он, можно сказать, ворвался в парламент страны и стал одним из лидеров бунтарской, резко выделявшейся на общем «красно-коричневом фоне» Межрегиональной депутатской группы.

Именно с этого периода начинается открытая борьба Г.Х. Попова за ликвидацию государственно-бюрократического социализма. При этом его личная роль как блестящего публициста, публичного политика и влиятельного властного функционера (в ранге столичного мэра) в разрушении адми-

нистративно-бюрократического, государственного социализма весьма и весьма значительна. В своей борьбе против системы Г.Х. Попов отнюдь не был «белым и пушистым» демократом-интеллигентом. Это резкий, жесткий политик, который при всех обстоятельствах остается верен себе, верен своим убеждениям. В эпохальной борьбе против тоталитарной системы он не потерял своего лица, своего собственного Я.

Сегодня Г.Х. Попов разрушение социалистической системы называет великой антисоциалистической революцией. И революция, по мнению Г.Х. Попова, это всегда ломка старого. В период такого разлома возникает много внешнего, наносного, уродливого и среди самих «революционеров», и среди простых людей. Так, в рецензии на произведения Ф.М. Достоевского он выделяет целую галерею образов — инвалидов от реформ, уродов от реформ, неготовых к ним людей (с. 176.). Поэтому один из серьезнейших вопросов, который Г.Х. Попов «провоцирует» громким заявлением о «великой антисоциалистической революции», — это вопрос о движущих силах и результатах радикальных российских реформ, о том, в чьих интересах они проводятся. На эти вопросы с присущей ему убедительностью он пытается дать ответ в рецензии на ленкомовскую постановку М. Захаровым пьесы Г. Горина «Шут Балакирев». Центральная идея пьесы — кто и как продолжит начатые Петром I реформы.

Ответ по пьесе — дворянство. Ответ Г.Х. Попова: «Реформы неотделимы от самостоятельного сословия. В обществе работающих на неизвестно кому принадлежащих заводах, сидящих на чужой земле, получающих от центра или мест плату и пособия, обществе с преобладанием зависимых по всем каналам от власти людей, по сути холопов, реформы и демократию не спасут ни самые лучшие преемники, ни самые лучшие «семьи», ни самые отработанные системы вы-

боров, ни группировки, партии «меченых» то властью, то грабежом, то чем-то еще» (с. 256). И далее Г.Х. Попов отмечает: «К сожалению, самой сильной группировкой в России оказалась бюрократия, она и навязала тот вариант развития, который отвечал ее интересам». Поэтому плодами разрушения административной системы и антисоциалистической революции воспользовалась прежде всего современная государственная номенклатурно-олигархическая бюрократия. Простому человеку нынешняя система, как пишет Попов, дает даже меньше, чем при советском строе. Именно поэтому, считает он, нужно вновь и вновь говорить, настаивать на утверждении в стране социальной справедливости, представительстве интересов всех, оценке людей по заслугам, равной возможности каждого гражданина иметь свой собственный выбор и влиять на принимаемые в обществе решения. Сегодня даже эти исходные демократические требования пока не реализованы.

Эти идеи Г.Х. Попов развивает и в своих рассуждениях о том, почему известный российский писатель Виктор Петрович Астафьев оказался белой вороной в новой России. Попов говорит о том, что тот хорошо понял антинародную направленность окрашенной в либерально-демократические тона олигархической власти. В ней «он без труда уловил то самое безразличие к судьбе деревни, к судьбе природы, к судьбе народа, которые он привык видеть у «красных директоров» и прочих «красных хозяйственников» (с. 229). Характерно такое признание: «Судьба Астафьева высвечивает одну из фундаментальных проблем революции 1989–1991 годов — отсутствие самостоятельного, организованного народно-демократического течения. Это течение так и не смогло выделиться, с одной стороны, из либерально-демократических и, с другой стороны, из номенклатурно-реформаторских сил» (с. 230).

Поднимая вопрос об «антисоциалистической революции», Г.Х. Попов старается обозначить две проблемы. Первая — это разрушение административно-командной системы государственного социализма во имя освобождения личности, ее индивидуальности, ее творческой свободы. Однако плодами революции воспользовались номенклатурная бюрократия и олигархи, которые насадили в России невиданный в истории дикий и паразитический капитализм. Отсюда вторая проблема — против этого «захвата» надо бороться, бороться всеми силами.

И вновь Г.Х. Попов на переднем крае борьбы — на этот раз с номенклатурно-олигархическим капитализмом. В статье, подготовленной совместно с Ю.М. Лужковым «Еще одно слово о Гайдаре»*, авторы утверждают: «Теория Гайдара неверно отвечала на вопрос: чем надо заменить в России советской бюрократический социализм? Его ответ был такой: так называемой либеральной экономикой монетаристского типа. Но общая идейная несостоятельность монетаристской концепции экономики сегодня — после мирового финансового кризиса и краха глобальных «пирамид» финансовых спекуляций — факт, очевидный всем. Реформы Гайдара, основанные на этой дурной идеологии, привели к игнорированию задач развития реальной экономики страны, развития инфраструктуры. Катастрофическому сбросу государством с себя своих социальных функций и задач. Разбазариванию крупной общенародной собственности и ее передаче в нечистые руки «абы кого». Необоснованному снижению роли государства в определении задач социально-экономического развития страны. Реформы Гайдара, их заикленность на монетаристских играх в деньги, в цифры только усугубили сырьевую модель развития российской экономики, разрушили

* «Московский комсомолец», 22 января 2010 г.

отечественное производство, привели к жизни по принципу продажи нефти в обмен на импорт всего остального. Во многом именно из-за этих реформ задача модернизации России выглядит сегодня столь сложной».

Как видим, характеристика результатов реформ убийственная. Возникает вопрос: почему же Ельцин выбрал кандидатуру Гайдара для проведения радикальных преобразований? Авторы дают на этот вопрос следующий ответ — тут действовал комплекс факторов. Ельцин абсолютно не знал Гайдара. Но Гайдара усиленно навязывал Ельцину Запад, суля России десятки миллиардов долларов помощи. Это не могло не завораживать Ельцина, и надежды на эту помощь сыграли важнейшую, если не решающую роль. Не знал Ельцин и экономических теорий. Гайдар же исступленно верил в свою теорию: мол, после нескольких месяцев «шока» от всеобщей либерализации цен заработает рынок, и все утрясется. «Быстрота успеха, — читаем в статье, — не могла не увлечь Ельцина. Он хотел не столько дать стране возможность самой себя возродить, сколько осчастливить ее «от себя» и немедленно. И Гайдар не обманывал Ельцина, когда уверял, что все решится к осени. Он правда так думал и правда не ведал поначалу, что творил».

Развенчивается в статье и миф о том, что Гайдару не дали «закончить». Это не так — все свои планы он реализовал. Сбережения населения были заморожены, точнее, вообще ликвидированы как серьезный экономический фактор. Зарплаты обесценились. Заводы остановились. Появился рынок «челноков». Россия не рухнула, но гражданская война все же «обосновалась» на национальных окраинах. Но самого главного — начала возрождения России — не произошло. Рынок не заработал. Почему?

Авторы статьи дают такое объяснение: «Конечно, было мощное сопротивление. И обворованного народа. И депута-

тов во главе с Хасбулатовым. И части новой номенклатуры, представляемой Руцким. И регионов. И паразитировавшей на всех недовольствах компартии. И формировавшейся народно-демократической оппозиции. Но не это сопротивление остановило Гайдара. Воля у него была железная. Он был готов действовать по Грибоедову — «рассудку вопреки, наперекор стихиям». Провал гайдаровской модели был предопределен тем, что она была неправильной теорией и не соответствовала фундаментальным реалиям выходящей из социализма России»*.

На общем и хорошо известном фоне триумфально-фанфарных «либеральных» оценок деятельности Е. Гайдара эти откровения прозвучали как гром среди ясного неба. И в этом опять весь Попов! И вновь он заставляет думать, сравнивать, искать решения, соображать. Для него нет авторитетов, кроме истины.

* * *

Известное выражение: «Скажи, кто твой друг, и я скажу — кто ты» прекрасно иллюстрируется вторым разделом данной книги, озаглавленным «Лица». Здесь Гавриил Харитонович щедро делится своими воспоминаниями о друзьях, коллегах, о тех, с кем свела его судьба, с кем он долгое время вместе шел по жизни, кого уважал и ценил, общение с кем оставило неизгладимый след в его душе, оказало самое серьезное влияние на формирование его личности, мировоззрение, отношение к самому себе и окружающей действительности.

Люди, о которых пишет Г.Х. Попов, — великолепная когорта ученых-новаторов, организаторов и лидеров научных направлений, прекрасных преподавателей, которые не

* Критика Г.Х. Поповым гайдаровского курса реформ вполне аргументирована и конструктивна. Исходя из неокейнсианских принципов, адаптированных к российской реальности, Г.Х. Попов в своих научных работах «разворачивает» целостную программу социально-демократических преобразований страны.

только щедро делились своими знаниями со слушателями, но и учили их умению спорить и в спорах, дискуссиях, обсуждениях искать и находить зерна истины. Эти люди, чьи имена неизменно привлекали внимание научной общественности, властных структур, чьи идеи были предметом бурных общественных обсуждений, чьи публичные выступления, образ жизни, манера поведения сыграли решающую роль в развенчании социалистической мифологии того времени, в становлении и развитии новых представлений о характере и принципах функционирования тогдашнего экономического строя и социально-политической системы, в утверждении заслуженно-светлых перспектив будущей России.

Колоритен и жанр воспоминаний. В них Попов предстает и как обстоятельный пунктуальный биограф, и как талантливый художник, который четкими, точными «мазками», «штрихами» создает неповторимые, очень личностные, индивидуальные образы близких ему людей. Портретная галерея, однако, отнюдь не схематична. Она полна жизни, динамики, неподдельного обаяния. Попову удалось деликатно передать характеристичные черты каждого из своих персонажей: один из них — очень добр, другой — одинок, третий — своеобразный «внутренний эмигрант». Попов не скрывает ни личных слабостей, ни увлечений, ни пристрастий героев своих живописных картин. Пишет их портреты чрезвычайно откровенно, дружелюбно и даже с некоторой ностальгией о безвозвратно ушедшем времени.

Вместе с тем у всех персонажей своих очерков Г.Х. Попов усматривает некую общую черту. Каждый из них, как он показывает, находится в оппозиционности к Административной Системе, причем независимо от того, осознает сам герой очерка эту оппозиционность или нет. Независимая от воли и сознания этих людей суть такой оппозиционности коренится, как видится Попову, в самой их деятельности, их статьях,

монографиях, учебниках, даже если персонажи очерков и не помышляли становиться в публичную оппозицию Системе. Однако объективно и реформационная деятельность академика Л.И. Абалкина и премьер-министра СССР В.С. Павлова, и цаголовский учебник политической экономии, и «внутренняя эмиграция» С.А. Ситаряна, и научный педантизм Т.С. Хачатурова, и «еврейский юмор» Л.Я. Берри способствовали, а то и непосредственно были направлены на коренную модернизацию и трансформацию сложившейся к тому времени Системы. Попова совершенно не смущает то обстоятельство, что один из героев его очерков — В.С. Павлов — был членом ГКЧП. Более того, само участие Павлова в составе этого чрезвычайного органа Гавриил Харитонович трактует как его трагический протест против лицемерной, болтливой политики М.С. Горбачева и разваливающейся Системы в целом. Рассказывая о встречах с такими неординарными и своеобразными личностями, их неповторимых качествах, причудах, научных достижениях, заблуждениях, Г.Х. Попов, в сущности, наводит своеобразные мосты между настоящим и прошлым, дает возможность читателю соприкоснуться с историей, сохраняет образ и поступки этих незаурядных людей в исторической памяти.

* * *

Заключительный раздел данной книги, озаглавленный «И это все о нем», составляют размышлениями о «феномене» Г.Х. Попова его однокурсников, друзей, коллег, учеников, соратников по политической деятельности.

Хотя материалы, включенные в этот раздел, конечно же, готовились к юбилею Г.Х. Попова, в них нет парадно-юбилейного восторга, трафаретно-лакированных славословий. Представленные здесь очерки по сути, исторические документы, воспоминания об эпохе совершенно различных лю-

дей: от Горбачева М.С. — первого и последнего Президента СССР, академиков РАН, научных работников, известных журналистов до вузовских преподавателей, членов Московского правительства.

Воспоминания разные. И тем самым более интересные для читателя. Наверное, никого не оставит равнодушным тот факт, что первый Президент СССР считает Попова одновременно и своим соратником, и своим оппонентом (с. 563). Подобной оценки не были удостоены лица даже из самого близкого окружения М.С. Горбачева в период его бурной президентской деятельности. Эта оценка не только дань глубокого уважения бывшего первого лица государства к Г.Х. Попову, но и определенная характеристика его неоднозначной и многогранной натуры.

Значительное внимание в этом разделе уделено характеристике той среды, той атмосферы, в которой происходило формирование личности Г.Х. Попова. Его однокурсники, ныне известные в науке и политике люди — Я.Н. Дубенецкий, Н.Я. Петраков, Л.Г. Ходов, Н.П. Шмелев, — с большой теплотой, юмором, легкой и чуть щемящей грустью пишут о незабываемых годах своего студенчества на экономическом факультете МГУ, который стал и для них, и для Г.Х. Попова не только источником знаний, но и школой жизни, фундаментом их многолетней дружбы и товарищества, началом их долгого и непростого пути в науке, политике. На экономическом факультете, как отмечают эти авторы, в те далекие годы, несмотря на идеологический прессинг, сложилась деловая, творческая атмосфера, в которой бездельничать, плохо относиться к учебе было как-то очень неудобно. «В целом на факультете, — вспоминает Л.Г. Ходов, однокурсник и друг Г.Х. Попова, ныне блестящий преподаватель, — была трудовая атмосфера, здесь было «модно быть отличником». Деканат и преподаватели отмечали лучших студентов... У от-

личников были шансы получить лучшее место работы после завершения учебы или быть рекомендованными в аспирантуру. Да и просто повышенная стипендия для сдавшего экзаменационную сессию на отлично была ощутимым материальным стимулом».

Преподавание велось по прекрасно составленному учебному плану, на практике действительно учили основам экономического анализа. После более чем пятидесяти лет преподавания в экономических вузах, «я до сих пор считаю, — подчеркивает Л. Ходов, — что образование на экономическом факультете МГУ в середине прошлого века было лучшим из возможных в те годы» (с. 687–688).

В создании творческой атмосферы, как отмечается в воспоминаниях однокурсников Г.Х. Попова, огромную роль сыграла плеяда прекрасных преподавателей, носителей лучших традиций российской высшей школы. В их числе Н.А. Цаголов, С.К. Татур, Ф.Я. Полянский, Л.Я. Берри, Т.С. Хачатуров. В качестве преподавателей факультета были задействованы видные экономисты-практики из Госплана СССР, Госбанка СССР, центральных министерств, ведомств, что обеспечивало тесную связь науки и практики в процессе обучения студентов (с. 688, 719).

Конечно, как вспоминают однокурсники Г.Х. Попова, и сами студенты очень серьезно и ответственно относились к своей учебе. Например, Н.П. Шмелев отмечает, что их, в принципе, никто насильно не заставлял хорошо учиться. Они сами, по доброй воле, добросовестно «грызли гранит науки». Так, и сам Н.П. Шмелев, и его друг С.С. Шаталин прочитали «Капитал» К. Маркса — очень сложное и серьезное произведение — по три раза для уяснения проблем самим себе (с. 720).

«Вообще же, — как отмечает Л.Г. Ходов, — студенты жили интересно, трудно, много занимались, сдавали экзамены,

праздновали, влюблялись, ссорились, — переживали свою юность, которая прошла, к сожалению, слишком быстро» (с. 690).

В воспоминаниях однокурсников, друзей и коллег Г.Х. Попова значительное внимание уделено его деятельности как преподавателя и ученого. Так, с большой теплотой многие авторы данного раздела — В.Н. Красильников, А.Ю. Манюшис, В.И. Маршев, В.Ю. Озира, Г.Л. Подвойский, отзываются о научно-исследовательской, преподавательской и научно-просветительской работе, которой Г.Х. Попов занимался на экономическом факультете МГУ на протяжении почти четверти века. Прежде всего, специально выделяется новаторская деятельность Г.Х. Попова по организации обучения студентов и аспирантов. Внедрив в учебный процесс специфические «кейсовые» методы обучения, ролевые игры, варианты способы решения управленческих задач, Гавриил Харитонович намного опередил свое время и выступил первопроходцем в разработке и практическом использовании принципиально новых методов обучения, которые и нынче-то используются далеко не во всех вузах. Об этом с большой благодарностью пишут и бывшие сотрудники кафедры и Центра проблем управления общественным производством, и его бывшие студенты и аспиранты (с. 608–611, 628–630).

Широкое признание в стране получили и новаторские подходы Г.Х. Попова к организации процесса повышения квалификации сотрудников и преподавателей кафедр проблем управления общественным производством, его знаменитые «Гаврилиады» — выездные зимние семинары сначала для сотрудников и аспирантов кафедры и Центра проблем управления, а затем и для более широкого (практически все-союзного) круга преподавателей и специалистов, на которых

обсуждались актуальнейшие проблемы управления общественным производством.

Склонность Г.Х. Попова к новаторству, подчеркивают его коллеги, не только с годами не уменьшается, но и весьма наглядно проявляется и в наше время на посту руководителя Международного университета, где впервые в новой России получили международную аккредитацию разработанные под его руководством программы «Бакалавр» и «Мастер делового администрирования», открываются новые направления высшего и дополнительного профессионального образования, в том числе открыт совершенно уникальный факультет управления крупными городами (с. 616–620).

Высоко оценивая научную, научно-публицистическую деятельность Г.Х. Попова, авторы данного раздела, несмотря на юбилейный характер издания, вовсе не стесняются высказать свои сомнения по поводу некоторых идей и позиций, выдвигаемых Г.Х. Поповым, предлагают уточнить иные из его концептуальных положений уже «забронзовевших» в качестве «общепризнанных».

Так, в очерке Л.И. Абалкина отмечается, что «выраженная в работах Г.Х. Попова идея о наличии в стране административно-хозяйственной системы прочно вошла в широкий оборот. Однако она возникла в нашей стране не после революционных событий 1917 года, а имеет более глубокие корни (с. 568–569). Далее Л.И. Абалкин продолжает: «Академик А.И. Чупров* писал: что «административная система, оказавшаяся никуда негодной... кроме политического унижения, которое она нанесла, сделав Россию посмешищем народов, кроме невыразимого нравственного вреда, созданного при ее господстве отчуждением общества от правительства и подрывом чувства законности в народе, причиняет

* А.И. Чупров (1842–1908) — российский экономист, статистик, общественный деятель.

ему страшный материальный ущерб, грозит привести нашу страну к нищете» (с. 569). Л.И. Абалкин, по сути, оспаривает ставшую «общепризнанной» идею о том, что административная система — это порождение социализма. Однако если генетически административная система не есть порождение социализма, то ее разрушение отнюдь не тождественно разрушению социализма. Уточнение Л.И. Абалкина ставит, следовательно, под сомнение конструкцию о социалистическом происхождении административной системы и необходимости ликвидации социализма для ее разрушения.

Наряду с весьма высокими оценками политической деятельности Г.Х. Попова, представленными в материалах П.Н. Гусева, В.Н. Красильникова, А.И. Музыканского, К.Б. Норкина, О.М. Попцова, Е.С. Строева, В.И. Щербакова, имеются и другие, порой прямо противоположные и достаточно жесткие характеристики Г.Х. Попова как политика.

Так, оценивая деятельность Межрегиональной депутатской группы, Я.Н. Дубенецкий, однокурсник Г.Х. Попова, пишет: «К сожалению, как мы видим по итогам прошлых двух десятилетий, приведших (особенно в 90-е годы) страну в состояние полнейшей деградации по важнейшим сферам жизни, некоторые ключевые установки оппозиции той поры оказались ложными и губительными для будущего страны» (с. 584). Первой такой «ложной и губительной» установкой стало, по мнению Дубенецкого, безальтернативное и безоговорочное разрушение планово-административной системы, которая, как считает Дубенецкий, ссылаясь на негативный отечественный и позитивный китайский опыт, имеет значительный запас прочности и большие внутренние возможности «для эволюционного преобразования национального хозяйства» в сторону социально-рыночной организации», обеспечения на этой основе высоких темпов роста экономики и благосостояния народа (с. 584).

Другой фатальной ошибкой либерального движения было, как считает Дубенецкий, решение о том, чтобы Россия как можно быстрее избавилась от балласта в виде других союзных республик, живших якобы за счет России. Результатом реализации этого решения стал распад СССР, разрушение единого народно-хозяйственного комплекса, системный кризис и чудовищный спад производства, массовое обнищание населения во всех бывших союзных республиках, включая Россию, разворачивание локальных войн и международных конфликтов (с. 585).

Третьей ошибкой демократической оппозиции, по мнению Дубенецкого, стало выдвижение в ее лидеры Б.Н. Ельцина и передача на определенном этапе ему и его новой команде всей полноты власти в стране (с. 585). Результаты ельцинского правления хорошо известны. Новый режим, пришедший на смену ельцинскому, в принципе, нисколько не лучше своего предшественника, поскольку унаследовал от него и идеологию, и механизмы, и базовые институты хозяйственного строительства. Поэтому Г.Х. Попов с присущем ему умением подвергает и этот режим сокрушительной критике.

* * *

Сегодня Г.Х. Попов значительное внимание уделяет организации плодотворной работы Вольного экономического общества России, бессменным президентом которого он является с 1992 года, то есть уже почти двадцать лет. При его президентстве ВЭО России стало авторитетным независимым институтом, способным вырабатывать консолидированное мнение экономического сообщества о путях и приоритетных направлениях социально-экономического развития страны в современных условиях, о первоочередных задачах модернизационной перестройки всего государственного механизма, укрепления научно-технического, интеллек-

туального, кадрового потенциала страны. Ныне ВЭО России объединяет в своем составе свыше 300 тыс. членов, среди которых научные учреждения, общественные организации, предприятия, ведущие ученые и экономические эксперты страны, предприниматели и экономисты-практики, представители государственной власти. Объединяя в своем составе практически всю интеллектуальную экономическую элиту страны, ВЭО России имеет свои отделения практически во всех ее регионах. Деятельность Общества направлена на реализацию целого ряда важных для теории и практики хозяйственного строительства программ: экономический рост России; всероссийские форумы, конференции, конгрессы, выставки; российские конкурсы «Менеджер года», «Менеджер года в государственном и муниципальном управлении», «Лучшая экономическая кафедра», «Всероссийский конкурс научных работ молодежи»; «Развитие творческого потенциала молодежи».

Общество развернуло большую просветительскую и издательскую деятельность. Общий ежегодный тираж научных трудов, журналов, газет и других изданий превышает более 11 миллионов экземпляров.

Победители организуемых ВЭО России конкурсов награждаются дипломами и медалями ВЭО России. За большие заслуги активные члены Общества награждаются Большой золотой и серебряной медалями ВЭО России, имеющими сертификаты Геральдического совета при Президенте Российской Федерации.

Научное, практическое, профессионально-карьерное, а также просветительски-воспитательное значение проводимой ВЭО России работы трудно переоценить. Приезжающие на конференции и собрания Общества и маститые ученые, и провинциалы, теоретики и практики имеют свою и независимую трибуну, и печатные издания. На этих форумах из

первых уст узнаются сведения о новых наработках, новых подходах и новых результатах исследований и экспериментов, каждый имеет возможность высказать свое наболевшее и сокровенное о наиболее острых проблемах хозяйственного и социального развития страны. Для студентов, аспирантов, молодых ученых организуемые ВЭО России конференции — это шаг в большую науку, заявка на признание и собственное имя.

В Вольном экономическом обществе России прошло в последние годы несколько заседаний круглого стола по проблемам коррупции. Гавриил Харитонович не боится ставить на обсуждение дискуссионные темы, а результаты обсуждения доводить до сведения властных структур. К примеру, был проведен в стенах московской мэрии круглый стол, посвященный 95-летию Ю.В. Андропова. Опять-таки показательно, что ВЭО России не побоялось показать его роль и значение в истории страны, а также важность изучения для нас уроков его деятельности. В каминном зале Вольного экономического общества России прошло заседание круглого стола, рассмотревшего теоретическое наследие Николая Цаголова, была подчеркнута необходимость его изучения для решения сегодняшних экономических проблем и развития политэкономии.

Несколько круглых столов было посвящено в ВЭО России анализу деятельности П.А. Столыпина, характера проведенных им реформ. Только ВЭО России обратилось к изучению итогов хозяйственных реформ 1965 года в связи с юбилеем А.Н. Косыгина.

ВЭО России не работает на конъюнктуру, не пытается оправдать сегодняшнюю экономическую политику, а стремится понять, почему экономические реформы у нас не приносят ожидаемых результатов и со временем обычно затухают. Из любой постановки вопроса Попов выходит на

сегодняшний день, но не с точки зрения текущих, сиюминутных, а коренных задач, стоящих перед страной. Будучи президентом ВЭО России, не боится поднимать и ставить на обсуждение острые социальные вопросы. Вот, например, человек — не работает, курит, пьет, дебоширит, не может содержать свою семью, одеть, обууть, обучить детей. Считается, что все эти вопросы должно решать общество, другие налогоплательщики. Сам же этот безответственный «товарищ» в государственную казну не дает ни рубля. Однако требовательно пользуется всеми социальными благами, предоставляемыми государством, то есть живет за счет других, за счет работающих, обеспечивающих своих детей и платящих налоги, идущие на содержание этого не желающего трудиться, нести ответственность за воспитание своих детей дармоеда. Ведь каждый вправе спросить: почему же его заботы перекалдываются на меня, решаются за счет моих детей? Попов рассматривает эти непростые вопросы ответственного социального поведения человека, прав и обязанностей налогоплательщика и безработного, бездомного, алкоголика, наркомана, других людей, избегающих работы, но требующих от общества, государства первоклассного лечения, хорошей квартиры, достойной пенсии*.

Как президент ВЭО России на проводимых им обсуждениях, Г.Х. Попов поднимает подобные контрастные темы до

* В этой связи хочу отметить следующее. На всю жизнь меня поразило письмо, пришедшее в конце 1980-х годов в редакцию газеты «Экономика и жизнь», когда я работал в ней как первый заместитель главного редактора. Писал ветеран труда из Хабаровского края, отработавший в народном хозяйстве более пятидесяти лет, воевавший в Великую Отечественную войну. Он в преклонном возрасте остался один, оказался в доме престарелых, а соседом его был человек, всю свою жизнь проведший в тюрьмах, никогда не трудившийся, но также пользующийся всеми благами этого дома престарелых. После огромного тюремного стажа он ушел на «заслуженный отдых» и оказался обеспечен так же, как и ветеран труда. Ветеран труда имеет награды, грамоты, заработал пенсию. Его же сосед ничего этого не имеет. Один, значит, всю жизнь трудился, другой — всю жизнь грабил, воровал, сидел на нарах. Но общество не делает между ними разницы. Почему так? Разве это справедливо? Письмо задело меня. Надо было обсуждать эти вопросы, о чем я говорил с нашим главным редактором, но другие горячие темы перестройки, начавшихся рыночных реформ оттеснили эти вопросы. А ведь они остались. По-прежнему требуют своего разрешения.

уровня общезначимых. Почему, например, в системе образования мы бесплатно, за счет бюджета, обучаем стоматолога, который затем будет работать в коммерческих стоматологических учреждениях? А студенту, изучающему проблемы фундаментальной науки, скажем, столь нужной государственному оборонному комплексу теоретической физики приходится самому оплачивать свою учебу. Разве это правильно? Студентам, готовящимся стать адвокатами, можно, к примеру, давать кредит на получение образования, который они смогут вернуть из своих, обычно больших заработков в сфере их деятельности.

Такие же проблемы мы видим в системе здравоохранения. Люди с неизлечимыми заболеваниями не отказываются иметь детей, которые заведомо не могут быть здоровыми, для поддержания здоровья которых требуются огромные средства, в том числе и на лечение в зарубежных клиниках. Эти вопросы надо обсуждать, так как обычно обвиняют в бездушии государство, а о социальной ответственности самого человека предпочитают умалчивать. Такие же проблемы возникают с наркоманами, алкоголиками, всеми, кто вначале вполне сознательно вредил своему здоровью, а затем требовал от государства средств на его восстановление. Попов ставит эти вопросы, не боится вызывать острые дискуссии, «провоцируя» общество на резкие оценки.

Нынешняя власть ответов на такие вопросы не даст. Более того, власти предрекшие не балуют своим вниманием ВЭО России, которое эти вопросы поднимает. Такая позиция представляется странной, трудно объяснимой. По факту получается, что власть не интересуется мнением интеллектуально-экономической элиты страны по важнейшим вопросам социально-экономического развития России. Власти, получается, не нужны знания, «мозги». Похоже, что ей и по вертикали, и по горизонтали нужны только винтики, испол-

нители. Но ведь это все то же зло, борьбе с которым Г.Х. Попов посвятил большую часть своей жизни. Ныне высокая трибуна ВЭО — старейшего института гражданского общества России дает ему возможность продолжать эту борьбу.

К 75-летию Г.Х. Попова*

Вольное экономическое общество России к 75-летию своего президента Г.Х. Попова проводит презентацию двух книг юбиляра — «Мне на шею кидается век-волкодав... Переосмысливание судеб России в XXI веке» и «В бурях эпохи». Два эти разных издания носят по сути весьма близкие названия. И это особенно отчетливо понимаешь, когда читаешь знаменитые строчки стихотворения Осипа Мандельштама, написанного в 30-е годы XX века:

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.*

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степеней.*

*Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,*

*Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.*

* Выступление в ВЭО России 16 ноября 2011 года на заседании «круглого стола» к 75-летию Г.Х. Попова.

Названия книг, о которых мы говорим сегодня, очень точно выражают сущность жизненного пути, обстоятельств, жизненных коллизий, которые пережил, преодолел Г.Х. Попов. Век-волкодав — так он образно характеризует прожитое время. И видится за этим словом грозное животное, науськанное бросаться на врагов мертвой хваткой. Животное сильное, к тому же наделенное человеческим интеллектом, прирученное и наученное человеком по-волчьи выслеживать и охотиться на противников, воспитанное человеком в злобе и ненависти, натасканное, натравленное на безжалостное убийство. За словом «век-волкодав», невольно воображаешь животное умное, хитрое. Ощущается мощь. Напор. Неуправляемая стихия.

Название второй книги — «В бурях эпохи» также символизирует борьбу с разбушевавшейся стихией, преодоление разрушительных мощных природных сил. В обоих случаях речь идет о том, что человеку противостоит неразумная, коварная животная, стихийная враждебная ему мощь.

В таком вот ракурсе, с такими ассоциациями Г.Х. Попов воспринимает столкновение человека с жизненными обстоятельствами, политической системой, с разного рода катастрофами, сотрясавшими общественную жизнь в последние века и десятилетия.

В этих стихийных обстоятельствах Г.Х. Попов не сломался, всегда отстаивал свои идеалы, искал единомышленников, пытался реализовать в жизни собственные представления о справедливости, демократии, счастливой жизни. Характерно в этой связи сравнение стихотворения Мандельштама с написанными в 1829 году словами Ф. Тютчева:

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
(Из стихотворения «Цицерон»)*

Но если Ф. Тютчев в первой половине XIX века жизнь в бурные времена рассматривает как высокое и отличительное призвание, пишет о радости и гордости от общения с всеблагими, а допущенных в круг таких людей воспринимает как их собеседников, небожителей, пьющих из их чаш на пиру бессмертия, то у Мандельштама настроение и ассоциации, как видим, иные. С горечью он, поэт другого, XX века, признается:

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.*

В биографии, на жизненном пути Г.Х. Попова мы находим ситуации, сходные с изложенным и в том и в другом стихотворении. Но вот что показательно для его жизненной позиции, его настроения — он не изменял своих представлений о том, как должно быть устроено общество, боролся за них, переживал вслед за победами и поражениями, но неизменно, оставался верен своим устремлениям.

Он противостоял темной силе командно-административной системы, системы двоедушия, доносительства, постоянного контроля над творчеством и личностью человека. Век-волкодав не раз бросался ему на шею, но он не увертывался, не отбегал трусливо в сторону, а боролся, отстаивал свою честь, человеческое достоинство. Глотку свою не дал перегрызть. До сих пор защищает свои представления о жизни и управлении обществом, говорит о них с общественной трибуны, не теряет, а приобретает все новых и новых собеседников-сторонников. Это очень важно при оценке личности и деятельности Г.Х. Попова.

Второе важное для него. На жизненном пути человека можно наблюдать эволюцию его взглядов, формирование его научных теорий, тех или иных положений. Но обычно как-то его творческие достижения идут по нисходящей линии. Человек когда-то достигает своего пика, на определенном отрезке времени успокаивается.

Однако у Попова этого мы не наблюдаем. У него все время творческая активность идет по нарастающей. И в своем почтенном возрасте, в 75 лет, он не прекращает писать статьи и монографии, выступать на научных конференциях. Не все согласны с его мнением по тем или иным вопросам, могут возражать, спорить, даже подвергнуть обструкции. Но не проходят мимо, потому что его мысли всегда яркие, неординарные, острые, обращающие на себя внимание. Это еще одна существенная черта характера Попова. Всегда очень высок градус накаленности его публицистических выступлений и со временем он не снижается, возрастает.

Можно спорить об особенностях российской школы экономической мысли, о социальной политике, о политике приватизации, по другим отдельным вопросам. Но Попов — энциклопедист, он мыслит глобально, обязательно выходит в своих рассуждениях на вопросы мирового порядка, международных отношений, всегда старается определить, обосновать светлые контуры будущие отстаивает путь к ним. Пусть с ним сейчас не согласны, но со временем все-таки оказывается, что жизнь двигается именно в этом направлении. Этот его настрой, эти его принципы жизнедеятельности заслуживают того, чтобы их отметить, ценить и уважать.

Еще одно замечание. Вернемся к книге, которую издал наш «Издательский дом: «В бурях эпохи». Это не только документ, рассказывающий о жизни выдающегося ученого, патриота, гражданина, цельной личности, что само по себе очень интересно и важно. Через всю жизнь Г.Х. Попова во

всех его трудах и выступлениях проявляется конкретное время, проявляется разными своими гранями, жизненными обстоятельствами, условиями социальными, бытовыми, политическими. Изучать реалии прошлого и настоящего их творческому наследию Попова — очень благодатная тема. Какую проблему ни возьми — общество и власть, взаимоотношения ученого и политика, центральная власть и ученый, — его суждения об этом неординарны и глубоки.

Пришел ученик в начальную школу, какие учителя ему достались, с такими он и учится. В старших классах подростки могут уже сами себе выбрать наставника, нравственный образец, образец поведения. Очень хорошо, что Г.Х. Попов начинает быть учителем подрастающих поколений уже в школьном возрасте. А я, например, познакомился с его книгами, когда учился в техникуме. В наши дни огромное значение имеют конкурсы сочинений на экономические темы, которые проводит Вольное экономическое общество России среди учащихся старших классов, студентов вузов и молодых аспирантов. Г.Х. Попов и здесь учитель для учащейся молодежи, учитель во всем — по жизненной позиции, по гражданскому восприятию происходящих в нашей стране и в мире событий, по вдумчивому отношению к общественной жизни. Г.Х. Попов учит, как нужно вникать в слово, понимать великие произведения русской литературы.

Это убедительно показано в первом разделе книги «В бурях эпохи», где опубликованы размышления Попова о художественной прозе, театральных постановках. Читать, вникая в суть творчества писателей, драматургов, поэтов за внешней стороной их произведений, видеть волнующие всех жизненные и философские вопросы, скрытые фабулой, драматизмом или трагизмом изложенной ситуации, это, конечно, не просто. И всегда за таким анализом Попов умеет находить

оптимистические решения, необходимые для перехода на новую, более высокую ступень общественного развития.

Во втором разделе книги «В бурях эпохи» представлены воспоминания Г.Х. Попова о людях, с которыми он учился и работал, рассказывается о том, как он относился к товарищам, друзьям, однокурсникам, коллегам. Это тоже ценнейшая лаборатория жизненного опыта мудрого человека, живущего рядом с нами, нашего современника, пережившего очень много при переходе от одной эпохи — советской к другой — постиндустриальной, генформационной. И в той и в другой Попов видит коренные причины неустройства, борется с ними. Видит как неизбежность этого перехода, так и взаимосвязь этих эпох, их родство и противоположность.

В третьем разделе книги собраны рассказы о Г.Х. Попове, его товарищессе, коллег и соратников. Их с полным правом можно отнести к тем счастливицам, которым довелось участвовать в жизни великих людей. Не каждый, правда, может понять этих людей, правильно оценить их роль в истории.

Обе книги, которые мы представляем, несомненно равнозначны по своему историческому значению. Напомню опять-таки слова поэта — «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Действительно, трудно точно предугадать, как, представляемые нами работы отзовутся в сердцах читателей. Не будем гадать. Думаю, отзывы будут различны, как различны отношения к прошлому и настоящему России наших современников. Но главное в том, что все читатели будут теми гражданами нашей страны, которые болеют за ее судьбу, социально активные, требовательные, думающие. Для них знакомство с этими работами Г.Х. Попова несомненно будет интересным и полезным.

Дмитрий Сорокин: исследователь проблем общенациональных интересов*

В этом году на страницах «ЭЖ» достаточно полно были представлены материалы дискуссии о месте, роли России, ее перспективах в XXI веке. В наших публикациях отмечались такие важные аспекты темы, как новая парадигма взаимоотношений бизнеса и власти, структурная перестройка производства и ее влияние на положение человека, формирование новых механизмов взаимодействия общества и государства.

Книга Д. Сорокина «Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа» подтверждает, что каждый новый участник дискуссии не только обогащает ее своими размышлениями, но и дает дополнительные аргументы в пользу той или иной точки зрения, открывает еще никем не исследованные направления научного поиска.

Обращение в каждой из глав книги к политико-экономической сущности рассматриваемых явлений заслуживает всяческой поддержки и одобрения, ибо высветило новые пласты теоретического знания.

Это принципиально важно сегодня, когда научный поиск нередко подменяется рассуждениями прикладного характера, доводами практической и политической целесообразности, политическими лозунгами, эмоциональными высказываниями, хлесткими сравнениями, житейскими примерами, историческими анекдотами. Здесь же сделан

* О книге Д.Е. Сорокина «Россия перед вызовом. Политическая экономия ответа». — М.: Наука, 2003. Статья в еженедельнике «Экономика и жизнь», № 14, 2004.

Дискуссия о проблемах выбора стратегии социально-экономического развития России, ее собственном ответе на стратегические вызовы XXI века, века глобализации, формирования новых информационных технологий, нового человека и нового общества крайне актуальна. В монографии «Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа» доктор экономических наук Дмитрий Евгеньевич Сорокин дает свой вариант ответа.

упор именно на исследовательский, политико-экономический анализ и поиск ответа на вызовы XXI века.

Работа Д. Сорокина с самого начала заявляет, что проблемы наступивших и грядущих в истории человечества перемен носят фундаментальный характер, имеют поворотное значение для мировой экономики и для России как государственно-национального образования, субъекта международного права, активного участника международного сожительства. К исследованию сущности цивилизационных сдвигов в книге умело привлечен весь богатый инструментарий и методология современной политэкономии.

Политико-экономический взгляд на реалии сегодняшнего дня и зримые контуры будущего, прямо скажем, поступок смелый. Ведь сегодня говорить о политической экономии, тем более о поиске политико-экономических вариантов ответа на глобальные вопросы, стоящие перед нашей Родиной, совсем «немодно», как-то «не круто», да и с учетом политической конъюнктуры не всегда полезно для авторов, хотя именно из этого политико-экономического подхода закономерно вытекает и другая яркая особенность работы Д. Сорокина. Автор не поддается свойственному некоторым слоям нашей политической элиты пессимизму и вовсе не опускает руки перед глобальными вызовами третьего тысячелетия. В книге обстоятельно обоснован вывод о том, что Россия может и должна рассчитывать на историческую перспективу. Но только в качестве одного из мировых полюсов роста, в качестве великой державы по критериям нового, XXI века.

При таком видении исторической перспективы возможны, однако, две опасные ловушки, в которые могут угодить слишком уж ревностные защитники российского величия. Первая подстерегает тех ура-патриотов, кто в своем порой прямо-таки фанатичном, «квасном» патриотизме отрицает научное изучение всех присущих новому веку факторов роста, всех

возможных дорог развития страны. А вторую не избежать желающим встать на уже проторенную кем-то тропинку. Чего, мол, искать новое, когда в мире все давным-давно испытано и наработано. Бери и пользуйся.

И то и другое, говорит автор, одинаково неверно. Россия сможет состояться в качестве мирового полюса роста, если будет и опираться на все богатство международного опыта, и использовать всю свою специфику, учитывающую тысячу разных, сугубо российских обстоятельств.

Чем же обеспечивается будущее России как великой державы, каким образом оно формируется? Подходы к его формированию участники дискуссии предложили разные. Преимущественным в конструкции Д. Сорокина представляется его анализ текущего состояния дел и вытекающий отсюда тезис о необходимости долгосрочной, многообъемной, многоаспектной стратегии России по преодолению всех проявлений поразившего страну системного кризиса. Ни одна из граней этого системного кризиса не должна быть забыта при выработке стратегии.

Комплексность, системность предлагаемых мер, адекватность их сегодняшнему состоянию страны весомо повышают обоснованность и практическую привлекательность научных выводов автора.

Комплексным, целостным подходом нередко пренебрегают. Давайте, говорят к примеру, слезем с нефтяной иглы, прочно оседлаем научно-технический прогресс, поскачем в гору, ухватившись за информатизацию. Но ничего из этого не получится, если забросить решение, скажем, социальных задач, нравственных проблем.

Поучителен в этом плане и опыт наших российских реформ последнего времени. Однобокость, односторонность их решений неизменно вели в тупик.

Спасение видели то в тотальной либерализации цен, то в снижении темпов инфляции, привлечении иностранного капитала, то в уменьшении ставки процента за кредит, то в появлении эффективного частного собственника. Нам без конца твердили: сделаем вот это, а остальное наладится.

Ничего, однако, не налаживалось, не «устаканивалось» само собой. Внимание к одним проблемам при забвении других не давало решения ни там, ни тут. Вместе с комплексностью и системностью надо выделять и, главное, видеть взаимоувязанные приоритеты, подчеркивает Д. Сорокин.

Для читателей будут интересны авторские положения, помогающие понять то, что новая стратегия России в меняющемся мире отнюдь не должна покоиться на такой исконно российской черте, как постоянное покаяние и посыпание головы пеплом за все и вся происшедшее. Да, у нас за плечами непростой XX век, много было в нем и ошибок, и трагедий. Но ведь много и свершений. Наше прошлое — вовсе не повод для отказа от истории, исторического опыта и от особых российских интересов.

Поэтому Россия, как подчеркивает автор, вступая на общемировой путь развития, должна открыто заявить, что она преследует и свои особые интересы. Более того, наше прошлое как раз и говорит о том, что особые интересы России нельзя представлять продуктом сиюминутных размышлений и предпочтений какой-то политической группы, результатом, связанным с подготовкой к избирательной кампании.

Особый российский интерес — категория объективная, которая формируется в том числе и историей. А в нашем прошлом была и вдохновенная попытка строить экономику в интересах человека. Не использовать этот опыт, значит поставить под вопрос историческое выживание и экономики, и общества, и государства, обесценить вклад страны в общемировую копилку.

С этих позиций нельзя не согласиться с заключением автора о том, что долгосрочная стратегия развития России в XXI веке должна опираться на ее статус как одного из цивилизационных центров современного мира, имеющего особые интересы, реализация которых и является для нас высшим приоритетом.

В ходе дискуссии уже звучал тезис о том, что современная экономика — экономика несырьевая и даже перерабатывающая. Должны быть, конечно, отрасли по добыче и переработке сырья. Но каждое время выдвигает свой источник экономической энергетики. Его содержание для наших дней, полагает автор, определяет идея воспроизводственного маневра.

Суть этого маневра, необходимого для реализации долгосрочной стратегии развития страны, состоит в сопряжении во времени и пространстве усилий по завершению перехода российской экономики на высшую индустриальную ступень путем обновления, модернизации разрушенного производственного потенциала и его наращивания с одновременным прорывом в сторону экономики, производящей знания.

Автор как пытливым исследователем пристально вглядывается в противоречивые явления экономического и политического бытия современной России, анализирует не только накопленный опыт реформаторских преобразований, но и фиксирует едва заметные, однако уже набирающие силу тенденции.

Эта черта авторского анализа ярко проявилась при рассмотрении механизмов реализации предложенных в книге мер по модернизации производства, формированию экономики знаний. Автор не разделяет надежд на то, что прекрасное будущее станет результатом лишь игры рыночных сил, полный простор для которых откроет добровольно покинув-

шее экономическое поле государство. Новое, как доказывает мировой опыт, всегда рождается с опорой на его — государства — мощь.

Необходимость сочетать модернизацию производства с использованием всех достижений современного научно-технического прогресса нередко признается нашими реформаторами и звучит у них почти как ритуальное заявление. Но за вроде бы очевидной понятностью этого положения у них не обнаруживается никакого реализационного механизма, никаких практически приемлемых процедур осуществления этих самых изменений. Если не сказать большего — многие и видели необходимые практические меры, но страх перед нововведениями, особенно в социальной сфере, связывал руки. Отсюда закономерен и неутешительный итог — решение социальных проблем не сдвигается с нулевой точки, несмотря на отдельные шаги по поддержке науки, образования, высшей школы, здравоохранения.

В развиваемой же авторской концепции логически правомерен и обоснован вывод о том, что фундаментальным условием осуществимости воспроизводственного маневра является становление адекватного указанным задачам человеческого капитала.

Институциональная трансформация, позволяющая реализовать долгосрочную стратегию, должна опираться, считает автор, на механизм саморегулирования, в котором, с одной стороны, органически сочетается действие рыночных сил, государства и нерыночных институтов гражданского общества, а с другой — реализуются цивилизационные особенности российского общества.

В центр всех преобразований должно быть поставлено развитие человеческого потенциала России в самом широком смысле этого понятия. Это, несомненно, один из узловых пунктов дискуссии о перспективах развития страны. Если

Россия не сформирует человеческого капитала, не взрастит ту интеллектуальную элиту, которая будет двигать вперед наше общество, то не будет ею востребован и научно-технический прогресс. Об элите здесь говорится не в плане особой части нашего населения, а как о способных к творчеству, усвоению новых знаний, ориентированных на обучение людей, работающих во всех отраслях народного хозяйства, активно накапливающих интеллектуальную собственность и воплощающих ее в новых производствах и продуктах.

К немаловажным достоинствам работы Д. Сорокина относится и ее методологическая направленность, стремление разобраться в том, является ли сама постановка проблемы ошибочной или правильной, какой вектор исследования сокращает путь к истине. И эта особенность исследования, присущая работе подлинного ученого, фундаментальность его теоретического багажа, богатая фактологическая оснащенность, глубокая осведомленность о позициях всех участников развернувшейся дискуссии, делают знакомство с книгой и интересным, и познавательным.

Академик Александр Анчишкин: современное звучание идей ученого*

Тема нашего сегодняшнего круглого стола — «Социально-экономическое прогнозирование в России и идеи А.И. Анчишкина», проводимого в рамках Абалкинских чтений под эгидой Вольного экономического общества России (ВЭО России) и Института экономики РАН, крайне важна, чрезвычайно актуальна и весьма масштабна.

Она настолько объемна, глубока, настолько разносторонни ее различные народно-хозяйственные пласты и научно-теоретические аспекты, что вряд ли в пределах отведенного регламента можно будет затронуть хотя бы центральные, сердцевидные положения научного наследия академика Анчишкина. Поэтому хотелось бы остановить внимание участников сегодняшнего заседания лишь на нескольких, по-моему, наиболее важных моментах обсуждаемой темы.

Много лет назад на одном из заседаний ВЭО, посвященном процессу социально-экономического развития пореформенной России, его президент — Гавриил Харитонович Попов — высказал горький упрек властям российского государства за недооценку ими достижений советской социально-экономической науки, в результате чего оказались «незадействованными» и советский научный потенциал, и носители этого потенциала — ученые разных рангов, степеней, различных отраслевых принадлежностей. Такое «нехозяйственное», нерачительное, откровенно пренебрежительное отношение властей предрержащих к бесспорным выводам науки он посчитал серьезной угрозой стабильности и поступательному

* Научные труды ВЭО России. Т. 171/№ 4. М., 2013 (выступление в ВЭО России 16 октября 2013 года по теме «Социально-экономическое прогнозирование в России и идеи А.И. Анчишкина»). См. также: «Экономика и жизнь», № 45, 2013; Российский экономический журнал, № 5, 2013.

развитию реформ, одним из основных факторов будущего краха курса, который взалхлеб тогда проповедовался и пропагандировался. Опасения сбылись. В годы перестройки и хаотичного реформирования всего и вся действительно не были задействованы как серьезные наработки советской школы социально-экономической мысли, так и научный, организаторский потенциал ученых, споривших с властями, отстаивавших свою альтернативную точку зрения на целевые установки, формы и методы реформ. Такое отношение к советскому наследию не минуло и работы Александра Ивановича Анчишкина. Интерес к разработанной им теории, методологии и методике долгосрочного социально-экономического прогнозирования, конкретно-аналитическим расчетам складывавшихся в народном хозяйстве страны тенденций и построения на этой основе научно выверенных планов экономического развития был утрачен. Его выводы и рекомендации о стратегии и тактике народно-хозяйственного управления во «властных вертикалях» оказались забытыми, заброшенными младореформаторами на далекие пыльные библиотечно-архивные полки. Поэтому сегодня на нашем заседании мы не просто должны отдать дань памяти и уважения Александру Ивановичу Анчишкину в год его восьмидесятилетия, не просто вспомнить о его теоретическом наследии, стряхнув с его книг пыль времен и полюбовавшись ими.

Этого мало.

Мы обязаны придать практическую нагрузку этому заседанию, особенно выделяя то, что ныне нам крайне нужно, важно, жизненно необходимо в методологии научного поиска приоритетов социально-экономического развития народного хозяйства страны в его временных, региональных и отраслевых ипостасях.

А эта нужда сегодня крайне велика. О ней, о нынешней востребованности накопленного в советские времена опыта долгосрочного прогнозирования, свидетельствуют и подготовленная Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН фундаментальная коллективная монография «Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года» под редакцией академика В.В. Ивантера, доктора экономических наук М.Ю. Ксенофонтова; и выпущенные к юбилею книги, посвященные воспоминаниям об академике Анчишкине, оценкам его трудов и его научно-организаторской деятельности.

В них не только рассказывается о судьбе ученого, о его в высшей степени ответственном и крайне добросовестном стиле научного поиска (и это тогда, как верно и остроумно заметил здесь во вступительном слове академик Ивантер, когда не было современных средств компьютерной обработки весьма емкого информационного поля, когда имевшиеся ЭВМ иначе как допотопными и не назовешь, настолько они не были приспособлены к работе с огромным массивом данных, именно тогда все расчеты, выходявшие из-под пера Анчишкина, расчеты точные, до мелочей выверенные, во всем между собой взаимоувязанные и скоррелированные, выстраивались в стройную и, главное, верную картину реального положения дел в экономическом хозяйстве страны; в них, в этих книгах, не только раскрывается вклад ученого в практику директивного планирования, выступавшего в его времена ведущим инструментом планового управления народным хозяйством страны в годы ее последних пятилеток, но и, что особенно ценно, в них, этих недавно изданных книгах, лейтмотивом проходит тема значимости сделанного ученым вчера для дня сегодняшнего и завтрашнего. Опубликованы также интересные материалы в журналах «Экономист», «Вопросы экономики», других периодических изданиях. Хо-

телось бы обратить особое внимание присутствующих на две содержательные статьи — профессора Б. Плышевского «Актуальность работ академика А.И. Анчишкина» и работников Министерства экономического развития Российской Федерации к. э. н. А. Клепача и к. э. н. Г. Куракова «Развитие социально-экономического прогнозирования и идеи А.И. Анчишкина», в которых на богатом историографическом материале отмечена особая роль Анчишкина в подготовке Комплексной программы научно-технического прогресса, обеспечивавшей информационную основу для долгосрочных прогнозов развития страны, а также его авторское участие в создании методологии долгосрочного прогнозирования и совершенствовании статистической базы как экономического анализа, так и народно-хозяйственного планирования. Авторы статей не только не ограничиваются этим, но и предлагают в дальнейшем развитии социально-экономического прогнозирования опираться на идеи Анчишкина с учетом новых вызовов, связанных с вхождением России в мировую экономическую систему.

По близкой тематике прошла также и научная конференция на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Однако при всем сказанном в этих публикациях, в выступлениях на конференциях, семинарах, круглых столах, посвященных сегодняшней востребованности научного задела академика Анчишкина, осталась, по-моему, некоторая недоговоренность, недосказанность того, что именно отличает характер работ Анчишкина, придает им особый анчишкинский стиль и облик. А без них вряд ли получится в полной мере творческое использование научного наследия академика Анчишкина в нынешней практике долгосрочного прогнозирования и народно-хозяйственного планирования.

Итак. Первое. Для работ Анчишкина характерна прочная опора на богатый, хорошо изученный статистический материал.

Поэтому сегодня, чтобы говорить о полнокровной реализации идей Анчишкина в управлении будущим экономики, подчеркну еще раз — именно в управлении будущим экономикой страны, необходима богатая и твердая статистическая основа. А ее-то как раз и нет. В советские времена экономисты располагали довольно обширной статистической информацией, которая, несмотря на идеологическую лакировку, политическую прилизанность и приглаженность, все же давала возможность выявить определяющие тенденции хозяйственных процессов, направления научно-технического прогресса, реального, а не продекларированного хозяйственного освоения различных территорий и регионов страны, динамики развития основных отраслей народного хозяйства. Сегодня нужного для этой цели статистического материала катастрофически не хватает. Статистическая база крайне бедна, худосочна, не отражает многих особенностей в экономическом самочувствии страны. Что здесь можно исправить, что здесь можно сделать — не знаю. Просто констатирую прискорбный факт. Нынче мы не можем заставить предприятия, самостоятельных хозяйственных субъектов заполнять, как в советские времена, множество отчетов по показателям выпускаемой продукции, ее рентабельности, капитало-, энерго-, фондо-, трудоемкостям и всем прочим критериям и заменяем это технико-экономической, общеэкономической, социально-экономической работой. Законодательство, регулирующее работу независимых и самостоятельных хозяйствующих субъектов, ныне совсем другое. Их нельзя, как социалистическое предприятие, директивно обязать регулярно сдавать кипы статистической отчетности, из которой и складывалась реальная

статистическая картина положения дел в районе, отрасли, стране. И на основе которой формировались хозяйственные прогнозы, планы, программы. Сегодня строить такие плановые прогнозы и расчеты не на чем, а если они и есть, то крайне скупы, «неразговорчивы». А ведь если худосочна почва, то и урожай худосочен. Это реальность. И она сдерживает, да еще как сдерживает работу по прогнозированию экономических процессов. Не будем забывать, что именно статистика — емкая, содержательная, богатая — была той фактологической основой, которая позволяла Анчишкину добиваться искомых результатов. Он умел ею пользоваться, умел ее интерпретировать, мог заставить ее работать не только на выявление факторов экономического роста в плановой экономике, но и для прогнозирования темпов и пропорций экономической динамики.

Второе. Глубокий и вдумчивый статистический анализ позволял Анчишкину выявлять объективные тренды и закономерности экономического развития, зримо, с цифрами на руках представлять перспективы будущего экономического роста, его узкие места и прорывные направления. Да, его выводы не всегда (это еще мягко сказано) совпадали с официальной политико-экономической трактовкой нарастающего «совершенствования социалистических производственных отношений и развития производительных сил, обобществленных социалистическим государством». Но что делать. Таков уж характер истинного ученого. Не поддаваться официозу, сиюминутной политической конъюнктуре, стоять на своем.

И он стоял. Несмотря на соответствующие «товарищеские предупреждения» и бившие по больному месту «оргвыводы», из динамики объективных экономических трендов он выводил свои прогнозы, давал им свои количественные оценки, рисовал свои цифровые картины будущего экономи-

ки, отстаивал от политико-экономических волюнтаристов здравые идеи в принимаемых высшими органами власти решениях по экономической проблематике страны.

Политико-экономического волюнтаризма и сегодня более чем достаточно. Стоит вспомнить хотя бы предвыборные обещания чрезмерных социальных благ избирателю и вызванные ими последующие дефициты в бюджетных карманах страны, болезненно проявляющиеся на экономическом самочувствии народного хозяйства. Одна бесконечная и многолетняя чехарда с заработной платой государственных служащих, пенсиями, социальными выплатами военнослужащим тут много чего стоит. Объективные законы движения цен, заработной платы, законы стоимости рабочей силы, законы развития производительных сил и выявленные тенденции научно-технического прогресса либо напрочь забыты, либо попросту остаются за пределами властного разума. Причем на всех его уровнях. Близкие, понятные и внятные для Анчишкина точные народно-хозяйственные, межотраслевые управленческие расчеты и решения до сих пор явно не в чести у тех, кто готовит и принимает решения «от ветра головы своя»...

Третье. Советская плановая экономика во времена творческой активной научной деятельности академика Анчишкина и слыхом не слыхивала про биржи, котировки акций, движение фиктивного капитала и всех связанных с ним спекулятивных инструментов — деривативах, векселях, долговых расписках... Они ей были генетически чужды. Поэтому в трудах Анчишкина нет привычных сегодняшнему слуху рассуждений о воздействии рыночных финансовых механизмов на экономическую динамику. Обедняет ли это обстоятельство наследие Анчишкина? Ответ может быть только один: нет. И еще раз нет. Почему? Да потому, что он изучал реальное производство, анализировал реальные народно-

хозяйственные процессы, прогнозировал реальные тенденции реального экономического роста в его темповом, пропорциональном и воспроизводственном аспектах. Да, фиктивный капитал, его движение может оказать косвенное влияние на темпы и пропорции всего воспроизводственного цикла. Но он потому и фиктивный, что оторван от капитала истинного, является его производной материального воплощения, и в этом качестве зачастую живет своей собственной, не имеющей ничего общего с реальной жизнью истинного, материально воплощенного капитала. Реальное производство напрямую воздействует на фиктивный капитал, последний же на него может воздействовать лишь косвенно, опосредованно. Да и то не всегда. А потому изучение реального производства в народном хозяйстве страны лежит в основе, в фундаменте изучения его фантомных реплик в финансово-спекулятивном мире.

Как-то К. Маркс «обозвал» буржуазных экономистов вульгарными. Он не ругался. Нет. Он просто дал им, присвоил точную научную характеристику, отметив, что они потому-то и вульгарны, что не пытаются проникнуть в суть экономических процессов, оперируют поверхностными фактами и явлениями. То же можно сказать и о сегодняшнем мейнстриме в экономической теории. Он несет в себе ветры отъявленного, штормового вульгаризма, зациклен на поверхностных, превращенных формах деловой активности капитала. Поверхностных, превращенных, но отнюдь не безобидных, грубо искажающих реальные процессы в материальной основе производства. Не минула чаша сия и российскую экономическую мысль. Многие из ее молодых представителей поддались искушению легко, всего лишь по спекулятивным котировкам акций, по смахивающим на финансовые пирамиды IPO, по банковским ставкам судить об экономическом здоровье страны. Как легко и непринужденно вля-

пались они в категорию вульгарных со своими «идейками» оздоровления кризисной экономики при помощи создания в Москве Международного финансового центра или накачки близких к административным верхам банковских структур казенными деньгами, или же, что еще «чище», перекладывания из одного государственного кармана в другой фондов и активов различных корпораций, созданных и управляемых тем же государством! Как уверены они в своей вульгарной правоте! Вот ведь, говорят они, и Нобелевские премии уже присуждают за исследования духовно-нравственных, психологических нюансов инвестиционного поведения рядового обывателя. Почитать бы им труды Анчишкина. Там есть чему научиться, есть научные рецепты изготовления истинно научных прогнозов близкой и далекой экономической перспективы. Именно научных прогнозов, а не их псевдозаменителей — суррогатных предсказаний, основанных если не на кофейной гуще, то в лучшем случае по наитию изготовленных прописавшимися во властных апартаментах «вульгарными кухарками» из близких их сердцу, уму и вкусу финансово-спекулятивных ингредиентов.

Как микроскопичны, как нелепы они, смешны на фоне сделанного академиком Анчишкиным!

Фундаментальное изучение материальной основы производства дало Анчишкину методологический ключ к построению фундаментальных макроэкономических прогнозов. И в этом своем качестве, в качестве автора фундаментальных прогнозных исследований, он по праву становится в один ряд со своими замечательными предшественниками — М.И. Туган-Барановским, А.В. Чаяновым, Н.Д. Кондратьевым, В.В. Леонтьевым, Л.В. Канторовичем, А.Л. Лурье, В.С. Немчиновым.

И наконец, последнее. Четвертое. Верно отмечалось в юбилейных публикациях, посвященных академику Анчишкину,

что он жил и работал в системе социалистических мировоззренческих координат, а сами его работы выполнены «на базе экономической и социальной теории марксизма»; что возможная реставрация капитализма им не обсуждалась, а хозяйственный расчет, активное использование товарно-денежных отношений он рассматривал как инструменты дополнительного усиления методов управления плановой экономикой; что главным он считал обеспечение ее устойчивого роста путем ускорения научно-технического прогресса, совершенствования структуры и пропорций народного хозяйства; что плановая работа по управлению народно-хозяйственным развитием должна строиться на основе принятой государством Комплексной программы научно-технического прогресса, а сами конкретные планы пятилеток должны верстаться исходя из «Методических указаний...» к разработке государственных планов экономического и социального развития страны — главного методического документа Госплана СССР (бывшего во времена Анчишкина центрального экономическим ведомством страны).

Так что же? Вместе с советским социализмом канули в Лету и наработки Анчишкина по созидательной работе государства на социально-экономическом поприще?

Отнюдь! И марксизм живет. И социализм никуда не канул. Он не только остается привлекательной мировоззренческой моделью социально справедливого обустройства общества, но и активно «прорастает» многими своими чертами и гранями в современном мире. И государство, как бы это ни противно было сознавать ярим адептам экономического неоллиберализма, без всяких стеснений вполне успешно регулирует разбушевавшуюся стихию свободного рынка. За примерами далеко ходить не надо. Их немало в посткризисной, 2008 года, практике и нашей страны, и таких оплотов мирового капитализма со священной для них догмой «свобо-

да свободного рынка», как США, Великобритания, Франция, ФРГ, Япония и т.д. А посему и предложения Анчишкина по управленческим функциям государства в экономике сохраняют свою силу. Более того, они уже начинают проявляться в разработке отечественного государственного закона об индикативном стратегическом планировании, которое, конечно же, не может обойтись без своих исходных оснований — долгосрочных прогнозов. Так что мысли и дела академика Александра Ивановича Анчишкина не останутся втуне, еще не раз поработают на благо нашей Родины.

Спасибо ему за это!

Николай Рыжков: ревнитель России*

В течение вот уже без малого четверти века я имею счастливую возможность непосредственно общаться с Николаем Ивановичем Рыжковым, в связи с чем давно оформилось желание написать о нем специальный очерк. И, представляя очередную (четвертую кряду) выпущенную Издательским домом «Экономическая газета» книгу Николая Ивановича**, хотелось бы не столько прокомментировать содержание вошедших в издание текстов разных лет (вообще-то, они говорят сами за себя), сколько поделиться с читателями своими соображениями об этом замечательном, всеобще известном в России и мире человеке, рассказав прежде всего о наиболее ярких эпизодах нашего общения.

* * *

Весной 1990 года в редакцию еженедельника «Экономика и жизнь» пришло письмо-приглашение из австрийского города Линца: работавшая там Международная академия «Восток-Запад», созданная международными фондами (и спонсировавшаяся различными общественными организациями) для подготовки представителей стран Восточной Европы и СССР к хозяйствованию в рыночных условиях, предлагала направить в это учреждение одного из руководящих сотрудников газеты для стажировки, прохождения месячного курса современного менеджмента. И поскольку среди заместителей главного редактора я был самым молодым и «легким на подъем», меня и послали в Австрию. Учеба давалась сравнительно легко (благо, что я всего несколько лет

* Вступительная статья к книге: *Н.И. Рыжков. Россия: о национальной идее и связи времен.* — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2015. См. также: *Российский экономический журнал*, № 1, 2013.

** См.: *Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы.* — М.: ИД «Экономическая газета», 2011; *его же. Великая Отечественная: ленд-лиз.* — М.: ИД «Экономическая газета», 2012; *его же. Размышления о прошлом, настоящем и будущем.* — М.: ИД «Экономическая газета», 2012.

назад окончил экономический факультет Московского университета и факультетскую аспирантуру) и была интересной: Академия оказалась прагматически деполитизированным учебным заведением, готовившим будущих бизнес-партнеров западных корпораций; различные лекционные курсы читала сильная преподавательская команда, в том числе приглашенные профессора из Великобритании, Германии, Франции и Италии. Кроме того, слушатели могли сами определять интересующую их конкретную тематику занятий, и я выбрал курс «Динамическое программирование», включавший компьютерную игру, сверхзадача которой сводилась к выводу из кризиса условной текстильной фабрики-банкрота (в течение условного же срока надлежало обеспечить положительные финансовые результаты ее деятельности).

В этой бизнес-игре жестко задавалось множество параметров, «узких» специальных экономических коэффициентов, влияющих на принятие хозяйственно-управленческих решений. К примеру, увеличение выпуска готовой продукции на 50 млн марок предполагало закупку на определенную сумму сырья и оборудования, адекватного увеличения числа рабочих мест (соответственно — наем и обучение дополнительного персонала), маркетинговое сопровождение расширения сбыта и т. п. В общем, каждое возможное решение связывалось с набором сопряженных с ним стандартных мер при строгом соблюдении априори установленных показателей. Все это, хотя и вносило в управленческие действия системную упорядоченность, представлялось некоей элементарщиной, рутинной; и я попробовал радикально изменить сами условия функционирования фабрики, приблизив их к тогдашним отечественным реальностям. Намечал, в частности, рост производства без увеличения расходов на рекламу (ибо в ситуации позднесоветского дефицита потребительских товаров появлявшиеся в торговле изделия моментально раску-

пались и без всякого маркетинг-обеспечения). Решил далее, с одной стороны, не приобретать новые станки (напомню, кстати, о том, что в 1980-х годах советская текстильная промышленность была вполне прилично технически перевооружена на «нефтедоллары»), а увеличить время работы наличного станочного парка посредством его эксплуатации не в две, а в три смены. С другой — не нанимать для третьей смены новых работников, а платить уже занятым повышенную заработную плату за «сверхурочные» и т.п.

Однако игровая программа, на такие базовые изменения не рассчитанная, начала выставлять моим действиям отрицательные оценки. И когда педантичный немецкий профессор через несколько дней задал мне вопрос о причинах «двоек», пришлось откровенно ответить в том духе, что программа для наших условий малоактуальная. Она построена исходя из аксиоматичных предпосылок, согласно которым предприятие функционирует на развитом и эффективно регулируемом, обеспечивающем условия добросовестной конкуренции рынке, исключающем серьезный товарный дефицит, где ниши для обычных продуктов заняты, а новые ниши надо завоевывать главным образом предъявлением дополнительных потребительских свойств изделий и оперативным, а то и «опережающим», реагированием на динамику соответствующих потребностей. У нас же в стране сегодня налицо товарный голод, и тот огромный денежный «навес» на потребительском рынке, с которым не может справиться советское правительство, провоцирует покупательский ажиотаж, давит на цены, разгоняет инфляционные процессы. И коль скоро потребители готовы забирать продукцию, минуя торговые сети, прямо с предприятий, последним не до маркетинговых изысков... Выслушав это, профессор не только оценил мои программно-игровые действия на «пятерку», но и предложил в некотором роде поменяться с ним местами:

теперь мне предстояло, бросив «бодания» с программой, рассказывать о том, как работают советские предприятия, чем определяется объем производства, как организуется сбыт, от чего зависят цены и т. п.

Такое вот получилось «взаимное обучение». Но почему я довольно подробно описываю здесь этот эпизод своей биографии? А потому, что он оказался «исторически и логически» сопряженным с другим, куда более ярким и значимым.

За несколько дней до завершения срока австрийской стажировки мне позвонили с работы: «Срочно возвращайтесь: запланирована встреча редакции газеты с читательской аудиторией в Колонном зале Дома союзов с участием заместителя главы правительства страны Л.И. Абалкина. Предстоит масса организационной работы, Ваше участие необходимо». Помню, я сразу же вылетел в Москву и включился в переговоры с нашим авторским активом, в консультации с директорами и руководителями экономических служб предприятий, а также с представителями науки по ключевым аспектам их выступлений...

Все вроде бы шло по плану, и в назначенный июньский день Колонный зал оказался переполненным. Как водилось в те времена, после любого серьезного официального мероприятия намечалась солидная «художественная часть». Но возбуждение аудитории было вызвано вовсе не предвкушением удовольствия от бархатного голоса известного уже тогда певца Дмитрия Хворостовского: все ждали откровенного разговора о состоянии и проблемах входившей в трансформационные коллизии экономики, хотели услышать соображения по «болевым точкам» ее преобразования на рыночных принципах из уст заместителя Председателя Совета Министров СССР и руководителя Комиссии по хозяйственной реформе академика Л.И. Абалкина. И такой

разговор состоялся, причем даже на более высоком, чем было запланировано, уровне.

Случилось некое чудо: в назначенное время у Дома союзов вместо ожидавшейся одной правительственной машины появился целый кортеж! Как выяснилось, в ходе рабочей встречи с «шефом» — Николаем Ивановичем Рыжковым — Леонид Иванович сообщил ему о своем участии в предстоящей встрече редакции с читателями еженедельника «Экономика и жизнь», и глава правительства страны тоже выразил желание непосредственно пообщаться с представителями нашей широкой читательской аудитории (газета выходила тиражом во многие сотни тысяч экземпляров, ибо выписывалась фактически каждым предприятием, и являлась лидером советской экономической периодики). В общем, на встречу приехали также Н.И. Рыжков, а с ним и руководители главных экономических ведомств страны — Госплана и Госснаба, Минфина и Госкомцен, Госкомтруда, ряда отраслевых министерств.

Выступления Н.И. Рыжкова и Л.И. Абалкина были выслушаны с напряженным вниманием, было много острых вопросов и откровенных, содержательных ответов. Об уровне и качестве состоявшегося в июне 1990-го разговора, а главное — о масштабе личности и макроуправленческом потенциале лидера предпоследнего постсоветского правительства (к несчастью для нашей страны и мира, так в полной мере не реализовавшемся) свидетельствует текст выступления Николая Ивановича, прозвучавшего за полгода до его отставки. Привожу этот текст полностью как ценный исторический документ, помогающий понять, «кто был кто» в позднесоветском политическом раскладе, сопоставить потенциальную и реальную исторические роли тогдашних и последующих руководителей нашей страны.

Н.И. Рыжков. *Прежде всего хотелось бы сказать, что я активный читатель газеты «Экономика и жизнь». Хотя приходится анализировать массу различной по характеру и источникам информации, каждую субботу начинаю с просмотра этой газеты. Она мне всегда очень нравилась. А стал читать «Экономичку», еще когда работал на Урале, и уже тогда во многих случаях находил в ней ответы на вопросы, которые меня интересовали, сам выступал на ее страницах. Мы видим, как «гибко» меняется курс то одного, то другого издания, как приспособляются подчас редакции под чьи-то субъективные настроения. А «Экономика и жизнь» твердо проводит свою линию — пропагандирует необходимость обеспечения социальной справедливости при проведении реформ. В этом ее большое достоинство.*

Только что закончилось заседание Верховного Совета СССР, в течение четырех дней обсуждавшего доклад Совета Министров об экономическом положении страны и переходе к рыночным отношениям. По-видимому, это был самый тяжелый, самый сложный доклад в моей жизни. И не только и не столько потому, что он трудно выстраивался, сколько потому, что он действительно затрагивает такие моменты дальнейшего развития нашего государства, нашего общества, которые коренным образом изменят нынешнюю жизнь и определяют перспективу будущих поколений. Я понимал, что доклад в лучшем случае не вызовет восторгов, что он не сразу будет воспринят народом, что для осмысления поднятых в нем проблем потребуется определенное время. При этом время потребуется и нам самим — пока мы в конце концов точно не поймем, что же следует делать.

В декабре прошлого года, как известно, правительство страны вынесло на рассмотрение Второго съезда народных депутатов СССР программу оздоровления экономики и дальнейших этапов развития экономической реформы.

Съезд принял решение о переходе к рыночной экономике. Задача же той концепции, которая докладывалась несколько дней назад, заключалась в том, чтобы наполнить содержанием одобренную депутатами программу.

Сейчас часто утверждают, что прошлогоднюю декабрьскую программу мы провалили, отменили и начали скоропалительно готовить новую. Но мы в отличие от своих оппонентов не могли допустить и мысли о столь неуважительном отношении к решениям Съезда, а делать через два-три месяца выводы о судьбе программы с шестилетним горизонтом реализации просто несерьезно.

После Съезда мы, повторяю, начали наполнять эту программу конкретным содержанием. И напряженно размышляли над тем, как переходить к рынку, какие этапы экономической реформы здесь предстоят. Начиная с марта интенсивно велась работа по подготовке соответствующего документа, были созданы группы специалистов для анализа тех мер, которые были предложены сессией Верховного Совета СССР. Дело шло довольно сложно, неоднозначно. Все время вспыхивали споры. Мы понимали, что требуются советы ученых и специалистов, что нужно использовать и отечественный опыт, и опыт других стран. Параллельно с группами экспертов к работе привлекалось большое количество руководителей предприятий, директоров совхозов и председателей колхозов. Проходили совещания с финансистами, банкирами, учеными, председателями правительств союзных республик. Шел очень обстоятельный разговор.

Хочу подчеркнуть, что сомнений в необходимости перехода к рынку фактически ни у кого не осталось. Это — самое главное. Всего в обсуждении упомянутого доклада и по проекту постановления выступило более ста народных депутатов. Много было высказано всевозможных предложений, но не было ни одного человека, который бы заявил, что нам не

следует переходить к рынку. Все понимают, что мы исчерпали возможности прежней системы хозяйствования, той жестко-директивной планово-распределительной системы, в которой жили многие десятилетия.

Перед нами все время стоял основной вопрос: как, какими путями и этапами, идти к рыночной экономике? Многие считают, что надо сразу, рывком, переходить к рынку — к такому рынку, который сам себя отрегулирует. То есть следует одномоментно сделать все цены свободными, чтобы их определяли рыночная конъюнктура, стихийная динамика в соотношении спроса и предложения. Все товары, продукция ли это материально-технического назначения или предметы народного потребления, обязаны будут при подобном стратегическом выборе получать, образно говоря, одобрение рынка, а их производство соответственно должно регулироваться им. Данный путь — сугубо радикальный, его, не секрет, избрала Польша. Но мы не пошли по нему, и я убежден, что этого делать нельзя. У нас и общественное сознание этого не примет, и необходимая инфраструктура не создана, нет ключевых регулирующих рынок институтов. Мы даже пока не знаем толком, что такое компенсация инфляционного роста цен, индексация. Неподготовленными же входить в рынок нельзя: запуск на полную мощь свободно-конкурентных рыночных механизмов в сложившихся обстоятельствах приведет к колоссальным потрясениям в обществе. Даже то, что мы предложили, то есть меры далеко не столь радикальные, воспринимается крайне болезненно. А если бы мы сегодня заявили, что цены могут вырасти в десятки, если не в сотни раз, как в Польше и Югославии, то, думаю, оказались бы не в состоянии чем-либо управлять в нашей стране, а сама страна попала бы в глубочайший социально-экономический и политический кризис.

Правительство предложило вариант регулируемой рыночной экономики. В чем его особенности? В области ценообразования предстоит развернуть «дозированную» реформу — привести в соответствие с реальными условиями все цены. Сегодня на слуху в основном цены розничные, но реформа должна охватить прежде всего оптовые цены на продукцию производственно-технического назначения и закупочные цены в сельском хозяйстве. Без этого невозможно продвигать экономическую реформу. Причем наше убеждение таково, что цены на продукцию базовых отраслей народного хозяйства должны удерживаться государством, а часть продукции следует реализовывать по свободным ценам. При таком подходе мы сохраним каркас экономики и не дадим раскрутиться инфляционной спирали. Что касается собственно розничных цен, то мы считаем, что здесь надо пойти «по ступенькам», в обязательном порядке начав с приведения в соответствие этих цен с затратами. И лишь затем, посмотрев, как станет развиваться ситуация, двигаться в направлении их рыночного «освобождения».

Такова «выстраданная» нами модель реформирования системы ценообразования. Почему мы предпочли именно ее? Потому, что уверены: коль скоро сами поднимем цены, сумеем и компенсировать народу соответствующие издержки — если не полностью, то в решающей мере. Это все-таки управляемый процесс. А повышать цены все равно придется, никуда от их роста не деться. Считать, что существующие цены отражают общественно необходимые затраты, — значит глубоко ошибаться.

Другая отличительная особенность предлагаемой модели регулируемой рыночной экономики заключается в том, что производство примерно 40% продукции производственно-технического назначения остается в руках государства, а остальную часть должен регулировать рынок. Думаю, это

столько, сколько необходимо для начала. Ведь у нас еще не установлены и не отлажены прямые связи между предприятиями, а рубль пока не работает в качестве полноценного всеобщего эквивалента — неудивительно появление фактов натурального товарообмена. Поэтому мы предполагаем сохранение на рынке средств производства действенного централизованного регулирования и широкое использование госзаказа. Я не говорю в данном контексте о прочих рычагах, которые регулируют хозяйственную жизнь в любом государстве, — о тех же, к примеру, процентных ставках по кредитам.

Не могу не отметить и следующее. Мы предлагаем комплекс мер, а не только изменение розничных и других цен. Реформа ценообразования — лишь одна из составляющих экономических преобразований. Переход к рыночной экономике охватывает сложную систему экономических мероприятий, причем надежно правообеспеченных. Нами уже разрабатываются основополагающие законы и прочие правовые акты, которые призваны регулировать в дальнейшем экономическую жизнь страны, включая новый закон о налогообложении. В этой пятилетке на предприятиях действуют индивидуальные экономические нормативы. Хорошо работающие предприятия вносят в бюджет крупные средства и «вытягивают» предприятия, работающие плохо; последние выживают лишь в результате перераспределения финансовых ресурсов. То есть налицо уравнивательные тенденции и иждивенчество, в связи с чем надо, конечно, вводить единый налог. По этой теме не утихают споры в Верховном Совете, и я не буду здесь говорить, каким конкретно быть налогу: 60-, 55- или 45-процентному. Важно одно: если мы собираемся осуществлять те или иные высокозатратные централизованные мероприятия, намерены выполнять широкомасштабные программы, то фискальная нагрузка долж-

на быть серьезной. Если же реализовывать такие программы не надо, она может являться относительно низкой. Но ведь уже принят Закон о пенсиях, воплощаются в жизнь программы по развитию Нечерноземья, ликвидации последствий чернобыльской аварии и др. И от этих реальностей приходится отправляться при определении ставки налога, о котором идет речь.

Кроме налоговых, есть многие другие группы мер, которые предстоит предпринять, чтобы качественно изменить экономические отношения. Мы обязаны создать сильные механизмы мотивации труда, повышения эффективности производства в целом, экономии всех видов ресурсов. Упомяну в связи с этим реформу банковско-кредитной системы. Кредитные ресурсы у нас очень дешевые — ставка в среднем 2,4%, и неудивительно, что предприятия плохо экономят деньги, постоянно надеясь на помощь бюджета и министерства. Теперь им придется пересмотреть прежние подходы. Малорентабельные и убыточные предприятия будут вынуждены либо изменять свой профиль или даже форму собственности, либо, что самое желательное, повышать производительность труда и эффективность производства в целом. Но очевидно, что ряд предприятий в новой системе работать не сможет.

Однако из этого не следует, что мы допускаем образование массовой безработицы. На мой взгляд, таковая стране не грозит, и утверждения о якобы появившихся 10, а то и 15 млн. безработных я опровергаю. А вот наличие около 10 млн. незанятых рабочих мест — факт. Вы сами видите множество объявлений: требуются специалисты и рабочие. Поэтому ключевой вопрос сегодня не в создании новых рабочих мест, хотя есть, конечно, районы, где это необходимо, — прежде всего в Средней Азии и Закавказье. Главное — разворачивать систему переподготовки работающих. Если, например, рабо-

чий был токарем, а его завод по каким-то причинам должен быть закрыт, не исключена необходимость его переучивания на другую специальность. Чтобы использовать высвобождающихся на одних предприятиях рабочих, надо будет повышать на других предприятиях сменность, вводить вторую и третью смены; ныне же отечественное машиностроение работает главным образом в односменном режиме. Кроме рабочих мест, которые надлежит заполнить в производственной сфере, отмечу потенциальные рабочие места в сфере обслуживания, которую мы намерены энергично развивать: сюда тоже требуется серьезный приток работников. Но все же нельзя недооценивать проблему, следует признать, что масштабы высвобождения рабочей силы будут значительными. Предстоит выстраивать новую систему обеспечения занятости, переподготовки работников. Соответствующий закон готовится.

Вернусь к проблеме социальной защищенности в связи с предложениями, которые высказаны правительством по реформе ценообразования. Нам необходимо разработать и задействовать механизм компенсации, это самое главное. Почему мы идем на исходное разовое повышение розничных цен? Потому, конечно, что плановое управление ценовой динамикой в отличие от одномоментного перехода к свободному ценообразованию позволяет организованно провести компенсацию потерь населения. Реализация внесенных предложений даст, по нашим оценкам, увеличение розничных цен в объеме 198 млрд. руб. и, по мнению правительства, народу надо компенсировать 70% этой суммы. При этом применительно к продуктам питания — 108 млрд. руб.; не компенсируются лишь такие товарные позиции, как алкогольные напитки, табачные изделия и некоторые деликатесы. По товарам народного потребления повседневного спроса решено компенсировать повышение цен полностью. Понят-

но, что по ювелирным изделиям такой подход исключается, как и по отдельным видам сложной бытовой техники. Особенно важно, чтобы от повышения цен не пострадали малообеспеченные слои — пенсионеры, студенты, инвалиды, многодетные семьи, а также люди, получающие фиксированные доходы, в частности служащие.

Принципиальная методика определения компенсационных выплат с учетом отмеченного уровня повышения цен охарактеризована в моем докладе, опубликованном в центральных газетах, причем алгоритм расчетов показан по всем категориям подлежащих компенсации, начиная с детей. Это был серьезнейший вопрос наших обсуждений, в ходе которых звучали, в частности, предложения дифференцировать размеры соответствующих выплат по регионам СССР, в том числе в связи с традиционными региональными различиями количества детей в семьях. Но в конечном счете пришли к тому выводу, что дети наших граждан, скажем, в республиках Средней Азии и в Белорусской ССР, не должны находиться в неравном в рассматриваемом плане положении.

Мы обстоятельно обсуждали и проблему компенсационных выплат работающим гражданам, прежде всего анализировали предложение разделить совокупный объем компенсации повышения цен на общее количество работающих. Этот вариант очень выгоден малообеспеченным слоям населения. Но справедлив ли он, например, в отношении тех, кто трудится на Севере — в Магадане, на Колыме, в Норильске и т.д., где у людей есть особые потребности — в высококалорийной пище, теплой одежде и др.? Правильен ли уравнительный подход, если принять во внимание сосуществование сложного высокоинтеллектуального и тяжелого ручного труда? В результате была признана предпочтительность варианта установления компенсационных выплат в размере 15% средней зарплаты, однако не ниже 40-рублевого уровня.

По мере того, как будет осуществляться переход к свободным ценам, будет возрастать и потребность в системной индексации доходов. Но для этого надо иметь «потребительские корзины», наборы продуктов и прочих товаров, потребляемых различными категориями населения. В данной области мы работаем в тесном контакте с профсоюзами и надеемся в перспективе успешно реализовать соответствующие совместные наработки.

И последнее. Вы знаете, что правительство страны выступило с инициативой повышения с 1 июля цен на хлеб. И выступило в силу нынешней парадоксальной ситуации. С одной стороны, мы закупаем за рубежом большие объемы зерна — 44 млн. тонн только в этом сельскохозяйственном году. С другой стороны, безответственное отношение граждан к хлебу приводит к его неоправданным потерям. Наша позиция такова: сделав хлеб более дорогим, вернуть населению всю сумму полученных вследствие этого бюджетных доходов. На семью из четырех человек — двоих работающих и двоих детей — месячная компенсация повышения цен на хлеб и хлебобулочные изделия составит примерно 40 руб.

Разрешите ответить на поступившие вопросы.

Вот записка, автор которой благодарит правительство страны за постановление о мерах по улучшению медицинского обслуживания и социального обеспечения для лиц, принимавших участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Хорошая записка — благодарностей я сейчас почти не получаю. Вместе с тем задается вопрос: удастся ли выполнить это постановление в условиях рынка?

Мы обязаны его выполнить. Мы должны реализовать все те программы, которые принимаем, «вписать» их в рыночную экономику. Если же в ходе утверждения рыночных отношений эти программы окажутся «в корзине», сами

понимаете, никакого доверия населения к Верховному Совету, к правительству страны не будет.

Вопрос политического характера: «Выбраны ли Вы делегатом XXVIII съезда КПСС?»

Да, и избирался в Ленинградском районе Москвы, получил 62% голосов. Претендентов на один мандат было десять.

Следующая группа вопросов: как обстоят дела с ажиотажным спросом? будет ли он нарастать по мере приближения к рынку? правильны ли меры, предпринимаемые в этом отношении Моссоветом?

Надо признать: ситуация в стране плохая. Первая волна ажиотажного спроса прошла на Украине и в Белоруссии, где, кстати, еще с времен Великой Отечественной жива память о том, что такое дефицит хлеба и самых насущных промышленных потребительских изделий. Многие связывают эту волну с моим интервью перед докладом на сессии Верховного Совета СССР. Но ажиотажный спрос наблюдается в течение уже несколько месяцев — с тех пор, как стало известно, что правительство работает над концепцией перехода к рынку. Сейчас же, после доклада на сессии Верховного Совета, ажиотаж охватил все районы страны. Мы полагаем, однако, что по продуктам питания положение удастся в не столь уж длительной перспективе стабилизировать. Во-первых, как известно, много продовольствия впрок не запасешь. Во-вторых, я специально только что отметил размеры компенсации повышения цен на хлеб. Мы убеждены: после получения этой компенсации люди не станут «безразмерно» закупать хлебные изделия, чтобы потом их выбрасывать. А значит, начнутся перераспределительные процессы; часть денег, которую граждане получают в виде компенсации, пойдет на приобретение других товаров.

Пока же ажиотажный спрос сохраняется. Что делать? Прежде всего — принимать необходимые меры на местах.

Уже сейчас продукты питания отпускают исходя из суточных норм продажи для того или иного города, района. Думаю, такая защитная реакция оправдана. И, видимо, подобных действий в регионах не избежать.

Что касается Моссовета, который принял решение ввести торговлю по паспортам для москвичей, то пусть на меня не обидятся жители смежных с Москвой областей, столичные власти поступили в сложившихся обстоятельствах правильно.

Поступил естественный вопрос о просчетах, допущенных нашим правительством в ходе уже проведенных реформационных преобразований. Не эти ли ошибки стали причиной резкого ухудшения положения на потребительском рынке, исчезновения с полок магазинов даже тех товаров, которые можно было свободно купить в 1985 г.?

Прежде всего отмечу следующий парадокс. Казалось бы, рост доходов — благо: чем больше человек заработал, тем лучше он должен жить. Но в нашей стране в последние годы это совсем не так. В 1988–1989 гг. были широкомасштабно внедрены новые методы хозяйствования: на полный хозрасчет переводились фактически все предприятия, организации, институты. К тому же быстро разворачивалось кооперативное движение, вокруг крупных предприятий появились сети малых. Отсюда и ускоренный рост денежных доходов населения: за два названных года они увеличились на 23%, или на 105 млрд. руб., что равно совокупному показателю за предшествующие семь лет. И эти выплаченные деньги обрушились на потребительский рынок, спровоцировав разгон инфляции. Конечно, этот рынок опустошается, хотя многие товары выпускаются в большем, чем раньше, количестве. Например, цветных телевизоров в первом квартале текущего года выпущено на 14% больше, чем в первом квартале прошлого года. Такая же ситуация со стиральными машинами.

Да, у нас были ошибки. В решении ряда вопросов проведения реформы мы проявляли излишний раж, забежали вперед. Далее, были развернуты некоторые программы, плохо обеспеченные ресурсами. Серьезный урон нанесла антиалкогольная кампания. Все эти просчеты не могли не сказаться на экономике и реальном благосостоянии народа.

Меня спрашивают: что станет с реформой, если УССР не примет концепцию повышения розничных цен и ее примеру последует РСФСР?

Если ее отвергнут Украина или Россия, планируемая реформа ценообразования, как и последующие намечаемые нами рыночные преобразования экономики страны, просто не состоятся. Но ведь есть основополагающие принципы взаимоотношений советских республик — принципы федерализма. Я внимательно изучил документы, касающиеся федеративного устройства СССР. И считаю: то, что было принято еще в 1922 г., остается главным объединяющим наши республики фактором. В данном случае речь идет о непреложности общей для страны в целом организации денежного обращения. А предлагаемое прибалтийскими республиками введение собственных валют — лата, лита и кроны — прямой путь к конфедерации, то есть к другому государственному устройству. В рамках же федерации подход к регулированию денежного обращения и ценообразования должен быть безусловно единым.

Зачитываю следующую записку: «В прессе, в том числе в газете «Экономика и жизнь», сообщалось о том, что в прибалтийских республиках из-за невыполнения кассовых планов осуществляется сверхплановая эмиссия наличных денег. И эти республики обращаются в «центр» за подпиткой республиканских банков денежной наличностью. Но ведь при переходе на республиканские валюты эти деньги оказались

бы неотоваренными. Не приведет ли это к расстройству денежного обращения?»

Действительно, в республиках Прибалтики происходит сверхплановая выдача наличности, и их руководители подчас обращаются к нам за помощью. Но мы отвечаем им так: «Учитесь хозяйствовать!» И денег сверх плановых объемов не даем.

По поводу разрушительности перспективы введения республиканских валют я уже высказался. Но отмечу, что уже сегодня в связи со сложной социально-экономической и политической обстановкой в прибалтийских республиках многие их жители переводят свои сбережения в сбербанки соседних регионов — Псковской и Новгородской областей, Белоруссии.

Пришел и такой вопрос: «Есть ли у правительства намерения по изъятию излишней денежной массы посредством денежной реформы?»

Я решительно против такой реформы, во всяком случае, в том виде, в каком ее предлагают, — против регрессивной денежной реформы. Мнение, согласно которому подобным образом можно изъять деньги дельцов «теневой экономики», — заблуждение. Возьмите опубликованные данные о структуре вкладов в сбербанки: решающая масса вкладов — всего лишь в несколько тысяч рублей, накопленных за долгие годы добросовестного труда. Нельзя проводить реформу, фактически направленную против тех, кто в течение многих лет откладывал по десятке, чтобы обеспечить более или менее спокойную старость или купить какую-то дорогостоящую вещь! Мы должны ценить и укреплять доверие населения к сбербанковской системе. А в преддверии усиления инфляционных процессов, в той или иной мере неизбежного при переходе к рыночной экономике, нужно очень серьезно озаботиться надежной защитой вкладов граждан от обесценения.

Возвращаясь к вопросам по поводу отстаиваемой нами реформы цен,отреагирую еще на две записки. Автор одной из них беспокоится о последствиях повышения цен для пенсионеров, а другой — полагает, что следовало бы сосредоточиться не на реформе цен, а на мобилизации имеющихся резервов.

Мы намерены действовать в соответствии с принятым законодательным актом о пенсиях. Выплаты, компенсирующие рост цен, будут, конечно, прибавляться и к пенсиям. А в перспективе «освобождения» цен и соответствующего удорожания товарных позиций «потребительской корзины» планируется использовать механизмы индексации.

Что касается предлагаемой мобилизации резервов, то их у нас ныне, к сожалению, очень мало. Экономика в значительной мере «живет в долг». Валютное положение страны сегодня таково, что возникает даже опасность утраты доверия к Советскому Союзу как к надежному партнеру в кредитно-финансовых отношениях.

Ряд участников нашей встречи просит прояснить мое отношение к, цитирую, «частной собственности в условиях рынка» и «процессу акционирования государственных предприятий».

Мне кажется, что в своих трактовках частной собственности многие исходят из рыночных отношений, существовавших в XIX веке. Но таковых ведь нигде в мире уже нет. Это — первое. Второе: известно немало направлений разгосударствления собственности, начиная с использования аренды и коллективно-групповой собственности. В аренду — индивидуальную и семейную — естественно сдавать торговые точки, компактные объекты оказания бытовых услуг, кафе и рестораны; это способно улучшить обслуживание населения и повысить эффективность хозяйствования. Средние предприятия логично переводить в коллективную собственность, и пусть они работают на основе коопера-

тивной демократии. А предприятия крупные могут быть акционированы при сохранении госконтроля их деятельности посредством удержания стопроцентных, контрольных, блокирующих или просто значительных пакетов акций в руках государства. Я положительно отношусь к наделению акциями предприятий их работников, соответственно к участию последних в корпоративном управлении — статус совладельца способен усилить стимулы к высокопроизводительному труду.

Авторы ряда записок обнаруживают понимание неизбежности при переходе к рыночной экономике определенного спада производства и интересуются правительственными оценками на этот счет. Что здесь можно коротко сказать?

На первом этапе, в 1991–1992 гг., наверняка будут немалые трудности в осуществлении инвестиционного процесса, придется резко снизить капитальные вложения. Конечно, это в меньшей степени коснется социальной сферы — строительства больницы, школ, детских садов и прочих подобных объектов. В производственной же сфере капиталовложения должны сократиться на 30%, а соответствующее падение производства прогнозируется на уровне 3–5%. Однако наша задача — добиться не просто сохранения, но и роста производства товаров и материальных услуг для населения. Большие надежды в этом плане мы возлагаем на конверсию.

На вопрос о том, были ли у членов правительства разногласия по концепции перехода к рынку, я, собственно, уже ответил в своем выступлении. Несовпадения подходов были, мы много спорили, и каждый имел возможность высказать и подробно аргументировать свою точку зрения. Однако программа, вынесенная на обсуждение Верховного Совета, является нашим общим документом, и разногласий по ней у нас нет.

В нескольких записках фигурирует вопрос о степени анализа и учета нами альтернативных концептуальных

проектов перехода к рыночной экономике. Есть и просьба высказаться по поводу оценки программы правительства как «нерыночной», прозвучавшей из уст народного депутата СССР Г. Фильшина с трибуны Верховного Совета.

Мы рассмотрели множество альтернативных проектов, будем и впредь сотрудничать с учеными и специалистами, с любыми инициативными группами заинтересованных лиц, высказывающих разумные соображения и выдвигающих конструктивные предложения. Правительство открыто для честного профессионального разговора о путях утверждения рыночной системы. Правда, многие наши оппоненты специализируются именно на публичных саморекламных обвинениях в наш адрес, уходя от реальной совместной работы.

Что касается конкретного выступления Фильшина, то оно, на мой взгляд, менее всего затрагивало рыночную проблематику. Когда он начал разъяснять, куда и в каких конкретно пропорциях нам следовало предусмотреть направление ресурсов, невольно вспомнилась классика дебатов при составлении пятилеток и годовых планов развития народного хозяйства СССР! Мы постоянно находимся в готовности прислушаться к полезным советам народного депутата, но оставляем за собой право не реагировать на явно бесполезные послылы.

Наконец, тезисно отвечаю на повторяющиеся в нескольких записках вопросы о главных, на мой взгляд, трудностях формирования в нашей стране современной рыночной экономики, а также о решающем условии успеха в реализации этой стратегии.

Понятно, что соответствующие трудности вытекают из самой необходимости обеспечения глубоких сдвигов в структуре народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса, соответственно — обновления отношений собственности и управленческого инструментария,

хозяйственного законодательства. И все-таки главную проблему я связываю с психологическим фактором, с состоянием общественного сознания. Оно еще не подготовлено к радикальным переменам, поскольку не опирается на внятный образ будущего, а находится в плену сложившихся за десятилетия стереотипов. Из многочисленных встреч с трудовыми коллективами, в том числе в ходе предсъездовской выборной кампании, я вынес убеждение: далеко не все, мягко говоря, представляют, что такое рыночная экономика и что предстоит пережить на пути к ней человеку труда. Поэтому решающее условие успеха состоит в том, чтобы развернуть грандиозную разъяснительную работу на сей счет. Без решения этой задачи не будет доверия людей к правительству, никуда не уйдут подозрения в нашем стремлении постоянно обманывать трудящихся.

В заключение еще раз подчеркну, что, разрабатывая свою программу, мы понимали, на что шли, предвидели в лучшем случае неоднозначное и настороженное отношение народа к предложенной стратегии. Но посчитали необходимым сказать людям правду. На полуправде же, на успокоительных «округлых» фразах национального согласия не обеспечить, а потому из кризиса не выйти и реформационных задач не решить.

...По ходу выступления Николая Ивановича в памяти невольно всплывали недавние беседы в Линце с немецким профессором и его коллегами. Они, надо отдать им должное, слушали мои соображения об особенностях советской экономики и специфике ее тогдашнего конкретного состояния, объективно отторгавших «революционный» вариант перехода к рынку, соответственно мои филиппики о губительности для нашей страны подобного рода радикально-либералистских рецептов, почти с тем же напряжением, с коим читатели и авторы газеты, собравшиеся в Доме союзов, внимали по

сути аналогичным, хотя, конечно, несоизмеримо более компетентным и детальным, опиравшимся на огромные знания, уникальный опыт и мудрость крупнейшего макроуправленца, суждениям главы исполнительной власти СССР.

Анализируя прозвучавшее тогда с трибуны Колонного зала, как и то, что Николай Иванович затем поведал нам «в кулуарах» (в довольно длительной и предельно, буквально «на грани фола», откровенной беседе за накрытым редакцией для высоких гостей скромным столом), я начинал осознавать то, в чем сегодня абсолютно убежден: Рыжков оказался единственным в высшем руководстве страны периода «перестройки» политиком, который по-настоящему, всем существом своих профессиональных и личностных сил, пытался противостоять ее превращению в «катастрофку», ее антисоциалистическому и антинародному перерождению. Только «команда Рыжкова» смогла представить единственно разумную и конструктивную в тех обстоятельствах программу. Программу, нацеленную на построение эффективно госрегулируемой и социально ориентируемой рыночной экономики — с сохранением в новых формах макропланирования, проведением государством активной промышленной политики и с организацией блокирующих доходно-имущественную поляризацию общества мощных перераспределительных процессов. Программу, включившую реалистичный план эволюционного, постепенно-поэтапного, продвижения к этой четко сформулированной цели, минимизирующий неизбежные при рыночной трансформации народнохозяйственные потери и максимально щадящий для большинства населения.

Но именно «рыжковская программа»*, кроме прочего, отправлявшаяся от такой «печки», как императив сохране-

* Строго говоря и исторической правды ради, следовало бы вести речь о «команде Рыжкова — Абалкина» и «рыжковско-абалкинской программе». Но это все-таки — специальная тема, обстоятельно

ния целостности страны (нераспадения СССР), откровенно игнорировалась или умело саботировалась высшей партноменклатурой! При этом саботаж исходил прежде всего от самого творца «нового мышления для нашей страны и для всего мира». Под перманентную болтовню об «апрельском обновлении» и байки о скором процветании М.С. Горбачев заигрывал с наиболее радикальными антисоветскими и антинародными по своей сути политическими силами, опирался в своем «бодании» с выращенным ими новоявленным российским лидером на сепаратистов в союзных республиках и в российских автономиях, покровительствовал появлению и пропаганде абсурдно-эпатажной уже по своему названию «альтернативы» — программы «500 дней»...

Все мы отлично знаем, что произошло после того, как шельмовавшие Рыжкова и требовавшие отставки его правительства политические деятели, довершив до конца дело развала СССР, в одночасье либерализовали в его кровотокающем обручке — России — цены*, а затем развернули в ней тотальную приватизацию и открыли российскую экономику для экономики глобальной (и продолжаем переживать ужасающие последствия этих акций). И в рассматриваемом контексте остается лишь в очередной раз пожалеть, что «история, как известно, не знает сослагательного наклонения». А также признать провидческими слова, сказанные

раскрытая в мемориальной книге, которую наш Издательский дом выпустил в мае 2012 г. к годовщине смерти академика Л.И. Абалкина. В ряду многочисленных текстов его соратников и друзей в книге есть очерк самого Николая Ивановича, характеризующий особый вклад ученого в концептуальную проработку правительственной программы и в организацию ее подготовки. См.: *Рыжков Н.И.* Член правительства Союза СССР. В кн.: *Абалкин Л.И.* Россия: осмысление судьбы. — М.: ИД «Экономическая газета», 2012. — 864 с. («Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»). Об этом вкладе упоминается и в представленной книге.

* В связи с этим напомним: Б.Н. Ельцин, требовавший отставки правительства Рыжкова как якобы анти-социального (хотя планировалось, подчеркиваю вслед за Николаем Ивановичем, лишь 20–30-процентное, а главное, гарантированно и в решающей мере *компенсируемое* повышение цен потребительского рынка) и одновременно обещавший «лечь на рельсы» в случае резкого удорожания товаров народного потребления, раскрутил с начала 1992 года чудовищную гиперинфляционную спираль. Розничные цены взлетели в десятки и сотни раз, а рельсы президентского тела, разумеется, так и не дождались.

Николаем Ивановичем в его «прощальном» в качестве советского премьера выступлении на IV Съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 года: «Вы еще вспомните это правительство!» Надеюсь, что продуктивному «вспоминанию» будет в какой-то мере способствовать и представляемая новая книга Н.И. Рыжкова.

* * *

После вынужденной отставки Н.И. Рыжкова, отказавшегося участвовать в превращении «перестройки» в «катастрофу», я следил за продолжением его политической и общественной деятельности (на которой специально останавлиюсь далее). Продолжались и наши деловые контакты, связанные с выступлениями Николая Ивановича в еженедельнике «Экономика и жизнь», а в 2008 году он подготовил для выпущенной к 90-летию газеты юбилейной книги «Россия: экономическая жизнь газетной строкой» материал о деструктивных социально-экономических последствиях пресловутой горбачевской антиалкогольной кампании и о своих попытках противодействовать ее разрыванию*. Тес-

* Вот выдержки из этой статьи, озаглавленной «Борьба с алкоголизмом не терпит формализма»: «По поручению Политбюро в 1985 году вопросом преодоления алкоголизма занимались секретари ЦК партии Е.К. Лигачев и М.С. Соломенцев. А когда проект постановления был вынесен на Секретариат, который вел новый генсек Горбачев, у меня волосы дыбом встали. Да и не у одного меня. Тяжелую социальную проблему предлагалось решать административно-запретительными методами, причем главная идея — принудительно сократить производство любых алкогольных напитков, даже пива. По годам пятилетки было расписано, когда и на сколько уменьшать их производство. Мало того, предусматривалось со временем вообще свести выпуск этой продукции практически к нулю! Я резко выступил против, но оказался в меньшинстве. Аргументы? Рыжков-де не понимает важности момента. Он не чувствует, что время требует поступков, а не перестраховочных разговоров. Не осознает, что нравственную атмосферу в стране надо спасать любыми средствами. Печется об экономике, а не о людях и морали. Еще что-то накидали, всего не помню. Горбачев активно поддержал «кавалерийский» подход авторов проекта документа. Через несколько дней вопрос был вынесен на заседание Политбюро, некоторые члены которого пытались аргументировать недопустимость обвального снижения производства крепких и «пенного» напитков. Однако новый партлидер и его сторонники в отношении «радикального» решения алкогольной проблемы «стояли насмерть». В результате ПБ проигнорировало необходимость рассмотрения социально-экономических корней этой проблемы, ушло от серьезного обсуждения темы их устранения, от выявления направлений таких комплексных перемен в обществе, в результате которых человек находил бы свое место в нем, ощущал большее удовлетворение оплатой и самим содержанием

ное же творческое и человеческое общение началось в 2010 году, в связи с включением Издательского дома «Экономическая газета» в книгоиздательскую деятельность, направленную на поддержание исторической памяти о Великой Отечественной войне и о Великой Победе.

Будучи убеждены, что эта память нуждается в заботе и защите, мы (ИД «ЭГ» совместно с редакцией «Российского экономического журнала») выпустили к 65-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией научно-публицистический сборник «Все для фронта, все для Победы!», куда вошли воспоминания ветеранов «сороковых, роковых» и где полностью воспроизводился с современными комментариями текст фундаментальной, но, к сожалению, почти забытой монографии выдающегося государственного деятеля, заместителя председателя советского правительства и председателя Госплана, академика Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (вышедшей в 1947 году), а также были опубликованы статьи с нынешними оценками предвоенной экономико-политической ситуации и с анализом хозяйственных слагаемых «одной для всех», как и ее духовных факторов*.

труда, а свободное время трудящихся проходило бы в нормальных бытовых условиях и наполнялось приобщением к духовным ценностям. Соответственно все свелось к административным запретам и к трескучей пропаганде. И результат не замедил сказаться. Сокращение потребления спиртных напитков вследствие принудительного снижения их поставок в торговые сети «компенсировалось» ростом наркомании и токсикомании. Приметой времени становились огромные и подчас далеко не «мирные» очереди у всех винных магазинов. О бюджетных потерях я уж не говорю.

В Москве деятельностью по закрытию винных «точек» энергично руководил первый секретарь МК В.В. Гришин, а затем он передал эстафету сменившему его известному «трезвеннику» Б.Н. Ельцину. Последний же, взлетев по карьерной лестнице, вскоре впал в другую крайность. У всех на памяти результаты его курса на вседозволенность в торговле, в том числе ликеро-водочными товарами (перед глазами — несчастные старушки, предлагающие на каждом перекрестке дешевую и зачастую низкопробную водку). Началось новое, на сей раз едва ли не целенаправленное спаивание народов России» (Россия: экономическая жизнь газетной строкой. — М.: ИД «Экономическая газета», 2008. — С. 237).

* См.: Все для фронта, все для Победы! Научно-публицистический сборник / Научный редактор Ю.В. Якутин. — М.: ИД «Экономическая газета», Российский экономический журнал, 2010. — 320 с. (Русская классическая библиотека. Экономика и духовность).

Выпуск этой книги (в серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность») не являлся ни коммерческим проектом, ни акцией показательного участия в официальных юбилейных торжествах. Он, повторюсь, мотивировался нашей внутренней потребностью отдать дань уважения и памяти своим родным и близким, коллегам-журналистам, ученым-экономистам и всем защитившим Родину — живым и павшим. Часть тиража была безвозмездно направлена подписчикам периодических изданий нашей корпорации, а также в библиотеки, вузы, государственные и научные учреждения. Другую часть мы разослали руководителям почти всех российских регионов, главам государств бывших советских республик. Вскоре в наш адрес стали поступать многочисленные отклики: своими впечатлениями о книге, главным образом положительными, делились как простые граждане, так и известные политические и общественные деятели. Теплое, проникновенное письмо пришло, например, от белорусского президента А.Г. Лукашенко.

Откликнулся на издание и Н.И. Рыжков. Он не только направил нам свой отзыв, но и позвонил мне, высказал благодарность за полученный сборник, сообщил, что с удовольствием его прочитал, поздравил с выпуском нужной и полезной книги. Николай Иванович высказал, однако, и сожаление по поводу того, что не знал об этом проекте, что соответственно не смог принять в нем авторское участие и передать имеющиеся у него материалы по военной тематике, которые он собрал при подготовке своей монографии «Экономика Советского Союза в годы Великой Отечественной войны». Он сообщил, что эта книга уже вышла в свет* и направлена нам в качестве ответного подарка.

* См.: Рыжков Н.И. Экономика Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. — М. — Белгород: Издательство БГТУ, 2010.

Поблагодарив Николая Ивановича, я рассказал ему о том общественном резонансе, который вызвал наш сборник, а также повел речь о разногласиях современных обществоведов в трактовке предвоенных, военных и послевоенных событий. Мой собеседник согласился: чем дальше уходят в глубины истории годы войны, тем больше появляется политико-идеологических спекуляций на военной тематике, сознательных искажений хода реальных военных событий, мифологических представлений о причинах пожара Второй мировой, ее истинных поджигателях и их пособниках, о победах и поражениях, победителях и побежденных. И главное, он предложил подготовить к очередному «круглому», 70-летнему, юбилею Великой Победы многотомную монографию о проблемах военной экономики и экономических факторах победного исхода Отечественной войны — с активным использованием появившихся в последнее время новых исторических, в том числе историко-архивных, материалов. Необходимость подобного издания, подчеркнул Николай Иванович, обусловлена тем, что в соответствующей полемике последних лет основное, если не исключительное, внимание уделяется политическим и чисто военным вопросам. Экономические же сюжеты ее подготовки и ведения обычно выпадают из поля зрения исследователей. Но ведь экономика — это материальное основание, фундамент любых крупномасштабных военных действий, и об экономической победе над фашизмом надо вспомнить и заговорить в полный голос. Важно обстоятельно проанализировать опыт управления экономикой в годы войны, особенности организации и планирования военного производства, его материально-технического, кадрового и научного обеспечения, рассмотреть методы наращивания производства и поставок на фронт военной техники, боеприпасов, горючего, снаряжения, продовольствия, медикаментов и т. п. Крайне важ-

но предельно конкретно и в погодовой динамике выявить роль ленд-лиза в совокупных поставках собственно военной и прочей продукции на советско-германский фронт, ибо эта проблематика становится объектом не столько научных дискуссий, сколько беззастенчивых антисоветских и антиросийских спекуляций в зарубежной и отечественной прессе (ярким подтверждением этих слов моего собеседника стал состоявшийся вскоре «наезд» на наш сборник в газете «Совершенно секретно»).

По итогам разговора и последовавших встреч мы приняли решение готовить трехтомное издание, определили его структуру и авторский коллектив, заказали конкретные материалы. Но в процессе работы над своими разделами трехтомника у Николая Ивановича появились связанные с военно-экономической проблематикой дополнительные идеи и замыслы, воплотившиеся прежде всего в его книге «Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы», выпущенной Издательским домом «ЭГ» в конце 2011 года. Этот капитальный (объемом около 30 печатных листов) труд исторически продолжил недлинный ряд соответствующих системно-факторных исследований, начатый упомянутой монографией Вознесенского, написанной по «горячим следам» войны. В книге развернут сравнительный анализ качественно-количественных параметров общеэкономических и собственно военно-промышленных потенциалов этих стран в довоенный период и прослежена соотносительная динамика этих потенциалов непосредственно в годы Великой Отечественной, выделены, охарактеризованы и субординированы факторы экономического обеспечения Победы. Опуская в данном случае свои соображения по поводу раскрытия Н.И. Рыжковым фундаментальной их группы, включающей, конечно, пионерную в мировой истории систему планового управления экономикой как единым и целостным

комплексом (обеспечившую и уникальную индустриализацию страны в 1930-х, и решение уникальных же собственно военно-экономических задач, начиная с невиданного по масштабам, скорости и точности исполнения перемещения в 1941–1942 годах экономического потенциала западных ареалов СССР в восточные регионы)*, остановлюсь только на завершающей это раскрытие главе о поставках по ленд-лизу. Глава суперактуальна, поскольку ее предмет — едва ли не наиболее фальсифицируемый, стоит повторить, экономический фактор Победы.

В самом деле, реанимированный в качестве «подарка» к ее 65-летию тезис, согласно которому советская социалистическая экономика «с вызовами войны не справилась», подкреплялся именно утверждением о решающей для «победы 1945 года» экономической роли «помощи союзников». Это утверждение, в свою очередь, аргументировалось призванным шокировать читателя «телеграфным» его информированием об общем количестве поставленных по ленд-лизу в 1941–1945 годах видов вооружений и военной техники, а также другой продукции, необходимой для ведения военных действий. Обилие данных, приводимых через запятую, без всяких объяснений и сопоставлений, очевидно, призвано было парализовать всякое стремление к правильной оценке этой информации. При этом еще и предлагалось «учитывать, сколько ушло на дно потопленных немцами, не дошедших до Мурманска конвоев».

Требование «учитывать» потопленные, не попавшие на фронты Великой Отечественной ленд-лизированные вооружения, военную и другую технику, обмундирование и прочую продукцию в качестве довода в пользу дискурса о решающей

* Подробно об этом см.: Мелентьев А. О войне, чести и бесчестии (еще раз о книге «Все для фронта, все для Победы!» и «совсекретной» публикации Г.Х. Попова) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 6.

роли союзнических поставок в экономическом обеспечении Победы СССР над фашистской Германией — откровенная чушь (если уж учитывать — то «сточностью до наоборот»), ибо по договору о ленд-лизе мы оплачивали эти погибшие в пути грузы золотом или стратегическими материалами). Чушь же неявная, а потому и наиболее зловредная, — в преднамеренном умалчивании о главном — об абсолютно необходимом профессиональном условии решения проблемы — о сопоставлении объемно-структурных и качественных параметров таких поставок с продукцией, произведенной в самом Советском Союзе, причем не только за годы войны в целом, но и в погодовом разрезе.

Именно в попытке такого сравнения — несомненная заслуга Н.И. Рыжкова. В главе «Фактор ленд-лиза» его книги «Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы» находится ряд построенных автором таблиц, в соответствии с данными которых союзнические поставки вооружений и военной техники составили лишь небольшой процент к количеству аналогичных образцов, произведенных советской промышленностью (так, по самолетам — 16,3%, танкам и САУ — 10,3, орудиям и минометам — 0,8, пистолетам-пулеметам — 0,2, по снарядам и минам — 0,2%). Очень важно также, что основная часть этих поставок пришлась не на самые страшные для СССР 1941–1942 годы, а на годы 1943-й и особенно 1944-й, т. е. на этап завершения коренного перелома в Великой Отечественной войне и реализации Красной Армией наступательной стратегии. На этом этапе, к примеру, наши авиационные заводы ежегодно поставляли армии самолетовкратно больше, чем союзники поставили стране за весь военный период, да еще и самолетов лучшего качества! Отсюда и принципиальный вывод: на определяющую роль в экономической победе СССР над Германией фактор ленд-лиза претендовать никак не может.

В этом контексте Рыжковым прокомментирована следующая (тоже, разумеется, игнорируемая доморощенными фальсификаторами) обобщающая экономическая оценка Н.А. Вознесенским роли ленд-лиза: «Если сравнить размеры поставок союзниками промышленных товаров в СССР с размерами производства промышленной продукции на социалистических предприятиях СССР за тот же период, то окажется, что удельный вес этих поставок по отношению к собственному производству в период военной экономики составит всего лишь около 4%». Эта оценка, констатирует Н.И. Рыжков, критикуется даже в западной литературе как заниженная, и в своем большинстве критики сошлись на том, что объем помощи составил не четыре, а девять — одиннадцать процентов. Дело здесь, резонно полагает он, в различии временных подходов: Вознесенский исходил из совокупного объема производства в 1941–1945 годах, а его зарубежные оппоненты делали упор на годах второй половины войны — 1943-м и особенно на 1944-м. Анализируя этот и другие учитываемые в имеющихся методических подходах факторы, дает собственную экспертную оценку: общий объем ленд-лизированных поставок промышленной продукции составил 13,2 млрд. долл., или примерно 7% отечественного промышленного производства. Таким образом, и с этой позиции можно уверенно утверждать: определяющей роли в Великой Победе союзнический экспорт не сыграл.

Завершив свои соображения о ленд-лизе обращенным к историкам и экономистам призывом «противостоять фальсификаторам, проводя квалифицированные исследования и публикуя их результаты», Николай Иванович быстрее всех сумел собственный призыв реализовать: в течение буквально пары месяцев после выхода (в конце 2011 года) книги «Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы» он развернул главу о союзнических поставках в особую мо-

нографию, и новый его труд «Великая Отечественная: ленд-лиз» Издательский дом «ЭГ» сумел выпустить весной 2012 года — к 67-й годовщине Победы!

Полагаю, что это развертывание главы о ленд-лизе предыдущей книги в самостоятельную, причем тоже капитальную (объемом в 28 печатных листов), монографию обеспечило серьезное «приращение знания» по проблеме, и в предельно сжатом изложении ключевые моменты вклада Н.И. Рыжкова в ее разработку* таковы. Очевиден прежде всего многоаспектный, если не сказать энциклопедический, характер новой работы. Ее автор — теперь уже применительно к одному из широкого спектра ранее затрагивавшихся им сюжетов — обобщает имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе заделы, а также мобилизует огромный «первородный», архивно-эмпирический материал. В пяти главах книги соответственно, во-первых, всесторонне описывается договорно-правовая база ленд-лиза для СССР, в том числе заключенный в начале октября 1941 года в Москве основополагающий американско-британско-советский договор (предваренный экстренным этапом «пре-ленд-лиза») и все четыре протокола (первый, Московский, действовавший с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 года; второй, Вашингтонский, хронологические рамки которого — 1 июля 1942–30 июня 1943 года; третий, Лондонский, ограниченный 1 июля 1943–30 июня 1944 года; четвертый, Оттавский, охватывавший период с 1 июля 1944 по 20 сентября 1945 года и включавший дополнение, связанное с вхождением СССР в войну с милитаристской Японией), равно как и ход их реализации.

* Желавшие ознакомиться с этими соображениями могут обратиться к моей вступительной статье к книге (см.: Якутин Ю.В. Экономические факторы Победы: неравнодушный и компетентный взгляд советского премьера. В кн.: Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. — М.: ИД «Экономическая газета», 2011). Статья была перепечатана в № 5 «Российского экономического журнала» за 2011 г.

Во-вторых, — характеризуются все маршруты осуществления союзнических поставок по ленд-лизу: не только знаменитые (отраженные в художественной литературе и в кинофильмах) арктические конвои, но и тихоокеанский и трансиранский («персидский») пути, а также авиатрасса «Аляска-Сибирь».

В-третьих, в целом за 1941–1945 годы и в погодном выражении анализируются качественно-количественные параметры основных видов поставленной в СССР по ленд-лизу продукции, включая вооружения и военное снаряжение, металлы и иные материалы, промышленное оборудование и интендантские товары, а также продовольствие.

В-четвертых, проблема ленд-лиза не только вновь ставится в контекст сопоставления общехозяйственных и собственно военно-промышленных потенциалов СССР и Германии перед войной и анализа их соотносительной динамики в военный период: к исследованию привлекается развитие экономики Соединенных Штатов, откуда в 1941–1945 годах шла львиная доля ленд-лизинговых поставок.

В-пятых, рассматривается послевоенное урегулирование расчетов по ленд-лизу. А в заключительном фрагменте монографии (как, впрочем, в той или иной мере и во всех главах) динамика союзнических поставок сопоставляется с ходом основных сражений на фронтах Великой Отечественной, без чего, согласно авторской методологии, нельзя объективно и адекватно оценить роль ленд-лиза как фактора экономической победы СССР над фашистской Германией, а значит, невозможно ни отделить правду об этой роли от многочисленных ее искажений, накопившихся в годы «холодной» войны, ни эффективно противостоять фальсификациям на сей счет, к сожалению, продолжающимся в период войны «постхолодной».

Понятно, что в новом издании, как и в издании предыдущем, воплощен не только компетентный, но и неравнодушный патриотический взгляд советского премьера на Великую Отечественную войну; его книга о ленд-лизе опять-таки не просто научная, но и публицистически-полюемично заостренная. И этот «нерв» вкупе с отмеченными содержательно-структурными особенностями исследования помогает Рыжкову обстоятельно развернуть уже ранее доказанный им и его единомышленниками главный тезис: послужив одним из весомых, существенных факторов экономического обеспечения Победы Советского Союза над фашистской Германией, союзнические поставки по ленд-лизу отнюдь не сыграли ни в этом обеспечении, ни тем более в Победе в целом решающей, определяющей роли. Причем речь может и должна вестись о развитии, конкретизации по ряду линий как первой, так и второй составляющих этой формулы. Соответственно — о контраргументации Н.И. Рыжковым позиций как тех, кто до сих пор, следуя послевоенной традиции советских руководителей и официозных историков, априори принижает значение ленд-лиза (американских поставок, британской и канадской помощи), так и, конечно, тех, кто на волне неприятия едва ли не всего советского и прямо смыкаясь в своем антисоветизме с западными «ястребами» времен «холодной войны» и с отдельными нынешними продолжателями их усилий, заведомо гипертрофирует и даже абсолютизирует роль экономической поддержки СССР со стороны союзников по антигитлеровской коалиции.

Факты таковы, что в последние годы появились не только наши (Издательского дома «ЭГ»), но и другие солидные книжные издания по историко-военной, причем с серьезным выходом на экономические аспекты, тематике, где, в частности, представлены новые разработки вопроса

о союзнических поставках 1941–1945 годов как факторе Победы СССР над фашистской Германией. Так, соответствующая глава есть в третьем томе выпущенного в 2010 году учеными Университета МИД России шеститомника «65 лет Великой Победы», но в ней обнаруживается следующий оценочный пассаж: «В отечественной историографии тема ленд-лиза — все еще одна из наименее изученных, и до сих пор мы не имеем ни одного монографического труда». Теперь же такой труд имеется! Причем труд не просто традиционно (узко) «историографический»: предложенные в книге Н.И. Рыжкова «Великая Отечественная: ленд-лиз» ответы на дебатлируемые вот уже без малого семь десятилетий вопросы, касающиеся вроде бы сугубо специальной (и даже «скучной») темы экономического взаимодействия союзников по антигитлеровской коалиции, дают мощный импульс к самым широким размышлениям о прошлом, настоящем и будущем Отечества.

Завершая «новеллу», связанную с появлением и содержанием книг Н.И. Рыжкова о Великой Отечественной войне, не могу не поделиться с читателями еще и следующими актуальными, на мой взгляд, соображениями, возникшими по этому поводу. Случилось так, что участие в работе по подготовке к печати монографии «Великая Отечественная: ленд-лиз» невольно вовлекло в орбиту моего внимания некоторые новейшие пассажи не только «научной» (обществоведческой), но и «художественной» интеллигенции либерального толка, весьма известные представители коей, оказывается, тоже активно высказываются по вопросу союзнических поставок 1941–1945 годов в СССР, беспелляционно заявляя совершенно определенную позицию относительно их роли в исходе противостояния Советского Союза и фашистской Германии. В связи с этим рискну воспроизвести заключительный фрагмент (точнее, «по-

стскрипту») своей вступительной статьи к монографии, о которой идет речь.

«Постскрипту» к вступительной статье Ю.В. Якутина («Союзнические поставки как фактор Великой Отечественной, предмет «холодной» и «постхолодной» войн») к книге Н.И. Рыжкова «Великая Отечественная: ленд-лиз».

Вступительная статья для быстро готовившейся к печати новой книге Н.И. Рыжкова (предстояло успеть к маю!) была написана, и вроде бы, во всяком случае по оценке коллег, выстроилась, получилась. Однако, хотя сотрудники напоминали и о сроках, и о том, что «лучшее — враг хорошего», не оставляло некое, причем не столько внятно-рациональное, сколько щемяще-эмоциональное, ощущение неудовлетворенности. Одолевали сомнения: «расшевелит» ли написанное читателя, особенно молодого? Подвигнет ли его прочесть до конца, а главное, постараться содержательно освоить нетонкую книгу — книгу, посвященную уже неблизкой для нынешних «отроков и отроковиц» военной истории, да еще и специфической, во многом «сухой», хозяйственной материи? Все ли необходимые для этого слова найдены, оптимальная ли «выборка» из отработанных сюжетов сделана, с должной ли степенью конкретности и убедительности освещены акцентированные проблемы?

Может, следовало прежде всего особо коснуться переданного мне и моим сверстникам-единомышленникам нашими отцами, дедами и всеми замечательными ветеранами фронта и тыла (уловленного нами также из добротной научно-исторической и лучшей художественной литературы, из прочих памятников духовной культуры) чувства общенародности, абсолютной справедливости, священности и неизбежной конечной победоносности начавшейся 22 июня 1941 года войны? Того чувства, которое, именно тог-

да же и возникнув у советских людей и далее в течение четырех лет не исчезая, а лишь упрочиваясь, как раз и стало наиглавнейшим фактором Великой Победы? Тем ключевым фактором, в сопоставлении с коим все прочие факторы, включая, конечно, союзническую хозяйственную, да и военную помощь, нельзя не признать заведомо производными, второстепенными?

Может быть, думалось также, стоило «разбавить» комментарии к экономическим выкладкам Николая Ивановича «живыми картинками» нравов, известными мне примерами как героических, так и низменных проявлений в намерениях и действиях заокеанских участников программ ленд-лиза? Так, в память врезался прочитанный еще в конце 1960-х и основанный на реальных событиях рассказ об одном из эпизодов эпопеи ленд-лизских поставок по знаменитому североатлантическому маршруту. Суть истории, изложенной от имени обнищавшего в годы Великой депрессии жителя Бостона, нанявшегося моряком на стартовавший в Англию старенький пароход с грузами для СССР, такова. Составившие ядро англо-американского конвоя суда были потоплены в Арктике немецкими подлодками, а включенная в конвой бостонская посуда-«доходяга» (но, как выяснилось, хорошо застрахованная) каким-то чудом уцелела и с огромным опозданием дошла летом 1942-го до Мурманска. А когда выгруженные ящики открыли, в них обнаружили... полуистлевшие тряпки и металлический хлам! Между тем наша страна, находившаяся в смертельно тяжелой ситуации, исправно оплачивала по факту отгрузки все американские и английские поставки золотом (к примеру, как отмечает Рыжков, на одном только британском крейсере «Эдинбург», который англичане, кстати, позволили немцам утопить, находились 5,5 тонны золота) либо ценнейшим стратегическим сырьем...

А может, имело смысл, апеллируя не только к чувствам, но и к теоретической подготовленности хотя бы части читательской аудитории, не просто вслед за Рыжковым обозначить, но и по возможности развернуть интереснейший политэкономический сюжет о «социализации» в годы Второй мировой войны американского капитализма? Конкретизировать, иными словами, тезис о существенном развитии в рамках ленд-лизинговых производственно-экспортных программ такого эффективного (в том числе в мультипликативном смысле гарантированного расширения платежеспособного спроса) инструмента рузвельтовского «нового курса», как действующее контрактный механизм «государственное хозяйство» (*government entrepreneurship*), о превращении на этой основе США не просто в главного геоэкономического и геополитического бенефициара военных лет, но и в сверхдержаву? И не надлежало ли довести эту линию размышлений до принципиального разговора о том, почему на современной карте мира отсутствует другая страна, ставшая по итогам Второй мировой войны сверхдержавой? Страна, спасшая от «коричневой чумы» саму человеческую цивилизацию, включая Новый Свет, вовсе не благодаря его «бескорыстной помощи»? И почему сегодня в правопреемственной той социалистической (с плановым хозяйством) сверхдержаве «стране с развивающимся рынком» — в России, до сих пор, к слову, формально не погасившей Америке советскую задолженность по ленд-лизинговым поставкам (мы останемся должниками аж до 2030 года!), лишь робко обсуждается проект использования некоего аналога Федеральной контрактной системы США?

Пребывая в таких раздумьях, я, понятно, не мог живо не среагировать на заголовок «*Ленд-лизинговые. Lend-leasing*» случайно замеченного на книжном развале издания. Что за книга и кто автор труда? Надо же, это роман, а написал его

сам Василий Аксенов! Сам культовый писатель-«шестидесятник» с неизменной антисоветской «фигой в кармане», основоположник новаторского «суперинтеллектуального» языка (одна «Затоваренная бочкотара» чего стоила) и герой хрущевской оттепели! Сам кумир «прорабов» горбачевской «перестройки», в одночасье превратившихся на рубеже 1980–1990-х в «великих антисоциалистических революционеров» (формула Г.Х. Попова), да и их сегодняшних последователей — радикально настроенных либералов «оранжевого окраса» (как находящихся во «властной вертикали», так и задирающих их на митингах изрядно подгнивших «перестроечных апельсинов»)!. При чем в аннотации издателей (М.: Эксмо, 2010) сообщается, что читатель держит в руках «последний, неоконченный автобиографический роман Василия Аксенова о его детстве и юности, публикуемый, к огромному сожалению, уже после смерти Автора», что «Ленд-лизовские. Lend-leasing» суть «и финал, и одновременно начало Большого творческого пути, последнее звено в цепи произведений Аксенова, смыкающееся с первыми повестями, принесшими автору успех и любовь миллионов» и что «роман выходит с короткими предисловиями-репликами коллег и друзей Аксенова, каждый из которых вспомнил об авторе что-то очень личное и доброе, словно по кирпичикам воссоздавая образ Аксенова — философа, стилиста, борца и очень обаятельного человека».

С ходу возникло предчувствие: сейчас приобщусь к «обратной феноменологии» аксеновского духа, к «ретротрансформации» современного вальяжного либерального «человека мира», а ранее — гонимого совбюрократами «шестидесятника» в безмерно страдавшего в «ужасные годы Великой Отечественной» (формула авторов аннотации) казанского подростка, уже, однако, получившего — в виде ленд-лизовских продуктов и одежды — вожделенный «гло-

ток англосаксонской свободы». И Аксенов, живописуя исходный пункт своего духовно-интеллектуального становления в качестве будущего выдающегося свободолобца, не обманул ожиданий! Цитирую: «К 1943-му положение (в Казани, жителям которой, как и населению других крупных тыловых городов, по словам Микояна, «перепадало кое-что», остававшееся после поставок ленд-лизовского продовольствия сражавшейся армии. — Ю.Я.) чуть-чуть изменилось в лучшую сторону... По продовольственным карточкам стало возможным иногда получать невиданные доселе продукты: белое мягкое (для намазывания на хлеб) сало — лярд, яичный порошок для омлетов или просто для посыпки поверх сала, мясные консервы, ветчинные консервы с ключом на мягкой металлической ленточке (шофер генерала Мясопьянова показывал нам, как правильно наматывать ленточку на ключик), сгущенное молоко, сухое молоко в пакетах с непонятными английскими надписями, пакетики чая на одну заварку... и т. д. ...Поставки продовольствия в рамках *lend-lease* поднимали общее настроение... народ вроде бы стал понимать, что он не одинок, что о его детях пекутся в далеких странах, как тогда говорили, «свободолюбивого человечества»...

...Я держу в руках дар небес или морей, в общем, того и другого — ботинки из Британского доминиона Канада! Любовно я поднимал эти тяжелые и в то же время мягонькие предметы и наблюдал, как они плывут то парой, то поодиночке. Так я любовался ими, как какими-нибудь великолепными щенками с многообещающим будущим; казалось, они запляшут сейчас, переполненные радостью жизни. Я переворачивал их подошвами вверх и глаз не мог оторвать от неслыханных подошв, на внешней стороне которых, на обеих, во всю ширину красовались рельефные отпечатки герба Британской империи... Разве я мог топтать на этих гордых

гербах по нашим грязным и кочковатым улицам? Не пройдет и месяца, как гербы сотрут. Да и вообще, мое появление в новеньких полноразмерных канадских ботинках вызовет в классе настоящий «шухер». Приблатненные пацаны будут ждать меня за углом и там замастырят «темную». И придется мне пять кварталов бежать босиком домой по зассанному льду. Это в лучшем случае, а в худшем — пощекочут финкарями. Придвинутся рожи с вонючими «фиксатными» пастями — уж столько десятилетий прошло, а все от них тошнит. Нет, эта превосходная заокеанская обувка с металлическими крючками, вокруг которых натягиваются нервующиеся шнурки, — не по мне. Пусть подождут до лучших времен, до открытия второго фронта, скажем... Иной раз я видел во сне, как гербовые ботинки растут год за годом вместе с самим Акси-Вакси (героем романа, от лица ко-его ведется повествование. — Ю.Я.).

Интересно, что в младоватые годы меня снова и как-то по-новому посетили эти гербы. Где-то я прочел ... кое-что новое о нашем российском вечноватом герое Акакии Акакиевиче. Ведь он... передвигался всегда на цыпочках, чтобы сэкономить подошвы. Нет-нет, убеждал я сам себя: вовсе не о подошвах он пекся, а о гербах на подошвах; гербы Британской империи — знаки *lend-lease!*»

Не знаю, что сказала бы, прочитав это, моя покойная бабушка, несколько военных лет кряду проработавшая на лесозаготовках под Москвой и Владимиром, не имея иной, кроме резиновых галош, обуви и получившая в итоге ревматоидный артрит. Скорее всего, она, добрая душа, не поняв, конечно, подтекстной аксеновской «феноменологии канадского ботинка», просто порадовалась бы за осчастливленного заокеанской обувкой «мальчика Акси-Вакси». Но очевидно другое: она, моя скромная геройская бабушка, и все такие, как она, для «мальчика»

(спроецированной на военное прошлое личности «философа, стилиста и борца») суть только элементы (причем уподобляемые «грязным кочковатым улицам» и «...ному льду») той абсолютно враждебной «совковой» среды, которая препятствует «освобождающему» обладанию ботиночным «знаком Запада», блокирует вожаемое единение с ним героя (единение полное, почти интимное: «lend-lease-ботинки» не просто одушевляются, они «растут» вместе с героем). Но продолжу цитирование: «...Тетя Котя явилась с еще одним заокеанским подарком. На этот раз это были штаны! Штаны из Штатов! Соединенные Штаты Америки! Темно-голубые жесткие штаны, простроченные суровыми белыми нитками по всем линиям кроя, то есть вдоль бедер, на зад, на карманах и на помочах с кокеткой. Кое-где в эти швы были вделаны медные неснимаемые кнопки непонятного назначения. Еще более непонятным был кусок кожи, наглухо притороченный к заднему карману. На нем были большие латинские буквы и цифры 1858... Слово «джинсы» пока еще не существовало в вольтерах русского языка. Если считать от 1944-го до 1956-го оно еще 12 лет не появится...»

Читатель, вас еще не затошнило от фетишизации «англо-гербовых lend-lease-ботинок» и американских «протоджинсов», столь органичной для мироощущения «философа и борца» как в его детские и «младоватые», так и в «поздноватые» годы (короче, «вечноватой» для него)? Если нет, процитирую еще один фрагмент «Ленд-лизовских. Lend-leasing», не менее ярко отражающий ментальные поиски аксеновского героя (побывавшего в «военных и послевоенных лет пионерлагерях»): «Быть может, огромные волжские закаты и планеты в зеленеющем небе воодушевляли юнцов и юниц, звали их на Запад, откуда в голодные годы шли к нам корабли ленд-лиза. Атлантика кружила головы

нескольким поколениям красногалстучной пионерии. Официальные патриотические песни недавней войны оставались каким-то нейтральным фоном». Справедливости ради следует отметить необычайную для автора эфемистичность последней фразы, ибо все связанное с Великой Отечественной «официально-патриотическое» в общем случае образует «фон» никак не «нейтральный», а, стоит повторить, агрессивно-враждебный, подавляющий реализацию «lend-lease-сущности» будущего «шестидесятника».

Приведу, наконец, несколько выдержек из открывающих книгу «предисловий-реплик коллег и друзей Аксенова». Так, выявив то главное, что отличает аксеновское творчество в целом — «радостный ожог от соприкосновения с Европой», «шок освобождения», который «ломает речь, кочевряжит язык, порождает стилистического монстра, вычурного, вестернизированного», — писатель Дмитрий Быков продолжает: «И «Ленд-лизовские. Lend-leasing» с его мрачным карнавалом советских типажей, военных и репрессивных трагедий, соседских дразг и кляуз, с воспоминаниями о голоде, страхе, вражде, — переполнен таким счастьем, какое у позднего Аксенова редко найдешь». И далее: «Ленд-лиз — гуманитарная помощь (Да ну! — Ю.Я.), и смысл названия не только в том, что Запад временно полюбил Россию (Ленд-лиз как «временная любовь» — это сильно! — Ю.Я.), закладывая основы будущей шестидесятилетней благодарности Америке (Благодарность неких призванных появиться через 20 лет в России западолюбивых интеллектуалов как мотивация американских поставок Советскому Союзу в 1941–1945 годах? Не бред ли? — Ю.Я.), но и в том, что Аксенов обращается к собственному детству за гуманитарной помощью». Только ли за «гуманитарной»? Гонорары-то за смакование своего изначально антисоветско-прозападного настроения писатель получал немалые!

И было, впрочем, за что щедро вознаграждать создателя и мастера употребления «раскочевряженно-вестернизированного» языкового «монстра». К примеру, за раскрытие с помощью «монстра» метафизической миссии столь знакового воплощения «совка», как построенный «на эковских костях» Беломоро-Балтийский канал: без него не узнать бы будущим титанам либералистской мысли «обжигающей радости соприкосновения с Западом»! Право дело, плыла же по этому каналу «креативная», подарившая России и миру самый феномен *lend-lesing*, нежнейшая ленд-лизинговая ветчина...

А вот еще «перл» — пребывающего в «вечноватом» состоянии «ненависти и презрения к «совку» джазмена Алексея Козлова (похоже, выдувшего в связи с этим остатки мозгов через мундштук своего саксофона): «В книге «Ленд-лизинговые. *Lend-leasing*» не только встает во всем своем ужасе голод военных лет, но и громадная роль помощи союзников, о которой незаслуженно умалчивали и тогда, да и сейчас. Трудно представить, как обернулись бы события во Второй мировой войне, если бы не «Ленд-лиз» и не открытие второго фронта. Василий Аксенов по-своему попытался восстановить справедливость»...

Как же вы все-таки малограмотны, господа «автохтонные» либералы-западники, косноязычно-русскоязычные русофобы-антисоветчики! И как убоги и мелкотравчаты в своих попытках судить о великих и трагических страницах истории народа-Победителя по собственным «мясо-сало-яичным» и «брючно-обувным» представлениям о свободе, демократии, справедливости и счастье! Креста на вас нет! Или — пресловутой официальной комиссии по противодействию фальсификациям отечественной истории?

Тут я, пожалуй, переборщил. Суть, конечно, не в бездействующих (или действующих не в том направлении) комис-

сиях, а в невестребованной совести. Таковая явно заснула у книгоиздателей, решивших в год 65-летия Великой Победы подзаработать на очередном скандальном проекте...

Тем не менее вполне искренне рекомендую всем и каждому ознакомиться с «началом и одновременно финалом Большого творческого пути». Но — только вкупе с освоением книги Рыжкова (по предложенным выше ориентирам, созвучным с акцентами Е.М. Примакова — автора второй вступительной к ней статьи)! И тогда, надеюсь, бо́льшая часть читателей согласится с моими оценками опусов доморощенных активистов «постхолодной войны» (а то и сформулирует еще более жесткие собственные оценки). В этой надежде, собственно, и смысл разросшегося «постскриптума».

* * *

Столь пристальный исследовательский интерес предпоследнего премьера СССР к событиям Великой Отечественной, к главным экономическим факторам Победы прежде всего, конечно, не случаен. Речь ведь идет о тех самых факторах (о потенциале народнохозяйственного планирования в первую очередь), позднесоветские ипостаси которых правительству Рыжкова так и не удалось, реформируя, использовать для спасения социалистической экономики от ударов пресловутой горбачевско-яковлевской «перестройки». Не развивая этот безусловно чувствительный (а говоря без экивоков — мучительный) для Николая Ивановича сюжет, отмечу и мотивы сугубо биографические: он сам пережил военные и восстановительные годы, в 1941-м ему было двенадцать, а в 1945-м — семнадцать лет, и в память впечатались как некоторые события первой половины «сороковых, роковых», включая реальности оккупации родного Донбасса, так и приметы жизни послевоенного Урала.

В одной из наших бесед он поведал, в частности, о своих — молодого уралмашевского сменного мастера — впечатлениях от встречи с пленными немцами, которые после войны работали в Уральском регионе и затем, понятно, при организационной и материальной поддержке своего правительства, репатриировались в Германию: «Помню, как однажды мы с женой после смены, усталые, немывтые, в телогрейках, зашли в кафе, где сидели и громко, с характерным гортанным выговором, общались хорошо одетые, веселые и, судя по всему, довольные судьбой люди, явно предвкушавшие неплохие жизненные перспективы по возвращении в фатерланд. Сцена, честно говоря, «резанула»: после Победы наши люди живут крайне тяжело, хотя «пашут» пуще прежнего, а эти... Так что обсуждаемый ныне вопрос о «разных судьбах победителей и побежденных» для меня, мягко говоря, не новый...»

Вообще, если мне когда-нибудь удастся написать о Николае Ивановиче Рыжкове нечто монографическое, то одной из главных сюжетных линий будет отношение героя книги к войне и к поддержанию памяти о ней. Так, с особой увлеченностью Николай Иванович рассказывает о таком замечательном своем поприще, как руководство вот уже в течение без малого 20 лет попечительским советом мемориального комплекса «Прохоровское поле» в Белгородской области, созданного для увековечения памяти о величайшем в истории Второй мировой войны танковом сражении. В составе комплекса ныне — памятник Победы («Звонница»), величественный храм Петра и Павла, Дом ветеранов, культурно-исторический центр, Музей боевой славы Третьего ратного поля России, танковые и оружейные экспозиции под открытым небом, многочисленные скульптурные композиции. С 1995 года при мемориале существует, активно работает и обретает все бóльшую популярность в общероссийских

масштабах детище Николая Ивановича — публичная «Библиотека Н.И. Рыжкова»...

Здесь я сознательно забежал вперед, памятуя, что в свободно-очерковом жанре хронологическая нестрогость и фрагментарность изложения в общем случае не противоречат задаче систематически-последовательного ознакомления читателей с биографией героя. Поскольку же в данном конкретном случае ее вехи «телеграфно» обозначены в самом начале издания автором книги, остается лишь чуть развернуть и «оживить» этот «сухой» автобиографический перечень, акцентированно прокомментировать (разумеется, с учетом изложенного выше) ключевые, сопряженные с историческими судьбами страны события жизни и деятельности Н.И. Рыжкова.

Будущий премьер родился 28 сентября 1929 года в Донецкой области в семье потомственных шахтеров. Сын и внук представителей трудной и опасной шахтерской профессии, он с детства относился к ней с уважением, но собственный жизненный путь решил связать с машиностроением. После окончания Краматорского машиностроительного техникума, а затем и Уральского политехнического института имени С.М. Кирова молодой специалист по собственной просьбе распределяется на Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ). В течение четверти века (в период 1950–1975 годов) Н.И. Рыжков трудится на этом знаменитом советском машиностроительном гиганте, пройдя все ступени заводского профессионального и карьерного роста, начиная с мастера; в 1965–1970 годах он — главный инженер, в 1970–1971-х — директор завода, а в 1971–1975 годах — генеральный директор производственного объединения «Уралмаш» (к 1971 году, кстати, относится первое его выступление в нашей газете — в рубрике «Трибуна ди-

ректора»^{*}). На всех этих постах Николай Иванович проявил себя в первую очередь как грамотный, способный и инициативный инженер, талантливый организатор производства, ориентированный на освоение новейших достижений науки и техники. За личное участие в разработке и внедрении на УЗТМ новейших технологий он был дважды удостоен Государственной премии СССР. В 1969 году — за руководство созданием крупнейшего в Европе блока цехов сварочных машиностроительных конструкций (технологическая часть которого была разработана совместно с Украинским институтом имени Е.О. Патона и являлась в то время передовой в мировой практике), а в 1979 году — за разработку и создание первых в Советском Союзе криволинейных установок непрерывной разливки стали.

В период директорства Рыжкова предприятие превратилось в ведущее научно-производственное объединение страны, выпускавшее уникальную машиностроительную продукцию, хорошо известную и востребованную не только в СССР, но и далеко за его пределами. Под непосредственным руководством директора кардинально обновилось техническое и технологическое оснащение «Уралмаша» и начал эффективно функционировать Научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения. Особое внимание уделялось развитию кадрового потенциала: высококвалифицированные кадры готовились в заводском профессионально-техническом училище (одном из лучших ПТУ в стране), в машиностроительном техникуме при заводе (и филиале Уральского политехнического института). Значительные ресурсы выделялись на решение социальных

^{*} Подробно этот вклад характеризуется в моей вступительной статье к книге (см.: Якутин Ю.В. Союзнические поставки как фактор Великой Отечественной, предмет «холодной» и «постхолодной» войн. В кн.: Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. — М.: ИД «Экономическая газета», 2012). Статья была воспроизведена в № 1 «Российского экономического журнала» за 2012 год.

проблем работников и улучшение условий их труда и отдыха, энергично велось жилищное строительство.

В 1975 году Н.И. Рыжков был переведен в Москву — на должность первого заместителя министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР; ему поручалось руководить производством специальной техники, в том числе ракетно-космической, а также развитием конструкторского и технологического потенциалов отрасли. А в 1979 году последовало новое назначение — первым заместителем председателя Госплана СССР (в ранге министра), причем, кроме решения текущих вопросов, Николай Иванович стал курировать разработку документов, касавшихся социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе, а также процессов внедрения новых экономических механизмов организации и управления народным хозяйством.

Энергичная деятельность Рыжкова в Минтяжмаше и Госплане СССР обратила на себя внимание нового (сменившего скончавшегося Л.И. Брежнева) генсека ЦК КПСС Ю.В. Андропова, по инициативе которого в ноябре 1982 года Николай Иванович был избран секретарем ЦК и назначен заведующим экономическим отделом центрального аппарата. На новом участке работы он непосредственно участвовал в подготовке концепции реформирования советской экономики, перестройки системы отраслевого и территориального управления, совершенствования механизмов взаимодействия «центра» с союзными республиками, краями и областями. Заслуживает упоминания и тот факт, что именно по инициативе экономического отдела ЦК КПСС были сняты многие ограничения, мешавшие развитию в стране коллективных садоводства и огородничества.

В 1985 году «с подачи» возглавившего партию М.С. Горбачева Н.И. Рыжков стал Председателем Совета Министров

СССР, сразу же определив такие приоритеты своей деятельности, как структурная перестройка экономики и повышение ее эффективности, поэтапная передача ряда функций управления народным хозяйством «на места» и усиление роли трудовых коллективов в принятии управленческих решений на хозрасчетных предприятиях. Особо стоит отметить огромную работу, проделанную новым главой союзного правительства после каждого из звеньев цепи трагических событий, обрушившихся тогда на страну. В конце апреля 1986 года, сразу же после аварии на Чернобыльской АЭС, Николай Иванович принял на себя руководство штабом по ликвидации ее последствий; многократно выезжая в зону Чернобыля, в прилегающие области Украины и Белоруссии, он, по свидетельству ликвидаторов аварии, в том числе академика В.А. Легасова, внес значительный вклад в организацию работ по устранению последствий этой чудовищной техногенной катастрофы. С именем предпоследнего руководителя советского правительства связана также организация спасательных и восстановительных работ в Армении, пострадавшей от разрушительного землетрясения в декабре 1988 года. Уже на следующий день после этой катастрофы Рыжков с группой ответственных работников прибыл на место трагедии и руководил мобилизацией ресурсов и средств для восстановления разрушенных стихией городов и сельских поселений; оставаясь в Армении в течение двух месяцев, он постоянно находился в разрушенных Ленинакане, Спитаке, Кировакане и других городах и сельских районах республики. А в 1989 году ему пришлось решать тяжелые и необычные для советских реальностей задачи — гасить кровавый межнациональный конфликт, спровоцированный в узбекской Фергане радикально настроенными националистами и уголовными эле-

ментами, а также умиротворять забастовавших шахтеров Кузбасса и других регионов.

Во всех этих трагических и нестандартных ситуациях проявились лучшие человеческие и организаторские качества Н.И. Рыжкова. Его неподдельное стремление помочь пострадавшим, а главное — способность четко и квалифицированно «разруливать» гуманитарные и прочие последствия техногенных и природных катастроф, социальных эксцессов снискали премьеру заслуженное уважение советских людей. А в Армянской ССР он сразу же стал кумиром, и позже, уже в постсоветскую эпоху, глубокая благодарность народа была выражена установлением в Спитаке бюста Рыжкова и присвоением Николаю Ивановичу звания Национального героя Армении (соответственно к 10-летию и 20-летию землетрясения).

Возвращаясь к собственно реформаторской деятельности предпоследнего руководителя высшей исполнительной власти СССР, важно подчеркнуть: хотя с именем Н.И. Рыжкова ныне прочно связывается появление законов о госпредприятии, об аренде, кооперации и индивидуальной трудовой деятельности, он неизменно занимал в обстоятельствах горбачевской «перестройки» особую позицию — оставался последовательным и убежденным сторонником социалистического вектора социально-экономического развития страны, мыслил в категориях «обновления социализма». Он, стоит в очередной раз констатировать, настаивал на необходимости постепенного, поэтапного перехода к рыночной экономике, причем именно регулируемой и социально ориентируемой, предполагающей сохранение системообразующих функций государства в управлении хозяйственной деятельностью. Рыжков резко выступал против искусственного форсирования процессов перехода к рынку, а также против тех извращений изначальной идеологии названных

выше новых законодательных актов, которые (с использованием ложной трактовки лозунга «ускорения») сознательно реализовывались противниками совершенствования социализма «в центре» и «на местах». Уже тогда становилось очевидным, что благодаря усилиям оголтелых «рыночников», называвших себя демократами и либералами, такие хозяйственные новации, как «самофинансирование переводимых на полный хозрасчет предприятий», «аренда», «кооперация», «производственная демократия» и т. п., не только не становились факторами укрепления и обновления социализма, но и прямо использовались в качестве инструментов насаждения «дикого капитализма», массового разворовывания государственной собственности, разнузданной спекуляции, разрушения производственных коллективов, беспрецедентного социального расслоения населения страны.

Глава советского правительства четко осознавал всю губительность для страны эскалации подобного «перестроечного» курса, реально перерождавшегося в то, что ныне именуют «Великой антисоциалистической революцией рубежа 1980–1990-х годов». Его позиция по ключевым вопросам стратегии социально-экономического развития Советского Союза разошлась с позицией М.С. Горбачева и его единомышленников в составе Политбюро ЦК КПСС. Нельзя не напомнить о том, что Н.И. Рыжков стал непримиримым оппонентом авторов и адептов сугубо волюнтаристской, авантюристической по своей сути программы «перехода к рынку за 500 дней», заявляя, что подобная деструктивная политика не может не привести к развалу экономики и государства. Из-за своего принципиального несогласия с навязываемым стране курсом экономических и политических реформ Николай Иванович с января 1991 года ушел в отставку с поста Председателя Совета Министров СССР.

Н.И. Рыжков многократно избирался в парламент — и в советские годы, и в постсоветский период. Он был депутатом Верховного Совета СССР (1974–1989), депутатом Верховного Совета РСФСР (1986–1990), народным депутатом СССР (1989–1991). С декабря 1995 по сентябрь 2003 года вернувшийся в большую политику Рыжков — депутат нижней палаты Федерального Собрания РФ, причем до декабря 1999 года — глава депутатской группы «Народовластие» и член Совета Государственной Думы. В его политическом активе — руководство Комиссией по содействию Союзной Республике Югославии в преодолении последствий агрессии НАТО, а также Межпарламентской комиссией по сотрудничеству Федерального Собрания РФ и Национального Собрания Республики Армения. С сентября 2003 года он — член Совета Федерации от Белгородской области, председатель Комиссии по естественным монополиям (до ноября 2012 года) и член Комитета по местному самоуправлению.

Многогранна общественная деятельность Николая Ивановича. Среди ее составляющих — упомянутое попечительство в отношении мемориала «Прохоровское поле», а также работа в качестве главы попечительского совета по увековечению памяти жертв армянского землетрясения, руководство функционирующим с 1994 года Московским интеллектуально-деловым клубом («клубом Рыжкова»). Вот уже в течение многих десятилетий он занимается научной работой. Действительный член ряда отечественных и международных академий Н.И. Рыжков — автор двух монографий и более 200 других публикаций по техническим наукам и экономико-управленческим вопросам, дважды удостоенный, как уже констатировалось, Государственной премии СССР. И самых высоких премий России он заслуживает (на мой небеспристрастный, конечно, взгляд) за свои охарактеризованные выше историко-экономические

изыскания, воплощенные в фундаментальных книгах о Великой Отечественной войне.

С начала постпремьерского этапа своей жизни Николай Иванович активно занялся публицистикой, ярко и компетентно освещая различные социально-экономические и политические аспекты произошедшего на рубеже двух веков разлома отечественной истории: уже в 1992 году увидела свет книга «Перестройка: история предательств» (М.: Новости), затем последовали такие книжные издания, как «Я из партии по имени «Россия» (М.: Обозреватель, 1995), «Десять лет великих потрясений» (М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995), «Возвращение в политику» (М.: РАУ-Университет, 1998) и др. А в последние годы публицистическая деятельность стала для Рыжкова одним из приоритетов, свидетельство чему — выпущенные в популярных издательствах «Вече» и «Эксмо» объемистые книги «Трагедия великой страны» (2007), «Главный свидетель» (2009) и «Премьер» (2011), равно как и брошюра «Размышления о прошлом, настоящем и будущем», совсем недавно увидевшая свет в нашей корпорации (М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012). Уже сами заглавия большинства перечисленных произведений указывают: представленные в них соображения о настоящем и будущем России, адресуемые широкой читательской аудитории, неизменно базируются на анализе конкретного хода, причин и последствий гибели советского социализма и распада СССР.

Этот ряд публикаций, так или иначе отражающий «крупные» вехи биографии Н.И. Рыжкова, достойно, на мой взгляд, пополняется его новой книгой «На рубеже эпох. Размышления». В ней собраны и сопровождаются новыми комментариями материалы разных лет (1995–2012), в своей совокупности раскрывающие представления автора об органической сопряженности современных российских

проблем с нашим недавним прошлым, а главное — о необходимости учитывать это единство при определении путей дальнейшего развития страны. Взяв в качестве эпиграфа первой части книги слова Анатоля Франса «Будущее — в настоящем, но будущее — и в прошлом», Николай Иванович делится с читателями результатами многолетних раздумий о судьбах России и связи времен, о нашей национальной идее, трактуемой как обеспечение социальной справедливости. Содержательна и исключительно полезна, особенно для молодых читателей, с моей точки зрения, и вторая часть книги: с позиций не просто очевидца, но и непосредственного участника в ней описывается и анализируется ряд конкретных исторической значимости событий в стране и мире, происходивших на рубеже социалистической и постсоциалистической эпох. Речь идет о сюжетах, обозначаемых словами «Чернобыль» и «Спитак». О «сдаче» ГДР. О югославской трагедии и других, включая идеологические, аспектах и последствиях той грандиозной геополитической катастрофы, которую явил собой распад Советского Союза...

Озаглавив одну из своих книг «Я из партии по имени «Россия», Николай Иванович предпослал другому подготовленному им изданию следующие слова поэта Владимира Солоухина:

*Когда Россию захватили
И на растленье обрекли,
Не все России изменили,
Не все в предатели пошли.*

Рыжков — не пошел, да и не мог пойти. Он — один из тех немногих во всей отечественной истории премьеров (их имена читатель легко назовет сам), кто не словами, а дела-

ми доказал свою корневую принадлежность России, явил пример ревностного служения ей. Это служение составляет и суть всей его послепремьерской деятельности: политической и общественной, научной и публицистической. Николай Иванович Рыжков делает все от него зависящее, чтобы вернуть России величие, а нашему народу — достойную жизнь. Он влюблен в Россию, если так позволительно выразиться, на всю ее национально-историческую глубину. Лежащая перед читателем книга — очередное тому свидетельство, и в ее успехе я не сомневаюсь.

Дмитрий Валовой: «После ликвидации политэкономии экономика заблудилась в океане спекуляций и афер»*

Недавно в Москве в рамках юбилейной программы мероприятий, посвященных 250-летию Вольного экономического общества России, и по итогам Всероссийского конкурса кафедр и образовательных программ «Экономика и управление — 2014» состоялся Всероссийский экономический форум «Политэкономия: формулируем предмет исследования», на котором обсуждались вопросы о судьбе политэкономии как научной и как вузовской дисциплины (сообщение об этом опубликовано в «Российском экономическом журнале», № 2, 2015). Продолжая тему судьбы политэкономии, редакция попросила одного из участников форума, доктора экономических наук, профессора Дмитрия Васильевича Валового высказать свое мнение о необходимости реабилитации политэкономии, ответить в связи с этим на возникающие здесь вопросы, в том числе на вопросы, приходящие в редакцию нашей газеты.

Дмитрий Васильевич, в своих работах вы постоянно подчеркиваете важное значение политэкономии как методологической и теоретической базы решения актуальных проблем современной экономики. В своей новой, недавно вышедшей книге «Деловая история» (М.: ООО «ТД Алгоритм») вы опять возвращаетесь к этой проблеме, показываете те неизбежные громадные ошибки в экономической

* Еженедельник «Экономика и жизнь», № 27, 2015. Беседа Ю.В. Якутина с Д.В. Валовым, профессором-консультантом кафедры экономической теории социально-экономического факультета Академии труда и социальных отношений, доктором экономических наук, участником Всероссийского экономического форума, на тему «Политэкономия: формулируем предмет исследования». Форум состоялся 10 июня 2015 года в Каминном зале Дома экономиста в Москве в рамках юбилейной программы мероприятий, посвященных 250-летию ВЭО России и по итогам Всероссийского конкурса кафедр и образовательных программ «Экономика и управление — 2014».

науке и хозяйственной практике, к которым ведет наблюдающаяся ныне повсеместная недооценка политэкономии. Успех лечения любой болезни во многом зависит от правильного диагноза. В чем, на ваш взгляд, причина «ликвидации» экономической науки и прежде всего ее основы — политэкономии?

Дмитрий Валовой: «Зри в корень!» — советовал незабвенный Козьма Прутков. Если мы заглянем в корень, то увидим, что на первом этапе развития капитализм был прогрессивным и содействовал бурному росту производительных сил. Возникшее в ту пору новое светское учение — либерализм как антипод оплота монархических режимов — консерватизма было идейным знаменем буржуазных революций. Но когда капитализм стал господствующей мировой системой, он начал перерождаться из производительного в спекулятивно-мошеннический. Вместе с ним, подобно свифтовским йеху, вырождались и либералы. Ныне неолиберализм стал идейным знаменем реакционных «цветных революций» и «майдапов» по разрушению государств, неудобных вашингтонскому режиму, претендующему на мировое господство.

В процессе перерождения капитализма и вырождения либерализма началась вульгаризация экономической науки. В этой связи К. Маркс предупреждал: «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теория, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой».

Таким образом, наука оказалась «под колпаком» апологетов капитала. Все, что не содействовало увековечиванию капитализма, осуждалось как ересь. Вот как об этом свидетельствует Дж. Гэлбрейт: «Бизнесмены и их политические

и идеологические прислужники наблюдали за экономическими факультетами и быстро настигали ересь, каковой было все то, что, казалось, угрожало святости собственности и прибылям или что включало симпатию профсоюзам, общественной собственности, общественному регулированию или в любой организационной форме — беднякам».

В процессе перерождения капитализма началось бегство капитала за более высокой прибылью из реальной экономики в сферу рыночных спекуляций и махинаций. Это вело к падению темпов экономического роста. Как замаскировать этот процесс? И тогда неоклассик-либерал Д.Б. Кларк, по его словам, «ради спасения капитализма» вульгаризировал вывод классиков политэкономии о том, что источником богатства является производительный труд, то есть труд, создающий товары или производительные услуги. Кларк предложил считать все виды труда производительными. Чем выше доходы, тем производительнее труд.

В итоге рыночные спекулянты и мошенники стали не только легитимными, но и лидерами «производства» ВВП, который сродни «новой одежде» для короля сказочных андерсеновских мошенников. Сельское хозяйство в структуре ВВП США занимает 1,5%, а финансы, страхование и операции с недвижимостью — 46,5%. Поэтому в США представлена продукцией материального производства лишь четверть ВВП.

К сожалению, вопросы научно обоснованного разграничения производительного и непроизводительного труда не привлекают внимания современных корифеев экономической науки, прямо-таки загнипнотизированных всеобщим поклонением экономиксу. В России теперь тоже ВВП измеряется неолиберальным методом...

Лидерами по темпам роста ВВП являются финансовая деятельность, операции с недвижимостью, гостиницы, рестораны, шоу-бизнес, госуправление. В 1989 году в реальной экономике России создавалось 78% ВВП, а в 2014-м — 45%. Известный русский ученый Д.И. Менделеев доказал: «Подлинная наука начинается лишь тогда, когда начинают измерять. Без меры нет науки».

Дмитрий Васильевич! Линкольн как-то сказал: «Можно дурачить часть народа все время, можно дурачить весь народ некоторое время, но нельзя все время дурачить весь народ». Порочность либерально-рыночной модели экономики проявляется все более убедительно. Почему же неолибералам удается так долго дурачить почти весь мир?

В этой связи невольно вспоминается Алишер Навои: «Скажу тебе: средь вырожденцев земных / В особенности три породы гадки — / Безмозглый шах, скупой богач, / Ученый муж, на деньги падкий».

Заслуги ученых, «на деньги падких», в ликвидации экономической науки трудно переоценить. В «Деловой истории» я пишу о том, что известный неоклассик-либерал А. Маршалл предложил вообще ликвидировать политэкономия. Политэкономия состоит из трех греческих слов: *politeia* — общественное, *oikos* — хозяйство, *nomos* — закон. Иначе говоря, это наука о законах развития общественного хозяйства. Вместо политэкономии Маршалл ввел бессмысленное на всех языках понятие — *economics*. По сути, оно смахивает на «комикс». Мой друг, лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев называл *economics* «выкидышем» экономической науки. Другой нобелевский лауреат П. Самуэльсон свою негативную оценку завершил так: «Экономикс — это инструкция по извлечению максимальной прибыли». По определению Дж. Гэлбрейта, «экономикс перестает быть наукой».

Мошенничество в накручивании липового ВВП загнало глав государств в ловушку: измеряя рост экономики нелиберальным «метром», они невольно содействуют ускорению развала мирового хозяйства.

В «Деловой истории» я на конкретном материале показал, что США, будучи паразитом и банкротом, неуклонно «богатеют». Это происходит благодаря извращению содержания понятия «национальное богатство». К стоимости произведенных материальных и природных ресурсов нелибералы добавляют сумму финансовых активов — валюту, депозиты, акции и разнообразные ценные бумаги. Прожектеры еconomics извратили фундаментальные категории политэкономии.

Представляя западные прожекты «высшим достижением цивилизации», Гайдар с присущим ему «шоковым методом» устроил погром кафедр политэкономии. Под риторику «деидеологизации науки» научная система экономического образования была ликвидирована. Духовные наследники Гайдара, мауисты-ясинцы просто балдеют перед западными «ценностями», где подготовка экономических невежд и мошенников доведена до совершенства. О планах в этой сфере поведал ректор университета «Высшая школа экономики» Я. Кузьминов на Гайдаровском форуме: «Что касается высшего образования, то в перспективе произойдет вытеснение отечественных институтов иностранными». Разве в здравом уме и трезвом состоянии можно себе это представить?

После ликвидации политэкономии и в России экономиксы приобрели официальный статус. Но ряд ученых выступает за реабилитацию политэкономии. Вы по-прежнему считаете возврат к политэкономии актуальным?

В конце 90-х годов коллектив авторов Академии труда и социальных отношений издал учебник «Политэкономия»

под моей редакцией. В 2002 году второе издание нашего учебника было удостоено премии Правительства Российской Федерации в области образования. Но две попытки, моих и группы известных ученых, восстановить в государственных стандартах политическую экономию как общетеоретическую дисциплину и как науку в российской классификации наук натолкнулись на упорное сопротивление неолибералов во власти.

Увы! «Выкидыши» торжествуют! И теперь уже по госстандарту обучение студентов невежеству и мошенничеству по образу и подобию Запада поставлено на поток.

Д.И. Менделеев утверждал: «Теория — это душа науки, а практика (опыт) — тело науки. Без теории легко заблудиться в океане мыслей и фактов». Политэкономика — это теоретическая наука экономики. После ликвидации этой науки экономика заблудилась в океане спекуляций и афер. Ежедневная сумма сделок на финансовых рынках составляет треть годового оборота мировой торговли. Но только 3–4% сделок отражают реальное движение товаров и услуг. Все остальное — спекуляции, мошенничество и аферы. В таких условиях крах мирового экономического «порядка» — это дело техники и времени. О создании новой мировой финансово-экономической системы без использования объективных экономических законов, которые исследует политэкономика, не может быть и речи. Поэтому задача реабилитации политэкономики ныне является архиактуальной.

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

в совместном издании с Международным Союзом экономистов

Том сорок первый. Часть 1

Ю.В. Якутин. Великая Россия: потенциал и стратегия развития

16+

Информационно-аналитическое издание
для членов Международного Союза экономистов
и Вольного экономического общества России

Москва, 2015

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом
России — 125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Отпечатано в типографии
ЗАО «Новые печатные технологии»
тел.: + 7 (495) 223-92-00
info@web2book.ru, www.web2book.ru

Подписано в печать 22.09.2015. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1343.

Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 49,5.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000

Подписной индекс — 10920
в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Ю.В. Якутин, 2015

© Вольное экономическое общество России, 2015

© Международный Союз экономистов, 2015

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

in a joint publication with The International Union of economists

Volume forty one. Part 1

16+

Information and analytical edition for members of
the International Union of economists
the Free economic society of Russia

Moscow, 2015

Published by the Free economic society of Russia
#22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Passed for printing 22.09.2015. Order № 1343.

Circulation: 1000 copies.

Printed by «New Printing Technologies»

Moscow, 2nd Kotlyakovskoe str. 18

+ 7 (495) 223-92-00

info@web2book.ru, www.web2book.ru

The certificate of Mass-media registration — PI № 77-3786 20.06.2000.

License for publishing activities — ID № 01775 11.05.2000.

Subscription code 10920 in the Catalogue
of Russian press by Russian Post.

© Y. Yakutin, 2015

© The Free economic society of Russia, 2015

© The International Union of economists, 2015